КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ“.

О. ПИРЛИНГЪ.

РОССІЯ
И
ПАПСКІЙ ПРЕСТОЛЪ.

Переводъ съ французскаго В. П. ПОТЕМКИНА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Русскіе и Флорентійскій соборъ.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XII-24061
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ

МОСКВА 1912 г.

МОСКВА.
Печатня А. Л. Будо, Мясницкая, 20. Телеф. 188-49.
1912.

ВВЕДЕНІЕ.

Конецъ минувшаго столѣтія ознаменованъ былъ цѣлымъ рядомъ важныхъ событій, которыя расширили область многовѣковыхъ сношеній Русскаго государства съ Римомъ и внесли въ нее совершенно новый духъ. Вопросы, обсуждавшіеся нѣкогда развѣ лишь на берегахъ Вислы, стали предметомъ самаго серьезнаго вниманія со стороны государственныхъ людей Петербурга. Вслѣдствіе вмѣшательства этихъ элементовъ, подъ давленіемъ неодолимой силы историческихъ обстоятельствъ, Ватикану волей-неволей пришлось принять участіе въ горячихъ схваткахъ, отъ исхода которыхъ зависѣли вѣра и будущность цѣлыхъ народовъ. Однако, какъ бы ни измѣнились задачи и принципы русской политики, исконныя традиціи, примѣры прошлаго, его завѣты и воспоминанія по прежнему продолжали оказывать свое воздѣйствіе на жизнь. Ими же, въ значительной степени, опредѣлялись направленіе и результаты дипломатическихъ переговоровъ. Вотъ почему, обращаясь къ современности, напрасно стали бы мы искать только въ ней одной объясненія того, что мы видимъ нынѣ передъ собою; вотъ почему допустили бы мы серьезную ошибку, не призвавъ для этой цѣли свидѣтельства минувшихъ вѣковъ. Вѣдь, именно, въ прошломъ находимъ мы чаще всего ключъ къ загадкамъ настоящаго.

Особенно важнымъ и плодотворнымъ оказывается такое ретроспективное изслѣдованіе съ тѣхъ поръ, какъ неисчерпаемыя сокровища итальянскихъ архивовъ сдѣлались, наконецъ, достояніемъ гласности, или, по крайней

мѣрѣ, подверглись болѣе тщательной разработкѣ. Одинъ за другимъ изъ тьмы вѣковъ начали выходить на свѣтъ свидѣтели минувшихъ временъ. Отмѣчая ихъ появленіе, мы уже посвятили цѣлый рядъ монографическихъ этюдовъ исторіи сношеній Рима съ Москвою. Теперь мы приступаемъ къ сводкѣ всѣхъ этихъ матеріаловъ. Разумѣется, насколько возможно, мы постарались восполнить главные пробѣлы и собрать воедино данныя, разбросанныя повсюду.

Прежде, нежели обратиться къ собственному предмету нашего изслѣдованія, необходимо, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, охарактеризовать традиціонную политику римской Куріи по отношенію къ московскимъ государямъ и польскимъ королямъ. Изучая интересующія насъ явленія въ ихъ зародышѣ, мы, естественно, расширимъ рамки своего изложенія. Такъ выяснимъ мы себѣ историческіе пути папства на Востокѣ, и опредѣлимъ, каковы были достигнутые здѣсь Куріей результаты.

I.

Жизненный интересъ исторіи заключается въ анализѣ событій, въ сближеніи прошлаго съ настоящимъ и въ изслѣдованіи тѣхъ факторовъ, которые самымъ повелительнымъ образомъ направляютъ ходъ историческаго процесса. При такомъ пониманіи задачъ и методовъ нашей науки, мы, конечно, не можемъ игнорировать тѣхъ отвлеченныхъ доктринъ, которыми въ свое время руководилась политика Куріи. Изучая отношенія папства къ націямъ, чуждымъ католицизма, мы убѣждаемся, что догматическій моментъ игралъ здѣсь чрезвычайно важную роль. Мірскіе интересы Ватикана постоянно переплетались съ мечтами о соединеніи Церквей. Это явленіе неизмѣнно наблюдается въ исторіи римско-византійскихъ отношеній. То же самое видимъ мы

и въ древней Руси. Поразительная аналогія, еще не оцѣненная, быть можетъ, должнымъ образомъ.

Вспомнимъ эпоху крестовыхъ походовъ. Уже тогда, въ пору эфемернаго существованія Латинской имперіи, когда все бряцало оружіемъ, когда умы современниковъ всецѣло, казалось, поглощены были задачей освобожденія Іерусалима и торжества надъ Исламомъ, раздался этотъ призывъ къ примиренію восточной Церкви съ западной. Условія соглашенія были уже предложены Византіи... Но зачѣмъ уходить столь далеко въ прошлое? Обратимся къ болѣе позднимъ временамъ. Воскресимъ въ своей памяти тотъ періодъ исторіи, который ознаменованъ былъ двумя церковными соборами—Ліонскимъ и Флорентійскимъ.

Беззащитные противъ напора мусульманъ, тѣснимые королемъ Сициліи, Карломъ Анжуйскимъ, угрожаемые низложеннымъ императоромъ, Балдуиномъ II, византійскіе кесари взывали къ Западу о помощи. Обращаясь къ римскимъ первосвященникамъ, они указывали имъ на ту опасность, которая создастся для всего христіанскаго міра, если крайній оплотъ его на берегахъ Босфора падетъ подъ натискомъ невѣрныхъ. Нѣсколько разъ послы Михаила Палеолога являлись въ Римъ съ такими представленіями. Папы выслушивали ихъ весьма сочувственно. Они обѣщали возбудить благочестивое рвеніе своей паствы и призвать ее на помощь Византіи. Но при этомъ они предлагали греческой Церкви забыть времена Фотіевъ и Керуларіевъ и вернуться къ счастливой порѣ Аѳанасіевъ Великихъ и Златоустовъ, которые исповѣдывали ту же вѣру, что и Римъ, и въ лицѣ первосвященника западной Церкви чтили главу всего христіанскаго міра. Григорій X счелъ данный моментъ настолько благопріятнымъ для своихъ цѣлей, что въ 1274 году созвалъ церковный соборъ въ Ліонѣ. Здѣсь должны были подвергнуться принципіальному обсужденію условія предстоящаго соглашенія съ Византіей. 6 іюля того же 1274 года, между восточной и западной Церквами былъ торжественно заключенъ миръ. Греки признали вер-

ховную власть папы и принесли ему присягу въ вѣрности. Однако, союзъ этотъ оказался слишкомъ непрочнымъ. Ему не удалось пережить императора Михаила. Возгорѣлись вновь ожесточенные и страстные споры, надолго раздѣлившіе христіанскій міръ на два враждебныхъ лагеря.

Отъ времени до времени, впрочемъ, противныя стороны заключали между собою перемиріе. Это бывало тогда, когда опасность со стороны турокъ пріобрѣтала особенно угрожающій характеръ. Въ такіе моменты взоры греко-православныхъ людей съ тоской обращались къ Западу, какъ къ послѣдней надеждѣ. Мысль о примиреніи съ Римомъ, естественно, вновь и вновь выступала на сцену. Около половины XV вѣка мы слышимъ со стороны грековъ уже не только настоятельные призывы, не однѣ усердныя просьбы о денежныхъ субсидіяхъ, какъ то бывало раньше. Нѣтъ, съ береговъ Босфора несется къ Западу настоящій вопль отчаянія. Греки уже чувствуютъ себя въ смертоносныхъ объятіяхъ Ислама. Все кругомъ захвачено мусульманами. Держится одна только столица. Но и ей грозитъ неминуемая гибель, отъ которой спасти Византію можетъ только чудо. Императоръ Іоаннъ Палеологъ неотступно взываетъ къ римскимъ первосвященникамъ о помощи. Идя навстрѣчу мольбамъ восточнаго кесаря, глава римской Церкви созываетъ соборъ въ Феррарѣ. Затѣмъ слѣдуетъ новый соборъ—во Флоренціи. Виссаріонъ Никейскій и Исидоръ Кіевскій исчерпываютъ здѣсь всѣ средства своего таланта на защиту греко-православной Церкви. Въ 1439 году папа Евгеній IV издаетъ буллу о единеніи Церквей и призываетъ западныхъ государей поспѣшить на выручку Византіи, которая уже бьется въ агоніи. Однако, ни его голосъ, ни авторитетъ преемника его, Николая V, не могли спасти восточной столицы. Безсильнымъ оказался и весь героизмъ императора Константина. Судьба предназначила Византіи сдѣлаться центромъ турецкаго владычества.

Послѣ паденія Константинополя мусульмане начали угрожать Адріатикѣ и самой Италіи. Борьба съ Исламомъ,

естественно, стала одной изъ главныхъ заботъ римскихъ первосвященниковъ. При такихъ условіяхъ, сношенія Куріи съ Москвою подсказывались самими обстоятельствами. Нужно было противопоставить полчищамъ невѣрныхъ несокрушимую силу соединенныхъ христіанскихъ государствъ. Такъ можно было сдержать движеніе потока, грозившаго волнами своими залить Европу. Папы искали союзниковъ повсюду. Понятно, что они не могли оставить безъ вниманія могущественныхъ государей Русской земли. Но здѣсь мы обязаны отмѣтить, что, при всемъ разнообразіи внѣшнихъ историческихъ условій, религіозная политика Рима въ сношеніяхъ съ Москвой оставалась, въ сущности, неизмѣнной. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе Руси было совсѣмъ не то, что Византіи. Грозный врагъ не заносилъ надъ сѣверной державой своей сокрушительной десницы. Поэтому не великіе князья обращаются къ Риму, а скорѣе сами папы ищутъ союза съ ними. На Западѣ извѣстно, что русскіе государи располагаютъ огромной военной силой,—и, вотъ, римскіе первосвященники уже мечтаютъ—двинуть эту лавину на защиту христіанскаго міра. Что же предложитъ Римъ московскимъ государямъ въ награду за такую помощь? Королевскую корону, почетный титулъ, содѣйствіе въ мирныхъ сношеніяхъ Москвы съ Западомъ... Порою, да и то лишь въ рѣдкихъ случаяхъ,—посредничество въ спорахъ Россіи съ Польшей. Словомъ, политическая конъюнктура оказывалась здѣсь совсѣмъ иною, нежели раньше, съ Византіей. И, однако, проекты церковнаго единенія, предлагавшіеся Римомъ, оставались совершенно тождественными какъ въ Москвѣ, такъ и въ Константинополѣ. Если время и внѣшнія условія такъ мало вліяли на религіозную политику Куріи, то еще меньше зависѣла она отъ личныхъ склонностей отдѣльныхъ римскихъ папъ. Отъ кого бы ни являлись уполномоченные Куріи на Востокъ, кто бы ни подписывалъ папскихъ посланій—будь то Александръ VI или Григорій XIII, Левъ X или Сикстъ V,—мы слышимъ все тѣ же рѣчи. Передъ нами—доктрина,

неизмѣнно переходящая отъ одного столѣтія къ другому.

Въ самомъ дѣлѣ, каковъ основной принципъ всѣхъ этихъ папъ? Единство Церкви и нераздѣльность верховной власти римскаго первосвященника. Истина—одна. Хранить ея святыню можетъ только одинъ ковчегъ. Такимъ ковчегомъ является единая истинная Церковь. Гдѣ же средоточіе этой Церкви? Въ Римѣ? Въ Константинополѣ? Быть можетъ, въ Москвѣ, которая величаетъ себя третьимъ Римомъ? Для католиковъ существуетъ только одна истинная Церковь. Это—та, которую утвердилъ Христосъ на незыблемомъ камнѣ св. Петра. Она одна—хранительница великихъ обѣтованій, данныхъ всему христіанскому міру въ лицѣ главы апостоловъ и его законныхъ преемниковъ, епископовъ римскихъ. Объ этомъ учатъ вселенскіе соборы; о томъ же свидѣтельствуютъ святые отцы восточной и западной Церквей. Опору свою эти завѣты находятъ и въ церковной практикѣ первыхъ вѣковъ христіанства. Въ глазахъ римскихъ первосвященниковъ русская Церковь, равно какъ и греческая, является лишь вѣтвью, отдѣлившейся отъ основного ствола. Вотъ почему они считали своимъ священнымъ долгомъ позаботиться о возстановленіи первоначальнаго единства. Правда, восточная Церковь унаслѣдовала отъ прошлаго свою іерархію, таинства, обряды. Пусть такъ: нужно согласиться лишь по нѣкоторымъ вопросамъ догматическаго характера,—особенно же относительно верховной власти папы, понимаемой не только въ смыслѣ почетной прерогативы, но и обязующей всѣхъ подчиняться его юрисдикціи. Отсюда беретъ свое начало обычная формула, предлагавшаяся греко-православнымъ всякій разъ, какъ возникалъ вопросъ о соединеніи Церквей: единство вѣры при сохраненіи традиціонныхъ обрядовъ. Римская Церковь не можетъ измѣнить ни іоты въ тѣхъ священныхъ завѣтахъ, которые открыты ей и ввѣрены для нерушимаго храненія. Поэтому она категорически требуетъ безусловнаго признанія своей собственной доктрины. Тѣмъ большій либерализмъ обнаруживаетъ она по отношенію къ временной и преходящей сторонѣ культа, т. е.

къ вопросамъ литургическаго характера и церковнаго права. Въ связи съ различными задачами своей политики какъ въ Византіи, такъ и въ Москвѣ, папы постоянно имѣютъ въ виду соединеніе Церквей на указанныхъ выше условіяхъ. Объ этомъ они говорятъ то прямо, то обинякомъ; въ всякомъ случаѣ, здѣсь—основная цѣль, которую ставятъ себѣ преемники святого Петра. Наблюдая это стремленіе примирить Церкви и возстановить ихъ прежнее единство, нѣкоторые историки усматриваютъ въ немъ „завоевательную тенденцію" римскаго престола. Они приписываютъ Куріи жажду власти и силы... Такія характеристики могутъ породить самыя нежелательныя недоразумѣнія.

Если для папъ религіозный вопросъ игралъ центральную роль, то московскіе государи придавали ему второстепенное значеніе. Какъ извѣстно, Москва безусловно отрицательно отнеслась къ постановленіямъ Флорентійскаго собора: въ глазахъ русскихъ людей то были опасныя новшества. Непріязнь ихъ къ латинянамъ все увеличивалась. Послѣ того, какъ турки завладѣли Константинополемъ и обратили храмъ св. Софіи въ мечеть, русскіе еще болѣе утвердились въ своемъ убѣжденіи, что они—единственные хранители истиннаго христіанства. Роковое заблужденіе! Самая идея Церкви утратила на русской почвѣ свой настоящій смыслъ. Это зависѣло отъ систематическаго вмѣшательства государственной власти въ дѣла вѣры. Свѣтскіе правители произвольно назначали епископовъ, созывали соборы, брали на себя руководство церковными реформами. Такимъ образомъ концепція духовной власти—самостоятельной въ своей сферѣ и отвѣтственной только передъ Богомъ,—рушилась, уничтожаясь практикой, обрекавшей Церковь на самое жалкое рабство. Конечно, могущество мірской власти въ дѣлахъ Церкви могло только льстить государямъ; ограничить свой произволъ въ этой сферѣ или совсѣмъ отказаться отъ него было бы для нихъ слишкомъ тяжелой жертвой. Тѣмъ не менѣе, подчиняясь необходимости или слѣдуя своимъ по-

литическимъ расчетамъ, они, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, сами заводятъ сношенія съ Куріей. Подобно Василію III, который обращался къ Клименту VII, они просятъ прислать въ Москву зодчихъ или мастеровъ; порою, по примѣру Ивана IV, они ходатайствуютъ передъ папою о посредничествѣ между Россіей и Польшей. Обыкновенно, эти сношенія приводили къ тому, что Курія опять выдвигала свой излюбленный проектъ, т. е. заговаривала объ Уніи. Въ такихъ случаяхъ, московскіе государи ограничивались весьма уклончивыми отвѣтами. Когда же къ нимъ подступали вплотную, они откровенно признавались въ своей рѣшимости умереть, не измѣняя вѣрѣ предковъ. Такимъ образомъ, доктрина Куріи постоянно встрѣчала въ Кремлѣ неодолимое сопротивленіе. Нельзя сказать, чтобы ей противопоставлялось какое-либо другое ученіе. Нѣтъ, она сталкивалась съ вѣковымъ предубѣжденіемъ, съ рутиною, съ привычными злоупотребленіями государственной власти. Преодолѣть все это было тѣмъ труднѣе, чѣмъ больше сказывалось здѣсь самодовольнаго невѣжества въ вопросахъ богословскаго знанія, а порою и самыхъ наивныхъ предразсудковъ. Вспомнимъ хотя бы пресловутые диспуты Ивана IV съ Поссевиномъ: какъ великолѣпно иллюстрируютъ они такое положеніе! Но пусть въ вопросахъ вѣры русскимъ людямъ и не доставало образованія. По крайней мѣрѣ, они проявляли здѣсь извѣстную искренность. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же объ ихъ политической тактикѣ. Правда, московскіе государи охотно называли себя воинами Церкви Христовой. Они заявляли даже о своей готовности участвовать въ крестовомъ походѣ на турокъ. Но весь этотъ воинственный пылъ никогда не шелъ дальше платоническихъ стремленій. На дѣлѣ, Москва предпочитала не нарушать мира съ могущественнымъ сосѣдомъ и предоставляла другимъ славу защитниковъ христіанской вѣры.

Что касается польскихъ королей, то они занимали весьма щекотливое положеніе между Римомъ и Москвою,

т.-е. между апостолами церковнаго единства или крестоносной брани съ Исламомъ и лукавыми политиками кремлевскаго дворца, знавшими всякія уловки и умѣвшими отлично притворяться. Чаще всего мы видимъ, что, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, эти короли принимаютъ болѣе или менѣе активное участіе въ сношеніяхъ Ватикана съ Москвою. Однако, этого было мало. Развѣ не обязаны были представители католическаго государства рѣшительно примкнуть къ папамъ и совмѣстно съ ними направить всѣ свои усилія на достиженіе великой цѣли, т.-е. Уніи Церквей? Къ сожалѣнію, приходится констатировать, что порою лучшія намѣренія польскихъ королей парализовались роковой силой историческихъ традицій или неудачно сложившимися внѣшними условіями.

Начать съ того, что всѣ эти государи смотрѣли на религіозный міръ, какъ на чистую химеру. Вотъ почему, при малѣйшей попыткѣ Москвы сблизиться съ Римомъ, они вездѣ готовы были видѣть ловушку, разставляемую русскими политиками для главы католической Церкви. Ничто не могло поколебать убѣжденія Польши, что ея восточный сосѣдъ добивается временныхъ благъ, что его манятъ къ себѣ лишь громкіе титулы и мірская слава. Мы знаемъ, что Римъ не разъ пытался соблазнить московскихъ государей блескомъ королевской короны. Этотъ пріемъ папской политики удручающимъ образомъ дѣйствовалъ на Польшу. Неоднократно здѣсь распространялась молва, будто эта корона уже находится на пути въ Кремль. Немедленно на границу летѣли строжайшіе приказы—смотрѣть въ оба глаза, не пропускать никого, не дознавшись откуда, куда и зачѣмъ кто ѣдетъ... Но все ограничивалось напрасной тревогой: гонцы, которыхъ ждали, такъ и не показывались... Оно и понятно. Преемники Мономаха, связанные родствомъ съ домомъ византійскихъ императоровъ, московскіе государи не слишкомъ обольщались королевскою короной. Имъ нужно было совсѣмъ иное. Они до-

бивались того, чтобы западная Европа признала за ними права на титулы, самовольно присвоенные ими.

Положеніе осложнялось еще тѣмъ, что интересы обѣихъ сторонъ были діаметрально противоположны. Правда, и русскіе, и поляки были побѣгами одного и того же славянскаго корня. Но первые подпали вліянію Византіи, между тѣмъ какъ вторые подверглись воздѣйствію Рима. Между обоими сосѣдними государствами существовала непримиримая національная вражда. Ее питали вѣчные споры изъ-за границъ. Въ пору татарскаго нашествія Польша сумѣла воспользоваться временнымъ ослабленіемъ русской державы. Пока несчастная страна изнывала подъ игомъ монголовъ, поляки и литовцы захватили нѣсколько областей, когда-то принадлежавшихъ князьямъ Рюрикова дома. Объединившись впослѣдствіи подъ именемъ Рѣчи Посполитой, они, конечно, не допускали и мысли о возстановленіи нарушенныхъ правъ своего сосѣда. Между тѣмъ, населеніе захваченнымъ земель тайно тяготѣло къ Москвѣ. Таковъ былъ главный источникъ постоянной вражды обоихъ славянскихъ государствъ—вражды, нерѣдко переходившей въ вооруженныя столкновенія.

Легко себѣ представить, въ какомъ ужасномъ затрудненіи оказывались польскіе короли, когда къ нимъ обращались съ просьбой о содѣйствіи посламъ римской Куріи, отправлявшимся въ Москву. Государи Рѣчи Посполитой упорствовали въ своемъ убѣжденіи, что подобныя попытки не принесутъ никакой пользы Церкви, но зато будутъ имѣть самыя печальныя политическія послѣдствія. Конечно, имъ не хотѣлось ни портить отношеній съ Римомъ, ни играть въ руку своему исконному врагу. Война съ турками совсѣмъ не возбуждала ихъ энтузіазма. Въ концѣ концовъ, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, имъ удавалось уклониться отъ миссіи, возлагаемой на нихъ Куріей. Подобная тактика нарушалась Польшей только тогда, когда Рѣчь Посполитая особенно нуждалась въ мирѣ съ Москвою или мечтала о пріобрѣтеніи новыхъ об-

ластей. Въ такіе моменты она охотнѣе шла навстрѣчу планамъ Рима, открывая тѣмъ самымъ возможность болѣе сложныхъ дипломатическихъ комбинацій. Разумѣется, мы характеризуемъ здѣсь эту политику въ самыхъ общихъ чертахъ. Перейдя къ изображенію самихъ историческихъ событій, мы увидимъ, какъ въ ихъ послѣдовательной смѣнѣ красной нитью проходятъ отмѣченныя нами тенденціи.

II.

Много вѣковъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ арійцы, пришедшіе въ Европу, заняли ея обширную сѣверо-восточную равнину. На пространствѣ всей исторіи этихъ русскихъ славянъ какая-то таинственная сила влекла ихъ въ объятія Рима. Хлодвигомъ русской земли былъ великій князь Владиміръ «Красное солнышко»—герой былинъ, правившій въ Кіевѣ въ концѣ X вѣка. Слѣдуя примѣру бабки, св. Ольги, возлюбившей свѣтъ и отвергшей тьму, онъ не только самъ принялъ христіанскую вѣру, но и крестилъ свой народъ въ Днѣпрѣ, уничтоживъ идоловъ Перуна. Въ передачѣ лѣтописей это событіе окрашено легендарнымъ оттѣнкомъ. Исторически достовѣрнымъ можно признать лишь то, что Владиміръ осаждалъ Корсунь, вступилъ въ бракъ съ царевной Анной, дочерью византійскихъ императоровъ и былъ современникомъ греческихъ миссіонеровъ, которые вели свою пропаганду въ Кіевѣ. Съ момента крещенія, Русь формально примыкала къ восточной Церкви. Мы знаемъ, впрочемъ, что сестра Анны, Ѳеофанія, была супругою императора Оттона II. Этотъ бракъ косвеннымъ образомъ связывалъ русское государство съ Западомъ и отраженнымъ блескомъ своимъ озарялъ кіевскаго великаго князя.

Въ ту пору вражда Рима съ Византіей перемежалась еще моментами перемирій. Вотъ почему, не взирая на свою преданность Царьграду, русскіе отправляли посольства въ

священный городъ, къ могиламъ апостоловъ, туда, гдѣ св. Кириллъ и Меѳодій начинали свою просвѣтительную дѣятельность. Со своей стороны, преемники папы Николая I дарили кіевскимъ князьямъ различныя реликвіи: при этомъ уполномоченные римской Куріи встрѣчали со стороны народа русскаго самый радушный пріемъ. Упоминанія объ этомъ мы находимъ въ русскихъ лѣтописяхъ, какъ извѣстно, отличающихся крайнимъ лаконизмомъ. Одному изъ западныхъ миссіонеровъ мы обязаны болѣе подробнымъ и живымъ сообщеніемъ по тому же поводу.

Вознамѣрившись проповѣдывать Евангеліе печенѣгамъ, нѣкій Брюнонъ, въ монашествѣ—Бонифацій, проѣздомъ остановился въ Кіевѣ. Великій князь Владиміръ радушно принялъ католическаго миссіонера. Онъ не отпускалъ его отъ себя въ теченіе цѣлаго мѣсяца и всячески старался отклонить его отъ рискованной затѣи. Но твердость Бонифація оказывалась непреклонной. Къ тому же Владиміра встревожилъ какой-то вѣщій сонъ. Тогда онъ не только отпустилъ миссіонера изъ Кіева, но и проводилъ его самъ, проѣхавъ съ нимъ цѣлыхъ два дня. Прибывъ на русскій рубежъ, великій князь трогательно простился со своимъ гостемъ. Послѣ этого Бонифацій взошелъ на курганъ и громко запѣлъ, повторяя извѣстныя слова Евангелія: «Петръ, любишь ли меня?.. Паси овецъ моихъ». Голосъ миссіонера донесся до Владиміра. Великій князь снова началъ упрашивать монаха внять совѣтамъ благоразумія. Напрасно. «Пусть Богъ откроетъ тебѣ двери въ рай, какъ ты мнѣ открылъ путь къ невѣрнымъ»... Вотъ все, что твердилъ ему въ отвѣтъ Бонифацій. Вернувшись отъ печенѣговъ, миссіонеръ сообщилъ, что онъ крестилъ до тридцати язычниковъ. Тутъ же онъ условился съ великимъ княземъ о мѣрахъ, необходимыхъ для поддержанія мира и распространенія истинной вѣры. Всѣ эти подробности мы узнаемъ изъ его собственнаго письма, адресованнаго будущему императору Генриху II въ 1007 году. Въ Касселѣ хранится копія этого документа на пергаментѣ

XI вѣка. Такимъ образомъ ученикъ св. Ромуальда, другъ Оттона III и проповѣдникъ христіанства среди печенѣговъ, могъ гордиться тѣмъ, что явился апостоломъ западной Церкви и для русскихъ.

Вслѣдъ за крещеніемъ для Руси наступила пора просвѣтительной работы. Сынъ Владиміра, Ярославъ былъ не только усерднымъ строителемъ храмовъ и основателемъ монастырей. Онъ являлся также просвѣщеннымъ государемъ и былъ первымъ законодателемъ своего народа. Непосредственныхъ сношеній съ Римомъ Ярославъ не велъ. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ связанъ тѣсными узами со многими католическими государствами. Ему удалось породниться съ владѣтельными домами Польши, Венгріи, Германіи, Норвегіи и Франціи. Самая блестящая партія удалась ему именно въ послѣднемъ государствѣ. Въ 1048 году въ Кіевъ прибыли три французскихъ епископа—Готье-Мосскій, Госселэнъ-Шалиньякскій и Роже-Шалонскій. Они явились просить у Ярослава руки его дочери Анны для короля Генриха I. Великій князь далъ свое согласіе. Послѣ этого молодая невѣста была отвезена уполномоченными французскаго государя въ свое будущее королевство. Бракосочетаніе Генриха I съ Анной было совершено около Троицына дня на слѣдующій годъ. Затѣмъ королева была торжественно коронована въ Реймсѣ. Съ этого дня имя «доброй и благочестивой Анны», какъ называли ее лѣтописи, неизмѣнно связывалось со всѣми религіозными начинаніями ея супруга. По смерти Генриха I, королева выстроила въ Санли церковь во имя св. Винцента—діакона, мученически погибшаго въ Сарагоссѣ. Тутъ же возникло цѣлое аббатство для монаховъ августинскаго ордена. Сынъ этой королевы знаменитый графъ Вермандуа, фигурируетъ среди героевъ перваго крестоваго похода. Между прочимъ, римскіе папы не разъ удостоивали его своими посланіями. Кстати, сообщаемъ любопытную подробность. Пробстъ церкви св. Маріи въ Реймсѣ, Одальрикъ, далъ епископу Роже спеціальное порученіе—провѣрить легенду

объ останкахъ св. Климента, будто бы перевезенныхъ нѣкогда изъ Корсуня въ Кіевъ. Нельзя сказать, чтобы свѣдѣнія, собранныя Роже, всѣ заслуживали одинаковой вѣры. Во всякомъ случаѣ, ему удалось констатировать, что въ Кіевѣ глубоко чтили память четвертаго римскаго папы и молились ему, какъ святому.

Братъ королевы Анны французской, великій князь Изяславъ, постарался еще превзойти свою сестру. Въ критическій моментъ своей жизни, онъ не колеблясь, обратился за помощью къ папѣ. Какъ извѣстно, дважды Изяслава изгоняли изъ Кіева. Въ первый разъ, онъ вернулся туда съ помощью Болеслава Польскаго. Но затѣмъ этотъ союзникъ предательски покинулъ великаго князя. Казна Изяслава была расхищена; по грубоватому выраженію лѣтописи, самому ему «указали путь» изъ города. Пытаясь покончить княжескія усобицы миромъ, императоръ Генрихъ IV отправилъ въ Кіевъ посольство. Но изгнанный князь горѣлъ нетерпѣніемъ вернуться въ свои владѣнія. Чтобы ускорить дѣло, онъ послалъ своего сына въ Римъ, поручивъ ему представить свое дѣло на судъ папы. Въ это время Григорій VII только что возсѣлъ на престолѣ римскаго первосвященника. Своей великой душой онъ готовъ былъ объять цѣлый міръ. Вездѣ, гдѣ нанесена была кому-либо обида, безвинно пострадавшій могъ расчитывать на защиту со стороны главы католической Церкви. Къ сожалѣнію, современники обходятъ молчаніемъ интересующій насъ фактъ. Однако, мы располагаемъ двумя письмами Григорія VII, относящимися къ 1075 году. Одно изъ нихъ адресовано Изяславу, другое—Болеславу. Въ извѣстной степени, эти документы восполняютъ досадный пробѣлъ. Сперва, отъ имени отца, русскій князь обѣщалъ предоставить папѣ кіевскую область, отдавая ее такимъ образомъ подъ покровительство святого Престола. Затѣмъ онъ изложилъ свои обиды и жалобы. Съ обычной своей энергіей Григорій VII выступилъ на защиту Изяслава. Въ глазахъ папы, дѣло великаго князя было вопіющимъ на-

рушеніемъ всякой справедливости и права. Обращаясь къ Болеславу, онъ потребовалъ отъ него немедленнаго возвращенія всего того, что этотъ польскій государь или его родичи беззаконно отняли у «короля русскаго». Григорій VII не ограничился письменными посланіями: вскорѣ къ великому князю Изяславу явились уполномоченные Ватикана. Одинъ изъ нихъ былъ лично извѣстенъ русскому государю и пользовался его расположеніемъ. Эта миссія достигла своей цѣли. Трудно сказать, смирился ли Болеславъ передъ желѣзной волей римскаго владыки, или же расчитывалъ онъ на какія-либо новыя политическія комбинаціи. Во всякомъ случаѣ, онъ круто измѣнилъ свою тактику и явился на помощь Изяславу, который, при его поддержкѣ, побѣдоносно возсѣлъ на «златотканномъ» наслѣдственномъ столѣ.

Между тѣмъ, какъ русскіе князья апеллировали такимъ образомъ къ римскому первосвященнику, охлажденіе между Византіей и Куріей все усиливалось. Въ концѣ концовъ, эти отношенія настолько обострились, что съ минуты на минуту можно было ждать открытаго разрыва. Роковой моментъ наступилъ въ 1054 году. Когда римскіе легаты возложили на престолъ св. Софіи грамоту, лишавшую патріарха константинопольскаго, Михаила Керуларія, его іерархическихъ правъ, глава греческой Церкви рѣшилъ отразить занесенный надъ нимъ ударъ. Онъ предалъ проклятію папу Льва IX. Такъ порвались духовныя узы, соединявшія Ватиканъ съ Византіей. Съ этого момента можно говорить объ окончательномъ раздѣленіи Церквей. Такое событіе было чревато самыми печальными послѣдствіями. Усиленная религіозными распрями, національная вражда Запада къ Востоку превратилась въ ненависть. Своего апогея эта историческая борьба достигла въ 1204 году, когда крестоносцы, вмѣсто того, чтобы отплыть въ Египетъ, насильственно завладѣли Константинополемъ. Здѣсь, среди пламени и грабежа, положено было основаніе эфемерной Латинской Имперіи.

Ни въ догматическихъ спорахъ Византіи, ни въ ея политической борьбѣ русскіе не принимали никакого участія. Однако, будучи формально подчинены восточной Церкви, они, въ извѣстной степени, дѣлили съ ней всѣ превратности судьбы. Было бы невозможно указать съ точностью, съ какого момента началось обособленіе русскихъ отъ Рима. Оно совершалось постепенно, шло, усиливаясь незамѣтно, причемъ единственнымъ мотивомъ его являлась іерархическая зависимость русской Церкви отъ Византіи. Когда патріархъ константинопольскій формально порвалъ съ Ватиканомъ, всѣ тѣ, которые подчинены были его власти, естественно послѣдовали примѣру своего пастыря. Правда, и послѣ 1054 года русскіе продолжали обмѣниваться посольствами съ папою. Однако, это нисколько не мѣняло положенія и отнюдь не могло препятствовать логическому ходу событій. Какъ извѣстно, нерѣдко во главѣ русскихъ епархій стояли греки по происхожденію. Своей ожесточенной полемикой противъ латинянъ, своими клеветническими извѣтами, они все больше и больше углубляли ту пропасть, которая разверзлась между Западомъ и Востокомъ. Въ 1130 году св. Бернардъ уже мечталъ объ обращеніи русскихъ въ истинную вѣру. По этому поводу онъ даже велъ переговоры съ епископомъ краковскимъ, Матѳеемъ. Польскій іерархъ горячо поддержалъ мысль своего великаго собрата. Однако, аббату Клервосскому такъ и не удалось связать свое имя съ этимъ святымъ дѣломъ.

Въ XIII вѣкѣ на русскую землю обрушился цѣлый рядъ бѣдствій, удары которыхъ застигли несчастную страну въ самый критическій моментъ внутреннихъ раздоровъ. Эти потрясенія совершенно измѣнили карту древней Руси, разбивъ ея прежнее единство. Изнывая подъ игомъ монголовъ, терзаемая жестокими усобицами, русская земля, казалось, обречена была на окончательную гибель. Лучшія области ея стали добычей Литвы. Одно испытаніе слѣдовало за другимъ. Внутренняя борьба не утихала. Набѣги

татаръ превращали въ пустыню огромныя пространства. При такихъ условіяхъ дипломатическія сношенія Руси съ Западомъ, конечно, не могли вестись правильно. Они постоянно прерывались, начинались снова въ разныхъ мѣстахъ и шли, по большей части, независимо другъ отъ друга.

На сѣверѣ Руси нѣкоторую память по себѣ оставилъ савоецъ по происхожденію, нѣкій Гильомъ. Нѣкоторые источники знаютъ его лишь подъ именемъ епископа Моденскаго. Дѣйствительно, эта епархія была нѣкоторое время въ его рукахъ; однако, затѣмъ Гильомъ возведенъ въ санъ кардинала и получилъ Сабинскую область. Нѣсколько разъ папы отправляли этого іерарха въ Пруссію и Ливонію, въ Швецію и Данію. Ему поручалось проповѣдывать христіанство, вводить нѣкоторыя церковныя преобразованія, собирать динарій св. Петра или возстанавливать миръ между государями и ихъ народомъ. Во время одной изъ такихъ поѣздокъ Гильому довелось столкнуться съ новгородцами. Жители этой торговой республики постоянно враждовали съ рыцарями Тевтонскаго ордена. Стороны только что заключили между собою перемиріе, когда въ Ригу прибылъ Гильомъ. Тотчасъ новгородцы явились къ нему и представили на его утвержденіе выработанныя ими условія. Отъ имени папы легатъ санкціонировалъ этотъ актъ.

Посланіе Гонорія III, написанное по этому поводу въ 1227 году, является для насъ весьма цѣннымъ документомъ. Оно свидѣтельствуетъ о томъ, что не одни новгородцы прибѣгали къ посредничеству Гильома, и что эти сношенія имѣли въ виду не только преходящую, временную цѣль. Характерно, прежде всего, что папа обращается ко всѣмъ «королямъ русскимъ». Мало того: онъ предлагаетъ имъ подтвердить правильность дошедшихъ до Ватикана слуховъ, будто они желаютъ обратиться къ истинной вѣрѣ и готовы принять къ себѣ римскаго легата. Повидимому, такое предложеніе было нѣсколько преждевре-

меннымъ. Во всякомъ случаѣ, оно осталось безъ отвѣта.

Болѣе прочный слѣдъ, нежели пребываніе епископа Моденскаго въ Ригѣ, оставила поѣздка по западной Руси одного францисканскаго монаха. Ученикъ великаго праведника, Фра Джьованни изъ Плано Карпино подъ грубой внѣшностью таилъ неустрашимую и пламенную душу. Послѣ катастрофы при Лигнитцѣ, ему было поручено проповѣдывать крестовый походъ противъ татаръ. Затѣмъ, въ 1245 году, онъ былъ отправленъ Иннокентіемъ IV къ хану Орды съ мирными предложеніями. Путь къ монголамъ лежалъ черезъ Польшу и Русь. Въ Краковѣ Фра Джьованни встрѣчается съ первымъ русскимъ княземъ; вмѣстѣ съ нимъ онъ ѣдетъ отсюда въ Галичъ. По-видимому, ряса итальянскаго монаха не вызывала здѣсь непріязненныхъ чувствъ; во всякомъ случаѣ, его смѣлые замыслы увѣнчались на первыхъ порахъ неожиданнымъ успѣхомъ. Явившись въ собраніе всего мѣстнаго духовенства, францисканецъ предложилъ присутствующимъ заключить унію съ Римомъ. Въ подкрѣпленіе своихъ словъ онъ предъявилъ письма самаго римскаго первосвященника. Сосѣдство ли католической Польши смягчало въ Галичѣ вражду къ Западу, или же внѣшняя опасность сдѣлала мѣстныхъ людей болѣе сговорчивыми—сказать трудно. Такъ или иначе, миролюбивая рѣчь Фра Джьованни была встрѣчена собраніемъ весьма благосклонно. Правда, совѣщаніе не вынесло никакого опредѣленнаго рѣшенія. Однако, объяснялось это отсутствіемъ самого государя, Даніила Романовича, который находился въ это время въ Ордѣ. Вопросъ остался открытымъ до ближайшаго будущаго.

Отыскавъ татаръ въ необозримомъ просторѣ южныхъ степей, Фра Джьованни приступилъ къ выполненію своей миссіи Впрочемъ, ведя переговоры съ ханомъ, онъ не забывалъ и о русскихъ. Кстати, ему пришлось убѣдиться, что въ Ордѣ еще свѣжа память о непоколебимомъ мужествѣ Михаила Черниговскаго. Ему разсказывали, какъ,

передъ лицомъ страшной смерти, этотъ князь отказался воздать божескія почести изображенію Чингисъ-хана. Позору такого вѣроотступничества онъ предпочелъ мученическій конецъ. Другой черниговскій князь, Андрей, явился жертвой людского доноса: онъ также былъ умерщвленъ въ Ордѣ во время пребыванія тамъ францисканца. Наконецъ, Фра Джьованни самолично присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ великаго князя Ярослава Суздальскаго. Несчастный былъ внезапно постигнутъ какой-то страшной болѣзнью. Невольно являлась мысль объ отравленіи... Что произошло между русскимъ княземъ и католическимъ монахомъ? Каковы были послѣднія слова умирающаго? Фра Джьованни не говоритъ о томъ ничего. Однако, Иннокентій IV, не колеблясь, будетъ увѣрять впослѣдствіи Александра Невскаго, что отецъ его, Ярославъ, умеръ въ единеніи съ римско-католической Церковью.

Впечатлѣнія, вынесенныя смѣлымъ миссіонеромъ изъ его путешествія, повидимому, глубоко запали въ его душу и еще сильнѣе возбудили его рвеніе потрудиться для просвѣщенія русскихъ людей. На обратномъ пути изъ Орды онъ принятъ былъ кіевлянами съ распростертыми объятіями. Что касается Галича, то здѣсь легата ждали настоящія овація. Великій князь Даніилъ, съ которымъ онъ встрѣтился на дорогѣ, былъ весь полонъ ненависти къ татарамъ и мечталъ лишь о томъ, какъ бы отомстить имъ за свои униженія. Онъ задержалъ миссіонера у себя въ столицѣ на цѣлыхъ восемь дней. Здѣсь вновь подверглись обсужденію вопросы, затронутые легатомъ въ первый его пріѣздъ. Казалось, ничто не мѣшало желанному концу этихъ переговоровъ. Такъ много рвенія и готовности итти другъ другу навстрѣчу обнаруживали обѣ стороны! Сочувствіе духовенства было уже обезпечено заранѣе. Теперь и міряне, и представители Церкви единодушно заявляли, что они желаютъ признать надъ собой власть папы и присоединиться къ католицизму. Постановленія, вынесенныя въ Галичѣ,

были записаны и отправлены въ Римъ. Вполнѣ вѣроятно, что князь Даніилъ вспомнилъ о сношеніяхъ своего отца съ Ватиканомъ. Быть можетъ, въ душѣ его заговорили голоса прошлаго... И, однако, невольно напрашивается скептическій вопросъ. Единственнымъ свидѣтелемъ того, что происходило въ Галичѣ, является Фра Джьованни. Онъ же былъ и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ во всѣхъ переговорахъ. Не увлекался ли онъ, по страстности своей натуры? Не сгладилъ ли онъ нѣкоторыхъ шероховатостей? Не окрасилъ ли всего своего разсказа слишкомъ оптимистическимъ оттѣнкомъ? Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что въ его передачѣ имѣется довольно чувствительный пробѣлъ. Дѣло въ томъ, что Даніилъ Романовичъ за теологическими вопросами не забывалъ интересовъ политики. Пусть онъ выказывалъ якобы безкорыстную готовность признать Унію. При всемъ томъ, онъ крѣпко расчитывалъ на денежныя субсидіи и на военную помощь Запада противъ татаръ. Страхъ передъ новымъ монгольскимъ нашествіемъ руководилъ дѣйствіями великаго князя. Въ Римѣ отлично понимали это. Мечтая объ Уніи, Иннокентій IV не оставлялъ мысли и о крестовомъ походѣ. Но такъ какъ организовать крестоносную армію было труднѣе, нежели почтить русскаго князя простыми знаками вниманія, то папа и рѣшилъ на первыхъ порахъ поднести ему королевскую корону. Въ 1253 году Даніилъ Романовичъ принялъ этотъ новый титулъ. Тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ ожидать обѣщанной помощи. Но она медлила. Мало-по-малу первоначальный энтузіазмъ смѣнился въ Галичѣ глубочайшимъ равнодушіемъ къ общему дѣлу. Обманувшись въ своихъ расчетахъ, честолюбивый Даніилъ Романовичъ обнаружилъ удивительно мало благодарности. Онъ слишкомъ скоро забылъ, что папская эгида служила ему щитомъ противъ безпокойныхъ сосѣдей. Онъ не помнилъ уже, что Риму онъ былъ обязанъ добрыми отношеніями съ тевтонскими рыцарями. Онъ, какъ будто, не зналъ, что, благодаря поддержкѣ Рима, онъ пріобрѣлъ

нѣсколько новыхъ областей. Въ награду за все онъ рѣзко прервалъ сношенія съ Ватиканомъ. Съ тѣхъ поръ онъ рѣшительно отказывался возобновить ихъ тѣмъ или инымъ способомъ.

Нѣчто подобное происходило одновременно и въ Литвѣ. Это великое княжество было еще въ процессѣ образованія, расширяясь на счетъ сосѣдей и, главнымъ образомъ, русскихъ областей. Вождемъ воинственныхъ литовцевъ сталъ Миндовгъ. Человѣкъ желѣзной воли, онъ умѣлъ, когда нужно, и приспособляться къ обстоятельствамъ. Дѣйствуя то силою, то хитростью, онъ пріобрѣлъ цѣлый рядъ земель и вдругъ принялъ крещеніе. Въ глазахъ его сосѣдей, меченосцевъ, то было залогомъ дружественнаго союза. Они начали хлопотать о дарованіи Миндовгу королевскаго сана. Въ 1251 году литовскій князь формально принялъ этотъ титулъ. Обрядъ коронанія былъ совершенъ епископомъ Кульмскимъ отъ лица самаго папы. Но варваръ такъ и остался варваромъ. Въ подходящій моментъ Миндовгъ, не колеблясь, обнажилъ свой мечъ противъ недавнихъ друзей и вернулся въ лоно языческой вѣры, сбросивъ маску христіанина. Проводниками вѣры Христовой въ этихъ отдаленныхъ областяхъ явились лишь преемники этого князя. Но ими же создана была та тяжелая проблема, что стоитъ съ тѣхъ поръ передъ сѣверо-западными славянами. Въ 1386 году Литва со всѣмъ своимъ православно-русскимъ населеніемъ сдѣлается частью новаго Польско-Литовскаго государства. Какъ смѣшать, какъ слить въ одно прочное цѣлое тѣ разнородные элементы, которые механически сближались въ этомъ союзѣ? Нормальный путь къ разрѣшенію этой исторической задачи былъ задолго указанъ знаменитымъ Флорентійскимъ соборомъ.

III.

Мы начинаемъ свое изслѣдованіе съ достопамятнаго Флорентійскаго собора. Здѣсь было затронуто столько дог-

матическихъ вопросовъ, что позднѣйшіе комментаторы не могли справиться съ подобнымъ матеріаломъ. Вспомнимъ, что эта пора совпала съ расцвѣтомъ гуманизма. Представители греческой, русской и римско-католической Церквей обсуждали на соборѣ 1439 года великую проблему Уніи. Ими была выработана программа, основныя положенія которой останутся незыблемыми и на будущія времена. Между прочимъ, здѣсь было провозглашено, что папа является высшимъ учителемъ Церкви. Изъ этого тезиса разовьется позднѣйшая теорія папской непогрѣшимости, принятая въ Ватиканѣ. И, однако, справедливость требуетъ признать, что Флорентійскій соборъ все еще ждетъ своего историка. Конечно, задача такого изслѣдователя весьма трудна и неблагодарна. Дѣло въ томъ, что для насъ не уцѣлѣли подлинные протоколы этихъ историческихъ засѣданій. Что касается прочихъ данныхъ, относящихся сюда, то, какъ на зло, они часто оказываются для насъ недоступными. Мы затронемъ исторію Флорентійскаго собора лишь постольку, поскольку въ немъ приняли участіе представители русской Церкви. Среди этихъ послѣднихъ центральное мѣсто занимаетъ еще недостаточно освѣщенная фигура кардинала Исидора.

Кое-какіе новые матеріалы, обнародованные за послѣдніе годы, позволяютъ намъ яснѣе представить себѣ личность и дѣятельность этого замѣчательнаго человѣка. Въ *Analecta byzantino-russica* Регелемъ были напечатаны шесть писемъ Исидора, на греческомъ языкѣ; всѣ они относятся ко времени, предшествовавшему возведенію этого іерарха въ санъ кіевскаго владыки. Фотографическіе снимки съ восьми другихъ писемъ и четырехъ молитвъ, заключающихся въ одномъ изъ манускриптовъ Ватиканской библіотеки, были любезно предоставлены намъ Эмилемъ Легранъ: прекрасныя работы этого изслѣдователя по греческимъ древностямъ слишкомъ хорошо извѣстны ученому міру. Всѣ этидокументы имѣютъ для насъ особую цѣнность, благодаря чисто личному своему характеру. Знакомясь съ ними, мы ви-

димъ самые сокровенные изгибы души интересующаго насъ человѣка.

Но какое странное совпаденіе! Грекъ по происхожденію, митрополитъ Исидоръ явился представителемъ русской Церкви для католиковъ, собравшихся во Флоренціи. И ему же папа Евгеній IV поручилъ объявить въ Москвѣ о состоявшемся примиреніи Востока съ Западомъ... Въ миссіи Исидора было нѣчто провиденціальное. На сторонѣ этого человѣка были и широкое образованіе, и непоколебимая твердость духа; съ такими данными онъ могъ бы, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, довести дѣло Иніи до желаннаго конца. Во Флоренціи, какъ мы знаемъ, онъ имѣлъ несомнѣнный успѣхъ; но въ Кремлѣ его ждало совершенно иное. Отъ лица всего русскаго народа великій князь Василій рѣшительно отвергъ мысль о примиреніи съ Римомъ. И, однако, кто откажетъ этой идеѣ въ возвышенности и благородствѣ? Не лежала ли на ней Божественная печать? Не суждено ли было ей сблизить народы, облегчить ихъ мирное преуспѣяніе, открыть человѣчеству путь къ великимъ цѣлямъ, преднамѣченнымъ свыше? Пусть въ Москвѣ Унія потерпѣла крушеніе. Прошли вѣка, а мысль о ней все еще носится въ воздухѣ. Можно быть увѣреннымъ, что она надолго переживетъ пору раздѣленія Церквей. Такъ, дѣлу Исидора суждено было историческое безсмертіе.

За свою смѣлость митрополитъ поплатился тюрьмою. Однако, освободившись, онъ отправился въ Испанію. Здѣсь онъ и провелъ остатокъ своихъ дней, окруженный всеобщимъ уваженіемъ и, до самой смерти своей, не слагая съ себя боевыхъ доспѣховъ. Въ Венеціи, Генуѣ, Миланѣ, Моденѣ, Сіеннѣ, въ особенности же, въ Римѣ и Мантуѣ, его энергическая дѣятельность оставила замѣтный слѣдъ. Между прочимъ, кардиналъ былъ связанъ узами тѣсной дружбы съ домомъ Гонзага. Эти отношенія были для обѣихъ сторонъ тѣмъ дороже, что поддерживались они воспоминаніями прошлаго и любовью къ ро-

динѣ. Исидору принадлежала мысль сочетать бракомъ Зою Палеологъ со старшимъ сыномъ маркиза Лодовико. Правда, изъ этихъ плановъ ничего не вышло; тѣмъ не менѣе, маленькій дворъ Мантуи навсегда сохранилъ дружескую связь съ Исидоромъ, сносясь съ нимъ либо непосредственно, либо черезъ своихъ дипломатическихъ агентовъ. Врядъ ли нужно пояснять, какимъ драгоцѣннымъ матеріаломъ для насъ можетъ служить эта переписка. Что касается архивовъ Ватикана, то изъ нихъ мы почерпаемъ свѣдѣнія о различныхъ моментахъ іерархической карьеры кардинала. Мы узнаемъ и о его бенефиціяхъ, и о денежныхъ его дѣлахъ, и о тяжбахъ и объ искахъ всякаго рода. Въ теченіе вѣковъ эти данныя хранились подъ спудомъ. Намъ удалось использовать и ихъ. Этимъ мы обязаны просвѣщенному содѣйствію гг. Пьетро Венцель и Донъ Грегоріо Пальміери, которые съ такимъ достоинствомъ несутъ возложенныя на нихъ обязанности хранителей этихъ памятниковъ.

Кардиналъ Исидоръ дважды отлучался изъ Рима ради поѣздокъ на Востокъ. Здѣсь передъ нами ясно выступаютъ главныя задачи папской политики по отношенію къ греческой Церкви. Римскіе первосвященники не хотѣли допустить и мысли, чтобы постановленія Флорентійскаго собора оказались мертвой буквой. Вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ крайне озабочивала участь Константинополя, которому грозили турки. Авторитетнымъ выразителемъ этихъ настроеній Рима явился Исидоръ, когда онъ провозгласилъ актъ единенія въ храмѣ св. Софіи и произнесъ заклятіе надъ стѣнами Византіи противъ турокъ. Но каковы же были конкретныя инструкціи, данныя легату? Какія препятствія приходилось ему преодолѣвать? Что, напротивъ, содѣйствовало его успѣху? Конечно, всѣ эти подробности могли бы представить для насъ живѣйшій интересъ. Однако, онѣ могутъ сдѣлаться достояніемъ гласности не ранѣе того, какъ разобраны будутъ дѣла папъ Евгенія IV, Николая V, Каликста III и Пія II. Такая работа требуетъ огромнаго труда. Поэтому,

быть можетъ, пройдутъ еще многіе годы прежде, нежели она будетъ выполнена.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ пробѣлы, мы имѣемъ возможность опереться на кое-какіе факты, и, болѣе или менѣе, увѣренной рукой набросать здѣсь портретъ Исидора. Мы увидимъ, что этого человѣка нельзя признать ни скептикомъ, ни равнодушнымъ къ дѣламъ религіи, ни вульгарнымъ вѣроотступникомъ. Еще менѣе справедливо было бы, по примѣру нѣкоторыхъ историковъ, представлять его въ качествѣ какого-то теософа съ налетомъ гуманизма, или же говорить о немъ, какъ объ ученикѣ Плетона. Легко убѣдиться, что руководящей силой этого человѣка была вѣра. И самоотверженіе его неизмѣнно стояло на уровнѣ свойственной ему искренней религіозности. Исидоръ былъ избранной натурой. Онъ былъ прямодушенъ и твердъ, экспансивенъ и страстенъ. Примкнувъ къ ученію святыхъ отцовъ и проникшись идеей единой Церкви, онъ неустрашимо сталъ на ея защиту. Главной цѣлью его было привлечь къ себѣ возможно больше союзниковъ. Ихъ онъ искалъ вездѣ—и въ Москвѣ, и въ Византіи. Онъ былъ такъ увлеченъ своимъ религіознымъ идеаломъ, что подчинилъ ему свои патріотическія чувства. Вотъ, что нужно имѣть въ виду, чтобы правильно судить объ Исидорѣ. Ставъ на такую точку зрѣнія, мы увидимъ, что вся его жизнь пріобрѣтаетъ особый смыслъ и послѣдовательность. Ее проникаетъ одно начало. Это—стремленіе къ истинѣ.

Память о Флорентійскомъ соборѣ и его главномъ дѣятелѣ уже давнымъ-давно изгладилась въ Москвѣ, когда сношенія Россіи съ Римомъ возобновились при самыхъ любопытныхъ обстоятельствахъ. По этому поводу создалось колоссальное недоразумѣніе. Оно существовало болѣе вѣка; замѣчательно, что никто и не подумалъ разобраться въ немъ. Въ лучшемъ случаѣ, лишь догадывались, что нужно еще отдѣлить правду отъ вымысла, дѣйствительность отъ иллюзіи... Все это зависѣло отъ необыкновен-

ной ловкости мистификаторовъ и отъ логики самихъ обстоятельствъ. Дѣйствительно, въ концѣ XV вѣка, Россія была еще далека отъ мысли, что по самому своему географическому положенію она должна стать въ ряды Европейскихъ державъ и, одолѣвъ монголовъ, сблизиться съ болѣе культурными сосѣдями.

А что, если вмѣстѣ съ Польшей и Венгріей Московское государство станетъ оплотомъ борьбы противъ турокъ? Какія выгоды это сулитъ всему христіанскому міру! Но вотъ затрудненіе: захотятъ ли православные биться въ однихъ рядахъ съ католиками—хотя бы и противъ невѣрныхъ? Это было весьма сомнительно. Въ такомъ случаѣ, нельзя ли подумать о сближеніи на вѣроисповѣдной почвѣ? Быть можетъ, ставъ королемъ Московскимъ по милости римскаго первосвященика, великій князь окажется болѣе сговорчивымъ? Таковы были вопросы, волновавшіе умы западныхъ политиковъ. За рѣшеніе ихъ брались и честные люди, и искатели приключеній...На этой почвѣ создавались порою самыя сложныя дипломатическія qui pro quo.

Починъ въ дѣлѣ мистификаціи принадлежалъ гражданину Виченцы, Джьанъ-Баттиста Вольпе. Этому человѣку особенно много помогли обстоятельства. Въ то время въ Римѣ проживала бѣдная сирота, изъ милости пригрѣтая папою. Не имѣя за собой приданаго, она, повидимому, не могла расчитывать на замужество. Однако, носимое ею имя стоило всякаго богатства. Великаго князя московскаго, Ивана III, удалось плѣнить блескомъ дома Палеологовъ: отъ лица русскаго государя въ Римъ явился Вольпе, прося руки царевны Зои. Дѣло было деликатное. Чтобы довести его до желаннаго конца, нужно было обладать ловкостью истиннаго сына эпохи Возрожденія. Правда, обо всемъ этомъ эпизодѣ до насъ дошли только отрывочныя свидѣтельства. Ихъ недостаточно для цѣлаго обвинительнаго акта. Тѣмъ не менѣе, опираясь на соображенія моральнаго характера, мы должны вынести Вольпе суровый приговоръ. Безсовѣстный посредникъ рисовалъ передъ папою Русь, какъ като-

лическую страну. Онъ изображалъ, какъ потомокъ Мономаха склоняетъ свою голову и колѣна передъ престоломъ римскаго первосвященника. Онъ говорилъ о чувствахъ любви и покорности, будто бы питаемыхъ русскими по отношенію къ Ватикану. Въ довершеніе всего, онъ предлагалъ Риму и Венеціи союзъ съ татарами противъ турокъ. Конечно, то должно было стоить нѣсколькихъ мѣшковъ золота... Денегъ ему не далъ никто. Однако, уполномоченный великаго князя повелъ подъ вѣнецъ византійскую царевну. Свидѣтелемъ обрученія явился самъ Ватиканъ.

Къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія объ этомъ фактѣ далеко недостаточны. Ихъ количество обратно пропорціонально важности событія. Единственнымъ изъ итальянскихъ источниковъ, гдѣ все это изображено болѣе или менѣе обстоятельно, является Маффеи. Но нужно же было случиться такъ, что Райнальди безжалостно сократилъ и исказилъ текстъ Маффеи, а Карамзинъ сдѣлалъ то же самое съ Райнальди. Позднѣйшіе историки считали излишнимъ обращаться къ первоисточнику; они просто повторяли знаменитаго автора „Исторіи государства Россійскаго". Такимъ образомъ, въ теченіе четырехъ вѣковъ, вопросъ, въ сущности, оставался открытымъ. Лишь совсѣмъ недавно матеріалы, почерпнутые нами изъ архивовъ Италіи и Германіи, освѣтили его съ новыхъ сторонъ. Теперь весь этотъ эпизодъ рисуется въ иномъ видѣ. Мы можемъ говорить и о томъ, какъ онъ подготовлялся, и о его послѣдствіяхъ. Мы видимъ передъ собою живыхъ дѣйствующихъ лицъ, мы узнаемъ ихъ имена. Мы наблюдаемъ, какъ они исполняютъ свою роль. Мы можемъ провѣрить традицію и, при всѣхъ ея пробѣлахъ, возстановить подлинный фактъ въ результатѣ критической работы. Разумѣется, для того, чтобы реставрировать столь отдаленную и уже забытую страницу исторіи, потребовалось много времени и еще больше упорнаго труда. Пользуемся случаемъ выразить по этому поводу нашу живѣйшую благодарность г. Марсолинъ, познакомившему насъ съ драгоцѣнными матеріалами Венеціи.

Съ такою же благодарностью упомянемъ имена маркиза Стальено и Шлехтъ, указаніями которыхъ мы пользовались при изученіи архивовъ Генуи и Ватикана.

Повидимому, новое подтвержденіе нашихъ выводовъ мы можемъ найти въ одномъ изъ памятниковъ Московской Синодальной библіотеки. Къ сожалѣнію, онъ еще сравнительно мало изученъ. Въ „Описаніи славянскихъ рукописей, Горскаго и Невоструева онъ, правда, отмѣченъ составителями. Однако, обыкновенно, историки, не исключая наилучше освѣдомленныхъ, обходятъ его молчаніемъ. Памятникъ этотъ представляетъ собою посланіе русскихъ людей, къ Сикcту IV. Они называютъ римскаго первосвященника всемірнымъ папою, великимъ солнцемъ, озаряющимъ весь свѣтъ. Въ сущности, передъ нами-чисто католическое исповѣданіе вѣры. Читая эти горячія строки, можно подумать, что Русь уже давно приняла Унію, и что она страстно желаетъ сохраненія этихъ священныхъ узъ. Къ сожалѣнію, въ нашихъ рукахъ нѣтъ полнаго текста этого замѣчательнаго документа. Несомнѣнно, онъ вполнѣ заслуживаетъ чести быть опубликованнымъ.

Появленіе византійской царевны на русскомъ престолѣ составило цѣлую эпоху въ исторіи Москвы. Съ этимъ событіемъ связываются многіе факты позднѣйшаго времени— и освобожденіе русской земли отъ татарскаго ига, и территоріальный ростъ державы Ивана III, и внутренняя борьба политическихъ силъ, и наконецъ, художественный прогрессъ Москвы. Вмѣстѣ съ Софіей Палеологъ прибыли греки и итальянцы. Они принесли съ собою новыя идеи. Общеніе съ ними расширило умственный горизонтъ русскихъ правителей, причемъ эти пришельцы стали играть роль оффиціальныхъ посредниковъ между Кремлемъ и Европой. Отблескъ Возрожденія озарилъ Москву. Она будто преобразилась. Любопытно наблюдать, какъ на русской почвѣ перекрещивались эти новыя вліянія съ завѣтами и традиціями татарщины. Въ правленіе Ивана III мы видимъ подъемъ національной жизни. Какъ извѣстно, политическая

программа этого государя была проникнута началами абсолютизма въ духѣ Византіи. Супругъ Софіи Палеологъ стремился вознести свою власть на недосягаемую высоту и мечталъ о неограниченномъ владычествѣ... Принимая все это во вниманіе, мы полагаемъ, что не съ Петра I, а скорѣе съ Ивана III начинается новая эпоха русской исторіи.

Химерическіе планы Вольпе были подхвачены такими же сомнительными людьми, которые, служа его агентами, сулили Ватикану скорое прибытіе торжественныхъ посольствъ изъ Москвы и всячески поддерживали надежды на близкое заключеніе Уніи. Благодаря такой агитаціи, къ баснямъ ловкихъ авантюристовъ стали прислушиваться не только въ Италіи, но и въ Германіи. Въ правленіе папы Льва X, когда все было проникнуто самымъ жизнерадостнымъ настроеніемъ, въ Кенигсбергѣ имѣлъ мѣсто рецидивъ этихъ оптимистическихъ увлеченій. Виновникомъ этого явился совѣтникъ гроссмейстера тевтонскаго ордена, Дитрихъ Шенбергъ. Онъ имѣлъ весьма смутное представленіе о планахъ Вольпе. Тѣмъ не менѣе, и его стала соблазнять мысль объ обращеніи русскихъ въ католичество и объ участіи ихъ въ лигѣ противъ турокъ. Конечно, московское государство должно было превратиться въ королевство, а въ столицѣ его предполагалось учредить патріаршескій престолъ. Раза три Шенбергъ ѣздилъ въ Москву. Окружая себя таинственностью, онъ раскрывалъ здѣсь свои планы, которые были, впрочемъ, болѣе наивны, нежели продуманы. Часто смѣшиваютъ этого предпріимчиваго дипломата съ братомъ его, доминиканскимъ монахомъ, котораго звали Николаемъ. Правда, оба заняты были однимъ и тѣмъ же дѣломъ. Однако, Николай ни разу не переступалъ русской границы, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ. LIII томъ Сборника С.-Петербургскаго Императорскаго Историческаго Общества посвященъ отношеніямъ Россіи къ тевтонскому ордену. Матеріалы, заключающіеся въ этомъ изданіи, проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на эпизодъ, связанный съ именемъ Шенберга. И, однако, только послѣ ра-

ботъ г. Іоахима можно вполнѣ ясно представить себѣ все это дѣло. Въ своемъ трехтомномъ трудѣ, посвященномъ политикѣ послѣдняго гроссмейстера въ Пруссіи, упомянутый изслѣдователь не только собралъ весьма важныя документальныя данныя, но и подвергъ ихъ тщательному критическому анализу. Въ настоящее время историкъ не можетъ обойтись безъ этого драгоцѣннаго пособія, говоря объ отношеніяхъ тевтонскаго ордена къ Россіи.

Почти такую роль, какъ и Дитрихъ Шенбергъ, игралъ въ правленіе Льва X и Климента VII нѣкій Паолетто Чентуріоне. Правда, внѣшнія условія его дѣятельности были уже иными. Русскіе авторы ошибочно принимаютъ Чентуріоне за офицера и притомъ оффиціальнаго уполномоченнаго папы. Незаконнорожденный сынъ какихъ-то генуэзцевъ, Чентуріоне никогда не служилъ въ войскѣ. Онъ былъ всего-на-всего торговцемъ пряностями. Впрочемъ, это не мѣшало ему основательно знать космографію и даже открыть кое-что новое въ морскомъ дѣлѣ. Чентуріоне дважды ѣздилъ въ Москву. Но оба раза онъ имѣлъ въ виду чисто коммерческія цѣли. Онъ мечталъ найти новый путь въ Индію, чтобы нанести ударъ португальцамъ, подорвавши ихъ колоніальную торговлю. Однако, предпріятіе такого рода не могло расчитывать на успѣхъ среди русскихъ. Здѣсь питали еще слишкомъ мало довѣрія къ иноземцамъ. Вотъ почему Чентуріоне постигло горькое разочарованіе. Ему не удалось ни изслѣдовать водныхъ путей, ни организовать торговыхъ компаній. Тогда-то злополучный коммерсантъ и вспомнилъ о религіозномъ вопросѣ и заговорилъ о соединеніи Церквей. Въ Москвѣ нашлось нѣсколько иностранцевъ, которыхъ онъ посвятилъ въ свои интересы. Завязалась живая полемика. Одни высказывались въ пользу Рима, другіе, напротивъ, опровергали ученіе католицизма. Кое-кто изъ вліятельныхъ людей принялъ сторону Чентуріоне. Утверждаютъ, будто бы ему были сдѣланы столь важныя сообщенія, что онъ рѣшилъ, не иначе какъ самолично, передать ихъ папѣ. Едва-едва

согласился онъ шепнуть кое-что по секрету датскому королю. Пусть даже во всемъ этомъ есть извѣстная доля преувеличенія. Во всякомъ случаѣ, любопытно, что еще въ XVI вѣкѣ въ Москвѣ могла имѣть успѣхъ пропаганда католицизма.

Впрочемъ, мимолетныя поѣздки Чентуріоне дали и еще кое-какой практическій результатъ. Благодаря этому предпріимчивому коммерсанту вновь завязались сношенія между Москвою и Ватиканомъ. Мало того, на Западѣ пробудился научный интересъ къ Россіи. Хотя Чентуріоне и не былъ оффиціальнымъ представителемъ римской Куріи, ему было поручено передать Василію III письма отъ папы. Когда же этотъ посредникъ возвращался въ Италію, великій князь отправилъ съ нимъ одного изъ своихъ довѣренныхъ, именно Герасимова. По прибытіи въ Римъ, оба они,—и русскій дипломатъ, и итальянскій торговецъ,—не разъ видѣлись съ Паоло Джьовіо. Несомнѣнно, подъ впечатлѣніемъ этихъ бесѣдъ и написалъ епископъ Ночерскій свой очеркъ, посвященный Василію III и, къ сожалѣнію, еще мало извѣстный въ Россіи. Въ той же атмосферѣ создался и другой трудъ Джьовіо о Московскомъ государствѣ, гораздо болѣе популярный среди русскихъ авторовъ. Впрочемъ, донынѣ еще его не коснулась научная критика. При ближайшемъ знакомствѣ съ этимъ сочиненіемъ, можетъ явиться мысль, что авторомъ его былъ скорѣе Чентуріоне, нежели Джьовіо.

Въ обратный путь Герасимовъ отправился не одинъ. Съ нимъ вмѣстѣ выѣхалъ епископъ Скарскій. Бывшій францисканецъ, этотъ іерархъ былъ неутомимымъ путешественникомъ. Въ Италію ему суждено было вернуться лишь для того, чтобы найти тамъ трагическую смерть. Въ Москву епископъ ѣхалъ съ миссіей мирнаго посредника. Ему было поручено водворить согласіе между великимъ княземъ Василіемъ и польскимъ королемъ. Данныя, относящіяся къ этому посольству, отличаются крайней скудостью. Во всякомъ случаѣ, мы можемъ говорить съ увѣренностью,

что на спутника Герасимова возложено было порученіе—явиться посредникомъ между обоими славянскими государствами. Повидимому, благодаря такому вмѣшательству, поддержанному не только папою, но и императоромъ, враждующія стороны заключили между собою перемиріе. Конечно, этотъ фактъ, не лишенъ серьезнаго значенія. Онъ заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что для современниковъ это событіе прошло почти незамѣтно. Надо думать, что они были слишкомъ поражены разгромомъ Рима и заточеніемъ Климента VII въ Орвіето. Въ теченіе этого долгаго періода смутъ, сношенія Куріи съ Москвою не возобновлялись.

Кто бы могъ предвидѣть, что наибольшее содѣйствіе возстановленію этой связи окажетъ все тотъ же Джьовіо? Примѣръ Вольпе и Дитриха Шенберга нашелъ себѣ подражателей. Среди читателей произведеній епископа Ночерскаго явился Гансъ Шлитте. Онъ рѣшилъ за собственный страхъ и рискъ приняться за осуществленіе плановъ, увлекавшихъ, будто бы, Василія III. Будучи посланъ Иваномъ IV въ Германію, чтобы набрать тамъ всякихъ мастеровъ, онъ смѣло возбудилъ два капитальныхъ вопроса—во-первыхъ, о соединеніи Церквей и, во-вторыхъ, о коронованіи великаго князя самимъ папою. Эффектъ получился поразительный. Всколыхнулась вся Европа. Полетѣли гонцы отъ Карла V. Насторожилась римская Курія. Польскій король пришелъ въ смятеніе... И что же? Мы увидимъ, что и папы, и свѣтскіе государи были жертвою безжалостной мистификаціи.

Весь этотъ драматическій эпизодъ былъ подвергнутъ изслѣдованію съ двухъ діаметрально-противоположныхъ точекъ зрѣнія. Одной руководились въ Вѣнѣ, другой въ Краковѣ. Фидлеръ былъ совершенно убѣжденъ въ наилучшихъ намѣреніяхъ великаго князя и въ полнѣйшей искренности его уполномоченнаго. Поэтому въ его глазахъ виновными въ крушеніи идеи религіознаго мира оказываются лишь поляки. Совсѣмъ иначе смотритъ на дѣло

Закржевскій. По его мнѣнію, Шлитте—не болѣе, какъ ловкій авантюристъ, который больше думалъ о корысти, нежели объ интересахъ вѣры. Въ настоящее время подобныя разногласія уже невозможны. Г. Форстенъ не напрасно ознакомилъ ученый міръ съ матеріалами, хранящимися въ Любекѣ. Данныя копенгагенскихъ и кенигсбергскихъ архивовъ не даромъ подверглись болѣе тщательному изслѣдованію. Теперь мы можемъ говорить съ увѣренностью, что Шлитте, безъ вѣдома Ивана IV, придалъ своей миссіи слишкомъ широкое значеніе. При этомъ онъ руководился практическими расчетами и дѣйствовалъ совершенно произвольно. Свою паутину онъ плелъ вполнѣ сознательно, и такъ же сознательно обманывалъ окружающихъ.

Съ 1561 года сношенія Куріи съ Иваномъ IV пріобрѣтаютъ болѣе серьезный характеръ. Впрочемъ, они ведутся еще не непосредственно. Въ теченіе лѣтъ 20-ти папы всячески стараются найти доступъ къ царю. То они хотятъ пригласить его на Тридентскій соборъ или вручить ему постановленія этого совѣщанія; то желаютъ заключить съ нимъ союзъ противъ турокъ и довести до конца дѣло соединенія Церквей, начатое на Флорентійскомъ соборѣ. Разъ шесть пытаются Пій IV, Пій V и Григорій XIII завязать переговоры съ Кремлемъ при помощи своихъ пословъ. Усилія эти оставались напрасными. Это не значитъ, что Иванъ IV отказывался принять римскихъ легатовъ. Нѣтъ, онъ и не подозрѣвалъ о намѣреніяхъ Куріи. Виновниками этого являлись Сигизмундъ-Августъ, Максимиліанъ II и самъ Стефанъ Баторій. Они ни за что не хотѣли пропустить въ Москву уполномоченныхъ римскаго первосвященника.

Въ своемъ превосходномъ трудѣ, посвященномъ сношеніямъ римской Куріи съ Иваномъ Грознымъ, Закржевскій коснулся всѣхъ этихъ попытокъ Ватикана. Изслѣдованія названнаго ученаго проливаютъ яркій свѣтъ на всю политику той эпохи. Мы видимъ передъ собою всѣ ея изгибы. Ватиканскіе архивы обогатили насъ новыми дан-

ными по этому вопросу. Картина развернулась еще шире; вопросы, бывшіе дотолѣ неясными, получили окончательное разрѣшеніе. До сихъ поръ многое оставалось неизвѣстнымъ. Мы не знали, какія инструкціи давали своимъ уполномоченнымъ Пій IV или Пій V. Намъ недоступны были доссье польскаго нунція по дѣлу Ивана IV, равно, какъ его переписка съ заинтересованными лицами. Мы терялись въ догадкахъ, не зная, какъ объяснить внезапную задержку Кленке въ тотъ самый моментъ, когда онъ готовился выѣхать въ Москву. Одни искали причину этого въ смерти императора, скончавшагося въ то время, другіе увѣряли, что умеръ самъ Кленке,—хотя намъ и извѣстно, что онъ жилъ до 1578 года. Оказывается, въ Ватиканѣ имѣется оффиціальный документъ, который окончательно разрѣшаетъ интересующій насъ вопросъ. Теперь мы знаемъ, что поѣздкѣ папскаго уполномоченнаго воспротивился Максимиліанъ II. Наконецъ, о послѣдней попыткѣ подобной миссіи мы не имѣли рѣшительно никакихъ свѣдѣній. Это было тѣмъ досаднѣе, что она совпадала съ блестящей эпохой Стефана Баторія. Правда, такіе авторы, какъ Тургеневъ или Тейнеръ довольно легко мирились съ весьма существенными пробѣлами своихъ данныхъ. Во всякомъ случаѣ, для нихъ оставались неизвѣстными инструкціи кардинала Комскаго нунцію польскому, Калигари, равно какъ и шифрованныя депеши этого послѣдняго. Между тѣмъ, эти документы являются драгоцѣнными свидѣтелями. Они раскрываютъ намъ подробную исторію миссіи 1579 года—съ начала ея до самаго конца. Въ сущности посольство это и не состоялось. Въ этомъ смыслѣ, Баторій остался вѣренъ завѣтамъ Сигизмунда-Августа. Только впослѣдствіи, подъ вліяніемъ Поссевина, онъ вступилъ на путь болѣе разумной и терпимой политики.

Бросая теперь взглядъ въ прошлое, мы видимъ, какіе мотивы мѣшали сближенію Россіи съ Римомъ. Здѣсь серьезное смѣшивается съ пустымъ. Прежде всего мы убѣждаемся, что, начиная съ Флорентійскаго собора и

вплоть до Тридентскаго, сношенія этихъ двухъ сторонъ происходили безъ достаточнаго обоюднаго знакомства и при самомъ неясномъ представленіи о дѣйствительности Между Московскими государями и папами вкрадывались посредники, постоянно преслѣдовавшіе свои личныя цѣли Порою то были смѣлые авантюристы, порою люди честные до наивности. И, однако, всегда ихъ дѣятельность только вредила общему дѣлу. Впослѣдствіи вѣковыя недоразумѣнія между Римомъ и Москвою осложнились еще національнымъ антагонизмомъ и политическими расчетами. Все это создало непроницаемую стѣну между Западомъ и Востокомъ и на долгія времена преградило путь для ихъ непосредственныхъ и прямыхъ сношеній.

Да позволено будетъ намъ выразить здѣсь глубокое сожалѣніе по поводу того, что, въ силу указанныхъ условій, русскій національный геній остался, болѣе или менѣе, чуждъ вліяніямъ латинскаго духа. Особенно прискорбно было такое разъединеніе въ ту пору, когда весь Западъ стремился къ возрожденію. Ничтожная горсточка итальянцевъ на перепутьи задержалась въ Москвѣ около половины XV вѣка... И что же? Эти люди оставили въ русской столицѣ неизгладимые слѣды своего мимолетнаго пребыванія. Что, если бы русскіе приняли болѣе дѣятельное и постоянное участіе въ культурной работѣ человѣчества? Что, если бы они лучше знали внѣшній міръ? Конечно, почва для преобразованій Петра Великаго была бы подготовлена тогда несравненно лучше. Разумѣется, историческій законъ, требующій повсемѣстнаго обмѣна и распространенія благъ цивилизаціи, имѣетъ свою силу и по отношенію къ Россіи. Однако, то и другое легче осуществляется въ условіяхъ постепеннаго развитія, нежели при помощи насильственныхъ и внѣшнихъ мѣръ. Впрочемъ, минувшее можно разсматривать съ еще болѣе возвышенной точки зрѣнія. Оцѣнивая такимъ образомъ исторію отношеній Москвы къ Ватикану, мы убѣждаемся, что, при нормальныхъ условіяхъ, духовное общеніе съ Римомъ должно было бы

содѣйствовать освобожденію русскихъ людей изъ-подъ власти вѣковыхъ предразсудковъ. На этой почвѣ могла бы укорениться великая идея единой Церкви. Нужно ли доказывать, что, въ догматическомъ смыслѣ, эта концепція является единственно пріемлемой? Несомнѣнно, благодатное воздѣйствіе ея на жизнь ощутили бы всѣ народы міра.

Заключая свое предисловіе, мы естественно переносимся мысленно къ тѣмъ драгоцѣннымъ хранилищамъ, въ которыхъ мы почерпнули столь богатый матеріалъ для нашей работы. Сколько блаженныхъ часовъ проведено нами въ архивахъ Италіи, Англіи, Франціи! Сколькими письмами обмѣнялись мы съ нѣмецкими и испанскими, шведскими и датскими учеными! Если изысканія наши оказывались порою небезплодными, то этимъ мы обязаны прежде всего, исключительной любезности просвѣщенныхъ хранителей упомянутыхъ нами древностей. Вотъ почему мы почитаемъ за счастіе выразить имъ здѣсь нашу глубокую признательность.

Еще слово по поводу системы, принятой нами въ примѣчаніяхъ. Избѣгая загроможденія текста нашей книги чрезмѣрнымъ количествомъ ссылокъ, мы ограничивались лишь самыми необходимыми указаніями внизу соотвѣтственной страницы. Гдѣ нужно, мы ссылались на свои предшествовавшія работы, а также на спеціальныя сочиненія другихъ авторовъ. Намъ думается, что этого было достаточно для научнаго обоснованія предлагаемой книги, хотя бы въ главныхъ ея частяхъ.

Парижъ, 2 февраля 1896 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО 2-ому ИЗДАНІЮ.

Тайны прошлаго раскрываются передъ нами лишь постепенно. И, однако, почти каждый годъ приноситъ намъ что-либо новое въ этой области.

Уже послѣ выхода въ свѣтъ нашей книги г. **Jorga** нашелъ и предалъ гласности любопытныя письма кардинала Исидора и его спутниковъ.

Это—съ одной стороны. Съ другой, напрасно отсылали меня (**Franc. Ehrle, Enr. Stevenson,** *Gli Affreschi del Pinturicchio nell' appartamento*) Borgia, Roma, 1897 p. 66, note 5) къ *Diario di Paride de Grassis* (Ватиканск. Арх., XII, т. XIII, л. 200), какъ къ необходимому источнику для знакомства съ исторіей Андрея Палеологъ. Въ указанномъ мнѣ мѣстѣ рѣчь идетъ о совершенно другомъ лицѣ. Объ этомъ достаточно свидѣтельствуетъ самое обозначеніе соотвѣтственной главы: *De Magnifico Domino Carlo, filio dispoti di Larte, qui voluit sedere cum cardinalibus in cappela sed nequaquam.* Въ смыслѣ новаго документальнаго обоснованія всего болѣе посчастливилось исторіи Ганса Шлитте. Къ своему великому изумленію, работая въ вѣнскомъ Государственномъ Архивѣ, я убѣдился, что г. Фидлеръ не использовалъ цѣлаго ряда данныхъ, относящихся къ исторіи этого пресловутаго авантюриста. Что касается матеріаловъ, найденныхъ въ Любекѣ и отмѣченныхъ г. Форстеномъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (авг. 1890 г. стр. 292), то они также ждали своего изслѣдователя. Теперь заговорили и они. Благодаря этому вскрывается доселѣ невѣдомый моментъ въ исторіи колос-

сальной мистификаціи, созданной Шлитте. Первой картой безумно смѣлой игры является рекомендательное письмо Альберта Прусскаго къ Ивану Грозному. Въ рукахъ дерзкаго искателя приключеній этотъ документъ возымѣлъ силу талисмана. Жертвою обманщика оказались какъ папы, такъ и свѣтскіе государи.

Парижъ, 1 ноября 1905 года.

КНИГА I.

Русскіе и Флорентійскій соборъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Унія и Москва.

1417-1417.

I. Избраніе Мартина V.—Обновленіе Церкви и города Рима.—Сношенія съ Востокомъ.—Смерть Мартина V.—Избраніе Евгенія IV.—Предшествующая дѣятельность этого іерарха.—Его симпатіи къ Востоку.—Препятствія.—Базельскій соборъ.—Его делегаты въ Константинополѣ.—Предложенія собора и папы.—Уполномоченные императора въ Базелѣ.—Игуменъ Исидоръ.—Письма, міросозерцаніе, настроеніе, религіозные идеалы и патріотизмъ этого человѣка.—Прибытіе въ Базель.—Рѣчи Чезарини и Исидора.—Наилучшее средство примиренія.—Вселенскій Соборъ.—Декретъ 7-го сентября 1434 года.—Фреронъ у папы.—Евгеній IV присоединяется къ рѣшенію Собора.—Путаница распоряженій.—Рѣшеніе созвать соборъ на Западѣ.—Положеніе дѣлъ въ Константинополѣ.—Обвиненіе противъ Базельскихъ делегатовъ.—Новая редакція декрета 7-го сентября.—Византія и русскіе.—Кіевская митрополія.—Разочарованіе Ioны.—Назначеніе Исидора кіевскимъ митрополитомъ.—Новый міръ.—Россія въ процессѣ своего образованія.—Потомки Калиты.—Ихъ искусная политика.—Собираніе земель русскихъ вокругъ Москвы.—Великій князь Василій II.—Пріемъ Исидора въ Кремлѣ.—Затрудненія при отъѣздѣ на соборъ.—Путь въ Италію.—Происшествіе въ Юрьевѣ.—Путевыя впечатлѣнія.—Прибытіе въ Феррару.—Греки на соборѣ.—Переселеніе собора во Флоренцію.

II. Іоаннъ Палеологъ у воротъ Санъ-Галло.—Домъ Медичи.—Окружающая его атмосфера.—Гуманисты при папскомъ дворѣ.—Разочарованіе въ грекахъ.—Духовная борьба.—Принятая программа.—Итоги дѣятельности собора.—Одинаковое признаніе обрядовъ Восточной и Западной Церквей.—Догматическіе вопросы.—Filioque и верховенство папы.—Роль Исидора.—Его примирительная поли-

тина.—Рѣшительное заявленіе митрополита.—Образъ дѣйствій его по отношенію къ папѣ.—Редакція буллы.—Обнародованіе ея.—Основныя положенія этого акта.—Копіи буллы.—Русскій переводъ.—Латинскія надписи.—Медали.—Барельефы Филарета.—Свидѣтельство о. Симеона.—Рѣчь Марка Ефесскаго.—Горе о. Симеона.—Авраамій отказывается подписать буллу.—Заключеніе подъ стражу вынуждаетъ его согласиться на это.—Логика Исидора.—

III. Помолвка Востока съ Западомъ.—Военныя задачи.—Показанія Торзело.—Посредничество Исидора между императоромъ и папою.—Обѣщанія Евгенія IV.—Миссія Исидора.—Возведеніе его въ санъ кардинала.—Титулъ Исидора.—Пребываніе въ Венеціи.—Бѣгство Симеона и Ѳомы. — Странныя приключенія. — Окружное посланіе Исидора.—Пріемъ въ Краковѣ у Олесницкаго.—Унія въ Челмѣ.—Заступничество Исидора за Бобилу.—Радушный пріемъ въ Кіевѣ и Смоленскѣ.—Настроеніе умовъ въ Москвѣ.—Прибытіе Исидора.—Оглашеніе буллы.—Трагическая развязка.—Арестъ митрополита.—Жалобы Василія.—Соборъ духовенства въ Москвѣ.—Осужденіе Исидора.—Бѣгство изъ Москвы.—Приключенія Исидора въ Твери и Новогродекѣ.—Отъѣздъ его въ Италію.

I.

Въ 1417 году на папскій престолъ былъ возведенъ кардиналъ Колонна. Надѣвая тіару, онъ принялъ имя Мартина V. Это избраніе положило конецъ гибельному расколу западной Церкви; оно же заключило собою многолѣтнюю пору Авиньонскаго плѣненія римскихъ первосвященниковъ. Папская власть вышла побѣдительницей изъ борьбы, продолжавшейся 39 лѣтъ. Впрочемъ, самая острота пережитаго кризиса свидѣтельствовала о могучей силѣ сопротивленія, таившейся въ Ватиканѣ, и о волшебномъ обаяніи главы католицизма. Повинуясь вѣрному инстинкту, вновь избранный папа рѣшилъ водвориться въ Римѣ. Послѣ вынужденныхъ остановокъ въ Мантуѣ, Флоренціи и другихъ городахъ, 30 сентября 1420 года, Мартинъ V торжественно въѣхалъ въ древнюю столицу. Вѣчный городъ слишкомъ долго вдовствовалъ безъ своихъ владыкъ. Стогны его были поруганы дикими вандалами. Для того, что-

бы подняться изъ руинъ и пепла, Риму нужно было присутствіе первосвященника. Начались колоссальныя работы по реставраціи улицъ и публичныхъ зданій, церквей и базиликъ. Городъ украсился шедеврами Джентиле Фабріано, Витторе Пизано, Мазаччьо, вызваннаго изъ Тосканы... Эти дивныя созданія искусства являлись, какъ бы символомъ возрожденія, наступавшаго для всей Церкви. Прошли времена Іоанновъ XXIII, Бенедиктовъ XIII и Климентовъ VII. Стремясь обуздать вражду политическихъ партій, Мартинъ V находилъ себѣ опору въ членахъ своего рода. Ему помогали братья и племянники. Всѣ они были богато награждаемы папскими милостями. Быть можетъ, порою эта щедрость римскаго владыки даже переходила мѣру. Во всякомъ случаѣ, новому папѣ удалось возстановить наслѣдственную область св. Петра и вернуть прежній престижъ главѣ католической Церкви. При немъ міръ и клиръ размежевались точнѣе и замкнулись въ свои естественныя границы.

Впрочемъ, на долю папы выпало не мало заботъ. Послѣдователи Гусса подняли знамя возстанія. Церковь волновалась, готовясь къ соборамъ. Всѣ ждали реформъ, которыя, однако, медлили. Между тѣмъ, вниманіе папы привлекалъ къ себѣ и Востокъ. Турки подступали все ближе и ближе къ Константинополю, охватывая его желѣзнымъ кольцомъ. Предчувствуя трагическую развязку, греки обращались за помощью на Западъ. Имъ нуженъ былъ прочный оборонительный союзъ. Во имя этой цѣли они готовы были забыть старые догматическіе споры и былыя столкновенія изъ-за вопросовъ іерархіи. Объединившись подъ сѣнью вселенской Церкви, покорные власти ея главы, греки и латиняне могли бы противопоставить напору мусульманъ болѣе внушительную и мощную силу. А турки уже угрожали всему Балканскому полуострову. Какъ всегда, Ватиканъ пошелъ навстрѣчу требованіямъ времени. Завязались живыя сношенія Рима съ Византіей. Греческое посольство уже направлялось въ Италію. Шли приготовле-

нія къ церковному собору... И, вдругъ, 20 февраля 1431 года Мартинъ V умираетъ, пораженный апоплексическимъ ударомъ.

Принять въ свои руки переговоры, начатые Мартиномъ V, и довести ихъ до желаннаго конца выпало на долю ближайшаго преемника этого папы. Такимъ лицомъ явился Габріэле Кольдумаро, нареченный Евгеніемъ IV. Племянникъ Григорія XII, новый римскій первосвященникъ былъ истымъ сыномъ Венеціи. Какъ извѣстно, этотъ городъ былъ искони дѣятельнымъ посредникомъ между Европой и Востокомъ. Впрочемъ, чаще всего венеціанцы заботились больше о расширеніи своихъ земель и о завоеваніи рынковъ, нежели объ успѣхахъ католической Церкви. Тѣмъ не менѣе, подъ крылами геральдическаго льва св. Марка мужали не только смѣлые воины, купцы и мореплаватели; здѣсь воспитывались порою люди съ пламенной душою и широкими идеалами, проникнутые благородными стремленіями истинныхъ христіанъ. Именно таковъ былъ Евгеній IV. По крайней мѣрѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ намъ св. Антонинъ; а показаніямъ послѣдняго мы можемъ довѣриться*). Новый папа обладалъ внушительной фигурой. Осанка его была полна величія. Въ теченіе всей своей жизни онъ остался вѣренъ завѣтамъ благочестія и чистоты, воспринятымъ въ монастырѣ Санъ-Джьорджіо in Alga. Еще будучи простымъ монахомъ августинскаго ордена, онъ часто видѣлъ, какъ корабли Сеньеріи, распустивъ паруса, уходятъ къ Леванту. Онъ посылалъ имъ вслѣдъ свои апостольскія благословенія, долго не отрывая взора отъ ихъ кормы... Выполняя возложенную на него миссію, Евгеній побывалъ въ Эпирѣ и Македоніи, во Оракіи, Малой Азіи и Египтѣ. Съ тѣхъ поръ, на всѣхъ ступеняхъ своей іерархической карьеры, онъ помнилъ о восточномъ вопросѣ, который занималъ его преимущественно передъ всѣми другими проблемами. Особенно усердно рабо-

*) Chronicorum tertia pars, pa 512.

талъ Евгеній надъ его разрѣшеніемъ во время Констанцкаго собора; разумѣется, папа былъ посвященъ во всѣ дальнѣйшіе переговоры, которые велись по этому поводу. Ставши главою католической Церкви, Евгеній IV менѣе всего былъ склоненъ забыть о тѣхъ мечтахъ, которыя лелѣялъ онъ, будучи еще кардиналомъ и даже простымъ монахомъ.

Между тѣмъ, нужно было обладать неистощимой энергіей, чтобы думать о соединеніи Церквей въ эту пору. Тотчасъ послѣ смерти Мартина V, на римскую Курію обрушился цѣлый рядъ испытаній. Раздраженная суровыми мѣрами, принятыми противъ дома Колонна, партія этихъ аристократовъ открыто нарушала внутренній миръ Церкви. Извнѣ папѣ грозилъ герцогъ миланскій, Филиппо-Марія Висконти. Онъ не могъ простить римскому первосвященнику дружественныхъ отношеній съ Венеціей и Флоренціей. Хищные кондоттьеры, въ родѣ Фортибраччіо или Сфорца, безнаказанно опустошали папскія области. Въ 1434 году въ самомъ Римѣ вспыхнулъ мятежъ. Капитолій былъ взятъ приступомъ. Ничтожные потомки Гракховъ провозгласили республику. Папа вынужденъ былъ бѣжать. Скрывшись въ трюмѣ галеры, чтобы спастись отъ града камней, онъ спустился по Тибру въ Остію. Оттуда онъ выѣхалъ во Флоренцію, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ въ доминиканскомъ монастырѣ Санта-Марія Новелла.

Окруженный врагами, которые тѣснили римскаго первосвященника съ оружіемъ въ рукахъ, Евгеній IV долженъ былъ считаться одновременно и съ противниками другого рода. Мы говоримъ о тѣхъ, что парализовали мирную политику папы на Востокѣ. Какъ извѣстно, въ Базелѣ открылся церковный соборъ. Дѣятельность его протекала въ довольно необычныхъ условіяхъ. Когда она приняла явно-незаконный характеръ, Евгеній IV приказалъ собору прекратить свои засѣданія. Вскорѣ, однако, онъ измѣнилъ свое первоначальное распоряженіе. Было слишкомъ очевидно, что воля римскаго первосвященника встрѣтитъ слишкомъ сильную оппозицію. Въ томъ же смыслѣ поста-

рались повліять на папу и нѣкоторые кардиналы. Въ концѣ-концовъ, 15 декабря 1433 года, Евгеній формально призналъ законность Базельскаго собора. Однако, подобная уступка не устранила затрудненій. Положеніе оставалось крайне натянутымъ. Порою оно принимало угрожающій характеръ. Что касается, въ частности, восточнаго вопроса, то по отношенію къ нему тактика собора была полна недомолвокъ, изобиловала промахами всякаго рода и лишена была малѣйшей послѣдовательности. Это грозило погубить все дѣло,—тѣмъболѣе, что сами Византійцы вели двойную игру, сносясь одновременно и съ Римомъ, и съ Базелемъ. Разумѣется, это создавало невѣроятную путаницу *).

Евгеній IV уже давно велъ переговоры съ Византіей относительно соединенія Церквей. Но сначала члены Базельскаго собора не придавали этому дѣлу никакого значенія. Было моментъ, когда самому существованію собора угрожала опасность. Тогда участники Базельскихъ совѣщаній презрительно отзывались о планахъ папы, какъ о «старыхъ пѣсняхъ», давнымъ-давно вышедшихъ изъ «моды». Сами они болѣе всего были заняты борьбою съ гуситами, императору хотѣлось возможно скорѣе сломить сопротивленіе этихъ сектантовъ. При такихъ условіяхъ, вся забота о нуждахъ восточной Церкви стала бременемъ одного папы: отцы Базельскаго собора не хотѣли увлекаться несбыточными мечтами. Однако, стоило Евгенію IV добиться кое-какихъ успѣховъ, какъ настроеніе собора разомъ измѣнилось. Участники его съ жаромъ ухватились за мысль о возсоединеніи враждующихъ Церквей. Не предупредивъ папы, они немедленно завязали переговоры

*) Въ качествѣ источника по исторіи Флорентійскаго собора см. Hergenröther, *Handbuch III, 388-391*.—Сюда же относятся труды Labbe, Syropoulos, Allacci, Cecconi, Goethe, Zhishsman, Fromman, Макарія Шевырева, Ottenthal, Делекторскаго, Draeseke, Carra de Vaux, *Warschauer*.—Ср. *Bibl. Laurenz. Acquisi.* Doni, 143; Strozzi № 33.—Ватикан. Библ., Слав. Отд., т. XII л. 55.—Библ. Барберини, т. XVI, л. 86.

съ греками. Безъ вѣдома римскаго первосвященника, въ 1433 году въ Константинополь были отправлены два делегата. На нихъ была возложена довольно двусмысленная миссія—перехватить, такъ сказать, для Базеля плоды того, что создавалось усиліями Рима. Между прочимъ, эти уполномоченные должны были всячески подчеркивать значеніе и силу Базельскаго собора. Они обязаны были внушить грекамъ мысль, что свѣтскіе государи являются болѣе горячими сторонниками церковныхъ реформъ, нежели самъ римскій владыка. Слѣдовательно, при поддержкѣ такихъ союзниковъ, легче всего можно будетъ достигнуть примиренія обѣихъ Церквей и организовать крестовый походъ на невѣрныхъ...

Вмѣстѣ съ тономъ Іоаннъ Палеологъ унаслѣдовалъ отъ своего отца, Мануила, и его религіозные идеалы. Императоръ велъ весьма дѣятельные переговоры съ Евгеніемъ IV. Тѣмъ не менѣе, Базельскіе делегаты встрѣтили у него самый радушный пріемъ. Этого мало; Іоаннъ немедленно отрядилъ своихъ уполномоченныхъ на засѣданія пресловутаго собора. Разумѣется, Палеологъ отлично понималъ всѣ преимущества подобной тактики. Сносясь одновременно съ обѣими сторонами, онъ могъ сдѣлаться настоящимъ господиномъ положенія. Папа охотно соглашался на то, чтобы буду церковный соборъ созванъ былъ на берегахъ Босфора. Напротивъ, преобразователи, засѣдавшіе въ Базелѣ, энергически настаивали на необходимости въ этомъ же городѣ открыть предполагаемое совѣщаніе. Не имѣя ни денегъ, ни кредита, они готовы были принять на себя всѣ расходы по переѣзду делегатовъ. Между тѣмъ, папа считалъ болѣе справедливымъ возложить это бремя на византійцевъ. Въ условіяхъ той и другой стороны были свои выгоды и свои неудобства. Конечно, для византійскихъ патріотовъ было пріятнѣе, что будущій соборъ откроется въ Константинополѣ. Однако, государственная казна имперіи была и безъ того истощена. Поэтому, быть можетъ, было еще лучше избѣгнуть излишнихъ расходовъ... Всѣ

свои соображенія по этому поводу Іоаннъ II довѣрилъ тремъ полномочнымъ посламъ, которые должны были отправиться въ Базель. То были: родственникъ императора, Димитрій Палеологъ, Исидоръ, игуменъ монастыря св. Димитрія, и, наконецъ, Іоаннъ Дисхипато, офицеръ дворцовой гвардіи.

Здѣсь впервые выступаетъ на арену Исидоръ, уже извѣстный, впрочемъ, при византійскомъ дворѣ. Съ этого момента онъ не исчезнетъ уже съ нашего горизонта; роль его въ дальнѣйшихъ событіяхъ будетъ слишкомъ замѣтна. Монастырь св. Димитрія, гдѣ Исидоръ былъ игуменомъ, основанъ былъ императоромъ. Создателемъ этой обители явился Михаилъ VIII. Онъ самъ упоминаетъ объ этомъ въ дошедшей до насъ автобіографіи *). Во главѣ этой общины всегда стояли болѣе или менѣе видные дѣятели Церкви. Если столь почетный постъ былъ довѣренъ Исидору, то, конечно, онъ заслуживалъ того скорѣе своими личными достоинствами, нежели правами своего происхожденія. Хотя будущій кардиналъ и родился въ Константинополѣ, ничто не говоритъ о томъ, чтобы онъ былъ человѣкомъ знатнаго рода. Читая его письма, мы убѣждаемся только, что онъ былъ широко образованъ и отличался рѣдкимъ благородствомъ характера. Впрочемъ, эпоха наложила свою печать на Исидора: передъ нами — гуманистъ, который самъ тѣшится виртуозностью своего языка. Исидоръ и не скрываетъ своей слабости. Онъ искренне восхищается «гармоніей фразъ, стройностью рѣчи, силою слова и живостью мысли»... Цѣня это въ другихъ, онъ, разумѣется, стремится къ тому же самому и въ собственныхъ письмахъ. Онъ посвящаетъ цѣлыя страницы извиненіямъ, сожалѣніямъ, даже жалобамъ по поводу затерявшагося, запоздавшаго или недостаточно изящно написаннаго посланія. Онъ охотно цитируетъ древнихъ поэтовъ, которые обогатили его перо миѳологическими образами.

*) *Христіанское Чтеніе*, ноябрь—декабрь 1885 года, стр. 529.

Олимпійскіе боги, музы, сирены, нектаръ, амврозія постоянно приходятъ ему на память, дѣлая его стиль болѣе яркимъ и красочнымъ. Если Исидоръ прикованъ къ мѣсту и не можетъ летѣть къ друзьямъ, онъ садится гдѣ-нибудь на берегу и роняетъ слезы при воспоминаніи о бесѣдахъ съ ними. Увы! Эти радости такъ же недолговѣчны, какъ и нѣжные весенніе цвѣты. Впрочемъ, порою въ письмахъ нашего іерарха прорвется и игривая нота. Какой-нибудь заяцъ надѣлаетъ бѣдъ въ саду игумена. И, вотъ, его подвергаютъ суду Соломона, — чтобы затѣмъ, въ аппеляціонномъ порядкѣ, отослать кому-нибудь изъ друзей настоятеля.

Подъ нѣсколько манерными или шутливыми формами всѣхъ этихъ писемъ чувствуется серьезный и дѣловой характеръ Исидора. Передъ нами — два посланія его къ Гуарино, въ Верону. Здѣсь больше всего говорится о книгахъ. Исидоръ посылаетъ своему другу кое-что изъ сочиненій Ксенофонта. Онъ обѣщаетъ снабдить его также твореніями Лукіана и Атенея. Разумѣется, за это онъ ждетъ уплаты тою же монетой. Мысль о литературѣ не покидаетъ Исидора ни на минуту. Когда въ Эпидаврѣ или Спартѣ ему приходится думать о полевыхъ работахъ, о земледѣліи, о быкахъ и лошадяхъ, то труднѣе всего ему бываетъ оторваться отъ своихъ любимыхъ книгъ и привычныхъ занятій. Какъ манили къ себѣ Исидора отдаленныя путешествія! Мануилъ Хрисолоръ проѣзжаетъ отъ Испаніи до Британскихъ острововъ. На пути онъ оказывается въ «богатомъ» Парижѣ... Какъ завидуетъ Исидоръ счастливцу, побывавшему въ столькихъ странахъ! Себя самого онъ сравниваетъ съ жалкимъ кротомъ, обреченнымъ рыться подъ землею. Очевидно, о путешествіяхъ Исидоръ судилъ по той пользѣ, которую онъ самъ умѣлъ извлекать изъ всякой, даже небольшой поѣздки. Прибывъ въ Витило, онъ осматриваетъ городъ и портъ. Его интересуютъ надписи, начертанныя на колоннахъ. Наблюдая бытъ албанцевъ, онъ констатируетъ вліяніе на нихъ греческой куль-

туры: только подъ такимъ воздѣйствіемъ могли эти дикіе горцы стать болѣе человѣчными и цивилизованными.

Особенно поражаетъ въ письмахъ Исидора возвышенный строй всѣхъ его чувствъ. Пусть сѣтуетъ онъ порою на презрѣніе, которое, будто бы, является удѣломъ монаховъ. Самого его окружало всеобщее уваженіе. Передъ нами—письмо Исидора къ императору Мануилу; мы видимъ, что автору не впервой сноситься запросто съ государемъ. Какъ равный къ равнымъ, Исидоръ обращается и къ деспотамъ Морен, и къ *Михаилу Сакелларію*, и къ *митрополитамъ* Мидійскому и Кіевскому. Какъ другъ, игуменъ весь проникнутъ преданностью. Онъ всегда озабоченъ судьбою ближняго. Правда, онъ любитъ любезный обмѣнъ мыслей и умѣетъ говорить пріятное другому. Но этого мало. Исидоръ—постоянный защитникъ бѣдныхъ и прибѣжище несчастныхъ. Какихъ-нибудь злополучныхъ поселянъ постигла напасть: виноградники ихъ опустошила буря. Изуродованныя лозы стали похожи на низкорослую сосну... Благосостояніе бѣдняковъ разрушено. А, между тѣмъ, съ нихъ требуютъ подати; откуда взять денегъ? Исидоръ берется за дѣло. Онъ пламенно выступаетъ на защиту обездоленныхъ. Въ его голосѣ звучатъ патетическія ноты. Онъ взываетъ къ милосердію, справедливости, завѣтамъ христіанской любви. Рѣчь его сдержанна и учтива; однако, въ ней чувствуется непреклонная твердость человѣка, свято вѣрующаго въ свое дѣло. Какъ сказано, Исидоръ былъ истиннымъ гуманистомъ. Впрочемъ, онъ не увлекался мечтательными настроеніями неоплатониковъ. Религіозныя убѣжденія его *оставались чисто христіанскими*. Богъ для Исидора — существо личное. Онъ—создатель всего живого. Промысломъ Его предопредѣлены неисповѣдимыя тайны Воплощенія и Искупленія. Исидоръ признаетъ и грѣхопаденіе человѣка, и спасеніе его благодатью. Онъ вѣритъ въ безсмертную жизнь будущаго. Молитвы, возносимыя смиреннымъ игуменомъ «Владыкѣ владыкъ», проникнуты искреннимъ чувствомъ... Не слѣдуетъ думать, однако, что рели-

гіозность поглощала въ Исидорѣ патріотизмъ. Нѣтъ, нашему монаху дорога земля Пелопса. При одномъ ея имени какія-то нѣжныя струны начинаютъ звучать въ его душѣ. И замѣчательно, что Исидоръ нигдѣ и никогда не прячетъ и не стыдится своихъ чувствъ. Каковъ былъ онъ въ Византіи или Морѣ, такимъ останется впослѣдствіи и на Западѣ *).

Греческіе делегаты прибыли въ Базель лишь въ іюлѣ 1434 года. Такое запозданіе было вызвано различными причинами — частью бурями на морѣ, частью разбоями по большимъ дорогамъ. Предсѣдателемъ собора былъ въ то время кардиналъ Джульяно Чезарини. Другъ гуманистовъ, онъ привѣтствовалъ вновь прибывшихъ гостей рѣчью въ духѣ Возрожденія, гдѣ мысли терялись въ потокѣ словъ, а строгая логика слишкомъ часто приносилась въ жертву риторическимъ пріемамъ и стремленію къ внѣшнему эффекту. Начавъ съ самыхъ общихъ разсужденій о важности мира и согласія между дѣтьми единой Церкви, Чезарини вкратцѣ изложилъ исторію собора и выяснилъ достигнутые имъ результаты. Въ заключеніе, онъ довольно смѣло заявилъ, что, въ сущности, разногласіе между греко-православными и католиками сводится къ чисто формальнымъ вопросамъ. Онъ увѣрялъ, что вѣсть о примиреніи Церквей послужитъ сигналомъ всеобщаго крестоноснаго движенія. Государи христіанскихъ державъ сами станутъ подъ знамя св. Петра, и одного моральнаго впечатлѣнія этой грандіозной манифестаціи будетъ достаточно, чтобы сокрушить турокъ. Рѣчь Чезарини дышала энтузіазмомъ. Онъ изливалъ свою радость по поводу прибытія греческихъ пословъ, которыхъ привѣтствовалъ въ самыхъ учтивыхъ и сердечныхъ выраженіяхъ.

Отвѣтить кардиналу было поручено Исидору. Византійскій посолъ произнесъ свою рѣчь на греческомъ языкѣ.

---

*) **Regel**, *Analecta*, p. XXXVIII, 59, — Ват. Библ., греч. отд., № 914, f. 56—62.

Переводчикомъ ея на латинскій явился Ауриспа. Ораторъ не только выдержалъ высокій стиль, подобно Чезарини, но и внесъ въ свои слова чисто восточный элементъ; это сказалось въ еще большей аффектаціи и смѣлости гипербол. Извиняясь своею усталостью послѣ путешествія и скромно признавая за собою недостатокъ краснорѣчія, Исидоръ заявлялъ, что ему не подъ силу та задача, передъ которой оказались бы слабыми самые мощные таланты древности. Кто могъ бы, въ самомъ дѣлѣ, достойнымъ образомъ оцѣнить значеніе Базельскаго собора? То восходя ко временамъ осады Трои, то касаясь недавнихъ войнъ Англіи съ Франціей, Исидоръ старался показать на историческихъ примѣрахъ всю гибельность вражды и всѣ блага мира. Поддерживая мысль Чезарини, онъ находилъ, что расколъ церквей былъ вызванъ самыми ничтожными причинами. Въ основѣ распри лежали простыя недоразумѣнія. Но злой духъ вырылъ изъ нихъ цѣлую бездну. Въ этихъ словахъ сказывался горячій сторонникъ церковнаго примиренія, открывавшаго самые широкіе горизонты въ будущемъ. Зато, когда рѣчь коснулась Византіи, въ голосѣ Исидора зазвучалъ могучій патріотизмъ. Несчастная нація!— восклицалъ игуменъ, говоря о грекахъ, — и все же она сильна и покрыта славой. Множество земель въ Европѣ и Азіи еще склоняются передъ ея могуществомъ. Власть византійскаго патріарха простирается на самую Россію. А вѣдь эта необозримая страна тянется вплоть до Гиперборейскихъ странъ! И какимъ славнымъ дѣломъ должно явиться соединеніе Византіи съ Римомъ!.. Передъ глазами Исидора раскрывались ослѣпительныя перспективы. Возстановить миръ между Западомъ и Востокомъ — не значитъ ли это воздвигнуть грандіозный памятникъ, который затмитъ собою колосса Родосскаго? Вершина его будетъ касаться небесъ, а блескъ его покроетъ обѣ страны свѣта...

Послѣ оффиціальныхъ рѣчей началось дѣловое обсужденіе Уніи. Въ принципѣ обѣ стороны сходились въ томъ, что лучшимъ и, пожалуй, единственнымъ путемъ къ

соглашенію является вселенскій соборъ. Камнемъ преткновенія служилъ только вопросъ о мѣстѣ послѣдняго. Греки, естественно, склонялись къ Константинополю; что касается членовъ Базельскаго совѣщанія, то они рѣшительно высказывались въ пользу своего города. Много времени было потрачено въ напрасныхъ усиліяхъ сговориться. Наконецъ, было рѣшено, что преимущество должно остаться за Западомъ: сюда прибудутъ и императоръ, и константинопольскій патріархъ. Волей-неволей грекамъ пришлось удовлетвориться тѣмъ, что для собора будетъ намѣченъ городъ, болѣе близкій къ Византіи, нежели Базель. Въ качествѣ компенсаціи участники базельскаго совѣщанія обѣщали принять на себя всѣ путевые расходы делегатовъ. Конечно, для этого нужно было больше смѣлости, чѣмъ благоразумія. Наконецъ, по требованію греческихъ уполномоченныхъ, они взялись представить выработанныя условія на утвержденіе папы.

Казалось, всѣ затрудненія были устранены. 7 сентября 1434 года на торжественномъ собраніи въ каѳедральномъ соборѣ былъ прочитанъ декретъ *Sicut pia mater*. Текстъ его былъ принятъ всѣми членами Базельскаго совѣщанія и клятвенно подтвержденъ греками. Этотъ знаменитый документъ резюмировалъ указанныя выше условія соглашенія. Затѣмъ онъ заключалъ въ себѣ латинскій переводъ грамоты императора отъ 11 ноября 1433 года и посланіе патріарха отъ 15 октября того же года. При всей осмотрительности составителей декрета, въ текстѣ его допущена была нѣкоторая неосторожность. Отцы собора торжественно заявляли, что, покончивъ со смутою гусситовъ, они приступаютъ къ улаженію давнихъ счетовъ съ греками. Такимъ образомъ, восточные христіане, считавшіе себя архиправославными, ставились на одну доску съ еретиками. Конечно, то было оскорбленіемъ, котораго весьма легко можно было бы избѣгнуть. Впрочемъ, ни игуменъ Исидоръ, ни его спутники, повидимому, не были шокированы столь неловкимъ сопоставленіемъ. Совсѣмъ другое

дѣло—ихъ соотечественники: мы увидимъ скоро, что они оказались болѣе чуткими и щепетильными. Но это обнаружилось потомъ. Пока что, на каноника орлеанскаго, Симона Фреронъ, была возложена миссія—представить на утвержденіе папы декретъ Базельскаго собора.

То было весьма деликатное порученіе. Легко себѣ представить изумленіе римскаго владыки, когда онъ прослышалъ о затѣѣ отцовъ Базельскаго собора. Но пока они дѣлали свое дѣло подъ сурдину. Когда же прибылъ Фреронъ, папа еще болѣе растерялся. Конечно, ему очень хотѣлось сохранить за собою руководящую роль въ сношеніяхъ съ Византіей. Мысль о созывѣ собора въ Константинополѣ казалась ему самой счастливой. Выйдя изъ-подъ сводовъ св. Софіи, церковная Унія могла встрѣтить больше сочувствія на Востокѣ, а торжественныя клятвы, принесенныя въ томъ же національномъ святилищѣ, убѣдительнѣе всего свидѣтельствовали бы о свободномъ заключеніи мира между обѣими Церквами. Наконецъ, и финансовый вопросъ требовалъ болѣе серьезнаго обсужденія,—ибо члены Базельскаго собора расчитывали на весьма проблематическія средства. Несмотря на все это, папѣ пришлось покориться. Вѣдь и безъ того онъ жилъ бѣглецомъ во Флоренціи. Базельскій соборъ каждую минуту грозилъ вступить на путь открытаго неповиновенія... Вотъ почему папа счелъ себя обязаннымъ внять совѣтамъ благоразумія, которые подавали ему окружающіе. 15 ноября 1434 года онъ отправилъ въ Базель отвѣтное посланіе. Излагая свой собственный взглядъ на дѣло, Евгеній заявлялъ о своей готовности присоединиться къ рѣшеніямъ собора, если они неизмѣнны.

Вскорѣ послѣ того въ Базель прибыли два уполномоченныхъ греческаго императора, Георгій и Мануилъ Дисхипато. Они явились съ новыми инструкціями. Іоаннъ II поддерживалъ предложенія папы. Онъ настаивалъ на созывѣ собора въ Константинополѣ и приказывалъ Исидору

съ его спутниками измѣнить въ этомъ смыслѣ заключенныя ими условія.

Евгеній IV снова становился господиномъ положенія. Но этотъ человѣкъ умѣлъ жертвовать личными чувствами ради намѣченной имъ высокой цѣли. Папа простилъ отцамъ Базельскаго собора ихъ неумѣстное вмѣшательство въ переговоры съ Византіей, внесшее въ эти сношенія такую путаницу. Съ другой стороны, онъ не осудилъ и грековъ за ихъ двойственную политику, быть можетъ, понимая, что смягчающимъ обстоятельствомъ для нихъ можно было признать дальность разстоянія и вѣчныя проволочки. Вѣрный обѣщаніямъ, даннымъ 15 ноября, Евгеній IV не пожелалъ единолично перерѣшать вопросъ, а предоставилъ это тому же собору. Конечно, такой успѣхъ окрылилъ базельцевъ. Заранѣе увѣренные въ уступчивости папы, они съ тѣмъ большимъ упорствомъ вели свою линію. Волей-неволей, грекамъ пришлось отказаться отъ собора въ Константинополѣ и согласиться на его созывъ гдѣ-нибудь на Западѣ *).

Оставалось лишь добиться утвержденія выработанныхъ условій у императора Іоанна II. Теперь театромъ дѣйствія становится дворецъ кесаря на берегу Золотого Рога. Здѣсь нѣкогда были брошены первыя сѣмена вѣковой вражды церквей. Но, въ данный моментъ, когда толки о соборѣ еще сильнѣй разжигали религіозныя страсти, угрожающая имперіи опасность невольно располагала ее къ большему миролюбію. По словамъ свидѣтелей-католиковъ, какъ Траверсари, Джьованни Рагузскій, Менгеръ или Фреронъ, въ Византіи проснулись горячія симпатіи къ старшему брату, т.-е. Риму. Повидимому, самъ императоръ больше всего боялся турокъ. Миръ съ Мурадомъ II, купленный столь дорогою цѣной, Іоаннъ II считалъ лишь временнымъ перемиріемъ. Что касается патріарха Іосифа, то

*) Cecconi p. LXVIII, LXXX, XCVI, CXIII.—Zhishman, *Die Unionsiv.* 1.—125.—Haller, I. 336-370.—Bibl. Laurenziana, *Strozzi*, n°.33—*Cugnoni* 156.

этотъ маститый, всѣми почитаемый старецъ одушевленъ былъ болѣе высокими стремленіями. Правда, партія, группировавшаяся около обоихъ названныхъ лицъ, была далеко немногочисленна. Но она была готова всѣмъ пожертвовать во имя интересовъ родины и вѣры. Даже въ массахъ народныхъ чувствовалось какъ-будто ослабленіе исконной вражды къ Западу. По крайней мѣрѣ, такъ было въ Константинополѣ. Когда патріархъ распорядился ознаменовать торжественнымъ богослуженіемъ приступъ къ великому дѣлу соединенія Церквей, цѣлыя толпы духовенства и мірянъ стеклись къ собору св. Софіи, желая принять участіе въ этомъ молебствіи. Получилась величественная и трогательная картина. Однако, примирительное настроеніе было, въ сущности, иллюзіей. Самые второстепенные вопросы, относившіеся къ собору, пріобрѣтали сразу острый характеръ; это внушало серьезныя опасенія. Мы намѣренно опускаемъ докучныя подробности окончательнаго соглашенія. Здѣсь борьба шла все на той же почвѣ національнаго самолюбія или денежныхъ интересовъ. Отмѣтимъ лишь одинъ эпизодъ, связанный съ именемъ Исидора.

Въ сентябрѣ 1435 года уполномоченные католиковъ и греко-православныхъ открыли свои совѣщанія въ Константинополѣ, дабы условиться относительно собора. Почти немедленно въ городѣ стали распространяться самые невыгодные толки по поводу дѣятельности трехъ базельскихъ делегатовъ, т.-е. Димитрія, Исидора и Іоанна. Молва обвиняла ихъ въ томъ, что, ради личныхъ интересовъ, они пожертвовали общимъ дѣломъ; упрекали ихъ въ томъ, что они не сговорились между собою... Объ этомъ было доложено императору. Отъ лица уполномоченныхъ выступилъ съ объясненіями Димитрій. Его горячо поддержалъ Исидоръ. На этотъ разъ побѣда осталась за ними. Но вскорѣ делегатамъ пришлось выдержать еще болѣе жестокую борьбу. Когда декретъ 7 сентября 1434 года сдѣлался достояніемъ гласности, въ Византіи разразилась цѣлая буря. Греки были страшно возмущены тѣмъ, что ихъ осмѣлились приравнять

къ гусситамъ. Обидная для православныхъ редакція декрета была единодушно отвергнута. Потребовалось внести въ его текстъ соотвѣтственныя исправленія. На голову делегатовъ, бывшихъ въ Базелѣ, посыпался градъ самыхъ страстныхъ упрековъ. Вѣдь достаточно было одного ихъ слова, чтобы оскорбительная формула декрета была уничтожена. Почему же они молчали? Развѣ не понимали они, какая отвѣтственность ложится на нихъ? Пришлось немедленно улаживать дѣло. Понадобилось не меньше трехъ бурныхъ засѣданій для того, чтобы найти тотъ или иной компромиссъ. Въ концѣ концовъ, католики согласились составить новый текстъ. До отсылки въ Базель онъ долженъ былъ подвергнуться просмотру грековъ. Однако, пока делегаты римской церкви занимались этимъ дѣломъ, императоръ пожелалъ, чтобы греки составили свою редакцію декрета. Для этой цѣли создана была особая комиссія изъ четырехъ членовъ; въ числѣ ихъ находился и Исидоръ. Впрочемъ, комиссія только напрасно потратила свой трудъ. Оказалось, что опасенія императора были преждевременны. Новый текстъ, предложенный католиками, былъ принятъ единогласно всѣми уполномоченными. Такимъ образомъ, инцидентъ былъ исчерпанъ къ общему удовольствію *). Очевидно, что какъ бы ни велъ себя Исидоръ на Базельскомъ соборѣ, онъ нисколько не утратилъ довѣрія императора. Новымъ доказательствомъ этого явилась отвѣтственная миссія, возложенная вскорѣ Іоанномъ II на даровитаго игумена. Мы говоримъ объ отправленіи Исидора въ Россію. Но здѣсь мы оставимъ грековъ съ ихъ приготовленіями къ церковному собору. Чтобы оцѣнить важность даннаго Исидору порученія, мы должны выяснить, каковы были тогдашнія отношенія между Византіей и Москвою.

Принявъ христіанство отъ греческихъ миссіонеровъ и, уже съ X вѣка, подчинившись константинопольскому патріарху, русская Церковь поддерживала духовное общеніе

*) *Syropoulos* 22-42.

со своей метрополіей. Съ Византіей ее связывали, прежде всего, іерархическія узы. Митрополитъ кіевскій и всея Руси рукополагался въ свой санъ константинопольскимъ патріархомъ; въ крайнемъ случаѣ послѣдній лишь утверждалъ его въ святительскомъ званіи. Что касается политики византійскихъ императоровъ по отношенію къ Россіи, то она мѣнялась въ зависимости отъ обстоятельствъ. Когда татары напали на Русь и обложили ее данью, Византія не помогла ей ни деньгами, ни вооруженной силой. Въ XV вѣкѣ роли перемѣнились. Самъ Константинополь нуждался въ помощи русскихъ противъ турокъ. Такимъ образомъ сближеніе съ Москвою диктовалось силою вещей.

Какъ разъ въ это время постъ митрополита русскаго оказывался вакантнымъ. Это могло послужить отличнымъ поводомъ для начала сношеній. Надо оговориться, впрочемъ, что выборъ новаго іерарха осложнялся цѣлымъ рядомъ условій. Кіевъ, мать земли русской, колыбель ея христіанской вѣры, находился во власти Литвы. Всякій разъ, какъ возникалъ вопросъ о назначеніи новаго митрополита, литовскіе князья выдвигали своего кандидата въ противовѣсъ московскому. Въ 1431 году, по смерти Фотія, великій князь Василій II немедленно предложилъ на его мѣсто епископа рязанскаго, Іону. Послѣдній почему-то замѣшкалъ со своимъ утвержденіемъ въ Константинополѣ. Этимъ воспользовался кандидатъ Литвы, Герасимъ. Онъ опередилъ Іону и успѣлъ добиться отъ патріарха формальнаго назначенія на постъ кіевскаго митрополита. Въ 1435 году соперникъ Іоны погибъ трагической смертью на кострѣ. Окрыленный новыми надеждами, бывшій кандидатъ полетѣлъ въ Константинополь. Но здѣсь его ждало самое горькое разочарованіе. Императоръ и патріархъ задолго позаботились принять свои мѣры. Въ Россіи они хотѣли имѣть человѣка, горячо преданнаго ихъ дѣлу и способнаго провести извѣстную идею. Выборъ ихъ остановился на игуменѣ Исидорѣ. Ему было предложено занять постъ кіевскаго митрополита, причемъ патріархъ уже успѣлъ по-

святить его въ этотъ санъ. Чтобы утѣшить московскаго кандидата, греки обѣщали предоставить ему кіевскій престолъ въ случаѣ смерти Исидора. Обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, Іона, скрѣпя сердце, покорился судьбѣ. Въ началѣ 1437 года, вмѣстѣ съ новымъ митрополитомъ, посломъ императорскимъ, Гуделой и монахомъ Григоріемъ, онъ направился въ обратный путь.

Бывшій инокъ монастыря св. Димитрія покидалъ Босфоръ, чтобы поселиться на берегахъ Москвы-рѣки. Съ этого момента дѣятельность Исидора должна была протекать въ средѣ, совершенно новой для него самого и еще мало извѣстной его соотечественникамъ. Такъ или иначе, постъ митрополита русскаго считался однимъ изъ самыхъ значительныхъ во всей Восточной Церкви. Это положеніе было столь же почетно, сколь и выгодно; занявшій его признавался счастливцемъ. Впрочемъ, со времени татарскаго нашествія, грекамъ лишь изрѣдка удавалось провести сюда своего кандидата. Дѣло въ томъ, что великіе князья предпочитали имѣть дѣло съ іерархами русскаго происхожденія. По большей части, они и достигали своей цѣли. Тѣмъ не менѣе, непосредственный предшественникъ Исидора, Фотій, былъ уроженцемъ Морен. Онъ даже переписывался съ нашимъ игуменемъ, хотя едва ли Исидоръ извлекъ изъ этой корреспонденціи какую-либо пользу для себя. Новому митрополиту приходилось начинать свою дѣятельность безъ всякаго руководителя. А между тѣмъ, на него была возложена весьма отвѣтственная и серьезная миссія. Можно говорить съ увѣренностью, что Исидоръ долженъ былъ, прежде, всего, склонить русскихъ къ участію въ предстоящемъ соборѣ; по меньшей мѣрѣ, онъ добивался формальныхъ полномочій, чтобы явиться во Флоренцію делегатомъ русской Церкви. Вспомнимъ роль Исидора въ Базелѣ. Примемъ во вниманіе ту настойчивость, съ какой греки поддерживали его кандидатуру; обратимся, наконецъ, къ послѣдующимъ событіямъ... Мы безъ труда убѣдимся въ правильности нашихъ заключеній. Горячій

сторонникъ соединенія Церквей и пламенный патріотъ, Исидоръ ѣхалъ въ Москву, лелѣя самые опредѣленные планы. Онъ былъ одушевленъ рѣшимостью, во что бы то ни стало, достигнуть своего. И, однако, внѣшнія условія складывались для него далеко не благопріятно. Какъ политическія и церковныя отношенія Московскаго государства, такъ и личность тогдашняго великаго князя создавали серьезнѣйшія препятствія на пути новаго митрополита къ его цѣлямъ.

Московская Русь переживала пору территоріальнаго объединенія и послѣдней борьбы съ татарами. Долгое время злополучная страна страдала отъ раздробленія на удѣлы. Цѣлый вѣкъ изнывала она подъ тяжелымъ гнетомъ Орды. Изъ этихъ испытаній ей удалось выйти только благодаря умѣлой и выдержанной политикѣ московскихъ князей. Правда, эти послѣдніе дѣйствовали жестоко и безсовѣстно. Ставши главными сборщиками ордынскаго «выхода», потомки Мономахи и Калиты воспользовались такимъ положеніемъ въ своихъ собственныхъ интересахъ. Тогда, когда все кругомъ нищало, они скопляли въ рукахъ своихъ деньги, при помощи которыхъ скупали чужія княжества. То заключая выгодные союзы, то дѣйствуя коварствомъ или силою, они, такимъ образомъ, округлили свои владѣнія, расположенныя, на ихъ счастье, въ самомъ сердцѣ Россіи. Концентраціи земель въ ихъ рукахъ содѣйствовалъ цѣлый рядъ благопріятныхъ условій, а иногда и случайностей. Когда высшіе представители русской Церкви, митрополиты, перенесли свою резиденцію въ Москву, эта столица пріобрѣла особое обаяніе въ глазахъ всѣхъ вѣрующихъ. Послѣднимъ шагомъ въ этомъ направленіи было прибытіе въ Москву многочтимой иконы Владимірской Божіей Матери; съ этой святыней были связаны дорогія и славныя въ глазахъ народа воспоминанія. По мѣрѣ того, какъ вокругъ московскихъ князей сосредоточивались національныя силы, они все болѣе и болѣе проникались сознаніемъ своего могущества. При такихъ условіяхъ имъ,

естественно, приходило въ голову свести счеты съ татарами. Собравшись съ духомъ, Димитрій Донской одерживаетъ надъ монголами блестящую побѣду. Преемники его были менѣе отважны. Они дѣйствовали противъ татаръ болѣе скрытно, но, во всякомъ случаѣ, не менѣе энергично и неустанно.

Въ то время, когда Исидоръ ѣхалъ въ Москву, на тронѣ первопрестольной столицы возсѣдалъ великій князь Василій II. Этотъ государь принадлежалъ къ тому поколѣнію, которое отлично умѣло то лавировать, приспособляясь къ обстоятельствамъ, то дѣйствовать сплою. Какъ и его предшественники, Василій никогда не терялъ изъ виду политической гегемоніи Москвы и освобожденія отъ татарскаго ига. Лѣтописцы назвали этого государя Темнымъ. Какъ извѣстно, Василій былъ ослѣпленъ по распоряженію одного изъ своихъ племянниковъ, братъ котораго еще раньше подвергся той же участи по волѣ великаго князя Первыя двадцать лѣтъ правленія Василія II были полны кровавыми усобицами. Московскому великому князю пришлось защищать свои права отъ родного дяди, Юрія, который основывалъ свои притязанія на традиціяхъ старины. Вопросъ былъ перенесенъ на судъ татарскаго хана. Здѣсь золото богатаго племянника и низкая лесть его бояръ одержали верхъ надъ юридическими доводами дяди. Желанный ярлыкъ достался болѣе тароватому и менѣе гордому кандидату. Послѣ этого усобицы разгорѣлись съ новой силой. Едва справившись съ своими внутренними врагами, Василій попалъ въ плѣнъ къ казанскимъ татарамъ. Всю тяжесть этого удара оцѣнили тѣ, кому пришлось выплачивать выкупъ за великаго князя. Несмотря на всѣ испытанія, Василій увеличилъ свои владѣнія пріобрѣтеніемъ новыхъ земель. Тверь, Рязань и самый Новгородъ почувствовали тяжесть его руки. Что касается Золотой Орды, то, все еще не рѣшаясь выступить противъ нея открыто, великій князь старался въ тайнѣ ослабить ея могущество. Давая пріютъ татарскимъ перебѣжчикамъ

и надѣляя ихъ землею, онъ создавалъ въ ихъ лицѣ драгоцѣнныхъ пособниковъ въ дѣлѣ будущей борьбы съ ханами.

Занятый войнами, интригами и политическими заботами всякаго рода, Василій II находилъ, однако, время и для церковныхъ дѣлъ. Конечно, назначеніе Исидора не могло прійтись по нраву великому князю. Два раза подрядъ московскую кандидатуру постигала неудача. Это наносило престижу Кремля чувствительный ударъ. Но и практическія послѣдствія такого неуспѣха могли оказаться въ высшей степени серьезными. До той поры глава Русской Церкви являлся послушнымъ орудіемъ въ рукахъ великихъ князей. Безъ сомнѣнія, Іона успѣлъ уже доказать свою примѣрную преданность государю. Значитъ, можно было положиться на него и въ будущемъ. Но какъ заявитъ себя Исидоръ? Будетъ ли этотъ грекъ служить великому князю съ тѣмъ же усердіемъ, какъ Фотій? Сумѣетъ ли онъ приспособиться къ московскимъ нравамъ? Забудетъ ли онъ о своихъ Палеологахъ ради Василія? Понятно, что всѣ эти вопросы должны были безпокоить великаго князя, издавна привыкшаго находить вѣрнаго слугу въ лицѣ митрополита.

Тѣмъ не менѣе, авторитетъ Византіи стоялъ въ Москвѣ еще такъ высоко, что изъ уваженія къ волѣ императора и патріарха, Василій отказался отъ своего кандидата. Мало того: великій князь принялъ навязаннаго ему митрополита самымъ милостивымъ образомъ. То было около Пасхи 1437 года. Послѣ торжественной встрѣчи Исидора былъ устроенъ обычный царскій столъ, за которымъ новому пастырю были поднесены традиціонные подарки. Обаяніе Византіи окружало владыку. Его особа производила на окружающихъ самое внушительное впечатлѣніе. Вспомнимъ, что Исидоръ объяснялся на нѣсколькихъ языкахъ. Немудрено, что среди русскихъ о немъ говорили, какъ о кладезѣ всяческой премудрости.

Какъ только закончились церемоніи пріема, доброе согласіе между великимъ княземъ и митрополитомъ ока-

залось непрочнымъ. Стоило Исидору заговорить о своихъ предположеніяхъ, какъ Василій II утратилъ свою привѣтливость. Церковный соборъ, о которомъ говорили мы выше, долженъ былъ открыть свои засѣданія въ Феррарѣ. Здѣсь рѣшили встрѣтиться делегаты обѣихъ Церквей дабы выработать условія предстоящей Уніи. Мысль о представительствѣ русской Церкви на совѣщаніи въ Феррарѣ являлась болѣе чѣмъ законной. Страна московскихъ князей была одной изъ самыхъ видныхъ областей Византійскаго патріархата: константинопольскіе владыки гордились тѣмъ, что имъ подчинена такая держава. Самъ Исидоръ не преминулъ подчеркнуть это еще на Базельскомъ соборѣ. Оставаясь вѣрнымъ себѣ, онъ обратился теперь къ Василію II за разрѣшеніемъ отправиться на соборъ.

Очевидно, подобная тактика московскаго митрополита была обдумана заранѣе. Въ данномъ случаѣ Исидоръ лишь выполнялъ программу, всѣ детали которой были выработаны еще на берегахъ Босфора. Въ основѣ ея лежали тѣ же принципы, которые проводились и въ Трапезундѣ, и въ Сербіи, и въ другихъ мѣстахъ. Однако, Василій былъ совершенно чуждъ этихъ новыхъ вѣяній. Воспитанный въ суевѣрномъ уваженіи къ старинѣ, онъ тѣмъ болѣе былъ пораженъ замыслами своего митрополита. Какъ—глава русской Церкви будетъ засѣдать вмѣстѣ съ погаными латинянами? Онъ будетъ обсуждать съ ними вопросы вѣры? Онъ станетъ содѣйствовать соединенію Церквей? Московскому великому князю было отъ чего растеряться. Вѣдь сами же греки внушали ему убѣжденіе, что законными и святыми можно признавать только семь первыхъ вселенскихъ соборовъ. Всѣ послѣдующіе объявлялись недѣйствительными, начиная съ VIII, на которомъ папа Николай осудилъ патріарха Фотія. И что же? Теперь самъ митрополитъ готовъ былъ забыть обо всемъ этомъ. Отвергая вѣковыя преданія своей Церкви, онъ задумывалъ какія-то странныя новшества. Теряясь въ объясненіяхъ этого фак-

та, возмущенные лѣтописцы видѣли въ дѣйствіяхъ Исидора внушенія злого духа. Самъ Василій II выразилъ лишь общее мнѣніе своихъ единовѣрцевъ, когда, объясняясь съ Исидоромъ, пошелъ еще дальше старыхъ византійскихъ теорій. Онъ заявилъ митрополиту, что VII вселенскій соборъ окончательно установилъ апостольскую вѣру. Онъ старался образумить упрямаго владыку, указывая ему, что тогда еще изречена была анаѳема на голову всякаго, кто осмѣлится помышлять о новомъ соборѣ. Конечно, столь наивная теологія не могла поколебать рѣшимости Исидора. Громы небесные, которыми ему грозили, не внушали митрополиту никакого страха. Ссылаяясь на свои обѣщанія, данныя патріарху, онъ съ такой энергіей и горячностью отстаивалъ свою позицію, что, въ концѣ концовъ, Василій былъ вынужденъ дать требуемое разрѣшеніе. Чтобы успокоить свою совѣсть, великій князь счелъ своимъ долгомъ преподать митрополиту строгое напутствіе. Разъ уже владыка ѣдетъ на VIII соборъ, вопреки исконнымъ завѣтамъ старины, то пусть, по крайней мѣрѣ, вернется онъ оттуда, не измѣнивъ вѣрѣ Владиміра Святого. Пусть онъ остерегается отступить отъ нея въ чемъ бы то ни было: ибо всякое новшество будетъ не по сердцу государю. Лѣтопись добавляетъ, что Исидоръ далъ клятву выполнить это условіе. Разумѣется, такое обязательство было совершенно формальнымъ. Вѣдь предстоящій соборъ долженъ былъ, какъ разъ, рѣшить вопросъ, кто изъ двухъ—Римъ или Византія сумѣлъ сохранить чистой и нерушимой вѣру св. Владиміра.

Когда препятствія къ отъѣзду были устранены, 8 сентября 1438 года Исидоръ пустился въ путь. Его сопровождала свита, состоявшая болѣе, чѣмъ изъ ста человѣкъ. Въ числѣ спутниковъ митрополита, кромѣ монаха Григорія и Гуделы, находились епископъ суздальскій Авраамій, священникъ того же города, Симеонъ, архимандритъ Вассіанъ и бояринъ Ѳома Матвѣевъ. Послѣдняго одинъ изъ источниковъ называетъ уполномоченнымъ князя тверского. Никогда еще изъ Москвы не отправлялся столь многочислен-

ный поѣздъ въ болѣе дальній путь и съ болѣе важной миссіей.

Города, попадавшіеся Исидору по пути, встрѣчали его, какъ подобаетъ паствѣ, почитающей своего духовнаго владыку. Князь Борисъ тверской оказалъ митрополиту самый торжественный пріемъ. Тоже самое было и въ Новгородѣ, и въ Псковѣ: здѣсь были и крестные ходы, и богатыя трапезы. Только въ Юрьевѣ имѣлъ мѣсто инцидентъ, который русскія лѣтописи отмѣчаютъ, какъ своего рода первое предостереженіе. Въ городѣ жили и католики, и православные. То и другое духовенство вышло навстрѣчу митрополиту. Къ великому недоумѣнію своихъ спутниковъ, Исидоръ поклонился сперва латинскому крыжу, а потомъ православнымъ иконамъ. Съ этого момента къ нему стали относиться съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ.

Въ Ригѣ поѣздъ митрополита задержался на нѣсколько недѣль. Монахъ Григорій былъ отправленъ впередъ, въ Кенигсбергъ, чтобы разузнать, насколько безопасны дороги, и запастись охранными грамотами. Гроссмейстеръ тевтонскаго ордена, Пауль фонъ-Русдорфъ, охотно оказалъ нашимъ путникамъ требуемое содѣйствіе. Руководясь свѣдѣніями, которыя онъ поспѣшилъ собрать, русскіе делегаты рѣшили избѣгнуть проѣзда по Самогитской области. Для этой цѣли имъ пришлось совершить путешествіе по Балтійскому морю до Любека. Послѣ этого они очутились уже въ атмосферѣ Европы. Дорога ихъ лежала черезъ Германію. Миновавъ Люнебургъ, Лейпцигъ и Бамбергъ, они прибыли 30 іюня въ Нюрбергъ. Здѣсь они осмотрѣли городскія укрѣпленія. Затѣмъ черезъ Аугсбургъ Иннсбрукъ и дальше они добрались, наконецъ, до Италіи*).

---

*) *Полн. Собр.* т. III стр. 112, т. IV стр. 122, т. V стр. 267 т. VI стр. 151; т. VIII, стр. 100.—*Книга ст.* т. II, ст. 71;—*Акты Истор.*, т. I, стр. 73, 84, 95. *Bunge*, t. IX, nos 252, 267, 270, 289, 309.—*Ropp.*, 2 Abhth., 2 B., p 161, n° 200.—*Chroniken der d. St.* t. X. p. 155.—Karge, *Die Reise.*—*Арх. гор. Кенигсберга*, *Ordensbrief* archiv, t. VIII, f 486, 513, 514.—Арх. гор. Нюренберга, *Jahresregister* f. IV, f. 294.

Мы узнаемъ отъ самихъ участниковъ путешествія о томъ впечатлѣніи, которое произвела на ихъ наивныя и свѣжія души старая цивилизація Европы. Само собой разумѣется, рѣчь идетъ не объ Исидорѣ, который уже давно былъ проникнутъ духомъ Возрожденія. Разсказъ, который мы имѣемъ въ виду, принадлежитъ одному изъ его спутниковъ. Къ сожалѣнію, имя его осталось неизвѣстнымъ. Между прочимъ, русскіе делегаты стали жертвой нѣкоторой мистификаціи. Очевидно, подъ воздѣйствіемъ легендъ, связанныхъ съ Дофинэ и Люцернскимъ озеромъ, они открыли на берегахъ какой-то рѣки родину Понтія Пилата. Это мѣсто они такъ и называютъ городомъ Портомъ или Понтійскомъ. Говоря вообще, больше всего поражалъ нашихъ путешественниковъ внѣшній видъ западно-европейскихъ городовъ. Старая Москва со своими убогими деревянными домами, конечно, ничуть не походила на тѣ готическіе соборы, роскошные дворцы и даже скромныя жилища бюргеровъ, которые видѣли они въ Германіи. Останавливаясь передъ городскими фонтанами, наивные москвичи дивились на ихъ затѣйливыя украшенія, въ видѣ бронзовыхъ или мраморныхъ исполиновъ, морскихъ чудищъ, или миѳологическихъ божествъ. Ихъ восхищала игра воды, бьющей отовсюду. Передъ старинными часами города Любека, на которыхъ рядъ фигуръ изображалъ сцены библейской исторіи, ихъ восторгъ не зналъ границъ. Они не могли оторвать глазъ отъ этого чудеснаго зрѣлища, интересуясь малѣйшими его подробностями. Между прочимъ, путники посѣтили нѣсколько аббатствъ. Изъ осмотра ихъ они вынесли нѣсколько поучительныхъ наблюденій. Они замѣтили, что монастырскія библіотеки весьма богаты книгами, что за трапезой подается доброе вино, а женщины не допускаются въ обители иноковъ. Во всякомъ случаѣ, дѣйствительное величіе западной культуры осталось не оцѣненнымъ русскими гостями. Представители первобытной цивилизаціи, они поглощены были чисто внѣшними впечатлѣніями. Что касается природы Европы, красоты и

разнообразія ея пейзажей, то ко всему этому они относились съ полнымъ безразличіемъ. Только при видѣ тирольскихъ горъ они, какъ будто, оживились. Глядя на громады, возносящія къ небу свои снѣговыя вершины, обитатели сѣверныхъ равнинъ не могли скрыть своего изумленія. Вскорѣ за величественными хребтами Альпъ и ихъ отроговъ открылись смѣющіяся долины верхней Италіи. Русскій поѣздъ направился къ Падуѣ. 15 августа 1438 года Исидоръ былъ въ Феррарѣ*).

Соборъ уже открылъ свои дѣйствія въ этомъ городѣ, который былъ резиденціей маркиза Д'Эсте съ его блестящимъ дворомъ. Сюда охотно съѣзжались ученые и поэты. Недаромъ эту столицу прославятъ впослѣдствіи своими стихами Аріосто и Тассо. 27 ноября 1437 года папскія галеры, стоявшія въ заливѣ Золотого Рога, вышли въ море. На бортѣ ихъ, вмѣстѣ съ императоромъ Іоанномъ II и его братомъ, находился константинопольскій патріархъ Іосифъ. Ихъ сопровождала многочисленная свита изъ митрополитовъ и епископовъ, игуменовъ и высшихъ сановниковъ двора. Это морское путешествіе было весьма продолжительно и трудно. Въ Венецію греки прибыли лишь въ февралѣ 1438 года. Торжественно встрѣченные здѣсь дожемъ, Франческо Фоскари, сенатомъ и народомъ, они вскорѣ были приглашены въ Феррару, куда, вопреки настояніямъ небольшой группы недовольныхъ, папа перенесъ засѣданія собора изъ Базеля. Императоръ согласился съ рѣшеніемъ папы. Съ этихъ поръ окончательно порвавъ свои отношенія съ базельцами, онъ неизмѣнно дѣйствовалъ заодно съ римскимъ первосвященникомъ.

Католики, собравшіеся въ Феррарѣ, начали свои совѣщанія уже 8 января 1438 года. Предсѣдателемъ ихъ былъ кардиналъ Альбергати. 9 апрѣля, въ присутствіи Евгенія IV и греческихъ делегатовъ, состоялось торжественное откры-

---

*) **Сахаровъ**, II, 81.—*Павловъ*, 90.—см. разск. приписыв. Авраам. *Поповъ*, 400.—*Dmitroushel*, passim.

тіе собора. Послѣ этого, вплоть до 8 октября, мы не видимъ ни одного общаго собранія. Напрасно надѣялись участники собора, что за это время къ нимъ явятся послы отъ всѣхъ европейскихъ государей. Въ декабрѣ 1437 года умеръ императоръ Сигизмундъ. Преемникъ его, Альбертъ Австрійскій, не обнаруживалъ никакого интереса къ дѣламъ Церкви. Германія сохраняла строжайшій нейтралитетъ, не примыкая ни къ самозваннымъ реформаторамъ изъ Базеля, ни къ новому собору въ Феррарѣ. Карлъ VII уже чинилъ то перо, которымъ будетъ подписана вскорѣ его Прагматическая санкція; мало того, онъ даже запретилъ французскимъ прелатамъ ѣздить въ Италію. Очевидно, западные монархи оставались равнодушными къ дѣлу соединенія Церквей. Они предпочитали не вмѣшиваться въ ходъ событій, убѣжденные, что ничего не потеряютъ отъ такой уклончивости.

Тѣмъ не менѣе, неожиданный перерывъ въ занятіяхъ собора не пропалъ даромъ. Это время было посвящено частнымъ совѣщаніямъ и подготовительнымъ работамъ. Что касается императора, то онъ относился философски къ создавшемуся положенію. Его занимало лишь одно—какъ бы получше использовать свой досугъ. Недовольный лошадьми, предоставленными ему папой, онъ купилъ породистаго коня для Гуделы. Послѣ этого, вмѣстѣ съ братомъ, онъ съ такимъ увлеченіемъ предался охотѣ, что привелъ въ отчаяніе всѣхъ окрестныхъ жителей. Боясь окончательнаго истребленія своей дичи, они подали жалобу маркизу Никколо. Зато Исидоръ чувствовалъ себя прекрасно. Онъ опять былъ среди своихъ друзей, собратьевъ, соотечественниковъ. Между прочимъ, онъ встрѣтился въ Феррарѣ со своимъ корреспондентомъ, Гуарино. Когда-то этотъ итальянецъ учился въ Византіи у обоихъ Хризолоровъ. Теперь онъ былъ уже самъ преподавателемъ и пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Не могъ не узнать Исидоръ и Джьованни Ауриспа,—того самаго, который служилъ переводчикомъ его рѣчи еще въ бытность на Базельскомъ соборѣ.

Послѣ того Ауриспа успѣлъ попасть въ милость къ папѣ и благоденствовалъ, пользуясь доходными бенефиціями. Лейбъ-медикъ двора, Уго Бенци самъ напрашивался въ дружбу къ грекамъ. Онъ считалъ себя столь же сильнымъ въ богословіи и философіи, сколько и въ медицинѣ, и всячески старался выказать свои таланты. И, однако, все это было лишь предвѣстіемъ тѣхъ духовныхъ наслажденій, которыя ожидали въ будущемъ отцовъ церковнаго собора.

Лишь только делегаты успѣли разрѣшить организаціонные вопросы и собрались приступить къ дѣлу, занятія ихъ были прерваны снова. Явилась мысль о перенесеніи собора въ другое мѣсто. Въ то время въ Феррарѣ свирѣпствовала чума. Спутники Исидора, и безъ того плохо переносившіе климатъ Италіи, подвергались, повидимому, наибольшей опасности зараженія *). Это обстоятельство и послужило, вѣроятно, предлогомъ къ тому, чтобы заговорить о переводѣ засѣданій въ какой-либо другой городъ. Но, конечно, помимо соображеній общаго блага, въ данномъ случаѣ дѣйствовали еще мотивы иного, болѣе спеціальнаго свойства. Оставить Феррару было удобнѣе и для папы, и, вообще, для католиковъ. Вокругъ города бродилъ со своею шайкой Никколо Пиччинино. Онъ поддерживалъ тайныя сношенія съ герцогомъ миланскимъ. Дерзкій кондоттьеръ уже подчинилъ себѣ Болонью, Имолу, Форли и Равенну. Каждый день можно было ждать, что онъ захватитъ все, что еще оставалось у папы, и совершенно отрѣжетъ римскаго владыку отъ его владѣній. Подобное сосѣдство дѣлало пребываніе въ Феррарѣ не слишкомъ пріятнымъ. Съ другой стороны, подъ вліяніемъ дома Медичи, Флоренція уже давно добивалась чести принять у себя членовъ собора. Гарантируя папѣ полнѣйшую безопасность, она обѣщала ссудить его значительными средствами, необходимыми для покрытія издержекъ по организаціи этого съѣзда. Такая денежная помощь казалась весьма своевре-

*) *Syropulos*, 145.—*Frizzi*, III, 427—436.

менной, ибо расходы по собору уже давнымъ давно превысили смѣту. При такомъ положеніи, нельзя было пренебрегать подобной помощью, хотя погашеніе этого займа въ будущемъ и обставлено было довольно стѣснительными условіями. Греки долго противились предложенію перенести соборъ въ чужое мѣсто. Если ихъ и страшила зараза, то еще болѣе опасались они отдалиться втъ морского берега. Уходя въ глубь континента, они тѣмъ самымъ затрудняли себѣ возвращеніе на родину. Однако, въ концѣ концовъ, эти делегаты являлись нахлѣбниками папы. Не могли они противиться и императору. Скрѣпя сердце, греки уступили. 10 января 1439 года въ Феррарѣ происходило шестнадцатое и послѣднее засѣданіе собора. Тутъ же былъ изданъ декретъ о его перенесеніи во Флоренцію. Тотчасъ же греческіе делегаты вмѣстѣ съ католиками выѣхали въ Тоскану.

II.

16 февраля 1439 года Іоаннъ II Палеологъ прибылъ во Флоренцію. Прежде, нежели онъ водворился въ палаццо Перуцци, императора привѣтствовалъ у воротъ Санъ-Галло канцлеръ Тосканской республики Леонардо Аретинъ. Рѣчь его была сказана на греческомъ языкѣ. За цѣлый мѣсяцъ до того Іоаннъ Дисхипато, снабженный самыми лестными рекомендаціями кардинала Чезарини, подвергъ осмотру помѣщеніе, предназначенное для грековъ, и условился съ мѣстными властями обо всемъ остальномъ, что могло понадобится. *)

Въ рядахъ дѣятелей Возрожденія, развивавшагося въ Италіи XV вѣка, благородные представители дома Медичи, при всей своей скромности, занимали одно изъ первыхъ мѣстъ. При такихъ условіяхъ встрѣча грековъ и католиковъ въ самомъ сердцѣ древней Этруріи представлялась

*) Флорентійскій арх., Mediceo innce il princ filza XIII, n° 90.

въ высшей степени знаменательнымъ моментомъ. Внѣ теологическихъ вопросовъ, обсуждавшихся на соборѣ, неминуемо долженъ былъ возникнуть энергическій и живой духовный обмѣнъ. Тѣмъ самымъ открывались широкіе горизонты предъ взорами людей, стремившихся проникнуть во всѣ тайны античной древности въ поискахъ за новыми и совершеннѣйшими идеалами.

Духъ Медичи вѣялъ надъ живописнымъ городомъ, омываемомъ желтыми водами Арно и со всѣхъ сторонъ окруженномъ амфитеатромъ очаровательныхъ холмовъ. Во главѣ республики стоялъ Козимо Медичи, прозванный отцомъ отечества. Влюбленный въ преданія римской и эллинской культуры, онъ насаждалъ вокругъ себя вкусъ къ научному знанію и художествамъ. Увлеченіе древностью, греческой и латинской литературой и философіей Аристотеля, еще не заслоненной авторитетомъ Платона, неодолимо захватило всѣхъ. Съ каждымъ днемъ движеніе пріобрѣтало все больше и больше сторонниковъ.

Около Козимо и его брата, Лоренцо, группировался избранный кругъ дѣятелей Возрожденія. Тутъ были ученые филологи, любители драгоцѣнныхъ манускриптовъ, неутомимые искатели памятниковъ древности, собиратели рѣдкостей и произведеній искусства всякаго рода. Одни изъ нихъ успѣли подышать воздухомъ Византіи. Другіе, не покидая Италіи, были учениками Хризолора. Такъ или иначе, всѣ стремились стоять на уровнѣ моды на греческое. Аретинъ, имя котораго мы уже упоминали, писалъ свою исторію Флорентійской республики. Преемникъ его въ званіи канцлера, Карло Марсуппини, преподавалъ риторику и греческій языкъ. Онъ же славился искусствомъ легкаго стиха. Одинаково глубоко изучившій еврейскій и греческій языки, Джьянноцо Манетти забавлялся тѣмъ, что приводилъ въ смущеніе раввиновъ: то былъ одинъ изъ родоначальниковъ позднѣйшаго антисемитизма. Къ той же плеядѣ принадлежало нѣсколько другихъ гуманистовъ, хотя и жившихъ въ иныхъ городахъ. Съ флорен-

тійскими дѣятелями Ренессанса ихъ связывали общность научныхъ интересовъ, дружескія симпатіи, вкусы и частыя сношенія. Никколо Никколи служилъ драгоцѣннымъ посредникомъ для всѣхъ любителей древней литературы, какъ для жившихъ во Флоренціи, такъ и для иногородних. Точнѣе говоря, то былъ, своего рода, маленькій меценатъ. Раздѣляя благороднѣйшіе вкусы своей обширной кліентуры, онъ, при всей скудости личныхъ средствъ, умѣлъ удовлетворять свою страсть библіомана.

Папа Евгеній IV, самъ по себѣ, оставался чуждъ могучему движенію Ренессанса, развивавшемуся въ Италіи. Несмотря на это, среди членовъ собора и даже въ кругу лицъ, близкихъ къ римскому первосвященнику, мы видимъ не мало блестящихъ представителей гуманизма. Если кардиналъ Альбергати славился святостью своей жизни, то столь же былъ онъ извѣстенъ и своей просвѣщенной любовью къ литературѣ. Секретаремъ этого сановника Церкви состоялъ Томмазо Парентучелли. Въ головѣ этого человѣка роились грандіозные планы, которые впослѣдствіи должны были окончательно созрѣть въ умѣ Николая V. Чезарини, уже давно облаченный въ кардинальскій пурпуръ, равно какъ и Ландріани, долженствовавшій вскорѣ удостоиться той же чести, отнюдь не считали унизительнымъ занимать мѣсто въ ряду ораторовъ и писателей. Другіе кардиналы были, пожалуй, не столь страстными сторонниками гуманизма. Они довольствовались тѣмъ, что покровительствовали художникамъ, коллекціонировали старину или собирали богатыя библіотеки. Не было никого, кто осмѣлился бы открыто возстать противъ господствующаго теченія.

Но глубже и сильнѣе всего были проникнуты духомъ новаго времени дѣятели папской канцеляріи и всякіе scrittori. Слишкомъ часто—въ особенности, послѣ Базельскаго собора,—враги Церкви прибѣгали къ памфлету, какъ самому убійственному средству борьбы. Для успѣха на этомъ поприщѣ нужно было обладать ловкимъ, изящнымъ и

сильнымъ перомъ. Гдѣ же было искать его? Только среди гуманистовъ. Впослѣдствіи, съ прибытіемъ грековъ въ Италію, эти люди оказались необходимыми и въ другомъ отношеніи. Лишь они одни могли служить настоящими переводчиками. Вотъ почему Джьованни Ауриспа и, быть можетъ, Гуарино были нарочно вызваны изъ Феррары во Флоренцію. Задолго до этого и притомъ по инымъ мотивамъ былъ приглашенъ къ папскому двору Грегоріо Каррaро. Конечно, какой-нибудь Флавіо Біондо былъ менѣе блестящъ, чѣмъ большинство его собратій. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ болѣе основателенъ и, разумѣется, превосходилъ ихъ всѣхъ прилежаніемъ. Громкой извѣстностью пользовались Поджьо Браччьолини и Лоренцо Валла. Мы знаемъ, однако, что нравственный характеръ обоихъ былъ совсѣмъ не на высотѣ ихъ таланта. Религіозныя убѣжденія ихъ были весьма сомнительны. И тотъ, и другой отличались извѣстнымъ легкомысліемъ, чтобы не сказать цинизмомъ. Поэтому нерѣдко они оказывались въ оппозиціи той самой Церкви, которую сами брались защищать оффиціально или оффиціозно. Лучше всего могъ удовлетворить требованіямъ времени Амброджьо Траверсари, генералъ камальдульскаго монастыря. Правда, будучи монахомъ, онъ не занималъ спеціальной должности при папскомъ дворѣ. Владѣя греческимъ языкомъ такъ же свободно, какъ и латинскимъ, Траверсари занимался литературой, отнюдь не пренебрегая и теологіей. Онъ поддерживалъ живую переписку съ избранными людьми Флоренціи и уже давно носился съ идеей соединенія Церквей. Ему то и поручалъ, по большей части, папа Евгеній IV самыя отвѣтственныя и деликатныя дѣла. Траверсари былъ довѣреннымъ совѣтчикомъ римскаго первосвященника.

Что касается грековъ, участвовавшихъ въ соборѣ, то среди нихъ находилось лицо, которое затмевало всѣхъ остальныхъ, и слава котораго возрастала со дня на день. То былъ извѣстный противникъ Марка Ефесскаго, неподд-

купный и ученый Виссаріонъ. Въ область высшаго знанія и философскихъ идей онъ былъ введенъ Гемистомъ Плетономъ. Но ученикъ превзошелъ своего учителя, блуждавшаго по путямъ почти языческой теософіи. Кромѣ Виссаріона, вновь прибывшіе греки не могли выдвинуть, пожалуй, ни одного крупнаго имени,—если не считать, впрочемъ, Петра Схоларія. Такимъ образомъ дѣйствительность далеко не отвѣчала надеждамъ. Очень скоро должны были разсѣяться и послѣднія иллюзіи. Уже одна внѣшность грековъ вызывала насмѣшки со стороны жителей Италіи, привыкшихъ къ иному представленію объ изяществѣ. Людей Запада поражала длинная и развивающаяся одежда византійцевъ. Они дивились на ихъ бороды, то окладистыя и густыя, то короткія и рѣдкія. Они улыбались, глядя на ихъ крашеныя брови и растрепанные волосы. Ждали потомства гомеровскихъ героевъ; думали увидѣть людей, предками которыхъ были Периклъ и Демосѳенъ... Какое разочарованіе! При видѣ тѣхъ, кто явился, самые серьезные изъ итальянцевъ не могли порою удержаться отъ смѣха. Конечно, мы не оправдываемъ подобнаго отношенія.

Каково бы ни было впечатлѣніе, произведенное другъ на друга греко-православными и католиками, очевидно было, что между обѣими сторонами неизбѣжно должна возникнуть идейная борьба, и, конечно, отнюдь не на одной только богословской почвѣ. Уго Бенци явился, вѣроятно, первымъ застрѣльщикомъ. За нимъ на арену устремились и всѣ остальные. Лишь только произнесены были имена Аристотеля и Платона, мнѣнія рѣзко раздѣлились: образовались двѣ противоположныя партіи. Между самими греками не было достаточнаго единодушія. Въ защиту своего кумира, Платона, выступилъ Гемистъ Плетонъ. Никто не слѣдилъ съ большимъ интересомъ за возникшими диспутами, нежели Козимо Медичи. Къ этой эпохѣ относится начало его знаменитой академіи. Уже послѣ закрытія собора тѣ же литературные и философскіе вопросы не разъ служили предметомъ живого обмѣна мнѣній, какъ

въ Римѣ, такъ и въ Тосканѣ. Во всякомъ случаѣ, передъ нами раскрывается цѣлая страница исторіи литературы. Къ сожалѣнію, она еще не написана во всѣхъ своихъ любопытныхъ деталяхъ *).

Какое бы видное мѣсто ни занималъ Флорентійскій соборъ въ лѣтописяхъ гуманизма, еще большее значеніе имѣетъ онъ для исторіи Церкви и, притомъ, уже съ теологической точки зрѣнія. Засѣданія его открылись въ Италіи немедленно по окончаніи великаго раскола Западной Церкви и наканунѣ Реформаціи. Явившись на смѣну бурныхъ собраній въ Базелѣ, онъ содѣйствовалъ возвышенію папства въ глазахъ всей Европы. Мало того, взоры всего Востока обратились, благодаря собору, къ тому же Ватикану. Вотъ почему не разъ высказывалось мнѣніе, что, созывая Флорентійскій соборъ, Евгеній IV руководился чисто политическимъ расчетомъ: онъ-де желалъ раздавить непокорныхъ базельцевъ и демонстрировать передъ всѣмъ свѣтомъ побѣдоносную силу Рима. Допустимъ, что въ намѣренія папы входило обуздать своихъ опасныхъ противниковъ. Во всякомъ случаѣ, однако, онъ стремился со всѣмъ рвеніемъ апостола къ установленію мира между двумя Церквами. Вѣдь еще монахомъ, Евгеній мечталъ о единомъ стадѣ единаго пастыря. Такъ или иначе, рѣшенія Флорентійскаго собора всегда сохранятъ свою силу и цѣнность. Здѣсь была начертана цѣлая программа, отъ которой будутъ отправляться всѣ попытки соглашенія между Востокомъ и Западомъ.

Редакція соборныхъ рѣшеній потребовала огромнаго труда. Устанавливая ее, приходилось дѣлать экскурсіи за пять или шесть столѣтій назадъ, въ область исторіи. Здѣсь затрагивались самыя чуткія струны національныхъ традицій, раскрывалась святая святыхъ народной совѣсти. Дѣло шло объ истинѣ вѣры. Это возбуждало во всѣхъ

*) Voigt, *Die Wiederbelebung* I, 287; II, 27,116.—Reumont, *Lorenzo* I, 702.—Klette 59,146.—Legrand, *Bibl. hell.*, I. XXXIII XCIV, и т. д.—Bandini, *Садовъ*, *Vast*, passim Rocholl.

невиданную энергію. Вся вражда, таившаяся дотолѣ подъ спудомъ, должна была выйти наружу. Диспуты, происходившіе на соборѣ, были страстны и затягивались безконечно. Нерѣдко они принимали утомительно скучный характеръ, но зато порою вспыхивали искрометнымъ пламенемъ блестящей полемики, когда на арену богословскаго турнира бросались такіе бойцы, какъ Торквемада или Джьованни Рагузскій. Греки явились на соборъ съ цѣлой кучей манускриптовъ. При помощи этихъ пергаментныхъ свитковъ провѣрялись новѣйшіе тексты учителей Церкви. Самыя отвлеченныя проблемы спекулятивнаго мышленія смѣнялись вопросами эгзегетическаго характера. Обсужденіе всего этого еще затруднялось различіемъ языковъ, которыми пользовались делегаты. На пленарныхъ засѣданіяхъ собора рѣчи ораторовъ тутъ же переводились съ греческаго на латинскій языкъ и обратно. Обязанности переводчика съ удивительнымъ искусствомъ и ловкостью выполнялъ уроженецъ Эвбеи, Никколо Сагундино.

Въ смыслѣ точности и быстроты его переводъ не оставлялъ желать ничего. Шесть секретарей—трое греческаго исповѣданія, трое латинскаго, вели письменный протоколъ собора. Главная работа происходила въ комитетѣ, составленномъ поровну изъ делегатовъ греческой и латинской вѣры. Сначала въ немъ было восемьдесятъ членовъ, затѣмъ сорокъ и, наконецъ шестнадцать. Возвращаясь къ примиренію флорентійскихъ разногласій, можно сказать, что единеніе Церкви было достигнуто благодаря безусловно справедливому и теоретически принятому обѣими сторонами принципу—единство вѣры при различіи въ обрядахъ.*)

Обрядовый вопросъ важнѣе и сложнѣе, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. Церковные обычаи, именуемые въ ихъ цѣломъ обрядомъ, вводятся съ одобренія духовной власти, но, въ то же время, подъ вліяніемъ народнаго духа, мѣстныхъ обычаевъ и историческихъ собы-

*) Ватиканская библіотека, Документы Ватикана n° 4163.

тій. Благодаря такому происхожденію, они становятся элементомъ народной жизни. Это происходитъ въ особенности тогда, когда народный языкъ проникаетъ въ священныя книги и въ богослуженіе. Въ отличіе отъ догматическихъ тонкостей, доступныхъ только избраннымъ умамъ, обряды—общее достояніе. Они бросаются народу въ глаза; порою слѣпой фанатизмъ смѣшиваетъ ихъ съ сущностью религіи. Востокъ и Западъ всегда держались различныхъ обрядовъ, и въ теченіе многихъ вѣковъ религіозное единство не страдало отъ этого. Когда Фотій, человѣкъ широкаго умственнаго размаха, открыто порвалъ съ Римомъ, онъ опирался, главнымъ образомъ, на отвлеченныя и сложныя теологическія разногласія. Однако, онъ не пренебрегъ и обрядовыми различіями. Его преемники, менѣе заботившіеся объ учености, раздули ритуальный вопросъ и сдѣлали изъ него главное орудіе борьбы. Изъ двадцати двухъ пунктовъ разногласія, перечисляемыхъ патріархомъ Михаиломъ Керуларіемъ, большая часть сводится къ совершенно второстепеннымъ, внѣшнимъ подробностямъ культа. Сюда относятся просфоры, постъ по субботамъ, обычай священнослужителей брить бороды, а епископовъ—носить кольцо на пальцѣ... Со временемъ эти разногласія еще умножились. Въ четырнадцатомъ столѣтіи Византія, смѣшивая второстепенное съ главнымъ и не брезгуя ничѣмъ, уже обвиняла латинянъ въ «безчисленныхъ ересяхъ».*)

Необходимо было положить конецъ этимъ пагубнымъ ошибкамъ, выяснить основы вѣры и признать различіе обрядовъ постольку, поскольку оно не затрагивало догмы. Здѣсь открывалось широкое поле для обоюдныхъ уступокъ. Представлялась возможность засвидѣтельствовать взаимное довѣріе и готовность итти другъ другу навстрѣчу. Если послѣдователи греческаго обряда должны были выказать уваженіе къ латинскимъ обычаямъ, то латиняне обязаны были отвѣтить имъ тѣмъ же. Отцы Флорентійскаго собо-

*) Hergenroether, Photius т. III, стр. 820 до 843.

ра въ этихъ дебатахъ обнаружили несомнѣнную широту взглядовъ. Два ритуала, восточный и западный, были вызваны, такъ сказать, на очную ставку и получили оффиціальное признаніе. Святой престолъ съ полнымъ сочувствіемъ отнесся къ этому рѣшенію. Съ тѣхъ поръ Курія никогда больше не отступала отъ него. Въ своемъ знаменитомъ посланіи Бенедиктъ XIV далъ блестящую оцѣнку восточныхъ обрядовъ. Левъ XIII былъ одушевленъ тѣми же чувствами. Правда, въ настоящее время, какъ и тотчасъ послѣ флорентійской Уніи, въ массѣ еще живучи предразсудки. Но люди просвѣщенные знаютъ, чего держаться и, конечно, пожелавъ уклониться отъ единенія, не станутъ уже ссылаться на различіе національныхъ обрядовъ.

Вопросы догматическіе имѣли совершенно иной характеръ. Въ этой области пріемы спора мѣнялись, и тактика спорящихъ естественно опредѣлялась вѣрованіями. Какъ только подходили къ догмѣ, полюбовное соглашеніе оказывалось невозможнымъ. Дѣйствительно, истина откровенія должна быть сохранена во всей неприкосновенности. Никакая власть человѣческая не можетъ посягнуть на нее. Поэтому въ каждомъ частномъ случаѣ цѣль спора заключалась въ обоснованіи спорнаго пункта ссылкой на первоисточникъ вѣры. Разъ такое доказательство было найдено, оставалось только итти другъ другу навстрѣчу, и соглашеніе являлось само собой. Съ другой стороны, было бы несправедливо и легкомысленно требовать отъ участниковъ собора, чтобы они обнаружили то, что Декартъ называлъ методическимъ сомнѣніемъ. Развѣ могли они махнуть рукою на соглашеніе относительно доктринъ, по ихъ же мнѣнію, представлявшихъ богооткровенную истину? Чистосердечія и преданности высшей правдѣ было уже достаточно для благородной борьбы; требовать же отъ отцовъ собора большаго было бы неумѣстно.

Полное разногласіе обнаружилось относительно двухъ главныхъ пунктовъ. Первый касался тайны Святой Троицы.

Съ момента возникновенія христіанства проблема эта была подводнымъ камнемъдля смѣлыхъ умовъ. Западъ вѣрилъ, что Святой Духъ исходитъ отъ Отца и Сына, какъ отъ единаго начала, путемъ вѣчнаго и неизрѣченнаго дыханія. Это вѣрованіе было включено въ католическій Символъ Вѣры. Среди единомышленниковъ Фотія преобладала другая доктрина, объединившая всю восточную Церковь. Здѣсь учили, что Святой Духъ исходитъ только отъ Отца. Увлекаясь полемическимъ жаромъ, греки вмѣняли латинянамъ въ тяжкое преступленіе слово filioque, прибавленное къ Символу Вѣры.

Вопросъ о церковной іерархіи точно такъ же, какъ и тайна божественной Сущности, понимался различно обѣими Церквами. Право верховнаго Суда, предоставленное самимъ Богомъ римскому епископу, было нѣкогда признано и древнимъ Востокомъ,—Востокомъ Аѳанасія, Василія, Григорія и Златоуста. Но Востокъ Фотія и Михаила Керуларія отказался отъ такого взгляда. Онъ признавалъ за папой лишь почетное первенство. Это было равносильно обезглавленію Церкви, еще при основаніи получившей ярко выраженный характеръ единства.

Какова же была роль Исидора въ преніяхъ на соборѣ? Благодаря своему высокому положенію и широкимъ связямъ, Кіевскій митрополитъ долженъ былъ занять среди членовъ собора выдающееся мѣсто. Онъ былъ облеченъ довѣріемъ императора и патріарха Іосифа; онъ былъ представителемъ страны, къ союзу съ которой стремились греки. Оно былъ викаріемъ Антіохійскаго патріарха и, повидимому, располагалъ большими средствами. Все это открывало Исидору широкую возможность показать себя. Обладая большимъ умомъ, онъ съ успѣхомъ использовалъ свое положеніе. Впрочемъ, роль его рѣзко отличалась отъ дѣятельности друга его, Виссаріона. Никейскій митрополитъ Виссаріонъ былъ ораторомъ-полемистомъ, рѣдкимъ мастеромъ діалектическаго искусства. Онъ умѣлъ приводить въ замѣшательство своего противника,

не раздражая его, и часто увлекался спорами. Его содержательныя и сжатыя рѣчи отражаютъ на себѣ всѣ фазы жизни собора. Исидоръ былъ скорѣе человѣкомъ дѣйствія, нежели риторомъ. Онъ уже въ Базелѣ намекалъ, что у него нѣтъ привычки говорить. Дѣйствительно, на съѣздахъ въ Феррарѣ и Флоренціи Исидоръ чаще всего хранилъ молчаніе. Если онъ и начиналъ говорить, то только для того, чтобы бросить нѣсколько рѣзкихъ словъ, болѣе всего раскрывающихъ его характеръ. Въ его рѣчахъ нельзя найти и слѣда тѣхъ громкихъ и пустыхъ фразъ, которыя такъ часто раздавались въ Базелѣ. Можно было бы сказать, что одно усиліе говорить истощало Исидора: онъ былъ счастливъ, когда возможно было положиться на краснорѣчіе другихъ.*)

Кіевскій митрополитъ стушевывался въ большихъ ораторскихъ турнирахъ. Но зато онъ рѣзко выдѣлялся въ частныхъ собраніяхъ и въ интимныхъ бесѣдахъ. Здѣсь Исидоръ былъ на сторонѣ Виссаріона, этого неутомимаго дѣятеля примиренія. Онъ раздѣлялъ его взгляды и поддерживалъ его. Митрополитъ являлся желаннымъ посредникомъ между папой и императоромъ, какъ только возникали тренія, которыя надо было устранить. Онъ никогда не уклонялся отъ принциповъ, провозглашенныхъ въ Базелѣ. Нельзя было сомнѣваться въ его симпатіяхъ. Латинскій догматъ онъ защищалъ съ жаромъ убѣжденнаго человѣка; при этомъ онъ пользовался аргументами, свидѣтельствовавшими объ окончательно установившихся взглядахъ. Не мудрено, что Сильвестръ Сиропулъ—этотъ Сарпи Флорентійскаго собора—преслѣдовалъ Исидора горькими упреками. Онъ смотрѣлъ на митрополита, какъ на активнаго члена тріумвирата, заключеннаго между Исидоромъ, Виссаріономъ и протосинкеломъ Григоріемъ. Онъ считалъ его безусловно преданнымъ папѣ и слишкомъ горячимъ сторонникомъ Уніи. Въ глазахъ пылкаго ставрофора Святой Софіи то было измѣной національному дѣлу. Сильвестръ

*) Labbe, t. XIII col. 58, 108, 392, 1172.

не останавливается передъ самыми тяжкими обвиненіями Исидора; онъ изображаетъ его честолюбивымъ интриганомъ и даже фальсификаторомъ текстовъ. Эти нареканія по адресу Исидора настолько серьезны, что мы не можемъ принять ихъ на вѣру; намъ не достаточно свидѣтельства явнаго его противника, не приведшаго въ пользу своихъ утвержденій никакихъ доказательствъ.*)

Примирительное настроеніе Исидора ярко обнаружилось въ моментъ обсужденія двухъ главнѣйшихъ догматическихъ вопросовъ. Обстоятельства, при которыхъ это происходило, заслуживаютъ особаго вниманія.

Исидоръ былъ не изъ тѣхъ, кто хотѣлъ увѣковѣчить себя участіемъ въ разрѣшеніи второстепенныхъ задачъ. Митрополитъ русскій связалъ свое имя съ вопросомъ объ исхожденіи Святого Духа: онъ предпочелъ вести по самому существу. Какъ уже мы сказали, «filioque» не только догматъ латинянъ, но и терминъ, включенный въ ихъ символъ. Безспорно, это добавленіе вовсе не такъ важно. Если догматъ вѣренъ, Церковь имѣетъ право исповѣдывать его публично. Не такъ думали нѣкоторые представители греческой Церкви. Они видѣли въ «filioque» кощунство: около этого вопроса шли безконечные диспуты... Что касается Исидора, то онъ высказывался за переходъ къ обсужденію самой сущности вѣроученія. И, когда было предложено принять знаменитое посланіе св. Максима, какъ основу для соглашенія, митрополитъ нашъ оказался въ числѣ тѣхъ, кто встрѣтилъ эту мысль съ чрезвычайнымъ энтузіазмомъ.

Въ послѣдніе дни, когда всѣ испытывали уже утомленіе, греки, рискуя погубить все дѣло, задумали было неожиданно покинуть соборъ. Въ этотъ моментъ Исидоръ удвоилъ энергію и выказалъ удивительную твердость и отвагу. То было 30 марта 1439 г. Греки, съ императоромъ во главѣ, собравшись въ покояхъ патріарха, вновь подняли вопросъ объ исхожденіи Святого Духа. Опять были приведены,

*) Syropoulos стр. 223, 230, 241.

повторены и подвергнуты обсужденію давнымъ давно извѣстныя теологическія доказательства. Вопросъ былъ достаточно освѣщенъ. Нужно было сдѣлать лишь послѣднее усиліе, чтобы разбить оппозицію и увлечь за собой колеблющихся. Исидоръ взялъ это на себя. Съ откровенностью, дѣлавшей ему честь, и обнаружившей безспорную возвышенность его взглядовъ, онъ публично заявилъ себя сторонникомъ соединенія съ послѣдователями латинской вѣры.

Пользуясь образнымъ сравненіемъ, и сближая военный союзъ съ религіознымъ миромъ, Исидоръ призывалъ къ единенію душъ и тѣлъ. Онъ подходилъ къ вопросу и съ практической стороны: «Отказавшись отъ Уніи», говорилъ онъ своимъ соотечественникамъ, «мы должны будемъ покинуть Италію... Нѣтъ ничего легче, какъ уѣхать... Но куда? Когда и какъ отправиться? Я не знаю».

Нельзя было съ большей откровенностью признаться въ матеріальной нуждѣ. Бросивъ такой аргументъ, Исидоръ опять обратился къ высшимъ принципамъ и къ единенію Церквей. Онъ развилъ эту идею съ силой и ясностью, свидѣтельствовавшими о его глубокой вдумчивости. Въ концѣ концовъ, ораторъ остановился на томъ частномъ вопросѣ, который послужилъ собственнымъ предметомъ засѣданія.

«Мы всѣ принимаемъ божественное преданіе»,—говорилъ онъ грекамъ,—«оно установлено св. отцами на Востокѣ и Западѣ. Поэтому и нельзя допустить непримиримаго разногласія между латинянами и греками. Отцы западной Церкви учатъ, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца и Сына. Именно такъ мы и должны истолковывать тексты нашихъ святителей. Эти тексты не такъ ясны, какъ западные, и мы можемъ придать имъ такой смыслъ, не искажая ихъ».

Подобная аргументація, къ которой уже прибѣгалъ Виссаріонъ, не встрѣчала возраженій. Никто не пытался ее опровергнуть.

Поэтому, уповая на торжество истины, митрополитъ счелъ возможнымъ изложить свое формальное credo передъ собратіями: «Мы должны принять ученіе западныхъ отцовъ»—говорилъ онъ имъ, «Духъ исходитъ отъ Сына Отецъ и Сынъ—начало Святого Духа. Таково мое убѣжденіе; я исповѣдую его и объявляю это передъ Богомъ и людьми».

Исидоръ не ограничился платоническими заявленіями. Убѣжденный сторонникъ Уніи, онъ рискнулъ на весьма отвѣтственный шагъ. Къ великому ужасу Сиропула, онъ уже призналъ за папой верховную юрисдикцію, рѣшающій голосъ по важнѣйшимъ дѣламъ восточной Церкви и право предавать анаѳемѣ тѣхъ, кто не признаетъ Флорентійской Уніи. Однако, всѣ эти вопросы оставались еще открытыми. Формальное разрѣшеніе ихъ затягивалось. Ко дню Іоанна Крестителя нѣкоторые неукротимые противники соглашенія создали чрезвычайно затруднительное положеніе. Обезкураженный императоръ подумывалъ уже объ отъѣздѣ на берега Босфора. Однако, Исидоръ вмѣшался въ дѣло съ настойчивостью человѣка, твердо рѣшившагося добиться своей цѣли. Онъ успокоилъ императора и повліялъ на своихъ товарищей. Послѣдніе отказались отъ дальнѣйшихъ споровъ, и такимъ образомъ Исидоръ одержалъ побѣду по всей линіи. Моментъ, очевидно, благопріятствовалъ окончательному соглашенію. Сопровождаемый Дороѳеемъ Митиленскимъ, Исидоръ поспѣшилъ къ папѣ. Они ознакомили Его Святѣйшество съ послѣдними событіями и настаивали на скорѣйшемъ рѣшеніи дѣла. «Прошло уже много дней, а Унія все не объявлена—говорили они. «Предстоящій праздникъ святыхъ Петра и Павла, думается намъ, предназначенъ для этого самимъ Провидѣніемъ. Не должны ли святители въ день, когда сами они приняли вѣнецъ блаженства, украсить своего законнаго преемника славою церковнаго единенія? Торопись, дабы въ день предстоящаго праздника мы могли вмѣстѣ совершить святыя таинства». Оба митрополита шли навст-

рѣчу желаніямъ папы. Онъ же только и ждалъ подобнаго шага, чтобы принять окончательное рѣшеніе. Папа отвѣтилъ благодарностью, и булла, объявляющая объ единеніи Церквей, была тотчасъ обнародована.

Латинская редакція этого важнаго документа была поручена Траверсари. Составитель имѣлъ подъ рукой готовый матеріалъ въ формѣ различныхъ записокъ, использованныхъ той и другой стороной. Оставалось только ознакомиться съ этимъ матеріаломъ и сдѣлать сводку. Въ переводѣ буллы на греческій языкъ латинскому монаху помогалъ Виссаріонъ.

Торжественное объявленіе Уніи состоялось 6-го іюля 1439 г. въ Флорентійскомъ соборѣ Santa Maria del Fiore Его изящный куполъ былъ только что законченъ Брунеллеско, какъ будто для того, чтобы эхо Уніи навсегда сохранилось подъ его сводами. Весь городъ принялъ участіе въ празднествѣ. Громадная толпа наводнила обширный соборъ. Потоки свѣта лились съ алтаря; патетическая итальянская музыка чередовалась съ клятвами вѣчнаго мира между Римомъ и Византіей. Кардиналъ Чезарини прочелъ латинскій текстъ буллы *Loetentur coeli.* Виссаріонъ—греческій. Булла эта особенно подчеркивала слѣдующія рѣшенія: 1°. Духъ Святой исходитъ отъ Отца и Сына, или отъ Отца черезъ Сына, какъ отъ единаго начала и единымъ дыханіемъ; 2°. Узаконивается добавленіе къ символу filioque; 3°. Допускается совершеніе таинства Евхаристіи, какъ съ прѣснымъ, такъ и кислымъ пшеничнымъ хлѣбомъ; 4°. Утверждается, что непосредственно послѣ смерти святые награждаются блаженствомъ лицезрѣнія Бога, грѣшники же низвергаются во адъ. 5°. Папа признается намѣстникомъ святого Петра. Вся Церковь подчиняется его суду. Онъ отецъ и учитель всѣхъ народовъ. Второе мѣсто въ церковной іерархіи принадлежитъ Константинопольскому патріарху, третье—Александрійскому; четвертое—Антіохійскому, наконецъ, пятое—Іерусалимскому. Нѣсколько грековъ отказались подписать буллу. Во главѣ ихъ былъ Маркъ Ефесскій. То было плохимъ предзнаменованіемъ.

Однако, Евгеній IV хотѣлъ, чтобы память объ счастливомъ примиреніи сохранилась для потомства не только на пергаментѣ, но также въ камнѣ и бронзѣ. Прежде всего, онъ обратился къ императору и грекамъ, съ просьбой чтобы они подписали еще пять экземпляровъ буллы. Тѣ сократили это число до четырехъ. Чтобы добиться и этого одолженія, пришлось вести долгіе переговоры и сдѣлать рядъ новыхъ уступокъ. Послѣ этого, повидимому, отъ каждаго изъ шестнадцати секретарей, или какъ ихъ называли, *Scrittori*, потребовали заготовленія двадцати пяти копій. Такимъ образомъ, общее количество копій равнялось четыремъ стамъ. Подписывались подъ ними не всегда одни и тѣ же лица. На экземплярѣ, опубликованномъ Миланези, имѣются имена слѣдующихъ лицъ: со стороны грековъ—императора, двадцати митрополитовъ, въ томъ числѣ Исидора, четырехъ византійскихъ сановниковъ, русскаго епископа Авраамія и семи игуменовъ. Со стороны латинянъ — имена папы, восьми кардиналовъ, двухъ патріарховъ, шестидесяти одного епископа, четырехъ орденскихъ начальниковъ и тридцати восьми аббатовъ. Одинъ экземпляровъ буллы, особенно интересный для русскихъ, хранится подъ № 4 въ серебряномъ ларцѣ, нѣкогда преподнесенномъ кардиналомъ Чезарини Флорентійской сеньеріи. Въ настоящее время онъ находится въ Лауренціанской библіотекѣ. Этотъ экземпляръ раздѣленъ на три столбца. Каждый столбецъ заключаетъ одинъ и тотъ же текстъ, но на различныхъ языкахъ—латинскомъ, греческомъ и славянскомъ. На документѣ—дата собора. Поэтому надо предположить, что русскій переводъ сдѣланъ однимъ изъ товарищей Исидора, можетъ быть Авраамiемъ *).

Съ камнемъ были не такъ расточительны, какъ съ пергаментомъ. Внутри флорентійскаго собора посѣтителямъ

*) *Milanesi* p. 196,—*Theiner et Miklosich*, p. 46. Славянскій текстъ опубликованъ *Лопаревымъ*), т. I, № CXLI).

напоминаютъ объ Уніи двѣ надписи. Одна изъ нихъ, надъ входной дверью, подъ вліяніемъ неумолимаго времени почти исчезла. Другая, болѣе подробная, выгравирована на мраморной доскѣ, около ризницы. Изъ ея текста можно заключить о продолжительности соборныхъ дебатовъ, о числѣ греческихъ и латинскихъ епископовъ, объединившихся подъ предсѣдательствомъ папы и императора. Наконецъ, она говоритъ о побѣдѣ истинной римской вѣры.

Но самый прочный памятникъ Уніи былъ созданъ изъ металла. Кромѣ медали, выбитой въ память собора, папа приказалъ изобразить нѣсколько характерныхъ сценъ на бронзовыхъ дверяхъ храма Святого Петра. Эти сцены были созданіемъ Филарета и его учениковъ. Здѣсь вы увидите императора, садящагося въ Константинополѣ на корабль, чтобы ѣхать въ Италію. Далѣе императоръ преклоняетъ колѣна передъ папой, присутствуетъ на засѣданіяхъ собора, наконецъ, отправляется изъ Венеціи на родину. Замѣтимъ, между прочимъ, что, несомнѣнно, по этому же случаю Витторе Пизано выбилъ свою прекрасную медаль, изображающую Іоанна Палеолога.

Эти творенія искусства вмѣстѣ съ надписями, по словамъ Евгенія IV, должны были свидѣтельствовать о томъ, что стѣна, столь долго раздѣлявшая Востокъ и Западъ, рушилась. Именно такъ понималъ событіе и Исидоръ. Однако, его русскіе спутники не раздѣляли его мнѣнія. Они совершенно не скрывали своего неудовольствія. Въ этомъ отношеніи особенно интересны записки попа Симеона. Онъ—единственный изъ всѣхъ русскихъ участниковъ собора письменно изложилъ свои впечатлѣнія. Конечно, это сплетеніе грубыхъ ошибокъ отнюдь не есть исторія собора. Записки даютъ матеріалъ скорѣе для психологическихъ выводовъ. Они раскрываютъ удивительную грубость суздальскаго священника, нежданно-негаданно попавшаго въ среду просвѣщенныхъ и несравненно болѣе культурныхъ людей. По мнѣнію о. Симеона, вся задача Флорентій-

скаго собора сводилась къ финансовымъ и полицейскимъ мѣропріятіямъ. Итоги этого совѣщанія легко можно объяснить подкупомъ и угрозами. Болѣе возвышенныя цѣли собора рисовались нашему автору весьма смутно, какъ бы сквозь густой туманъ. Все почти вниманіе его совершенно поглощалъ Маркъ Ефесскій, этотъ непреклонный противникъ латинянъ. Вотъ какъ о. Симеонъ передаетъ подвиги своего героя. На четвертомъ засѣданіи въ Феррарѣ, въ то время, какъ всѣ епископы молчали, съ кротостью заговорилъ Маркъ. Онъ упрекнулъ римскаго первосвященника въ томъ, что тотъ всегда именовалъ себя первымъ, въ своихъ молитвахъ пересталъ упоминать императора, отказался называть патріарховъ братьями. Далѣе, онъ поставилъ папѣ въ упрекъ, что тотъ отвергъ семь первыхъ церковныхъ соборовъ и уничтожилъ ихъ постановленія, принявъ рѣшенія восьмого только ради того, чтобы добиться преобладанія латинской вѣры надъ православіемъ. Папа на это не смогъ ничего отвѣтить: за него говорили ученые теологи. Послѣ этого Маркъ Ефесскій заговорилъ вновь, приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Латиняне, доколѣ въ вашемъ безуміи вы будете отвергать семь первыхъ соборовъ? Пусть будетъ проклятъ тотъ, кто выброситъ, либо прибавитъ хотя бы одинъ слогъ къ постановленію соборовъ, начиная отъ перваго, подъ предсѣдательствомъ Сильвестра, до послѣдняго, подъ предсѣдательствомъ Адріана». Эта рѣчь произвела впечатлѣніе громового удара. Папа, кардиналы, епископы, всѣ латиняне въ смятеніи стремительно покинули засѣданіе. Греки, оставшись одни, въ мирѣ радовались своей побѣдѣ. Такъ какъ о. Симеонъ не могъ понять происходившаго, одинъ изъ митрополитовъ любезно далъ ему такое объясненіе: Маркъ, борецъ за православіе, превзошелъ Златоуста и блестяще отмстилъ за Восточную церковь. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ Симеонъ заставляетъ своего героя безъ конца повторять тотъ же припѣвъ о семи отвергнутыхъ соборахъ и о восьмомъ, созванномъ вопреки каноническимъ правиламъ.

Молчаливые и пораженные латиняне изображаются жертвою собственныхъ заблужденій; происходятъ событія, явно изобличающія ихъ ересь и сверхчеловѣческую доблесть Марка. «Философъ Иванъ», пытавшійся совратить его, падаетъ у его ногъ мертвымъ. Маркъ пророчески предсказываетъ «архимандриту Амвросію» смерть за сорокъ дней. Недоступный соблазнамъ и угрозамъ, онъ отвергаетъ предложенное ему золото и не смущается даже передъ угрозой сожженія.

Набросавъ смѣлыми мазками портретъ своего героя, Симеонъ, безъ всякаго перехода, начинаетъ разсказъ о концѣ собора, т.-е. о послѣднемъ засѣданіи, когда была провозглашена Унія. Нечувствительный къ чудесамъ, развертывавшимся передъ его глазами, русскій попъ испытываетъ лишь глубокую скорбь. Видя, какъ греки, склонившись на колѣна передъ папой, цѣлуютъ ему руку, онъ въ отчаяніи шепчетъ молитву: «Господи, помилуй насъ, грѣшныхъ». Митрополитъ кіевскій, отъ имени своей паствы, подписывается подъ буллой Евгенія IV. Но епископъ суздальскій, Авраамій, упорно отказывается дать свою подпись. Однако, восемь дней, проведенныхъ въ заключеніи, внушили ему иныя мысли: волей-неволей подписался и онъ.

Мы воспроизвели наиболѣе выдающіеся моменты въ разсказѣ о. Симеона*). Излишне прибавлять, что они не подтверждаются актами собора, которые дошли до насъ; мало того, въ деталяхъ они не выдерживаютъ широкой критики. Было бы утомительно опровергать въ отдѣльности каждую ихъ ошибку. Общее же впечатлѣніе отъ записокъ таково, что Исидоръ былъ на сторонѣ латинянъ. Но относительно этого всѣ источники сходятся.

Симеонъ былъ скандализованъ поведеніемъ Исидора. Позднѣйшіе источники въ одномъ отношеніи раздѣляютъ точку зрѣнія этого свидѣтеля. Исидора упрекаютъ въ томъ,

*) *Поповъ*, стр. 337—359, *Пазловъ*, стр. 198—210, *Щербина*).

что, будучи представителемъ великаго князя Василія и всей Россіи, онъ нарушилъ свой мандатъ и измѣнилъ своимъ довѣрителямъ. Но теорія мандата не примѣнима тогда, когда дѣло идетъ о соборѣ. Здѣсь на первое мѣсто должны быть поставлены неоспоримыя права истины и повелительныя требованія совѣсти. Убѣдившись, что Римская Церковь — единственно истинная, Исидоръ не могъ уклониться отъ возсоединенія съ нею. То, что онъ сдѣлалъ отъ своего имени, онъ долженъ былъ совершить и отъ лица паствы, конечно, съ тѣмъ, чтобы въ свое время наставить ее святительскимъ словомъ и дѣломъ. Вѣдь было бы несправедливо съ его стороны предполагать, что эта паства упрямо будетъ противиться голосу высшей Правды. Наканунѣ собора никакой мандатъ, никакое обязательство не могли гарантировать ничего. Послѣ же соглашенія открывалась единая истина, требовавшая всеобщаго признанія. Исидоръ держался этого разумнаго взгляда. Онъ остался вѣренъ ему всю жизнь при самыхъ тяжкихъ обстоятельствахъ.

III.

Великій актъ, столь мѣтко названный помолвкой между Востокомъ и Западомъ, былъ завершенъ. Теперь предстояло заняться практическими вопросами, возникавшими при новомъ порядкѣ вещей. Припомнимъ, что религіозный союзъ съ латинянами подчасъ смѣшивался съ военнымъ союзомъ противъ турокъ. Это сближеніе объяснялось успѣхами Ислама на европейской почвѣ, придававшими вопросу характеръ самой жгучей неотложности. Побѣды турокъ угрожали, главнымъ образомъ, византійцамъ. Поэтому они и должны были особенно интересоваться союзомъ. Одинъ интересный документъ знакомитъ насъ съ взглядами оптимистовъ на этотъ вопросъ. Адресованъ онъ Филиппу Доброму, герцогу Бургундскому, изъ Флоренціи и датированъ

16-мъ марта 1439 г. Исходитъ онъ отъ нѣкоего Торзело, кавалера, какъ онъ самъ называлъ себя, слуги и камерарія константинопольскаго императора. Торзело провелъ двѣнадцать лѣтъ при дворѣ султана. Свои свѣдѣнія онъ заимствуетъ изъ лучшихъ источниковъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ онъ самъ.

Торзело исчисляетъ силы оттомановъ въ сто тысячъ человѣкъ кавалеріи. Изъ нихъ двадцать тысячъ представляетъ избранную конницу; къ ней нужно прибавить еще десять тысячъ хорошо вооруженныхъ всадниковъ. Пѣхота состоитъ изъ десяти тысячъ человѣкъ. Къ такимъ цифрамъ сводитъ Торзело грозную силу, заставлявшую трепетать весь христіанскій міръ. Ближайшее будущее таило жестокое опроверженіе этихъ расчетовъ. Но, пока что, планъ кампаніи представлялся Торзело не слишкомъ затруднительнымъ. Надо собрать въ Венгріи восемьдесятъ тысячъ человѣкъ, посадить ихъ на берегахъ Дуная на суда и вести въ трехъ направленіяхъ: на Виддинъ, Бѣлградъ и Грецію. По дорогѣ можно было бы рекрутировать новые отряды. Реція дала бы сорокъ тысячъ лошадей, Албанія двадцать тысячъ, Морея—пятнадцать. Среди христіанскихъ подданныхъ султана взялось бы за оружіе пятьдесятъ тысячъ человѣкъ. Наконецъ, Валахія дала бы пятнадцать тысячъ превосходныхъ всадниковъ. Такимъ образомъ, на бумагѣ легко собиралась армія въ двѣсти двадцать тысячъ человѣкъ. Съ той же легкостью воображеніе Торзело и направляло эту армію. «Во славу Божію все будетъ кончено въ теченіе одного мѣсяца»,—утверждалъ онъ. Торзело не скрываетъ, что найдутся охотники снарядить еще сверхъ того двадцать галеръ. «Я достаточно убѣдился», говоритъ онъ, «что, хотя это и не необходимо, но, конечно, не повредило бы дѣлу». Послѣ этого Торзело уже даетъ полную волу своему размаху. Онъ присоединяетъ къ своей великой арміи еще сто тысячъ воиновъ, которыхъ дадутъ Германія, Венгрія и Богемія. «Осуществить это предпріятіе», заканчиваетъ Торзело, «очень легко, и я

укажу способъ: пусть нашъ святой отецъ, папа, поручитъ это какому-нибудь благородному и доблестному князю, ревнующему о славѣ; пусть онъ распространитъ по всему христіанскому міру индульгенціи для сбора денегъ какъ на жалованье людямъ, такъ и на другіе расходы»*).

Въ дѣйствительности, планъ Торзело былъ не болѣе, какъ смѣшной химерой. Люди, которые серьезно подходили къ дѣлу, а не только составляли записки, прекрасно знали, сколько надо было побѣдить препятствій. Они видѣли то безразличіе, то оцѣпененіе, которыя охватили христіанскій міръ. Лучшіе умы среди католиковъ были убѣждены, что нельзя бросить грековъ въ несчастьи. Траверсари побуждалъ папу оказать помощь Византіи. Къ несчастью, Евгеній IV могъ только сожалѣть о своемъ безсиліи и расточать обѣщанія. Нѣсколько разъ этотъ острый вопросъ поднимался и на соборѣ. Но онъ былъ разрѣшенъ только въ первыхъ числахъ іюня 1439 г. И опять посредникомъ со стороны грековъ явился русскій митрополитъ Исидоръ. Императоръ отправилъ его къ папѣ для выясненія намѣреній Куріи. Исидоръ возвратился съ тремя кардиналами, которые и передали рѣшеніе первосвященника. Евгеній IV обѣщался взять на себя издержки, связанные съ возвращеніемъ грековъ въ Константинополь и предоставить нѣкоторые доходы отъ іерусалимскихъ паломниковъ. Кромѣ того онъ обязывался содержать триста солдатъ для защиты города, снарядить двадцать галеръ срокомъ на шесть мѣсяцевъ или десять на одинъ годъ. Наконецъ, въ случаѣ нужды папа обѣщалъ призвать на помощь свѣтскихъ государей. Конечно, это было далеко отъ тѣхъ цифръ, которыми бредилъ Торзело. Но императоръ, менѣе увлекающійся, нежели его камерарій, просилъ лишь о томъ, чтобы обѣщанія эти были изложены письменно**).

Въ концѣ собора другія заботы выдвинулись на пер-

---

*) *Schefer*, 262—268.

**) *Labbe*, XII), col, 486.

вый планъ. Чтобы закрѣпить совершившійся фактъ, надо было воплотить въ жизни народовъ начала религіознаго единства,установленныя соборомъ. Для достиженія этого условились относительно ряда мѣръ, согласно обстоятельствамъ и различію среды. Въ Россіи миссія эта, естественно, выпадала на долю Кіевскаго митрополита. Поручая Исидору столь трудную задачу въ странѣ, черезчуръ отдаленный для частыхъ сношеній, Евгеній IV постарался возможно лучше вооружить его.

17-го августа Исидоръ былъ провозглашенъ легатомъ, a latere для Литвы, Ливоніи, всей Руси и польскихъ областей, включенныхъ въ территорію Кіевской митрополіи. Дипломъ, выданный ему, какъ папскому довѣренному, былъ чрезвычайно лестнымъ. Здѣсь превозносились его доблести, ученость, рвеніе. Охранная грамота обезпечивала ему безопасность путешествія *).

Новый легатъ однимъ изъ послѣднихъ покинулъ Флоренцію. 23-го октября его уполномоченному—Григорію были переданы деньги на путешествіе до Венеціи и остатки суммъ, асигнованныхъ на его содержаніе. Эти суммы исчислялись въ размѣрѣ девяносто одного флорина въ мѣсяцъ на самаго Исидора и на двадцать девять человѣкъ его свиты. Въ общемъ, Григорію было вручено шесть тысячъ пятьдесять флориновъ. Любопытная подробность: въ тотъ же день было уплачено особо двѣсти тридцать семь флориновъ епископу Суздальскому и боярину Ѳомѣ въ качествѣ русскихъ пословъ. Оба имѣли въ своемъ распоряженіи восемь помощниковъ и получали тридцать пять флориновъ въ мѣсяцъ *). Такое раздѣленіе кассъ, какъ будто, свидѣтельствуетъ о существованіи двухъ независимыхъ русскихъ посольствъ. Какъ мы уже сказали, въ нѣкоторыхъ источникахъ, бояринъ Ѳома называется делегатомъ Тверского князя. Ничего подобнаго мы не

*) Theiner, *Vet. Mon. Pol.* т- II стр. 41 n/os 56, 57).
*) Gottlob, *Aus den Rechnungsbüchern*, 64, 65).

находимъ относительно Авраамія. Поэтому у насъ и нѣтъ данныхъ для какого-либо категорическаго заключенія.

Императоръ спѣшилъ болѣе другихъ и уѣхалъ уже 26-го августа. По свидѣтельству Сиропула, послѣ отбытія императора вплоть до окончанія собора и своего отъѣзда Исидоръ добивался сана Константинопольскаго патріарха. Престолъ этотъ оставался незанятымъ послѣ смерти Іосифа. Такимъ образомъ, Исидоръ подкапывался подъ бывшаго своего друга, чтобы устранить въ его лицѣ соперника. Впрочемъ, никто, кромѣ Сиропула, этого открытаго врага Кіевскаго митрополита, не обвинялъ Исидора въ низменномъ честолюбіи. Вмѣсто Константинопольскаго престола Кіевскаго митрополита, какъ борца за Унію, ждали другія почести. 17-го декабря, при торжественной обстановкѣ, Евгеній IV провелъ въ Святую Коллегію двухъ представителей Греческаго обряда—Виссаріона и Исидора. Исидоръ получилъ титулъ кардинала св. Петра и Марцелина. Церковь этихъ святыхъ находится на Via Merulana. Ея возникновеніе относится ко времени Григорія III, но она была совершенно перестроена Бенедиктомъ XIV по плану Джироламо Теодоли.

Это высокое отличіе застало Исидора еще въ Италіи. Изъ Флоренціи онъ отправился вмѣстѣ съ Траверсари въ Пизу. «Historiae gratia», поясняетъ послѣдній цѣль поѣздки, ограничиваясь этимъ неяснымъ выраженіемъ. Затѣмъ мы находимъ митрополита въ Венеціи. Здѣсь онъ оставался довольно долго, можетъ быть, потому, что колебался, по какому пути возвращаться въ Кіевъ. Дорога черезъ Германію внушала опасенія, благодаря смерти императора Альберта. Судя по одному письму Евгенія IV къ Іоанну Палеологу, Исидоръ думалъ заѣхать въ Константинополь. Однако, оставивъ это намѣреніе, онъ 22-го декабря отплылъ въ Полу по направленію къ Аграму и Будѣ*).

*) *Syropoulos* 286,305—*Traversari*, кн. VII, гл. XIII. Ватиканск. Библіотека, греческіе акты № 133, собственноручное письмо Евгенія II къ Іоанну Палеологу).

Пребываніе русскихъ въ Венеціи ознаменовалось характернымъ эпизодомъ. Вѣрный своимъ убѣжденіямъ и послѣдовательный въ своихъ дѣйствіяхъ, Исидоръ, сохраняя въ неприкосновенности греческій обрядъ, служилъ въ латинскихъ храмахъ. Того же онъ требовалъ и отъ своихъ спутниковъ. Въ случаѣ сопротивленія онъ не останавливался передъ принудительными мѣрами. Такъ утверждаетъ, по крайней мѣрѣ, Симеонъ, который оказался первой жертвой митрополита. Угрызенія совѣсти такъ замучили русскаго попа, что онъ рѣшился на крайній шагъ. 9-го декабря Симеонъ тайно бѣжалъ съ бояриномъ Ѳомой, чтобы возможно скорѣе возвратиться въ родную, православную Русь. Для русскаго человѣка пятнадцатаговѣка было не легко найти изъ Венеціи путь въ Россію. Ему приходилось ѣхать черезъ страны, ни обычаевъ, ни языка которыхъ онъ не зналъ. Симеонъ самъ повѣдалъ намъ о своемъ путешествіи. Его разсказъ дорисовываетъ его обликъ и даетъ возможность точно установить степень довѣрія, котораго заслуживаетъ авторъ.

Сначала наши путешественники попытались выйти изъ затрудненія, присоединившись къ странствующимъ купцамъ. Однако, они скоро оказались въ ужасномъ положеніи. Нѣсколько дней они брели черезъ дикую страну по извилистой, узкой дорогѣ, висящей между пропастями и неприступными горами. Вдругъ они наткнулись на таборъ—точнѣе, городъ разбойниковъ, нагло преградившихъ имъ дорогу. Конечно, безплодно спрашивать у автора имя этого необычайнаго города. Что было дѣлать? Первобытная русская натура обнаруживается здѣсь во всей своей наготѣ. Симеонъ преспокойно засыпаетъ, и сонъ приноситъ ему избавленіе. Во снѣ Симеону явился Святой Сергій, покровитель Москвы. Онъ упрекнулъ Симеона въ клятвопреступленіи и научилъ его обратиться къ одной госпожѣ, по имени Евгенія, которая должна оказать имъ помощь. Затѣмъ святой сказалъ: «Ты опять обѣщаешь мнѣ паломничество и опять солжешь, но я все-таки при-

веду тебя въ мой храмъ». Несмотря на эти зловѣщія слова, Симеонъ проснулся съ радостью въ сердцѣ. Путешественники тотчасъ тронулись дальше. Таинственная Евгенія оказала имъ гостепріимство и дала проводника черезъ городъ. Когда они приблизились къ городскимъ желѣзнымъ воротамъ, тѣ повернулись на своихъ петляхъ и раскрылись, какъ по волшебству. Русскіе безпрепятственно укрылись въ заколдованный кругъ и такъ же легко вышли изъ него; разбойники же, испуская воинственные крики, толпились на стѣнахъ, но не могли причинить нашимъ путешественникамъ никакого вреда. Избавившись отъ опасности, русскіе пѣснопѣніемъ во славу Сергія возблагодарили святого.*)

Но оставимъ нашихъ бѣглецовъ радостно продолжать свой путь и возвратимся къ Исидору. Митрополитъ, видимо, заранѣе рѣшилъ подолгу останавливаться въ славянскихъ земляхъ, чтобы всюду вербовать сторонниковъ Уніи и сломить сопротивленіе ея враговъ. Можно сказать, что пропагандируя идею Уніи, Исидоръ хотѣлъ прилетѣть въ Москву какъ на крыльяхъ. Переходя отъ успѣха къ успѣху, онъ мечталъ этимъ подготовить свою окончательную побѣду въ Кремлѣ. Изъ Буды, 5-го марта 1440-го года, митрополитъ отправилъ русскимъ и литовцамъ окружную грамоту. Въ ней онъ извѣщалъ ихъ объ Уніи и горячо убѣждалъ принять ее. Такъ какъ въ Москвѣ отвергали латинское крещеніе, то Исидоръ настаивалъ на дѣйствительности этого таинства для обѣихъ Церквей. Онъ особенно подчеркивалъ, что отнынѣ въ чужихъ краяхъ греки могутъ посѣщать латинскія церкви, латиняне же греческія. Таковъ былъ практическій выводъ изъ принципа, принятаго во Флоренціи: единство вѣры при различіи обрядовъ. Грамота Исидора, упоминаемая въ русскихъ лѣтописяхъ, до-

---

*) Этотъ разсказъ записанъ со словъ Симеона около 1441 или 1444 года и включенъ въ житіе святого Сергія—*Попов* 339, 344 стр.

стигла своего назначенія, хотя мы и не можемъ сказать, когда. Конечно, она не произвела ожидаемаго дѣйствія.*)

Исидоръ встрѣтилъ благосклонный пріемъ въ славянскихъ земляхъ, смежныхъ съ Московскимъ государствомъ Онъ прибылъ туда къ празднику Пасхи 1440-го года. Несмотря на неоднократныя приглашенія Евгенія IV, поляки, оставаясь вѣрными Базельскому соглашенію, не явились во Флоренцію. Въ эту эпоху преобладающее вліяніе имѣлъ въ Польшѣ краковскій епископъ Збигневъ Олесницкій. Онъ диктовалъ странѣ свою волю. Впрочемъ, политика этого іерарха была крайнѣ неустойчива. Онъ колебался между соборомъ и лжесоборомъ, между папой и антипапой и не разъ мѣнялъ свои убѣжденія. Олесницкій былъ возведенъ Евгеніемъ IV въ санъ кардинала въ тотъ же день, что и Исидоръ. Поэтому, въ данный моментъ, пока еще не удостоившись той же чести отъ Савойскаго узурпатора, онъ склонялся къ повиновенію законному папѣ. Вотъ почему Олесницкій готовъ былъ привѣтствовать Исидора, какъ собрата, преданнаго общему дѣлу.

Оказавъ митрополиту честь въ своей епархіи, Олесницкій содержалъ его на свой счетъ сначала въ Сандекѣ, а затѣмъ и въ Краковѣ. Въ обоихъ городахъ Исидоръ совершалъ торжественную службу по греческому обряду въ переполненныхъ народомъ костелахъ. Олесницкій лучше всякаго другого понималъ важность этого событія. Оно бросало сѣмена примиренія между разъединенными дотолѣ народностями. Отнынѣ католики-поляки и православные русскіе принадлежали къ одной Церкви. Отнынѣ они признавали одного духовнаго главу, и сердца ихъ бились въ унисонъ, несмотря на различіе въ обрядахъ. Конечно, ничто не достигалось сразу. Нужно было преодолѣть еще цѣлый рядъ препятствій... Между прочимъ, русскіе, жившіе во Львовѣ, не обнаружили большой симпатіи къ Уніи: они не пожелали даже присутствовать на службѣ митрополита. И, все же, съ Уніей въ общество про-

*) *Полн. собр.* т. VI, 159—Harasiewicz, 77—*Левицкій.*

никало плодотворное умиротворяющее начало. Надо было только укрѣпить и развить его. Такъ и сдѣлалъ Владиславъ III. Въ 1443-мъ году онъ провозгласилъ равенство передъ закономъ всѣхъ католиковъ—будь они латинскаго или греческаго обряда.

Точно такъ же была провозглашена Унія и въ Чельмѣ гдѣ въ наши дни потомки первыхъ уніатовъ доказали героизмъ своей вѣры. Здѣсь Исидоръ внушилъ такое довѣріе къ себѣ, что священникъ церкви Святого Спаса, Бобила, повѣдалъ ему о своихъ невзгодахъ и жаловался на то, что у него отнимаютъ садъ. Принявъ къ сердцу это дѣло, Исидоръ написалъ 27-го іюля старостамъ и воеводамъ Чельма. Въ своемъ письмѣ онъ говорилъ, что, во славу Божію, латиняне и русскіе образуютъ уже одну Церковь... Въ Кіевѣ, «матери русскихъ городовъ», отнятой литовцами, успѣхъ Уніи былъ полный. Князь Александръ Владиміровичъ, зять великаго князя Василія, выказалъ глубокое почтеніе къ новому кардиналу. Объ этомъ свидѣтельствуетъ грамота отъ 5-го февраля 1441-го года. Въ ней, въ согласіи съ боярами своего двора, князь подтверждаетъ за «господиномъ и отцемъ» Исидоромъ право на нерушимое владѣніе помѣстьями и доходами, приписанными къ кіевской митрополіи. Событіе другого рода свидѣтельствуетъ о томъ, что апостолъ Уніи встрѣтилъ сочувствіе и въ Смоленскѣ. Князь Юрій силою препроводилъ Исидору попа Симеона. Подъ покровомъ святого Сергія нашъ курьезный путешественникъ спокойно и мирно проживалъ въ Новгородѣ. Юрій вызвалъ его къ себѣ и передалъ Исидору. Подъ стражей Симеонъ привезенъ былъ въ Москву.*)

Почти полный успѣхъ въ Южной Руси внушилъ Исидору горячую вѣру въ свое дѣло. Можетъ быть, онъ

*) *Codex Epist.* II, 364. *Dlugosz* IV, 624. 626. *Zubrzycki*, 101. Lewicki *Index* n° 2403. Ватикан. Библіотека, славянскій отд. т. XII, 18, копія письма Исидора напечатана у *Hapasiewicz*, 75. *Акты Истор.* т. I. стр. 488 n° 259. *Попов*, 355. *Густынская лѣтоп.* утверждаетъ, что Исидоръ былъ изгнанъ изъ Кіева (*Полн. собр.* II, 355).

даже черезчуръ уповалъ на него. Рѣшительная борьба должна была завязаться въ Москвѣ. То было нѣчто посерьезнѣе предшествующихъ схватокъ. Именно здѣсь, въ столицѣ православной Руси, Унія должна была подвергнуться главному испытанію. Предстояло склонить къ ней государя, привыкшаго къ угодливости епископовъ. Нужно было убѣдить духовенство, состоявшее изъ Симеоновъ и Аврааміевъ; наконецъ, надобно было расположить народъ, проникнутый предубѣжденіемъ противъ латинянъ. Задача была не легкая. Мы уже указывали, что іерархическая связь Руси съ Римомъ уже не существовала въ пятнадцатомъ вѣкѣ и вражда православныхъ къ Западу все возрастала. Оставляя позади самихъ грековъ, русскіе упрекали латинянъ въ томъ, что они называютъ землю *матерью* или, согласно другимъ указаніямъ, *матеріей*. Надо признаться, то былъ не особенно тяжкій грѣхъ... Столь же наивна была и легенда о нѣкоемъ Петрѣ Гугнивомъ, будто бы, сбившемъ съ толку всѣхъ латинскихъ богослововъ и поселившемъ между ними разногласіе... Эти обличенія упоминаются и въ лѣтописяхъ. Однако, позже они были оставлены, и русскіе ограничивались тѣми возраженіями, которыя постоянно выдвигала Византія. Мало-по-малу, пройдя черезъ посланія греческихъ іерарховъ—напр. игумена Ѳеодосія, митрополита Георгія, Іоанна II, Никифора, эти обличенія проникли и въ Кормчую Книгу русскихъ. Въ концѣ концовъ, противъ латинянъ были составлены спеціальные сборники. Общая черта всѣхъ этихъ писаній заключалась въ томъ, что въ нихъ постоянно смѣшивалось существенное со второстепеннымъ. Подчасъ внѣшнее благочиніе шло впереди догмата, бритье бороды считалось большимъ преступленіемъ, нежели распространеніе ереси. Эти полемическіе матеріалы, естественно, были доступны только ограниченному кругу грамотеевъ. Большинство же русскихъ не умѣло ни читать, ни писать. Болѣе глубоко задѣвало народныя массы другое обстоятельство. Латинскую вѣру по римскому обряду исповѣдывали политическіе враги Россіи: поляки, литовцы, шведы и меченосцы.

Такимъ образомъ, слово латинянинъ значило то же, что и врагъ. Благодаря этому смѣшенію, латинянинъ считался самымъ злымъ еретикомъ. Прежде, чѣмъ протянуть ему руку, его надо было очистить и окрестить.

Повидимому, Исидоръ не достаточно учитывалъ значеніе этихъ обстоятельствъ. Болѣе энергичный, нежели осторожный, онъ черезчуръ переоцѣнилъ свое вліяніе на Василія. Сломивъ сопротивленіе великаго князя при отъѣздѣ въ Италію, онъ надѣялся поэтому склонить его и къ Уніи. Византіецъ эпохи Возрожденія не зналъ достаточно глубоко Россіи и ея народа. Скажемъ, впрочемъ, въ его оправданіе, что свидѣтельство русскихъ источниковъ не можетъ быть провѣрено здѣсь другими данными.

Исидоръ прибылъ въ Москву на третьей недѣлѣ великаго поста—19-го марта 1441 года. Со дня изданія буллы Евгенія IV протекло уже много времени. Однако, благодаря медленности сношеній и изолированности русскихъ, они еще не знали подробностей Флорентійскаго собора. Митрополитъ былъ принятъ съ почестями, приличествующими его сану. Съ нимъ вернулись немногіе спутники. Большинство изъ нихъ стало жертвой чумы въ Феррарѣ.

Среди пережившихъ эпидемію былъ и епископъ Авраамій, котораго, какъ говорятъ, Исидоръ силою заставилъ подписать буллу объ Уніи. Вернулся въ Москву и попъ Симеонъ. Онъ былъ закованъ въ цѣпи, отъ которыхъ не очень-то спѣшилъ освободить его святой Сергій. Если эти свѣдѣнія о спутникахъ Исидора точны, то возвращеніе митрополита произошло при весьма неблагопріятныхъ обстоятельствахъ Авраамій и Симеонъ были не изъ тѣхъ людей, что скрываютъ свое возмущеніе въ сердцѣ. Сами цѣпи злополучнаго попа говорили за него достаточно краснорѣчиво *).

Исидоръ, не медля, торжественно отправился въ соборъ. Къ великому ужасу православныхъ, передъ митро-

*) По другому источнику, Авраамій прибылъ раньше Исидора и это позволило ему организовать оппозицію. *Делекторскій* Флор. ун., 254.

политомъ несли латинскій крестъ съ рельефнымъ распятіемъ и три булавы, знаменовавшія, согласно лѣтописямъ, его новый кардинальскій санъ. Несмотря на это, никто и не подумалъ удалить митрополита изъ алтаря. Служба шла обычнымъ порядкомъ. Только при возглашеніи многолѣтія Исидоръ впервые упомянулъ имя Евгенія IV. Василій былъ непріятно пораженъ этимъ нововведеніемъ. Но его возмущеніе достигло высшей степени, когда Исидоръ въ концѣ службы прочелъ буллу единенія, подписанную іерархами Востока и Запада. Этотъ актъ подтверждалъ опасенія, родившіяся въ Кремлѣ наканунѣ собора. Дѣйствительность даже превосходила ихъ. Развязка этой сцены была чрезвычайно трагична. Православный князь обрушился на митрополита, именуя его ереснымъ прелестникомъ, хищнымъ волкомъ. Вмѣсто того, чтобы принять, согласно обычаю, благословеніе владыки, Василій приказалъ заключить его въ Чудовъ монастырь подъ постоянное наблюденіе. Такимъ образомъ, кардиналъ оказался узникомъ свѣтской власти.

Нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что Василій руководился чувствами мести или дѣйствовалъ подъ вліяніемъ личной злобы. Какъ бы ни были ошибочны его убѣжденія, они прочно установились и были вполнѣ искренни. Свои главныя обвиненія противъ Исидора Василій изложилъ письменно. Онъ обвинялъ митрополита въ томъ, что русскую Церковь онъ предалъ вѣроотступной Римской и призналъ отрицаемое княземъ первенство папы. Василій понималъ высокую важность Уніи, но, благодаря своему невѣжеству и предразсудкамъ, онъ не могъ охватить всего величія, всей необходимости совершившагося акта. Византійскія традиціи и полемика противъ латинянъ затмили для него божественную сущность Церкви, единство которой должно было сохраниться навсегда. Булла Евгенія IV, написанная по-латыни и гречески и снабженная зеленою печатью, внушала Василію подозрѣнія. Великій князь не имѣлъ опредѣленнаго взгляда относительно чистилища. Въ догматѣ «filioque» онъ не понималъ разни-

цы между источающими ѵпостасями и исхожденіемъ. Какъ вѣрный ученикъ византійцевъ, онъ испытывалъ ужасъ передъ опрѣсноками и передъ всѣмъ, что носило печать латинства. Въ его глазахъ тотъ, кто принесъ и объявилъ эту буллу, былъ преступникомъ.

Тѣмъ не менѣе арестъ Исидора былъ незаконенъ. Ему надо было придать каноническую внѣшность. Поэтому Василій созвалъ духовный соборъ изъ епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ и монаховъ. Какъ говорятъ лѣтописи, соборъ этотъ имѣлъ цѣлью судъ надъ Исидоромъ согласно апостольскимъ правиламъ, постановленіямъ семи соборовъ и отцовъ церкви. Епископовъ было шесть. Между ними находились Авраамій, подписавшій во Флоренціи буллу, и Іона, злополучный кандидатъ въ митрополиты. Составленное такимъ способомъ, судилище не имѣло права, по церковнымъ византійскимъ законамъ, принятымъ въ Москвѣ, судить верховнаго главу русской церкви. Низложить Исидора могли только равные ему по сану. Однако, въ силу ли невѣжества судей, или благодаря формальному приказу великаго князя, на этотъ принципъ не было обращено никакого вниманія. Съ другой стороны, московскому духовенству хотѣлось открыто засвидѣтельствовать свое мнѣніе и торжественно осудить Исидора. Сначала подвергли разсмотрѣнію его ученіе, представлявшее изъ себя не что иное, какъ тезисы Флорентійскаго собора. Оно было огульно отвергнуто, какъ еретическое и соблазнительное. Исидора ждало суровое наказаніе. Однако, ему удалось избѣгнуть его.

Воспользовавшись, вѣроятно, обширными подземельями Чудова монастыря, Исидоръ, вмѣстѣ съ неразлучнымъ Григоріемъ, бѣжалъ 15-го сентября 1441 года изъ своего заключенія въ Тверь. Слабость надзора и безпечность Василія въ дѣлѣ преслѣдованія бѣглеца породили мысль, что москвичи сами хотѣли избавиться отъ своего митрополита, не прибѣгая къ суровымъ мѣрамъ.

Исидоръ, со своей стороны, тоже долженъ былъ радоваться свободѣ. Хотя и поздно, глаза его раскрылись.

Теперь онъ видѣлъ, что единеніе съ латинянами не могло быть навязано русскимъ сразу. Невѣжественный русскій народъ былъ непоколебимо преданъ своимъ традиціямъ; страною управлялъ государь, враждебно настроенный къ римскимъ ученіямъ... Плохо расчитанная попытка Исидора напоминаетъ Базельскія пренія, приведшія къ знаменитому декрету, съ негодованіемъ отвергнутому византійцами. Въ обоихъ случаяхъ нашъ іерархъ обнаружилъ недостаточное чувство мѣры.

Обратное путешествіе Исидора было не вполнѣ благополучно. Въ Твери митрополитъ засталъ того же князя, который столь любезно принялъ его, когда глава русской церкви отправлялся на соборъ. Постоянно колеблющійся въ своей дружбѣ къ Москвѣ, Борисъ теперь послѣдовалъ примѣру Василія. Онъ отнесся недовѣрчиво къ бѣглецу и приказалъ заключить его въ монастырь. Видимо, и здѣсь Исидору облегчили побѣгъ, такъ какъ, въ концѣ-концовъ, нашъ узникъ, безъ большихъ затрудненій, добрался до Литвы. Новое разочарованіе ожидало его въ Новгородкѣ, на этотъ разъ—при католическомъ дворѣ. Казалось, здѣсь онъ долженъ былъ разсчитывать на болѣе сердечный пріемъ. Однако, князь Казиміръ былъ на сторонѣ антипапы Феликса X. Конечно, кардиналъ Евгенія IV не могъ возбудить сочувствія у единомышленника герцога Савойскаго... Итакъ, славянскій міръ отказывалъ въ пріютѣ отважному борцу за флорентійскую Унію. Естественно, мысли изгнанника направились къ тому, кто осыпалъ его почестями и благословилъ на предстоящую борьбу. Исидоръ отправился въ Италію. Туда его манило солнце, звали дорогія воспоминанія; туда влекли его надежды лучше, чѣмъ гдѣ-либо, послужить дѣлу, которое было ему такъ дорого *).

---

*) **Полн. собр.** т. VI, 160—169; т. VIII, 108—110, ср. мѣста, цитированныя выше, начиная съ прибытія Исидора въ Москву. **Акты Историч.** I, 71, 83, 94, 110, 116, 118, 492, 506, 514. **Акты археограф. экспедиціи**, I, 58. **Лѣт. Зан. Арх. Ком.** III, 33. Большая часть этихъ документовъ напечатана въ **Русск. Ист. Библ.**, т. VI.

ГЛАВА II.

КАРДИНАЛЪ ИСИДОРЪ.

Исидоръ и святая коллегія.—Прибытіе въ Сіенну.—Красная шляпа и очищеніе устъ.—Унія въ Константинополѣ.—Миссія Исидора въ Греціи и Руси.—Грамота Евгенія IV.—Григорій Мамма.—Константинопольскій патріархъ.—Посвященіе Даніила.—Пораженіе въ Варнѣ.—Николай V и его проекты.—Іона—Кіевскій митрополитъ.—Признаніе его Казиміромъ.—Жалобы на Виленскаго епископа.—Исидору поручается Сабинская епархія.—Новые бенефиціи.—Положеніе Константинополя.—Посылка туда Исидора.—Приготовленіе къ миссіи.—Неаполь и Хіосъ.—Рѣчи Исидора въ Константинополѣ.—Объявленіе Уніи въ храмѣ святой Софіи.—Разногласія.—Исидору поручается защищать бастіонъ Святого Дмитрія.—Взятіе города турками.—Сказаніе объ Исидорѣ.—Истинная версія.—Тревога.—«Человѣкъ, посланный Провидѣніемъ» въ Венеціи.—Исидоръ въ Болоньѣ.—Волненіе Рима.—Миръ, заключенный въ Лоди.—Письмо Исидора.—Смерть Николая V.—Конклавъ Калликста III.—Исидоръ въ Венеціи.—Помощь грекамъ.—Папскій пенсіонъ.—Бенефиціи.—Отреченіе отъ правъ.—Раздѣленіе Кіевской митрополіи.—Нареченіе Григорія.—Случай на конклавѣ Пія II.—Бенефиціи.—Русскія дѣла.—Грамота 11-го сентября 1458 г.—Польскій король объявляетъ себя сторонникомъ Григорія.—Кавалеръ Якуби.—Конгрессъ въ Мантуѣ.—Исидоръ назначается константинопольскимъ патріархомъ.—Исходъ конгресса.—Поѣздка Исидора въ Венецію.—Отправленіе въ Анкону.—Проектъ кампаніи.—Возвращеніе въ Римъ.—Болѣзнь Исидора.—Его образъ жизни въ Римѣ.—Санъ-Біаджьо и Палаццуола.—Слава добродѣтельнаго человѣка.—Любовь къ книгамъ и наукѣ.—Рукописи, переданныя Каликстомъ III.—Ихъ сохраненіе.—Исидоръ—человѣкъ дѣла.—Онъ окруженъ латинянами.—Скромный домашній обиходъ.—Матеріальное положеніе.—Процессъ съ аѳинскимъ архіепископомъ.—Другіе процессы.—Письмо къ маркизу Мантуи.—Трогательная церемонія въ Ватиканѣ.—Послѣднія стадіи болѣзни.—Свиданіе съ кардиналомъ Гонзага.—Благочестивая смерть Исидора.—Слѣды его дѣятельности въ славянскомъ мірѣ.—Реакція въ Москвѣ, какъ слѣдствіе Флорентійскаго собора.—Пренебреженіе къ грекамъ.—Объясненіе взятія Константинополя.—Патріотическій выводъ.—Слава Византіи переходитъ на Москву.

Брошенный въ тюрьму за объявленіе флорентійской Уніи и чудомъ спасшійся изъ заключенія, Исидоръ возвращался въ Италію, окруженный ореоломъ подвижника вѣры и человѣка непоколебимой твердости. Онъ могъ надѣяться, что будетъ хорошо принятъ коллегіей кардиналовъ. Въ то время въ ея средѣ находились Колонна, согбенный подъ тяжестью своего знаменитаго имени, Капраника, законченный типъ князя церкви, Альбергати, бывшій предсѣдатель феррарскаго собора, и ученый теологъ Торквемада. Ихъ собратьями были неутомимый Чезарини, Барбо, племянникъ Евгенія IV, страстный коллекціонеръ камней и монетъ, Скарампо, лучше носившій шлемъ, нежели пурпурную мантію, и Гильомъ д'Эстутевилль,—богатый, любящій пышность родственникъ французскихъ королей, затмевавшій всѣхъ своею изысканной роскошью. Но Исидоръ былъ всего ближе къ Виссаріону. Несчастія общей родины и принадлежность къ одной церкви создавали между ними неразрывную связь.

Въ ту пору Италія находилась въ стадіи успокоенія. Послѣ почти десятилѣтняго изгнанія, Евгеній собирался вернуться въ Римъ. 6-го іюля 1443-го года онъ заключилъ договоръ въ Скарампо съ неаполитанскимъ королемъ, Альфонсомъ. Этотъ актъ обезпечивалъ церковной области полную безопасность. Наступившій миръ почувствовали даже въ Базелѣ, гдѣ засѣдала еще небольшая группа упорствующихъ. Преобладающую роль среди нихъ играли неаполитанскіе прелаты. По соглашенію съ папой, король Альфонсъ отозвалъ ихъ: такимъ образомъ, дальнѣйшее существованіе лжесобора стало невозможнымъ. Избавившись отъ сторонниковъ антипапы и увѣрившись въ расположеніи римлянъ, Евгеній IV могъ вздохнуть свободнѣе.

Папа былъ еще въ Сіеннѣ, когда прибылъ Исидоръ. Чтобы увидѣть владыку, нашему изгнаннику приходилось ѣхать туда. 11-го іюля 1443 года присутствовавшіе въ Сіеннѣ тридцать кардиналовъ выѣхали къ воротамъ города навстрѣчу митрополиту. Отсюда они проводили его

во дворецъ папы. Евгеній принялъ Исидора въ присутствіи всей консисторіи. Онъ облобызалъ его и передалъ ему красную шляпу. Спустя четыре дня состоялась тайная церемонія очищенія устъ. По обычаю, то было послѣднимъ актомъ принятія новаго члена въ святую коллегію. Затѣмъ былъ отданъ приказъ, чтобы Исидоръ отнынѣ получалъ свою долю при распредѣленіи доходовъ *).

Рутенскій кардиналъ, какъ называли Исидора современники, могъ сообщить папѣ о весьма скромныхъ успѣхахъ флорентійской Уніи среди славянъ. Съ своей стороны, Евгеній располагалъ не болѣе утѣшительными свѣдѣніями относительно Востока. Нечего было долго убаюкивать себя иллюзіями. Впрочемъ, непосредственно послѣ объявленія буллы, 6-го іюля 1439-го года, было установлено единеніе съ армянами, эфіопами и якобитами. Между прочимъ, актъ Уніи съ якобитами былъ подписанъ Исидоромъ **). Затѣмъ провозглашено было возсоединеніе съ сирійцами, халдеями и маронитами. Такимъ образомъ толчокъ, данный изъ Флоренціи, какъ будто, передавался народамъ Востока. Къ несчастью, въ центрѣ отдѣлившихся церквей, въ Константинополѣ, булла Евгенія IV встрѣтила энергичный отпоръ. Жители столицы распались на два враждебныхъ лагеря. Несмотря на оффиціальную поддержку императора, его брата Константина и новаго патріарха Митрофана, сторонники Уніи не встрѣчали сочувствія въ массѣ. Ихъ презрительно клеймили именемъ «опрѣсноковъ» и латинствующихъ. Въ обоихъ этихъ эпитетахъ выражалась глубокая, вѣковая ненависть къ римской Церкви. Наоборотъ, противниковъ Уніи превозносили похвалами. Во главѣ этой партіи стоялъ деспотъ Димитрій. Маркъ Ефесскій заражалъ ее своимъ фанатизмомъ. Сюда же присоединились монахи съ Синая и Аѳона. Георгій Схоларій своимъ словомъ и авторитетомъ оказывалъ имъ поддержку. Передъ этимъ

*) *Korzeniowski* 32.

**) *Labbe*, XIII, 1201—1213.

систематическимъ, страстнымъ и несокрушимымъ сопротивленіемъ всѣ усилія колеблющагося и лишеннаго разумныхъ совѣтовъ императора оказывались безплодными.

Евгеній IV былъ недоволенъ византійскимъ дворомъ. Папа считалъ его нерѣшительнымъ и робкимъ. Тѣмъ не менѣе, владыка не оставлялъ мысли о крестовомъ походѣ противъ турокъ и утвержденіи Уніи. Онъ писалъ побудительныя письма Константину, обѣщая ему помощь. Исидоръ прибылъ какъ разъ кстати, чтобы принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Ему немедленно была дана миссія «въ Грецію и Русь». Онъ былъ утвержденъ легатомъ Святого Престола. На нужды путешествія ему выдали тысячу дукатовъ. Исидоръ не сталъ дожидаться торжественнаго возвращенія папы въ Римъ, что должно было произойти не ранѣе 28-го сентября. Только что прибывъ въ Италію, кардиналъ уже 28-го августа вновь отправился въ путь, сопровождаемый флорентійцемъ по имени Антоніо Николаи. Во время своего продолжительнаго путешествія Исидоръ часто обмѣнивался письмами съ Римомъ.

Отъ всей этой интересной корреспонденціи, насколько мы знаемъ, уцѣлѣло всего лишь одно письмо отъ 11-го іюня 1445-го года. Оно было адресовано Исидору папой. Это письмо—послѣдній остатокъ архива Исидора, случайно затерявшійся въ одной изъ книгъ ватиканской библіотеки. Несмотря на свою краткость, оно ярко характеризуетъ настроеніе Исидора до и послѣ Флорентійскаго собора. Папа горячо благодаритъ Исидора за сообщеніе церковныхъ и свѣтскихъ новостей. Онъ проситъ его писать возможно чаще: тогда можно будетъ изо дня въ день принимать соотвѣтствующія мѣры въ пользу Уніи и для истребленія невѣрныхъ. «Что касается Васъ, мой сынъ»—въ заключеніе пишетъ папа,—«Мы Васъ заклинаемъ именемъ нашего Господа: останьтесь всегда въ дѣлѣ Уніи равнымъ самому себѣ, соревнуйте съ собой, превосходите себя. Если до возсоединенія со святой Римской Церковью Вы обнаружили столько рвенія въ дѣлѣ Уніи, то нынѣ, когда Вы стали вид-

нымъ членомъ нашей Церкви, Вы легко поймете сами, каковы Ваши обязанности». Что могло бы лучше засвидѣтельствовать вѣрность Исидора своимъ принципамъ *)?

Мы совершенно не знаемъ подробностей путешествія кардинала. Побывалъ ли онъ въ Россіи, какъ намекаютъ нѣкоторые римскіе источники? У насъ нѣтъ основаній утверждать это. Съ другой стороны, несомнѣнно, что Исидоръ посѣтилъ Константинополь. Можетъ быть, возведеніе Григорія Маммы въ санъ патріарха не обошлось безъ его участія. Почти три года Митрофанъ не былъ замѣщенъ никѣмъ, и патріаршій престолъ оставался незанятымъ. Императоръ ни на что не могъ рѣшиться. Онъ не хотѣлъ ни обезкураживать сторонниковъ Уніи, ни вызывать неудовольства ихъ противниковъ. Наконецъ, въ серединѣ 1446-го года, онъ остановился на протосинкелѣ Григоріи. Григорій былъ членомъ Флорентійскаго Собора и другомъ Виссаріона. Самъ онъ писалъ противъ Марка Ефесскаго. Такой выборъ долженъ былъ удовлетворить Исидора. Между нимъ и новымъ патріархомъ установилось полное согласіе. Нѣкогда они боролись вмѣстѣ за одно дѣло.

Снова встрѣтившись въ Константинополѣ, они сообща возвели Даніила въ санъ русскаго епископа въ городѣ Владимирѣ-Волынскомъ. Нѣкоторое время митрополитъ Кіевскій могъ надѣяться, что ему вернутъ паству **). Повидимому, около того же времени другіе епископы были вызваны въ столицу. Объ этомъ имѣются очень неясныя свѣдѣнія. Какъ бы то ни было, Исидору не удалось ни сломить оппозицію противниковъ Уніи, ни разсѣять сомнѣнія императора. На берегахъ Босфора Унія такъ и не была провозглашена.

---

*) Korzeniowski 25—Ватиканскій Архивъ *Instr. et ex*—№ 410 f 107 Vo—*Regesta*, № 433 f 188 Vo—Ватиканск. библіотека, Греческій отд., № 133, оригиналъ письма Евгенія IV).

**) *Поповъ*, 332, письмо Григорія Маммы къ Александру Кіевскому, съ извѣщеніемъ о пріѣздѣ Исидора.—*Макарій*, VI, 369, письмо Даніила о его посвященіи.

Поглощенные внутренними неурядицами, византійцы оставались глухи къ голосу внѣшнихъ событій. А, между тѣмъ, еще въ 1444 году имъ было дано грозное предостереженіе. Война съ Караманіей заставила султана Мурада отозвать въ Азію большую часть своей арміи. Такимъ образомъ турецкія владѣнія по сю сторону Босфора оказались почти безъ прикрытія и защиты. Христіанскій флотъ, легко могъ бы помѣшать возвращенію непріятеля, бороздя воды Эгейскаго моря. А военная оккупація балканскихъ провинцій знаменовала бы полную побѣду надъ Исламомъ. Владиславъ Ягеллонъ, король польскій и венгерскій, былъ какъ разъ человѣкомъ, подходящимъ для такого дѣла. Но онъ только что заключилъ перемиріе съ Мурадомъ II. Кардиналъ Чезарини уговаривалъ его нарушить это перемиріе. Тогда Владиславъ счелъ себя свободнымъ отъ клятвы: собравъ войско, онъ двинулся на Варну. Но здѣсь ждала его гибель. Султану удалось обмануть бдительность флота. Онъ перевезъ въ Европу своихъ янычаръ и все войско. Владиславъ былъ вынужденъ бездѣйствовать въ теченіе нѣсколькихъ дней. За это время турки успѣли отдохнуть. 10-го ноября 1444 года произошло сраженіе. Христіанскія войска были разбиты на голову. Турки учинили жесточайшую рѣзню. Самъ Владиславъ и кардиналъ Чезарини остались на полѣ битвы. Долго христіанскій міръ не могъ оправиться отъ этого удара. Византійцы должны были бы помнить, какая участь ихъ ожидаетъ.

Только послѣ смерти Евгенія IV Исидоръ вернулся въ Римъ. Имя рутенскаго кардинала не упоминалось еще тогда между избирателями новаго папы. Новая эра открывалась безъ участія Исидора. Однако, нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ ей вполнѣ сочувствовалъ.

Восемнадцать кардиналовъ, собравшихся на конклавъ въ Санта Марія sopra Minerva 6-го марта 1447 года, подали свои голоса за Ѳому Парентучелли. Въ его лицѣ на папскій престолъ вступало Возрожденіе. Новый папа съ юныхъ лѣтъ дышалъ воздухомъ Флоренціи. Отпечатокъ гуманизма

остался на немъ навсегда. Рядомъ съ вѣрой и благочестіемъ въ немъ уживались грандіозные замыслы и тонкіе вкусы. Папа взиралъ на церковь, какъ на мистическую супругу Христа. Задачею наукъ, литературы и искусствъ было ея прославленіе здѣсь, на землѣ. И Риму суждено было стать живымъ воплощеніемъ этой идеи. Пусть надъ гробницами апостоловъ, этимъ неугасимымъ свѣточемъ благодати, воздвигнется пышная базилика. Пусть вокругъ нея вырастутъ величественныя зданія, гдѣ найдутъ себѣ пріютъ папа, его дворъ и кардиналы. Другія станутъ хранилищами сокровищъ скульптуры, живописи, произведеній ювелирнаго искусства, коллекцій антиковъ, камей, медалей и особенно пергаментовъ съ золотыми буквами, манускриптовъ съ изящными миніатюрами, въ переплетахъ, сверкающихъ драгоцѣнными камнями. Къ самому берегу Тибра надвинутся ослѣпительныя галлереи. Ватиканъ сольется съ противоположной стороною. Римъ Николая, населенный гуманистами, учеными, писателями, всевозможными художниками, опояшется мощными стѣнами съ башнями. Онъ превзойдетъ Римъ Августа. Что это было? Мечты? Или обдуманный планъ? Какъ бы то ни было, папа уже принялся за дѣло, когда его сразила преждевременная смерть.

Смѣлыя мечты Николая V, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали настроенію кардинала. И онъ жилъ подъ небомъ Греціи; и онъ высоко цѣнилъ общеніе съ гуманистами. Съ другой стороны—успѣхи турокъ внушали Риму все большія опасенія. Какъ кстати являлся человѣкъ, хорошо знакомый съ дѣлами Востока! Понятно, что папа спѣшитъ создать для Исидора болѣе прочное положеніе; онъ старается всячески наградить его, чтобы имѣть возможность пользоваться его дарованіями. Очевидно, этотъ изгнанникъ былъ въ чести при римскомъ дворѣ.

И, вдругъ, Исидоръ почувствовалъ, что почва колеблется подъ его ногами. Не былъ ли онъ пастыремъ, лишеннымъ своего стада? Со времени бѣгства его изъ Москвы въ средѣ русскаго духовенства произошли радикальныя

перемѣны. Престолъ митрополита былъ объявленъ свободнымъ. Великій князь Василій твердо рѣшилъ, что только коренной русскій человѣкъ можетъ занять этотъ постъ. Такой владыка сумѣетъ постоять за національные интересы. И вотъ, позондировавъ слегка почву въ Константинополѣ, Василій прибѣгаетъ къ крайнему средству. Онъ созываетъ соборъ епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ и священниковъ. 15-го декабря 1448 года Іона, выставленный оффиціальнымъ кандидатомъ, избирается единогласно. Такимъ образомъ, большая часть паствы отходила отъ Исидора.

Іона водворился въ Москвѣ и принялъ титулъ митрополита Кіевскаго и всея Руси. Спустя нѣкоторое время ему удалось добиться своего признанія и въ Литвѣ съ Польшей. Король Казиміръ заключилъ съ Василіемъ братскій союзъ. Уступая настояніямъ Іоны, 31 января 1451 г. онъ выдалъ ему желанную грамоту. Въ то же время король взялъ его подъ свое покровительство. Такимъ образомъ, въ рукахъ узурпатора оказались всѣ владѣнія митрополіи. Славянскіе государи отреклись отъ своего законнаго митрополита *).

Это было послѣднимъ ударомъ. Исидоръ почувствовалъ себя задѣтымъ. Считая себя жертвою интригъ, онъ предъявилъ обвиненіе къ Матѳею, епископу виленскому: онъ-де способствовалъ тому, что обездолили законнаго митрополита. Онъ же помогъ заточить его десять лѣтъ тому назадъ. Папа былъ посвященъ въ это дѣло вызвалъ на судъ семидесятилѣтняго епископа. Только благодаря энергичному заступничеству кардинала Олесницкаго, престарѣлому іерарху удалось уклониться отъ труднаго для него путешествія. Кардиналъ отправилъ въ Римъ посла съ убѣдительными письмами къ папѣ и Святой Коллегіи. По словамъ Краковскаго епископа, виною всему были свѣтскія власти и ихъ слѣпая преданность старому порядку вещей. Какъ бы

*) *Макарій*, VI, 20—26.—*Акты Истор.*, I, 85, n° 42.

то ни было, но, во всякомъ случаѣ, вышеупомянутая грамота отъ 31 января 1451 г. подписана была также и Матѳеемъ. Это обстоятельство, естественно, вызывало подозрѣнія.

Сначала Николай V ограничился полумѣрой. Герцогъ Савойскій, анти-папа Феликсъ V, скончался 7 января 1451 г. въ Рипальѣ. Послѣ его смерти Сабинское епископство оказывалось вакантнымъ. Тогда первосвященникъ передалъ его Исидору. Въ то же время онъ освободилъ кардинала отъ узъ, связывавшихъ его съ русской Церковью. Этотъ актъ относится къ 8 февраля 1451 г. Прекрасная епархія, лежащая недалеко отъ Рима, въ очаровательной гористой мѣстности, осталась за Исидоромъ до конца его дней. Ему приписываютъ полное возстановленіе епископскаго дворца въ Фороново. Онъ же, будто бы, соорудилъ приходскій храмъ Санъ Либераторе де Мальяно. Сохранилась нѣкоторая память объ Исидорѣ, какъ объ отличномъ администраторѣ. Но напрасно стали бы мы искать слѣдовъ его имени на зданіяхъ или даже въ мѣстныхъ архивахъ: время все истребило. Та же грамота, которая награждала «рутенскаго» кардинала итальянской епархіей, оставляла за нимъ доходы со Св. Бальбины. Такъ называлась старинная церковь на Авентинскомъ холмѣ, относившаяся еще ко времени Григорія Великаго.

Однако, Николай V, не удовольствовался этимъ назначеніемъ. Въ томъ же 1451 году онъ осыпалъ Исидора новыми милостями. 18-го іюня онъ отдалъ ему Червійскую епархію, взятую отъ кардинала Барбо. Одновременно Исидору было предоставлено пользованіе епархіальными землями въ Болоньѣ и Феррарѣ. 16 іюля бывшему митрополиту были пожалованы три новыхъ бенефиціи: Св. Петръ Пизанскій въ Пера, Св. Михаилъ—генуэзскій соборъ въ Галатѣ и Св. Антоній въ Самонѣ. Наконецъ, 13 сентября Исидору была назначена пенсія въ пятьсотъ дукатовъ изъ доходовъ Санта Маріа Помпоза. Но уже 17 октября онъ ея лишился. Это роскошное аббатство досталось шестнад-

пятилѣтнему канонику, Ринальдо Маріа д'Эсте. Нельзя съ увѣренностью сказать, когда именно, но нашъ кардиналъ получилъ еще аббатство Св. Біаджьо въ Римѣ, а затѣмъ—церкви Константинопольскую и Негропонтскую. Этотъ неисчерпаемый потокъ щедротъ доказываетъ намъ, что исторія не даромъ утвердила за Николаемъ V репутацію широкой натуры *).

Едва лишь положеніе «рутенскаго» кардинала упрочилось въ смыслѣ іерархическомъ и матеріяльномъ, какъ Исидору была поручена новая важная миссія. 19 марта 1452 г. первосвященникъ римскій возложилъ на голову Фридриха III корону Карла Великаго, горѣвшую въ послѣднихъ лучахъ своей угасающей славы. Исидоръ былъ участникомъ этого торжества и велъ къ алтарю потомка Габсбурговъ. Этотъ день былъ въ сущности похоронами Святой Имперіи, несмотря на все великолѣпіе зрѣлища и народное ликованіе: умирала великая идея среднихъ вѣковъ. Скоро Исидору придется увидѣть еще болѣе потрясающую драму: на его глазахъ пошатнется и рухнетъ съ громомъ имперія Константина.

Послѣ Варны дѣла на Востокѣ шли все хуже. Событія назрѣвали съ ужасающей быстротою. Въ 1448 году славянскою кровью турки вписали въ свою исторію Коссовскую побѣду. Пошатнулась христіанская твердыня. Константинополь оставался лишь столицею Византіи; со всѣхъ сторонъ обступила его оттоманская имперія. Все ближе и ближе надвигалась опасность. Воинственный Магометъ только что вступилъ на престолъ, обагренный братскою кровью. Онъ уже не считалъ нужнымъ скрывать свои враждебные замыслы. Рядомъ съ Галатою, на европейскомъ берегу Босфора, султанъ воздвигъ крѣпость Богазъ-Кессенъ. Она

*) *Codex epist.*, I, 121.—*Sperandio*, 232.—*Ватиканск. Архивъ, Regesta*, no 404, f. 189 v° no 414, f. 247; no 417, f. 30 vo, 205, 206; no 437, f. 274.—Моденск. Арх., 1451, 17 октября, посланіе Помпозы къ Ринальдо д'Эсте, пергаментъ не классифицированъ.

**) *Dlugosz*, V, 121.

высилась какъ разъ напротивъ цитадели, которую его предокъ Баязедъ поставилъ на азіатскомъ берегу. Слишкомъ ясенъ былъ смыслъ этихъ стратегическихъ мѣръ. Могъ ли онъ ускользнуть отъ тѣхъ, кому угрожала непосредственная опасность? Международное право было дерзко поругано. Надлежало готовиться къ всевозможнымъ испытаніямъ и къ неравной борьбѣ.

Константинъ Драгазесъ, братъ и преемникъ Іоанна Палеолога, вмѣстѣ съ военными планами, лелѣялъ и помыслы о религіозномъ мирѣ. Но задача его была нелегка. Буря Флорентійскаго собора всколыхнула враждебныя стихіи. Возбужденіе царило повсюду. Патріархъ Григорій, одолѣваемый противниками, отправился въ Римъ, чтобы выяснить тамъ положеніе вещей. Папа назначилъ ему пенсію. Императоръ Іоаннъ скончался, не успѣвъ провозгласить Унію. Повидимому, Константинъ приступилъ къ дѣлу съ большимъ жаромъ, чѣмъ его покойный братъ. Уже въ 1451 г. онъ отправилъ въ Римъ своего представителя съ письмами, выражавшими его полную готовность заключить Унію.

Отвѣтъ папы отъ 11 октября 1451 г. показываетъ, сколь различно относились оба двора къ вопросу. Посланіе владыки дышитъ искренностью. Папа обращается къ Константину съ упреками: онъ вполнѣ опредѣленно указываетъ путь, котораго надо держаться въ будущемъ. Николай V не считаетъ непреодолимыми препятствія, мѣшающія провозглашенію Уніи. Стоя на почвѣ Высшаго Промысла, онъ проводитъ параллель между греками и евреями. Всѣ теперешнія бѣды папа приписываетъ ереси Фотія. Единственный исходъ онъ видитъ въ полномъ разрывѣ съ прошлымъ и неуклонномъ примѣненіи началъ Флорентійскаго договора. Пусть первыми актами примиренія будутъ возвращеніе патріарха Григорія въ Константинополь и упоминаніе папы во время литургіи. До сихъ поръ все ясно и опредѣленно. Но языкъ папы становится менѣе рѣшительнымъ, лишь только дѣло касается помощи противъ турокъ. Тутъ Николаю V приходилось считаться и съ финансовыми сред-

ствами, истощенными дорогими постройками, и съ государями, мало помышлявшими о военной славѣ. Ѳеодоръ Газа перевелъ на греческій языкъ посланіе первосвященника. Съ своей стороны, онъ умолялъ братьевъ открыть глаза на приближающуюся опасность *).

Сношенія продолжались. Результаты ихъ сдѣлались уже достояніемъ исторіи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ подробностей. Григорій Мамма такъ и не вернулся на патріаршій престолъ. Но вести переговоры о провозглашеніи Уніи обѣ стороны считали возможнымъ. Съ этою цѣлью кардиналъ Исидоръ и былъ отправленъ въ Константинополь.

Предыдущія неудачи не заставили кардинала пасть духомъ. Можетъ быть, онъ-то и внушилъ Николаю V его посланіе. Теперь Исидору предстояло провѣрить на дѣлѣ, насколько хорошо была освѣдомлена римская Курія. Впрочемъ, на этотъ разъ можно было скорѣе надѣяться на успѣхъ. Но духовный миръ не былъ единственною цѣлью посольства. Миссія Исидора являлась лишь авангардомъ цѣлой арміи. Кардиналъ везъ съ собою денежную помощь и солдатъ. Повидимому, суммы, отпущенныя папской казною, были недостаточны. Георгій Трапезундскій опредѣленно указываетъ на то, что Исидоръ повсюду искалъ денегъ. А денегъ было нужно много. Не дешево стоило завербовать и затѣмъ содержать на свой счетъ хотя бы полсотни итальянскихъ солдатъ, будущихъ защитниковъ Константинополя. 20 мая 1452 года кардиналъ выѣхалъ изъ Рима. Генуэзскій корабль везъ Исидора, его свиту и маленькое войско. Повидимому, еще раньше кардиналъ заѣхалъ къ королю неаполитанскому и выпросилъ у него нѣсколько судовъ на подмогу.

Вдоль береговъ Мореи добрались до Хіоса. Тамъ остановились на нѣсколько дней ради генуэзскихъ торговыхъ дѣлъ. Исидоръ и здѣсь не терялъ времени: онъ завербовалъ еще пятьдесятъ солдатъ и обзавелся новымъ спутни-

*) *Migne*, CLX кол. 1201.—**Legrand**, *Cent dix lettres*, 329.

комъ. То былъ Леонардъ, уроженецъ Хіоса, епископъ Митиленскій. Онъ принялъ участіе въ трудахъ Исидора и впослѣдствіи написалъ замѣчательное донесеніе Николаю V *).

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ посольство прибыло въ Константинополь. Ему была устроена въ св. Софіи торжественная встрѣча. Если вѣрить Убертино Пускуло, единственному очевидцу этого событія, здѣсь Исидоръ высказался откровенно до рѣзкости. Онъ, будто бы, заявилъ слѣдующее: «Лишь надежда на то, что мое отечество образумится, заставила меня на склонѣ дней пуститься въ столь долгій и утомительный путь». Затѣмъ слѣдовали горькіе упреки по адресу грековъ: они-де дошли до того, что называютъ еретикомъ и собакою намѣстника Христа. Рѣчь свою кардиналъ закончилъ обѣщаніемъ помочь противъ турокъ лишь въ томъ случаѣ, если примиреніе съ Римомъ будетъ искренне и прочно. Отвѣтъ императора былъ милостивъ, но неясенъ. Онъ намекалъ на необходимость бороться со многими затрудненіями, создаваемыми нѣкоторой частью духовенства. Исидоръ понялъ, что это значитъ, и тотчасъ же принялся за дѣло. Наибольшая непріязнь къ Уніи держалась среди монаховъ и черницъ. Источникомъ ея былъ слѣпой фанатизмъ. Съ этимъ бороться было почти невозможно. Но не въ однихъ лишь монастыряхъ гнѣздилась оппозиція: ею были заражены всѣ классы общества, до императорскихъ приближенныхъ включительно. Многіе готовы были провозгласить девизъ Луки Нотары, наиболѣе значительнаго и виднаго сановника: лучше тюрбанъ, чѣмъ тіара. Эти слова производили впечатлѣніе на массу.

Въ Константинополѣ Исидоръ ведетъ себя совершенно иначе, чѣмъ въ Москвѣ. Онъ лучше знакомъ съ мѣстными условіями. Онъ отлично понимаетъ, что рѣзкій образъ

---

*) Korzeniowski, 33.—Trapezuntius., c. Q. f. 2 vo. Dlugosz, V, 127.—Migne, т. CLIX, col. 923.—Мѣстные лѣтописцы—Джульяно Пассеро, Нотаръ Джьякомо, Нотаръ Галло, анонимный авторъ *Diurnali di Monteleone*,—ничего не знаютъ о путешествіи Исидора въ Неаполь. Dlugosz одинъ упоминаетъ о немъ.—Iorga, стр. 522.

дѣйствій только возбудитъ волненіе умовъ. Поэтому онъ устраиваетъ предварительныя совѣщанія для выясненія вопроса. Здѣсь кардиналъ выражаетъ готовность итти на всякія уступки. По словамъ Дуки, онъ не прочь былъ подвергнуть пересмотру Флорентійскій договоръ какъ только въ городѣ водворится прежнее спокойствіе. Конечно, дѣло могло итти лишь о второстепенныхъ частностяхъ, отнюдь не касаясь самаго догмата. Эта умѣренность, а также приближеніе неотвратимой опасности помогли Исидору побѣдить общественное мнѣніе. Впрочемъ, можетъ быть, эта побѣда была лишь видимой. Вокругъ Исидора сплотилась группа рѣшительныхъ людей. Тутъ были нѣкій Ѳеофилъ Палеологъ, Іоаннъ Аргиропулъ, Михаилъ Апостолій и около трехсотъ священниковъ. Съ ихъ помощью Исидоръ провозгласилъ генотиконъ, т.-е. духовный миръ съ латинянами. 12 декабря, въ день св. Спиридона, въ храмѣ св. Софіи было совершено торжественное богослуженіе. Имена папы Николая и патріарха Григорія сочетались въ молитвахъ, возсылаемыхъ во время св. литургіи. Подъ величавыми сводами византійскаго собора раздавались тѣ же слова, какія нѣкогда звучали въ Санта Маріа дель Фіоре. Императоръ и большая часть двора стояли за Унію. Отнынѣ она становилась государственной религіей. Но ничего народнаго не было въ этомъ торжествѣ. Не воцарился миръ въ душахъ, не сложили оружія враждебныя партіи. Напротивъ, пока шло богослуженіе въ храмѣ св. Софіи, народныя волны хлынули къ монастырю Пантократора. Народъ хотѣлъ узнать, что скажетъ Схоларій—въ монашествѣ—Геннадій. Отвѣтъ инока извѣстенъ. Онъ не пожелалъ выйти изъ своей кельи и вывѣсилъ на ея дверяхъ анаѳему латинянамъ и угрозы вѣроотступникамъ. Слова Схоларія, полныя яду, дышали негодованіемъ и гнѣвомъ. Они еще больше разожгли страсти и возбудили умы. Съ этого дня глубокая пропасть легла между обѣими сторонами *).

*) Migne, CLVII, 1058.

Факты были слишкомъ краснорѣчивы. Исидоръ не могъ заблуждаться относительно смысла событій, происходившихъ передъ его глазами. Здѣсь нечего говорить о томъ, насколько искренни были сторонники Уніи, заявившіе о согласіи принять ее на Флорентійскомъ соборѣ. По словамъ Дуки, слишкомъ многіе видѣли въ этомъ лишь средство избѣжать опасности. Они и не скрывали этого. Дѣйствительно, исторія свидѣтельствуетъ, что, за малыми исключеніями, добрыхъ намѣреній грековъ хватило слишкомъ не на долго. Но важность переживаемыхъ событій не позволяла останавливаться передъ этими соображеніями. Въ іюнѣ султанъ объявилъ войну. Турки, правда, еще не выступали,— но Магометъ изъ Адріанополя зорко слѣдилъ за своею жертвой. Со всѣмъ пыломъ молодого завоевателя онъ готовился къ войнѣ. Среди религіозныхъ распрей и нескончаемыхъ пререканій приходилось усиленно думать о защитѣ. Только нѣкоторые фанатики оставались безъ дѣла: они питали надежду, что ангелы слетятъ съ небесъ на помощь Византіи, лишь только турки коснутся колонны Ѳеодосія. Исидоръ не раздѣлялъ этихъ заблужденій. Онъ правильно оцѣнивалъ размѣры опасности. Поэтому всѣ свои мысли и силы онъ направилъ на защиту угрожаемаго города, такъ удивительно приспособленнаго для того, чтобы выдержать осаду. Дука упрекаетъ его въ недостаткѣ энергіи. Но налицо—факты, опровергающіе такое мнѣніе.

Въ тотъ самый день, какъ генотиконъ былъ провозглашенъ въ св. Софіи, пришлось рѣшить важное дѣло, касавшееся защиты города. Былъ созванъ императорскій совѣтъ. По свидѣтельству Леонарда, Исидоръ всегда участвовалъ въ этихъ засѣданіяхъ. Вотъ въ чемъ было дѣло. Пять венеціанскихъ галеръ,—три большихъ и двѣ маленькихъ—зашли въ портъ на нѣсколько дней. Рѣшено было ихъ удержать на неопредѣленное время, переговоривъ по этому поводу съ капитанами. На другой же день Исидоръ, Леонардъ, венеціанскій консулъ и представители импера-

тора явились на галеру командира Діедо. Сначала они встрѣтили рѣзкій отпоръ. Въ концѣ концовъ, однако, хотя и не безъ труда, имъ удалось добиться своей цѣли.

23 января 1453 года прибылъ Джьованни Джьустиньяни съ семьюстами генуэзцевъ. Эта горсть храбрецовъ должна была составить ядро гарнизона. Количество людей, способныхъ носить оружіе, было невелико. По приказанію императора Францезъ сдѣлалъ имъ подсчетъ. Цифра оказалась такой ничтожной, что ее скрывали, какъ государственную тайну.

Народу не были извѣстны эти подробности. Все же никто не сомнѣвался, что солдатъ было мало. Недостатокъ людей заставлялъ возложить всю надежду на городскія стѣны и башни. Онѣ должны были служить оплотомъ храбрымъ защитникамъ. Въ теченіе долгихъ вѣковъ, отъ Константина и Юстиніана до Комненовъ и Палеологовъ, императоры заботились объ укрѣпленіи стѣнъ. Въ 1432 г. онѣ были сильно расширены. Въ ожиданіи новой осады снова принялись за дѣло. Были произведены значительныя работы. По свидѣтельству Леонарда, кардиналъ-легатъ ремонтировалъ на свои средства Ксилопортъ и башни Анемаса. Охрана ихъ была поручена генуэзцамъ.

Но роковой часъ былъ уже близокъ. 6 апрѣля, въ пятницу—день священный для мусульманъ—турецкая армія подошла къ Константинополю на разстояніе одной мили. Торжественно была объявлена осада. Вскорѣ выросли вражескія баттареи, и турецкіе корабли вошли въ гавань. Въ осажденномъ городѣ принимались послѣднія мѣры. Императоръ оставилъ за собою ворота св. Романа. Кардиналу-легату, имѣвшему подъ своимъ начальствомъ солдатъ изъ Рима и Хіоса, была довѣрена оборона угла св. Димитрія. Тамъ, рядомъ съ дворцами императора и вельможъ, возвышалась церковь Богородицы Одигитріи. Тамъ же находился храмъ св. Димитрія, эта святыня Палеологовъ, эмблема византійской реставраціи. Въ этомъ монастырѣ провелъ Исидоръ лучшіе дни своей жизни. Районъ, подлежавшій его над-

зору, простирался до воротъ св. Евгенія, т.-е. до того мѣста, гдѣ огромная желѣзная цѣпь погружалась въ Босфоръ. Ея тяжелыя звенья соединяли берегъ съ противоположнымъ, галатскимъ. Задачей Исидора было слѣдить за движеніемъ оттоманскаго флота. Онъ долженъ былъ препятствовать вылазкамъ и особенно блюсти за цѣлостью цѣпи. То было единственной защитой со стороны Босфора.

И, вотъ, началась страшная борьба. Съ одной стороны—мрачная энергія отчаянія, съ другой—фанатизмъ, дикое изувѣрство, воинственный энтузіазмъ, боевой экстазъ. Потрясающія подробности этой драмы воспроизводились слишкомъ часто. Мы не станемъ къ нимъ возвращаться. Да и нѣтъ ни одного очевидца, который описалъ бы намъ поведеніе Исидора во время осады. Мы ничего не знаемъ о воинскихъ способностяхъ кардинала. Исходъ ужасной и кровавой борьбы извѣстенъ. Слишкомъ неравны были силы. Побѣда должна была остаться за численностью. Къ императору Константину передъ лицомъ гибели вернулись гордость цезаря и военная доблесть. Онъ выказалъ чудеса храбрости и палъ на стѣнахъ осажденнаго города. 29 мая 1453 г. новый Римъ склонился къ ногамъ побѣдителей. Онъ сдѣлался столицею оттоманской имперіи. Кардиналъ-легатъ явился свидѣтелемъ жестокой рѣзни послѣ взятія города приступомъ. Но счастье было къ нему болѣе благосклонно, чѣмъ къ большинству его соотечественниковъ. Ему удалось избѣжать плѣна и смерти.

По поводу этого событія создалась легенда. Пій II въ своихъ комментаріяхъ придалъ ей окончательную форму и тѣмъ способствовалъ ея распространенію. Турки усиленно искали Исидора. Тогда, будто бы, кардиналъ накинулъ свой пурпуръ на какой-то трупъ, а самъ одѣлся рабомъ. Онъ смѣшался съ толпою и былъ взятъ въ плѣнъ. Потомъ ему удалось выкупиться. Но дѣйствительность гораздо проще. Исидоръ самъ открылъ ее Леонардо Бенволіенти, сіеннскому послу въ Венеціи. Лишь только Магометъ II вступилъ въ городъ, онъ дѣйствительно, тотчасъ же

потребовалъ голову кардинала. Султанъ хорошо былъ освѣдомленъ о роли легата черезъ своихъ шіоновъ. Вѣрные друзья Исидора принесли султану какую-то голову, въ красной шляпѣ. Исидоръ этимъ воспользовался. Онъ остался неузнаннымъ и, какъ онъ и самъ утверждаетъ, никогда не подвергался плѣну. Какъ человѣкъ вѣрующій, онъ усматривалъ въ этомъ перстъ Провидѣнія.

Въ пользу этой версіи говоритъ самая быстрота путешествія Исидора. Уже 7 іюля онъ въ Кандіи, или древнемъ Критѣ. Тамъ составляетъ онъ письмо, которое часто публиковалось съ различными адресами. Въ сущности, оно предназначалось для всего христіанскаго міра. Это—крикъ, предупреждающій объ опасности. По обилію фигуръ, богатству образовъ и смѣлости выраженій можно сейчасъ узнать автора-гуманиста. Онъ раненъ прямо въ сердце, оскорбленъ въ лучшихъ привязанностяхъ. Ему остается только изливаться въ страстныхъ тирадахъ. Но лишь только Исидоръ касается будущаго—въ немъ начинаетъ говорить человѣкъ практики. Онъ перечисляетъ силы турокъ, разсуждаетъ о ихъ замыслахъ насчетъ Венгріи и Италіи, настаиваетъ на необходимости крестоваго похода. О себѣ же онъ замѣчаетъ только, что перенесъ много испытаній, избѣжалъ многихъ опасностей. Но, какъ Богъ спасъ Іону изъ чрева китова, такъ и его Онъ избавилъ отъ рукъ невѣрныхъ. Съ своей стороны, епископъ Митиленскій, Леонардъ, написалъ Николаю V донесеніе о взятіи Константинополя. Въ этомъ документѣ, помѣченномъ 16 августа 1453 г. въ Хіосѣ, заключаются драгоцѣнныя подробности событія. Однако, и въ немъ нѣтъ ни слова о послѣднихъ приключеніяхъ Исидора.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ кардиналъ-легатъ останавливается въ Венеціи, по дорогѣ въ Римъ. Сеньерія встрѣтила его съ большимъ почетомъ. За Исидоромъ уже была установившаяся репутація, а пережитыя несчастія еще увеличивали его престижъ. Кардиналъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на Бенволіенти, повѣствующаго намъ объ этихъ событіяхъ.

Исидоръ показался ему человѣкомъ, предназначеннымъ для того, чтобы поднять христіанъ противъ турокъ. Преисполненный уваженія, итальянскій дипломатъ внималъ кардиналу «съ благоговѣніемъ и ужасомъ». Исидоръ говорилъ теперь еще болѣе опредѣленно и ясно, нежели въ своемъ письмѣ. Онъ предрекалъ, что, если хотя полгода промедлятъ съ выступленіемъ—Венгрія и Италія погибли. Кардиналъ весь еще былъ подъ впечатлѣніемъ недавнихъ ужасовъ. Онъ твердилъ о жестокости турокъ, о ихъ ненависти къ гяурамъ, ихъ богатствѣ золотомъ, ихъ арміи и флотѣ. Цифры, приводимыя имъ, были нѣсколько иныя, чѣмъ въ его письмѣ.

Изъ Венеціи Исидоръ отправился въ Болонью. Тамъ онъ подѣлился своими горестями съ Виссаріономъ. Послѣдній управлялъ болонцами въ качествѣ легата. Впрочемъ, кардиналу Никейскому не нужны были показанія очевидца, чтобы возвысить голосъ за Византію. Уже 13 іюля 1453 года онъ умоляетъ даже Франческо Фоскарини не оставить на произволъ судьбы несчастнаго города Константина. Развѣ нельзя было надѣяться на скорое возмездіе? Но по пріѣздѣ въ Римъ Исидоръ понялъ, что здѣсь будутъ дѣйствовать медлительно и вяло *).

Извѣстіе о взятіи Константинополя разразилось громовымъ ударомъ надъ Европой. Рухнулъ передовой оплотъ христіанства. Все прошлое Запада съ его славою, прогрессомъ и науками находилось въ рукахъ злѣйшихъ враговъ Креста. Исламъ вознесъ свой полумѣсяцъ тамъ, откуда Константинъ хотѣлъ когда-то управлять всѣмъ міромъ. Онъ сверкалъ на перекресткѣ великихъ международныхъ путей, въ центрѣ торговли съ Азіей. И не напрасны были опасенія народовъ, угрожаемыхъ турками: передъ ними всталъ роковой восточный вопросъ. Всѣ ощутили страшный толчокъ. Онъ разрушилъ всѣ преграды, все обратилъ въ груды развалинъ и было знаменіемъ новаго порядка вещей.

*) P. II, *Comm.* 300.—Сіенскіе архивы, *Concistoro, lettere ad ann.* 1453.—**d'Ecny**, p. 76.—**Muratori**, t. XVIII, col. 701.—**jorga**, p. 518, 520 etc.—Bibl. nat. fonds latin, n° 3127, f. 198 v°.

У Николая V были особыя причины для тревоги. 28 апрѣля папа послалъ на помощь Византіи десять галеръ вмѣстѣ съ неаполитанскими, генуэзскими и венеціанскими судами. Но этотъ маленькій флотъ опоздалъ. А, между тѣмъ, онъ могъ бы оказать неоцѣненныя услуги во-время. Теперь первосвященнику и отцу христіанскаго міра нужно было печись о будущемъ. Онъ долженъ былъ собрать разъединенныя силы, противопоставить оттоманскимъ арміямъ христіанскія войска... Неблагодарная задача! Первое впечатлѣніе ужаса быстро смѣнилось расчетами, завистью и интригами. Папа издалъ свою буллу отъ 30 сентября 1453 г. съ проповѣдью крестоваго похода противъ «предтечи Антихристова». А, между тѣмъ, Генуя и Венеція заключали съ турками миръ, а Неаполь и Миланъ сохраняли нейтралитетъ.

Представители всѣхъ итальянскихъ государствъ собрались въ Римѣ, чтобы водворить внутренній миръ до начала войны съ турками. Они разъѣхались въ мартѣ 1454 г., ничего не рѣшивъ. Тогда простой августинскій монахъ, братъ Симонетто, пришелъ на помощь дипломатамъ. Благодаря ему, 9-го апрѣля былъ заключенъ миръ въ Лоди. Въ слѣдующемъ году, 2-го марта, папа уже могъ благословить оборонительный и наступательный союзъ противъ невѣрныхъ.

То были необходимые преліминаріи крестоваго похода. Есть основаніе предполагать, что кардиналъ Исидоръ принималъ въ нихъ дѣятельное участіе. Тѣмъ не менѣе, его имя не встрѣчается въ дипломатической перепискѣ того времени. Рѣчь о немъ идетъ только. одинъ разъ. Надъ генуэзской республикой висѣло тяжелое обвиненіе. Оно заключалось въ томъ, что будто бы, послѣ взятія Константинополя, генуэзскіе корабли перешли къ султану. На самомъ же дѣлѣ, они стояли для починки въ Хіосѣ. Дожъ Кампофрегозо желалъ оправдаться. Онъ написалъ Исидору. Тотъ отвѣтилъ ему очень лестнымъ для генуэзцевъ письмомъ. Къ сожалѣнію, текстъ его утраченъ. Письмо это было отправлено во Францію, Бургундію и Англію*).

*) Генуэзскіе Архивы, *Registro litto*, t XVIII, f. 526 v°.

Что касается Николая V, то ему не пришлось насладиться плодами мира, стоившаго такъ дорого. Терзаемый подагрою, обманутый въ своихъ надеждахъ, мучимый борьбою съ мятежниками, устрашаемый призракомъ Ислама, этотъ папа умеръ, какъ святой, среди монаховъ, въ ночь съ 24 на 25 марта 1455 г. Онъ мечталъ о золотомъ вѣкѣ для Италіи,—а ему угрожалъ кинжаломъ какой-то Стефано Поркаро. Въ лицѣ скончавшагося владыки нашъ кардиналъ, какъ и многіе другіе, терялъ своего великодушнаго покровителя.

4 апрѣля открылся конклавъ для избранія новаго папы. Не на старѣйшаго по лѣтамъ—Фіески, ни на слѣдующаго за нимъ по возрасту т.е. Исидора, а на Виссаріона устремились всѣ взоры. За него говорили и его таланты, и вліяніе, и безупречная жизнь, и глубокое знакомство съ дѣлами Востока. Все это дѣлало его болѣе другихъ достойнымъ тіары. Избиратели поняли это и выставили его кандидатуру. Помимо всего эта кандидатура имѣла еще особое значеніе. Избраніе грека явилось бы санкціей Флорентійскаго Собора. Оно скрѣпило бы узы между Востокомъ и Западомъ. Но эта комбинація не удалась. Помѣхой явился вопросъ мелкаго самолюбія. Возникло опасеніе, какъ бы не подумали, что между латинянами нѣтъ людей, достойныхъ папскаго престола. По слухамъ, во главѣ оппозиціи сталъ кардиналъ Коэтиви. Онъ подчеркивалъ, что Виссаріонъ неофитъ, что онъ еще не брилъ своей бороды. Эти соображенія оказали свое дѣйствіе. По молчаливому соглашенію, голоса были поданы за восьмидесятилѣтняго кардинала, Алонзо Борха. Онъ принялъ имя Каликста III.

Новый папа происходилъ изъ знатнаго рода. Въ душѣ его жилъ наслѣдственный ужасъ передъ маврами. Этого папу не безъ основанія упрекали въ излишнемъ пристрастіи къ своей родинѣ и соотечественникамъ. Но зато съ отвагой истаго гидальго и съ юношескимъ жаромъ онъ призывалъ къ войнѣ противъ турокъ. Конечно, введенные

Николаемъ обычаи сразу измѣнились. Гуманисты никакъ не могли утѣшиться въ томъ, что ихъ лишили содержанія. Но зато Бѣлградъ былъ вырванъ изъ рукъ невѣрныхъ героемъ Гуніяди, и Дунай опять свободно покатилъ свои воды... Папа сталъ готовиться къ серьезной борьбѣ.

Теперь можно было ожидать, что прежній защитникъ Византіи займетъ при дворѣ папы видное положеніе. Однако, за все время Каликста роль Исидора оставалась скромной и незамѣтной. Зато Виссаріонъ окружаетъ себя небывалымъ блескомъ; онъ принимаетъ участіе въ самыхъ важныхъ дѣлахъ, отправляется съ отвѣтственной миссіей къ Альфонсу, королю Неаполя... Государь, окруженный учеными и поэтами, встрѣчаетъ его съ утонченною любезностью. Между тѣмъ, рутенскій кардиналъ остается въ тѣни и не играетъ роли въ событіяхъ. Въ мартѣ 1456 года Исидоръ ѣдетъ въ Венецію. Однако, онъ отправляется туда не съ политическими цѣлями, а по частному дѣлу. Здѣсь характеръ нашего іерарха обнаруживается съ новой стороны. Не лишнее сообщить по этому случаю кое-какія подробности.

Константинопольскому патріархату принадлежали земли въ Негропонтѣ, гдѣ еще развѣвалось знамя Св. Марка. Управленіе ими было поручено венеціанцу, Бернардо Дандуло. Черезъ три года завѣдыванія, этотъ управляющій представилъ патріарху всего лишь триста дукатовъ. Такая сумма являлась неслыханной, такъ какъ обычные доходы съ этихъ земель исчислялись, по крайней мѣрѣ, въ двѣ тысячи четыреста дукатовъ. Исидоръ, въ вѣдѣніи котораго находились эти владѣнія, не могъ допустить подобныхъ злоупотребленій. Онъ отправился въ Венецію съ письмами отъ папы и своихъ коллегъ, чтобы принести жалобу Сенату. По его настоянію, для разбора дѣла было назначено трое судей. Рѣшеніе ихъ было въ пользу Исидора. Они собрали необходимыя свѣдѣнія и провѣрили книги Дандуло, оказавшіяся страшно запутанными. 4 іюня 1456 г. они присудили управителя, въ виду еще нѣкоторыхъ из-

держекъ, къ уплатѣ тысячи ста сорока пяти дукатовъ сверхъ представленныхъ раньше трехсотъ. Былъ ли этотъ приговоръ приведенъ въ исполненіе? Болѣе, чѣмъ сомнительно. Въ 1458 г., 8 марта, все это производство было перечеркнуто рукою нотаріуса. Этотъ эпизодъ не былъ единственнымъ въ своемъ родѣ. Мы скоро познакомимся съ другими, ему подобными.

Между тѣмъ, кардиналъ воспользовался своимъ путешествіемъ, чтобы оказать услугу соотечественникамъ. Ихъ было немало въ Венеціи, но общаго центра у нихъ не было. Исидоръ сталъ просить объ отводѣ для нихъ церкви, гдѣ они могли бы служить по восточному обряду. Папа написалъ объ этомъ патріарху. Послѣдній охотно пошелъ навстрѣчу просьбѣ: по оффиціальнымъ документамъ греки были католиками и послушными сынами Святого Престола. Но Сенатъ лишь на половину исполнилъ эту просьбу. 18 іюня 1456 года, онъ предоставилъ грекамъ не церковь, а лишь мѣсто для ея постройки. Такое великодушіе отзывалось ироніей. Какъ могли греки при своей бѣдности думать о постройкахъ? Пришлось отвѣсти имъ для временнаго пользованія одну часовню въ Санъ-Біаджьо. Только значительно позднѣе былъ воздвигнутъ національный храмъ Св. Георгія *).

Итакъ, дѣятельность Исидора въ эту эпоху является, сравнительно, незамѣтной. Но не слѣдуетъ поэтому думать, что личныя отношенія кардинала съ папой были натянутыми. Правда, при самомъ вступленіи Каликста III на папскій престолъ между обѣими сторонами произошло небольшое столкновеніе. Опираясь на грамоту Николая V, Исидоръ назначилъ было викарія на островъ Критъ. Епископъ пожаловался, назначеніе не состоялось, и грамота была

*) Венеціанскіе Архивы, *Sen. Secr.*, t. XX, f. 95 v °.—*Sen. Terra*, t. IV, f 6 v °, f. 9 v °. — Присутствіе «достопочтеннаго кардинала» указывается въ авг. 1455 г. въ Константинополѣ. Παυδώρα, t. XVIII p. 452 Не Исидоръ ли это? Г. Легранъ, отъ котораго я заимствую это драгоцѣнное свѣдѣніе, склоненъ думать такъ.

отмѣнена. Въ сущности, то была лишь административная мѣра: никакихъ непріятныхъ послѣдствій она не имѣла. Напротивъ, какъ разъ съ этого времени нашъ кардиналъ начинаетъ получать пенсію въ сто дукатовъ. Онъ сохранилъ ее до конца своихъ дней. Кромѣ того, Каликстъ III наградилъ Исидора новыми бенефиціями. 10 мая 1456 г. онъ предоставилъ ему церковь Никозіи, которую кипрскій король передалъ было своему сыну, Іакову незаконнорожденному. Объ этомъ рѣчь будетъ еще впереди. Затѣмъ, — нельзя сказать съ точностью, въ какое время,—папа ассигновалъ кардиналу изъ доходовъ аббатства Санъ-Бартоло въ Феррарѣ пенсію въ пятьсотъ ливровъ.

Съ своей стороны, Исидоръ передалъ въ руки папы свои послѣднія права на Кіевскую митрополію. Мы помнимъ, что съ 1451 г. она состояла лишь подъ покровительствомъ (коммендаціей) кардинала. Николай V прибѣгъ къ этой формулѣ, какъ наиболѣе удобной. Теперь надлежало рѣшить вопросъ окончательно: только тогда можно было обратить къ истинѣ славянъ, сочувствовавшихъ Іонѣ. Въ глазахъ Рима Іона былъ узурпаторомъ. Положимъ, ему покровительствовалъ Василій; признавалъ его уже нѣкоторое время и Казиміръ; ему присвоенъ былъ титулъ митрополита Кіевскаго. Но этотъ іерархъ былъ ярымъ противникомъ Уніи. Было, однако, извѣстно, что въ Москвѣ власть Іоны стоитъ твердо. Вступать въ переговоры съ великимъ княземъ было безполезно. Зато въ Польшѣ и Литвѣ дѣло обстояло лучше. Послѣ исчезновенія антипапы Феликса V, Казиміръ примирился съ Римомъ.

Не трудно было понять, что, съ политической точки зрѣнія, желательнѣе имѣть своего митрополита въ Польшѣ, чѣмъ подчиняться московскому. Естественно возникала мысль о раздѣленіи обширной кіевской митрополіи. Такъ и было сдѣлано. Московская область осталась номинально за Исидоромъ, — что касается девяти литовскихъ и польскихъ епархій, то онѣ окончательно были отдѣлены отъ Москвы. Изъ нихъ составили независимую духовную

область, ввѣренную Григорію. То былъ неизмѣнный спутникъ Исидора и его преемникъ въ монастырь Св. Димитрія. Теперь ему предстояло сдѣлаться его замѣстителемъ въ одной части кіевской метрополіи. Григорій получилъ званіе архіепископа Кіевскаго, Литовскаго и всей Малой Руси. Все это было утверждено 21 іюля 1458 г. Акты еще не были подписаны, какъ умеръ Каликстъ, оставляя своему преемнику заботу объ окончаніи начатаго дѣла *).

Новый папа, Пій II, носилъ раньше громкое имя Эннеа-Сильвіо. Въ его книгахъ, а также въ его жизни, было нѣсколько страницъ, о которыхъ онъ старался забыть съ тѣхъ поръ, какъ облекся священнымъ саномъ. Если любовью своей къ наукамъ этотъ папа напоминалъ Николая V, то по ненависти къ туркамъ онъ равенъ былъ Каликсту III. По нѣкоторымъ, непонятнымъ для насъ, причинамъ кардиналъ Исидоръ питалъ къ прежнему секретарю Фридриха III непріязненныя чувства. Это обнаружилось во время конклава, который оказался довольно бурнымъ. Самымъ серьезнымъ соперникомъ кардинала Сіенны, Эннеа-Сильвіо, былъ руанскій кардиналъ Гильомъ д'Эстутевиль. Исидоръ голосовалъ въ пользу представителя французской партіи; однако, онъ остался въ меньшинствѣ. Конечно, противъ Эннеа-Сильвіо были пущены интриги; но онѣ оказались безсильными. Будущему избраннику доставляло злорадное удовольствіе разоблачать ихъ безъ малѣйшей пощады къ своимъ коллегамъ. Послѣдняя баллотировка сопровождалась любопытной сценой. Послѣ обѣдни настало время подавать голоса. Исидоръ былъ первымъ изъ трехъ кардиналовъ, стоявшихъ по сторонамъ алтаря. Ихъ задачею было слѣдить за тѣмъ, какъ избиратели опускаютъ свои записки въ золотую чашу. За Эннеа подано было 9, за д'Эстутевиля только 6 голосовъ.

*) Ватик. Арх., *Regesta*, n. ° 437, f 274 v °; n. ° 450, f 192 v °.— Миланск. Арх., *Pot. est., Roma*, 1461 г., 7 февр. О пенсіяхъ Исидора см. Рим. гос. Арх. серія *Mandati*, а также *Introitus et Exitus* въ Ватиканск. Арх.

Побѣда сіеннскаго кардинала была далеко не полной. Кардиналы, утомленные столькими неудачными попытками, рѣшили прибѣгнуть къ открытому голосованію. Среди торжественнаго молчанія Родриго Борха первый произнесъ имя Эннеа-Сильвіо. Тотчасъ же это имя подхвачено было со всѣхъ сторонъ. Чтобы помѣшать избранію, Исидоръ и Торквемада попытались было покинуть залу и увлечь за собою своихъ сторонниковъ. Но было поздно. Большинство избирателей уже высказались. Оставалось примириться съ фактомъ и подтвердить его *).

Пій II простилъ Исидору борьбу противъ Эннеа-Сильвіо. Можно предположить даже, что папѣ пріятно было сразить своимъ великодушіемъ уже безопаснаго противника. Рутенскій кардиналъ продолжалъ получать свою казенную пенсію. 5 сент. 1458 г. Исидору назначена была епархія Корфу. 8 марта слѣдующаго года онъ отказался отъ нея, оставивъ себѣ пожизненный доходъ въ триста флориновъ изъ суммъ, отпускаемыхъ на епископскій столъ. Черезъ два мѣсяца послѣ полученія этой епархіи, 9 ноября 1458 г.—Исидору предоставленъ былъ приходъ Св. Агаты. Въ наши дни эта церковь помѣщается въ густо населенномъ и загрязненномъ кварталѣ. Но прежде, хотя она и считалась отдаленной, съ нею было связано много старыхъ воспоминаній. Готы обратили ее въ арійскій храмъ. Св. Григорій возстановилъ въ ней католическій культъ. Почти до конца XIV вѣка тамъ можно было видѣть надписи и мозаики Флавія Рицимера.

Въ теченіе того же 1458 г. Пій II усердно занимался русскими дѣлами. Давно было пора покончить съ ними. Папа былъ знатокомъ исторіи и географіи, страстнымъ любителемъ всего экзотическаго и рѣдкостнаго. Отдаленная страна великихъ князей особенно интересовала его потому, что о ней почти ничего не было извѣстно. На Базельскомъ соборѣ Эннеа-Сильвіо собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія о ли-

*) P. II *See Comm.*, p. 30.—Cugnom, p. 184.

товцахъ. Путешествія въ центральную Европу навели его на мысль написать книгу о Польшѣ, Пруссіи и Литвѣ. Интересы вѣры сплетались въ душѣ папы съ любовью къ литературѣ. Каликстъ III уже сообщилъ коллегіи кардиналовъ свои планы относительно раздѣленія русской митрополіи и назначенія новаго іерарха въ южную ея часть. Всѣ пункты этой программы были приняты Піемъ II. Онъ утвердилъ за Григоріемъ кіевскій митрополичій престолъ.

Будущій митрополитъ былъ посвященъ въ епископы патріархомъ Григоріемъ Мамма. Въ этомъ торжествѣ слились всѣ воспоминанія недавняго прошлаго—Флоренція, Москва, Константинополь. То было символомъ единенія церквей. Относящаяся къ этому событію папская грамота помѣчена 11 сентября 1458 г. Іона, такъ глубоко чтимый въ Москвѣ, названъ въ ней монахомъ честолюбивымъ и непокорнымъ, нечестивымъ самозванцемъ, сыномъ беззаконія и погибели. Въ тотъ же день Пій II обращается къ Казиміру и совѣтуетъ ему зорко слѣдить за этимъ опаснымъ человѣкомъ. Если представится случай, пусть король заключитъ его въ темницу для преданія суду. Зато въ посланіи въ Кіевъ къ духовенству и мірянамъ папа рекомендуетъ Григорія, какъ истиннаго пастыря. Ему надлежитъ оказывать уваженіе и покорность.

Съ этихъ поръ положеніе становится яснымъ. Пій II пустилъ въ ходъ рѣшительныя средства, къ которымъ нерѣдко прибѣгали утонченные люди Возрожденія. Нельзя сказать, чтобы это нравилось москвичамъ. Но польскій король Казиміръ перемѣнилъ фронтъ и открыто сталъ на сторону Григорія. Онъ принялъ его подъ свое покровительство и даже написалъ великому князю Василію, чтобы новаго митрополита признали въ Москвѣ. Конечно, это ровно ни къ чему не привело. Но усилія Іоны сохранить за собою Польшу и Литву также оказались тщетными. Мало-по-малу между обѣими частями прежней митрополіи легла пропасть. Около того же времени Николай Ягуби,

графъ священнаго Латеранскаго дворца, былъ отправленъ въ качествѣ нунція Св. Престола ad partes Ruthenorum.

Можетъ быть, эта миссія имѣла въ виду такъ или иначе урегулировать положеніе Григорія. Однако, отъ нея не сохранилось никакого слѣда, кромѣ охранной грамоты, выданной папою 17 января 1459 г. *).

Конечно, всѣ эти вопросы были серьезны и значительны. Тѣмъ не менѣе, они затрагивали интересы лишь отдѣльныхъ націй. Но была одна проблема, касавшаяся уже всего христіанства. Къ ней Исидоръ не могъ оставаться равнодушнымъ. Еще въ дни паденія Византіи Эннеа-Сильвіо предвидѣлъ ужасныя послѣдствія этой катастрофы Тогда онъ былъ секретаремъ Фридриха III. Теперь папѣ предстояло предотвратить эти послѣдствія и поднять христіанъ противъ невѣрныхъ. И Пій II возложилъ на свои плечи эту задачу. Онъ не сталъ считаться съ апатіей свѣтскихъ государей. Чтобы обсудить крестовый походъ, папа созываетъ конгрессъ въ Мантуѣ. Въ сопровожденіи только пяти кардиналовъ Пій II самъ ѣдетъ туда же. Остальные кардиналы должны были вскорѣ послѣдовать за нимъ.

Вѣроятно, Исидоръ присоединился къ папѣ въ Сіеннѣ. Тамъ ждала его великая честь. Случилось это слѣдующимъ образомъ. Въ концѣ 1458 года угасла одна великая жизнь. Вдали отъ родной земли скончался Григорій Мамма. Останки патріарха, покоющіеся въ храмѣ св. Георгія въ Велабро, свидѣтельствуютъ о его вѣрности Флорентійской Уніи и по ту сторону гроба. Престолъ Златоуста былъ не занятъ, и Пій II не замедлилъ возложить на рутенскаго кардинала санъ патріарха. Это произошло 20 апр. 1459 года. Правда, это назначеніе сводилось къ одному титулу, разъ Исламъ завладѣлъ Босфоромъ. Тѣмъ не менѣе, оно увеличивало престижъ кардинала и указывало на довѣріе къ нему папы. Это имѣло тѣмъ большее

*) Ватиканск. Арх. *Regesta*, n° 468, f. 6, 25, 150v°, 156, 157, 321; n° 470, f. 144, 268v°.

значеніе, что Пій II не терялъ надежды отвоевать Константинополь съ помощью крестоносцевъ или силою своего краснорѣчія. Доказательствомъ того можетъ служить знаменитое письмо его къ Магомету, гдѣ папа заклинаетъ султана креститься. Матеріальное положеніе Исидора также улучшилось. Во-первыхъ, Константинопольская церковь, порученная когда-то его покровительству, переходила теперь къ нему всецѣло; съ нею онъ получалъ и завѣдываніе патріаршими землями. Во-вторыхъ, хотя грамота папы и отнимала у него церковь Никозіи, права его здѣсь немедленно были возстановлены. Наконецъ, еще одинъ оффиціальный документъ утверждалъ за Исидоромъ самыя широкія полномочія относительно сдачи въ аренду его земель.

Конгрессъ въ Мантуѣ длился около восьми мѣсяцевъ. Собственно говоря, его участникамъ пришлось пережить рядъ разочарованій. До сихъ поръ Сіеннская библіотека хранитъ воспоминаніе объ этомъ совѣщаніи. Кисть Пинтуриччіо увѣковѣчила рѣчь Пія II. Но присутствующіе скоро забыли эту рѣчь. Длинныя и скучныя разглагольствованія не могли создать серьезной коалиціи державъ. Булла о крестовомъ походѣ, изданная 14 января 1460 года, вызвала очень скромный энтузіазмъ. Голосъ папы замеръ у подножія Альпъ.

На конгрессѣ обсуждались какъ разъ тѣ вопросы, которые всегда глубоко волновали Исидора. Но и здѣсь, какъ во Флоренціи, да и повсюду, его затмеваетъ Виссаріонъ. Кардиналъ Никейскій произноситъ патетическую рѣчь. Ему удается получить помощь, о которой просятъ для Мореи послы Ѳомы Палеолога. Что же касается до Константинопольскаго патріарха—то онъ хранитъ молчаніе и дѣйствуетъ въ тѣни. Пусть онъ не возвышаетъ голоса: нѣтъ сомнѣнія, что Исидоръ не оставался безъ дѣла. Правда, на нѣкоторое время онъ покинулъ конгрессъ. 27 апрѣля и 9 мая 1459 г. мы находимъ его въ Венеціи; Сеньерія толкуетъ о скромныхъ подаркахъ

этому гостю. Можетъ быть, такое путешествіе было предпринято въ виду одного проекта, входившаго въ кругъ занятій конгресса. Этотъ проектъ былъ особенно близокъ сердцу кардинала. Исидоръ пылалъ воинственнымъ жаромъ. Онъ хотѣлъ навербовать солдатъ, чтобы летѣть на помощь эллинамъ. Онъ мечталъ на свой страхъ предпринять походъ на Морею независимо отъ кампаніи, затѣваемой Виссаріономъ и Бьянкой Сфорца. Дѣйствительно, лишь только кончился конгрессъ, холодною зимою, въ февралѣ 1460 г. Исидоръ оказывается уже въ Анконѣ. Онъ покупаетъ оружіе, снаряжаетъ корабли: взоры его прикованы къ берегамъ Эллады. Въ то же время онъ посылаетъ развѣдчиковъ, чтобы узнать, можно ли ему со своимъ маленькимъ войскомъ пуститься въ дорогу; не грозитъ ли имъ въ пути гибель отъ превосходящаго силою врага? Вѣроятно, Исидоръ получилъ неблагопріятныя свѣдѣнія. Въ маѣ мѣсяцѣ патріархъ все еще въ Анконѣ. Пій II повѣствуетъ намъ, что затѣмъ Исидоръ вернулся въ Римъ, не рискнувъ осуществить свое воинственное предпріятіе. Конечно, оно не могло бы кончиться удачно. Въ томъ же году турки захватили Морею. Деспотъ Ѳома Палеологъ бѣжалъ въ Римъ. Тамъ онъ вступилъ въ живыя сношенія съ рутенскимъ кардиналомъ. Но къ этому мы еще вернемся въ иномъ мѣстѣ. *)

Но дни труда и заботъ были сочтены для Исидора. Съ нѣкоторыхъ поръ здоровье кардинала пошатнулось. Съ нимъ стали случаться обмороки. 1 апрѣля 1461 г. у него былъ припадокъ, сопровождавшійся весьма тревожными симптомами. Въ этотъ день—дѣло было въ среду—шелъ проливной дождь, и дулъ рѣзкій вѣтеръ. Исидоръ бесѣдовалъ въ вестибюлѣ со своими домашними. Вдругъ онъ упалъ и лишился сознанія. Перенесенный въ опочи-

*) Венеціанск. Арх., *Razon Vecchie, t.* XXV, *f.* 28 *v*°, 32 *v.*°,— Арх. Гонзага, *Busta n*°840, *Письма Исидора*, 1460, 8 мар., 31 мая **Pii Sec. Comm.**, p. 95.

вальню, онъ пришелъ въ себя, но не могъ владѣть языкомъ. Это случалось съ нимъ впервые. Обыкновенные его обмороки не имѣли подобныхъ послѣдствій. Одинъ изъ его собратій, кардиналъ Гонзага, навѣстилъ больного на другой день. Видъ Исидора внушилъ ему опасенія. Даръ слова вернулся къ патріарху только въ концѣ августа. Выздоровленіе было долгое и трудное. Въ сущности, Исидоръ такъ и не поправился. Ему становилось то лучше, то хуже, иногда наступали минуты полнаго облегченія*)... И во время этой борьбы съ недугомъ, на склонѣ жизни, ему пришлось защищаться отъ ударовъ чисто матеріальнаго свойства. Здѣсь будетъ умѣстно изобразить жизнь Исидора въ Римѣ, познакомиться съ его привычками, выяснить его личныя отношенія.

Рутенскій кардиналъ жилъ въ Санъ-Біаджьо делла Паньотта. Эта церковь обязана своимъ страннымъ названіемъ раздачѣ хлѣба, происходившей тамъ въ память древнихъ агапъ, 3 января, въ день ея патрона. Она находиться на віа Джулія, недалеко отъ палаццо Саккетти; сейчасъ ею владѣютъ армяне. Съ художественной точки зрѣнія здѣсь нѣтъ ничего интереснаго. Кажется, будто два маленькихъ ангела Пьетро Кортоне на главномъ алтарѣ жалуются на мерзость запустѣнія. Но въ XV вѣкѣ не только церковь, но и самый кварталъ выглядѣли совершенно иначе. Но какъ именно—судить мы не можемъ. Юлій II хотѣлъ сдѣлать эту мѣстность центромъ своего новаго города и совершенно перерылъ ее всю. Каменныя глыбы, которыя до сихъ поръ встрѣчаются въ стѣнахъ нѣкоторыхъ домовъ, относятся къ той эпохѣ. Очень можетъ быть, что по лѣтамъ Исидоръ проводилъ нѣкоторое время въ Фороново, въ своемъ епископскомъ дворцѣ. Иначе зачѣмъ бы онъ сталъ его реставрировать? Между албанскими капуцинами сохранилось преданіе, что онъ часто пріѣзжалъ отдыхать въ Палаццуоло. Раньше тамъ по-

*) Арх. Гонзага, Busta 841, Roma, 1461, 2 апр.

казывали гротъ, гдѣ кардиналъ трапезовалъ. Этотъ очаровательный маленькій монастырь лежитъ очень близко отъ греческаго аббатства Гротта-Феррата. Это сосѣдство должно было нравиться бывшему греческому монаху *).

Репутація добродѣтели и неподкупности вполнѣ соотвѣтствовала высокому сану Исидора, какъ патріарха, князя церкви и въ концѣ жизни старѣйшины священной коллегіи. Правда, кардиналу не удалось добиться расположенія московскаго великаго князя. Но императоры и папы всегда къ нему благоволили. Исидору поручались самыя деликатныя дѣла, наиболѣе отвѣтственныя миссіи. Въ этихъ случаяхъ его достоинства обнаруживались съ особымъ блескомъ. Въ глубинѣ Польши кардиналъ Олесницкій, видѣвшій Исидора на дѣлѣ, отмѣчаетъ его энергію и твердость. Франтцесъ находитъ, что этотъ іерархъ достоинъ занять патріаршій Константинопольскій престолъ. Но подобные отзывы звучатъ особенно убѣдительно, когда они исходятъ изъ устъ соперника,—въ родѣ Іоанна Евгеника, брата непримиримаго Марка Ефесскаго. Между прочимъ упомянемъ мы и хвалебную оду Франческо Филельфо **). Болѣе цѣнными являются отзывы, идущіе изъ Венеціи, Генуи, или отъ посла Сіеннскаго. О нихъ мы уже упоминали. Вообще, всѣ современные документы свидѣтельствуютъ о чувствахъ уваженія и почтенія къ знаменитому дѣятелю церкви.

Памятники XVI и XVII вѣка также изобилуютъ подобными данными. Возникшее гораздо позже преданіе сообщаетъ даже, что за любовь свою къ св. Кресту Исидоръ получилъ наименованіе кардинала Санта-Кроче. Очень можетъ быть, что гербъ кардинала послужилъ поводомъ къ созданію этой легенды.

Сохранились не мало лестныхъ отзывовъ о широтѣ

---

*) **Casimiro da Roma**, p. 244.

) *Codex epist.*, *t* I, p. 121.—Migne**, t. 156, col 911 **Legrand**, *Cent-dixlettres*, p. 208, 294.

взглядовъ Исидора. Но всѣ они такого характера, что слишкомъ трудно сдѣлать изъ нихъ какой-либо опредѣленный выводъ. Однако, все говоритъ за то, что кардиналъ нашъ не былъ чуждъ современнымъ теченіямъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и письма его до путешествія въ Москву, и сношенія его съ гуманистами, и даже самый стиль его базельской рѣчи. Тѣмъ не менѣе, едва ли Исидоръ насаждалъ гуманизмъ въ Римѣ или пытался играть роль мецената. Рутенскій митрополитъ не былъ въ числѣ членовъ академіи Виссаріона; имя его не встрѣчается въ страстныхъ диспутахъ о Платонѣ и Аристотелѣ. И глубоко ошибаются тѣ, которые приписываютъ Исидору комментаріи и поученія къ евангелію. Они принадлежатъ перу другого Исидора—именно епископа Ѳессалійскаго. Марраччи первый смѣшалъ этого іерарха съ епископомъ Сабинскимъ. Разъ возникнувъ, это заблужденіе стало переходить отъ одного къ другому, и никому не пришло въ голову провѣрить его по источникамъ. *) Но пусть Исидоръ ничего не написалъ, кромѣ письма о Константинополѣ. Тѣмъ не менѣе, въ своихъ скитаніяхъ онъ сохранялъ любовь къ книгѣ и жажду знанія. Въ подтвержденіе приведемъ фактъ, надѣлавшій въ свое время немало шуму. Когда Каликстъ III, никогда не страдавшій библіоманіей, сдѣлался папою, рутинскій кардиналъ воспользовался этимъ. 10 и 25 мая 1455 г. онъ взялъ на время нѣкоторые ватиканскіе манускрипты. Такимъ образомъ къ нему попало около 62 томовъ. Сдѣланный Исидоромъ выборъ свидѣтельствуетъ о широкомъ и разностороннемъ его умѣ. Наряду съ евангеліями, отцами и учителями Церкви въ этой коллекціи встрѣчаются канонисты и философы, историки и географы, ораторы и поэты, геометры и медики. Тутъ всѣ лучшія имена: Григорій Назіанзинъ и Златоустъ, Ѳома Аквинскій и Платонъ, Геродотъ и Плутархъ, Ѳукидидъ и Діодоръ, Полибій и Демосѳенъ, Исократъ и Гомеръ, Эвклидъ

*) Ватикан. Библ., греч. отд., n° 651—Mattacci, t. I, p. 832.

и Архимедъ, Галіенъ и Гиппократъ. Временное пользованіе Исидора книгами подало поводъ къ громкому обвиненію противъ кардинала. Филельфо и Веспасіано горько жалуются, что Каликстъ III расточилъ несравненную библіотеку Николая V. Они утверждаютъ, будто бы эти драгоцѣнные томы во время болѣзни Исидора были проданы за безцѣнокъ и погибли безвозвратно. Все это, по меньшей мѣрѣ, преувеличено. Большинство книгъ, взятыхъ Исидоромъ, до сей поры находятся въ Ватиканѣ. На самомъ дѣлѣ, онѣ ему были отданы не совсѣмъ, а лишь предоставлены ad usum vitae. Когда силы начали измѣнять кардиналу, завѣдываніе его дѣлами было поручено Виссаріону. Могъ ли онъ допустить расхищеніе? Наконецъ, довѣренный маркиза Мантуанскаго въ поискахъ за библіей для своего господина писалъ ему слѣдующее: «У Исидора есть библія, но получить ее невозможно». А, послѣ смерти кардинала, Виссаріонъ пріобрѣлъ лишь его требникъ и книгу службъ. О какой-нибудь другой распродажѣ книгъ мы ничего не знаемъ. Все это позволяетъ думать, что манускрипты, собранные съ такой заботливостью Николаемъ V, не были ни распроданы, ни расхищены *). Но, даже и среди книгъ, Исидоръ всегда производитъ впечатлѣніе человѣка, озабоченнаго скорѣе жизненными вопросами, чѣмъ литературными проблемами. Его стихіей является дѣятельность. Отдаленныя миссіи, формированіе армій, помощь угнетеннымъ—вотъ что любитъ кардиналъ, вотъ на что уходятъ его силы.

Было бы вполнѣ естественно, если бы въ качествѣ грека,—и притомъ изгнанника, Исидоръ окружилъ себя своими соотечественниками. Къ удивленію, въ домѣ Исидора, или, если угодно, при его маленькомъ кардинальскомъ дворѣ, большинство свиты составляли латиняне. Во главѣ ихъ—по крайней мѣрѣ, въ послѣдніе годы—стоялъ рим-

*) Muntz et Fabre p. 116—119, 339—342, 346—Арх. Гонзага Busta, n° 841, *Rome*, 1461, 22 ав. Bandini, p. 137.

лянинъ Конрадо Марчеллини, епископъ Монтефельтре, а позже Терначине. Онъ завѣдывалъ служебнымъ персоналомъ, а также текущими дѣлами кардинала. Между капелланами Исидоръ мы находимъ Іакова де Порто, Винцента де Монфоръ, Амидани Мантуанскаго. Пинчетти фигурируетъ тутъ же въ качествѣ секретаря, а иногда и обершенка. Леусъ не носилъ опредѣленнаго званія. Антоній, епископъ Карѳагенскій, былъ отправленъ Исидоромъ въ спеціальную миссію... Греческія имена носятъ только Спандолинъ, Сиропулъ и Ягуби, который предназначался нѣкогда для Россіи. Да и они, повидимому скоро, оставили службу у Исидора.

Высокое положеніе, которое Исидоръ занималъ въ Греціи, ввело его въ сношенія съ самыми выдающимися людьми его родины. То-же было и въ Римѣ. Благодаря своему кардинальскому званію и лигѣ противъ турокъ, которая такъ интересовала Исидора, онъ соприкасался съ самыми высокими сферами. Но,—несмотря на столь блестящія связи,—образъ жизни рутенскаго митрополита, повидимому, былъ всегда очень простъ. Средства его были столь скудны, что онъ съ трудомъ поддерживалъ декорумъ, подобающій его высокому сану. Каждый разъ, какъ папы назначали Исидору новыя бенефиціи—они оправдывали это неизбѣжностью для него большихъ расходовъ и ограниченностью его средствъ.

При вступленіи на папскій престолъ Пія II доходы нашего кардинала не превышали 4000 дукатовъ. Это мы видимъ изъ того, что Исидоръ былъ въ числѣ лицъ, которымъ была назначена отъ конклава ежемѣсячная пенсія въ сто дукатовъ; правомъ этимъ могли пользоваться лишь тѣ лица, которыя имѣли менѣе четырехъ тысячъ въ годъ. Георгій Трапезундскій прямо утверждаетъ, что рутенскій кардиналъ былъ бѣденъ. Онъ даже ставитъ ему это въ особую заслугу *). Вотъ почемув олей-неволей. Исидору всегда

*) **Trapesuntius**, Q, f, 2 v °.

приходилось заботиться объ увеличеніи своихъ средствъ. То онъ проситъ о сохраненіи за нимъ пенсій, то сдаетъ въ аренду свои владѣнія... И, тѣмъ не менѣе, кардиналъ постоянно нуждается въ деньгахъ. Напрасно онъ дѣлаетъ займы, проситъ кредиторовъ взыскивать съ его собственныхъ должниковъ—онъ никакъ неможетъ выйти изъ финансовыхъ затрудненій. Однажды, какъ мы помнимъ, Исидоръ просилъ венеціанскій Сенатъ повліять на неаккуратнаго плательщика. Въ концѣ жизни запутанныя дѣла вовлекли кардинала въ процессъ, о которомъ мы уже мелькомъ упоминали выше. О немъ стоитъ сказать подробнѣе.

18 декабря 1458 года кардиналъ Исидоръ отдалъ Негропонтскія церковныя земли въ аренду аѳинскому архіепископу Николаю Протиму за четыреста дукатовъ въ годъ. Этотъ греческій іерархъ не обладалъ счастливымъ характеромъ: онъ былъ человѣкъ неуживчивый. Представителемъ его являлся, по большей части, племянникъ его Франко. Впрочемъ, и онъ былъ нисколько не лучше дяди. Къ великому своему несчастію Исидоръ имѣлъ неосторожность занять у этихъ людей деньги. Это случилось въ то время, когда онъ собирался въ Морейскій походъ.

Въ 1461 году, когда настало время сводить счеты, разногласіе въ цифрахъ получилось такое, что пришлось прибѣгнуть къ суду. Несмотря на то, что Конрадо Марчеллини состоялъ на службѣ при Исидорѣ, папская булла отъ 20 ноября уполномочила его разобрать и рѣшить это дѣло. Оно сводилось къ слѣдующему: Николай отказывался отъ уплаты трехгодичной аренды въ размѣрѣ тысячи двухсотъ дукатовъ. Мало того—онъ требовалъ въ свою пользу 872 дукатовъ. Для доказательства своей правоты онъ не скупился на доводы. Онъ-де предпринималъ всяческія улучшенія, потерпѣлъ не мало убытковъ и давалъ Исидору деньги впередъ. Франко требовалъ, чтобы ему вернули все до послѣдней монеты. Онъ ссылался на свидѣтелей, представлялъ документы...

Все подсчитавъ и пересмотрѣвъ всѣ до одной бумаги, Марчеллини нашелъ возможнымъ понизить сумму иска до 419 дукатовъ. Для этого ему пришлось прибѣгнуть къ кассаціи. Но даже столь радикальная мѣра не помогла дѣлу. Исидоръ оказывался несостоятельнымъ. Его кредиторамъ приходилось искать съ собственныхъ его должниковъ. И, вотъ, епископъ аѳинскій, снабженный папскими грамотами, отправляется въ Венецію въ поискахъ за должниками Исидора. Самъ патріархъ оказалъ ему поддержку провозглашеніемъ цензуръ и анаѳемъ противъ уклоняющихся отъ уплаты.

Нотаріусы и судьи потребовали явки свидѣтелей, и Протимъ поспѣшилъ приписать къ счету Исидора шестнадцать дукатовъ за прогоны. Въ концѣ концовъ, онъ, должно быть, добился своего, такъ какъ возобновилъ арендный договоръ. Мало того—ему удалось получить для себя назначеніе Негропонтскимъ викаріемъ. Все это дѣло было ликвидировано только въ 1466 г. Виссаріономъ послѣ цѣлаго ряда непріятностей и кляузъ. Неисправимый сутяга, Протимъ подъ какимъ-то предлогомъ отказался отъ уплаты послѣднихъ ста дукатовъ. На нихъ такъ и махнули рукой.

Тяжба съ Протимомъ была не единственнымъ терніемъ, нарушавшимъ покой Исидора. Ихъ было много и грозили они отовсюду. Такъ, область Прино въ Негропонтѣ, являлась весьма соблазнительной для любителей большихъ и легкихъ доходовъ. А, между тѣмъ, она была сдана въ долгосрочную аренду на совершенно невѣроятныхъ условіяхъ. Каликстъ III рѣшился нарушить контрактъ, какъ слишкомъ невыгодный для интересовъ Церкви. Было у Исидора еще одно помѣстье, называвшееся Лигуртинумъ и находившееся на островѣ Критѣ, теперешней Кандіи. Оно было сдано венеціанцамъ на очень сложныхъ условіяхъ Но всѣ относившіеся сюда договоры погибли во время кораблекрушенія и, чтобы въ нихъ разобраться, надо было спуститься на дно морское. По этимъ примѣрамъ, взятымъ

на удачу, можно судить, насколько запутаны были дѣла Исидора. Серія контрактовъ, прошеній, жалобъ была бы еще длиннѣе, если бы всѣ бумаги сохранились. Легко понять, до какой степени матеріальныя заботы удручали Исидора. Самъ онъ обладалъ натурой порывистой, живой, способной на всевозможныя жертвы ради возвышенной цѣли *).

Какъ разъ во время послѣдней болѣзни Исидору пришлось пережить больше всего непріятностей денежнаго свойства. Часть ихъ выпала на долю кардинала Виссаріона, принявшаго на себя дѣла своего коллеги. Отъ больного старались, можетъ быть, скрыть большинство этихъ недоразумѣній. Онъ же оставался вѣренъ своимъ идеямъ и привязанностямъ. 25 февраля 1462 г. Исидоръ пишетъ слабѣющею рукою письмо маркизу Мантуанскому, Федерико. Онъ проситъ его за Мануила Ягуби и Ангела Палеолога, которые отправлялись за сборомъ милостыни для выкупа константинопольскихъ плѣнныхъ. Онъ пишетъ: «Все, что Вы для нихъ сдѣлаете, будетъ угодно Богу, а мнѣ доставитъ самую искреннюю радость. Я же готовъ для Васъ на такія же услуги и даже на еще большія **).

Но самый трогательный эпизодъ относится къ 11 апр. 1462 г. Въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отразилась вся жизнь Исидора. Въ этотъ день изъ Понте Молле въ Ватиканъ переносили главу св. Андрея. Пій II получилъ ее въ даръ отъ Ѳомы Палеолога. Мы еще вернемся къ этому замѣчательному торжеству. Здѣсь же укажемъ только на одну подробность. Кардиналъ былъ прикованъ къ одру болѣзни и не принялъ участія въ процессіи. Но, когда она поравнялась съ его окнами, и онъ услыхалъ священные гимны и благочестивые клики толпы—ничто не смогло его удержать дома. Онъ поспѣшилъ во слѣдъ святыхъ мощей

*) Ватик. Арх. Arm. XXXIV, t VI, f 19, 1; t. VII, f. 31, 53, 123, 127, 131, – 141.—Regesta, n° 449, f. 213 v°; n° 459, f. 273; n° 668, f, 127: О Моденской пенсіи см. Филельфо, стр. 102.

**) Ватик. Арх. Regesta, n° 484, f 47. Архивъ Гонзага, *Busta* n° 841.

вплоть до Ватикана, до мѣста, предназначеннаго папѣ и кардиналамъ. Стоя на колѣнахъ, престарѣлый и немощный іерархъ взглядами и жестами ободрялъ своего друга Виссаріона, который требовалъ ради спасенія Византіи крестоваго похода противъ турокъ. Что могло бы говорить краснорѣчивѣе въ пользу нашего кардинала? Всею силою души онъ возлюбилъ мысль о единеніи церквей. Онъ промѣнялъ блестящее положеніе въ Москвѣ на жизнь, полную трудовъ и лишеній. Но онъ остался вѣренъ идеѣ, установленной и признанной греками во Флоренціи. Исидоръ не только искренно вѣрилъ—онъ горячо любилъ свою родину. Въ тяжелые дни онъ поспѣшилъ на помощь Византіи. А, когда она пала—возстановленіе ея сдѣлалось главною заботою защитника св. Димитрія. Патріотизмъ и единеніе съ Римомъ—вотъ чему отданы были всѣ помыслы, всѣ стремленія этого выдающагося дѣятеля. За всю свою жизнь онъ ни разу не измѣнилъ столь благороднымъ идеаламъ. Теперь онъ былъ на краю могилы, стоялъ лицомъ къ лицу съ вѣчностью. И его присутствіе на торжествѣ въ эти знаменательныя минуты было какъ бы вѣнцомъ его испытаній. Въ послѣдній разъ Исидоръ свидѣтельствовалъ свои убѣжденія. Въ этомъ—тайна его величія. Можно оспаривать таланты кардинала, можно болѣе или менѣе строго судить о его характерѣ. Но никогда никто и не усомнится въ его постоянствѣ. Исидоръ умѣлъ хранить клятву и былъ вѣренъ родинѣ. Въ этомъ его неувядаемая слава.

Порывъ, заставившій Исидора подняться и дойти до Ватикана, повидимому, окончательно истощилъ силы его организма. А силы эти были когда-то немалыя. Даже во время послѣдняго періода болѣзни жизнь не разъ возвращалась къ кардиналу, когда всѣ уже считали его умирающимъ. Одинъ лукавый дипломатъ замѣчаетъ, что эти неожиданные переходы радовали всѣхъ окружающихъ, исключая тѣхъ, кто зарился на бенефиціи Исидора. Въ числѣ такихъ лицъ былъ и мантуанскій кардиналъ, Франческо Гонзага. Прибавимъ, однако, что его расчеты были совершен-

но лишены корысти. Онъ-то намъ и передаетъ нѣсколько драгоцѣнныхъ подробностей о послѣдняхъ дняхъ Исидора. Выборъ Гонзага остановился на св. Агатѣ. Папа не прочь былъ предоставить ему эту церковь, но съ условіемъ построить домъ въ Піенцѣ, родномъ городѣ Эннеа-Сильвіа. Все устроилось ко взаимному удовольствію, и 14 апрѣля 1463 г. кардиналъ Гонзага вступилъ въ завѣдываніе церковью.

Нѣсколько дней спустя, Гонзага въ послѣдній разъ навѣстилъ больного.

Исидоръ выказалъ большую радость при видѣ любимаго собрата. Но еще больше обрадовался онъ, когда услыхалъ отъ него про крестовый походъ и про то, что маркизъ Мантуанскій отдаетъ въ его распоряженіе двѣ хорошо вооруженныя галеры. Такимъ образомъ рутенскій кардиналъ остался вѣренъ себѣ: и на краю гроба не покидала его надежда. Однако, роковой часъ приближался. 27 апрѣля съ Исидоромъ случился новый припадокъ болѣзни, и онъ отдалъ душу Богу. Погребеніе происходило въ церкви Свв. Апостоловъ; ее облекалъ тотъ же трауръ, который нѣсколько дней тому назадъ служилъ при похоронахъ кардинала Колонна. Ничего нѣтъ удивительнаго что была избрана именно эта церковь. Вѣдь хозяиномъ ея былъ кардиналъ Виссаріонъ; онъ же временно управлялъ и церковью Сабины. Конечно, онъ взялъ на себя заботу объ отданіи послѣднихъ почестей своему собрату по изгнанію. Онъ же и велѣлъ похоронить останки своего друга въ той церкви, гдѣ желалъ покоиться самъ. Кардиналъ Гонзага очень опредѣленно говоритъ о мѣстѣ погребенія. Исидора Существуетъ мнѣніе, будто тѣло его покоится въ Ватиканскихъ пещерахъ. Однако, подъ нимъ нѣтъ никакихъ фактическихъ основаній *).

Жизнь Исидора оборвалась. Несмотря на кратковременность пребыванія въ Москвѣ, дѣятельность митро-

*) Арх. Гонзага, Busta n°842, Rome, 1463, 18 mars, 14, 27, 28 avr.

полита Кіевскаго оставила въ славянскомъ мірѣ глубокій слѣдъ. Съ именемъ кардинала рутенскаго связаны воспоминанія высокой важности; оно останется навсегда извѣстнымъ исторіи. Прежде всего, самое раздѣленіе русской Церкви на двѣ митрополіи относиться къ этой эпохѣ. Объ этомъ мы уже упоминали. Русское духовенство навсегда сохранило враждебныя чувства къ Риму и отрицательное отношеніе къ Флорентійскому собору. Въ русской политикѣ было немало византійскаго. Національное начало подчинило себѣ религіозный принципъ,—свѣтская власть наложила свою руку на Церковь, поработивъ духовенство. Понятія духовной свободы и независимости были утрачены. Въ Кіевѣ и въ принадлежащихъ ему областяхъ религіозная жизнь была богаче и разнообразнѣе. Нѣкоторое время митрополиты признавали первенство папы и успѣшно пропагандировали эту идею. Но послѣ первыхъ порывовъ усердія наступили колебанія. Внутреннія усобицы, заботы о національной оборонѣ, предразсудки всякаго рода стерли воспоминаніе о буллѣ Евгенія IV. Впрочемъ въ глубинѣ славянской души хранились сѣмена Уніи. Лишь въ концѣ XVI в. они выглянули на свѣтъ Божій и принесли обильную жатву.

Пускай Флорентійскій соборъ и не примирилъ Москвы съ Римомъ. Но самымъ своимъ фактомъ эта попытка ослабила вѣковую связь между Москвою и Греціей. Взятіе Константинополя вслѣдъ за неудачными планами единенія оказало глубокое вліяніе на умы. До сихъ поръ греки пользовались у русскихъ большимъ уваженіемъ. Имя св. Владиміра было нераздѣльно съ именемъ византійской царевны Анны, его супруги. Благодаря имъ обоимъ, Кіевъ озарился свѣтомъ христіанства. Византійскіе миссіонеры крестили въ Днѣпрѣ первыхъ русскихъ христіанъ. Они же основали первоначальныя школы. Долгое время за ними были всѣ высшія духовныя должности, и они почти исключительно вѣдали церковныя дѣла. Греки были наставниками и носителями просвѣщенія. Они считались из-

бранниками, сосудами благодати. Царьградъ, источникъ свѣта и вѣры, окружался мистическимъ ореоломъ.

Флорентійскій соборъ вызвалъ на Востокѣ реакцію. Русскіе считали его дѣло измѣною вѣрѣ. Митрополитъ Іона, слѣдуя примѣру великаго князя Василія, всенародно объявлялъ въ своихъ посланіяхъ, что созваніе восьмого вселенскаго собора было съ давнихъ поръ запрещено самымъ строжайшимъ образомъ. При этомъ онъ ссылался на каноническія правила, на семь первыхъ вселенскихъ соборовъ, даже на апостоловъ *). Откуда Іона взялъ эту странную теорію? Какъ столь очевидная ересь не помѣшала его канонизаціи въ 1547 г.? Русскіе ученые и не пытаются объяснить это обстоятельство. Но, какъ бы то ни было,—такое мнѣніе являлось въ Москвѣ общепринятымъ. Всѣ ненавидѣли Флорентійскій соборъ. Поэтому, когда стало извѣстнымъ, что ему содѣйствовали императоръ и патріархъ, это произвело впечатлѣніе скандала. Не сами ли греки считали латинянъ злѣйшими еретиками? Не они ли разжигали противъ нихъ вражду? И что же! они—уже заодно! Развѣ это не измѣна истинной вѣрѣ, не преступленіе, достойное кары Божіей?

Когда Константинополь былъ взятъ турками, русскіе увидали въ томъ подтвержденіе своихъ зловѣщихъ предсказаній. Это еще болѣе укрѣпило ихъ въ предубѣжденіи противъ Уніи. Скоро наиболѣе смѣлые начетчики стали отыскивать доводы противъ нея въ библіи и хронографахъ. То они хитроумно сочетаютъ числа, начиная съ Адама, вплоть до XV в., то ищутъ знаменій въ путяхъ небесныхъ свѣтилъ. Но уже Филоѳей, псковскій монахъ, сталъ предостерегать своихъ соотечественниковъ противъ ложныхъ заключеній. Онъ предлагалъ имъ, будто-бы, единственное правильное объясненіе совершившагося. «Византія», говорилъ онъ, «пала потому, что измѣнила истинной вѣрѣ и приняла латинство»... Естественно, что взоры рус-

*) Акты Истор., т. I, стр. 112.

скихъ начинаютъ обращаться къ другому граду, неизмѣнно вѣрному православной вѣрѣ. Одинъ русскій, завербованный въ оттоманскія войска во время осады Константинополя, уже провидитъ грядущую національную славу. Искандеръ пишетъ: «Русскіе наслѣдуютъ грекамъ и отомстятъ за поруганіе истинной вѣры»... Мы встрѣтимся еще въ Москвѣ съ этой идеей религіознаго возмездія, священнаго наслѣдія и преемственности традицій... Изъ тѣснаго міра книжниковъ она выйдетъ въ безграничный просторъ народныхъ преданій. Встрѣтившись въ скитаніяхъ своихъ съ подходящимъ историческимъ фактомъ, она воспользуется имъ, какъ опорой и подтвержденіемъ. Когда въ жилахъ Мономаховичей потечетъ кровь Палеологовъ, древняя слава Византіи возсіяетъ надъ Москвою. Она осѣнитъ православныхъ царей и озаритъ блескомъ своимъ московскія святыни *).

*) Каптеревъ, стр. 1—25.

КНИГА II.

Иванъ III и Софія Палеологъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Бракъ Ивана III и Ватиканъ.

1454—1477.

I. Гроза съ Востока.—Палеологи.—Братоубійственныя войны.—Турки и Димитрій.—Ѳома не желаетъ продавать своего государства.—Онъ направляется въ Римъ.—Золотая Роза.—Пенсія и водвореніе въ Санто-Спирито.—Физіономія деспота.—Перенесеніе главы св. Андрея.—Собраніе кардиналовъ.—Путешествіе Ѳомы.—Опасенія Венеціи.—Кончина Пія II.—Смерть Ѳомы.—Прибытіе въ Римъ его дѣтей.—Планы Виссаріона относительно ихъ воспитанія.—Зоя Палеологъ.—Давнишніе планы брака съ однимъ изъ Гонзага.—Помолвка съ Карачіоло.—Іаковъ Лузиньянъ.—Посольство Гонема.—Матримоніальный совѣтъ Венеціи.—Гонемъ въ Римѣ.—Оживленіе въ консисторіи.—Проектъ брака Зои съ королемъ Кипрскимъ.—Зоя выражаетъ согласіе.—Установленіе приданаго.—Аѳанасій Карачіофило назначается въ Никозію.—Внезапная перемѣна.—Іаковъ сочетается бракомъ съ Екатериной Корнаро.—Венеція захватываетъ Кипръ.—Заблужденія кипрскихъ лѣтописцевъ.

II. Джьанъ—Баттиста Вольпе.—Антоніо Джисларди.—Посланцы Вольпе въ Римѣ въ 1468 г.—Юрій возвращается въ Москву.—Посольство Виссаріона.—Повѣствованіе лѣтописца.—Критика.—Великій князь Иванъ III.—Впечатлѣніе москвичей.—Совѣтъ въ Кремлѣ.—Согласіе на бракъ съ Зоей.—Вольпе посылаютъ въ Римъ.—Зоя соглашается на бракъ съ Иваномъ.—Джисларди предлагаетъ Венеціи союзъ съ татарами.—Тревизанъ назначается въ Москву.—Вольпе везетъ въ Москву отвѣты Рима.—Вторая миссія Вольпе въ Италіи.—Тревизана

отзываютъ,—Вольпе встрѣчаетъ Виссаріона въ Болоньѣ.—Посольство кардинала.—Сикстъ IV.—Его планы относительно крестоваго похода.—Его приближенные.—Разсказъ Маффеи.—Критика.—Предположенія о двойственномъ союзѣ.— Пульчи даетъ силуэтъ Зои.—Обрученіе въ Ватиканѣ.—Инцидентъ съ кольцомъ.—Предложеніе союза съ татарами.—Антоніо Бонумбре.—Его прошлое.—Его посольскія полномочія.—Приданое Зои.—Фрески въ храмѣ Санто-Спирито.—Дорожные спутники.—Папская грамота.—Прощальная аудіенція.

III. Путь Зои.—Витербо, Сіенна, Болонья.—Празднества въ Виченцѣ.—Нюрнбергъ и Любекъ.—Происшествіе во Псковѣ.—Прибытіе въ Москву.—Крестъ Бонумбре.—Угроза митрополита Филиппа.—Отреченіе.—Встрѣча Зои въ Кремлѣ.—Отнынѣ она называется Софіей.—Вѣнчаніе во временномъ соборѣ.—Религіозный диспутъ между Бонумбре и митрополитомъ.—Никита Поповичъ.—Бонумбре въ Литвѣ.—Посольство литовцевъ къ Сикусту IV.—Второе посольство.—Джисларди въ Римѣ.—Его увѣренія относительно Москвы.—Порученіе Сикста IV.

IV. Двойная миссія Тревизана.—Сношенія Москвы съ Золотою Ордою.—Молчаніе Тревизана.—Тайна его раскрывается. Венеція обвиняетъ Бонумбре.—Тревизанъ въ оковахъ.—Переписка Ивана III съ Венеціей.—Посланія, довѣренныя Джисларди.—Права Москвы на Византію.—Переговоры съ татарами въ Польшѣ.—Каллимахъ Эксперіентъ въ Венеціи.—Контарини въ Кремлѣ.—Предубѣжденіе Ивана противъ Тревизана.—Аудіенція у Софьи.—Причины благоволенія къ Контарини.

I.

Послѣ паденія Константинополя на Востокѣ продолжали собираться тучи. Завладѣвъ Босфоромъ, Великій Моголъ сталъ мечтать объ Адріатикѣ. Мало-по-малу онъ включалъ въ свои владѣнія греческія, албанскія и славянскія земли между Венеціей и Трапезундомъ. Искусно распуская молву, онъ грозилъ, что скоро проникнетъ въ самое сердце Европы. Ни геройство Гуніяди въ Бѣлградѣ, ни неукротимая храбрость Скандербека въ албанскихъ горахъ не могли прекратить ужасающей борьбы между крестомъ и луною. Бѣлый рыцарь и воинъ Христовъ обуздали на время дерзость врага. Но и имъ измѣнили силы. И они не могли удержать грознаго натиска мусульманъ.

Императорская фамилія Палеологовъ болѣе всего по-

страдала за время этихъ злоключеній. Изо всѣхъ сыновей Мануила II лучшая, сравнительно, участь выпала на долю Константина Драгазеса. Онъ былъ послѣднимъ византійскимъ кесаремъ и мужественно отстаивалъ свою столицу. Двое его братьевъ, Ѳома и Димитрій, не могли удержать надолго власть надъ Мореей. Одинъ жилъ въ Патрасѣ, другой въ Мистрѣ, недалеко отъ развалинъ Спарты. Ихъ окружали недружелюбно настроенные албанцы; подданные мало имъ помогали, а архонты вовсе ихъ покинули. Оба принуждены были платить дань туркамъ, которые зарились на ихъ державу. И, однако, два этихъ деспота тратили послѣднія силы на ожесточенную междоусобную брань. Ихъ братоубійственная борьба ускорила неизбѣжную развязку. Уже съ 1458 г. турки стояли лагеремъ въ Коринѳѣ, а въ 1460 году они завладѣли большею частью Морея. Говорили, что имъ измѣнически помогалъ Димитрій. Какъ бы то ни было, но онъ первый уладилъ свои дѣла съ ними. Поступившись честью, онъ предалъ свою дочь Султану. За это онъ удостоился крайне ничтожной награды. Деспотъ Ѳома проявилъ больше гордости и находчивости. Униженію онъ предпочелъ муку добровольнаго изгнанія на Западѣ. Это рѣшеніе было подсказано ему надеждой на месть.

Еще задолго до катастрофы 1453 г. общая опасность сблизила Византію съ Италіей. Греки поддерживали живыя сношенія съ Миланомъ, Флоренціей, Неаполемъ, но особенно съ Венеціей и Римомъ. Республикѣ св. Марка въ Мореѣ принадлежали владѣнія, которыя служили ей приморскими станціями въ ея торговлѣ съ Востокомъ. Поэтому она не могла оставаться равнодушной къ участи Византіи. Лукавые политики Венеціи не ограничивались энергической защитой національныхъ правъ и поддержаніемъ внутренняго мира. Они уже предвидѣли моментъ, когда Ѳома не въ силахъ будетъ защищать оружіемъ свои владѣнія. Они опасались, какъ бы кто другой не выхватилъ Византіи у турокъ изъ-подъ носу. Венеція была убѣждена, что ей наиболѣе къ лицу такая аннексія.

Поэтому, когда въ 1454 году Витторе-Капелло отправился умиротворять Морею, Сенатъ снабдилъ его детальными инструкціями. Капелло долженъ былъ втолковать Ѳомѣ, что весьма разуменъ тотъ, кто продаетъ съ выгодою для себя добро, готовое выскользнуть изъ рукъ. Не подобаетъ государю скитаться по бѣлому свѣту безъ пристанища. Лучше устроиться такъ, чтобы всегда жить привольно и широко. Если бы деспотъ склонился къ отказу отъ своихъ владѣній, Капелло былъ уполномоченъ предложить ему взамѣнъ другія земли и пожизненную пенсію около десяти тысячъ дукатовъ. Предупрежденія Венеціи были совершенно основательны. Тѣмъ не менѣе, Ѳома уклонился отъ торга. Снова вспыхнула война. Ѳома отказалъ туркамъ въ уплатѣ дани, и ихъ отвѣтъ не заставилъ себя долго ждать. Силы деспота приходили къ концу, а опасность грозила ему со всѣхъ сторонъ. Ему приходилось отступать передъ нашествіемъ оттомановъ, а онъ колебался еще въ выборѣ между Римомъ и Венеціей. Эта республика не особенно гналась за честью пріютить у себя столь неудобнаго гостя. Она поспѣшила отъ него отдѣлаться. «Пусть Ѳома отправится къ папѣ»,— писалъ Сенатъ 23 августа 1460 года. «Всеобщій отецъ вѣрныхъ приметъ его, какъ и многихъ другихъ, съ самой сердечной предупредительностью; главное, пусть Ѳома поторопится со своимъ отъѣздомъ»*).

Венеціанскіе совѣты были равносильны приказаніямъ. Да Ѳомѣ и не трудно было имъ послѣдовать. Дѣйствительно, папа проявилъ къ нему больше расположенія, чѣмъ другіе государи. На Мантуанскій конгрессъ послы деспота явились первыми. Ихъ сопровождало 16 турецкихъ плѣнныхъ, какъ бы залогъ будущихъ многочисленныхъ побѣдъ. Смѣлые делегаты просили самой небольшой помощи, чтобы исторгнуть Морею изъ-подъ турецкаго ига.

---

*) Венеціанскій Арх., Sen. Secr. t. XXI, f. 15 v° Sathas, Документы, t. I, p. 212—13.

Предложеніе обсуждалось при всемъ собраніи. Пій II подозрѣвалъ, что на самомъ дѣлѣ препятствія были гораздо серьезнѣе. Онъ стоялъ или за радикальныя мѣры, или за строжайшій нейтралитетъ. Только благодаря настояніямъ Никейскаго кардинала, болѣе склоннаго къ гибельнымъ иллюзіямъ, рѣшено было отправить небольшое войско. Триста человѣкъ подъ командою Занона да Крема потерпѣли пораженіе передъ Патрасомъ и разсѣялись, ничего не сдѣлавъ. Какъ ни былъ жалокъ исходъ этого предпріятія, оно, тѣмъ не менѣе, доказывало готовность папы притти на помощь. Воинственное рвеніе владыки оставалось неизмѣннымъ. Можно было надѣяться, что онъ еще разъ сжалится надъ несчастною Мореей.

Ѳома Палеологъ оставилъ на Корфу свою жену и дѣтей. Самъ онъ отплылъ въ Анкону со своими надеждами и планами. 7 марта 1461 г. Ѳома торжественно вступаетъ въ Римъ. Папа отправилъ навстрѣчу ему двухъ кардиналовъ, Пьетро Барбо и Родриго Борха. Исидоръ выѣхалъ туда же по своему почину. Оффиціальный міръ былъ представленъ блестяще. Свита Ѳомы состояла изъ 70 всадниковъ и столькихъ же пѣхотинцевъ. Было замѣчено, что всѣ кони, за исключеніемъ трехъ, были одолжены Палеологу на время. Папскій пріемъ состоялся въ залѣ, называемомъ *papagallo*. Туда ради этого случая была созвана вся святѣйшая коллегія. Затѣмъ кардиналы проводили деспота до временныхъ его покоевъ.

Въ знакъ привѣтствія, а также съ цѣлью сдѣлать для Палеолога менѣе горькимъ хлѣбъ изгнанія, папа вручилъ ему въ воскресенье, 15 марта, золотую розу. Этой чести удостоивались только немногіе государи. Пій II былъ прикованъ подагрою къ постели и назначилъ своимъ представителемъ кардинала д'Эстутевилля. Послѣдній совершилъ св. таинство на алтарѣ, гдѣ находилась роза—маленькое растеніе съ золотыми листьями, украшенное сапфиромъ. Деспотъ былъ приглашенъ занять почетное мѣсто и съ благоговѣніемъ присутствовалъ при богослуженіи. По оконча-

ніи обѣдни св. коллегія въ полномъ составѣ отправилась къ больному первосвященнику. Онъ принялъ розу въ свои руки и тотчасъ же передалъ ее тому, кто становился отнынѣ ея счастливымъ обладателемъ.

Послѣ этихъ чествованій надлежало позаботиться о приличествующемъ устройствѣ деспота. Въ традиціяхъ Рима было всегда уваженіе къ чужому несчастью. Низложенные государи неизмѣнно встрѣчали тамъ царственное гостепріимство. Поэтому Ѳома былъ помѣщенъ на папское иждивеніе въ Санто-Спирито in Sassia. Это обширное зданіе, основанное саксами еще въ восьмомъ вѣкѣ, имѣло церковь, школу и странноприимный домъ. Ежемѣсячная пенсія въ триста золотыхъ была назначена государю, лишенному всякихъ средствъ. Кардиналы отъ себя прибавили еще двѣсти. Этого было довольно, чтобы съ помощью другихъ небольшихъ доходовъ вести скромный образъ жизни. Вспомнимъ, что когда-то Венеція предлагала Ѳомѣ вдвое больше, но безуспѣшно. Маленькій дворъ окружалъ государя въ изгнаніи. Вначалѣ онъ состоялъ изъ восемнадцати сановниковъ. Мажордомомъ былъ Георгій Трахаліотъ.

Такимъ образомъ Ѳома очутился въ самомъ центрѣ движенія. Но всѣ мысли изгнанника принадлежали его несчастной странѣ. На видъ Палеологу было лѣтъ пятьдесятъ. Онъ былъ высокаго роста, обладалъ прекраснымъ лицомъ и царственной осанкой. Внѣшность его внушала уваженіе. Облако грусти лежало на челѣ Ѳомы: деспотъ чувствовалъ, что не выпита еще до дна чаша испытаній. Приглашенный на обѣдъ къ кардиналамъ, онъ, обыкновенно, мало говорилъ и хранилъ задумчивый видъ. Многимъ отрадно было думать о немъ, какъ о будущемъ императорѣ Византіи, отнятой у турокъ. Великодушный и щедрый характеръ Ѳомы располагалъ въ его пользу соотечественниковъ.

Благодаря прибытію Палеолога въ Римъ, здѣсь состоялось довольно замѣчательное торжество. Навсегда поки-

дая Патрасъ, Ѳома взялъ съ собою прославленную реликвію чтимую городомъ—главу св. Андрея. Лишь только вѣсть объ этомъ распространилась, нѣсколько западныхъ государей стали оспаривать другъ у друга честь обладанія святыми мощами. Деспоту были сдѣланы соблазнительныя предложенія. Но, по настоянію Пія II, онъ отдалъ предпочтеніе Риму. По этому поводу папа задумалъ устроить церемонію съ необычайной пышностью, дабы возбудить воинственное рвеніе противъ турокъ. Три кардинала отправились въ Нарни навстрѣчу святынѣ. 11 апрѣля 1462 она была уже у воротъ Рима. На Понте-Малле были воздвигнуты двѣ великолѣпныя трибуны. Одна предназначалась для кардиналовъ, шедшихъ изъ Нарни, другая для папы съ его дворомъ, для римскихъ князей и посланниковъ. Въ присутствіи этого высокаго собранія Пій II, вѣрный завѣтамъ гуманистовъ, обратился къ мощамъ съ привѣтственной рѣчью Затѣмъ, святыня была временно помѣщена въ церковь Сан-та-Маріа дель Пополо. Это происходило 12 апрѣля. На другой день состоялась новая процессія, еще болѣе торжественная,—для перенесенія главы апостола въ соборъ св. Петра. Тамъ она должна была остаться навсегда. Всѣ кардиналы, за исключеніемъ нѣсколькихъ недужныхъ, шли пѣшкомъ. Паломники сошлись изо всѣхъ частей Италіи, изъ Франціи, Венгріи и Германіи. Стеченіе народа было громадное. Старожилы не помнили ничего подобнаго. На пути процессіи улицы были великолѣпно украшены коврами и цвѣтами. Передъ храмомъ св. апостоловъ, залитымъ огнями, кардиналъ Виссаріонъ произнесъ свою большую рѣчь, о которой мы уже упоминали. Съ нимъ рядомъ стоялъ старый и больной Исидоръ. Пій II отвѣтилъ въ краткихъ словахъ. Папа повторилъ обѣтъ защитить вѣру отъ посягательства турокъ и высказалъ пожеланія относительно новаго крестоваго похода. У Ѳомы хранились и другія сокровища. Онъ отдалъ ихъ впослѣдствіи Пію II. То были—рука св. Іоанна Крестителя и клобукъ съ вышивками и драгоцѣнными камнями. Мощи Предтечи были уступлены первосвящен-

никомъ городу Сіеннѣ, причемъ деспотъ получилъ въ даръ тысячу дукатовъ. Пребываніе этихъ реликвій въ теченіе нѣкотораго времени въ Сербіи подало поводъ къ возникновенію цѣлой легенды среди славянъ.

Злополучнаго Палеолога безпрестанно преслѣдовала мысль о крестовомъ походѣ. Но главнымъ предметомъ его думъ была Морея. Да и, на самомъ дѣлѣ, она могла бы служить прекрасной точкой опоры во время войны. Въ мартѣ 1461 г. было организовано нѣчто вродѣ комитета кардиналовъ для спеціальнаго разсмотрѣнія этого вопроса. Въ него вошли кардиналы Исидоръ, д'Эстутевилль, Куза, Каландрини. Посланникъ Мантуанскій, Бонатто, замѣчаетъ, что въ комитетѣ не скупились на хорошія слова. Но тутъ же онъ философски прибавляетъ, что истинная цѣна рѣчей познается по результатамъ. Дѣйствительно, препятствія оказались непреодолимы. Пій II видѣлъ въ Ѳомѣ вѣрнаго хранителя завѣтовъ Флорентійскаго собора и непримиримаго врага мусульманъ. Папа готовъ былъ забыть всѣ ошибки Палеолога; онъ смотрѣлъ на него, какъ на свое орудіе; онъ даже не прочь былъ одобрить военные замыслы Ѳомы. Но Пій не собирался давать ни денегъ, ни солдатъ. Никто не мѣшалъ деспоту объѣхать Италію, чтобы просить помощи и сочувствія у республикъ и государей. И деспотъ не отступилъ передъ этой неблагодарной задачей. Онъ скитается изъ города въ городъ съ письмами кардиналовъ и съ грамотою отъ папы, гдѣ тотъ горячо рекомендуетъ и самого Палеолога, и его предпріятіе. Но ничто не указываетъ, чтобы Ѳома добился какого-нибудь успѣха. Франтцесъ опредѣленно говоритъ, что Западъ совершенно отвернулся отъ злополучнаго изгнанника. Это, дѣйствительно, кажется наиболѣе вѣроятнымъ. Кое-гдѣ, какъ напримѣръ, въ Венеціи, Ѳома даже внушалъ къ себѣ недовѣріе.

Во всякомъ случаѣ, венеціанскіе сенаторы рѣшительно воспротивились тому, чтобы Палеологъ покинулъ Италію. Это обнаружилось, тогда когда Пій II счелъ необходимымъ прибѣгнуть къ послѣднему средству—стать самому во главѣ

крестоноснаго воинства, и, какъ любилъ онъ говорить, подставить свое старое, больное тѣло подъ вражескіе удары. Тогда и распространился слухъ о скоромъ появленіи Ѳомы на Мореѣ. Сенатъ писалъ своему посланнику въ Римѣ 17 мая 1464 г.: «Повидайтесь со святымъ отцомъ и умоляйте его, какъ только можете, чтобы онъ не позволилъ выѣхать деспоту во избѣжаніе большихъ непріятностей и недоразумѣній, которыя могутъ возникнуть». Но и этого показалось мало Сенату. 5-го іюня онъ даетъ приказаніе слѣдить за тѣмъ, чтобы Ѳома даже не попалъ въ Анкону, откуда папа долженъ былъ отплыть на Востокъ. Пусть Палеологъ остается въ Римѣ. Воевать могутъ и безъ него. Главное—послѣ войны безъ него же подѣлить добычу. Вотъ каковъ былъ истинный мотивъ венеціанской политики: онъ увѣковѣченъ въ мраморѣ въ Палаццо дожей. Въ концѣ XVII вѣка, когда Морозини заслужилъ своими побѣдами прозваніе Пелопонесскаго, ему еще при жизни воздвигли роскошный памятникъ. Исполнилось то, о чемъ Венеція мечтала сто лѣтъ: уже давно она стремилась къ обладанію Мореей. Вотъ чѣмъ объясняются ея отношенія къ Ѳомѣ *).

Роковой исходъ предпріятія Пія II извѣстенъ. Папа умеръ въ Анконѣ 15 августа 1464 г., на пути къ святой землѣ, со словами «крестовый походъ» на устахъ. Погасающій взоръ его былъ устремленъ въ сторону Адріатики, откуда онъ съ тоскою ждалъ прибытія венеціанскихъ галеръ. Но онѣ запоздали къ войскамъ, также не торопившимся въ путь. Смерть папы послужила сигналомъ ко всеобщему бѣгству. Кристофоро Моро съ флотомъ повернулъ обратно въ свои лагуны. Крестоносцы, безъ хлѣба и денегъ, разсѣялись.

---

*) Архивы Гонзага, Busta 841, Римъ, 1461, 24 янв., 9, 15, 23, 26 марта, 5 апр.—Pii Sec Com. p. 192.—Cugnoni, p 49, 337.—Pastor. t. II, p. 222.—Архивы Opera del Duomo въ Сіеннѣ, n° 548,555,556.—Raynaldi, t. XXIX, p. 339.—Манушевъ, т. II, стр. 206.— Венеціанскіе Архивы, Sen. Secr., t. XXII, f. 14. Misti, t. LX, f. 46

Кардиналы были всецѣло поглощены своимъ конклавомъ. Стало ясно, что крестовый походъ не удался.

Политическая роль Ѳомы отнынѣ кончилась. Онъ весь отдался семейнымъ заботамъ. Въ 1430 г. Палеологъ женился на принцессѣ Екатеринѣ, дочери Захаріи II. Онъ свергъ его съ престола, чтобы самому стать деспотомъ. Отъ этого брака было четверо дѣтей: Елена, старшая дочь, въ 1446 г. вышла замужъ за сербскаго короля Лазаря II. Послѣ его смерти она удалилась въ монастырь. Трое другихъ дѣтей, оставленныхъ на Корфу, были: Зоя, Андрей и Мануилъ. Имъ незачѣмъ было оставаться на Востокѣ послѣ крушенія послѣднихъ надеждъ. Ѳома сталъ хлопотать о пріѣздѣ семьи своей въ Римъ. Но мѣсяцъ шелъ за мѣсяцемъ, а о дѣтяхъ не было ни слуху, ни духу. Бѣдный отецъ началъ терзаться безпокойствомъ. Онъ былъ постоянно грустенъ, никогда не улыбался. Онъ считалъ своихъ дѣтей погребенными на днѣ морскомъ. Тоска по нимъ усугубилась тяжкой болѣзнью, которая и унесла Ѳому въ 7 или 8 дней. Многіе даже считали его жертвою чумы. Палеологъ скончался 12 мая 1465 г. Его останки были погребены въ склепахъ св. Петра. Чтобы сохранить воспоминаніе о его необычайно прекрасныхъ чертахъ, папа, будто бы, велѣлъ воспроизвести ихъ въ мраморной статуѣ св. Павла. Она должна была украсить лѣстницу въ Ватиканъ *).

Передъ смертью Ѳома избралъ кардинала Никейскаго своимъ душеприказчикомъ. Онъ поручилъ ему своихъ возлюбленныхъ дѣтей и назначилъ ихъ опекуномъ его и покровителемъ. Виссаріонъ охотно принялъ на себя эту отвѣтственную обязанность. Онъ говоритъ, что сдѣлалъ это прежде всего во славу Божію, а затѣмъ изъ уваженія къ удивительному благородству Палеологовъ и ради той дружбы, которая неизмѣнно связывала его съ Ѳомою. Деспотъ

*) Арх. Гонзага, Busta no 842, Римъ, 1462, 21 мая.—Ciampi p. 330.

не могъ сдѣлать болѣе удачнаго выбора. Исидора, испытаннаго въ несчастіяхъ друга, уже не было въ живыхъ, а Виссаріонъ, подобно ему, былъ одушевленъ двойною страстью: любовью къ истинной вѣрѣ и къ своему отечеству. Онъ былъ такъ же близокъ къ святому престолу, какъ и рутенскій кардиналъ. Но онъ превосходилъ Исидора широтою взглядовъ, разнообразіемъ познаній, политическимъ вліяніемъ, исключительнымъ положеніемъ въ мірѣ ученыхъ и писателей. Надо было ожидать, что онъ отнесется серьезно къ своимъ обязанностямъ опекуна. Такъ оно и было.

Дѣти Ѳомы прибыли въ Анкону на другой день послѣ смерти отца. Имъ не выпало на долю утѣшенія дать ему прощальный поцѣлуй. Первою заботою Виссаріона было обезопасить сиротъ противъ чумы, свирѣпствовавшей тогда въ Римѣ. По соглашенію съ папой и византійской знатью онъ приказалъ направить новоприбывшихъ въ Синьоли и оставить ихъ тамъ до сентября или октября. Воздухъ тамъ былъ здоровый, а мѣстный епископъ, прежній секретарь Виссаріона, былъ очень преданъ Палеологамъ и съ удовольствіемъ предоставилъ замокъ въ распоряженіе его наслѣдниковъ.

Относительно воспитанія въ Римѣ троихъ юныхъ Палеологовъ существуетъ лишь одинъ источникъ. Это письмо, или вѣрнѣе программа занятій и жизни, составленная Виссаріономъ и помѣченная 9 августа 1465 г. Она сохранилась благодаря Франтцесу, вѣрному слугѣ Палеологовъ. Душа великаго кардинала цѣликомъ обнаруживается въ этомъ документѣ. Виссаріонъ происходилъ изъ бѣднаго и незнатнаго рода и достигъ высокаго общественнаго положенія благодаря своимъ достоинствамъ и талантамъ. Ему пришлось жить на Западѣ: путемъ испытаній онъ научился обращаться съ латинянами, узналъ цѣну денегъ и личныхъ дарованій... Лишенные наслѣдства, пусть воспользуются сироты его совѣтами и опытомъ... Но не къ нимъ непосредственно обращается Виссаріонъ въ своемъ

письмѣ: они еще черезчуръ молоды. Онъ адресуется къ ихъ педагогу, имя котораго осталось неизвѣстнымъ. Мы знаемъ лишь, что въ распоряженіи его былъ врачъ Критопулъ.

Прежде всего, Виссаріонъ разсуждаетъ о домашней обстановкѣ. Надо, чтобы принцы были окружены извѣстной пышностью. Но она не должна излишне обременять ихъ бюджета. Какъ раньше ихъ отецъ, такъ и они будутъ ежемѣсячно получать отъ казны триста дукатовъ. Двѣсти изъ нихъ пойдутъ на принцевъ—на ихъ одежду, лошадей и слугъ. Предполагалось дѣлать изъ этихъ суммъ маленькія сбереженія, ради какого-либо непредвидѣннаго случая. На остальные сто дукатовъ долженъ содержаться маленькій дворъ принцевъ. Виссаріонъ считаетъ необходимымъ имѣть врача, преподавателя греческаго языка, преподавателя латыни, переводчика и одного или двухъ католическихъ священниковъ. Принципіально онъ совѣтуетъ уменьшать оклады и увеличивать персоналъ, но до извѣстныхъ границъ. Оказывается, римляне неодобрительно смотрѣли на многочисленныхъ паразитовъ, окружавшихъ Ѳому. Не слѣдовало повторять его ошибки.

Волей-неволей приходилось касаться этихъ матеріальныхъ подробностей: принцы были бѣдны. Но Виссаріонъ спѣшитъ подняться выше и начертать широкій планъ нравственнаго воспитанія. Здѣсь языкъ кардинала поражаетъ своей рѣзкостью. «Благородное происхожденіе» говоритъ онъ, «ничего не стоитъ безъ добродѣтели, тѣмъ болѣе, что вы сироты, изгнанники, нищіе. Не забывайте этого и будьте всегда скромны, привѣтливы и доброжелательны. Изучайте серьезно науки, дабы впослѣдствіи занять въ свѣтѣ подобающее положеніе». Оставался самый щекотливый вопросъ,—вопросъ о вѣрѣ и о сношеніяхъ съ духовной властью. Въ письмѣ смутно упоминается объ одномъ прискорбномъ случаѣ, происшедшемъ, повидимому, въ пути. Во время молитвы о папѣ принцы покинули церковь. Виссаріонъ говоритъ прямо: «Чтобы впередъ не было подоб-

ныхъ скандаловъ» Опираясь на волю ихъ покойнаго отца, онъ ставитъ имъ на выборъ: либо слѣдовать его совѣтамъ, либо покинуть Западъ. Если они жалаютъ остаться между латинянами, пусть живутъ, какъ латиняне, одѣваются, какъ они, пусть ходятъ въ латинскія церкви и склоняютъ колѣна передъ кардиналами. Къ папѣ же они должны относиться съ полной покорностью и смиреніемъ. На первой аудіенціи у него они обратятся къ нему съ большой рѣчью. Чтобы не оставалось ни тѣни сомнѣній, въ концѣ своего письма кардиналъ опять возвращается къ необходимости полнаго единенія съ латинянами, даже въ литургіи: «у васъ будетъ все»—такъ заключаетъ онъ,—«если станете подражать латинянамъ. Въ противномъ случаѣ, вы лишитесь всего...

Этотъ языкъ кажется поистинѣ удивительнымъ въ устахъ того, кто работалъ надъ единеніемъ Церквей на двухъ основаніяхъ—единства вѣры и разности въ обрядахъ. Вѣдь таковъ былъ мудрый принципъ, принятый на Флорентійскомъ соборѣ. Откуда же теперь это непонятное пристрастіе въ пользу латинизма? Конечно, настойчивость Виссаріона должна быть отнесена, главнымъ образомъ, на счетъ политики. Но не надо забывать, что въ ту эпоху между греками замѣчалось нѣкоторое тяготѣніе къ латинской обрядности. Примѣромъ является епископъ Аѳанасій Карчіофило. Онъ отмѣнилъ въ своей епархіи послѣдніе остатки греческихъ обрядовъ. Впрочемъ о немъ будетъ еще рѣчь впереди*).

До насъ дошло содержаніе программы, предначертанной Палеологамъ. Но какъ она примѣнялась — покрыто неизвѣстностью. Только нѣсколько драгоцѣнныхъ документовъ сообщаютъ намъ о рѣшительномъ вліяніи Виссаріона на судьбу Зои. Она больше извѣстна подъ именемъ Софіи, и вокругъ нея сосредоточивается отнынѣ весь историческій интересъ. На официальномъ языкѣ той эпохи она

---

*) Ватиканск. Арх. Arm. XXXIV, t VI, f. 42 vo Legran, Κόσμος 108.—Migne, t. CLVI, col. 991; t. CLIX, col. 963.

именуется возлюбленной дщерью римской Церкви, воскормленной на ея иждивеніе и ея заботами, любезной первосвященникамъ и осыпанной ихъ милостями. Виссаріонъ находилъ Зою достойной ея знаменитыхъ предковъ, ласковой и прекрасной, умной и осторожной. Онъ мечталъ для нея о царскомъ вѣнцѣ. За неимѣніемъ настоящаго, онъ готовъ былъ помириться и на маломъ.

Еще ранѣе Виссаріона, т.-е. до прибытія деспота въ Римъ, около 1460 г., кардиналъ Исидоръ также думалъ объ этомъ вопросѣ. И ему приходило на мысль породнить Палеологовъ съ западными государями. Иниціатива всецѣло исходила отъ него. По случаю Мантуанскаго конгресса было нѣсколько свиданій съ маркизомъ Лодовико Гонзага. Маркизъ усиленно искалъ подходящей партіи для своего старшаго сына Федерико. Вспомнили о Зоѣ. Ей было въ то время не больше двѣнадцати или одиннадцати лѣтъ, но красота ея уже гремѣла. Обаяніе имени и блескъ трона ослѣпили незначительнаго князя св. имперіи. Къ проекту отнеслись серьезно. Когда, въ февралѣ 1460 г., рутенскій кардиналъ отправился въ Анкону, откуда онъ собирался отплыть въ Морею, туда же пріѣхалъ Эвсебіо де-Малатести. Ему были даны широкія полномочія отъ маркиза, пропускъ по всей формѣ и свита изъ шести лицъ. Быть можетъ, не подумавъ, а, можетъ быть, и по высокомѣрію, Исидоръ позволилъ себѣ устранить этого матримоніальнаго посредника. «А по какимъ причинамъ», —пишетъ онъ маркизу мантуанскому,—«Эвсебіо изложитъ вамъ самъ». Несмотря на эту неудачу, вопросъ былъ снова поднятъ, когда Ѳома пріѣхалъ въ Италію. Съ этою цѣлью Лодовико отправилъ въ Римъ своего посла, Бонатто. Первымъ дѣломъ ему надлежало собрать точныя свѣдѣнія о Палеологѣ. Трудности это никакой не представляло, потому что въ домѣ Исидора находилось двое мантуанцевъ. Они-то и сообщили послу крайне интересныя подробности. Гонзага скоро узналъ, что деспотъ Ѳома былъ въ такой же мѣрѣ богатъ знатными предками, въ какой бѣденъ

чистыми деньгами. Нищета его доходила до того, что для оплаты его расходовъ при въѣздѣ въ Римъ папа былъ принужденъ послать ему семьсотъ дукатовъ. Поэтому за Зоей не имѣется никакого иного приданаго, кромѣ ея личныхъ качествъ. Между тѣмъ, маркиза мантуанская происходила изъ рода Гогенцоллерновъ и была хорошая хозяйка. Она не желала и слышать о невѣстѣ безъ копейки. Бонатто пишетъ ей въ простотѣ душевной: «У Зои есть все, кромѣ того, что Вамъ наиболѣе любезно». Лодовико Гонзага одобрялъ мудрую расчетливость своей жены. Онъ говорилъ про себя, что ему такой бракъ не по средствамъ: онъ слишкомъ бѣденъ, чтобы взять сноху безприданницу; вмѣстѣ съ тѣмъ ему стыдно оплачивать деньгами союзъ съ императорскимъ домомъ. Получивши необходимыя свѣдѣнія, скромный мантуанскій дворъ больше не колебался. Онъ безъ особаго сожалѣнія отказался отъ византійской принцессы. Пурпуръ Цезарей потерялъ для него свою прелесть. По отношенію къ Исидору сама собою являлась подходящая отговорка. Отсылка имъ Эвсевію истолкована была въ смыслѣ нарушенія переговоровъ. Считая себя свободнымъ, маркизъ пошелъ навстрѣчу другимъ предложеніямъ. Теперь онъ не хочетъ вести двойной игры. Эта щепетильность была нѣсколько запоздалой. Дѣло въ томъ, что уже съ 1460 года Лодовико Гонзага велъ двойную игру,—съ одной стороны, съ Исидоромъ, съ другой—съ герцогомъ Баварскимъ. Тутъ денегъ было не мало. Брачный контрактъ былъ заключенъ въ 1462 г., а на слѣдующій годъ въ Мантуѣ отпраздновали свадьбу Федерико съ Маргаритой Баварской *).

Вскорѣ затѣмъ послѣдовала кончина деспота и состоялся неудачный крестовый походъ Пія II. Оба эти обстоятельства мѣшали пристроить Зою. Между тѣмъ, объ этомъ

*) Архивы Гонзага, Busta n° 840, *Анкона*, 1460, 7 марта, 31 мая. Busta n° 841, *Римъ*, 1461 г. 24 января, 9, 15, 16, 26 марта, 7 апрѣля, 1 мая. *Copialettere*, n° 37, 1460, 26 февраля; n° 48, 1461, 12 февраля, 27 марта, 6 апрѣля.

слѣдовало подумать. Тутъ мы наталкиваемся на темный пунктъ въ исторіи Палеологовъ. Однако, онъ окажется достаточно яснымъ, если только мы сумѣемъ воспользоваться, какъ нужно, свидѣтельствомъ Франческа. Вотъ, что сообщаетъ намъ этотъ источникъ. Въ серединѣ 1466 года, черезъ посредство Виссаріона, папа Павелъ II предложилъ обоимъ византійскимъ принцамъ, Андрею, уже носившему титулъ деспота, и Мануилу, выдать сестру за князя Караччіоло. Князь отличался какъ знатностью своего происхожденія, такъ и несмѣтнымъ богатствомъ. Переговоры начались тотчасъ же. Съ обѣихъ сторонъ были выработаны условія, и уже была назначена помолвка. Франтцесъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что присутствовалъ на этомъ торжествѣ, и благодаритъ жениха за роскошные подарки. Таковъ разсказъ очевидца, весьма преданнаго Палеологамъ. Ничто его не вынуждало сочинять небылицы. Повидимому, обрученіемъ дѣло и ограничилось, такъ какъ въ слѣдующемъ году выраженіе «virgo Zoe» снова появляется въ оффиціальныхъ бумагахъ. Но почему же разстроился этотъ бракъ? О какомъ Караччіоло шла рѣчь? Объ этомъ документы умалчиваютъ. Фамилія Караччіоло была одною изъ знатнѣйшихъ въ Италіи. Отпрыски ея встрѣчались и въ Римѣ, и въ Неаполѣ. Ей принадлежали въ Греціи обширныя владѣнія, причемъ нѣкоторые изъ ея членовъ играли выдающуюся политическую роль. Тѣмъ не менѣе, надо сказать, что въ ея генеалогіи нѣтъ ни малѣйшаго намека на союзъ съ Палеологами. Да и въ итальянскихъ хроникахъ не встрѣчается ни какого упоминанія объ этой блестящей помолвкѣ. Только одинъ Франтцесъ свидѣтельствуетъ намъ о ней *).

Можетъ быть, данное слово было нарушено благодаря новой партіи, которая была выдвинута на очередь въ концѣ того же 1466 г. Правда, происхожденіе третьяго претен-

*) *Migne*, t. CLVI, col. 998.

дента было опять сомнительно Тѣмъ не менѣе, Іакова Лузиньяна ожидало, повидимому, блестящее будущее. Онъ былъ незаконнымъ сыномъ кипрскаго короля Іоанна II и одной гречанки изъ Патраса. Природа щедро осыпала его своими дарами, хотя онъ и былъ склоненъ злоупотреблять ими. Отецъ нѣжно любилъ Іакова. Молодой человѣкъ былъ красивъ собою, уменъ и образованъ. И, между тѣмъ, онъ находился въ полной власти своихъ неукротимыхъ страстей. Чтобы навсегда отрѣзать Іакову путь къ престолу, его предусмотрительно зачислили въ воинство Христово. Іоаннъ II, по желанію своей супруги, согласился предоставить сыну епископскій престолъ Никозіи. Римъ отвѣтилъ на этотъ своевольный поступокъ тѣмъ, что отдалъ тотъ же престолъ кардиналу Исидору. Іакова поддерживала одна сторона, другая его отвергла, и на всю жизнь за нимъ осталось прозвище Апостола или Избранника. Предоставивъ свои духовныя обязанности викарію, онъ довольствовался доходами съ епископата Въ домѣ Іакова царилъ военный духъ. Онъ искуснѣе владѣлъ шпагой, чѣмъ посохомъ. Уже по его приказанію было произведено одно убійство, другое онъ совершилъ самъ, когда, вдругъ, замѣтилъ, что къ лицу ему больше корона, чѣмъ митра. Послѣ смерти Іоанна II его единственная законная дочь была въ сентябрѣ 1458 г. провозглашена королевою Кипра, Іерусалима и Арменіи. Она вступила во второй бракъ съ двоюроднымъ своимъ братомъ Людовикомъ Савойскимъ. Такимъ образомъ власть закрѣплялись за прямой наслѣдницей, и незаконному сыну надѣяться было не на что. Съ этой поры любовь, которую Іаковъ питалъ къ сестрѣ, превратилась въ ненависть къ королевѣ. Чтобы завладѣть короной, всѣ средства казались ему допустимыми. Онъ даже готовъ былъ прибѣгнуть къ иноземному вмѣшательству. Островъ Кипръ былъ данникомъ Египта. Поэтому Іаковъ отправился въ Каиръ, добился званія кипрскаго короля, нанялъ на свой счетъ отрядъ мамелюковъ и всталъ съ ними лагеремъ подъ стѣнами Никозіи. Очень можетъ

быть, что онъ замышлялъ потомъ перебить своихъ наемниковъ. Его сторонники подняли голову, оказали ему содѣйствіе, и попытка Іакова увѣнчалась успѣхомъ. Въ сентябрѣ 1460 г. измученная столица провозгласила Іакова королемъ Кипра. Королева со своими людьми заперлась въ укрѣпленномъ замкѣ. Таковъ былъ новый женихъ, искавшій руки Зои.

Первое упоминаніе объ этомъ матримоніальномъ проектѣ мы находимъ въ Венеціи. Дѣло въ томъ, что оба претендента на кипрскую корону обратились къ папѣ. Одинъ просилъ вернуть ему законныя права, другой— утвердить за нимъ захваченную власть. Шарлотта самолично прибыла въ Римъ. Пій II принялъ ее весьма милостиво и сурово отклонилъ свиданіе съ послами Іакова. Но тотъ не упалъ духомъ. Когда венеціанца Павла II замѣнилъ на папскомъ престолѣ Энеа-Сильвіо, Іаковъ отправилъ въ Римъ новаго посла, Гонема. Это былъ монахъ Августинскаго ордена, бывшій духовникъ Іоанна II и вѣрный сподвижникъ Іакова. Лишь только послѣдній вступилъ на престолъ, онъ передалъ Гонему епископство Никозійское. По пути въ Италію Гонемъ заѣхалъ въ Венецію. Ему предстояло предложить Республикѣ помощь Кипра въ борьбѣ съ турками, а также коснуться вопроса о королевскомъ бракѣ. Намъ неизвѣстно въ точности, въ какой формѣ были сдѣланы эти представленія. Повидимому, Гонемъ не пошелъ дальше нѣкоторыхъ неопредѣленныхъ намековъ и просьбы указать на наилучшую партію. Сенаторы отвѣтили Гонему 11 декабря 1466 года. Они обратили его вниманіе на дочь деспота Ѳомы и поставили ему на видъ всѣ преимущества союза съ нею. Собственно, дѣло сводилось къ блеску ея имени и славѣ предковъ Зои. Конечно, это являлось плохою защитой противъ оттоманскаго флота, уже бороздившаго воды Средиземнаго моря. Поэтому, какъ люди осторожные, сенаторы предоставляли все на благоусмотрѣніе короля, полагаясь на его мудрость.

Гонему понравилось это предложеніе. Можетъ быть, оно ему, дѣйствительно, показалось выгоднымъ, а, можетъ быть, оно отвѣчало желаніямъ и самого короля. Во всякомъ случаѣ, онъ занялся этимъ дѣломъ въ Римѣ при первой же возможности. Но самою настоятельной заботою посла было упорядоченіе отношеній съ духовной властью. Самого его обвиняли въ убійствѣ; далѣе,—онъ внушалъ подозрѣнія въ качествѣ друга короля; наконецъ, безусловно не по праву онъ владѣлъ Никозійскимъ епископскимъ престоломъ. Состоя подъ духовнымъ запрещеніемъ, онъ, понятно, не могъ дѣлать никакихъ оффиціальныхъ шаговъ, пока не получитъ полнаго отпущенія грѣховъ. Папа согласился дать Гонему это отпущеніе подъ условіемъ, что онъ признается въ содѣянныхъ грѣхахъ и принесетъ покаяніе. Для этой цѣли былъ назначенъ папскимъ комиссаромъ кардиналъ Никейскій, 11 апрѣля 1467 г. пять свидѣтелей были приглашены въ покои Виссаріона въ „Santi-Apostoli“. Между ними находились два епископа—Ѳома Тарентскій и Аѳанасій Герасскій. Въ ихъ присутствіи съ Гонема было снято запрещеніе. Онъ примирился съ Церковью. Отнынѣ послу Іакова открывался доступъ всюду.

Въ концѣ того же мѣсяца, а именно 24 числа, Священная Коллегія собралась для разсмотрѣнія Кипрскаго вопроса. Судя по продолжительности совѣщанія, пренія были чрезвычайно оживленными. Кардиналы не выходили изъ засѣданія цѣлыхъ семь часовъ. Результаты обсужденія были не слишкомъ благопріятны для посланника. Рѣшено было не давать королевскаго титула Іакову, доколѣ онъ не установитъ какого-либо соглашенія съ сестрою своей, Шарлоттою. Что же касается до самого Гонема, то и его не утвердили въ правахъ на Никозійскую епархію, чего такъ желалъ его государь. Эти свѣдѣнія сообщаетъ намъ Франческо Гонзага, двоюродный братъ Шарлотты. Онъ присутствовалъ на засѣданіи. Но и онъ ни слова не говоритъ о бракѣ съ Зоей.

А, между тѣмъ, изо всѣхъ порученій, данныхъ Гонему, то было, пожалуй, наиболѣе осуществимое. Не одни только родственники и друзья Палеологовъ одобряли мысль о бракѣ принцессы съ королемъ кипрскимъ; самъ папа, повидимому, раздѣлялъ такое мнѣніе. Во всякомъ случаѣ, Виссаріонъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать Іакова предметомъ папскаго благоволенія и милостей. Нимало не смущаясь, онъ безъ запинки величаетъ его королемъ и подтверждаетъ всѣ свои обѣщанія въ нотаріальныхъ актахъ. Незаконное рожденіе Іакова не кажется кардиналу препятствіемъ. Пятно это исчезло въ блескѣ великаго имени. Виссаріона такъ мало заботило это обстоятельство, что онъ готовъ былъ приписать самому себѣ долю иниціативы въ матримоніальныхъ замыслахъ Іакова. Онъ говоритъ: «Благородство дома Лузиньяновъ привлекло мои взоры; я вспомнилъ о давнишней дружбѣ между императорами Византіи и королями кипрскими, о недавнемъ союзѣ Іоанна II и Елены Палеологъ—и отдалъ предпочтеніе королю Іакову».

Какъ мы видимъ, предполагаемый бракъ пріобрѣталъ характеръ союза, заключаемаго по высшимъ политическимъ соображеніямъ. Тутъ не могло быть и рѣчи о взаимномъ расположеніи: заинтересованныя лица никогда не видали другъ друга. Но, все-таки, дѣло было такого свойства, что сочтено было необходимымъ, хотя бы для виду, освѣдомиться о желаніяхъ Зои. Ей сообщили о предполагавшемся бракѣ въ ея домѣ на Кампо Марціо, въ присутствіи ея братьевъ, нѣсколькихъ свидѣтелей и нотаріуса. Зоя дала свое согласіе и выразила полное довѣріе къ выбору Никейскаго кардинала и къ совѣтамъ родныхъ и друзей.

Однако, приходилось опасаться затрудненій чисто матеріальнаго свойства. За неимѣніемъ у принцессы сноснаго приданаго, какъ мы знаемъ, разстроилась ея первая партія. Обстоятельства съ тѣхъ поръ ничуть не измѣнились къ лучшему. Естественно является вопросъ,—не предъявитъ ли король Кипрскій тѣхъ же требованій, что и итальян-

скій маркизъ. Виссаріонъ находилъ, что достаточно родовитости, красоты, ума,—словомъ, личныхъ качествъ невѣсты. Тѣмъ не менѣе, и онъ хлопоталъ о томъ, какъ бы обезпечить ее хоть какими-нибудь средствами. Онъ готовъ былъ заложить для этого все свое добро, движимое и недвижимое, равно какъ и то, чѣмъ владѣли Андрей и Мануилъ, братья Зои.

Все это обсуждалось въ Римѣ. Чтобы лучше столковаться съ Іаковомъ, Виссаріонъ рѣшилъ отправить къ нему на о. Кипръ спеціальнаго посла. Для этого онъ выбралъ Аѳанасія Карчіофило, епископа Герасскаго, о которомъ уже упоминалось выше. То былъ старый другъ кардинала, родомъ изъ Константинополя. Онъ голосовалъ за Унію во Флоренціи и въ теченіе тридцати семи лѣтъ управлялъ епархіей, довѣренной ему Піемъ II. Съ согласія Зои, ему даны были самыя широкія полномочія для выработки условій брака. Онъ могъ давать всѣ обѣщанія, какія только найдетъ нужными. Лишь бы онъ былъ увѣренъ, что ихъ можно исполнить. Отъѣздъ Аѳанасія въ Никозію былъ уже такъ близокъ, что онъ поручилъ Виссаріону заботы о своей епархіи. Тотъ, со своей стороны, передалъ ихъ епископу Тропейскому, Бальби. Всѣ эти договоры были заключены у нотаріуса. Они помѣчены 3, 5 и 7 мая 1467 г.

Повидимому, дѣло близилось къ концу, когда вдругъ переговоры были рѣзко прерваны. Мы не знаемъ причинъ этой неожиданной перемѣны. Нѣкоторые намекаютъ на романъ. Патриціанская фамилія Корнаро поддерживала частыя сношенія съ островомъ Кипромъ. Оба брата, Маркъ и Андрей, давали взаймы Іакову Лузиньяну большія суммы денегъ. Когда Андрей былъ изгнанъ изъ Венеціи, онъ удалился въ Никозію и сталъ королевскимъ аудиторомъ. Онъ не разъ говорилъ о красотѣ своей племянницы Екатерины и заинтересовалъ ею Іакова. Похвалы дяди не были преувеличены. Джентиле Беллини, Тиціанъ и Паоло Веронезе соперничали между собою, изображая Екатерину съ ея

черными и блестящими глазами, бѣлымъ и румянымъ лицомъ, со всею роскошью ея тѣла. Красавица эта напоминала Юнону древнихъ. Повидимому, Іаковъ былъ не такой человѣкъ, чтобы оставаться равнодушнымъ къ этимъ прелестямъ.

Но, можетъ быть, еще больше къ этому браку привлекала его надежда на пріобрѣтеніе могущественныхъ союзниковъ. Король Кипрскій былъ беззащитенъ противъ турокъ. Его тѣснили генуэзцы, которыхъ онъ прогналъ изъ Фамагусты, и герцогъ Савойскій, тесть Шарлотты. Въ Римѣ его угощали только ласковыми рѣчами. Можетъ быть, Венеція послужитъ ему болѣе надежной опорой? Венеціанскіе лѣтописцы опредѣленно утверждаютъ, что Іаковъ преслѣдовалъ въ бракѣ съ Екатериной политическую цѣль. Но и у Сеньеріи были крайне важныя основанія желать его союза съ дѣвицей Корнаро. Легко можно допустить, что она и устроила этотъ бракъ.

Во всякомъ случаѣ, 10 іюля 1468 г. въ Венеціи было совершено обрученіе.

Молодая и прекрасная патриціанка получила въ приданое сто тысячъ дукатовъ. Она была объявлена дочерью республики, въ ожиданіи того времени, когда новые подданные дадутъ ей болѣе лестный титулъ Кипрской Венеры. Во всѣхъ этихъ комбинаціяхъ, очевидно, проявлялось дѣйствіе какихъ-то скрытыхъ вліяній. Тайные замыслы обнаружились въ тотъ день, когда Іаковъ II трагически погибъ во цвѣтѣ лѣтъ, а Екатерина принуждена была отказаться отъ престола. 25 февраля 1489 г. надъ Никозіей уже развѣвалось знамя св. Марка. Островъ Кипръ былъ отличнымъ стратегическимъ пунктомъ и торговой станціей. Онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы отстаивать свои права и неизбѣжно долженъ былъ сдѣлаться добычею воинственнаго и предпріимчиваго города.

Кипрскіе лѣтописцы упоминаютъ еще о другихъ попыткахъ Іакова II овладѣть рукою Зои. Они относятъ ихъ къ 1471 и 1472 г., что является очевидною ошибкой. Ве-

нація не спускала глазъ съ кипрскаго короля. Она ревниво слѣдила за всѣмъ, что происходило около него. При первомъ намекѣ на интриги со стороны Неаполя съ цѣлью разстроить бракъ, Іакову было сдѣлано серьезное внушеніе. Оно возымѣло свое дѣйствіе, и Екатерина отбыла въ Никозію въ 1472 г. *).

Съ другой стороны, уже съ 1458 г. Виссаріонъ лелѣялъ болѣе широкіе замыслы. Возникала новая комбинація. Она погружаетъ насъ уже въ славянскій міръ и ставитъ лицомъ къ лицу съ двумя итальянцами, которые не мало способствовали браку Зои съ Великимъ Княземъ московскимъ.

II.

Россія XV в. называлась Бѣлою Русью. Истинное значеніе этого слова—великая, древняя, истинная. Она не вела частыхъ сношеній съ Западомъ. Только у Ганзы были конторы въ Новгородѣ, еще славномъ своею свободой и богатствами. Рѣдкіе путешественниками проникали внутрь страны, да нѣсколько европейцевъ поселились въ Москвѣ. Между ними первое мѣсто занимали два итальянца, Джьанъ Баттиста делла Вольпе и Антоніо Джисларди. Въ русскихъ лѣтописяхъ они упоминаются подъ именами Ивана и Антона Фрязина. Собственно, слово Фрязинъ, родственное имени Франкъ, является только обозначеніемъ иностранца латинской расы.

Вольпе былъ родомъ изъ Виченцы и происходилъ изъ почтеннаго и стариннаго семейства нѣмецкихъ выходцевъ. Оно пользовалось извѣстнымъ достаткомъ и дало странѣ выдающихся законниковъ и храбрыхъ воителей. Въ оффи-

*) Венеціанск. Арх. Sen. Secr. t. XXIII, f, 18—Gonzaga, Busta n° 843, Римъ, 1467 г., 26 апр.—Ватиканск., Арх. XXXIV, t. XII, f. 6 v°; t. VI, f. 42 v° —45.—Mas Latrie, *Hist.* t. III, p. 173, 182, 307.—Mél. Hist., t. V, p. 432.—Sathas, Μεσ. Βι β. λ. t. II, p. 474.

ціальныхъ бумагахъ всѣ они называются *civis*, иногда даже *nobilis, eques*. Гербъ этой фамиліи отличался выразительностью: по голубому полю крадется золотая или серебряная лисица. Отецъ Джьанъ Баттиста носилъ имя Бандини а Вольпе, мать звали Элизіей. У него было два брата, Карло и Николо. Сестра его, замужемъ за нѣкимъ Ангарано, питала къ нему нѣжную привязаность. Въ 1459 г. она написала завѣщаніе, на которомъ лежитъ печать глубокаго благочестія. Не забывая церкви и бѣдныхъ, сестра дѣлитъ все поровну между братьями. Она желаетъ, чтобы доля Джьанъ Баттиста была отдана на храненіе въ вѣрныя руки, доколѣ онъ не вернется изъ Россіи или не пришлетъ уполномоченнаго. Одинъ изъ членовъ этой фамиліи, Тревизано Вольпе, владѣлъ въ окрестностяхъ Виченцы прекрасной и обширной виллой, гдѣ не отказались бы жить, князья. Въ 1455 году и при какихъ обстоятельствахъ— неизвѣстно, Вольпе отправился искать счастья къ татарамъ, вѣроятно, въ сторону Каффы. Затѣмъ онъ попалъ къ русскимъ. Скоро мы увидимъ, что это былъ авантюристъ, лукавый и увертливый, съ покладливой совѣстью, любитель смѣлыхъ предпріятій и крайне неразборчивый въ средствахъ. Изъ мѣстныхъ лѣтописей мы узнаемъ, что въ 1469 г. онъ проживаетъ въ Москвѣ, вхожъ въ Кремль, чеканитъ монету для великаго князя Ивана III. Какъ чеканщика, москвичи его особенно цѣнили: они еще не были знакомы съ тайнами металлургіи, а имъ предстояло овладѣть Пермью. Ея баснословные серебряные рудники давно были предметомъ ихъ мечтаній. Важная подробность: по принужденію или же добровольно, но Вольпе перекрестился въ Москвѣ, съ тѣмъ, чтобы, при надобности, все-таки именовать себя католикомъ. Кощунственное повтореніе таинства Крещенія, о которомъ упоминается въ русскихъ источникахъ, было однимъ изъ обычаевъ, вѣрнѣе—заблужденій той эпохи. Да и въ наши дни константинопольскіе греки отъ него еще не отказались.

Къ фамиліи Вольпе была близка семья Джисларди,

также очень уважаемая въ Виченцѣ. Уже съ XIII вѣка многіе ея члены отличались талантами, богатствомъ, знатностью. Въ гербѣ этого дома былъ медвѣдь, держащій посохъ, и пять звѣздъ: три вверху, двѣ по бокамъ. Антоніо Джисларди былъ племянникомъ Джьанъ Баттиста Вольпе, его товарищемъ по изгнанію и вѣрнымъ помощникомъ. Онъ исколесилъ всю Европу, отъ Неаполя до Москвы, побывалъ и въ Германіи, и въ Польшѣ, и въ Венгріи, покане сталъ *collaterale* въ Зарѣ. Столь значительный постъ не мѣшалъ Антоніо заниматься науками. Его водопроводныя работы доставили ему въ Италіи нѣкоторую извѣстность. Многіе города прибѣгали къ его помощи. Между прочимъ, городъ Падуа поручилъ Антоніо въ 1492 г. урегулировать теченіе Бренты. По этому случаю Венеціанскій Сенатъ выдалъ ему двадцатипятилѣтнюю привилегію для новыхъ изобрѣтеній. Мы увидимъ впослѣдствіи, что Антоніо приметъ живое участіе въ предпріятіяхъ Вольпе. Но сначала на сценѣ дѣйствуютъ другія лица.

Около середины 1468 г. два посла отъ Вольпе появились въ Римѣ. Одинъ, по имени Николо Джисларди, былъ сродни самому Вольпе. Насколько близко было это родство, мы сказать не можемъ. Другой былъ грекъ, по имени Георгій или, по славянскому произношенію, Юрій. По какому праву простой чеканщикъ великаго князя посылалъ посредниковъ въ Италію? Что привело ихъ въ Ватиканъ? Объ этомъ умалчиваютъ римскіе источники. Они сообщаютъ намъ только слѣдующее: 9 іюня 1468 г. папа Павелъ II назначилъ выдать посламъ Вольпе, «обитающаго въ Москвѣ», около 41 флорина на путевыя издержки. На другой же день они и получили эту сумму *). Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, откуда возникаютъ эти сношенія: иниціатива принадлежитъ Москвѣ, а условія, при которыхъ они происходятъ—совершенно исключительныя. Извѣстно, какъ трудно было иностранцамъ, находившимся

*) Ватик. Арх., *Exitus*, t. 172, f. 173 vo.

на службѣ у государей московскихъ, уѣхать изъ Россіи. Когда они покидали ее даже на короткій срокъ,—имъ ставились всевозможныя препятствія. Если Вольпе такъ свободно сообщался съ заграницей и даже снаряжалъ пословъ—это значило, что великій князь дѣйствуетъ съ нимъ заодно, и что въ виду имѣется серьезная цѣль.

Дѣйствительно, на очереди былъ вопросъ чрезвычайной важности.. Мы узнаемъ объ этомъ изъ русскихъ источниковъ, такъ какъ Юрій не замедлилъ вернуться въ Россію. На этотъ разъ его сопровождалъ уже не Николо, а Антоніо Джисларди и Карло Вольпе. Лѣтопись такъ передаетъ объ этомъ событіи: 11 февраля 1469 г. одинъ грекъ, по имени Юрій, явился въ Москву посломъ отъ Виссаріона. Византійскій кардиналъ писалъ великому князю Ивану III, что въ Римѣ живетъ «православная христіанка» по имени Софія, дочь бывшаго морейскаго деспота, Ѳомы Палеолога. Изъ отвращенія къ латинству она уже отказала двумъ западнымъ государямъ—королю Франціи и миланскому принцу. Но великому князю нечего опасаться чего-либо подобнаго: если онъ пожелаетъ взять княжну въ супружество, ее незамедлятъ отправить въ Москву. Въ то же время, прибавляетъ лѣтописецъ, прибыли двое другихъ итальянцевъ, или по московскому обозначенію, два фрязина, Карло и Антоніо, братъ и племянникъ Ивана Фрязина.

Это свидѣтельство принадлежитъ перу неизвѣстнаго компилятора и заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Съ перваго же взгляда поражаетъ въ немъ тенденція скрыть, что инпціатива сношеній исходила отъ Москвы. Можно подумать, что Юрій присланъ былъ непосредственно изъ Рима. На самомъ же дѣлѣ, онъ отправился въ Римъ изъ Москвы и теперь возвращался обратно. Что касается подробностей, то онѣ не выдерживаютъ критики. Прежде всего, Зоя еще не принимала имени Софіи. Затѣмъ ни Людовикъ VI, женившійся вторично въ 1452 г. на Шарлоттѣ Савойской, ни неукротимый Галеацо Сфорца не претендовали на руку

царственной сироты. Кромѣ того, Зоя настолько мало ненавидѣла латинцевъ, что согласилась на бракъ съ королемъ Кипра, маркизъ же Мантуанскій самъ отъ нея отказался. Также нельзя допустить, чтобы прямой и правдивый Виссаріонъ, столь преданый латинству, и много говорившій объ этомъ Зоѣ, отрекся отъ него передъ Москвою. Однако, самая суть разсказа остается неоспорима.

Мы уже видѣли, что всякій разъ, какъ только дѣло касалось брака Зои—будь это съ итальянскимъ принцемъ или съ кипрскимъ королемъ,—ея опекунъ тотчасъ заинтересовывался этимъ вопросомъ. Ясно, что онъ считалъ это своей обязанностью. Что касается брака Зои съ Иваномъ III, то самъ кардиналъ Никейскій утверждаетъ, будто союзъ этотъ былъ предметомъ его отеческихъ заботъ. Такъ сказано будетъ въ посланіи Виссаріона отъ 10 мая 1472 г., рѣчь о которомъ ниже. Кардиналъ связанъ былъ дружбою съ Исидоромъ. Послѣдній, вѣроятно, могъ дать ему свѣдѣнія и о военныхъ силахъ Руси, и о ея ненависти къ туркамъ, и о возможности использовать эту вражду. Кромѣ того, съ политической точки зрѣнія, выгоды этого брака были слишкомъ очевидны. Онѣ не могли ускользнуть отъ вниманія просвѣщеннаго патріота, непримиримаго врага полумѣсяца. Супругъ Зои могъ стать новымъ союзникомъ противъ невѣрныхъ, могущественнымъ защитникомъ Византіи.

Но какіе же мотивы руководили въ данномъ случаѣ великимъ княземъ московскимъ? Иванъ III является въ исторіи чрезвычайно опредѣленной фигурой. Правда, онъ ничего не имѣлъ общаго съ рыцарями Круглаго стола. Но въ высшей мѣрѣ онъ обладалъ всѣми достоинствами и недостатками государей своей расы. Онъ продолжалъ ихъ дѣло собиранія земли съ неуклоннымъ постоянствомъ и неумолимой энергіей. Въ то же время, подобно имъ, онъ оставался покорнымъ слугою татарскихъ хановъ. Иванъ не вѣдалъ колебаній въ выборѣ средствъ, не зналъ привязанности и жалости къ сородичамъ и подданнымъ. У

него была одна забота: укрѣпить свою власть, создать единую и грозную державу, хотя бы цѣною обильно пролитой русской крови. Не мечталъ ли внукъ Калиты объ Имперіи? Не посѣщали ли его пророческія видѣнія будущаго величія Россіи? Былъ ли онъ во власти безотчетныхъ влеченій, или руководился эгоистическими расчетами? Не соблазняла ли, наконецъ, московскаго государя мечта стать деспотомъ въ азіатскомъ духѣ? Во всякомъ случаѣ, Иванъ III преступилъ традиціонныя границы своей власти и явился создателемъ самодержавія. Это значитъ, что онъ положилъ начало личному, произвольному и абсолютному правленію. Это дало ему возможность въ концѣ своего княженія распорядиться короною по своему усмотренію, отнявъ ее у законнаго наслѣдника и возложивъ на любимаго сына.

Что касается русскихъ людей, то они должны были скорѣе радоваться, нежели изумляться браку Ивана съ греческой царевной. Союзъ подобнаго рода являлся не первымъ въ лѣтописяхъ страны: не говоря уже о Владимірѣ, супругою котораго была гречанка,—императоръ Іоаннъ VIII, дядя Зои, былъ женатъ на русской. Но, если здѣсь и не было мѣста удивленію, то, во всякомъ случаѣ, была польщена національная гордость. Несмотря на недавнія злоключенія, Византія не утратила своей славы. Съ Царьградомъ соединялись воспоминанія, связывались надежды. У Ивана III отъ умершей княжны Маріи Тверской былъ только одинъ сынъ. Интересы династіи принуждали государя ко вторичному браку. Въ то же время пропасть, уже зіявшая между деспотомъ и его подданными, заставляла предпочесть невѣсту иноземку соотечественницамъ.

Раньше, чѣмъ дать опредѣленный отвѣтъ греку Юрію, великій князь желалъ посовѣтоваться со своими боярами, матерью своей Маріей и митрополитомъ Филиппомъ. Иванъ еще хранилъ старинные обычаи. При этомъ, вѣроятно, ему пришлось о многомъ умолчать, кое о чемъ не договорить. Правдивое объясненіе истиннаго положенія вещей вы-

звало бы цѣлую бурю въ совѣтѣ. Можетъ быть, раздались бы и сочувствующіе голоса. Но глава русской церкви, митрополитъ Филиппъ, враждебно относился къ папамъ и жестоко ненавидѣлъ «латинскую ересь». Онъ ни за что не согласился бы на бракъ Ивана съ принцессой, которую Виссаріонъ считалъ горячей сторонницей флорентійской Уніи. Къ сожалѣнію, лѣтопись наша крайне лаконична. Она сообщаетъ только, что предполагаемый бракъ вызвалъ всеобщее сочувствіе. Одно только обстоятельство проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на все это дѣло. Былъ назначенъ посолъ, чтобы ѣхать въ Римъ смотрѣть невѣсту, привезти ея портретъ и продолжать сватовство. И посолъ этотъ — тотъ самый Джьанъ Баттиста делла Вольпе, который посылалъ къ папѣ грека Юрія, поддерживалъ сношенія со своими родными въ Виченцѣ и имѣлъ доступъ въ Кремль. Во всемъ этомъ сватовствѣ, съ самаго его начала, видно участіе хитраго итальянца. Онъ является тайнымъ руководителемъ этой затѣи, держитъ въ рукахъ всѣ ея нити и управляетъ ими съ большою ловкостью и всегда съ пользою для себя.

Всѣ свѣдѣнія о первомъ путешествіи Вольпе мы почерпаемъ изъ русскихъ лѣтописей. Къ нему относится только одна папская грамота отъ 14 октября 1470 г. Въ то время папскій престолъ былъ занятъ Павломъ II, котораго гуманисты преслѣдовали своей ненавистью. Непосредственный предшественникъ Павла былъ озабоченъ мыслью поднять Европу противъ оттомановъ. Смерть застала его за этимъ дѣломъ,—и все разстроилось. Событія не замедлили поставить новаго папу лицомъ къ лицу съ грознымъ восточнымъ вопросомъ. Могло быть только одно его рѣшеніе, т.-е. жестокая борьба. Чтобы заставить свою паству обратить оружіе противъ внѣшняго врага, папа провозгласилъ 2 февраля 1468 г. общее перемиріе въ Италіи. Венеція, Неаполь, Миланъ и Флоренція были принуждены въ теченіе тридцати дней заключить миръ. Это и было сдѣлано въ Римѣ, 8 мая. Несмотря на всѣ эти мѣры, война съ турками

налаживалась необыкновенно туго. Кондотьеръ Коллеоне, предполагаемый вождь крестоносцевъ, такъ и не попалъ на Востокъ. Повидимому, онъ не стремился затмить славу Готфрида Бульонскаго. Между тѣмъ, воинственные планы все больше и больше сближали папу съ Виссаріономъ, неутомимымъ проповѣдникомъ борьбы съ турками. Вліяніе византійскаго кардинала все росло. Подобныя обстоятельства чрезвычайно благопріятствовали проекту брака, отъ котораго могло зависѣть усиленіе антиоттоманской лиги. Вольпе былъ слишкомъ уменъ, чтобы не использовать столь счастливаго случая. Къ сожалѣнію, узкій кругозоръ русскихъ лѣтописцевъ мѣшалъ имъ охватить это дѣло во всѣхъ подробностяхъ. Они лаконически сообщаютъ что дочь деспота Ѳомы немедленно дала свое согласіе на бракъ, лишь только узнала, что великій князь исповѣдуетъ «православную христіанскую» вѣру. Со своей стороны, папа присовокупилъ только одно, очень легкое условіе: онъ просилъ, чтобы въ Римъ прислали нѣсколько «бояръ» за невѣстой, когда она отправится на свою новую родину. Ловкій Вольпе былъ осыпанъ почестями и отличіями. Онъ получилъ отъ Павла II пропускъ, дѣйствительный на два года. Съ нимъ русскіе послы могли безпрепятственно разъѣзжать по всѣмъ странамъ, «принесшимъ клятву папѣ». Этотъ наивный по формѣ разсказъ имѣетъ историческое основаніе. Папа, дѣйствительно, послалъ грамоту польскому королю Казиміру IV. Въ ней онъ просилъ о свободномъ пропускѣ московскихъ пословъ, направляющихся въ Римъ *).

Въ концѣ того же 1470 г. произошелъ инцидентъ, который тѣсно связанъ съ интересующимъ насъ дѣломъ Софіи. Проводивши грека Юрія въ Москву, Антоніо Джисларди въ ноябрѣ или декабрѣ вошелъ въ Венеціанскій Сенатъ съ заманчивымъ предложеніемъ. Джьанъ Баттиста делла Вольпе, какъ мы знаемъ, шестнадцать лѣтъ тому назадъ

*) *Русск. лѣт.*, т. VI, стр. 7, 34—37.—*Полн.собр.*, т. VI, стр. 196.—Raynaldi, t. XXIX, p. 480.

покинулъ родину. Сначала онъ жилъ въ Татаріи, а затѣмъ въ Москвѣ. По словамъ Джисларди, его дядя глубоко былъ огорченъ потерей дорогого для Венеціи Негропонта, недавно взятаго турками. Добровольный изгнанникъ желалъ притти на помощь своей родинѣ противъ невѣрныхъ. Онъ предлагалъ Венеціи заключить союзъ съ татарами Золотой Орды. Ханъ Ахматъ поклялся выставить противъ турокъ двѣсти тысячъ конницы. Для подкрѣпленія своихъ словъ Джисларди ссылался на инструкціи Вольпе и на письмо татарскаго хана. Можетъ быть, Сеньерія не откажется отъ *столь полезнаго союзника?* Замѣтимъ, что скромный племянникъ благоразумно умалчивалъ о путешествіяхъ дяди въ Италію и о его матримоніальныхъ переговорахъ. А, между тѣмъ, ему было все отлично извѣстно. Русскіе источники сообщаютъ намъ, что Джисларди вернулся въ Москву съ отвѣтомъ касательно Зои. Ему были выданы папскіе пропуски не только на два года, а до «скончанія вѣковъ».

Какъ ни было рискованно предложеніе Вольпе, оно вполнѣ мирилась съ политическими нравами венеціанцевъ. Война съ турками шла съ 1463 г. и сопровождалась рядомъ неудачъ. Венеція теряла цвѣтущія владѣнія; восточная торговля ея подвергалась опасности; военный бюджетъ республики все возрасталъ, а лучшіе воители ея какъ Бертоло д'Эсте, Витторе Капелло, Барбариго, погибли на поляхъ сраженій. Не было ни малѣйшей надежды заключить не *только выгодный, но даже сносный миръ.* Но гордая республика не хотѣла слагать оружія. Она упрямо выпускала свои галеры въ оттоманскія воды и продолжала бороться. Во время разгара войны въ Морѣ возникла было мысль умертвить султана. Наемные убійцы уже предлагали свои услуги, и Совѣтъ Десяти золотомъ соблазнялъ ихъ. Ловкіе агитаторы съ большими издержками отправлялись въ самую глубь Азіи, чтобы возмутить грузинъ и персовъ противъ турокъ. Союзомъ съ татарами пренебрегать не приходилось. Однако, такое серьезное рѣшеніе не могло быть принято

сразу. Четыре мѣсяца Джисларди напрасно ждалъ отвѣта. Подобная медлительность показалась ему признакомъ недовѣрія. Онъ попросилъ провѣрить оффиціально его утвержденія. Затѣмъ можно будетъ либо продолжать и благополучно кончить переговоры, либо совершенно ихъ прекратить. Эта мысль понравилась. 2 апрѣля 1471 г. Сенатъ рѣшилъ отправить въ Золотую Орду своего секретаря, Джьанъ Баттиста Тревизана. При голосованіи этого предложенія за него было подано 119 голосовъ противъ двухъ при двухъ же воздержавшихся. На путевыя издержки посла было ассигновано триста дукатовъ сверхъ годичнаго его жалованья. Если бы не ужасное разстояніе, Сеньерія отправила бы настоящее посольство. Тревизану предстояло объяснить это Хану, принести ему извиненія, разсыпаться въ похвалахъ его военной доблести, и, наконецъ, презентовать Ахмату шестнадцать локтей сукна, цѣною около девяноста шести дукатовъ. Венеціанская щедрость не простиралась дальше этого скромнаго дара. Никакихъ денежныхъ посуловъ не было дано корыстной ордѣ. А, между тѣмъ, она никогда не обнажала меча даромъ и не прочь была взять дань съ друга и недруга. Сеньерія желала имѣть самыя точныя свѣдѣнія. Она поручила своему послу внимательно изучить природу страны, ея положеніе и рессурсы. Въ то же время ему предложено было сдѣлать наблюденія надъ нравами жителей, ихъ характеромъ и сношеніями. Возлагались большія надежды на разумную и преданную помощь Вольпе. Тревизанъ съ Джисларди должны были заѣхать въ Москву. Тамъ имъ предстояло вручить оффиціальное посланіе иниціатору татарскаго союза, столковаться съ нимъ относительно подробностей путешествія и только тогда ѣхать въ Золотую Орду. Оттуда посолъ отправитъ свои донесенія Сенату *).

Пока въ Венеціи шли переговоры о союзѣ съ татарами,

*) Венеціанск. Арх. *Sen. Secr.* t. XXV, f. 8 v° 11, 21.—Berchet, Relazione, p. 3.—Ламанскій, стр. 16—18.

Вольпе продолжалъ въ Москвѣ дѣло о сватовствѣ. Вскорѣ послѣ своего пріѣзда онъ сообщилъ Ивану отвѣты папы. Снова въ Кремлѣ былъ собранъ совѣтъ. Онъ принялъ всѣ римскія предложенія. Весьма вѣроятно, что изворотливость посредника облегчила сношенія. Но не свидѣтельствовала ли эта необыкновенная сговорчивость, столь чуждая московскимъ нравамъ, что здѣсь слѣдовали заранѣе обдуманному плану? При данныхъ условіяхъ, оставалось только ѣхать за Зоей въ Римъ. Естественно, что эта лестная миссія выпала на долю того, кто такъ удачно выполнилъ первую. Великій князь отправлялъ письма кардиналу Виссаріону и папѣ Каликсту. Этимъ именемъ русскіе звали преемника Павла II, умершаго 28 іюля 1471 г. Лѣтопись наивно прибавляетъ, что послы Ивана дорогой навели болѣе точныя справки, выскоблили имя Каликста и вписали настоящее имя папы—Сикстъ IV.

Вольпе выѣхалъ въ Италію 17 января 1472 г. Именъ его спутниковъ лѣтопись намъ не сохранила. Первыя свѣдѣнія о московскомъ посланникѣ исходятъ отъ Венеціи. Они не предвѣщаютъ ничего хорошаго. 27 апрѣля сенаторы рѣшили вернуть Тревизана. На обратный путь ему ассигновали полтораста дукатовъ. Эта мѣра была вызвана донесеніями изъ Москвы. Несчастный секретарь жаловался, что Вольпе совершенно его покинулъ. Онъ не могъ выполнить своей миссіи безъ его поддержки, такъ какъ не зналъ мѣстнаго языка. Странное поведеніе Вольпе подтверждало эти обвиненія. Въ это время онъ какъ разъ пересѣкалъ Италію, направляясь въ Римъ. Онъ какъ бы намѣренно миновалъ Венецію, гдѣ имъ самимъ были подняты столь серьезные вопросы.

Но въ другихъ мѣстахъ счастье было благосклоннѣе къ московскому послу. Въ первыхъ числахъ мая онъ встрѣтился въ Болоньѣ съ Виссаріономъ, ѣхавшимъ во Францію. Кардиналъ былъ удрученъ бременемъ лѣтъ, недуговъ и заботъ. Онъ долго колебался, прежде чѣмъ принять на себя эту миссію. Венеціанцы великодушно его

предупредили, что онъ рискуетъ своей жизнью. Но, тѣмъ не менѣе, славный ветеранъ рѣшился подвергнуть себя опасностямъ долгаго пути. Можетъ быть, онъ уступалъ настояніямъ Сикста IV, убѣдительному письму Людовика XI и патетическимъ мольбамъ Фише. А, можетъ быть, его окрыляла надежда увлечь Францію въ крестовый походъ. Виссаріону предстояло дѣйствовать въ интересахъ Церкви и возвысить свой мощный голосъ, призывая народы сразиться за Христа. Но среди поглощающихъ заботъ, кардиналъ оставался вѣренъ себѣ. Какъ другъ просвѣщенія, онъ мечталъ пополнить свою великолѣпную коллекцію твореній св. Августина. Въ качествѣ опекуна Палеологовъ, онъ заботился о будущности Зои, о ея бракѣ съ могущественнымъ властителемъ сѣвера. Мы имѣемъ трогательное доказательство этой заботы въ письмѣ, отправленномъ сіеннцамъ 10 мая 1472 г., послѣ свиданія съ Вольпе. Виссаріонъ предполагалъ, что всѣ препятствія для этого брака будутъ устранены. Онъ уже видѣлъ принцессу на пути въ Москву и желалъ, чтобы ея путь по Италіи былъ тріумфальнымъ шествіемъ. Она должна явиться къ русскимъ, какъ дочь великой расы, чтимой западными народами. «Мы встрѣтились въ Болоньѣ»,—пишетъ Виссаріонъ сіеннскимъ пріорамъ,—«съ посланнымъ государя Великой Россіи, отправлявшимся въ Римъ для заключенія отъ имени своего господина брачнаго договора съ племянницей императора Византійскаго. Это дѣло является предметомъ нашихъ заботъ и желаній. Мы всегда преисполнены были расположенія и состраданія къ византійскимъ государямъ, пережившимъ великую катастрофу. Мы сочли своимъ долгомъ притти имъ на помощь ради общей нашей связи съ отечествомъ и націей. Если невѣстѣ придется проѣзжать черезъ Сіенну, мы заклинаемъ васъ устроить ей блестящую встрѣчу, дабы ея спутники могли засвидѣтельствовать о любви къ ней итальянцевъ. Это придастъ ей особое значеніе въ глазахъ ея супруга, а вамъ сдѣлаетъ великую честь. Мы же навѣки пребудемъ

вамъ благодарными». Такое же посланіе было отправлено въ тотъ же день къ маркизу Эрколе д'Эсте. Въ Моденѣ и Реджьо онъ окружилъ самыми трогательными заботами путешественника-кардинала. Можно предположить, что Виссаріонъ отправилъ подобныя письма во многія мѣста. Болонцамъ же, сохранившимъ добрую память о своемъ прежнемъ легатѣ, онъ изложилъ свою просьбу лично *).

Ободренный такимъ успѣхомъ, Вольпе отправился въ Римъ. Въ концѣ мая 1472 г. мы видимъ его близъ воротъ вѣчнаго города, на высотахъ Монте-Маріо. Въ это время обсуждались предварительные вопросы этикета. Когда-то Павелъ II принялъ Вольпе очень милостиво. Казалось, посолъ Ивана могъ разсчитывать на такое же благоволеніе и со стороны Сикста IV. Послѣдній жилъ въ Римѣ еще кардиналомъ съ 1467 г. и долженъ былъ лично знать Палеологовъ. Притомъ предложенія Вольпе касались самаго жгучаго вопроса времени, къ которому никто не могъ оставаться равнодушнымъ... — Мелоццо да Форли такъ описываетъ намъ бѣднаго францисканскаго монаха, ставшаго папою. Сикстъ IV былъ средняго роста, сильнаго и плотнаго тѣлосложенія. Черты его лица были энергичны и крупны, на лбу лежали глубокія морщины, прорѣзанныя думами. Лишь только Сикстъ возложилъ на себя тіару, какъ обратился къ проекту антиоттоманской лиги. По улицамъ Рима то и дѣло проходили процессіи, взывавшія къ небесной помощи. Предполагалось созвать конгрессъ въ Мантуѣ или Анконѣ. Видя, что государи уклоняются и колеблются, папа отправилъ отъ себя 23 декабря 1471 г. пять легатовъ a latere къ главнѣйшимъ дворамъ Европы. Потомъ онъ вступилъ въ союзъ съ Неаполемъ и Венеціей, побуждалъ Узунъ-Гассана продолжать войну и выпустилъ буллу противъ турокъ. Онъ былъ искренно преданъ

*) *Русск. лит.*, т. VI, стр. 43.—Венеціанск. Арх., *Sen. Secr.*, т. XXV, f. 125, 89 v°.—Флорентійск., *Mediceo inn. il. princ.*, Filza XLVI, nos 143, 172.—Моденское, *Princ. est., Roma*, 9, 10, 13 мая 1472.—Legrand, *Cent dix Lettres*, p. 242.

Церкви и заботился о распространеніи истинной вѣры. Но возлагаемыя на папу надежды могли бы оправдаться въ большей степени, если бы къ политикѣ Сикста не примѣшался непотизмъ. Это тормазило добрыя намѣренія папы, направляло не въ ту сторону его усилія. Политическія условія требовали, чтобы Сикстъ IV создалъ себѣ вѣрную и преданную партію. И что же? Необыкновенной щедростью онъ располагалъ въ свою пользу собственныхъ родныхъ. Онъ не отдавалъ себѣ достаточно яснаго отчета ни въ цѣнѣ денегъ, ни въ моральной чистотѣ тѣхъ, кого обогащалъ. Всѣ бенефиціи сосредоточились въ рукахъ племянниковъ, а они слишкомъ часто дѣлали изъ своихъ богатствъ недостойное употребленіе. Кардиналъ Піетро Ріаріо умеръ двадцати восьми лѣтъ, оставивъ послѣ себя скандальную репутацію и славу безумной роскоши, которой не искупали его любовь къ просвѣщенію и милосердіе Злополучная война съ Феррарою была дѣломъ рукъ графа Джироламо, бездарность котораго равнялось лишь его честолюбію.

Удивительное дѣло! Въ этомъ вѣкѣ, столь богатомъ внимательными наблюдателями, посольство Вольне прошло почти незамѣченнымъ. Но тутъ мы предоставимъ слово Джьакомо Маффеи де Вольтерра. Насколько намъ извѣстно то былъ единственный современникъ. отмѣтившій этотъ фактъ и сообщившій о немъ нѣкоторыя подробности.

«Отцы», говорилъ онъ, «были приглашены сегодня (24 мая) въ совѣтъ по поводу прибытія пословъ Ивана, государя Бѣлой Россіи. Они явились прежде всего, чтобы почтить римскаго первосвященника, а затѣмъ заключить брачный договоръ съ дочерью прежняго Пелопонесскаго деспота. Со своими двумя братьями она покинула родину и жила въ Римѣ на иждивеніи апостольскаго престола. Посланники получили приказаніе остановиться въ одномъ домѣ на Монте-Маріо, откуда виденъ весь городъ, пока не будетъ принято рѣшеніе относительно брака и пріема посольства. По этому поводу возникли нѣкоторыя недо-

умѣнія. Свѣдѣнія о вѣрѣ рутеновъ оказывались недостаточными. Тѣмъ не менѣе, въ принципѣ, бракъ получилъ одобреніе».

Согласно высказанному русскими желанію было рѣшено чтобы помолвка была совершена въ соборѣ Петра и Павла съ участіемъ прелатовъ. Послы добились и того, чтобы приближенные папы и кардиналовъ вышли имъ навстрѣчу. Эти рѣшенія опирались на слѣдующіе мотивы. Нѣкогда рутены приняли флорентійскую Унію. Они имѣли латинскаго архіепископа, назначеннаго римскимъ престоломъ. Греки же при выборѣ іерарховъ обращаются къ константинопольскому владыкѣ. Въ настоящее время рутены просятъ, чтобы къ нимъ отправили посла для ознакомленія съ ихъ вѣрой, и исправленія того, что будетъ признано ошибочнымъ; они готовы выразить покорность римской Церкви. Далѣе— несмотря на ересь рутеновъ, браки съ ними, по законамъ римской Церкви, дѣйствительны. Наконецъ, блудные сыны могутъ быть возвращены на лоно истинной Церкви, если оказать имъ честь и благоволеніе.

«25-го мая послы князя появились въ секретномъ засѣданіи консисторіи и представили незапечатанную грамоту, написанную на небольшомъ листѣ пергамента. Она была снабжена подвижной золотой печатью и заключала только слѣдующія слова на языкѣ рутеновъ: «Князь Бѣлой Руси Иванъ, ударяя себя въ лобъ (бія челомъ?), шлетъ привѣтъ великому Сиксту, римскому первосвященнику, и проситъ оказать довѣріе его посламъ». Московскіе гости начали съ восхваленій папы, поздравляя его съ восшествіемъ на престолъ. Затѣмъ они разсказали о своемъ князѣ и отъ его имени повергли къ стопамъ апостола свое благоговѣніе. (Такое выраженіе было употреблено ими самими). Наконецъ, они преподнесли папѣ подарки, заключавшіеся въ мантіи и семидесяти собольихъ шкурахъ. Первосвященникъ выразилъ одобреніе князю, какъ христіанину. Онъ хвалилъ его за то, что тотъ принялъ флорентійскую Унію, никогда не ходатайствовалъ о назначеніи архіепископа

у константинопольскаго патріарха, возведеннаго въ санъ свой туркомъ, и выразилъ желаніе на бракъ съ христіанкой. воспитанной подъ сѣнію апостольскаго престола. Папа хвалилъ князя также и за то, что тотъ выразилъ римскому первосвященнику свое благоговѣніе, равносильное, по понятіямъ рутеновъ, заявленію о полной покорности. Была выражена благодарность и за подарки. Послы неаполитанскаго короля, послы Венеціи, Милана, Флоренціи и герцога феррарскаго, призванные къ папскому двору ради другихъ дѣлъ, присутствовали на этомъ торжествѣ».

Разсказъ римскаго лѣтописца согласенъ съ депешами пословъ Милана—Джьовани Арцимбольди, епископа Новарскаго, позже кардинала, и Никодемо Транчедини де Понтремоли. Вотъ, что они писали 25-го мая Галеаццо Сфорца: «Тогда папа приказалъ ввести посла русскаго князя. Въ нашемъ присутствіи посолъ громко выразилъ папѣ свое благоговѣніе въ такихъ выраженіяхъ, которыя равносильны были признанію полной покорности. Затѣмъ онъ преподнесъ папѣ двѣ связки собольихъ шкуръ всего около ста штукъ. Папа принялъ подарки съ удовольствіемъ. Послѣ многократныхъ знаковъ вниманія и милостивыхъ словъ, онъ еще разъ поблагодарилъ посла за то, что тотъ прибылъ отъ лица своего государя обручиться съ сестрой юныхъ деспотовъ, живущихъ въ Римѣ. Онъ назвалъ невѣсту дочерью апостольскаго престола и святой Коллегіи, такъ какъ она долгое время воспитывалась на средства Церкви. Поэтому папа выразилъ пожеланіе, чтобы помолвка была совершена въ базиликѣ главы апостоловъ. Хотя онъ и не назначилъ срока помолвки, но мы полагаемъ, что это произойдетъ въ ближайшемъ будущемъ». *)

Разсказъ Маффеи неоспоримъ тогда, когда дѣло идетъ о событіяхъ, происшедшихъ на его глазахъ. Будучи секре-

*) *Muratori* t. XXIII, col. 83). Миланск. Архивъ, *Potenze est. Roma*, 1472.

таремъ кардинала Амманати, онъ занималъ положеніе, которое давало ему возможность быть достаточно хорошо освѣдомленнымъ. Но нельзя съ такимъ же довѣріемъ относиться къ тому, что ускользало отъ непосредственнаго наблюденія Маффеи. Будучи, можетъ быть, жертвой ловкаго обмана, онъ допустилъ кое-какія ошибки, указать на которыя для насъ очень важно. Прежде всего припомнимъ, что Флорентійская Унія никогда не была принята въ Москвѣ. Наоборотъ, немедленно послѣ ея провозглашенія въ 1441 году, она была тамъ съ негодованіемъ отвергнута. Правда, булла Евгенія IV была поддержана въ Кіевѣ, въ этомъ религіозномъ центрѣ русскихъ областей Польши. Но области эти, образуя особую митрополію, въ 1458-мъ году признали главенство папы и совершенно отдѣлились отъ Москвы. Точно также великіе князья, непоколебимые въ своей вѣрѣ, никогда не просили у Рима ни латинскаго, ни какого-либо другого епископа. Если они и не обращались больше къ восточному патріарху, если митрополиты Ѳеодосій и Филиппъ, избранные русскимъ духовенствомъ, не искали болѣе утвержденія въ Византіи, то такое нарушеніе принятаго обычая свидѣтельствовало лишь о развитіи автономіи русской Церкви. Такая самостоятельность объяснялась трудностью сношеній и вовсе не влекла за собой разрыва іерархической связи съ Царьградомъ. Она ничего не давала папѣ. Наконецъ, самая снисходительная критика не можетъ допустить, чтобы великій князь Иванъ осмѣлился подчиниться святому Престолу или пожелалъ бы реформировать русскую Церковь при посредствѣ римскаго легата. Мы не находимъ ни малѣйшаго намека на это въ лѣтописяхъ. Высокомѣрный характеръ Ивана, его приверженность русской Церкви, наконецъ, всѣ событія его княженія находятся въ явномъ противорѣчіи съ такимъ допущеніемъ. Подобный образъ дѣйствій долженъ былъ бы казаться князю не только посягательствомъ на вѣру, но и униженіемъ. Наконецъ, паства митрополита Филиппа менѣе всего была сторонницей Флорентійской Уніи и латинской

Церкви. Безполезно также доказывать, что рѣчь пословъ не была дословно воспроизведена Маффеи. Формы этикета никогда не могли быть нарушены представителями Москвы съ такой смѣлостью. Въ пятнадцатомъ вѣкѣ тамъ уже пользовались *титулярникомъ*. Въ немъ были добросовѣстнѣйшимъ образомъ переписаны титулы иностранныхъ государей. Что же касается титуловъ великаго князя, то никто не осмѣлился бы опустить изъ нихъ хотя единое слово. Зато сущность представленной на аудіенціи грамоты передается Маффеи съ неоспоримой точностью. Московскія вѣрительныя грамоты эпохи Ивана III всегда ограничивались краткой формулой, съ ссылкою на посла. Нѣсколько такихъ документовъ еще хранятся въ архивахъ Италіи.

Но какъ объяснить благосклонное отношеніе папы къ планамъ Вольпе? Вѣдь въ основѣ ихъ лежало явное сплетеніе лжи. Можно ли предположить у римскаго двора такое глубокое невѣдѣніе истиннаго положенія вещей? Напрасно мы будемъ искать отвѣта на эти вопросы въ документахъ той эпохи. Однако, при внимательномъ разсмотрѣніи фактовъ, возникаютъ нѣкоторыя подозрѣнія относительно самого Вольпе. Не игралъ ли онъ двойной роли и не злоупотребилъ ли притомъ своимъ положеніемъ? Православный въ Москвѣ, католикъ въ Римѣ,—не пожертвовалъ ли онъ истиной, чтобы убѣдить и великаго князя, и папу? Съ заключеніемъ брака была связана одна политическая и къ тому же доходная афера. Мы скоро увидимъ, что Вольпе былъ заинтересованъ и тѣмъ, и другимъ. Въ средствахъ же онъ былъ крайне неразборчивъ.

Дѣйствительное положеніе вещей было таково. Православный Иванъ принадлежалъ къ Церкви, отдѣлившейся отъ святого престола еще при Михаилѣ Керуларіи. Зоя была католичкой, явно придерживавшейся римскаго обряда. Молодые, такимъ образомъ, были различнаго вѣроисповѣданія. Выражаясь современнымъ языкомъ, предстоялъ смѣшанный бракъ. Церковь признавала такіе браки, но разрѣшеніе на нихъ давалось лишь при томъ непремѣнномъ усло-

віи, что дѣти отъ него будутъ католиками. По отношенію къ византійскимъ государямъ, начиная съ 1418 года, дѣлались большія формальныя уступки, но сущность оставалась та же. Сыновьямъ императора Мануила было разрѣшено папой Мартиномъ V жениться на католичкахъ. Папская грамота объявляла, что эти уступки сдѣланы во имя единенія Восточной и Западной Церквей; въ ней утверждалось, что такіе браки не наносятъ никакого вреда истинной вѣрѣ*). Осторожность не позволяла папѣ итти дальше этого. Сикстъ IV по отношенію къ Ивану былъ въ тѣхъ же условіяхъ, что Мартинъ V по отношенію къ Мануилу. Необходимое разрѣшеніе могло быть дано Зоѣ, только были бы соблюдены интересы вѣры. Если при этомъ не были приняты всѣ предосторожности, то только въ силу недостаточной освѣдомленности, а, можетъ быть, и благодаря ослѣпленію ложными показаніями Вольпе.

Здѣсь можно было бы спросить себя: не носили ли переговоры между Римомъ и Москвой характера обоюднаго договора? Не добивался ли Вольпе какой-либо компенсаціи для своего государя, повергая, какъ выразился Маффеи, къ стопамъ папы его благоговѣніе? При данномъ состояніи нашихъ знаній мы можемъ только подозрѣвать это. Впрочемъ, наши догадки находятъ нѣкоторое подтвержденіе. Въ самомъ дѣлѣ, одинъ хорошо освѣдомленный нюренбергскій лѣтописецъ скоро сообщитъ намъ что въ Римѣ происходили переговоры относительно дарованія великому князю московскому королевскаго титула. Слухъ объ этомъ мало-по-малу распространится и приметъ такіе размѣры, что обезпокоитъ Польшу, а императоръ увидитъ въ этомъ посягательство на свои права. Не служитъ ли это указаніемъ на то, что Вольпе, дѣйствительно, пытался упрочить свой кредитъ и заслужить милость Ивана, добывъ ему корону? Ловкій посредникъ былъ достаточно изобрѣтателенъ, чтобы скомбинировать этотъ планъ,—новыя

*) *Raynaldi*, XXVII 475 dhishman. *Das Eherecht*. 523, 243, 545.

же идеи, занимавшія въ то время Кремль, давали ему нѣкоторые шансы на успѣхъ. Начиная съ этого времени, королевскій титулъ дѣлается постояннымъ предметомъ дипломатическихъ переговоровъ. Папы пользовались имъ, какъ приманкой; авантюристы же злоупотребляли имъ съ невѣроятной дерзостью. Безспорно и то, что Вольпе оповѣстилъ Римъ о торжественномъ посольствѣ и посламъ напередъ были выданы папскія охранныя грамоты.

Какъ бы то ни было, но посланецъ Москвы достигъ своей цѣли. Несмотря на лихорадочную дѣятельность, поглощавшую въ то время силы римлянъ, они отнеслись съ полнымъ вниманіемъ къ вопросу о бракѣ. Только что былъ заключенъ союзъ съ Неаполемъ и Венеціей противъ турокъ. Папа набиралъ солдатъ и вооружилъ двадцать четыре галеры. 28-го мая, въ концѣ мессы въ соборѣ святого Петра, онъ благословилъ знамена крестоносцевъ. Послѣ полудня состоялось новая воинская церемонія. Сикстъ IV поѣхалъ къ стоянкѣ четырехъ галеръ, поднявшихся по Тибру до холма святого Павла. Онъ призвалъ милость Божію на моряковъ и ихъ адмирала, кардинала Карафа. Въ день отплытія папской флотиліи изъ Остіи, 1-го іюня, была назначена помолвка Зои, а можетъ быть, и обрученіе съ великимъ княземъ въ лицѣ его представителя. Документы не говорятъ достаточно ясно о характерѣ упомянутой церемоніи. Однако, въ папскихъ грамотахъ выраженіе *nobilis virgo*, употреблявшееся раньше, было замѣнено послѣ этого словами *nobilis mulier*.

Бойкое перо одного гуманиста набросало намъ силуэтъ византійской принцессы за нѣсколько недѣль до этого событія. Около этого времени въ Римъ пріѣхала Кларисса Орсини, четыре года тому назадъ вышедшая замужъ за Лоренцо Медичи. Она привезла съ собой Луиджи Пульчи. Молодая патриціанка, стройная и величавая, была во всемъ блескѣ своей классической красоты. Увлеченный ея очарованіемъ, флорентійскій поэтъ оказался черезчуръ суровымъ по отношенію къ Зоѣ. Кларисса сдѣлала требуемый эти-

кетомъ визитъ невѣстѣ Ивана. Пульчи воспользовался этимъ случаемъ, чтобы дать волю своему злому остроумію. «Я тебѣ кратко разскажу»,—пишетъ онъ своему наперснику и другу, Лоренцо Медичи,—«объ этомъ куполѣ, или, вѣрнѣе, объ этой горѣ сала, которую мы посѣтили. Право, я думаю, что такой больше не сыщешь ни въ Германіи, ни въ Сардиніи. Мы вошли въ комнату, гдѣ сидѣла эта жирная, какъ масленица, женщина. Ей есть на чемъ посидѣть... Представь себѣ на груди двѣ большихъ литавры, ужасный подбородокъ, огромное лицо, пару свиныхъ щекъ и шею, погруженную въ груди. Два ея глаза стоятъ четырехъ. Они защищены такими бровями и такимъ количествомъ сала, что плотины рѣки уступятъ этой защитѣ. Я не думаю, чтобы ноги ея были похожи на ноги Джуліо Тощаго. Я никогда не видѣлъ ничего настолько жирнаго, мягкаго, болѣзненнаго, наконецъ, такого смѣшного, какъ эта необычайная *befania*. Послѣ нашего визита я всю ночь бредилъ горами масла, жира и сала, булокъ и другими отвратительными вещами *).

Правда, византійскія дамы пятнадцатаго вѣка были черезчуръ богаты туками и красками. Этимъ онѣ были лучше надѣлены, нежели хрупкія итальянки. Но, конечно, насмѣшки Пульчи слишкомъ мало заслуженны Зоей и фантастичны. Ѣдкость ихъ вызывалась грубо матеріальной причиной. Дѣло въ томъ, что во время визита бесѣда затянулась. Одинъ изъ братьевъ Зои служилъ переводчикомъ. Несмотря на поздній вечерній часъ, гостямъ не предложили ни закуски, ни вина... Не угостили ничѣмъ—«ни на греческомъ, ни на латинскомъ ни на простонародномъ языкѣ», жалуется обманутый въ ожиданіяхъ авторъ *Morgante maggiore*. Нѣкій Бенедетто, менѣе предубѣжденный, нежели его проголодавшійся собратъ, наоборотъ восхищался маленькимъ ртомъ Зои и находилъ, что она очаровательно плюетъ. Кларисса Орсини, болѣе опытная въ оцѣнкѣ красоты, не коле-

*) *Lettere* отъ 63 до 67 стр. n° 21.

блясь, признавала принцессу прелестной. Скоро мы увидимъ, что многіе лѣтописцы придерживались того же взгляда. Это позволяетъ намъ думать, что Пульчи нарисовалъ не портретъ Зои, а каррикатуру. Среди безжалостныхъ насмѣшекъ поэта, настроеннаго сатирически, можно уловить лишь одну реальную, живую черту. При утонченныхъ дворахъ Италіи, среди женщинъ Возрожденія,—изящныхъ, остроумныхъ и нѣжныхъ, тучная и тяжелая гречанка была не на мѣстѣ. Судьба Зои предназначала ее Сѣверу.

Въ день, назначенный для брачныхъ торжествъ, Ватиканскій соборъ долженъ былъ украситься всѣмъ своимъ великолѣпіемъ. Впрочемъ, лѣтописцы почти ничего не говорятъ объ этомъ событіи. Одинъ лишь Маффеи сообщаетъ намъ относительно него нѣкоторыя подробности. Нѣкій епископъ имени котораго мы не знаемъ, принялъ участіе въ блестящей церемоніи. Принцессу окружало многочисленное избранное общество. Среди него особенно выдѣлялась королева Босніи Екатерина, вдова Стефана. Отъ своихъ несчастій она укрылась въ Римъ, послѣ того какъ турки завладѣли ея царствомъ. Ее справедливо называли «самой несчастной среди королевъ». Екатерина была совершенно лишена средствъ и жила на ежемѣсячную пенсію въ сто дукатовъ, выдаваемыхъ ей святымъ престоломъ. Она умоляла Медичи платить ей эту сумму деньгами, а не матеріями. Четыре вѣрныя подруги—Павла, Елена, Марія и Праксина—сопровождали королеву въ изгнаніи. Эти боснійскія матроны, вѣроятно, были единственными славянскими женщинами, присутствовавшими при обрученіи будущей московской государыни. Медичи были представлены Клариссой Орсини. Знатнѣйшія патриціанки Рима, Флоренціи и Сіенны явились въ храмъ. Кардиналы прислали своихъ представителей.

Въ своемъ описаніи торжества Маффеи не упоминаетъ ни одного грека. Однако, мы не поступимъ произвольно, предположивъ, что всѣ соотечественники Зои, находившіеся въ Римѣ, были приглашены на торжество. Это не-

сомнѣнно по отношенію къ Ѳедору Газа, другу Виссаріона, каллиграфу и ученому. Онъ присутствовалъ на флорентійскомъ соборѣ, горячо защищалъ Аристотеля и достигъ нѣкоторой извѣстности въ Римѣ и Неаполѣ. За его сообщеніе о торжествѣ Филельфо, находившійся тогда въ Миланѣ, выразилъ ему 1-го іюля 1472 года свое удовольствіе и благодарность. Весьма вѣроятно, что на бракосочетаніи присутствовала и Анна, дочь несчастнаго Луки. Нѣкогда невѣста императора Константина, дяди Зои, она связала свое имя съ домомъ Палеологовъ. Константинополь она покинула незадолго до его паденія. Эта знатная матрона жила въ Римѣ вмѣстѣ со своимъ братомъ. Она мечтала объ основаніи на итальянской почвѣ небольшого независимаго греческаго государства. Ради этой цѣли у сіеннцевъ былъ купленъ разрушенный замокъ Монта-Куто, и 22-го іюля 1472-го года съ Сіенной былъ заключенъ договоръ, гарантировавшій свободу будущей республики. Видимо, планъ этотъ не осуществился. Тѣмъ не менѣе, онъ свидѣтельствуетъ о патріотическихъ чувствахъ Анны. Позже Анна окажетъ большое содѣйствіе устройству греческой колоніи въ Венеціи. Глубоко преданная своему несчастному народу, привязанная къ Палеологамъ, она, естественно должна была перенести свои симпатіи на Зою. Вотъ почему она имѣла большее право, чѣмъ кто-либо, провожать Зою къ алтарю.

Во время торжества обрученія произошелъ досадный инцидентъ. При обмѣнѣ колецъ Вольпе, застигнутый врасплохъ, долженъ былъ признаться, что не привезъ перстня для невѣсты. Онъ ссылался на то, что въ Москвѣ нѣтъ такого обычая. Его извиненія показались подозрительными. Оплошность его произвела настолько сильное впечатлѣніе, что явилось сомнѣніе въ его полномочіяхъ. На слѣдующій день Сикстъ IV сѣтовалъ въ присутствіи всей консисторіи на то, что посолъ дѣйствовалъ безъ формальныхъ полномочій своего государя.

Эти подозрѣнія увеличились послѣ того, какъ присту-

пили къ обсужденію плановъ крестоваго похода противъ оттомановъ. Ходили слухи, что предстоятъ весьма важныя сообщенія. Ожидали великаго торжества Церкви. Но тѣмъ большее разочарованіе постигло всѣхъ послѣ аудіенціи 2-го іюня. Вольпе по этому случаю говорилъ по-латыни. Онъ хвалился торговыми связями съ татарскимъ ханомъ. Этотъ послѣдній, будто бы, предлагалъ собрать грозную армію, двинуться противъ турокъ и напасть на нихъ со стороны Венгріи. Но все это лишь при томъ условіи, если послѣ открытія военныхъ дѣйствій хану будутъ выплачивать десять тысячъ дукатовъ ежемѣсячно. Чтобы заключить этотъ договоръ, по вычисленіямъ Вольпе, надо было, въ качествѣ задатка, преподнести татарамъ подарковъ еще на десять тысячъ дукатовъ. Конечно, идея не была лишена смѣлости, но затраты показались черезчуръ большими, а гарантіи недостаточными. Римляне опасались, какъ бы Вольпе не присвоилъ общественныхъ средствъ. Не были они увѣрены и въ томъ, что венгерскій король предоставитъ свободный проходъ татарамъ черезъ свою землю. Съ другой стороны, можно ли было вѣрить татарамъ, этимъ хищникамъ, привыкшимъ къ предательству? Не будетъ ли ихъ побѣда, въ сущности, новымъ тріумфомъ Ислама? Въ виду этихъ соображеній отказъ былъ единственно возможнымъ отвѣтомъ Святого Престола. Чтобы оцѣнить благоразуміе такого рѣшенія, достаточно припомнить переговоры, происходившіе въ 1470 году въ Венеціи съ Джисларди. Тогда Вольпе заявлялъ Сенату устами своего племянника, что татары готовы напасть на Турцію, и что союзъ съ Ахматомъ уже заключенъ. И, вотъ, два года спустя, въ 1472 году, оказалось, что предстояло еще заключить этотъ союзъ, при томъ цѣною большихъ денежныхъ затратъ. При наличности столь противорѣчивыхъ данныхъ возникала очевидная дилемма. Истина, несомнѣнно, была искажена либо Джисларди въ Венеціи, либо Вольпе въ Римѣ. Кто-либо изъ нихъ былъ виноватъ, а, скорѣе всего, оба. Союзъ съ татарами слу-

жилъ только приманкой, необходимой для достиженія личныхъ цѣлей *).

Если воинственные проекты московскаго посла были отвергнуты, то возвращаться къ брачному вопросу, а тѣмъ болѣе къ вопросу церковному не считали нужнымъ. Ни тотъ, ни другой не вызывалъ подозрѣній, носившихся около имени Вольпе и, видимо, связанныхъ только съ денежной стороной дѣла.

Но состоялось ли религіозное соглашеніе, а, если было, то въ чемъ оно заключалось? Документы содержатъ только скудные и неопредѣленные намеки на принятыя Вольпе обязательства защищать вѣру и признать власть папы. Лишь одинъ источникъ болѣе ясенъ. Это—грамота, опредѣляющая полномочія епископа Акчіи, Антоніо Бонумбре. Онъ долженъ былъ сопровождать Зою въ Москву. Въ русскихъ лѣтописяхъ епископъ именуется кардиналомъ Антоніемъ, хотя онъ никогда не былъ членомъ святой коллегіи.

Вокругъ этого имени группируются всѣ главнѣйшія данная, касающіяся интересующаго насъ вопроса. Вотъ почему всякую новую подробность, относящуюся къ этой личности, мы должны разсматривать, какъ завоеваніе исторіи, которое необходимо использовать возможно шире. Въ данный моментъ имя это появляется передъ нами впервые.

Бонумбре былъ уроженцемъ Савоны или ея окрестностей; папа Сикстъ IV называетъ его своимъ землякомъ. Онъ велъ благочестивую жизнь въ Августинскомъ монастырѣ. Обитель эта была расположена при входѣ въ живописную долину Доры Рипаріи. Бонумбре былъ настоятелемъ Санъ-Джьованни и Санъ-Сальваторе въ Коста ди Вальдо. Этотъ приходъ зависѣлъ отъ его монастыря. Возведенный въ санъ нотарія, Бонумбре видимо, пользовался довѣріемъ Генуезскаго архіепископа, Паоло Кампофрегозо.

---

*) **Legrand**, *Cent dix Lettres*, 163, 341, Флор. Архив. *Mediceo inn il princ, filza* 1, и 100, 101. **Sathas**, *Docum.* t. IX, отъ VIII до XXXIV.

9-го октября 1462-го года архіепископъ призвалъ его въ свой дворецъ въ Санъ-Лоренцо. Тамъ, взявъ съ него клятву въ вѣрности въ присутствіи нѣсколькихъ свидѣтелей, Кампофрегозо возложилъ ему на голову барретъ въ знакъ назначенія ректоромъ церкви и госпиталя Санъ-Біаджьо въ Риваролo. Учрежденіе это было основано въ двѣнадцатомъ вѣкѣ Опицио Леккарелло. Въ настоящее время оно имѣетъ совершенно другое назначеніе. Дипломъ, выданный новому ректору Санъ-Біаджьо архіепископомъ Кампофрегозо, былъ весьма лестенъ. Въ немъ говорилось о ревности Бонумбре въ дѣлахъ вѣры, о чистотѣ и безупречности его жизни, о христіанскихъ доблестяхъ его и заслугахъ... Менѣе пяти лѣтъ спустя, 4-го мая 1467 года, Бонумбре была обѣщана епископская каѳедра въ Аккіо на Корсикѣ. Она освободилась, благодаря назначенію Жана-Андре де Бусси на каѳедру въ Алеріа. Авиньонскій кардиналъ Алэнъ де Коэтиви сдѣлалъ обычный докладъ въ консисторіи, и Бонумбре скоро получилъ извѣщеніе, что онъ назначается на постъ, требовавшій стойкости и способности жертвовать собою.

Въ то время Корсика принадлежала Генуезской республикѣ. Въ числѣ викаріевъ архіепископа Генуезскаго числился и пастырь Аккіо. Епархія его была одной изъ самыхъ бѣдныхъ. За назначеніе въ эту епархію папская канцелярія взимала не свыше тридцати трехъ флориновъ. Но и то пришлось разсрочить Бонумбре эту сумму. Дѣло въ томъ, что кое-кто мѣшалъ ему немедленно вступить въ управленіе своей паствой. Странная ересь, появившаяся на Корсикѣ въ 1469-омъ году, свидѣтельствуетъ, до какой степени жители острова были грубы и невѣжественны. Одинъ плутоватый пастухъ началъ выдавать себя за посланника Архангела Михаила. Онъ объявилъ войну «Ave Maria» Архангела Гавріила. Въ то же время этотъ лжепророкъ распространялъ письмо собственнаго сочиненія. Тому, кто прочтетъ это письмо или будетъ носить его съ собой, или же, наконецъ, убѣдитъ дѣлать то же другихъ,

обѣщалось полное отпущеніе всѣхъ грѣховъ. Нелѣпыя измышленія подняли цѣлую бурю на островѣ. Папа Павелъ II, извѣщенный объ этомъ, поручилъ Бонумбре строго наказать виновныхъ и, если понадобится, заключить ихъ въ темницу.

7-го августа 1470-го года епископъ Акчіо былъ назначенъ главнымъ сборщикомъ податей для всей Корсики. Это было знакомъ большого довѣрія. Папская канцелярія взимала на островѣ оброки и налоги. Эти сборы были поручены нѣсколькимъ агентамъ. Явилась необходимость произвести реформу. Прежніе чиновники были отозваны, и все было сосредоточено въ рукахъ Бонумбре. Онъ получилъ полномочія назначать сборщиковъ и ихъ помощниковъ, а также налагать церковныя кары, съ единственнымъ обязательствомъ—посылать въ Римъ каждые два года подробные отчеты. Вскорѣ, 20-го апрѣля того же года, Бонумбре получилъ отъ папы приказъ—уладить споръ между епископомъ Маріаны и кардиналомъ Раверы, надѣвшимъ вскорѣ папскую тіару. Все это—доказательства того, что Бонумбре былъ въ Римѣ на хорошемъ счету.

Со вступленіемъ на папскій престолъ Сикста IV, Бонумбре вошелъ еще въ большую милость. Онъ призывается ко двору, становится приближеннымъ папы. Имя его начинаетъ мелькать въ бюджетѣ Куріи. На его личные расходы, безъ точнаго указанія выполняемыхъ имъ обязанностей, регулярно назначается десять или пятнадцать флориновъ. Каковы бы ни были спеціальныя функціи Бонумбре, папа цѣнилъ его добродѣтель и благоразуміе, прошедшія, по словамъ Сикста, черезъ суровыя испытанія.

Назначивъ Бонумбре въ Москву, папа пожаловалъ ему титулъ и полномочія легата a latere и вмѣстѣ нунція. Главная цѣль этой миссіи была ясно выражена въ слѣдующихъ словахъ Сикста IV: «Мы ничего не желаемъ горячѣе, какъ видѣть вселенскую Церковь объединенной на всемъ ея протяженіи и всѣ народы идущими по пути къ

блаженству. Вотъ почему Мы охотно изыскиваемъ средства, при помощи которыхъ Наши желанія могутъ быть осуществлены». Однимъ изъ такихъ средствъ была миссія «ангела мира» въ «королевство и владѣнія Россіи и нѣкоторыя другія страны, послы которыхъ, прибывши къ Намъ, съ приличествующимъ усердіемъ просили Насъ объ этомъ, а также въ городъ Кафу и города и области Помераніи». Папскій посолъ, съ Божіей помощью и сообразно обстоятельствамъ, долженъ былъ разрушать и созидать, искоренять и оберегать... Онъ долженъ былъ прекращать злоупотребленія, устранять ошибки, направлять заблудшихъ на путь истины, укрѣплять власть папы, наконецъ, заботиться о спасеніи душъ и процвѣтаніи государствъ. Въ виду такой многотрудной миссіи, папскому легату была предоставлена власть налагать церковныя кары на виновныхъ и распредѣлять награды между достойными. Таковы были права Бонумбре. Черезъ всѣ эти формулы проходитъ одна главная мысль—мысль объ единеніи всѣхъ въ вѣрѣ и въ подчиненіи намѣстнику Христа. Если епископу Акчіо было поручено нести въ далекую страну вѣсть мира и, если къ папѣ обратились съ подобными просьбами, то, очевидно, потому, что, законно или обманнымъ образомъ, былъ поднятъ вопросъ о сближеніи Москвы съ Римомъ. Можетъ показаться страннымъ, что имя Зои совершенно не упоминается въ приведеннымъ документѣ, и что въ немъ нѣтъ никакого намека на путешествіе епископа въ сообществѣ принцессы. Но не служитъ ли это лишнимъ доказательствамъ того, что, помимо вопросовъ о бракѣ и союзѣ съ татарами, Вольпе велъ переговоры и по инымъ дѣламъ? Не былъ ли онъ единственнымъ виновникомъ предпринятыхъ папой шаговъ? И, разъ на рукахъ Вольпе, кромѣ московскихъ дѣлъ, оказались еще татарскія, не свидѣтельствуетъ ли это, что до пріѣзда въ Кремль нашъ. путешественникъ успѣлъ побывать въ Каффѣ?*)

*) Женевскій архивъ, *Notaro Andrea de Cairo*, filza 10 n° 33; filza 17, n° 179: filza 18, n° 160. Ар. Ватиканскій *Oblig.* n° 82 f. 11;

Но возвратимся къ Зоѣ. Сикстъ IV до самаго конца отечески и великодушно относился къ ней. На приданое царственной сиротѣ было ассигновано шесть тысячъ дукатовъ помимо подарковъ. Фрески Санто Спирито, изображающія жизнь Сикста IV, сохранили память объ этой щедрости. Почти всѣ онѣ—творенія старой умбрійской школы и созданы, весьма вѣроятно, однимъ изъ учениковъ Бенедетто Буонфильи. Налѣво отъ прекраснаго алтаря, воздвигнутаго Палладіо, на высотѣ свода виднѣется стѣнная живопись. Она болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ остальныя картины. Изображаетъ она Зою, склонившую колѣна передъ папой. Рядомъ съ Зоей художникъ помѣстилъ, точно также на колѣняхъ, ея жениха. Оба увѣнчаны коронами. Папа изображенъ вмѣстѣ съ Андреемъ Палеологомъ и Леонардо Токко. Онъ протягиваетъ Зоѣ кошелекъ. Два почти тождественныхъ латинскихъ эпиграфа, сохраненные Форчелла, раскрываютъ имена изображенныхъ лицъ и разъясняютъ смыслъ фрески, къ сожалѣнію, сильно пострадавшей отъ реставраціи. Тѣ же самыя свѣдѣнія мы находимъ у Платины. Наконецъ, одинъ, еще никѣмъ не изданный, документъ исключительной важности удостовѣряетъ то же самое.

Въ римскомъ государственномъ архивѣ хранится датированный 20-мъ іюня 1472-го года платежный ордеръ кардиналовъ Эстутевилля, Каландрина и Анджело Капраника—этихъ главныхъ агентовъ крестоваго похода. Всѣ три кардинала завѣдывали спеціальной кассой. Она не подлежала общей отчетности. Пополнялась она, главнымъ образомъ, доходами отъ квасцовой монополіи и предназначалась исключительно на нужды войны противъ турокъ. Интересующій насъ приказъ адресованъ «почтеннымъ господамъ» Лоренцо и Джуліано Медичи, хранителямъ денегъ, пред-

---

83, f. 6 n°, 66 v°; *Rot. Cam.* n° 487 A 158 v°, 178 v°; *Regesta* n° 540, f 70 v°; n° 543, f. 57; n° 660 f 316 v°.—*Arm.* XXXIX t 12 f 182—*Государ. Архивъ Рима, Cam. Oblig.*, 1464—71, f. 81v°. *Mandati*; 1471—73, f. 52, 82, 98 115 v°, 135 v°.

назначенныхъ на святое дѣло. Знаменитымъ банкирамъ, въ то время уже государямъ, предписывается слѣдующимъ образомъ распорядиться съ 6400 дукатовъ, относительно которыхъ было особое соглашеніе съ кардиналомъ Орсини. По приказанію папы четыре тысячи дукатовъ должны быть выданы принцессѣ Зоѣ, «королевѣ русской» на расходы по путешествію въ Россію и на другія цѣли»,— шестьсотъ дукатовъ должны пойти епископу, сопровождавшему невѣсту въ Москву. Остальныя 1800 дукатовъ пусть остаются въ кассѣ. Провѣримъ указанныя цифры записями въ другомъ документѣ. Оказывается, что щедрость папы пошла еще дальше. 27-го іюня 1472-го года Зоѣ былы выданы пять тысячъ четыреста дукатовъ, а епископу шестьсотъ. Въ общемъ это составляетъ сумму въ шесть тысячъ дукатовъ. Деньги эти были истрачены на византійскую принцессу въ интересахъ крестоваго похода. О такой цѣли достаточно свидѣтельствуетъ самый источникъ этихъ ассигнованій.

Папа озаботился и тѣмъ, чтобы окружить Зою въ путешествіи приличествующей свитой. Она должна была состоять изъ грековъ и итальянцевъ, не считая, конечно, русскихъ, возвращавшихся на родину.

Среди грековъ былъ Юрій Траханіотъ, одинъ изъ участниковъ брачныхъ переговоровъ. Онъ остался на службѣ у великаго князя, причемъ ему были даны различныя дипломатическія порученія. Здѣсь же былъ и князь Константинъ, благочестіе котораго было засвидѣтельствовано основаніемъ монастыря. Православная церковъ чтитъ его подъ именемъ святого Касьяна. Представителемъ двухъ братьевъ Зои былъ Дмитрій Ралли. Что касается итальянцевъ, то наибольшей извѣстностью среди нихъ пользовался упомянутый нами Антоніо Бонумбре. Возможно, что его сопровождали латинскіе монахи. Дѣло въ томъ, что папа разрѣшилъ Бонумбре выбрать по своему усмотрѣнію нѣсколькихъ монаховъ изъ какого угодно ордена. Избранники должны были безпрекословно слѣдовать за епис-

конюмъ. Бонумбре не преминулъ воспользоваться этой милостью. Трудно установить точно численность отправившихся въ путь. Въ различныхъ городахъ, которые проѣзжали путешественники, упоминается то сто лошадей, то пятьдесятъ *).

Папскія грамоты были адресованы, вѣроятно, всѣмъ государямъ, владѣнія которыхъ находились на пути Зои. Извѣстны грамоты Сикста IV-го къ старѣйшинамъ Болоньи, городу Нюренбергу, проконсуламъ Любека. Ихъ почти тождественное содержаніе оправдываетъ высказанную нами догадку. Она подтверждается и русскими источниками. Приведемъ въ качествѣ образца грамоту отъ 21-го іюня 1472-го года, адресованную герцогу Модены Ерколе д'Есте.

Вотъ что говорится въ грамотѣ: «Наша дорогая дщерь во Христѣ, знатная матрона Зоя, дочь законнаго наслѣдника Византійской имперіи, славной памяти Ѳомы Палеолога, спаслась отъ несчестивыхъ рукъ турокъ. Она укрылась подъ сѣнію апостольскаго престола послѣ паденія столицы Востока и опустошенія Пелопонесса. Мы приняли ее съ любовью и съ честью, какъ любимую Свою дочь. Въ настоящее время она отправляется къ своему супругу, съ которымъ она Нашими заботами недавно сочеталась бракомъ. Она ѣдетъ къ нашему дорогому сыну, благородному Государю Ивану, великому князю Московскому, Новгородскому, Псковскому, Пермскому и т. д., сыну покойнаго знаменитаго великаго князя Василія. Мы хранимъ славную происхожденіемъ своимъ Зою на лонѣ милосердія и желаемъ, чтобы всюду приняли и обошлись съ ней благосклонно. Настоящимъ письмомъ Мы убѣждаемъ твою свѣтлость, Государь, во имя уваженія къ Намъ и святому Престолу, воспитавшему Зою, принять ее съ кротостью и добротой во всѣхъ областяхъ твоего государства,

*) Римск. Госуд. Арх. *Arch. Cam., Lib. Cr.* f. 110 v°, *Lib dep.* f. 118—Арх. Ватикан. *Regesta* n° 660, f. 101, 316, n° 681 f. 276.

гдѣ она проѣдетъ. Это будетъ достойно похвалы и дастъ Намъ величайшее удовольствіе» *).

Прощальная аудіенція состоялась въ тотъ самый день, коимъ датирована вышеприведенная грамота. Сикстъ IV принялъ Зою въ садахъ Ватикана. На аудіенціи въ качествѣ посла присутствовалъ и Вольпе. Несомнѣнно, моментъ былъ удобный, чтобы поднять вопросъ о Флорентійской Уніи. Въ Римѣ очень желали воскресить этотъ торжественный договоръ. Къ сожалѣнію, Миланскіе послы, одни отмѣтившіе это событіе, не говорятъ о немъ подробно. Въ дѣйствительности же 1472 годъ знаменуетъ скорѣе новую фазу взаимнаго отдаленія, нежели сближенія. Въ этомъ году синодъ, созванный въ Константинополѣ патріархомъ Симеономъ, формально отвергъ всѣ Флорентійскія постановленія. Что касается Москвы, то тамъ воздавали церковныя почести митрополиту Іонѣ, непримиримому врагу Рима и великому чудотворцу, исцѣлившаго страждующаго зубной болью сильнымъ ударомъ по щекѣ... Въ то же время всѣхъ истинныхъ сторонниковъ религіознаго мира постигло тяжкое горе. 18-го ноября въ Равеннѣ скончался кардиналъ Виссаріонъ, самый благородный, самый дѣятельный и почитаемый защитникъ Уніи.

Отъѣздъ Зои былъ назначенъ на 24-е іюня. Никогда еще въ Римѣ не видывали такого разноплеменнаго каравана, какой на этотъ разъ выходилъ изъ его воротъ. Византійскій орелъ не долго оставался на берегахъ Тибра. Теперь онъ направлялъ свой полетъ на сѣверъ. За нимъ шли греки въ поискахъ счастья и почестей. Туда же стремились итальянцы, чтобы чеканить монету, или рѣшать богословски вопросы. Наконецъ, съ ними вмѣстѣ отправлялись и русскіе, гордые своей побѣдой, а, можетъ быть, и унося съ собою мечту о Восточной имперіи. Послѣдуемъ и мы за принцессой отъ одного этапа къ другому. Проводниками нашими будутъ большей частью, неизданные документы.

---

*) Архив. Моден., *Lett. di princ. est*, 1472.

III.

Когда императоры и принцы ѣхали черезъ Тоскану въ Вѣчный городъ, они отправлялись изъ Флоренціи черезъ Сіенну, Радикофани, Акквапендента до Витербо. Наши путешественники ѣхали какъ разъ въ обратномъ направленіи.

Одна позднѣйшая и очень мало правдоподобная легенда считаетъ Витербо колыбелью Палеологовъ. Ѳедоръ Спандунисъ, ихъ близкій родственникъ, разсказываетъ, будто Палеологи прибыли въ Византію изъ Рима въ эпоху Константина Великаго. Затѣмъ они якобы вернулись въ Витербо, а отсюда опять отправились на берега Босфора. Мѣстныя лѣтописи усердно поддерживаютъ эту легенду. Даже въ наши дни почетное мѣсто въ залѣ муниципальнаго совѣта находится у портрета императора Михаила Палеолога. Но какая иронія судьбы! Въ архивахъ Витербо нѣтъ ни одного документа, касающагося проѣзда Зои черезъ этотъ городъ. Всего лишь одинъ и при томъ мало авторитетный лѣтописецъ сохранилъ намъ воспоминаніе объ этомъ событіи. Онъ кратко разсказываетъ о томъ, что черезъ Витербо къ своему мужу проѣхала знаменитая своей красотой и высокимъ происхожденіемъ принцесса; она была взята въ жены «русскимъ королемъ», обѣщавшимся за это отвоевать у турокъ Морею.

29-го іюня Зоя прибыла въ Сіенну. Въ этомъ городѣ имя деспота Ѳомы было неразрывно связано съ останками Іоанна Крестителя. Припомнимъ, что еще задолго до этого путешествія, Виссаріонъ поручалъ свою воспитанницу землякамъ Святой Екатерины. Сикстъ IV также отправилъ сіеннцамъ неразысканную до настоящаго времени грамоту. Въ самый день въѣзда Зои въ Сіенну были созваны въ достаточномъ количествѣ представители «великолѣпнаго города». Большинствомъ ста восьмидесяти голосовъ противъ сорока двухъ они ассигновали на пріемъ гостьи и представительство пятьдесятъ флориновъ. Такъ какъ въ кассѣ не было соотвѣтствующей суммы, то консисторія утвердила

займъ, гарантированный налогомъ, который уплачивался у воротъ города. Зоѣ было предоставлено помѣщеніе во дворцѣ, извѣстномъ подъ названіемъ Opera del Duomo. Этотъ дворецъ находился рядомъ съ великолѣпнымъ соборомъ, сложеннымъ изъ разноцвѣтныхъ камней, съ колоннадой и прекрасными мраморными орнаментами.

Здѣсь на нѣкоторое время теряются слѣды нашихъ путешественниковъ. Правда, на ихъ пути была Флоренція. Однако, при свиданіи съ Клариссой Орсини, еще не было рѣшено, остановится здѣсь Зоя или нѣтъ. Конечно, Медичи должны были интересоваться государыней, приданое которой они сами выплатили. Кромѣ того, въ этомъ очагѣ Возрожденія эллинизмъ былъ въ то время въ славѣ. Греки, изгнанные изъ Константинополя, охотно поселялись здѣсь. Платоновская академія имѣла во Флоренціи много сторонниковъ. Окруженный философами и поэтами, Лоренцо каждый годъ, какъ и во времена Порфирія, устраивалъ праздникъ въ честь великаго греческаго мыслителя. Димитрій Халкондилъ, преемникъ Аргиропула, преподавалъ здѣсь за счетъ общины греческую литературу. Вокругъ его каѳедры толпилась молодежь. Онъ удивлялъ своихъ слушателей ученостью и чаровалъ краснорѣчіемъ. Работа его ума не истощила его жизненной силы. Въ семьдесятъ семь лѣтъ онъ сдѣлался счастливымъ отцомъ десятаго ребенка. Всѣ эти греки и эллинисты должны были бы воспользоваться случаемъ и съ патріотическимъ энтузіазмомъ принять принцессу—этотъ отпрыскъ византійскихъ царей. Однако, насколько намъ извѣстно, о такомъ пріемѣ не сохранилось никакой памяти. Всѣ лѣтописцы этого времени заняты, главнымъ образомъ, военными предпріятіями 1472-го года и внутренними смутами.

Вновь мы находимъ Зою лишь 10-го іюля въ Болоньѣ. Виргиліо Малвецци, одинъ изъ первыхъ сеньеровъ города, устроилъ принцессѣ блестящій пріемъ въ своемъ дворцѣ. Всѣ горожане нѣсколько разъ имѣли возможность любоваться Зоей. Невѣста московскаго государя была немного выше средняго роста; на видъ ей можно было дать около двадцати

четырехъ лѣтъ. Въ ея глазахъ горѣло пламя востока, а бѣлизна кожи свидѣтельствовала о благородствѣ ея происхожденія. По словамъ болонскихъ лѣтописцевъ, Зоя, дѣйствительно, была плѣнительна и прекрасна. Такимъ образомъ эти лѣтописцы какъ бы хотѣли опровергнуть Пульчи и предостеречь насъ противъ его сарказмовъ. Когда Зоя показывалась въ обществѣ, она накидывала на плечи парчевую горностаевую мантію, прикрывавшую ея пурпурное платье. Голову ея украшала прическа, блиставшая золотомъ и жемчугомъ. Всеобщее вниманіе привлекалъ драгоцѣнный камень, оправленный въ застежку на лѣвой рукѣ. Благороднѣйшіе молодые люди составляли свиту царственной сироты. Спорили изъ-за чести держать подъ уздцы ея лошадь. Особой торжественностью было обставлено посѣщеніе Зоей церкви Святого Доминика, гдѣ покоился прахъ основателя ордена братьевъ проповѣдниковъ. Зоя благоговѣйно прослушала мессу на могилѣ патріарха. Эта сцена глубоко тронула очевидцевъ.

Вольпе не рѣшался вновь подвергать себя риску, проѣзжая по Литвѣ. Поэтому, чтобы попасть въ Германію, приходилось пересѣчь территорію Венеціи. Нашъ смышленый путешественникъ старательно избѣгалъ резиденціи Совѣта Десяти. Ему пришлось бы сводить тамъ весьма непріятные счеты... Зато наиболѣе дорогія воспоминанія влекли его въ Виченцу. То былъ его родной городъ. Тамъ народная молва называла его „казначеемъ и секретаремъ русскаго короля“. Несомнѣнно, великій князь Иванъ былъ бы крайне удивленъ, если бы ему стали извѣстны эти пышные титулы. Но Вольпе былъ не изъ тѣхъ, кого смущаютъ подобныя соображенія. Онъ смѣло направился въ городъ своихъ предковъ, изящный и живописный, но еще не украшенный великолѣпными постройками Скамоцци и Палладіо. Сначала караванъ остановился въ окрестностяхъ города, въ виллѣ де Нанто. Она принадлежала Тревизано Вольпе, двоюродному брату Джьанъ-Баттиста. Въ память этого визита, владѣлецъ замка получилъ привилегію—изображать

на своемъ гербѣ византійскаго орла съ короной. 19-го іюля, за два часа до заката солнца, Зоя въѣхала въ городъ. Леонардо Ногарола оказалъ ей гостепріимство въ своемъ дворцѣ. Среди празднествъ и пировъ принцесса провела здѣсь два дня: 20-е и 21-е іюля. Въ честь ея по улицамъ города пронесли знаменитую *ruota dé notaji*. То была подвижная башня, высотою въ двадцать три метра. Она была полна аллегорическихъ фигуръ. Ее несли на своихъ плечахъ атлеты; кромѣ того съ двухъ сторонъ она поддерживалась тремя длинными шестами. Посрединѣ аллегорической группы, на почетномъ мѣстѣ, сидѣлъ молодой человѣкъ, въ бѣломъ женскомъ платьѣ. На его головѣ была корона, а въ рукахъ вѣсы и мечъ. Изображалъ онъ правосудіе. По сторонамъ его стояли неподвижно два герольда. Внизу раскинулъ крылья двуглавый византійскій орелъ; въ когтяхъ его были мечъ и держава. Еще ниже помѣщался огромный щитъ съ гербомъ Венеціи—серебрянымъ крестомъ между львиными пастями. На вершинѣ стоялъ юноша подъ многоцвѣтнымъ зонтомъ и размахивалъ краснымъ знаменемъ. У подножья башни вся площадка была занята пѣшими и конными герольдами. Нѣсколько ступеней вели на слѣдующій ярусъ. Здѣсь находились турки. Они важно качали три подвижныхъ колыбели. Въ каждой колыбели было по два большихъ младенца. Наивный вкусъ нашихъ отцовъ тѣшился этимъ страннымъ зрѣлищемъ. Оно приберегалось для самыхъ большихъ торжествъ. Коллегія нотаріусовъ, коей принадлежала, какъ видно изъ самаго названія, эта *ruota dé notaji*, безъ сомнѣнія, льстила себя увѣренностью, что оказала особую честь Зоѣ. Венеціанцы присоединились къ манифестаціямъ Виченцы. Повидимому, они прислали Зоѣ цѣнные подарки и взяли на себя расходы по путешествію принцессы черезъ ихъ территорію.

Эти великолѣпные пріемы были послѣднимъ прощаніемъ дочери кесарей съ Италіей. Зоѣ не суждено было болѣе увидѣть лазурное небо и блестящее солнце Юга, и вдыхать его теплый и ароматный воздухъ... Вскорѣ передъ карава-

номъ встали исполинскіе стражи германскаго міра—Альпы съ ихъ вершинами, покрытыми вѣчными снѣгами. Обыкновенно черезъ Альпы переходили по мѣстности, называемой Піано делла Фугацца, откуда дорога спускалась по направленію къ Роверето и Тріенту. Триссино поѣдетъ именно этимъ путемъ, чтобы поднести свои литературныя произведенія Карлу Пятому. Наши путешественники должны были проѣхать также черезъ Инсбрукъ и Аугсбургъ. Однако, по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи свѣдѣніямъ, лѣтописцы отмѣтили проѣздъ Зои только черезъ Нюренбергъ. 10-го августа Зоя пріѣхала въ этотъ городъ и провела въ немъ четыре дня. Власти преподнесли ей дорогой поясъ. Знатныя женщины отъ своего имени одарили ее боченкомъ вина и сластями. На большомъ балу, устроенномъ въ ратушѣ, объединилось все избранное общество Нюренберга. Принцесса присутствовала на немъ. Однако, она сказалась больной и не захотѣла поднимать нѣмецкую пыль своими ножками гречанки. Когда Зоя вернулась къ себѣ, то два искусныхъ наѣздника продѣлали рядъ эволюцій на торговой площади противъ оконъ принцессы. За это Зоя подарила имъ по золотому кольцу. Интересная подробность: въ глазахъ добрыхъ нюренбергцевъ Иванъ былъ могущественнымъ государемъ и „жилъ по ту сторону Новгорода“; папскій легатъ, по словамъ ихъ лѣтописцевъ, ѣхалъ въ эту далекую страну, чтобы преподнести Ивану королевскую корону и проповѣдывать тамъ христіанство. Конечно, источникомъ этихъ розсказней былъ не кто иной, какъ Вольпе. Они были точнымъ отголоскомъ его переговоровъ съ Римомъ и дали начало страннымъ толкамъ, державшимся болѣе столѣтія.

8-го сентября метрополія ганзейскаго союза чествовала Зою, слывшую въ Германіи за дочь константинопольскаго императора. Изъ Любека Зоя моремъ прибыла въ Ревель. Здѣсь тевтонскіе рыцари оказали ей пріемъ отъ имени города. Въ Юрьевѣ будущую государыню встрѣтили представители самого Ивана III.

Между тѣмъ, вѣсть о бракѣ великаго князя распространилась по Руси. Народъ хотѣлъ принять участіе въ радости своего государя и привѣтствовать Зою. Первыми били ей челомъ псковитяне. 11-го октября къ устью Эльбы прибыли парадныя суда. Псковскіе послы сошли на берегъ и поднесли невѣстѣ Ивана хлѣбъ, соль и чару вина. Таковъ древній русскій обычай; послѣ этого весь поѣздъ немедленно тронулся въ путь. Переѣздъ черезъ озера Пейпусъ и Псковское продолжался два дня. Поднявшись по рѣкѣ Великой, путешественники на нѣсколько часовъ остановились въ древнемъ Снѣтогорскомъ монастырѣ, основанномъ въ память Рождества Пресвятой Богородицы.

На Русской землѣ въ поведеніи Софіи съ первыхъ же шаговъ обнаружилась рѣзкая перемѣна. Софіей будемъ мы отнынѣ называть Зою, такъ какъ это имя дали ей русскіе лѣтописцы. До этого Софія не скрывала своей преданности Уніи. Папы считали её своею по вѣрѣ. Но, разставшись съ дѣвическимъ платьемъ, принцесса какъ будто перемѣнила и убѣжденія. У Пскова навстрѣчу Софіи вышло духовенство. Вся процессія немедленно направилась въ соборъ. Народъ съ одушевленіемъ привѣтствовалъ Софію. Что касается папскаго легата, то въ своемъ парчевомъ облаченіи, въ митрѣ, перчаткахъ, съ латинскимъ распятіемъ, онъ вызывалъ всеобщее удивленіе. Однако, это чувство смѣнилось негодованіемъ, когда Бонумбре осмѣлился не почтить иконъ по православному обряду. Въ дѣло вмѣшалась Софія; она принудила легата подчиниться обычаю. Такимъ образомъ, принцесса разрывала со своимъ религіознымъ прошлымъ. Съ этого момента Римъ былъ забытъ; русское православіе одержало полную побѣду. По окончаніи торжественной службы городскія власти устроили праздникъ. Мёдъ лился рѣкой. Бояре и именитое купечество били челомъ своей новой государынѣ и поднесли ей пятьдесятъ рублей. Вольпе тоже получилъ десять рублей на свою долю. Это сочувственныя демонстраціи тронули

бѣдную сироту. Будущее ей улыбалось. При отъѣздѣ, горячо поблагодаривъ псковитянъ, Софья обѣщала имъ заступничество передъ Иваномъ.

Въ Новгородѣ Софіи былъ оказанъ такой же блестящій пріемъ. Населеніе обнаруживало и здѣсь тотъ же энтузіазмъ. Московскіе князья дали себѣ клятву покорить гордую республику. Порою, въ борьбѣ съ ними, Новгородъ выказывалъ мужество отчаянія. Но милостью страшнаго Ивана онъ дорожилъ. Уже недалекъ былъ тотъ день, когда Иванъ отниметъ у новгородцевъ вѣчевой колоколъ, звонъ котораго созывалъ ихъ на бурныя собранія. Скоро должны были отжить свое время свобода Новгорода, его независимость, его слава... Но въ настоящій моментъ печальныя предчувствія были забыты, и все веселилось. Однако, Софія спѣшила въ Москву.

Чрезвычайно интересно описаніе въѣзда Софіи въ столицу, уже украшеную именемъ «третьяго Рима». Русскія лѣтописи, являющіяся единственнымъ нашимъ источникомъ, рисуютъ приблизительно такую картину.

Когда поѣздъ Софіи былъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы, великій князь собралъ свой совѣтъ для рѣшенія одного труднаго вопроса. Гонцы сообщили ему, что Бонумбре приказалъ нести передъ собою латинскій крестъ. Торжественное несеніе «крыжа» было привилегіей, предоставленной легату папой. Но это могло оскорбить московскихъ жителей, тѣмъ болѣе, что рельефное изображеніе Христа не допускалось въ Восточной Церкви. Спорить же у воротъ города по этому поводу казалось неудобнымъ. Что же дѣлать? Какъ выйти изъ затрудненія? Мнѣнія бояръ раздѣлились. Одни, болѣе терпимые, совѣтовали не придавать случаю значенія. Другіе, припоминая Исидора, опасались скандала. Смущенный и колеблющійся, великій князь въ концѣ концовъ, обратился къ митрополиту Филиппу. Филиппъ энергично запротестовалъ противъ манифестаціи латинства въ сердцѣ Россіи. «Такія почести»—сказалъ онъ князю,—«не должны быть оказаны папскому посланцу».

Если онъ войдетъ со своимъ крыжемъ въ одни ворота, я, отецъ твой, выйду въ другія». Тонъ митрополита былъ достаточно твердъ, чтобы князь могъ принять опредѣленное рѣшеніе. Поэтому навстрѣчу Антоніо Бонумбре былъ посланъ бояринъ Ѳедоръ Давидовичъ съ категорическимъ требованіемъ убрать крестъ. Легатъ оказался уступчивымъ. Но зато самымъ энергическимъ образомъ запротестовалъ Вольпе. Мы знаемъ, что ему были оказаны въ Римѣ почести, какъ представителю великаго князя. Поэтому онъ требовалъ, чтобы и въ Москвѣ папскій посолъ былъ встрѣченъ съ такой же честью. Простодушный лѣтописецъ даетъ ключъ къ разгадкѣ поведенія Вольпе. Перекрещенный по греческому обряду, православный только на Руси, Вольпе тщательно скрывалъ въ Италіи свое отступничество; нимало не смущаясь, онъ выдавалъ себя за горячаго католика. До настоящаго момента онъ преспокойно игралъ свою двойную роль. Но теперь комедія угрожала перейти въ трагедію. Несмотря на сопротивленіе Вольпе, бояринъ Ѳедоръ былъ непреклоненъ: волей неволей пришлось уступить. Благодаря этому въѣздъ Софіи совершился вполнѣ благополучно.

Софія прибыла въ Москву 12-го ноября по дорогѣ, уже покрытой снѣгомъ. Москва должна была показаться принцессѣ монотонной и печальной. Софія привыкла къ блеску папскаго Рима. Здѣсь же она видѣла обширный, невзрачный городъ, окутанный снѣжнымъ саваномъ, съ жалкими деревянными лачугами, съ однообразными рядами лавокъ, развалившимися стѣнами и скромнымъ Кремлемъ. На пути процессіи стояла сплошная толпа любопытныхъ. Въ особенности велика была давка около собора, куда прежде всего должна была явиться Софія. Тамъ ее ждалъ митрополитъ въ святительскомъ облаченіи. Онъ далъ принцессѣ свое благословеніе и проводилъ въ покои княгини Маріи, матери Ивана. Здѣсь произошла первая встрѣча Софіи съ великимъ княземъ. То былъ торжественный моментъ. Что должна была чувствовать царственная сирота въ моментъ, когда она становилась супругой великаго монарха? Прошлое

не раскрыло намъ этой тайны. Иванъ въ то время уже носилъ прозвище Грознаго. Исторія сохранила за нимъ это имя, хотя онъ и не обнаруживалъ свирѣпой жестокости своего внука, самаго грознаго царя изъ всѣхъ. Иванъ былъ высокимъ, не тучнымъ, но представительнымъ мужчиной. Въ чертахъ лица его было нѣчто дикое, выдававшее крутой характеръ. Герберштейнъ передаетъ легенду, будто взглядъ великаго князя такъ смущалъ женщинъ, что онѣ порою падали безъ чувствъ. Впрочемъ, можетъ быть, въ этотъ день на лицѣ Ивана сіяли благоволеніе и ласка, и Софія могла надѣяться на счастливое будущее.

Впрочемъ, Софіи некогда было размышлять. Изъ покоевъ Маріи всѣ перешли въ скромное деревянное зданіе, временно замѣнявшее разрушенный соборъ. Митрополитъ совершилъ таинство и благословилъ супруговъ. До насъ не дошло подробныхъ разсказовъ объ этой церемоніи. Лѣтописи лишь глухо перечисляютъ имена присутствовавшихъ въ храмѣ. Тутъ были мать великаго князя, сынъ его отъ перваго брака, Иванъ, два его брата, Андрей и Борисъ, князья и бояре, легатъ Антоніо Бонумбре «со своими римлянами», Димитрій Ралли, посолъ Палеологовъ и греки, прибывшіе вмѣстѣ съ нимъ.

На другой день Иванъ далъ аудіенцію иноземнымъ представителямъ и принялъ отъ имени ихъ государей дары.

Бонумбре провелъ въ Москвѣ около одиннадцати недѣль. Съ его пребываніемъ въ столицѣ связанъ любопытный эпизодъ. Припомнимъ, что въ Римѣ былъ поднятъ религіозный вопросъ. Относительно вѣры русскихъ возникли сомнѣнія. Путешествіе легата въ Москву представляло самый подходящій случай выяснить дѣло. Мы не знаемъ содержанія инструкцій, данныхъ Бонумбре; однако, повидимому, полномочія его были не особенно широки. Такъ или иначе, Вольпе предложилъ произвести опросъ. Онъ утверждалъ, что русскіе охотно подчинятся наставленіямъ папскаго легата и легко могутъ быть направлены на путь истины. Но Бонумбре уже имѣлъ случай убѣдиться, что между пере-

говорами въ Римѣ и русской дѣйствительностью лежитъ цѣлая пропасть. Однако, хотя опросъ и не состоялся, все-таки въ Кремлѣ было устроено религіозное собесѣдованіе. Защищать русскую Церковь, конечно, долженъ былъ митрополитъ. Онъ взялъ себѣ въ помощники Никиту Поповича, пользовавшагося репутаціей очень ученаго человѣка. Если вѣрить лѣтописи, русскіе одержали на диспутѣ полную и блестящую побѣду. Бонумбре оказался недостаточно силенъ, чтобы бороться съ грознымъ Никитой. Этотъ искусный спорщикъ скоро обезоружилъ своего противника. «Со мною нѣтъ книгъ», будто бы пробормоталъ легатъ,—«и я не могу отвѣчать». Для безпристрастной оцѣнки спора надо было бы сопоставить русскую версію съ разсказомъ самого легата. Однако, для насъ покрыто еще тайной, оставилъ ли Бонумбре письменный отчетъ о своей миссіи или же ограничился словеснымъ докладомъ папѣ. Намъ извѣстно только, что до сего времени не открыто ни одного латинскаго документа, относящагося къ этому событію. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія исторической критики, побѣда Никиты представляетъ изъ себя еще не разрѣшенный вопросъ.

Несмотря на отдѣльные критическіе моменты, исходъ религіознаго диспута, видимо, былъ мирный. По крайней мѣрѣ, стороны разстались въ наилучшихъ отношеніяхъ. Бонумбре уѣхалъ изъ Москвы 26-го января 1473-го года, осыпанный подарками великаго князя, его сына Ивана и его молодой жены*).

Русскія лѣтописи говорятъ совершенно опредѣленно, что изъ Москвы папскій легатъ направлялся въ Литву и Польшу. Когда онъ проѣзжалъ великое княжество литовское, русскіе епископы и вельможи вручили ему грамоту, адресованную

*) Sathas *Docum.*, t. IX., 175. Архивы Сіенны, *Conc. Delib.*, 1472 f. 52,65, *Indice belle Delib.* т. II. Общ. библ. ms. A, t. IV, n°, f. 294.—Библіотека Болонскаго университета ms. *Ubaladini*, t. II, f. 655.

Сиксту IV. Текстъ ея до насъ не дошелъ. Во всякомъ случаѣ, самый фактъ передачи грамоты уже не лишенъ извѣстнаго значенія. Онъ свидѣтельствуетъ о религіозности русскаго населенія Литвы и о тяготѣніи его къ Святому Престолу. Не получивъ отвѣта, тѣ же лица написали папѣ изъ Вильно вторую грамоту, помѣченную 14-мъ марта 1476-го года. Она подписана епископомъ смоленскимъ Мисаиломъ. Этотъ іерархъ былъ избранъ въ кіевскіе митрополиты и занялъ мѣсто знаменитаго Григорія, ученика и товарища Кардинала Исидора. Далѣе, подъ грамотой были подписи архимандритовъ, князей, намѣстниковъ, имена Бѣльскаго, Вяземскаго и Ходкѣвича. Всѣ подписавшіе просили отпущенія грѣховъ и другихъ милостей, а также устраненія противорѣчій между обоими церковными обрядами принятыми въ ихъ области.

Насколько мы знаемъ, эта грамота — единственный документъ, гдѣ упоминается еще имя Бонумбре. Послѣ отъѣзда легата изъ Москвы слѣды его теряются. Въ римскихъ источникахъ о немъ болѣе нигдѣ не говорится ни слова. Это даетъ основаніе думать, что Бонумбре больше не получалъ ни папской пенсіи, ни церковныхъ бенефицій. Трудно даже точно опредѣлить моментъ его смерти. Во всякомъ случаѣ, она послѣдовала ранѣе 14-го апрѣля 1480 года. Въ этотъ день Бартоломео Помуоли былъ назначенъ на каѳедру Акчіа, освобождавшуюся со смертью предшествующаго епископа *extra romanam curiam* Такъ гласитъ оффиціальный языкъ, точно не опредѣляя даты *).

Что касается Сикста IV, преисполненнаго благихъ надеждъ при отъѣздѣ Бонумбре, то въ дальнѣйшемъ онъ, видимо, не поддерживалъ прямыхъ сношеній съ бывшей воспитанницей Виссаріона. Однако, папа не упускалъ изъ виду таинственной Россіи. Его иллюзіи еще увеличились, благодаря Антоніо Джисларди. Безстрашный венеціанецъ въ 1473-мъ году возратился въ Римъ и формально завѣрилъ

*) Батик. Архивы, oblig. nº. 83 f. 66 vº.

папу, что русскіе хотятъ признать его законнымъ преемникомъ Святого Петра. То было осуществленіемъ давно лелѣянной мечты. То было примиреніемъ церквей и побѣдой Уніи. Сикстъ оказалъ Джисларди всяческія милости. Онъ украсилъ его титуломъ *Scutifer* и *familiaris*. Онъ далъ ему важныя порученія къ великому князю, снабдилъ его грамотой, помѣченной 1-мъ ноября, и принялъ мѣры къ тому, чтобы облегчить его скорое возвращеніе въ Римъ съ русскими послами, которыхъ тотъ долженъ былъ привести съ собой *).

Но все это были излишнія предосторожности. Джисларди прошелъ хорошую школу. Его тактика напоминаетъ Вольпе. Совершенно ясно, что эти итальянцы эпохи Возрожденія обманывали папу на счетъ религіозныхъ настроеній Россіи. Слухи о готовности Россіи сблизиться съ Римомъ распространялись уже со времени брака Зои. Лѣтописцы точно отмѣтили ихъ. Такая связь достаточно характерна. Ихъ источникъ опредѣленно вскрываетъ вышеупомянутая грамота Сикста IV отъ 1464 года. Всѣ послѣдующія историческія событія покажутъ намъ, до какой степени эти слухи были обманчивы и мало обоснованы.

IV.

Торжество бракосочетанія Ивана было омрачено эпизодомъ, который могъ имѣть весьма печальныя послѣдствія. Остановимся на немъ и воспроизведемъ это событіе по отрывочнымъ даннымъ русскихъ лѣтописей, пополняя ихъ показаніями венеціанскихъ документовъ.

Припомнимъ, что Сеньерія въ 1471 году отправила Джьанъ Баттиста Тревизана въ Москву съ двойнымъ порученіемъ. Во-первыхъ, онъ долженъ былъ на мѣстѣ провѣрить утвержденія Джисларди и Вольпе, а затѣмъ про-

*) Нюренбергск. Архивы I Zale, 209, n° 54.

ѣхать въ Орду для переговоровъ относительно войны съ турками. Этотъ дипломатъ убѣдился, что Вольпе ни чѣмъ не оправдалъ оказаннаго ему довѣрія. Патріотизмъ Вольпе былъ подчиненъ жаждѣ наживы. Союзъ съ татарами, прежде всего, долженъ былъ дать выгоды ему самому. Вмѣшательство великаго князя могло бы опрокинуть всѣ эти эгоистическіе расчеты. Поэтому Вольпе старательно устранялъ Ивана отъ соглашенія съ татарами. Онъ велъ это дѣло за свой рискъ и страхъ и не хотѣлъ имѣть никого своимъ сообщникомъ, кромѣ родственника Антоніо. Изобрѣтательный итальянецъ окружилъ себя тайной: онъ выдалъ Тревизана за своего племянника, пріѣхавшаго устроить семейныя дѣла. Онъ даже выражалъ готовность лично сопровождать Тревизана въ Орду. Однако, сначала ему пришлось вернуться въ Италію и привезти въ Москву принцессу Зою. Послѣ отъѣзда своего земляка, Тревизанъ увидѣлъ себя въ самой строгой изоляціи. Не зная русскаго языка, подозрѣвая предательство, онъ готовъ былъ вообразить себя заложникомъ... Разумѣется, Тревизанъ не замедлилъ сообщить свои догадки венеціанскому правительству.

Эти извѣстія вызвали сенсацію. Они казались тѣмъ болѣе правдоподобными, что самъ Вольпе, очевидно, уклонялся отъ откровенныхъ объясненій. Хотя въ это время онъ и находился въ Италіи, тѣмъ не менѣе онъ упорно избѣгалъ Венеціи. Сеньорія была крайне непріятно поражена всѣмъ этимъ дѣломъ. Оставивъ мысль о переговорахъ съ татарами, она указомъ 27 апрѣля 1472 года предписала своему уполномоченному немедленно вернуться. Напрасно тотъ не повиновался такому требованію безотлагательно: ему едва не пришлось поплатиться за это головою. Его миссія оказывалась болѣе деликатной и опасной, нежели, повидимому, расчитывали сами венеціанцы.

Въ самомъ дѣлѣ, отношенія Москвы съ Золотой Ордой, переживавшей уже пору упадка, принимали все болѣе и болѣе враждебный характеръ. Миновало время,

когда русскіе князья смиренно слагали свои дары къ ногамъ хана. Недавнія побѣды надъ татарами внушали бывшимъ данникамъ надежду окончательно свергнуть съ себя ненавистное иго. Въ 1472 году, во главѣ многочисленной арміи, ханъ вторгся въ русскія области. Очевидно, онъ раздраженъ былъ рядомъ неудачъ и мечталъ о мести; съ другой стороны, его подстрекалъ польскій король Казиміръ. На берегахъ Оки произошли самыя кровопролитныя столкновенія съ русскими. Лишенные помощи поляковъ, на которыхъ татары слишкомъ положились, монголы потерпѣли пораженіе. Они стремительно обратились въ бѣгство. 23 августа Иванъ, какъ побѣдитель, вернулся въ свою столицу. Однако, война еще не была кончена, Орда не желала сложить оружія. Ханъ оставался непримиримымъ врагомъ Москвы. Вести съ нимъ переговоры безъ вѣдома великаго князя, хотя бы и для совмѣстныхъ дѣйствій противъ турокъ, было весьма рискованнымъ дѣломъ. Повидимому, Тревизанъ смутно понималъ опасность своей миссіи. Во всякомъ случаѣ, онъ никому не открывалъ ея тайны. Ничего не подозрѣвалъ и самъ Иванъ. И вотъ внезапно все обнаружилось вслѣдствіе роковой случайности.

Въ концѣ 1472 года итальянцы и греки, только что явившіеся въ Москву вмѣстѣ съ Софіей Палеологъ, были крайне поражены образомъ дѣйствій Тревизана. Между венеціанскимъ агентомъ и вновь прибывшими начались столкновенія и споры. Въ концѣ концовъ, на Тревизана былъ сдѣланъ доносъ великому князю. Авторы его заявляли, что этотъ уполномоченный былъ отправленъ дожемъ, Николо Троно, къ хану Золотой Орды. Одаривъ татарина, онъ долженъ былъ склонить его къ войнѣ съ турками. Обращаясь къ показаніямъ венеціанскихъ источниковъ, мы видимъ, что всю вину въ данномъ случаѣ они возлагаютъ на голову одного лица. Тутъ же мы находимъ и нѣкоторый намекъ на мотивы, которыми руководились доносчики. Оказывается, Генуя находилась въ постоянномъ антагонизмѣ съ Венеціей. Между тѣмъ, епископъ Антоніо Бонумбре

былъ генуэзцемъ... «Коварство или, вѣрнѣе, предательство» этого легата, будто бы, и раскрыли русскимъ тайную миссію Тревизана. Кто бы ни былъ дѣйствительнымъ виновникомъ этихъ разоблаченій, несомнѣнно одно: до той поры великій князь ничего не зналъ о миссіи къ татарамъ. Это открытіе было сдѣлано имъ, благодаря спутникамъ Софіи. Является вопросъ: какимъ образомъ вывѣдали истину они сами? Догадались ли они, просто, или же тутъ дѣйствовала какая-нибудь тайная интрига? Все это донынѣ остается неяснымъ.

Легко себѣ вообразить изумленіе и негодованіе самовластнаго Ивана, когда онъ узналъ, что какой-то иноземецъ, при его же дворѣ и безъ его вѣдома, завязываетъ сношенія съ непримиримымъ врагомъ Москвы! Развѣ это не было вопіющимъ нарушеніемъ международнаго права? Развѣ не злоупотребилъ этотъ дерзкій пришлецъ гостепріимствомъ русскаго государя? Развѣ не грозили его ковы всяческими осложненіями? Было наряжено строгое слѣдствіе. Оно подтвердило всѣ пункты доноса. Мало того: великій князь узналъ, что Вольпе былъ посвященъ въ замыслы Венеціи и собирался тайно отвезти Тревизана въ Орду. Вся эта атмосфера таинственности казалась сугубо подозрительной. По словамъ лѣтописи, разгнѣванный Иванъ сослалъ слишкомъ предпріимчиваго Вольпе въ Коломну. Жена его и дѣти были взяты подъ стражу, а домъ разграбленъ. Еще горшая участь ожидала Тревизана. Великій князь повелѣлъ его казнить смертью. Не вмѣшайся епископъ Бонумбре и другіе иноземцы, злополучный венеціанецъ, конечно, погибъ бы. Энергическія представленія вновь прибывшихъ гостей оказали дѣйствіе на великаго князя. Онъ согласился запросить дожа. Пока что, Тревизанъ, закованный въ желѣза, былъ отданъ подъ стражу Никитѣ Беклемишеву.

Иванъ сдержалъ свое слово. Онъ обратился къ Сеньеріи съ весьма миролюбивымъ и даже любезнымъ посланіемъ, которое, впрочемъ, дышало совершенной искренностью.

Объ этомъ мы можемъ судить, къ сожалѣнію, только по отвѣту венеціанцевъ, ибо самый подлинникъ запроса гдѣ-то затерялся. Великій князь обвинялъ Тревизана въ тайныхъ сношеніяхъ съ татарами. Передать посланіе Ивана по назначенію было поручено Антоніо Джисларди. Какъ извѣстно, онъ первый возбудилъ въ Венеціи вопросъ о борьбѣ съ турками при помощи татаръ. Но въ Москвѣ онъ ничѣмъ не выдавалъ своихъ плановъ и пользовался довѣріемъ великаго князя.

Сенаторы венеціанской республики уразумѣли безъ труда, что московскій инцидентъ заслуживаетъ весьма серьезнаго вниманія. Въ этомъ ихъ убѣждали показанія соотечественниковъ, которымъ удалось побывать въ далекой сѣверной державѣ. Передавъ по назначенію грамоту Ивана, Джисларди отправился было въ Римъ, а затѣмъ въ Неаполь. Его вызвали оттуда и подвергли новому допросу. Въ концѣ концовъ, представители Совѣта Десяти, завѣдывавшіе сношеніями съ Востокомъ, рѣшились формально договориться съ гонцомъ московскаго государя. Такой же интриганъ, какъ и его дядя, Джисларди успѣлъ уже использовать время, потраченное сенатомъ на продолжительное обсужденіе вопроса. Явившись къ папѣ, онъ насказалъ ему то, о чемъ мы говорили выше. Какъ мы помнимъ, рѣчь шла о признаніи русскими верховной власти римскаго первосвященника.

Съ упорствомъ и послѣдовательностью, которыхъ, венеціанцы всегда проявляли въ своихъ начинаніяхъ, они и въ номъ случаѣ возвращались къ мысли о союзѣ съ татарами противъ турокъ. Имъ не хотѣлось отказаться отъ этихъ воинственныхъ соратниковъ. Соглашеніе на такой почвѣ съ Москвою представлялось имъ тѣмъ болѣе возможнымъ, что самъ Джисларди брался предпринять извѣстные шаги въ этомъ направленіи. Что касается Тревизана, то сенатъ намѣренъ былъ письменно обратиться къ великому князю, дабы оправдать въ его глазахъ своего злополучнаго агента и добиться для него прощенія. Сена-

торы надѣялись, что послѣ этого Иванъ разрѣшитъ Тревизану вмѣстѣ съ Джисларди отправиться въ Орду. 20 ноября 1473 года Сенатъ подавляющимъ большинствомъ одобрилъ всѣ эти предположенія. Весьма характерна самая форма сенатской резолюціи. «Мы предлагаемъ», заявляли сенаторы,—написать московскому князю и объяснить ему, что главной цѣлью Тревизана было отвлечь татаръ отъ Россіи и направить ихъ къ Черному морю и Валахіи. Такимъ образомъ можно было бы пользоваться ими, какъ орудіемъ, противъ общаго врага всѣхъ христіанъ. Этотъ врагъ—завоеватель Восточной Имперіи, наслѣдственныя права на которую, при отсутствіи мужского поколѣнія, естественно переходятъ къ московскому князю въ силу его брака». Курьезно видѣть, какъ въ XV вѣкѣ воротилы всей торговли съ Левантомъ защищали права Россіи на Византію...—Отмѣтимъ, кстати, характерный пробѣлъ въ обращеніи Сената къ Ивану. Венеціанцы сохраняютъ полнѣйшее молчаніе относительно Вольпе. Они не хотятъ сказать ни слова въ его пользу. Очевидно, судьба его совсѣмъ не интересовала ихъ.

Послѣ того какъ сенатъ покончилъ съ дѣломъ Тревизана, Джисларди тронулся въ обратный путь, на Москву. Онъ везъ съ собою подарки для великаго князя и хана, охранную грамоту для русскихъ, которые соберутся ѣхать въ Венецію, и два письма Сеньеріи—одно къ Ивану, а другое къ Тревизану. Послѣднему препровождалась копія посланія Сената къ великому князю. Что касается полномочій Джисларди, то ему была предоставлена свобода—заключать съ Золотой Ордой какія-угодно условія. Изъ всѣхъ этихъ документовъ до насъ дошли только два—именно, посланія къ Ивану и къ его злополучному плѣннику, оба помѣченныя 4 декабря 1473 года. Сеньерія превозноситъ великаго князя всяческими похвалами. Она увѣряетъ его въ своей искренней дружбѣ. Она благодаритъ его за то, что онъ пощадилъ несчастнаго Тревизана, котораго легко можно было принять за преступника. «Вы

занимаете первое мѣсто въ ряду нашихъ друзей», заявляли венеціанцы Ивану: «соотвѣтственно этому мы и чтимъ Васъ». Что касается задержаннаго Иваномъ агента, то для его защиты нужно только раскрыть великому князю чистую правду. Попутно это давало поводъ польстить Ивану, упомянувъ о его блестящемъ бракѣ съ Зоей Палеологъ и вытекающихъ отсюда правахъ на Византію.

Послѣ всего этого, Венеція считала себя въ правѣ ходатайствовать о разрѣшеніи ея агентамъ ѣхать къ хану. По ея словамъ, то было бы самымъ лучшимъ средствомъ заслужить милость всемогущаго Бога. Давая требуемое дозволеніе, великій князь покрылъ бы себя неувядаемой славой: ничѣмъ другимъ онъ не могъ бы оказать большей услуги своимъ друзьямъ, венеціанцамъ. Въ случаѣ, если бы возникли какія-либо непредвидѣнныя препятствія для поѣздки уполномоченныхъ республики въ Орду, пусть, по крайней мѣрѣ, Тревизанъ будетъ освобожденъ, дабы вернуться на родину. Заранѣе вполнѣ увѣренный въ благопріятномъ исходѣ своихъ переговоровъ съ Москвою, Сенатъ снабжаетъ своего агента инструкціями, касающимися сношеній съ ханомъ. Здѣсь языкъ представителей республики пріобрѣтаетъ необыкновенную страстность. Оно и понятно: вѣдь нужно было зажечь воинственный пылъ въ сердцахъ будущихъ союзниковъ, чтобы тѣмъ самымъ обезпечить реальные интересы Венеціи.

Антоніо Джисларди отправился въ свою миссію вмѣстѣ съ Паоло Оньибене. Послѣдній ѣхалъ въ Персію, дабы поддержать шаха въ его враждебныхъ намѣреніяхъ относительно турокъ. Послы разстались въ Краковѣ въ февралѣ 1474 года. По этому поводу польскій историкъ Длугошъ подтверждаетъ, что венеціанскій уполномоченный былъ снабженъ нѣкоторыми порученіями со стороны папы относительно Ивана III.

Въ Москвѣ Джисларди ожидалъ полный успѣхъ. Агентъ Сената сумѣлъ добиться всего, чего желало его правительство. Тревизанъ не только былъ освобожденъ отъ оковъ

и возстановленъ въ своихъ правахъ, но и получилъ подарокъ въ суммѣ 70 рублей. Все устроилось, какъ по волшебству. Недавній плѣнникъ снова сталъ дипломатомъ... Въ іюлѣ 1474 года онъ выѣхалъ въ Золотую Орду вмѣстѣ съ дьякомъ, Дмитріемъ Лазаревымъ, и посломъ хана, возвращавшимся къ своему государю.

По свидѣтельству русскихъ источниковъ, Лазаревъ вернулся въ Москву съ вѣстью, что Тревизану не удалось заключить предполагавшійся союзъ. Такому сообщенію суждено было подтвердиться лишь впослѣдствіи. Пока что, дѣло обстояло, повидимому, гораздо благопріятнѣе*).

Дѣйствительно, въ 1476 году Тревизанъ вернулся въ Венецію. Его сопровождали двое татарскихъ пословъ. Одного изъ нихъ отправилъ самъ ханъ. Другой командированъ былъ любимымъ полководцемъ хана, Тамиромъ. Эти восточные дипломаты предложили венеціанцамъ быть друзьями ихъ друзей и врагами ихъ враговъ. Они заявляли о полной готовности татаръ итти на турокъ;—при этомъ, согласно обычаю варваровъ, они потребовали даровъ, въ видѣ драгоцѣнностей, одеждъ и, особенно, звонкой монеты. Когда нужно, Сеньерія умѣла быть щедрой. Для того, чтобы обезпечить себя отъ военныхъ неудачъ, она не жалѣла расходовъ. Предложенія татаръ были приняты въ Венеціи съ большой радостью. 10 мая 1476 года Сенатъ постановилъ—уплатить прибывшимъ посламъ около двухъ тысячъ дукатовъ. Этимъ надѣялись насытить корыстолюбіе дѣтей Востока. Немедленно въ Орду былъ отправленъ гонецъ, чтобы предупредить хана о скоромъ возвращеніи его пословъ съ самыми благопріятными вѣстями.

Такъ возобновляла Сеньерія свои сношенія съ Золотой Ордой, едва не потерпѣвшія недавно полной неудачи. На этотъ разъ операціонный центръ былъ уже не въ Мо-

---

*) Русск. лѣтоп. VI, 51.—Cornet, 93, 106, 112, 113.—Венец. Арх., *Cons. Dieci, mist;* XVIII, 30.—Dlugosz, V, 601.

сквѣ, а въ Польшѣ. Король Казиміръ IV всегда выказывалъ благосклонность по отношенію къ торговой республикѣ. Можно было питать надежду, что государь католической державы поддержитъ планы, направленные противъ невѣрныхъ. Около половины того же 1476 года Тревизану опять пришлось пускаться въ дальній путь. Ему было поручено проводить татарскихъ пословъ черезъ Польшу и Литву. Затѣмъ онъ долженъ былъ остановиться въ Вильнѣ и выработать тамъ программу дальнѣйшихъ дѣйствій. Озабоченный тѣмъ, чтобы не задѣть Казиміра, венеціанскій дожъ приказалъ своему уполномоченному постоянно подчеркивать въ сношеніяхъ съ королемъ, что татары никогда не коснутся ни Литвы, ни Польши. Тревизанъ долженъ былъ завѣрить Казиміра, что орды монголовъ пойдутъ на Константинополь инымъ путемъ.

Конечно, всѣ эти предосторожности были весьма умѣстны. Однако, онѣ оказались напрасными. Въ то время, какъ Тревизанъ, согласно своимъ инструкціямъ, вырабатывалъ въ Польшѣ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій, посолъ Казиміра убѣждалъ венеціанскій Сенатъ отказаться отъ союза съ татарами. Уполномоченнымъ польскаго короля являлся не кто иной, какъ Филиппо Бонаккорзи, болѣе извѣстный подъ именемъ Каллимаха Эксперіента. То былъ давній другъ Помпонія Лэта и одинъ изъ кориѳеевъ римской академіи гуманистовъ. Серьезно скомпрометтированный въ заговорѣ 1468 года противъ папы, онъ былъ заключенъ въ тюрьму по распоряженію Павла II. Бѣжавъ изъ заключенія, онъ долго странствовалъ по чужбинѣ. Въ концѣ концовъ, ему удалось найти гостепріимный пріютъ при дворѣ Казиміра IV. Польскій король поручилъ гуманисту воспитаніе своихъ дѣтей и пользовался его услугами въ дипломатическихъ дѣлахъ. Въ 1477 году Бонаккорзи былъ отправленъ къ папѣ Сиксту IV. Послѣ этого уже не могло быть и рѣчи о какихъ бы то ни было гоненіяхъ противъ него со стороны Ватикана. По пути, посолъ Казиміра остановился въ Венеціи. Онъ воспользовался этимъ случаемъ,

чтобы выяснить Сенату отношеніе своего государя къ союзу съ татарами. Краснорѣчивый гуманистъ не поскупился на самыя мрачныя краски. Три раза принимался онъ доказывать всѣ неудобства договора съ Ордою. Троекратно же ему отвѣчали увѣреніями, что татары, ни въ какомъ случаѣ, не переступятъ польскихъ границъ. Впрочемъ, венеціанскій Сенатъ не измѣнилъ своей обычной осторожности. Не желая раздражать такого союзника, какъ Польша, онъ согласился повременить съ своими планами. 18 марта 1477 Тревизанъ былъ отозванъ въ Венецію. Начатыя сношенія возобновились нѣсколько позднѣе. Однако, и на сей разъ они не привели ни къ какимъ практическимъ результатомъ*).

Съ отъѣздомъ Тревизана изъ Польши слѣды его теряются. Тѣмъ не менѣе, великій князь Иванъ сохранилъ къ нему глубокую и непримиримую непріязнь. Своихъ чувствъ онъ не скрылъ, между прочимъ, отъ Контарини, когда судьба забросила этого послѣдняго въ Москву. Знаменитый патрицій былъ отправленъ своими соотечественниками въ Персію въ томъ же году, что и Паоло Оньибене. Но миссія Контарини имѣла уже болѣе важную цѣль. Въ ту пору столь отдаленное путешествіе представлялось великимъ испытаніемъ. По крайней мѣрѣ, Амброджьо Контарини готовился къ нему такъ, какъ будто собирался умереть. Онъ исповѣдывался и причастился. Послѣ этого онъ уже смѣлѣе пустился въ дорогу. Съ собою онъ взялъ капеллана, служившаго ему секретаремъ, толмача и двухъ слугъ. Много лишеній, страданій и опасностей пришлось перенести отважнымъ путникамъ. Проѣхавъ Германію, Польшу, Украйну и Татарію, они добрались до Кафы. Отсюда они переплыли Черное море и уже на лошадяхъ двинулись по Мингреліи, Грузіи и Арменіи въ Персію, Тавризъ и еще дальше. Окончивъ свои переговоры съ

*) Вен. Арх. *Sen. Secreta*, XXVII, 69—70, 87, 120, 124; XXVIII, 3, 24.—Bonaccorsi 402, 431.

шахомъ, Контарини тѣмъ же путемъ тронулся обратно. Каково же было его смущеніе, когда въ Фазисѣ, теперешнемъ Поти, онъ узналъ, что турки захватили Каффу,—эту когда-то цвѣтущую колонію генуезцевъ! Намѣченный маршрутъ оказывался непригоднымъ. Приходилось ѣхать обратно. Нечего дѣлать: неустрашимый венеціанецъ рѣшилъ направиться окольнымъ путемъ, на Москву. Кстати, съ нимъ былъ русскій посолъ, Марко Россо, съ которымъ онъ встрѣтился еще въ Тавризѣ. Злополучные путники переплыли Каспійское море, миновали «великую пустыню азіатской Сарматіи», и 26 сентября 1476 года прибыли здравыми и невредимыми въ Москву, черезъ Рязань и Коломну.

Въ Кремлѣ венеціанскій посолъ былъ принятъ, если и не съ честью, то, во всякомъ случаѣ, какъ подобало лицу его званія. Однако, уже первая аудіенція ознаменовалась характернымъ инцидентомъ. Контарини началъ было сердечно благодарить великаго князя. Но Иванъ рѣзко прервалъ его изліянія. Сурово нахмурившись, онъ сталъ горько жаловаться на Тревизана. Нѣсколько дней спустя къ тому же вопросу вернулись бояре: отъ нихъ Контарини услышалъ то же самое. Правда, венеціанскій посолъ не говоритъ подробнѣе объ этомъ случаѣ. Однако, въ настоящее время не трудно угадать причины раздраженія Ивана. Дѣло въ томъ, что порою поляки сами направляли татаръ противъ Москвы. Цѣною золота оплачивались страшные набѣги монголовъ на русскія области. Вѣроятно, великій князь узналъ, что Тревизанъ уже изъ Вильны продолжаетъ свои сношенія съ Ордою. Это пробудило въ душѣ Ивана старыя подозрѣнія и придало имъ новую силу.

Такъ или иначе, ни сама венеціанская республика, ни ея представитель, случайно оказавшійся въ Москвѣ, не почувствовали на себѣ гнѣва великаго князя. Врядъ ли надо разъяснять, что по отношенію къ нимъ недовѣріе Ивана, въ сущности, лишено было основаній. Прежде всего, Контарини была дана возможность расплатиться съ долгами, связанными съ его путешествіемъ. Мало того, его осыпа-

ли подарками. Затѣмъ ему дана была аудіенція у Софіи Палеологъ, которая приняла венеціанца въ высшей степени милостиво и любезно. На прощальномъ пиру Иванъ держался гораздо болѣе привѣтливо, чѣмъ обыкновенно. Онъ долго бесѣдовалъ съ Контарини. Между прочимъ, послу были показаны собольи шубы великаго князя съ парчевымъ верхомъ. Въ довершеніе всего, государь избавилъ своего гостя отъ выполненія весьма непріятной формальности. Въ концѣ пира, когда Контарини былъ уже сытъ по горло всякими яствами и напитками, ему поднесли огромную серебряную чару съ медомъ. По этикету полагалось осушить ее единымъ духомъ за здравіе державнаго хозяина. Вообще умѣренный во всемъ, венеціанецъ былъ не способенъ на этотъ подвигъ. Еле-еле одолѣлъ онъ четверть хмельного напитка. Иванъ великодушно простилъ ему остальное и подарилъ послу на память традиціонную чару*).

Благосклонно принимая Контарини, московскій великій князь преслѣдовалъ особыя цѣли. Ему всячески хотѣлось поощрить соотечественниковъ венеціанскаго гостя къ сближенію съ сѣверной державой. Наканунѣ освобожденія своего отъ татарскаго ига, Москва, уже завершавшая свое дѣло собиранія русской земли, чувствовала потребность общенія съ Западомъ. Вотъ почему отблескъ Возрожденія и могъ проникнуть въ сердце Россіи. Этотъ свѣтъ несли съ собою иноземцы, отовсюду привлекаемые въ Москву щедростью ея державнаго хозяина.

---

*) **Contarini**, безъ пагинаціи.—**Berchet**, *La Republica*, 20, 139.

ГЛАВА II.

Возрожденіе въ Москвѣ.

1477—1513.

I. Москва и ея обитатели по описанію Контарини.—Пробѣлы этой картины.—Послѣдствія брака съ Софіей.—Ударъ Золотой Ордѣ,—Союзъ Ивана съ крымскимъ ханомъ.—Предполагаемая роль греческой царевны.—Отказъ въ уплатѣ дани.—Набѣгъ Ахмата.—Роль Вассіана—Благополучный исходъ.—Европа XV вѣка.—Иванъ III, какъ создатель русской дипломатіи.—Организація дипломатическихъ сношеній.—Вопросы этикета и коммерческіе интересы.—Семенъ Толбузинъ въ Италіи.—Фіоравенти.—Дмитрій и Мануилъ Ралевы.—Опасенія польскаго короля.—Пьетро Антоніо Солари.—Лекарь-еврей.—Мануилъ Дукса и Даніилъ Мамыревъ.—Миланцы въ Москвѣ.—Димитрій Ралевъ и Карачаровъ.—Приключенія ихъ на обратномъ пути.—Два путешествія Поппеля въ Москву.—Траханіотъ въ Вѣнѣ.

II. Восточный вопросъ.—Двойственная политика.—Рыцарскія замашки.—Добрыя отношенія къ туркамъ.—Торговля въ Каффѣ и Азовѣ.—Система невмѣшательства.—Русское посольство въ Константинополѣ.—Настроеніе массъ.—Теорія Филовея.—Москва.—Третій Римъ.—Народныя легенды.—Ихъ историческая основа.—Отъѣздъ Мануила Палеолога.—Положеніе его брата Андрея при Римскомъ дворѣ.—Раздача титуловъ и привиллегій.—Сношенія съ Москвой.—Продажа наслѣдственныхъ правъ Карлу VIII.—Завѣщаніе въ пользу Фердинанда и Изабеллы.—Сужденія современниковъ о Софіи.—Вліяніе, приписываемое ей.—Преданность ея православію.—Чудо, отмѣченное лѣтописью.—Временная опала Софіи.—Передача ея сыну великокняжескаго престола.

III. Смѣшанный бракъ.—Александръ Ягеллонъ—воспитанникъ Каллимаха.—Завоеванія Гедимина—Расплата за нихъ новыми войнами.—Бракъ какъ средство примиренія.—Матримоніальные переговоры.—Свадебное торжество.—Панруссизмъ.—Роль Ивана

III.—Посольство въ Римъ.—Альтернатива Александра VI.—Объясненіе.—Насиліе Елены.—Война Польши съ Москвою.—Плѣнъ славянскаго Сципіона.—Попытки посредничества со стороны Елены.—Вмѣшательство Александра VI.—Перемиріе.—Новыя козни Ивана.—Юрій II вновь ставитъ альтернативу Александра VI.—Задача будущаго.

I.

Путешественники, проѣзжавшіе по Россіи въ XV вѣкѣ по слѣдамъ Гилльберта де Ланнуа и Джьосафата Барбаро были не слишкомъ щедры въ своихъ сообщеніяхъ объ этой таинственной странѣ. Живѣе всего изображаетъ намъ великую сѣверную державу венеціанскій посолъ Контарини. Однако, проведя четыре мѣсяца на берегахъ Москвы-рѣки, гдѣ онъ имѣлъ возможность близко познакомиться съ бытомъ русскихъ людей, онъ оставилъ намъ лишь бѣглый очеркъ своихъ впечатлѣній. По этому документу можно получить лишь отдаленное представленіе о томъ, какъ чувствовалъ себя сынъ Запада, заброшенный на Сѣверъ.

Внѣшній видъ Москвы едва ли могъ поразить венеціанца, побывавшаго въ глубинахъ живописной Азіи. Скромная столица русской земли не имѣла еще ни своихъ безчисленныхъ колоколенъ, ни башенныхъ шпилей, ни куполовъ въ видѣ сіяющихъ луковицъ. Словомъ, въ ней не было еще того, что теперь, при косыхъ лучахъ вечерняго солнца, сообщаетъ Москвѣ фантастическій отпечатокъ какого-то города Индіи. Резиденція великаго князя представляла собою безпорядочную кучу убогихъ домишекъ, сколоченныхъ кое-какъ, безъ всякихъ архитектурныхъ претензій. Впрочемъ, зимою Москва пріобрѣтала своеобразную прелесть. Одѣтая снѣгомъ, въ уборѣ изъ сверкающаго льда, она выглядывала болѣе изящной и даже граціозной. На застывшихъ водахъ рѣки начиналась новая жизнь. Когда, въ концѣ октября ледъ заковывалъ ее окончательно, на гладкой его поверхности раскидывались безчислен-

ныя лавочки. Москва-рѣка превращалась въ базаръ. Съѣстной рынокъ представлялъ собою самое любопытное зрѣлище. Цѣлыя сотни коровьихъ, свиныхъ и бараньихъ тушъ стояли тутъ, подобно арміи въ боевомъ порядкѣ, покорно ожидая покупателей. Дѣла перемежались забавами. Здѣсь же, на льду, устраивались лошадиные бѣга, кулачные бои и другія, болѣе или менѣе, опасныя потѣхи.

Въ странѣ жестокихъ холодовъ, глубокихъ снѣговъ и льда, жило хорошо сложенное и сильное населеніе. «Мужчины и женщины въ Россіи одинаково красивы», говоритъ Контарини: «но пока—это народъ, находящійся въ скотскомъ состояніи (*gente bestiale*)». Всѣ классы русскаго общества заражены отвратительнымъ недугомъ. Демонъ пьянства, повидимому, окончательно утвердилъ свою власть въ Москвѣ. Повсюду здѣсь можно встрѣтить отчаянныхъ гулякъ, которые гордятся своей удалью и презираютъ трезвыхъ людей. Излюбленнымъ напиткомъ москвичей былъ, дѣйствительно, превосходный на вкусъ, но хмельной медъ: отъ него-то и страдало больше всего населеніе. Правительство принимало строгія мѣры, чтобы ограничить медовареніе. Это было необходимо, по мнѣнію венеціанца, ибо, въ противномъ случаѣ, русскіе люди никогда не выходили бы изъ непробуднаго пьянства и, пожалуй, перегрызлись бы всѣ между собою, какъ дикіе звѣри. Сына торговой республики немало удивляла безпечность русскихъ купцовъ. До полудня ихъ можно было видѣть на рынкѣ. Но съ наступленіемъ этого часа всѣ расходились обѣдать. Прекращались всѣ дѣла, обрывалась всякая работа. Не къ кому было обратиться, хотя бы за малѣйшей услугой*).

Картина, набросанная бѣглой рукой венеціанскаго гостя, конечно, не можетъ льстить національному самолюбію Россіи. Справедливость требуетъ признать, что она далеко не полна. Дѣло въ томъ, что москвичи не лишены были нѣкоторыхъ достоинствъ, которыхъ, очевидно, не сумѣлъ

*) Contarini, безъ пагинаціи.

подмѣтить Контарини. Они отличались энергіей и выносливостью. По природѣ своей они были превосходными колонизаторами. Вдобавокъ, ихъ отличала рѣдкая способность перенимать чужое. Когда христіанство внесло свѣтъ въ эту варварскую среду, то, уже при Ярославѣ Мудромъ, русскіе настолько шагнули впередъ, что можно было предсказать имъ блестящее будущее. Къ сожалѣнію, нормальному ходу культурнаго прогресса Россіи помѣшали кровавыя внутреннія усобицы. Затѣмъ, почти на цѣлыхъ три столѣтія, духовный ростъ злополучной страны былъ задержанъ татарскимъ игомъ. Всѣ эти бѣдствія положили роковой отпечатокъ на нравы и бытъ порабощенной націи. Народъ коснѣлъ въ глубокомъ невѣжествѣ. Только въ тиши монастырей нѣсколько трудолюбивыхъ монаховъ вели лѣтописи, стремясь сохранить для будущаго преданія глубокой старины. Все поэтическое творчество сводилось къ циклу былинъ; пластическое искусство ограничивалось рабскимъ воспроизведеніемъ традиціонныхъ іератическихъ типовъ. Можно было бы ожидать, что борьба съ невѣрными закалитъ духъ націи. Такъ было въ Испаніи. Но въ русскомъ человѣкѣ не было благородныхъ страстей Сида Кампеадора. Рыцарскіе идеалы оставались совершенно чуждыми массѣ русскаго народа. Мы не говоримъ объ отдѣльныхъ подвигахъ героизма или о мужественной оборонѣ осажденныхъ городовъ. Во всякомъ случаѣ, противъ татаръ русскіе охотнѣе пользовались средствами политики, нежели оружіемъ. Великіе князья осторожно и неуклонно шли къ своимъ завѣтнымъ цѣлямъ. Что касается народа, то онъ ничего не понималъ въ хитроумныхъ расчетахъ своихъ государей. Погруженный въ нищету, обложенный тяжелыми данями, беззащитный противъ хищническихъ набѣговъ татаръ, лишенный всякаго руководства и просвѣщенія, онъ жилъ въ безпросвѣтной темнотѣ. Совершенно естественно, что въ его нравахъ воскресала вся грубость первобытныхъ временъ.

Между тѣмъ, территоріальное объединеніе русскихъ

областей вокругъ Москвы близилось къ концу. Для того, чтобы создать молодому великому княжеству подобающее внѣшнее положеніе, необходимо было, прежде всего, свергнуть ненавистное иго татаръ. Отбросивъ монголовъ назадъ, въ ихъ Азію, Русь могла вдохнуть въ себя живительныя вѣянія европейскаго Ренесанса. Дабы наверстать потерянное время и сблизиться съ Западомъ, русскому народу оставалось только одно. Вернувъ свою свободу, онъ долженъ былъ сдѣлаться ученикомъ Европы и воспользоваться плодами ея прогресса. Разсматривая бракъ Ивана III съ Софіей Палеологъ съ такой стороны, мы не можемъ не признать его выдающимся моментомъ русской исторіи. Нетрудно убѣдиться въ этомъ на самыхъ фактахъ.

Внѣшнія обстоятельства удивительно благопріятствовали видамъ Московскаго великаго князя, державѣ котораго суждено было разростись впослѣдствіи до размѣровъ колоссальной имперіи. Дѣйствительно, въ то самое время, какъ твердой и искусной рукой Иванъ III велъ русскую землю къ національному единству, какъ прежніе удѣлы исчезали или присоединялись къ Москвѣ силою, а бѣлокаменная столица становилась средоточіемъ всей русской жизни— совершенно противоположный процессъ наблюдался у татаръ. Орда явно шла къ упадку. Очевидно, ея примитивная организація неспособна была выдержать испытанія времени. Нѣкогда грозные владыки, вродѣ Чингисъ-Хана или Тамерлана, еще могли сдержать въ своихъ рукахъ массу хищныхъ кочевниковъ. Но природа не слишкомъ расточительна: такъ же рѣдко, какъ и великихъ людей, она создаетъ исполиновъ варварства и звѣрства. Выродившіеся преемники титановъ скоро почувствовали, что власть ускользаетъ изъ ихъ рукъ. Началась внутренняя борьба. Полились потоки крови. Постепенно эти потрясенія привели Золотую Орду къ раздробленію. Отдѣлились Казань, Крымъ и другія ханства. Всѣ они были проникнуты ненавистью къ прежнимъ своимъ владыкамъ. Въ концѣ XV вѣка когда-то грозное царство доживало свои послѣдніе дни.

Его окружали смертельные враги, вышедшіе изъ его же собственныхъ нѣдръ.

Несмотря на слабость татаръ, Иванъ не рѣшался вступить съ ними въ открытую борьбу. Собрать храброе воинство, какъ Димитрій Донской? Ударить на врага, завязать съ ними битву, рисковать своею жизнью?.. Нѣтъ, все это было не въ характерѣ великаго князя, который тайныя козни предпочиталъ грому побѣдъ и мелкія стычки рѣшительнымъ сраженіямъ. Иванъ III искусно скрывалъ свои враждебныя намѣренія. Не унижаясь до поѣздокъ въ Сарай, онъ, однако, платилъ еще дань татарамъ. Впрочемъ, одновременно, онъ заключилъ дружественный союзъ съ Крымскимъ ханомъ. Въ его рукахъ этотъ послѣдній служилъ какъ-бы обоюдо-острымъ мечемъ. Московскій великій князь пользовался имъ съ одинаковымъ успѣхомъ, какъ противъ Сарая, такъ и противъ Польши. Дѣло въ томъ, что Менгли-Гирей давно ненавидѣлъ и хана Орды, и короля Казиміра. Вотъ почему къ этому времени относятся опустошительные набѣги крымскихъ татаръ на польско-литовскія области. Обезпечивъ себя съ Запада, Иванъ III, казалось бы, могъ попытать счастья и въ борьбѣ съ остатками Золотой Орды. Но великій князь не спѣшилъ. Мы уже упоминали выше о благополучномъ исходѣ кампаніи 1472 года. Несмотря на свой успѣхъ, Иванъ не рѣшался нарушить традиціи. Скоро прежнія отношенія къ Ордѣ возстановились, и въ то время, когда Московскій государь велъ Софію Палеологъ къ алтарю, онъ все еще былъ данникомъ татаръ.

Лѣтописи утверждаютъ, что въ дѣлѣ окончательнаго освобожденія русской земли отъ ига невѣрныхъ весьма значительная роль принадлежала наслѣдницѣ византійскихъ императоровъ. Дочь Палеологовъ хранила въ своемъ сердцѣ гордость великихъ кесарей. Она выросла въ атмосферѣ ненависти къ мусульманамъ. Паденіе Константинополя научило ее цѣнить національную независимость. Вотъ почему, будто бы, она понуждала своего супруга свергнуть

унизительное иго и вернуть русской землѣ свободу. Великая княгиня не ограничивалась словами. Дѣйствуя то силой, то хитростью, она сумѣла изгнать изъ Кремля уполномоченныхъ Орды. На мѣстѣ, гдѣ нѣкогда жили татары, была выстроена, яко бы по обѣту, христіанская церковь. Такимъ образомъ нога невѣрныхъ не могла вступить за святую ограду. Еще болѣе чувствительный ударъ былъ нанесенъ татарамъ съ матеріальной стороны. Скоро этимъ ненасытнымъ вымогателямъ пришлось убѣдиться, что Москва не будетъ болѣе посылать своего золота въ Орду. Слѣдуя внушеніямъ Софіи, внукъ Донского начиналъ подымать голову, слишкомъ долго склонявшуюся передъ ханами.

Ахматъ былъ внѣ себя отъ ярости при мысли, что добыча Чингисъ-хана и Батыя ускользаетъ изъ его рукъ. Онъ хотѣлъ снова видѣть у своихъ ногъ великихъ князей, которые будутъ являться къ нему съ золотомъ, мѣхами и драгоцѣнными тканями... Поэтому, около 1480 года, Казиміру IV безъ труда удалось склонить хана произвести одновременное нападеніе на Москву съ юго-востока и запада. Положеніе русской державы весьма напоминало условія 1472 года. Занятый борьбою съ Новгородомъ и усобицами съ собственными братьями, великій князь не могъ свободно дѣйствовать противъ внѣшнихъ враговъ. Весь успѣхъ задуманнаго плана зависѣлъ отъ быстроты его осуществленія. Но ханъ почему-то замѣшкался. Это дало Ивану возможность помириться съ внутренними врагами, заключить еще болѣе тѣсный союзъ съ Менгли-Гиреемъ и закончить военныя приготовленія. Когда татары подошли къ Окѣ, они убѣдились, что всѣ броды и переправы уже заняты и охраняются московскими войсками. Пришлось отступить къ Угрѣ. Но и здѣсь оказалось тоже самое.

Всѣ чувствовали, что наступаетъ знаменательный историческій моментъ. Народъ готовился защищать свою родину и вѣру. Ненависть къ татарамъ искала выхода. Наступала развязка. Но Иванъ былъ не на высотѣ своего положенія. Онъ уже раскаивался въ своей излишней смѣлости. По-

кинувъ войско, онъ вернулся въ Москву. Отсюда онъ отослалъ свою супругу вмѣстѣ съ казною дальше, на сѣверъ, а самъ рѣшилъ держаться на приличномъ разстояніи отъ непріятеля. Видя это, московскіе люди были охвачены негодованіемъ. На голову князя посыпались страстныя укоризны. Выразителемъ общаго мнѣнія явился духовникъ Ивана, Вассіанъ, архіепископъ Ростовскій. Онъ прямо называлъ малодушнаго государя бѣглецомъ. Маститый старецъ самъ предлагалъ стать во главѣ русской рати. Онъ хотѣлъ итти на врага подъ защитою своихъ сѣдинъ. Великаго князя смѣлый пастырь упрекалъ въ томъ, что онъ боится смерти... Развѣ можетъ избѣгнуть ея кто-либо изъ людей? Иванъ былъ смущенъ столь прямодушными обличеніями. Не чувствуя себя въ безопасности за стѣнами Кремля, онъ выѣхалъ изъ столицы въ ея окрестности. Здѣсь онъ провелъ нѣкоторое время, пытаясь уклониться отъ какого-то ни было рѣшительнаго отвѣта. Въ концѣ концовъ, однако, онъ понялъ, что необходимо успокоить общее возбужденіе. Скрѣпя сердце, великій князь вернулся къ своей арміи. Но, избѣгая честнаго боя, онъ отправилъ къ хану пословъ съ дарами. Имъ было поручено умилостивить татарина и упросить его о пощадѣ. Это послѣднее униженіе переполнило чашу. Вассіанъ снова взялся за перо. Въ своемъ патетическомъ посланіи къ Ивану, онъ горячо заклиналъ его одуматься, старался внушить ему мужество, сулилъ побѣду. Малодушный князь искалъ послѣдняго прибѣжища, ссылаясь на святость присяги, принесенной хану. Тогда духовный пастырь разрѣшилъ его отъ всякихъ клятвъ. Православный государь не можетъ оставлять народъ христіанскій въ жертву татарамъ. Развѣ долженъ былъ Иродъ, соблюдая данное слово, отсѣчь главу св. Іоанна Крестителя? Всѣ эти призывы дѣлаютъ честь Вассіану. Никто не могъ бы назвать его «псомъ нѣмымъ», пользуясь библейскимъ выраженіемъ. Немногимъ іерархамъ русскимъ удалось возвыситься до столь смѣлыхъ обличеній. И, однако, вся страстность доблестнаго архіепископа разбивалась о нерѣшительность Ивана.

Какъ на бѣду, великій князь постарался окружить себя такими же трусливыми совѣтниками. Лѣтопись съ презрѣніемъ называетъ ихъ богачами, наѣвшими себѣ брюхо. Эти предатели христіанъ и союзники невѣрныхъ твердили только объ одномъ, т. е. о бѣгствѣ. Самъ дьяволъ говорилъ ихъ устами. Подъ внушеніемъ этихъ рѣчей, великій князь ограничился оборонительными дѣйствіями, предоставляя событіямъ рѣшать дѣло.*)

Уже одной своей численностью московское войско внушало Ахмату нѣкоторое опасеніе. Вотъ почему онъ не рѣшался дать генеральную битву до соединенія своего съ Казиміромъ. Однако, напрасно ждалъ ханъ своего союзника. Занятый борьбою съ крымскимъ ханомъ, король польскій медлилъ прибытіемъ. Зато у Москвы оказался болѣе надежный и вѣрный пособникъ. Наступала зима со своими стужами и метелями. Она застигла татаръ раньше, чѣмъ имъ удалось помѣряться силами съ непріятелемъ. Захваченные врасплохъ, монголы не выдержали этого жестокаго испытанія. 11 ноября ордѣ былъ отданъ приказъ къ отступленію. Вполнѣ возможно, что, въ данномъ случаѣ, оказало свое дѣйствіе и золото русскихъ.

Благочестивые современники объясняютъ это событіе чудомъ. По ихъ словамъ, русское войско изнемогало и, наконецъ, начало отступать. Внезапно татаръ объялъ ужасъ. Вмѣсто того, чтобы преслѣдовать непріятеля, они бѣжали въ степь. Вся ихъ месть обрушилась на несчастную Литву. Опустошивъ ее, они ушли къ низовьямъ Донца, гдѣ и остановились на зимовку.

Какъ бы то ни было, 1480 годъ можно считать датой, знаменующей конецъ татарскаго ига. Скоро погибъ и ханъ Ахматъ, убитый вражеской рукой въ собственномъ шатрѣ. Орда доживала послѣдніе дни подъ окровавленными развалинами былого могущества. Передъ Россіей, освобож-

*) Въ самое недавнее время Тихомировъ (426) сдѣлалъ попытку справдать Ивана III. Но вопросъ приходится считать еще открытымъ.

денной отъ вѣковыхъ оковъ, открывалось великое будущее. Когда московская рать возвращалась во-свояси, она несла съ собою побѣду, добытую безъ боя. Бѣлокаменная столица встрѣтила православное воинство ликующимъ звономъ всѣхъ своихъ колоколовъ. Кто же былъ истиннымъ героемъ національнаго тріумфа? Конечно, не Иванъ III; разумѣется, не кто-либо изъ его совѣтниковъ. Торжествовала лукавая московская политика.

Не дожидаясь окончательной развязки вѣковой борьбы съ татарами, великій князь попытался сблизиться съ Западомъ. Въ послѣднюю пору своего существованія иго монголовъ уже не могло помѣшать сношеніямъ Россіи съ культурнымъ міромъ Европы. Иванъ вѣрно угадалъ потребности своего времени. Онъ постарался вывести русское государство изъ его обособленности. Бракъ съ Софіей Палеологъ явился самымъ удобнымъ случаемъ начать работу въ этомъ направленіи. Вмѣстѣ съ византійской принцессой ко двору великаго князя прибыли итальянцы и греки. Нѣкоторые изъ нихъ такъ и остались въ Москвѣ. Вслѣдъ за ними стали пріѣзжать и другіе. Московское правительство охотно пользовалось услугами этихъ иноземцевъ. Оно не только посылало ихъ, въ качествѣ своихъ агентовъ, ко дворамъ азіатскихъ деспотовъ, но и поручало имъ сношенія съ государями наиболѣе цивилизованныхъ странъ Запада.

А въ Европѣ XV вѣка было чему поучиться. Въ Италіи царилъ Ренессансъ. Его вѣяніе оживляло и сосѣднія страны. Центромъ Возрожденія являлся Римъ. Недаромъ папа Николай V собралъ здѣсь самыхъ величайшихъ художниковъ и талантливѣйшихъ ученыхъ своего времени, основалъ Ватиканскую библіотеку и далъ могучій толчекъ развитію знаній и искусствъ. Вѣчный городъ возрождался изъ-подъ руинъ. Прорѣзанный новыми артеріями, онъ какъ будто бы вторично переживалъ золотой вѣкъ Августа. Дивныя созданія Анджелико, Мелоццо, Перуджино вызывали восторгъ у всѣхъ, побывавшихъ въ рези-

денціи первосвященника католической Церкви. Превознося этотъ вѣкъ, гуманисты пользовались языкомъ Данте и Петрарки. Еще чаще прибѣгали они къ классической латыни, которая сдѣлала бы честь Цицерону и Виргилію. Чудесное изобрѣтеніе Гуттенберга и Фауста содѣйствовало самому быстрому распространенію идей Ренессанса. Открытія Христофора Колумба подняли завѣсу надъ Новымъ Свѣтомъ. Ослѣпленные успѣхомъ, смѣлые мореплаватели бороздили океанъ въ поискахъ сказочныхъ странъ. Умы были охвачены возбужденіемъ. Нарождался новый соціальный строй. Торговля и промышленность обнаруживали небывалый ростъ.

Русскимъ людямъ стоило лишь перевалить за свой рубежъ, чтобы собственными глазами увидѣть картину этого культурнаго расцвѣта. Заслугой великаго князя Ивана III явилось то, что онъ понялъ необходимость для Россіи общенія съ Западомъ. Онъ первый далъ толчекъ въ этомъ направленіи. Мало того: ему удалось извлечь изъ сношеній съ Европой наибольшую сумму пользы. Ивана III можно признать настоящимъ создателемъ московской дипломатіи. На Западѣ международныя отношенія были уже выработаны въ совершенствѣ. Тамъ отлично понимали, что такое неприкосновенность пословъ, каковы ихъ права и обязанности. Европейскіе дипломаты въ тонкости изучили свой этикетъ; они отлично знали, кому, гдѣ и когда должно принадлежать первенство; перья ихъ секретарей были изощрены до виртуозности въ условномъ стилѣ всяческихъ нотъ и грамотъ. Зарождалась особая наука дипломатіи. Выяснялись принципы международнаго права. Обсуждались вопросы объ обязательной силѣ и примѣнимости всѣхъ этихъ нормъ. Возникали цѣлыя научныя теоріи, хотя, по большей части, все сводилось къ грубо утилитарнымъ доктринамъ, не свободнымъ отъ примѣси предательства. Ученіе Макіавели было въ большей, чѣмъ слѣдуетъ, чести на его родинѣ. Порою его начала проводились въ жизнь самымъ цинническимъ образомъ. Разумѣет-

ся, напрасно стали бы мы искать чего-нибудь подобнаго въ Москвѣ. Здѣсь еще никто не поднимался на высоту абстрактныхъ теорій дипломатіи. Но зато тутъ преобладалъ самый трезвый практическій смыслъ; династическія идеи всасывались съ молокомъ матери; стойкость, обнаруживаемая при ихъ защитѣ, бывала непреклонна. Въ довершеніе всего, русскіе прошли превосходную школу лицемѣрія и изворотливости. Волею обстоятельствъ они были обречены на многовѣковыя сношенія съ азіатскими деспотами, которые оказывались то сосѣдями ихъ, то владыками. Благодаря грекамъ, Русь познакомилась съ обычаями и нравами болѣе культурныхъ странъ. Свою азіатскую внѣшность она сохранила надолго. Но скоро туземные дипломаты усвоили всѣ пріемы своихъ европейскихъ коллегъ и начали успѣшно соперничать съ ними въ ловкости.

Въ глазахъ великаго князя внѣшнія сношенія Россіи были всегда вопросомъ величайшей важности. При Иванѣ III мы не находимъ еще никакого спеціальнаго учрежденія, которое вѣдало бы эти дѣла, какъ то было въ эпоху Грознаго. Супругъ Софіи Палеологъ самолично занимался ими, пользуясь помощью своихъ бояръ, дьяковъ и подъячихъ. Происходили эти занятія въ Кремлѣ. Здѣсь зарождалось будущее министерство иностранныхъ дѣлъ. Какъ извѣстно, со времени радикальныхъ реформъ Петра Великаго, въ Россіи уже не существуетъ привиллегированнаго сословія бояръ, этихъ высшихъ сановниковъ московскаго государства. Но несомнѣнно, что позднѣйшіе Горчаковы, Гирсы и Лобановы связаны прямымъ іерархическимъ преемствомъ со старыми дьяками. Въ качествѣ министровъ или посланниковъ они непосредственно свыше получали всѣ свои инструкціи. Руководя дѣлами во всѣхъ подробностяхъ, они, когда нужно, справлялись въ архивахъ, подготовляли проекты или вели переговоры отъ имени государя. Что касается подъячихъ, то имъ принадлежала второстепенная роль: они вѣдали канцелярскую часть. Ихъ перьями исписаны тѣ столбцы и свитки, изъ которыхъ иные восходятъ ко времени

Ивана III и содержатъ переписку съ различными иноземными государствами. Они же писали *грамоты и наказы*, т. е. посланія и инструкціи московскаго правительства. Надо отдать должное подъячимъ Ивана III. Съ палеографической точки зрѣнія, равно какъ и въ смыслѣ изящества и чистоты техники, памятники дипломатическихъ сношеній XV вѣка стоятъ значительно выше такихъ же документовъ XVI столѣтія.

Московское правительство не могло обойтись безъ посольствъ къ иноземнымъ дворамъ. Если не считать миссій Вольпе и Джисларди, при Иванѣ III во главѣ посольства ставился, обыкновенно, кто-нибудь изъ грековъ. Къ нему прикомандировывались русскіе, которые, такимъ образомъ, подготовлялись къ дипломатической карьерѣ. При отъѣздѣ, великій князь снабжалъ своихъ представителей наказомъ. Въ немъ содержались самыя мелочныя предписанія. Ихъ можно было свести къ тремъ существеннымъ пунктамъ. Прежде всего, указывалось, какими традиціонными формулами необходимо пользоваться, поднося дары иноземнымъ государямъ. Эти дары состояли изъ дорогихъ мѣховъ—соболькихъ или куньихъ, бѣлыхъ соколовъ, богато украшенныхъ сабель, луковъ со стрѣлами и колчанами и другого оружія. Въ Венеціи не стѣснялись открыто продавать эти подарки съ публичнаго торга. Въ другихъ мѣстахъ, вѣроятно, дѣло не доходило до столь обидной откровенности.

Затѣмъ свидѣтельствовалась подлинность грамоты, служившей одновременно паспортомъ и довѣренностью. Въ Венеціи хранится оригиналъ посланія Ивана III къ Александру VI. Этотъ документъ даетъ точное представленіе о русской дипломатіи, почти не мѣнявшейся за все правленіе этого великаго князя. Написано упомянутое посланіе на обыкновенной бумагѣ и скрѣплено печатью съ изображеніемъ св. Георгія Побѣдоносца.

Третья часть наказа содержала въ себѣ самый важный матеріалъ. Здѣсь излагалась цѣль миссіи, причемъ дѣлались

самыя мелочныя указанія относительно того, какъ надо вести дѣло. Строились самыя разнообразныя предположенія; предусматривались всевозможные вопросы. На каждый изъ нихъ заранѣе давался отвѣтъ—либо категорическій, либо уклончивый, смотря по обстоятельствамъ. Конечно, теперь намъ нѣсколько скучно читать эти діалоги, во всякомъ случаѣ, они свидѣтельствуютъ о великомъ прилежаніи и чрезвычайной осторожности московскихъ дипломатовъ. Не желая ничего предоставлять волѣ случая, они изучали дѣло возможно глубже. Разсматривая его со всѣхъ сторонъ, они, однако, ни на минуту не измѣняли своихъ принципамъ. Преданія старины руководили всѣми ихъ помыслами. Цѣль ихъ стремленій всегда была вполнѣ опредѣленна. При этомъ они заботились больше всего о томъ, чтобы поддержать и, если возможно, увеличить свой престижъ. И въ этомъ отношеніи, XV вѣкъ опять оставлялъ за собою XVII столѣтіе. Уже съ точки зрѣнія стиля и формы, наказы Ивана III менѣе многословны, но болѣе ясны и точны, нежели инструкціи Грознаго. Въ послѣднихъ слишкомъ часто въ чрезмѣрномъ обиліи словъ теряется связность мысли.

Снабженные наказами и грамотами, послы покидали Москву, чтобы съ пути оповѣщать отъ времени до времени великаго князя о томъ, что нужно, въ особыхъ донесеніяхъ. Когда цѣлью поѣздки являлась Италія, дорога пословъ лежала черезъ Миланъ, Венецію и Флоренцію въ Римъ и даже Неаполь. Вдоль всего этого пути попадались колоніи грековъ: быть можетъ, этимъ и руководились представители московскаго государя, заранѣе предвкушая радость встрѣчъ со своими соотечественниками. По дорогѣ, онисообщали итальянцамъ всяческія свѣдѣнія о русской землѣ. При этомъ, соединяя миссію дипломатовъ съ интересами коммерческихъ людей, они не гнушались торговыхъ дѣлъ и охотно брали на себя коммиссіонныя порученія. Повидимому, такой обычай бралъ свое начало съ Востока. До насъ дошла записка маркиза Мантуанскаго отъ 10 мая 1499 года. По ней мы можемъ заключить, что порою московскіе послы—коммис-

сіонеры дѣйствовали безъ должной скромности. Въ то время въ Италіи находился Димитрій Ралевъ. Онъ счелъ своимъ долгомъ предупредить маркиза о скоромъ своемъ возвращеніи въ Москву и предложить по этому поводу свои услуги. При этомъ онъ выражалъ готовность самолично явиться въ Мантую или же прислать туда своего довѣреннаго. Франческо Гонзага отвѣтилъ Ралеву категорическимъ отказомъ. Онъ такъ горячо желалъ русскому послу добраго пути, что нетрудно было понять, насколько онъ былъ бы недоволенъ его пріѣздомъ въ Мантую*).

Необходимо отмѣтить еще одну характерную особенность русскихъ посольствъ. Мы не знаемъ, было ли то наслѣдіемъ варварства или же свидѣтельствомъ прогресса, завѣтомъ византійской политики или же капризомъ кремлевскихъ владыкъ.—Но, во всякомъ случаѣ, русскіе оказывались неумолимы въ вопросахъ этикета. Вездѣ они требовали себѣ перваго мѣста, предпочитая не добиться ничего своей миссіей, нежели уступить хоть одну пядь кому-нибудь другому. Своей щепетильностью эти пришельцы съ сѣвера далеко оставляли за собою дипломатовъ Венеціи или Испаніи. Настойчивость ихъ въ дѣлѣ защиты своихъ притязаній была, по истинѣ, изумительна. Порою она принимала, прямо, курьезный характеръ. Къ сожалѣнію, современники не избразили намъ портретовъ московскаго посла и греческаго дипломата XV вѣка. Надо думать, что контрастъ между обоими типами былъ бы разительный. Такъ или и иначе, представители Византіи подверглись, болѣе или менѣе, облагораживающему вліянію культурнаго міра. Что касается русскихъ, то всѣ они, вѣроятно, походили на Шевригина съ Молвяниновымъ или же на тѣхъ своихъ собратій XVII вѣка, которые привели въ такое смущеніе руссофила Крижанича.

За недостаткомъ болѣе подробныхъ данныхъ, быть можетъ, не безполезно собрать здѣсь воедино разбросанныя черты, и суммарно охарактеризовать дѣятельность русскихъ

*) Giornale araldico, IX, 1888,49.

пословъ въ Италіи и Австріи до 1505 года. Эти посольства оставили по себѣ наиболѣе замѣтный слѣдъ. Съ одной стороны, они привлекли въ Москву нѣкоторыхъ выдающихся людей; съ другой, ими затронуты были самые интересные политическіе вопросы. Знакомясь съ ихъ исторіей, мы ясно видимъ, что они знаменовали собою приближеніе или даже начало новой эры.

Вереница русскихъ пословъ въ Европѣ открывается фигурою Семена Толбузина. 24 іюля 1474 года онъ былъ отправленъ въ Венецію вмѣстѣ съ извѣстнымъ уже читателю Антоніо Джисларди. Тревизанъ былъ уже прощенъ великимъ княземъ и отпущенъ въ Золотую Орду. Толбузинъ явился съ этими добрыми вѣстями къ Сеньеріи; затѣмъ онъ принялся набирать мастеровъ и художниковъ всякаго рода. Такъ какъ онъ привезъ съ собою въ даръ собольи шкуры, то сенатъ рѣшилъ не остаться въ долгу. 27 декабря 1474 года было постановлено отдарить великаго князя золотою парчею, стоимостью въ 200 дукатовъ. Самъ Толбузинъ получилъ платье изъ той же парчи; секретарю его дали нарядъ изъ камки, а слугамъ—изъ багрянаго сукна. Всѣмъ этимъ одѣяніямъ пришлось уже совершить длинный путь. Они успѣли побывать въ Персіи, гдѣ ими предполагалось надѣлить придворныхъ шаха. Однако, случая для этого не представилось. Теперь все это досталось русскимъ...

Посѣтивъ Римъ, гдѣ пребываніе его не оставило никакихъ слѣдовъ, Толбузинъ тронулся обратно въ Москву и прибылъ туда въ мартѣ 1475 года. Это посольство останется навсегда памятно исторіи, ибо оно подарило русскихъ однимъ итальянцемъ, имя котораго покрыто безсмертіемъ. Родольфо Фіоравенти дельи Альберти, болѣе извѣстный подъ именемъ Аристотеля, былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ художниковъ своей родины. Такой авторитетный судья, какъ Евгеній Мюнтцъ, не колеблясь, называетъ его самымъ выдающимся инженеромъ и однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ зодчихъ Италіи XV вѣка. Уроже-

нецъ Болоньи, Аристотель впервые пріобрѣлъ себѣ извѣстность въ Римѣ, гдѣ онъ перенесъ на Ватиканъ огромныя монолитныя колонны храма Минервы. Въ 1455 году онъ продѣлалъ настоящій *tour de force* въ своемъ родномъ городѣ. Безъ всякихъ поврежденій онъ передвинулъ монументальную башню делла Маціоне, вышиною въ 12 метровъ, на разстояніе въ 35 футовъ. Кардиналъ Виссаріанъ, бывшій тогда легатомъ Куріи, наградилъ отважнаго инженера суммою въ 50 флориновъ. Одаренный изумительной энергіей, Фіоравенти скоро заставилъ говорить о себѣ и Неаполь, и Миланъ, и Венгрію. Наконецъ, онъ опять отличился въ Римѣ, гдѣ Павелъ II хотѣлъ было возстановить тотъ самый гранитный обелискъ, который впослѣдствіи былъ поднятъ по властному слову Сикста V. Слава Аристотеля настолько упрочилась, что правитель Болоньи какъ-то заявилъ: «никто не можетъ сказать, чего не знаетъ Фіоравенти въ архитектурѣ»... Одновременно геніальнаго строителя звали къ себѣ султанъ и московскій великій князь. Аристотель предпочелъ Кремль сералю. Въ Москву онъ прибылъ съ сыномъ своимъ, Андреа, и ученикомъ, Пьетро. Однако, при дворѣ Ивана знаменитый художникъ не заслужилъ тѣхъ почестей, которыми удостоенъ былъ со стороны султана Джентиле Беллини. Несмотря на это, благодаря Фіоравенти, столица русскихъ государей украсилась тѣми дивными зданіями, которыми она по справедливости гордится донынѣ. О нихъ мы подробнѣе скажемъ ниже. Въ 1479 году болонцы потребовали возвращенія своего соотечественника. Но Иванъ III не пожелалъ внять ихъ желаніямъ. Нѣкоторое время спустя самъ Фіоравенти, напуганный судебными расправами и казнями великаго князя, задумалъ было бѣжать. Однако, ему пришлось остаться.

Изъ глубины своего заточенія на чужбинѣ, Фіоравенти, вѣроятно, часто переносился мысленно къ свѣтлымъ и плодотворнымъ годамъ, проведеннымъ нѣкогда въ Миланѣ, подъ покровительствомъ такого мецената, какъ Франческо Сфорца. Самъ герцогъ уже умеръ. Ему наслѣдовалъ сынъ его, Га-

леаццо Маріа. Въ 1476 году Фіоравенти отправилъ ему двухъ великолѣпныхъ кречетовъ. Для страстнаго охотника такой даръ явился цѣлымъ открытіемъ. Теперь онъ будетъ знать, куда нужно обращаться за содѣйствіемъ своимъ благороднымъ увлеченіямъ. Галеаццо горячо благодарилъ Аристотеля. Онъ готовъ былъ итти навстрѣчу всѣмъ его желаніямъ. Уладивъ дѣла Фіоравенти въ Болоньѣ, герцогъ послалъ ему въ благодарность сто дукатовъ и штуку дорогой матеріи. Отвезти эти подарки и было поручено молодому Андреа. Съ нимъ вмѣстѣ должны были отправиться въ Москву два придворныхъ сокольничихъ: на нихъ была возложена обязанность ѣхать впередъ и развѣдывать дорогу. Галеаццо этимъ не ограничился. Въ своемъ письмѣ къ Ивану, котораго, кстати, онъ называетъ Георгіемъ, владѣтельный герцогъ Миланскій не скрываетъ своей страсти къ соколамъ и бѣлымъ кречетамъ. Онъ сулитъ великому князю дорогія ткани въ надеждѣ получить за нихъ желанныхъ птицъ. Онъ превозноситъ «великія добродѣтели» московскаго государя и предлагаетъ установить правильныя сношенія между обоими дворами. Нельзя сказать, чтобы Кремль былъ избалованъ подобнымъ вниманіемъ. Однако, герцогу не пришлось добиться своего. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, 26 декабря, онъ палъ жертвой собственной жестокости, сраженный кинжаломъ Ламбуньяни*).

Несмотря на гибель Галеаццо Сфорца, сношенія, завязавшіяся благодаря Фіоравенти, не прервались. Въ этомъ мы, болѣе или менѣе, ясно убѣждаемся въ 1473 году. Уже на слѣдующій годъ, отвѣчая на запросъ короля Казиміра, Сикстъ IV обѣщалъ ему, что, еслибы Иванъ III и попросилъ о томъ, онъ никогда не даруетъ ему императорскаго или королевскаго титула *in tota ruthenica natione*, не посовѣтовавшись предварительно съ Польшей. Повидимому,

*) Венец. арх., *Senat. Secret.*, tab XXVI fob. 164.—Muntz, *Hist. de l'art*, t. I p. 115—Beltrami, Canetta. Guatandi Malagola, passim — Simoni, 182.

кто-то распространилъ слухъ, что въ Римъ ѣдетъ посольство съ домогательствами именно такого рода. 24 іюня 1486 года въ Миланъ явился въ качествѣ московскаго посла грекъ по имени Георгій Перканкотъ. Онъ привезъ съ собою обычные подарки. Въ отвѣтъ на его представленія въ Москву было отправлено весьма любезное, но совершенно незначительное письмо*).

Новое русское посольство, снаряженное въ 1488 году, должно было оповѣстить иноземныя державы о крупномъ событіи, совершившемся на Востокѣ. Въ 1487 году, воспользовавшись усобицами, царившими въ Казани, великій князь двинулъ свое войско на этотъ татарскій городъ. Взявъ Казань приступомъ, онъ низложилъ хана изъ враждебной русскимъ партіи и поставилъ на его мѣсто одного изъ своихъ сторонниковъ. Было еще рано думать объ окончательномъ присоединеніи Казани. Иванъ ограничился лишь первымъ шагомъ въ этомъ направленіи, присвоивъ титулъ великаго князя болгарскаго. Во всякомъ случаѣ, торжество его оружія было настолько блестящимъ, что онъ рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, дабы заявить о себѣ Западной Европѣ. Съ вѣстью о побѣдѣ надъ Казанью были отправлены въ Италію двое братьевъ, Дмитрій и Мануилъ Ралевы-Палеологъ. Оба были изъ семьи грековъ, за нѣсколько лѣтъ до того переселившейся въ Москву. Послѣ семидесятидневнаго путешествія русскіе послы прибыли въ Венецію. 6 сентября 1476 года они были приняты сенатомъ. Кульминаціоннымъ пунктомъ рѣчи московскихъ уполномоченныхъ было сообщеніе о великой побѣдѣ, одержанной въ іюнѣ 1476 года ихъ королемъ [sic] надъ однимъ изъ татарскихъ князей, дерзнувшимъ напасть на Ивана со сто десятью тысячами конницы. Повидимому, венеціанцы удовлетворились этими разглагольствованіями, не интересуясь болѣе конкретными фактами. Затѣмъ московскіе послы

*) Милан. арх., *Pot. est., Russia,* 1483, 15 Dec. письмо Винче Малы; *Missive* n° 165 f. 213, v°.—Theiner, *Vet. Monum. Pol.* II 230.

напомнили о своемъ греческомъ происхожденіи и заявили о своей глубокой и неизмѣнной преданности Сеньеріи. Въ подтвержденіе этого, помимо мѣховъ, привезенныхъ отъ великаго князя, они отъ собственнаго имени поднесли сенату 80 соболей. За это каждый изъ нихъ получилъ платье изъ золотой парчи и 100 дукатовъ. Чтобы покрыть произведенный расходъ, сенаторы объявили продажу соболей съ публичнаго торга.

Изъ Венеціи московскіе послы отправились въ Римъ. 18 ноября они присутствовали на папской мессѣ въ Ватиканѣ. Когда хоръ запѣлъ: Gloria in excelsis, папа Иннокентій VIII пригласилъ одного изъ нихъ стать на ступени своего трона. Русскому уполномоченному было предоставлено здѣсь почетное мѣсто, сейчасъ же за сенаторомъ, который воплощалъ въ себѣ славное прошлое Рима. Эти подробности мы заимствуемъ у Бурхарда: онъ добавляетъ, что русскій посолъ прибылъ въ Римъ для выраженія покорности папѣ. Съ другой стороны, когда оба брата уже возвращались въ Москву, опять разнесся слухъ, что имъ удалось выхлопотать для своего великаго князя королевскую корону. Казиміръ Польскій былъ страшно встревоженъ этимъ. Не взирая на обѣщанія, данныя Сикстомъ IV, онъ рѣшилъ сообщить папѣ о своихъ опасеніяхъ. Письмомъ отъ 26 іюля 1489 года онъ формально запросилъ объясненій отъ Ватикана. Мы видимъ, что всѣ эти страхи возникали періодически: явное дѣло, то было не случайно. Естественно навязывается одно предположеніе. Припомнимъ, что уже Вольпе, въ присутствіи свидѣтелей, завѣрялъ папу въ покорности русскихъ. И тогда по этому поводу ходили слухи о пожалованіи московскимъ князьямъ новыхъ почетныхъ титуловъ. Не велась ли и теперь та же самая двусмысленная политика? Не остались ли греки вѣрны своей испытанной системѣ? Вотъ, чѣмъ объясняется, быть можетъ, что въ Римѣ такъ долго были увѣрены въ наилучшемъ расположеніи Москвы и въ неотразимомъ очарованіи королевской короны.

Русскіе послы вернулись въ Москву лишь въ 1490 году. Съ ними прибыла цѣлая партія каменщиковъ, литейщиковъ, оружейныхъ мастеровъ и т. п. Въ томъ числѣ находился зодчій, достойный быть преемникомъ Фіоравенти и способный поддержать его славу. Пьетро Антоніо Солари принадлежалъ къ благородной миланской фамиліи, въ которой любовь къ искусству и знаніе его передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе. Пьетро Антоніо съ раннихъ лѣтъ былъ сотрудникомъ своего отца, Бонифорте. То былъ самый одаренный представитель семьи Солари. Всю свою жизнь онъ оставался вѣренъ излюбленному имъ ломбардскому стилю, который характеризуется стремленіемъ къ пирамидальнымъ формамъ и примѣсью германскихъ мотивовъ, проникшихъ въ Италію со временъ Фридриха II. Герцоги Сфорца высоко цѣнили талантъ Пьетро Антоніо. Задолго до смерти отца они обѣщали сохранить за нимъ званіе архитектора Миланскаго собора. Однако, когда Бонифорте умеръ, то причтъ этого храма воспротивился назначенію Пьетро Антоніо. Выборъ герцога не удостоился утвержденія. Постъ, котораго Солари болѣе всего добивался, ускользнулъ отъ него навсегда. Быть можетъ, вслѣдствіе такого разочарованія онъ и воспользовался приглашеніемъ въ Москву. Съ Солари вмѣстѣ отправились: ученикъ его, пушечныхъ дѣлъ мастеръ, Занантоніо, нѣкто Джакобо съ женой и серебряникъ Кристофоро съ двумя подмастерьями, родомъ изъ Рима. Впрочемъ, въ нашихъ источникахъ упоминается еще нѣсколько лицъ, присоединившихся къ Пьетро Антоніо. То были: нѣмецъ Альбертъ изъ Любека, венеціанецъ Карло и его ученикъ. Солари очень скоро выдвинулся въ Москвѣ и пріобрѣлъ расположеніе Ивана. Повидимому, великій князь даривалъ миланскаго зодчаго совершенно исключительнымъ довѣріемъ. Нѣкогда въ архивѣ родного города Солари хранился документъ, въ настоящее время затерянный. На немъ стояла подпись: *Petrus Antonius de Solario architectus generalis Moscoviae.* Несомнѣнно, такое званіе могъ носить только тотъ,

кому принадлежало первое мѣсто среди художниковъ московскаго двора. Впрочемъ, дѣятельность Солари въ Россіи была непродолжительна. Уже 22 ноября 1493 года матери его, Джьованинѣ Чизате, было выдано свидѣтельство отъ герцога, удостовѣрявшее ея права на наслѣдство отъ сына, умершаго нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

Еще болѣе трагична была судьба лекаря — еврея, пріѣхавшаго въ Москву изъ Венеціи. Лѣтопись именуетъ его Жидовиномъ. Онъ прибылъ въ Россію одновременно съ Солари. Первымъ паціентомъ Жидовина явился сынъ великаго князя и Маріи Тверской, по имени Иванъ. Вполнѣ увѣренный въ себѣ, венеціанскій врачъ ручался жизнью за выздоровленіе больного. Леченіе затянулось. Несчастный паціентъ сильно страдалъ... Все это разрѣшилось роковой развязкой. Когда сынъ великаго князя скончался, злополучному Жидовину отрубили голову *). Очевидно, Кремль не привыкъ прощать неосторожныя слова, а, тѣмъ болѣе, обманныя обѣщанія.

Три года спустя по возвращеніи братьевъ Палеологъ, т.-е. въ маѣ 1493 года, въ Миланъ выѣхало новое посольство. Во главѣ его стояли: грекъ Мануилъ Докса и русскій Даніилъ Мамыревъ. Съ собою они везли грамоту къ герцогу Джьанъ Галеаццо. Въ Москвѣ еще не знали, что этотъ злополучный князь томился въ своей золоченой клѣткѣ въ Павіи, между тѣмъ какъ власть его находилась въ рукахъ дяди и опекуна, Лодовико Моро. Этотъ регентъ уже мечталъ о коронѣ. Прибытіе московскаго посольства съ богатыми и диковинными дарами доставило ему живѣйшую радость. Свидѣтелемъ того былъ флорентійскій уполномоченный Гуиччардини. Ослѣпленный своимъ эфемернымъ могуществомъ въ Италіи и падкій до славы, Лодовико былъ польщенъ прибытіемъ посольства, явившагося такъ издалека. Ему любо было красоваться въ кругу

*) Венец. Арх. *Senat. Secret.* XXX, f. 152 v°.—Библ. св. Марка, Sanuto, *Croc. Ven.*, III f. 304 v°.—Burchard, I, 323.—*Codex epist.*,—I, 293.—Caffi, 686.—*Лѣтописецъ*, 317.—*Русск. Лѣт.*, VI, 125.

блестящаго, хотя и скептически настроеннаго двора; ему нравилось держать около себя цѣлую плеяду гуманистовъ, поэтовъ и ораторовъ, цѣлую армію архитекторовъ, живописцевъ и ювелировъ. Только Лоренцо Великолѣпный могъ соперничать съ нимъ; однако, въ распоряженіи правителя Флоренціи не было ни Браманте, ни Леонардо да-Винчи. За недостаткомъ новаго Фіоравенти или Солари, русскимъ пришлось удовольствоваться на этотъ разъ приглашеніемъ нѣкоего *бомбардеро* по имени Зоаннъ. Но тутъ Лодовико оказался неумолимъ. Желая во что бы то ни стало удержать своего бомбардеро, онъ требовалъ выдачи его даже отъ Венеціи. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать, добился ли онъ своего.

Бракъ сестры Джьанъ Галеаццо, Біанки Сфорца, съ императоромъ Максиміліаномъ I повлекъ за собою новый инцидентъ того же рода. Свадебныя торжества происходили въ концѣ ноября. Они обставлены были со всѣмъ блескомъ и великолѣпіемъ, которыми умѣлъ щегольнуть Лодовико. Руководясь своимъ художественнымъ вкусомъ, онъ, какъ никто, былъ способенъ вызывать восторгъ празднествами и располагать къ себѣ сердца согражданъ. Однако, послы Ивана остались совершенно равнодушными ко всей этой сказочной пышности. Они заявили, что не желаютъ присутствовать при бракосочетаніи, дабы не уступить перваго мѣста представителямъ императора, Франціи или Испаніи. Конечно, на это у нихъ нашлись свои резоны..... Не говоря уже о блескѣ происхожденія московскаго великаго князя, они настаивали на томъ, что ихъ государь могущественнѣе Венгерскаго, Богемскаго и Польскаго королей, взятыхъ вмѣстѣ... Сколько ни убѣждали русскихъ пословъ, они остались непреклонны. Мы увидимъ, впрочемъ, что такое упорство нисколько имъ не повредило.

Въ началѣ декабря московскіе гости были приглашены на придворную охоту въ окрестностяхъ Тичино. Благородная забава удалась на славу: дичи оказалось множество. Когда русскіе послы стали собираться къ отъѣзду, Лодо-

вико отпустилъ ихъ съ тѣмъ же почетомъ, съ какимъ и принялъ. До Венеціи ихъ проводилъ спеціально командированный представитель герцога; затѣмъ миланскому послу было предписано оказать русскимъ всяческое содѣйствіе. Этого мало. Желая еще тѣснѣе скрѣпить дружественныя узы свои съ Москвою, Лодовико намѣревался отправить въ Россію особаго посла. Мы не видимъ, однако, чтобы этотъ планъ былъ приведенъ въ исполненіе.

29 декабря 1493 года Докса и Мамыревъ были приняты венеціанскимъ сенатомъ. Тотчасъ затѣмъ имъ представился случай вновь проявить свое высокомѣріе. 1 января 1494 года въ соборѣ св. Марка происходила торжественная месса. Присутствовали дожъ съ членами совѣта, сенаторы, патриціи. Русскимъ посламъ отведено было почетное мѣсто. Но, когда представители другихъ державъ стали рядомъ съ ними, Докса и Мамыревъ демонстративно вышли изъ собора. Свой поступокъ они объяснили тѣмъ, что не могутъ снести обиды, чинимой ихъ государю.

Въ 1494 году оба посла вернулись въ Москву. И на этотъ разъ они прибыли въ сопровожденіи нѣсколькихъ иноземцевъ, согласившихся поступить на службу къ великому князю. Кромѣ оружейнаго мастера Пьетро, происхожденіе котораго неизвѣстно, Докса и Мамыревъ привезли съ собою трехъ уроженцевъ Милана: Алоизіо Каркано, Микеле Парпайоне и Бернардино Боргомайнеро Первое мѣсто среди нихъ принадлежало Алоизіо. Въ одномъ изъ документовъ той эпохи онъ именуется mastro da muro. Алоизіо поддерживалъ сношенія съ родней, оставшейся въ Италіи. Его первыя письма изъ Москвы дышатъ чувствомъ полнѣйшаго удовлетворенія. Тотчасъ по его прибытіи, великій князь милостиво пожаловалъ миланскому зодчему восемь смѣнъ одежды. Денегъ у Алоизіо оказывалось, сколько угодно. Ихъ было столько, что онъ собирался при первомъ удобномъ случаѣ подѣлиться ими съ родней*).

*) Милан. арх. Pot. est., *Russia*, 1493.—Бутурлинъ, II, 275—279.—Caffi, 690.—Русск. лѣт. VI, 140.

Слѣдующее посольство, снаряженное въ 1499 году, представляетъ для насъ особый интересъ по тѣмъ испытаніямъ, которыя ему пришлось пережить на обратномъ пути. Въ этомъ году Дмитрій Ралевъ былъ опять отправленъ съ миссіей въ Венецію, Римъ и Неаполь. На сей разъ ему пришлось ѣхать уже не съ братомъ, но съ чистокровнымъ русскимъ, Митрофаномъ Ѳеодоровичемъ Карачаровымъ. Мы уже говорили выше о той вѣрительной грамотѣ, которой были снабжены послы для представленія папѣ Александру VI. Читатель нашъ помнитъ и о двусмысленномъ письмѣ, которымъ маркизъ Мантуанскій отвѣтилъ на домогательства оборотливаго русскаго гостя. Вообще, коммерческіе расчеты московскихъ пословъ доставляли имъ не мало хлопотъ. Между прочимъ, на Венеціанской таможнѣ были крайне удивлены огромнымъ багажомъ этихъ дипломатовъ. Тѣмъ не менѣе, Ралевъ производилъ достаточно внушительное впечатлѣніе. Онъ одѣтъ былъ въ золотую парчу, объяснялся по-латыни и по-гречески... Всѣ знали, что онъ въ родствѣ съ Палеологами. 11 марта 1500 года, вмѣстѣ съ Митрофаномъ Карачаровымъ, онъ слушалъ въ Римѣ рѣчь папы Александра VI, призывавшаго къ крестовому походу на турокъ. По возвращеніи въ Венецію, оба посла были приглашены участвовать въ торжественной процессіи. Однако, они отказались, узнавши, что первое мѣсто будетъ принадлежать французамъ. Сеньорія примирилась съ этимъ рѣшеніемъ.

Ей приходилось дорожить предполагаемыми союзниками противъ Ислама. Потому-то и былъ выдвинутъ этотъ жгучій вопросъ, и приняты мѣры, чтобы побудить русскихъ къ войнѣ съ турками. Въ этомъ смыслѣ и было составлено посланіе къ Ивану.

Ралевъ покидалъ Италію во главѣ длиннаго каравана— столько народу собралось съ нимъ въ Москву. Ѣхали цѣлыми семьями. Вѣра въ будущее была такъ велика у этихъ эмигрантовъ, что они увозили съ собою женъ и дѣтей. Въ то время обычные пути на Сѣверъ были недоступны

благодаря враждебнымъ отношеніямъ Москвы съ Литвою и Ливоніей. Пришлось итти Югомъ, вдоль береговъ Чернаго моря, чтобы проникнуть въ Россію черезъ степи. У Ивана по всему пути были друзья—и въ Венгріи, и въ Молдавіи, и въ Крыму. Обыкновенно, путешествіе совершалось безпрепятственно. И на этотъ разъ все шло благополучно до Молдавіи. Но тамъ возникло неожиданное затрудненіе. До воеводы Стефана дошли извѣстія о разыгравшейся въ Кремлѣ семейной драмѣ. Дочь его, Елена, вдова старшаго сына Ивана и мать будущаго наслѣдника престола, впала въ немилость. Такимъ образомъ великокняжескій вѣнецъ ускользалъ изъ ея рукъ. У Москвы потребовали объясненій. Въ отместку, Стефанъ задержалъ Ралева со всей его ватагой. Мирные путешественники очутились какъ бы въ плѣну. Донесли объ этомъ Ивану. Тотчасъ же онъ шлетъ письмо за письмомъ къ Крымскому хану, чтобы задержаннымъ вернули свободу. Онъ проситъ хана переговорить со Стефаномъ, пріютить странниковъ въ Перекопѣ, снабдить деньгами, конями и одеждой и доставить въ Путивль. За все это будетъ щедро заплачено. Менгли-Гирею удалось исполнить просьбу. Въ іюнѣ 1503 года несчастные путешественники были уже въ его владѣніяхъ. Но и будучи союзникомъ Ивана, ханъ все же оставался татариномъ. Онъ не преминулъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы поживиться на счетъ своего друга. Въ теченіи долгихъ мѣсяцевъ онъ держалъ въ Перекопѣ людей, которыхъ такъ нетерпѣливо ждалъ великій князь. Когда-же, наконецъ, они собрались уѣзжать, ханъ потребовалъ уплаты обѣщаннаго вознагражденія. Общая сумма его доходила до двухсотъ двѣнадцати тысячъ какихъ-то денежныхъ единицъ—какихъ именно, опредѣлить невозможно. Во всякомъ случаѣ, сумма эта являлась весьма значительной. Менгли-Гирей увѣрялъ, что ему пришлось войти въ большіе расходы и занять денегъ въ Каффѣ. Въ ноябрѣ 1504 года Ралевъ, наконецъ, добрался до Москвы и тотчасъ же выѣхалъ въ Путивль съ деньгами для Гирея.

Великій князь удовлетворилъ своего союзника немедленно, хотя имѣлъ законное право быть на него въ обидѣ. Правда, коварный ханъ снабдилъ строителя Алоизіо (Алевиза) письмами, потверждающими, что итальянецъ великій мастеръ своего дѣла: но онъ же удержалъ при себѣ гравера Григоріо Варенцо. Иванъ былъ крайне этимъ недоволенъ и не счелъ нужнымъ скрывать свою досаду.

Таковы, приблизительно, были посольства, отправлявшіяся при Иванѣ III въ Италію. Траханіотъ также побывалъ въ Римѣ, но, при какихъ обстоятельствахъ, неизвѣстно. Вообще, какъ мы видѣли, политика играла крайне незначительную роль въ сношеніяхъ Москвы съ заальпійскимъ краемъ. Она сводилась къ академическимъ рѣчамъ объ успѣхахъ или неудачахъ оттоманскихъ войскъ.*)

Идея союза или, по крайней мѣрѣ, сближенія на почвѣ общихъ интересовъ могла возникнуть скорѣе со стороны Австріи: у обѣихъ странъ были одни и тѣ же враги и сходныя политическія условія. Такъ оно вскорѣ и случилось.

Вначалѣ посредникомъ между обоими государствами явился простой путешественникъ. Силезецъ Николай Поппель прославился своимъ длиннымъ и тяжелымъ копьемъ, которымъ онъ владѣлъ съ необычайной ловкостью. Вещь удивительная для пятнадцатаго столѣтія,—этотъ человѣкъ былъ одержимъ страстью къ путешествіямъ. Онъ объѣхалъ Германію, Англію, Францію, Испанію и Португалію и въ 1486 году попалъ въ Москву, снабженный письмомъ императора Фридриха III. Въ Кремлѣ отнеслись къ нему крайне подозрительно. Напрасно онъ увѣрялъ, что путешествуетъ ради своего удовольствія. Въ немъ заподозрили шпіона короля Польши: понятно, съ нимъ и обошлись соотвѣтствующимъ образомъ. Это первое путешествіе имѣло только одинъ результатъ. Поппель изъ первоисточника могъ почерпнуть тѣ самыя свѣдѣнія, которыя про-

*) Sanuto, *Diarii*, т. III, со словъ *Garacirovo, Ralevo, Paleologo*.— Сборникъ Русск. Ист. Об. т. XLI, passit.

изведутъ впослѣдствіи столь глубокое впечатлѣніе на Западѣ. Затѣмъ онъ вернулся въ Нюрнбергъ, гдѣ находились тогда императоръ и имперскіе князья. Но къ великому своему изумленію онъ узналъ, что государь московскій вовсе не вассалъ польскаго короля: онъ свободно управляетъ страною необъятныхъ размѣровъ, богатъ, вліятеленъ и силенъ. Эти разсказы, разукрашенные множествомъ подробностей, заставили императора задуматься. Въ его головѣ возникла мысль о возможности извлечь изъ Москвы пользу. Было рѣшено отправить къ Ивану посла, и выборъ палъ на Поппеля. Но его задержала болѣзнь: въ дорогу онъ пустился только въ концѣ 1488 г.

Данныя Поппелю порученія сводились, главнымъ образомъ, къ двумъ пунктамъ. Прежде всего, Габсбурги не прочь были породниться съ Россіей, чтобы склонить ее на свою сторону. Отъ имени своего государя Поппель долженъ былъ предложить Ивану въ зятья маркграфа Баденскаго или герцога Саксонскаго. Затѣмъ, въ Австріи воображали, что Иванъ желалъ бы получить корону изъ рукъ Рима. Поэтому императоръ постарался по своему разъяснить для Москвы этотъ вопросъ. Онъ велѣлъ передать великому князю, что папа вѣдаетъ только дѣла церковныя. Императоръ одинъ имѣетъ право раздавать рыцарскіе и королевскіе титулы. Всѣ подобные вопросы рѣшаются имъ. Эта декларація была сдѣлана подъ покровомъ величайшей тайны. Тутъ были и намеки на счетъ поляковъ, которые будто бы завидуютъ успѣхамъ соперника, и льстивыя увѣренія въ добромъ расположеніи императора. Австрія готова помочь Россіи вступить на стезю славы; она одна можетъ пріобщить ее къ семьѣ европейскихъ народовъ. Но Имперія не хочетъ, чтобы папа воспользовался плодами ея усилій. Вся возможная выгода отъ предлагаемаго сближенія должна достаться только ей.

По тому, какъ были приняты всѣ эти предложенія, можно судить, насколько измѣнился духъ Кремля. Правда,

Иванъ не показалъ своей дочери Поппелю, добивавшемуся ее увидѣть съ рискомъ возбудить неудовольствіе двора. Но онъ рѣшилъ отправить въ Вѣну своего собственнаго посла. Великій князь не прочь былъ породниться съ владѣтельными династіями Запада. Однако, онъ былъ разборчивъ и не довѣрялъ своихъ тайнъ никому, кромѣ самыхъ вѣрныхъ слугъ. Впослѣдствіи выяснилось, что союзникъ византійскихъ кесарей согласился бы отдать руку своей дочери римскому государю. Но онъ отклонялъ искательства герцога Саксонскаго и маркграфа Баденскаго: то были въ его глазахъ слишкомъ незначительныя партіи. Что касается королевскаго титула, то бояре не замедлили отвѣтить, что Иванъ, благодареніе Богу, получилъ свою власть по наслѣдству отъ отцовъ, владѣетъ неоспоримыми на нее правами и не нуждается ни въ какой комфирмаціи. Великій князь такимъ образомъ отклонялъ предложеніе, бывшее, можетъ быть, лишь отголоскомъ дѣятельности Вольпе. Съ другой стороны, онъ слишкомъ хорошо понималъ всю важность сношеній съ Австріей и готовъ былъ поддерживать ихъ. Иванъ отнесся къ этому дѣлу съ особымъ вниманіемъ и поручилъ посольство Юрію Траханіоту. Повидимому, то былъ самый дѣятельный и тонкій дипломатъ того времени.

Дѣйствительно, предстояло рѣшить весьма важный вопросъ. Въ немъ одинаково были заинтересованы обѣ державы. Австрія мечтала завладѣть Венгріей и видѣла опасныхъ соперниковъ въ Ягеллонахъ. Тѣ же Ягеллоны завладѣли городами и землями, которые Иванъ III считалъ своимъ наслѣдіемъ. Такимъ образомъ Польша являлась общимъ врагомъ, и Австрія первая предложила заключить противъ нея союзъ. Это вполнѣ отвѣчало намѣреніямъ Ивана. Онъ не прочь былъ протянуть руку хотя-бы нѣмцамъ, чтобы потѣснить славянъ: установленіе національнаго единства было слишкомъ дорого его сердцу. Великій князь самъ предложилъ планъ будущаго раздѣла добычи. Австрія получитъ Венгрію, а Москва завладѣетъ Литвою. Такимъ образомъ

и та, и другая стороны останутся довольны. Но у обѣихъ союзницъ была еще одна забота. Ни та, ни другая не желала работать ради чужой выгоды. Каждая расчитывала использовать союзъ въ своихъ интересахъ. Благодаря этому, возникали всякія проволочки и недоразумѣнія. Кромѣ того, Австрія была склонна къ колебаніямъ. Сообразно съ ходомъ событій она то стояла за войну съ Польшею, то искала съ нею дружбы. Такъ, въ 1491 г., когда Пресбургскій миръ обнадежилъ Максимиліана на счетъ Венгріи, онъ уже не проявлялъ нерасположенія къ Ягеллонамъ. Но лишь только въ 1505 году венгерскій сеймъ отвергъ этотъ договоръ, австрійскіе послы немедленно вспомнили дорогу на Москву. Въ слѣдующемъ году договоръ былъ принятъ—и въ сношеніяхъ съ Москвою наступаетъ новая заминка. Она длится вплоть до брака Сигизмунда съ Варварой Запольской. Слѣдствіемъ этого союза было примиреніе Польши съ вождями венгерской опозиціи. Передъ Австріей встала новая угроза,—и снова въ ней закипаетъ воинственный духъ. Въ 1515 г. на свиданіи въ Пресбургѣ мирныя намѣренія окончательно взяли верхъ,—и у Максимиліана одна забота: какъ бы примирить Москву съ Польшей. Ивана III тогда уже не было въ живыхъ. Но онъ не удивился бы подобной развязкѣ. Непостоянство Максимиліана было ему слишкомъ хорошо извѣстно. Великій князь особенно горько упрекалъ своего союзника потому, что самъ желалъ бы распоряжаться миромъ и войною, а не зависѣть постоянно отъ расчетовъ другого. Но это неудовольствіе не повлекло за собой разрыва. Пусть Иванъ не добился военной поддержки въ нужное время. Онъ удовольствовался и тѣмъ, что потребовалъ себѣ мастеровъ. Это имѣло для него свою цѣну*)

Теперь можно спросить себя: каковъ-же былъ характеръ внѣшней политики Ивана III? Послѣ многовѣкового отчужденія Россія, наконецъ, обратила взгляды свои въ сторону

*) Fiedler, *Nik. Poppel, Die Allianz*, passim.—Памятн. дипл. сношен., 1—58.—Бауэръ, 54—93.—Бантышъ-Каменскій, 1—3.

Европы. Самый фактъ этотъ говоритъ о началѣ новаго духовнаго движенія, которое, конечно, не могло остаться безрезультатнымъ. Положимъ, послѣдствія его не были ни прочны, ни глубоки. Главнымъ образомъ, это зависѣло отъ личности самого Ивана и отъ того, что данный имъ толчокъ не былъ достаточно силенъ. Мало было признать успѣхи прогресса, достигнутые на Западѣ. Надо было вникнуть въ самое его происхожденіе, подойти къ источнику, откуда ключомъ било Возрожденіе, чтобы почерпнуть въ немъ не рабское подражаніе заграницѣ,—а стремленіе къ постепенному и органическому преобразованію отставшей страны. Геніальный человѣкъ выполнилъ бы эту задачу. Но Иванъ не былъ рожденъ реформаторомъ. Онъ обладалъ умомъ практическимъ и проницательнымъ, но безъ широкаго размаха. Горизонтъ его былъ ограниченъ. Онъ былъ самъ слишкомъ мало образованъ для того, чтобы подобно Гарунъ-Аль-Рашиду или Сулейману, стать покровителемъ искусствъ, и другомъ наукъ. Тѣмъ не менѣе, Иванъ глубоко чувствовалъ силу знанія. Онъ хотѣлъ воспользоваться ею для настоящаго, но ему не приходило на мысль заложить прочный и надежный фундаментъ будущаго. Иванъ былъ Петромъ Великимъ въ миніатюрѣ. Итальянцы разукрасятъ Кремль. Ихъ художество будетъ служить предметомъ изумленія и подражанія, но никто не попытается возбудить народный духъ для соперничества съ иностранцами. Иванъ никогда серьезно не думалъ объ основаніи школъ, распространеніи просвѣщенія, введеніи книгопечатанія. Онъ не создалъ новаго направленія мысли, не воспиталъ поколѣнія, способнаго воспринять блага новѣйшаго прогресса. Только нѣсколько робкихъ попытокъ было сдѣлано въ этомъ направленіи. Въ Москвѣ появились признаки внѣшней культуры. Но духъ, породившій эту культуру, не коснулся русскихъ. Они рвали цвѣты и плоды, возросшіе въ чужихъ краяхъ; но въ ихъ родную землю еще не пали плодотворныя сѣмена. Вслѣдствіе этого духовное равновѣсіе ихъ нарушилось. Возникла пагубная привычка расчитывать на другихъ; появилось ни

на чемъ не основанное недовѣріе къ своимъ силамъ—роковое порожденіе умственной лѣни. Богатая произведеніями искусства, эта эпоха не создала почти ничего оригинальнаго; она не пробудила творческихъ силъ націи.

Но вотъ, что еще болѣе странно. Тѣ самые греки, которые основали въ Италіи каѳедры краснорѣчія и философіи, разъясняли Платона и Аристотеля, Гомера и Демосѳена, не подумали о томъ, чтобы насадить въ Москвѣ хотя-бы простую грамотность. Обученіе по прежнему сосредоточивалось въ монастыряхъ и приказахъ. Единственными грамотеями того времени были монахи и дьяки. Между боярами немногіе умѣли читать и писать. Да и наиболѣе просвѣщенные люди обладали самыми элементарными познаніями. Литература того времени сводилась къ литургическимъ, священнымъ и назидательнымъ книгамъ, апокриѳамъ, составленію лѣтописей, наказовъ и грамотъ Конечно, почва въ Россіи была менѣе воспріимчива, нежели на Западѣ, гдѣ вѣковое воздѣйствіе римской культуры облагородило духовную жизнь. Русскіе же, поглощаемые Азіей, туго поддавались европейскому вліянію. Чтобы науки и искусства привились въ Москвѣ, надо было сдѣлать большое усиліе: для этого необходимо было стряхнуть трехвѣковую дремоту. Кто же лучше грековъ временъ Ренессанса могъ выполнить подобную задачу? Но, повидимому, ихъ никогда не просили объ этомъ. Сами же они не предлагали своихъ услугъ: скромному учительству они предпочитали болѣе блестящую и выгодную карьеру дипломатовъ.

Итакъ, великій князь недостаточно заботился о будущемъ. Но не старался ли онъ, по крайней мѣрѣ, радикально измѣнить настоящее? Точнѣе говоря,—какая основная мысль руководила его преобразованіями? Иванъ III преслѣдовалъ двойную цѣль: матеріальную обезпеченность страны и укрѣпленіе престижа власти. Повидимому, именно, это было его главною заботой. Страсть къ наукамъ и любовь къ художествамъ были чужды великому князю. Но въ немъ было въ высокой степени развито чувство уваженія къ своему сану.

Онъ хотѣлъ, чтобы окружающіе почитали, а враги боялись московскаго государя.

И Иванъ быстрыми шагами шелъ къ намѣченной цѣли. Его западные сосѣди и будущіе враги т. е. поляки и ливонцы, были не чета русскимъ въ военномъ дѣлѣ. Ихъ арміи были хорошо вооружены и обучены. Съ другой стороны, было рисковано полагаться на продажную дружбу татаръ. Золотая Орда отошла въ область исторіи, но традиціи ея разбойничьихъ набѣговъ оживали въ Казани и Крыму. Поэтому великій князь серьезно задумался о новомъ вооруженіи своего войска. Эксплоатація рудниковъ и обработка металловъ естественно привлекли его вниманіе. Призванные изъ заграницы литейщики получили приказъ изготовлять огнестрѣльное оружіе. Ему предстояло замѣнить луки и стрѣлы. Въ Кремлѣ появляются орудія разнаго калибра, между ними знаменитая пушка Паоло Дебосси. Иванъ задумалъ также укрѣпить Москву сообразно стратегическимъ требованіямъ времени. Онъ велѣлъ разобрать старинную дубовую ограду временъ Дмитрія Донского и обнести Кремль толстою стѣною съ зубцами и башнями. Этими работами завѣдывалъ Солари. Высѣченная на камнѣ надпись въ теченіе многихъ лѣтъ хранила память о его искусствѣ. Тотъ же архитекторъ возвелъ изящныя ворота, такъ называемыя Спасскія, которыя ведутъ на Красную площадь. Ими особенно любовался Теофиль Готье. Вотъ какъ онъ ихъ описываетъ: «Эти ворота,—говоритъ онъ,— «продѣланы въ огромной квадратной башнѣ. Передъ нею— нѣчто вродѣ портика или входа. Башня подымается тремя уступами и завершается шпилемъ, покоющимся на ажурныхъ аркатурахъ. Двуглавый орелъ съ земнымъ шаромъ въ когтяхъ укрѣпленъ на остріѣ шпиля. Какъ и вѣнчаемый имъ ярусъ, этитъ шпиль осмиугольный, съ зазубренными краями и позолоченными гранями. Во всѣ четыре фаса второго вѣнца вдѣлано по огромному циферблату, такъ что башня возвѣщаетъ время всѣмъ четыремъ странамъ свѣта Ради эффекта прибавьте полосы блестящаго снѣга на ар-

хитектурныхъ выступахъ, словно мазки, наложенные гуашью, и вы получите нѣкоторое представленіе объ этой громадѣ, тремя вѣнцами возвышающейся надъ зубчатой стѣной»...

Но, конечно, какъ бы мощны ни были эти стѣны, онѣ не всегда останавливали напоръ враговъ: поляки Жолкѣвскаго, великая армія Наполеона проникли въ Кремль... Теперь онѣ уже окончательно беззащитны противъ современныхъ орудій разрушенія. Но все же онѣ спасли Москву отъ татаръ Гирея, онѣ устояли передъ пламенемъ пожаровъ 12-го года и разрушительнымъ дѣйствіемъ времени. Свидѣтельницы сѣдой старины, онѣ горделиво вѣщаютъ о его славѣ.

Но великій князь вовсе не желалъ обитать въ какой-то крѣпости. Его честолюбіе не удовлетворялось этимъ. Подобно Давиду и Соломону или византійскимъ кесарямъ, онъ хотѣлъ, чтобы религіозная идея освятила народную мощь и явилась оплотомъ его собственной власти. Иванъ III считалъ себя государемъ милостію Божіей. Вѣра и преданія народа требовали, чтобы глава верховной власти жилъ въ Кремлѣ, окруженный блескомъ и пышностью. Сіяніе кремлевскихъ святынь должно было озарять его дворецъ. Эта мысль совершенно очевидно проступаетъ въ дѣятельности Ивана. Кремль навсегда останется ясной и величественной эмблемой единенія Церкви и Государства на страхъ врагамъ.

Прежде всего надлежало позаботиться о храмахъ. Фіоравенти пришлось отправиться во Владиміръ, чтобы найти источникъ вдохновенія въ ломбардскомъ шедеврѣ XII вѣка. Вскорѣ по его возвращеніи почти въ центрѣ Кремля выросъ Успенскій соборъ. Это изящное каменное сооруженіе напоминаетъ своимъ внутреннимъ убранствомъ византійскую церковь: по золотому фону темнѣетъ архаическая живопись. Четырехгранныя колонны покрыты фигурами, словно вышедшими изъ подъ кисти Панзелина. Великолѣпный иконостасъ высится пятью ярусами иконъ. Но въ тонкомъ чувствѣ высоты, въ рисункѣ

колоннъ и пилястровъ уже сквозитъ Возрожденіе. Оно чувствуется еще сильнѣе въ высокихъ наружныхъ аркадахъ. Ихъ формы наводятъ на мысль о венеціанскихъ образцахъ. Рядомъ возвышается соборъ архангела Михаила, созданіе Алоизіо (Алевиза). Онъ имѣетъ форму прямоугольника. Его своды покоятся на четырехъ центральныхъ пилястрахъ и восточной стѣнѣ. Три закругленныхъ выступа образуютъ эту стѣну. Тотъ же Алоизіо съ Солари построили въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда соборъ Благовѣщенія. Поэтому не удивительно, что многія изъ его частей напоминаютъ обычную манеру итальянскихъ архитекторовъ. Особенно характеренъ порталъ съ его чисто-классическими мотивами: здѣсь и акантовые листья, и ожерелья бусъ, и канделябры съ дельфинами и треножниками. Ничего подобнаго москвичи не видывали до той поры.

Новыя святыни Кремля краснорѣчиво, хотя и молча возвѣщали народу, простертому передъ Царемъ Небеснымъ, о величіи Его и славѣ. Но лучи ея должны были озарить и *бога земного*. И вотъ рядомъ съ тремя соборами возводятся для великаго князя двѣ храмины: Грановитая палата и терема. Знатоки видятъ въ нихъ подобіе Венеціанскаго дворца въ Римѣ и палаццо Дожей на площади св. Марка. Это очень странно. Въ 1519 г. итальянецъ да-Колло говоритъ о сходствѣ Кремля съ Миланскимъ дворцомъ. По свидѣтельству самого Алоизіо, Иванъ III велѣлъ ему руководствоваться именно этимъ образцомъ. Миланъ или Венеція—во всякомъ случаѣ, въ причудливой архитектурѣ этихъ сооруженій чувствуется западный отпечатокъ. Это внезапное появленіе пышнаго дворца на мѣстѣ прежнихъ скромныхъ обиталищъ было живымъ доказательствомъ роста власти, символомъ зарожденія самодержавія.

Здѣсь само собою напрашивается нѣкоторое сопоставленіе. Г. Мюнцъ вѣрно замѣчаетъ, что путь Возрожденію въ Россію, этотъ пріютъ византинизма, указала греческая принцесса. Не менѣе курьезно и другое обстоятельство: своими святынями русскіе обязаны итальян-

цамъ. Въ Успенскомъ Соборѣ находится Владимірская Божія Матерь, вся усыпанная самоцвѣтными камнями и брилліантами, такъ часто утоляющая печали своихъ богомольцевъ. На амвонѣ этого храма, по обычаю, возлагаетъ на себя новый государь шапку Мономаха. Въ Архангельскомъ Соборѣ покоятся вѣчнымъ сномъ прежніе цари въ гробницахъ, покрытыхъ дорогими восточными тканями. Въ великія историческія минуты глаза всѣхъ русскихъ обращаются къ Кремлю, созданному Фіоравенти, Солари и Алоизіо. Тамъ, подъ сводами и куполами, воздвигнутыми руками чужестранцевъ, бьется сердце націи: тамъ прислушивается она къ его ударамъ. Сліяніе русскаго генія съ геніемъ Запада не прошло безслѣдно. Но, будь оно продолжительнѣе и тѣснѣе—и плоды его были бы богаче.

Живыя сношенія съ латинскимъ міромъ не мѣшали великому князю Ивану III зорко слѣдить за Византіей. Въ правленіе этого государя впервые возникаетъ въ Россіи Восточный вопросъ.

II.

Восточный вопросъ, въ современномъ значеніи этого слова, существуетъ въ Россіи лишь съ конца XV вѣка. До этого времени, борьба съ монголами шла, такъ сказать, въ сторонѣ отъ Европы. И только тогда, когда наступила пора стряхнуть ненавистное иго и проявить себя на Западѣ, великій князь московскій счелъ возможнымъ стать лицомъ къ лицу съ султаномъ.

Какъ мы говорили, съ половины XV в. Востокъ являлся угрозой всему латинскому міру. Славянскія племена Балканскаго полуострова подпали подъ иго турокъ. Нѣкогда цвѣтущій градъ Константина сдѣлался столицею падишаха. Европѣ угрожало мусульманское нашествіе. Крылатый левъ Св. Марка трепеталъ за свою восточную торговлю. Ближайшая сосѣдка оттомановъ—Венгрія, молила о помощи людьми и деньгами. Папы, нѣкогда заклинавшіе народы освободить Гробъ Господень, теперь снова возвысили свой голосъ, чтобы оборонить христіанъ отъ Ислама. Лишь

только Европа ближе ознакомилась съ Москвою, всѣ стали смотрѣть на великаго князя, какъ на будущаго союзника противъ турокъ. Въ основѣ этихъ расчетовъ лежали возвышенные мотивы. Интересы низшаго порядка отсутствовали у людей, знавшихъ Россію только по имени.

Иванъ III отлично учитывалъ положеніе. Онъ сумѣлъ имъ воспользоваться, какъ нужно. Политика этого государя проникнута была притворствомъ: но замыслы его были ясны до очевидности. Еще долго такое двоедушіе будетъ царить въ Кремлѣ. Въ этомъ отношеніи Москва не далека отъ венеціанской сеньеріи или Франціи Людовика XI.

Иванъ понималъ, что вызывающее поведеніе турокъ требовало отъ него мужественнаго отпора. Религіозныя вѣрованія вмѣстѣ съ историческими воспоминаніями возбуждали въ русскомъ сердцѣ ненависть къ *басурману*. Поэтому великій князь не прочь былъ прослыть за яраго противника Ислама, готоваго занести на него мечъ Дмитрія Донского. Въ Римѣ и въ Венеціи русскіе послы разжигали воинственный пылъ папъ и дожей. Можно было подумать, что православный государь только ждетъ случая подняться на недруговъ христіанства. На самомъ же дѣлѣ этотъ показной жаръ служилъ только для отвода глазъ. Обѣщаніямъ Ивана присоединиться къ крестоносцамъ отнюдь не слѣдовало вѣрить. Великій князь сносился съ турками и вовсе не желалъ прекращать этой подозрительной дружбы. И политика, и торговые интересы заставляли его дорожить ею.

Дѣйствительно, когда Москва покончила съ Ордою, основной задачей внѣшней ея политики стало—вернуть себѣ земли, захваченныя Польшею и Литвою. Союзы Россіи съ иноземными державами неизмѣнно клонились къ той же цѣли. Менгли-Гирей, какъ упоминалось выше, занималъ между союзниками не послѣднее мѣсто. Но съ тѣхъ поръ, какъ Баязетъ покорилъ Крымъ, татарскій ханъ оказался вассаломъ Порты. Было бы не по дружески по отношенію къ Гирею заводить

распри съ его покровителемъ. Къ тому же султанъ являлся властелиномъ Чернаго моря. Иванъ тѣмъ болѣе склоненъ былъ мирволить туркамъ, что, со своей стороны, они могли служить угрозой Польшѣ. Поэтому дружба съ падишахомъ и казалась ему крайне заманчивой.

И матеріальные интересы сближали оба народа. Русскіе не меньше турокъ дорожили общими рынками сбыта. Ихъ торговые караваны отлично знали дорогу въ Каффу и Азовъ. Тамъ русскія кожи обмѣнивались на персидскіе шелка, на индійскія пряности и ткани. Заинтересованныя стороны горячо желали сохраненія этихъ торговыхъ центровъ, обязанныхъ своимъ расцвѣтомъ генуэзцамъ. Поэтому, когда русскіе обидѣлись за нарушеніе своихъ правъ и перестали посѣщать эти рынки, турки первые запротестовали и стали просить ихъ вернуться. Въ Москвѣ этимъ остались чрезвычайно довольны. Иванъ не желалъ ничего лучшаго, какъ продолжать выгодную торговлю, лишь бы только москвичамъ не платить стѣснительныхъ пошлинъ.

Итакъ, великій князь преслѣдовалъ, прежде всего, утилитарныя цѣли. Думать, что Иванъ поступится своими интересами въ угоду Европѣ—значило бы совершенно не понимать его характера. Можетъ быть, безсознательно,—но московскій государь слѣдовалъ системѣ невмѣшательства. Европа допустила монголовъ овладѣть Русью. Никто не пришелъ помочь угнетеннымъ и освободить ихъ. Русскіе сами вернули себѣ свободу. Удивительно ли, что у нихъ утратилось чувство солидарности съ великою христіанскою семьею? Это безразличіе простиралось даже на балканскихъ славянъ, несмотря на единство вѣры, общность языка и происхожденія. Идея панславизма еще дремала въ сердцахъ—часъ ея пробужденія еще не пробилъ... Великій князь надавалъ успокоительныхъ обѣщаній и наговорилъ добрыхъ словъ врагамъ турокъ. На самомъ же дѣлѣ, онъ пользовался Менгли-Гиреемъ, чтобы сблизиться съ Баязетомъ. За письменными сношеніями послѣдовали посольства. Первый турецкій посолъ былъ въ 1493 г. оста-

нозленъ въ Кіевѣ. Ему пришлось вернуться обратно. Литовцы ревниво оберегали границы якобы опасаясь пропустить шпіона. Въ дѣйствительности же, они имѣли въ виду только обособленіе Москвы. Эта незначительная проволочка лишь затянула дѣло между на нѣсколько мѣсяцевъ. Иванъ оказался искуснѣе Баязета, и русскій гонецъ благополучно достигъ Босфора. То былъ еще молодой человѣкъ—тридцатипятилѣтній Михайло Плещеевъ. Онъ былъ на рѣдкость упрямъ и необыкновенно спѣсивъ. Гордо отвергая всякія пошлины, онъ не хотѣлъ понять различія между кладью и товарами. Это обстоятельство крайне смущало несговорчивыхъ таможенныхъ досмотрщиковъ. Паши и визири внушали Плещееву мало уваженія. Этотъ предшественникъ Меншикова считалъ себя достаточно сановнымъ лицомъ, чтобы непосредственно сноситься съ главою правовѣрныхъ и не подчиняться унизительному восточному этикету. Странное поведеніе посла оскорбляло Баязета. Онъ горько жаловался на него Менгли-Гирею. Но Иванъ не услыхалъ ни единаго слова упрека. Напротивъ, оттоманскій отвѣтъ былъ полонъ благорасположенія. Вдобавокъ, въ Кремлѣ были пріятно удивлены и польщены восточною щедростью въ перечисленіи титуловъ: самое ненасытное честолюбіе не могло пожелать ничего большаго *).

Съ этой поры, вплоть до царствованія Алексѣя Михайловича, когда все измѣнилось, сношенія Россіи съ Турціей носили мирный характеръ. Иванъ IV, Ѳеодоръ, Борисъ Годуновъ, наконецъ, Михаилъ Романовъ—всѣ шли по стопамъ Ивана III и братались со Стамбуломъ. Они бряцали оружіемъ лишь въ угоду Западу. Султаны не замѣчали этого, а если и замѣчали, то не особенно тревожились.

Предчувствуя грозу съ Сѣвера, Стамбулъ съ чисто восточнымъ лукавствомъ старался отсрочить ея наступленіе.

---

*) Неклюдовъ, стр. 1—51.—Тепловъ, стр. 7.

Безспорно, Москва казалась туркамъ опасной. Балканскія православныя народности были искренне преданы единовѣрному *Бѣлому Царю*. Бѣлый же царь былъ полновластнымъ господиномъ надъ своими холопами, надъ ихъ добромъ и жизнью. Таково было мнѣніе мудрѣйшихъ изъ визирей. Они не скрывали его отъ венеціанскихъ пословъ, которые и выдали намъ эту тайну.

Но, если въ оффиціальныхъ сферахъ господствовало миролюбіе,—въ массахъ жили иныя чувства. Слѣпая, непримиримая ненависть къ невѣрнымъ глубоко укоренилась въ русскихъ сердцахъ. Къ ней примѣшивался религіозный фанатизмъ. Этимъ могучимъ рычагомъ будутъ пользоваться впослѣдствіи русскіе императоры когда съ политической цѣлью станутъ направлять свои арміи къ берегамъ Дуная. Поэтому вполнѣ понятно насмѣшливое удивленіе европейца передъ слѣдующимъ противорѣчіемъ: восточныя войны начинаются съ чувствительныхъ воззваній, дышащихъ религіознымъ энтузіазмомъ, а кончаются выгодными договорами.

Необходимо отмѣтить, что бракъ Ивана III съ наслѣдницей нивергнутаго турками престола не отозвался неблагопріятно на дипломатическихъ сношеніяхъ обоихъ народовъ. Даже то, что великій князь присвоилъ себѣ византійскій гербъ—чернаго двуглаваго орла—не вызвало ни зависти, ни подозрѣній его могущественнаго сосѣда. Но это обстоятельство породило иныя слѣдствія. Восточный вопросъ получилъ совершенно новое освѣщеніе. Узы между Москвой и Византіей еще окрѣпли съ появленіемъ Софіи въ самомъ сердцѣ Россіи. Но отъ этого выиграла Москва, а Византія проиграла. Смутныя мысли о провиденціальной миссіи православной Руси уже давно бродили въ головахъ московскихъ грамотеевъ. Теперь онѣ получили историческое обоснованіе. Слагается ходячее мнѣніе, источникъ котораго вполнѣ ясенъ. Оно просачивается невидимыми путями до народныхъ глубинъ и оттуда поднимается къ трону.

Дѣйствительно, какъ мы уже говорили, около того времени, когда Иванъ III женился на византійской принцессѣ, въ Россіи обнаружилась сильная реакція противъ грековъ. Ихъ обвиняли въ томъ, что они предались латинству и уготовали такимъ образомъ гибель своей державѣ. Въ глазахъ русскихъ людей прежніе провозвѣстники евангелія, проповѣдники истинной вѣры стали отступниками. За это ихъ и покарало Провидѣніе. Исходя изъ этого положенія, смѣлые патріоты дѣлали любопытные практическіе выводы.

Когда-то Византія стремилась къ абсолютной и всесвѣтной гегемоніи. Молодая и пышная столица была резиденціей императоровъ и центромъ государственности. Но она желала также сдѣлаться средоточіемъ религіозной жизни: она притязала на первенство, божественной волей связанное съ престоломъ св. Петра. Всѣ эти стремленія сводились къ одной формулѣ. Византія—второй Римъ. Нѣчто подобное повторяется и въ Москвѣ. Правда, здѣсь другая сцена, иные актеры, совершенно новыя условія. Но сходство идей указываетъ на ихъ преемственность. Византія, по словамъ русскихъ, измѣнила своему предназначенію. Теперь оно переходитъ къ Москвѣ, этому оплоту православія. Отнынѣ у нея не будетъ соперниковъ. Псковскій монахъ Филоѳей первый изложилъ эту теорію въ своихъ письмахъ къ великому князю Василію Ивановичу и дьяку Михаилѣ Мунехину. Мы уже знаемъ, какъ разрѣшилъ онъ мучительное сомнѣніе грамотеевъ относительно Константинополя. Онъ сказалъ имъ: Византія пала потому, что измѣнила истинной вѣрѣ и предалась латинству. Но тотчасъ же Филоѳей дѣлаетъ оговорку: развѣ, на самомъ дѣлѣ, пала Византія,—Византія мистическая, возвышенная носительница своего святого имени, престолъ христіанской власти, символъ сліянія Церкви и государства? «Нѣтъ», отвѣчаетъ монахъ,—«не сгинула православная держава; она только перемѣстилась. Она тамъ, гдѣ бьется сердце православной Церкви, гдѣ живы преданія апосто-

ловъ, гдѣ могущественный и свободный государь охраняетъ истинную вѣру. Древній Римъ отступилъ отъ вѣры и лишился государя и законнаго первосвященника. Турки развѣнчали новый Римъ и обратили его въ мусульманскій городъ. Теперь Москва—носительница священныхъ завѣтовъ. Москва—третій Римъ, вѣчный, сіяющій немеркнущимъ блескомъ, ибо четвертому Риму не быть. Филоѳей патетически обращается къ великому князю и привѣтствуетъ въ его лицѣ главу христіанъ и властителя грядущаго человѣчества.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ этими возвышенными мечтами о будущемъ народное творчество создаетъ цѣлый циклъ легендъ. Въ нихъ Москвѣ приписывается всемірное главенство, какъ гражданское, такъ и духовное. Преданіе утверждаетъ, будто бы одинъ изъ Комненовъ вручилъ знаки императорскаго достоинства Константина Мономаха великому князю Владиміру,—также прозванному Мономахомъ. Передача этихъ предметовъ—довольно сомнительная—пріобрѣла съ теченіемъ времени символическій смыслъ, ставши какъ бы актомъ преемства власти. Не менѣе любопытна и легенда о бѣломъ клобукѣ, переданномъ императоромъ Константиномъ папѣ Сильвестру. Въ Римѣ будто бы старались уничтожить роковой даръ, но на помощь явились угрожающія видѣнія, и клобукъ отослали въ Византію. Здѣсь происходятъ новыя знаменія: патріарху Филоѳею являются во снѣ Константинъ и Сильвестръ и приказываютъ ему вручить клобукъ епископу Василію Новгородскому. Такимъ образомъ Русь дѣлается обладательницей безцѣннаго сокровища. Преданіе заканчивается торжествующими нотами: «милость, честь и слава уже отняты у древняго Рима. Скоро настанетъ чередъ и Византіи. Вся же благодать и величіе соизволеніемъ Божіемъ почіютъ на Москвѣ». Слѣдуетъ обратить вниманіе въ этомъ удивительномъ разсказѣ на слѣдующее противопоставленіе: власть государственная исходитъ изъ Византіи, религіозное же первенство при-

надлежитъ Риму. Не является ли это переживаніемъ римскаго примата, когда-то признаннаго и Византіей?

Опираясь на народное сочувствіе, смѣлое измышленіе Филоѳея сдѣлаетъ свое дѣло. Оно появится въ Кремлѣ, когда великій князь Иванъ IV вспомнитъ о своемъ родствѣ съ византійскими кесарями и попроситъ восточныхъ патріарховъ утвердить его новый титулъ. Оно выступитъ на сцену и тогда, когда Москва, уже царская столица, будетъ добиваться чести стать резиденціей патріарха. Византійскіе епископы и аѳонскіе монахи, сгибаясь подъ гнетомъ оттоманскаго ига, придутъ въ Москву просить у великаго князя предстательства и милостыни, или толковать о возможной войнѣ. Иллюзія становится все болѣе полной: Москва, дѣйствительно, кажется наслѣдницей Византіи *).

Мы лишь мимоходомъ указали на развитіе этихъ идей. Самый фактъ ихъ возникновенія кажется намъ достаточно знаменательнымъ. Теперь намъ вполнѣ ясна вся важность брака Ивана и Софіи Палеологъ. Горизонтъ Россіи сразу раздвинулся. Создались уже не фиктивныя, а какъ будто вполнѣ реальныя права на то наслѣдіе, о которомъ одинаково мечтали и князь, и народъ. Намъ остается теперь вскрыть историческое основаніе этихъ правъ, не по византійскимъ законамъ, а въ зависимости отъ установившагося въ Европѣ мнѣнія. Послѣ катастрофы 1453 г. не могло быть и рѣчи ни о народныхъ собраніяхъ для избранія императора, ни о созывѣ сената для утвержденія этого избранія. Но, во всякомъ случаѣ, на Западѣ принято было относиться съ уваженіемъ къ титуламъ и правамъ, хотя бы они и являлись спорными,

Мы не забыли, что въ 1473 г. всегда осторожный и сдержанный венеціанскій Сенатъ призналъ за Иваномъ III право на византійскую имперію. Дѣло въ томъ, что въ родѣ Палеологовъ не было мужского потомства. Убѣжде-

*) Прав. Соб. 1861.—Каптеревъ, стр. 7 и сл.—Regel, LVII.—Дьяконовъ, passim.

ніе Сената было вполнѣ искренне. Дожъ не боялся открыто высказывать его въ письмахъ къ великому князю. Это должно было, конечно, произвести на русскихъ сильное впечатлѣніе. Предположенія Синьоріи не казались несбыточными. Рано или поздно, они могли осуществиться.

Дѣйствительно, царевна Софія имѣла только двухъ братьевъ, Андрея и Мануила. Оба получили образованіе въ Римѣ, подъ просвѣщеннымъ наблюденіемъ Виссаріона. Но ни тотъ, ни другой не оправдали надеждъ кардинала, желавшаго увидѣть въ молодыхъ принцахъ достойныхъ носителей славнаго имени. Мануилъ обладалъ живымъ и предпріимчивымъ характеромъ. Можетъ быть, ему наскучила роль, которую онъ игралъ въ Римѣ. Въ 1476 г. онъ отправился въ Константинополь и промѣнялъ дворъ папы на свиту падишаха. Но, если у него и носились мечты о богатствѣ и славѣ,—онѣ не осуществились. Магометъ II принялъ Мануила милостиво, положилъ ему содержаніе и далъ нѣсколькихъ рабовъ. Но дальше этого великодушіе султана не пошло. Палеологу такъ и не удалось добиться ни значительныхъ придворныхъ должностей, ни высшихъ военныхъ чиновъ. Его положеніе и здѣсь оставалось жалкимъ. Турки выказывали къ нему слишкомъ мало предупредительности. А въ глазахъ христіанъ его отъѣздъ былъ равносиленъ полному паденію. Изъ двоихъ сыновей Мануила одинъ, Іоаннъ, умеръ въ лонѣ истинной вѣры, не оставивъ потомства. Надъ другимъ, Андреемъ, по приказанію султана Селима совершено было обрѣзаніе, и онъ служилъ въ турецкой арміи. Такимъ образомъ, со стороны Мануила отпадали всѣ права на Византію *).

По отношенію къ Андрею вопросъ былъ болѣе сложнымъ. Въ качествѣ старшаго брата онъ былъ законнымъ представителемъ династіи. Онъ никогда не вступалъ въ переговоры съ турками и считалъ за собою наслѣд-

*) Ватикан. Арх., Regesta, n°. 665, f. 182.

ственное право на престолъ своихъ отцовъ. Однако, Андрей не пытался вернуть себѣ это право оружіемъ и даже не обращался за военной помощью къ европейскимъ государямъ. Повидимому, его честолюбіе носило болѣе скромный и даже нѣсколько корыстный характеръ. По мѣрѣ того, какъ кредитъ Палеолога падалъ въ Ватиканѣ, уменьшалось и его содержаніе. Надо было подумать о другихъ источникахъ дохода. Забота объ этомъ заставила Андрея пуститься на торговлю. Онъ сталъ разъѣзжать по Европѣ, чтобы размѣнивать свои наслѣдственныя права на звонкую монету.

Сикстъ IV всегда съ уваженіемъ относился къ имени Палеологовъ. Онъ не забылъ ни ихъ симпатій къ Уніи, ни того, что они принесли въ даръ Италіи драгоцѣнныя мощи. Въ 1477 г. папа милостиво пожаловалъ деспоту дворецъ на Кампо Марцо, близъ Санта-Потенціана. До сихъ поръ Андрей былъ тамъ простымъ гостемъ. Теперь онъ становится обладателемъ огромнаго владѣнія съ садами и примыкающими зданіями. Пенсія—тысяча восемьсотъ дукатовъ въ годъ, выплачивалась ему регулярно. Въ концѣ 1479 г., чтобы облегчить Палеологу поѣздку въ Москву, ему были выданы деньги за два срока впередъ. Въ то же время Андрея увѣрили, что отсутствіе отнюдь не отзовется неблагопріятно на его положеніи.

Но при слѣдующихъ папахъ благосклонность Куріи къ Андрею уступила мѣсто холодности и равнодушію. Къ тому же деспотъ женился на особѣ, повидимому, довольно низкаго происхожденія, по имени Екатерина. Это, конечно, не могло возвысить его положенія. Отъ этого брака у Андрея родился сынъ. По свидѣтельству Джьустиніани, венеціанскаго посла въ Римѣ, при своей красивой наружности этотъ юноша былъ человѣкомъ пустымъ. Эльзасецъ Бурхардъ, церемонимейстеръ Иннокентія VIII и Александра VI, насколько намъ извѣстно, чаще другихъ упоминаетъ въ своемъ Diarium'ѣ «Императора Константинопольскаго». Онъ вынужденъ былъ къ этому самымъ ро-

домъ своей службы. Когда, въ высокоторжественные дни происходило папское богослуженіе, Андрей всегда на немъ присутствовалъ. Онъ причащался изъ рукъ папы, подавалъ ему воду для омовенія рукъ передъ совершеніемъ мессы, и, пока кардиналы держались за золотую бахрому папскаго облаченія, онъ смиренно несъ его шлейфъ. Низвергнутый цезарь терпѣлъ не мало униженій. Въ 1486 г., въ день Срѣтенія Господня, ему подали красную свѣчу, какъ и всѣмъ другимъ. Только послѣ настойчивыхъ заявленій Андрей получилъ бѣлую кардинальскую свѣчу. Въ другой разъ, герцогъ Штеттинскій занялъ мѣсто выше его. Когда же деспотъ запротестовалъ, Александръ VI далъ ему милостивый совѣтъ: пусть онъ не участвуетъ въ церемоніяхъ, гдѣ будетъ присутствовать тевтонскій князекъ [1]).

Еще болѣе ощутительнымъ признакомъ немилости была частая задержка въ выдачѣ пенсіи, положенной Андрею Сикстомъ IV. Палеологу приходилось прибѣгать къ иностранному вмѣшательству, чтобы во время получить эти деньги. Можетъ быть, вслѣдствіе этихъ затрудненій, онъ и пошелъ на спекуляціи сомнительнаго свойства. Въ качествѣ деспота, порфиророжденнаго, наслѣдника императоровъ, Андрей считалъ себя въ правѣ раздавать привиллегіи и дворянскіе титулы. Въ такихъ случаяхъ онъ старался, чтобы все было по чину. Окруживъ себя нотаріусами и свидѣтелями, онъ садился на тронъ и призывалъ заинтересованныхъ лицъ. Онъ награждалъ ихъ и позументами, и шпагами, и шляпами, и обувью,—а затѣмъ возводилъ въ санъ рыцаря или графа, утверждалъ новый фамильный гербъ или жаловалъ византійскимъ орломъ. Но Палеологу мало было самому пользоваться своими правами. Онъ передавалъ ихъ и другимъ, позволяя имъ плодить графовъ, рыцарей, судей, нотаріусовъ, или узаконять побочныхъ сыновей, чтобы тѣ могли сдѣлаться архіепископами или

---

[1]) Ватик. Арх. *Regesta*, n° 583, f. 89 v°,—*Giustiniani*, I, 164.—*Burchard*, I, 174, 238, 272, 297; II, 65, 104, 425, 545, 558, 667.

графами. Церемонія кончалась поцѣлуемъ и принесеніемъ клятвы въ вѣрности. Какъ въ лучшіе дни восточной имперіи, Андрей выдавалъ хризобуллу на пергаментѣ, съ пурпуровой подписью и золотой печатью на пестрыхъ шелковыхъ шнурахъ. Первый документъ такого рода относится къ 1483 г. Онъ составленъ на имя графа Озорно, старшаго сына герцога Галистео, который отличился при дворѣ Фердинанда и Изабеллы и въ войнахъ съ маврами. Для него были использованы всѣ императорскія права, и онъ получилъ самыя широкія привиллегіи. Въ концѣ того же года всѣ эти дешевыя почести достаются на долю уже не испанскаго вельможи, а шестнадцатилѣтняго итальянскаго поэта Анджело Колокки. Андрей возвелъ его въ рыцари и пожаловалъ византійскимъ орломъ. Въ 1493 г. 12 мая и 22 іюля такія же грамоты выдаются какимъ-то совсѣмъ незначительнымъ людямъ. О заслугахъ ихъ намъ ничего неизвѣстно. Можно предположить, что деспотъ не ограничился этими пожалованіями. Для подобныхъ актовъ у него была выработана даже особая форма. Очевидно, что выдача ихъ являлась для него обычнымъ дѣломъ. Не было ли это средствомъ увеличить свои доходы? Правда, протоколы никогда не упоминаютъ о денежномъ вознагражденіи деспоту, но всѣ его пріемы внушаютъ подозрѣніе. Если онъ раздавалъ направо и налѣво титулы и привиллегіи, то, конечно, съ цѣлью извлечь изъ этого нѣкоторую выгоду.

Гипотеза эта тѣмъ болѣе вѣроятна, что для подобной же цѣли Андрей пользовался и своими наслѣдственными правами. Можно смѣло утверждать, что онъ пускалъ ихъ въ оборотъ. Прежде всего, не продалъ ли онъ ихъ великому князю Ивану III, который столькими узами былъ связанъ съ Византіей и, можетъ быть, мечталъ объ императорскомъ вѣнцѣ? Деспотъ дважды посѣтилъ Москву— въ 1480 и 1490 г.г. Каждый разъ его пребываніе тамъ было кратковременно. Уже 2 іюля 1481 г. онъ черезъ Мантую прослѣдовалъ въ Римъ, послѣ своего перваго путешествія въ Россію. Съ нимъ было тринадцать человѣкъ свиты и

двадцать два коня. Тѣмъ не менѣе, Федерико Гонзага находилъ положеніе Андрея достойнымъ сострадания. Онъ уплатилъ всѣ его расходы въ своемъ княжествѣ и горячо рекомендовалъ его феррарскому герцогу Эрколе д'Эсте. Онъ даже ссылался на родство, деспота съ Малатеста. Въ 1496 г. Андрей уже черезъ Францію возвращался въ Италію. Русскія лѣтописи выказываютъ ему мало сочувствія; онѣ сухо отмѣчаютъ, что одно изъ посѣщеній брата стоило царевнѣ Софіи не мало денегъ. Не вступилъ ли Андрей въ сдѣлку со своею сестрою, и, какъ новый Исавъ, не продалъ ли онъ за деньги права своего первородства? Извѣстные доселѣ документы не даютъ намъ отвѣта, но поведеніе Андрея по отношенію къ королямъ Франціи и Испаніи внушаетъ нѣкоторыя подозрѣнія [1]).

Изо всѣхъ государей Запада легче всѣхъ было соблазнить Христіаннѣйшаго Короля. Карлъ желалъ оправдать свой почетный титулъ; не даромъ Гильомъ Бордосскій предрекалъ ему побѣды во Святой землѣ. Съ нимъ и вступилъ Андрей Палеологъ въ предварительные переговоры. Въ 1491 г. деспотъ отправился въ Туръ къ молодому королю. 31 октября Карлъ жалуетъ Андрея семью стами двадцати тремя ливрами «дабы отчасти вознаградить его за большіе издержки и расходы, произведенные имъ, чтобы изъ города Константинополя явиться къ Намъ по важному дѣлу, касающемуся блага Нашего королевства, и въ ожиданіи лучшей ему отъ Насъ уплаты и награды». За этимъ первымъ подаркомъ 16 ноября послѣдовалъ второй—въ 350 ливровъ «дабы вернуться ему въ Римъ передъ лицо святого отца Нашего Папы». Съ своей стороны, Андрей даритъ Карлу бѣлаго кречета. Этотъ царственный подарокъ онъ вывезъ, вѣроятно, изъ Москвы. Затѣмъ всякіе слѣды переписки исчезаютъ до 1494 г., когда былъ заключенъ актъ крупной важности. Въ то время больше, чѣмъ когда либо, Карлъ думалъ о

---

[1]) *Русск. Лѣт.*, VI, 110, 125.—*Giorn. arald.* p. 46.

покоренiи Неаполя. То былъ бы первый шагъ будущаго императора Востока на пути къ Византiи. Въ виду столь широкихъ замысловъ, казалось весьма желательнымъ притти къ полюбовному соглашенiю съ законнымъ наслѣдникомъ восточной Имперiи. Кардиналъ Раймундъ взялъ на себя это дѣло. 6 сентября 1494 г. онъ отправился въ церковь Св. Петра in Montorio и тамъ отслужилъ обѣдню Св. Духу. По окончанiи богослуженiя на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ по преданiю былъ замученъ глава апостоловъ, *въ присутствiи двухъ нотарiусовъ*, Андрей Палеологъ уступилъ всѣ свои права на имперiю Константинопольскую и Трапезундскую, равно какъ и на Сербiю, французскому королю, Карлу VIII. Отъ имени своего государя кардиналъ обѣщалъ Палеологу ежегодную пенсiю въ 4300 золотыхъ дукатовъ, начальство надъ сотней копьеносцевъ, и земельную собственность, приносящую 500 дукатовъ. Кромѣ того, Андрею посулили—военный союзъ для возврата Мореи и нравственную поддержку для регулярнаго полученiя пенсiи, назначенной Сикстомъ IV изъ фонда крестовыхъ походовъ.

Король долженъ былъ санкцiонировать этотъ договоръ. Онъ вступалъ въ законную силу лишь съ момента утвержденiя. Состоялось ли, однако, это утвержденiе? Если вѣрить Рейнальди, Карлъ VIII заявилъ папѣ Александру VI, что Андрей Палеологъ уступилъ ему всѣ свои права на Константинополь. Судя по этому, договоръ былъ санкцiонированъ. Но, съ другой стороны, своимъ завѣщанiемъ отъ 7 апрѣля 1502 г. наслѣдникъ кесарей передаетъ тѣ *же самыя права* Фердинанду Испанскому и Изабеллѣ. Это завѣщанiе было актомъ признательности: королевская чета осыпала Палеолога милостями, щедро одарила его деньгами и сочувственно отнеслась къ его намѣренiю вернуть Морею. Прямой наслѣдникъ Андрея, сынъ его, Константинъ, пережилъ отца, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько лѣтъ. Въ 1507 г. мы видимъ его путешествующимъ по Германiи. Онъ былъ простымъ капитаномъ папской гвардiи,

хотя и носилъ титулъ Морейскаго деспота. При его возвращеніи въ Италію, маркизъ Мантуанскій тратится на приличествующій Палеологу пріемъ... Подлинная дата смерти Андрея Палеолога не установлена. 17 іюня 1502 года его вдова Екатерина получила отъ папы Александра VI скромную сумму въ сто четыре дуката «на погребеніе деспота». Предположимъ, что двойная продажа, которую Андрей себѣ позволилъ, была сдѣлана по закону и съ согласія сына. Тѣмъ не менѣе, передача имъ своихъ правъ уже потому являлась проблематичной, что Софія никогда не отказывалась отъ Византійскаго престола *).

Въ глазахъ современниковъ московская государыня была самой блестящей и, можетъ быть, послѣдней представительницей рода Палеологовъ. Она затмевала всѣхъ своихъ родныхъ и могла считаться наслѣдницей восточной имперіи. Мы уже знаемъ, что венеціанскіе дожи оффиціально высказывали это мнѣніе. Римскіе первосвященники будутъ повторять то же самое, когда станутъ убѣждать московскихъ государей подняться противъ Константинополя. Было бы крайне интересно знать мнѣніе объ этомъ самой Софіи. Принцесса была когда-то бѣдна и жила на милостыню. Смотрѣла ли она на Византію, какъ на свое приданое, и внушила ли эту мысль своему супругу? Къ несчастію, свѣдѣнія наши о Софіи такъ скудны и отрывочны, что историку трудно возстановить ея обликъ. Разсмотрѣть же вопросъ въ подробностяхъ совершенно невозможно. Русскія лѣтописи не жалуютъ царевны. Герберштейнъ и Курбскій лишь подтвердили строгіе отзывы о ней лѣтописцевъ. Контарини передаетъ самые незначительные факты. Передъ нашими глазами смутно мелькаетъ неясный силуэтъ. Постараемся, тѣмъ не менѣе, уловить его характерныя черты.

Софія была дочерью Палеологовъ временъ упадка.

---

*) Curita, V, 210. — *Giorn. arald.*, 47.—Gottlob, *Aus der Cam.*, 393.

Кровавыя семейныя распри, лишенія и несчастія, можетъ быть, ожесточили ея характеръ и развили наименѣе благородныя влеченія ея сердца. Но Софія промѣняла изгнаніе на тронъ и очутилась въ совершенно чуждой для нея средѣ. Русскіе не взлюбили Софіи. Она была, по ихъ словамъ, женщиной гордой и надменной, притомъ же необыкновенно коварной интриганткой. Повидимому, временами она оказывала значительное вліяніе на Ивана. Такъ, вѣроятно, она уговорила его покончить съ унизительными отношеніями монгольскаго рабства. Нельзя также считать простымъ совпаденіемъ перемѣну строя жизни въ Кремлѣ: при патріархальномъ, почти грубомъ московскомъ дворѣ вводится пышный этикетъ. Въ немъ можно уловить отдаленное сходство съ прежнимъ византійскимъ церемоніаломъ. Создаются новыя должности, распредѣляемыя согласно строгой іерархіи; прежняя свобода уступаетъ мѣсто стѣсненію; государь становится не столь доступенъ и уединяется въ своемъ величіи. Князь Курбскій, бояринъ стараго закала, съ горечью замѣчаетъ, что Иванъ не совѣтуется больше съ приближенными и всѣ дѣла рѣшаетъ самъ третей: очевидно, великій князь изображалъ собою византійскаго самодержца. Зато Софія, съ другой стороны, открыла заповѣдныя двери терема. Она давала аудіенціи иноземцамъ и снаряжала посольства къ венеціанской Сеньеріи. Все это были неслыханныя доселѣ новшества.

По отношенію къ религіи византійская царевна разыгрываетъ въ Москвѣ роль ревнительницы православія. Было ли это вѣроотступничествомъ, или же Софія дѣйствовала искренне? На этотъ вопросъ отвѣтить трудно. Мы не беремся заглядывать въ тайники чужой совѣсти. Но, какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что царевна исполняла всѣ внѣшніе обряды православія. Судя по лѣтописямъ, Софія едва ли не извѣдала чудесъ... Для полнаго счастья Ивану не хватало сына. Удрученная супруга отправляется на богомолье въ Троице-Сергіевъ монастырь. Тамъ въ экстазѣ видѣнія ей удается вымолить желанную

милость. Другимъ доказательствомъ благочестія Софіи могутъ служить совѣты, которые она давала дочери своей Еленѣ, бывшей замужемъ за католическимъ государемъ. То и дѣло возникали слухи о переходѣ ея въ латинство. Какъ мы скоро увидимъ, Софія постоянно являлась горячей защитницей православія.

Самой темной полосой въ жизни этой государыни была ея временная немилость у Ивана. Это событіе связано было, главнымъ образомъ, съ вопросомъ о престолонаслѣдіи. Старшій сынъ Ивана III, его прямой наслѣдникъ, умеръ, оставивъ всѣ права своему малолѣтнему сиротѣ Дмитрію. Когда Софія родила сына, всѣ поняли, что явился у Дмитрія опасный соперникъ. Начались заговоры и ковы. Противъ молодой и честолюбивой матери стали распускать всякія обвиненія. Приказано было сдѣлать розыскъ. Поплатились жизнью нѣкоторые оговоренные бояре, да нѣсколькихъ женщинъ обвинили въ колдовствѣ. Сама Софія съ новорожденнымъ Василіемъ была временно отдалена отъ двора. Повидимому, ее ожидала неминуемая опала. Какъ бы для того, чтобы окончательно засвидѣтельствовать свою немилость къ супругѣ, Иванъ приказалъ вѣнчать своего внука на царство съ необычайною пышностью. Но у Кремля была еще одна сходная черта съ Византіей: и здѣсь, и тамъ могли происходить дворцовые перевороты, результаты коихъ обнаруживались, но подробности всегда оставались тайною. Вопреки всѣмъ ожиданіямъ, юный Дмитрій въ свою очередь впалъ въ немилость. Софія заняла на тронѣ свое прежнее мѣсто, и судьбы Москвы были окончательно вручены ея сыну, Василію. Если когда-нибудь осиротѣвшая дочь цезарей мечтала о коронѣ—мечта ея осуществилась *)!

Всѣ эти византійскія вліянія должны были-бы, казалось, вооружить великихъ князей противъ турокъ. Но, какъ мы

---

*) *Русск. Лит.*, т. VI, 151—156.—**Курбскій**, *Сказанія*, 87, 128.—**Герберштейнъ**, 8 и слѣд.—**Ключевскій**, 274.

видимъ, Москва поддерживаетъ наилучшія отношенія съ падишахомъ. Воинственныя страсти Кремля направлялись противъ другихъ враговъ. То были такіе же славяне и христіане, какъ и сами русскіе.

III.

Въ 1495 г. великій князь Литовскій, Александръ Ягеллонъ, вступилъ по политическимъ соображеніямъ въ бракъ съ княжной Еленою, дочерью Ивана III и Софіи Палеологъ. Ни любовь, ни склонность, ни взаимная симпатія не играли здѣсь никакой роли. Александръ былъ человѣкомъ среднихъ способностей. Но Бонаккорзи пріобщилъ его къ міру гуманизма, и онъ былъ вполнѣ человѣкомъ Ренессанса. Изъ Александра не вышло ни глубокаго ученаго, ни великаго полководца, ни искуснаго администратора. Но на всю свою жизнь онъ сохранилъ изящные вкусы и тонкій складъ ума. Какъ же могъ бы онъ полюбить московскую княжну? Въ глубинѣ терема Елену оберегали отъ нескромнаго взгляда, и она была совершенно чужда всякой умственной культурѣ. Впрочемъ, въ XV вѣкѣ государственныя соображенія стояли выше чувства: они-то и руководили династическими союзами. Уже тогда славянскій міръ страдалъ отъ своихъ теперешнихъ недуговъ. Политики рѣшили прибѣгнуть къ послѣднему средству— къ браку. Но онъ лишь ухудшилъ дѣло.

Здѣсь мы должны бросить бѣглый взглядъ назадъ, чтобы лучше понять причины вѣковѣчной вражды Москвы съ Литвою. Въ то время, когда русскіе стонали подъ тяжестью монгольскаго ига, въ дремучихъ литовскихъ лѣсахъ, на берегахъ Нѣмана появляется замѣчательный человѣкъ.

Цѣлый вѣнокъ легендъ сплетенъ вокругъ колыбели Гедимина. Этотъ князь былъ одаренъ поразительною энергіей, геніемъ побѣдителей и тѣмъ таинственнымъ очарованіемъ, которое всегда окружаетъ родоначальниковъ династій. Желѣзною рукою подавилъ онъ внутреннія неуря-

дицы, и водворившійся миръ сталъ залогомъ его силы. Гедиминъ охотно поощрялъ предпріимчивыя стремленія своихъ воинственныхъ дружинъ. Онъ завладѣлъ нѣсколькими пограничными русскими землями, заложилъ великолѣпную столицу на берегахъ живописной Вилiи и распространилъ первые зачатки культуры между своими полудикими соплеменниками. Княженіе его составило эпоху и долго было предметомъ подражанія. Гедиминъ горделиво присвоилъ себѣ титулъ великаго князя Литовскаго и Русскаго. Его преемники пошли по его слѣдамъ и окончательно покорили западъ и югъ Россіи. Болѣе мирное время наступило съ Ягелло. Онъ присоединилъ къ Литвѣ Польшу, взявъ въ супруги юную и поэтическую Гедвигу, наслѣдницу короны Пястовъ. Теперь подъ бокомъ у Россіи образовалось сильное и враждебное государство. Впрочемъ, эта держава лишена была внутренняго единства. Польша являлась полной противоположностью Литвѣ. Что касается этого великаго княжества, то оно само было аггрегатомъ литовскихъ и русскихъ элементовъ. Однако, союзъ между „сынами солнца“ и „сынами ночи“ былъ довольно проченъ, если не считать кое-какихъ незначительныхъ размолвокъ. Такъ, послѣ смерти Казиміра IV, въ 1492 г., одинъ изъ его сыновей, Янъ-Альбертъ, сдѣлался королемъ польскимъ. Другой, Александръ, получилъ великокняжескую корону Литвы.

Иванъ III счелъ этотъ моментъ удобнымъ, чтобы съ большею противъ прежняго рѣшительностью заявить свои притязанія. И расчетъ, и слѣпая сила обстоятельствъ толкали его на борьбу съ Александромъ. Гедиминъ былъ современникомъ Ивана-Калиты. Первый—отнималъ земли у потомковъ Владиміра, второй—оставилъ имъ по наслѣдству мудрую политику національнаго единства и затаенную ненависть къ татарамъ. Уже тогда можно было предсказать, что начнутся войны изъ-за отнятыхъ владѣній, лишь только свергнуто будетъ монгольское иго и утихнутъ междоусобицы. И, дѣйствительно, когда Русь была предоставлена самой

себѣ и собственной исторической судьбѣ—вниманіе ея обратилось на Литву. Между обѣими странами существовали религіозныя и этнографическія связи, и политическая рознь не могла уничтожить взаимнаго тяготѣнія. Конечно, панславистскія мечтанія еще не туманили головъ; но соединеніе всего русскаго народа подъ гегемоніей Москвы уже было идеаломъ великихъ князей. Въ ихъ рукахъ было два могучихъ рычага: православіе и національная солидарность Это давало имъ значительный перевѣсъ и надъ католической Польшей, и надъ Литвою, готовою слиться съ Польшею. Иванъ III отлично понималъ положеніе и использовалъ его весьма широко. Онъ поддерживалъ съ Литвой тайныя сношенія, потакалъ возмущеніямъ, давалъ пріютъ недовольнымъ. Такимъ образомъ, онъ подготовлялъ почву для будущаго. Послѣ смерти Казиміра тайные происки смѣнились открытою враждою. Ханъ Крымскій и господарь Молдавіи получили воинственныя ноты. Московскія войска начали совершать частые набѣги на Литву, жгли небольшіе пограничные города и овладѣли нѣсколькими крѣпостями.

Великій князь Александръ не былъ расположенъ къ войнѣ, да и не могъ защищаться противъ наступающаго врага. Ему больше улыбалась мысль о мирѣ съ Москвою. Чтобы заключить этотъ миръ на выгодныхъ условіяхъ, онъ мечталъ о женитьбѣ на одной изъ дочерей Ивана III. Если бы теперешній противникъ Литвы обратился въ тестя, онъ сталъ бы надежнымъ щитомъ противъ Молдавіи и Крыма. А, можетъ быть, онъ помогъ бы зятю деньгами и противъ турокъ. Надежды эти были мало основательны. Но все же онѣ плѣняли миролюбиваго Александра, и онъ немедля принялся за дѣло.

Матримоніальные переговоры начались въ 1492 г. и длились два года. Но это ничуть не отозвалось на военныхъ дѣйствіяхъ. Литовскіе паны сперва сообщили о желаніи Александра московскимъ боярамъ. Оно встрѣчено было благосклонно. Тогда, въ концѣ года, въ Москву

явились оффиціальные послы. Они дѣйствовали сообразно обычаямъ эпохи. Имъ поручено было возвѣстить о смерти Казиміра и о вступленіи на престолъ новаго короля. Исполнивъ это, они коснулись деликатнаго вопроса о бракѣ только тогда, когда вино развязало имъ языки. Москвичи, которые были трезвѣе, мудро замѣтили, что лучше бы послы занялись вопросомъ о мирѣ. Въ дѣйствительности, обѣ стороны желали и окончанія войны, и брачнаго союза. Александръ чувствовалъ свою слабость въ военномъ дѣлѣ. Иванъ предпочиталъ битвамъ интриги и переговоры. Правда, великій князь выказывалъ какъ будто мало предупредительности. Дѣло въ томъ, что онъ лишь укрѣплялъ позицію для неминуемой дипломатической борьбы.

Несмотря на мелкія неудачи, Александръ не терялъ надежды Въ январѣ 1494 г. въ Москву явилось новое посольство Дѣло о сватовствѣ рѣшено было отложить напослѣдокъ. Москвичи желали сначала покончить съ политическими вопросами. Пренія были весьма оживленны, но непродолжительны. Литовцы согласились на все: Они сдѣлали важныя территоріальныя уступки: между прочимъ, Вязьма отошла къ Ивану. Установленіе границъ оказалось выгоднымъ для него одного. Пришлось поступиться и самолюбіемъ, признавъ за Иваномъ титулъ „государя всея Руси", лишь бы онъ отказался отъ притязаній на Кіевъ, эту колыбель русскаго народа. Столь сговорчивые противники заслуживали стать друзьями. Ничто не мѣшало больше Александру предложить себя въ затья Ивану, который, со своей стороны, ограничился обѣщаніями умитворить Крымъ и Молдавію. 2 февраля, отъ имени своего государя, литовскіе послы просили руки Елены, „для заключенія дружбы и родства на вѣки вѣчные". Увы, въ этихъ торжественныхъ словахъ было не сишкомъ много правды! Отвѣтъ, конечно, получился утвердительный. Онъ дышалъ покорностью передъ неисповѣдимыми путями Провидѣнія. Четыре дня спустя, 6 февраля, во время обрученія послы впервые увидѣли Елену. Наканунѣ великій князь поставилъ

слѣдующее условіе: его дочь сохранитъ „греческую вѣру“ и съ этой стороны не будетъ подвергаться никакимъ стѣсненіямъ. Литовцы поручились головами, что это такъ и будетъ.

Очень скоро выяснилось, насколько можно было вѣрить подобнымъ обѣщаніямъ. Александръ былъ въ восторгѣ отъ окончанія войны и охотно согласился на всѣ условія. Только въ договоръ относительно вѣры невѣсты онъ позволилъ себѣ внести небольшую поправку. «Если Елена», прибавилъ онъ, «пожелаетъ добровольно принять римскую вѣру, она вольна это сдѣлать». Но противъ этого возстали москвичи, посланные въ Литву для обмѣна хартіями. Они съ ужасомъ отвергли примирительную редакцію Александра. Пришлось обратиться къ самому Ивану. Онъ оказался еще несговорчивѣе пословъ. Кремль не признавалъ ни свободы совѣсти, ни неотразимаго свидѣтельства истины... Политическія соображенія поддерживали религіозное рвеніе Ивана. Онъ поставилъ рѣшительную дилемму: либо отказаться отъ союза, либо уничтожить оговорку. Александръ уступилъ и на этотъ разъ. 26 октября 1494 г. онъ далъ собственноручную подпись и приложилъ свою фамильную печать къ грамотѣ, составленной согласно московскимъ желаніямъ. О злополучной оговоркѣ болѣе не было и помину.

Благодаря этимъ уступкамъ, послѣднія препятствія были устранены. Въ 1495 г. литовскіе послы, Ольшанскій и Забережскій, пріѣхали въ Москву за невѣстой. Празднества и пиры не помѣшали Ивану обставить дѣло самыми коварными предосторожностями. Онъ потребовалъ, чтобы по окончаніи латинской церемоніи было вторично совершено обрученіе по греческому обряду, и чтобы рядомъ съ дворцомъ была построена въ Вильнѣ православная церковь. Эти неумѣренныя требованія послужатъ потомъ поводомъ ко всякимъ обидамъ. Въ приданое Елена получила строгій наказъ — почаще ходить въ православныя церкви. Что же касается до латинскихъ храмовъ то ей было поз-

волено развѣ изъ любопытства побывать въ нихъ разъ или два. Православнымъ слугамъ невѣсты не велѣно было торопиться назадъ. Лучше, если они будутъ при Еленѣ въ качествѣ постоянной свиты. Иванъ снабдилъ ихъ самыми точными инструкціями относительно правъ первенства, одежды, этикета посѣщеній и трапезъ. Получился настоящій шедевръ всякихъ пустяковъ. Отъ него не отказался бы любой мандаринъ съ краснымъ шарикомъ на шляпкѣ.

Свадьба была пышно отпразднована въ Вильнѣ 18 января 1495 г. Сначала совершено было богослуженіе въ православной церкви. Боярыни расплели дѣвичью косу Елены, и ея волосы свободно разсыпались по плечамъ. На голову невѣстѣ надѣли кику съ покрываломъ—обычный уборъ новобрачныхъ. Присутствующіе осыпали молодую хмѣлемъ, и священникъ благословилъ ее крестомъ. Затѣмъ свадебный поѣздъ направился въ каѳедральный соборъ Св. Станислава. Тамъ было совершено бракосочетаніе по латинскому обряду виленскимъ епископомъ Адальбертомъ Таборомъ. Къ великому соблазну москвичей, попу еле дали пробормотать свои православныя молитвы. То же самое вышло и съ вѣнцомъ, который держали надъ невѣстою, и съ традиціонными глотками вина и съ сосудомъ, который потомъ бросаютъ на землю. Наконецъ, на слѣдующій день—неслыханное дѣло—молодые не отправились въ баню!

Изъ уваженія къ семейному очагу будемъ думать, что медовый мѣсяцъ молодой четы длился больше времени, нежели согласіе между тестемъ и зятемъ. Очень скоро послѣ свадьбы снова начались раздоры.

Правда, Александръ естественно могъ пожалѣть о принесенныхъ жертвахъ. Но чего недоставало Ивану? Онъ получилъ земли, ни проливъ почти ни капли крови. Появленіе православной государыни на тронѣ Гедимина служило новымъ связующимъ звеномъ съ литовскою Русью. Не достигъ ли Иванъ этихъ блестящихъ успѣховъ почти даромъ? Но внукъ Калиты руководствовался теоріей, которая открывала для его честолюбія болѣе широкіе горизонты. На

огромной холмистой равнинѣ отъ Карпатъ до Урала и отъ Балтійскаго моря до Чернаго Иванъ различалъ только три рода «земель»: земли польскія, земли литовскія и земли русскія. Онъ не принималъ въ соображеніе политическихъ правъ и основывался только на правахъ національности. По его убѣжденію, естественными предѣлами этихъ трехъ державъ должны быть границы этнографическія. Возстановить ихъ въ точности онъ считалъ необходимымъ. Но Литва не желала отказываться отъ завоеванныхъ ею русскихъ владѣній. Иванъ никакъ не могъ простить ей этого, и громко заявлялъ о своихъ правахъ на отчину, соглашаясь помириться только на Кіевѣ и Смоленскѣ. Очевидно, то былъ пока лишь *панруссизмъ*, такъ какъ Польша и настоящая Литва оставались еще нетронутыми. Панславизмъ явится потомъ.

Во время перемирія тактика Ивана выражалась въ постоянныхъ придиркахъ. Казалось, что договоръ 1495 г. былъ обязателенъ только для слабѣйшей стороны. Сильнѣйшая могла безнаказанно продолжать свои захваты. Бракъ ничего не измѣнилъ: этнографическій раздѣлъ земель оставался такою же химерой; мелкія распри продолжались; прежнія союзныя отношенія сохраняли силу; крымскій ханъ и молдавскій господарь не слагали оружія. Отъ малѣйшаго повода могла вспыхнуть открытая вражда. Иванъ могъ ежеминутно создать этотъ поводъ: онъ считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ дѣла своего зятя. Мы помнимъ, что послѣ помолвки онъ прибавилъ произвольно къ пунктамъ договора новое условіе относительно свободы вѣроисповѣданія Елены. Александръ не соглашался на это, и рьяный защитникъ православія уже тогда далъ себѣ слово воспользоваться этимъ впослѣдствіи *).

Конечно, вопросъ былъ крайне сложенъ и притомъ весьма деликатенъ. Александръ былъ католикомъ, но женился на греко-православной. Столь важный казусъ не

*) **Сборникъ Русск. Ист. Об.**, XXXV, 72—300.

былъ подвергнутъ предварительному обсужденію папскаго трибунала. А, можетъ быть, условія этого союза и не были выяснены съ должной опредѣленностью Какъ бы то ни было, Александромъ овладѣли мучительныя сомнѣнія. Черезъ пять лѣтъ послѣ свадьбы онъ счелъ нужнымъ урегулировать положеніе.

Посольство Эразма Ціолека въ Римъ явилось какъ нельзя болѣе удобнымъ предлогомъ для этого. Эразмъ былъ секретаремъ великаго князя и капелланомъ Вильны: онъ болѣе извѣстенъ подъ латинизированнымъ именемъ Вителліуса. Отъ имени своего государя, правда нѣсколько поздно, онъ долженъ былъ объявить о покорности Литвы папской власти. 11 марта 1501 г., согласно этикету, Эразмъ совершилъ въѣздъ въ вѣчный городъ. По правую его руку ѣхалъ деспотъ Андрей, братъ Софіи Палеологъ, а по лѣвую—римскій губернаторъ—Франческо Ремолино. Поѣздъ посланника, повидимому, возбуждалъ любопытство. Въ немъ участвовали двѣнадцать всадниковъ и двѣнадцать мальчиковъ въ національныхъ костюмахъ, Папа Александръ VI также не хотѣлъ лишить себя этого зрѣлища. Онъ отправился въ одинъ частный домъ и любовался на блестящую кавалькаду изъ-за ставень окна. Противно обычаю, публичнаго пріема не состоялось. Бурхардъ наивно замѣчаетъ, что папѣ не хотѣлось утруждать себя составленіемъ отвѣта.

Дѣла о бракѣ коснулись съ большой осмотрительностью. Въ Римѣ не знали, что Александръ и Елена различныхъ вѣроисповѣданій. Эразмъ признался, что данная его государемъ клятва исключаетъ возможность принужденія, а убѣжденіе не дѣйствуетъ на великую княгиню. Онъ рѣшился утверждать, что Еленѣ была предоставлена свобода—при желаніи, перемѣнить вѣру. Мы знаемъ, однако, что этотъ пунктъ былъ формально кассированъ Иваномъ. Папа взглянулъ на дѣло весьма серьезно и высказалъ суровое порицаніе Александру. Онъ разрѣшилъ его отъ клятвы и предложилъ такую альтернативу: обращеніе Елены

или расторженіе брака. Въ письмѣ на имя Виленскаго архіепископа папа настойчиво выражаетъ то же мнѣніе и требуетъ примѣненія самыхъ крайнихъ мѣръ. «Пускай великій князь,—говоритъ онъ,—«изгонитъ отъ своего ложа и изъ своего дома строптивую супругу. А приданое будетъ конфисковано.»

По справедливости, папскія слова грѣшатъ излишней строгостью. Можно дать имъ лишь такое благовидное объясненіе: правильно или нѣтъ, но папа, вѣроятно, предположилъ, что Елена сопротивлялась единственно изъ упрямства. Развѣ можно было иначе требовать принудительныхъ мѣръ? Каковы же были, спросимъ мы себя, истинныя чувства Елены? Два противоположныхъ лагеря оспаривали ее другъ у друга. Литовскій дворъ желалъ ее видѣть католичкой. Епископы и монахи готовы были просвѣтить великую княгиню. Съ другой стороны, въ страхѣ передъ такимъ отступничествомъ, Иванъ заклиналъ дочь—«лучше умереть, нежели измѣнить вѣрѣ». И онъ заранѣе изрыгалъ анаѳемы, къ которымъ Софія присоединяла свои материнскія мольбы. Можно себѣ представить муку Елены! При всей своей преданности православію она не рѣшалась утверждать, что ее притѣсняютъ изъ-за вѣры. Иванъ же употреблялъ всѣ усилія, чтобы вырвать у дочери это признаніе. Въ своихъ тайныхъ письмахъ Елены увѣряетъ, что никогда не терпѣла принужденія. Она могла бояться этого развѣ послѣ смерти своего супруга.

Мы нѣсколько опередили событія для того, чтобы не прерывать внутренней связи разсказа. Переговоры съ Римомъ начались въ 1501 г. Между тѣмъ, уже въ теченіе двухъ лѣтъ шла война между Иваномъ и Александромъ. Ихъ ссоры неминуемо должны были привести къ кровавому столкновенію. Великій князь дожидался лишь удобнаго момента и, обезпечивъ за собою помощь князей Черниговo-Сѣверскихъ, вдругъ ощутилъ приливъ религіознаго рвенія. Подъ предлогомъ защиты православія, онъ неожиданно вторгся въ Литву. Такимъ образомъ война была объявлена.

Съ батальной точки зрѣнія она не представляетъ собою большого интереса. Единственнымъ крупнымъ событіемъ была блестящая побѣда русскихъ подъ Ведрошею 14 іюля 1500 г. Они покрыли трупами поле сраженія и забрали многихъ плѣнныхъ. Въ числѣ ихъ былъ князь Константинъ Острожскій, славянскій Сципіонъ той эпохи. Но въ 1502 побѣдители безуспѣшно осаждали крѣпость Смоленскъ. Пришлось имъ отказаться отъ надежды завладѣть ею. Еще съ меньшимъ успѣхомъ воевали они на сѣверѣ. Союзники Александра, ливонцы, заставили русскихъ жестоко поплатиться подъ Псковомъ и въ Изборскѣ за нѣсколько незначительныхъ побѣдъ.

Кромѣ этихъ сраженій, происходили только небольшія стычки. Все сильнѣе и сильнѣе чувствовалась потребность въ перемиріи. Пограничныя земли то и дѣло подвергались разоренію и громко вопіяли о мирѣ. Александръ самъ горячо желалъ его. Въ 1501 г. польскій тронъ оказался незанятымъ послѣ смерти брата его, Яна-Альберта Поляки избрали преемникомъ ему Александра. Возвращались времена Казиміра. Польша и Литва соединялись подъ однимъ скипетромъ. Между тѣмъ, папа продолжалъ настаивать на обращеніи Елены. Мысль имѣть православную королеву приводила въ негодованіе польское духовенство. Магнаты не желали даже, чтобы Елена была коронована. Тѣмъ не менѣе, когда понадобился посредникъ для заключенія мира—всѣ взоры обратились на дочь Ивана.

Елена вполнѣ прониклась своей ролью примирительницы. Она взялась за перо и отправила пространныя посланія своему отцу, матери и братьямъ. Въ наивныхъ изліяніяхъ бѣдной женщины проявляется любящее, но прошедшее суровую школу сердце. Тѣмъ не менѣе, расчеты поляковъ не оправдались. Иванъ считалъ ниже своего достоинства вести переговоры съ женщиной, будь она ему хотя-бы родная дочь. Онъ отклонилъ вмѣшательство Елены и отвѣтилъ своими излюбленными фразами о притѣсненіяхъ, чинимыхъ надъ православными.

Однако, выгодныя условія мира смягчили Ивана. Этому помогъ и папа Александръ VI, хотя и по инымъ соображеніямъ. Въ концѣ 1500 г. въ Римѣ вновь возникла мысль о всеобщемъ крестовомъ походѣ противъ турокъ. 18-го ноября кардиналъ и архіепископъ Реджіо получилъ подобающія инструкціи передъ отъѣздомъ въ Венецію, Венгрію, Польшу и Богемію. Кромѣ того, ему было поручено переслать папскую грамоту великому московскому князю. Въ ней Александръ VI убѣждалъ Ивана помириться съ Польшею: когда ей перестанетъ угрожать опасность, она обратитъ всѣ свои силы противъ турокъ. Папа приглашалъ и самого Ивана присоединиться къ лигѣ. Кардиналъ-легатъ выбралъ посредникомъ венгерскаго короля Владислава. Этотъ послѣдній отправилъ въ Москву въ декабрѣ 1502 г. спеціальнаго посла Сигизмунда Сантая. Его сопровождалъ капелланъ по имени Дитрихъ. Прекрасная роль выпала на долю этого человѣка благодаря чистому случаю. Наканунѣ аудіенціи у Ивана Сантай прелавался столь обильнымъ возліяніямъ, что пришелъ въ совершенную негодность. Волей-неволей Дитрихъ вынужденъ былъ его замѣнить собою. Переговоры кончились тѣмъ, что великій князь выразилъ готовность воевать съ турками, а съ поляками заключить миръ. Какъ и слѣдовало ожидать, попытка крестоваго похода кончилась ничѣмъ. Съ Александромъ начались новые переговоры, и въ Москву прибыли его послы, чтобы заключить миръ. Когда Иванъ добился отъ нихъ желательныхъ ему уступокъ, онъ подписалъ перемиріе на шесть лѣтъ—съ 25 марта 1503 г., по 25 марта 1509 г. За Москвою оставались ея послѣднія завоеванія; кромѣ того, она получала множество городовъ, селъ и деревень. Вѣрный своей системѣ, Иванъ опять поднялъ религіозный вопросъ. Онъ требовалъ новыхъ гарантій для Елены: простыхъ обѣщаній ему было мало. Ему нужна была грамота за подписью короля и польскихъ епископовъ. Александръ попробовалъ было избѣжать этихъ стѣснительныхъ формальностей. Онъ предложилъ съ обѣ-

ихъ сторонъ отправить пословъ въ Римъ. Иванъ отказался наотрѣзъ, и вопросъ остался открытымъ. Въ концѣ концовъ, и самое перемиріе было только фикціей. Изъ Кремля посылались тайные совѣты крымскому хану, чтобы онъ опять поднялъ оружіе противъ Литвы.

Возобновленіе московскихъ жалобъ не могло, конечно, не раздражать Александра. Сомнѣнія овладѣваютъ имъ съ новою силой. Въ 1505 году онъ повѣряетъ свои печали папѣ Юлію II, преемнику Пія III. Отвѣтъ Куріи отъ 22 августа того же года нѣкоторые историки признаютъ полной санкціей королевскаго брака. Очевидно, они не достаточно разобрались въ латыни Юлія II. Этотъ папа идетъ по стопамъ Александра VI. Онъ даетъ разрѣшеніе только на совершеніе греческихъ обрядовъ, но ставитъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Елена сообразовалась съ постановленіями Флорентійскаго собора. Слѣдовательно, онъ допускаетъ бракъ между католикомъ и греко-православной лишь въ томъ случаѣ, если невѣста исповѣдуетъ католическое ученіе. Если же этого нѣтъ,—разрѣшеніе заранѣе объявляется недѣйствительнымъ. Но Елена какъ разъ не соглашалась принять ни католическіе догматы, ни принципы Флорентійскаго собора. Она стояла не только за свои греческіе обряды, но и за православную вѣру. Такимъ образомъ папская грамота ничуть не измѣнила положенія. Александръ не хотѣлъ порвать съ Еленою, но и не могъ обратить ея. Мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ онъ слѣдовалъ въ дальнѣйшемъ папскому приказу. Вѣрно лишь то, что 19 августа 1506 г. король скончался на рукахъ своей супруги, которая его искренно любила.

Елена осталась до конца вѣрна своей религіи. При жизни супруга она была горячею заступницей за своихъ единовѣрцевъ. Потомъ ей пришлось поубавить свой пылъ, и она даже стала думать о возвращеніи въ Москву. Смерть настигла ее въ Вильнѣ, въ послѣдніе дни января 1513 г. [1]).

[1]) Theiner, Vet. Mon. Pol. II, 277—290, и n°299, 309 — 312.— Burchard, III, 120—124.—Макарій, т. IX, 84—161.—Fessler, III, 270.— Улянищій, с. 209.

Бракъ Елены и Александра долженъ былъ соединить домъ Гедимина съ домомъ Владиміра и возстановить миръ между славянами. Но на дѣлѣ онъ только внесъ тревогу въ домашнюю жизнь Александра и служилъ Ивану предлогомъ для войны. Сердечныя чувства не вліяли на политику. И послѣ брака дочери Иванъ не переставалъ стремиться къ объединенію всѣхъ «русскихъ земель» подъ властью Москвы. Въ своихъ притязаніяхъ онъ опирался на мало еще тогда извѣстный принципъ національности. Александръ не хотѣлъ уступать завоеваній своихъ предковъ; онъ склонялся лишь передъ силою оружія. Эти жгучіе вопросы предстояло рѣшить будущему въ совѣтахъ государей и на поляхъ битвы, съ помощью интригъ и въ волнахъ славянской крови.

Восточный вопросъ опять поставилъ папъ лицомъ къ лицу съ Москвою. Владиславъ усталъ бороться съ турками. 20 августа 1503 г. онъ принужденъ былъ заключить перемиріе. За десять дней до этого республика св. Марка подписала скорѣе выгодный, нежели славный миръ. Измѣна венгровъ и Венеціи отнимала у католическаго союза двухъ участниковъ, которымъ наиболѣе грозили оттоманы. Тѣ же, чье положеніе было менѣе опасно, проявляли еще большую вялость. Но скоро это обманчивое спокойствіе было нарушено. Одинъ изъ папъ, другъ художествъ и сторонникъ мира, счелъ необходимымъ вновь проповѣдывать священную войну. Ободряющія извѣстія изъ Москвы возбудили его рвеніе и внушили ему смѣлыя надежды.

КНИГА III.

Папы изъ дома Медичи и Василій III.

ГЛАВА I.

Пизо, Шенбергъ, Феррери.

1513-1521.

Левъ X и состояніе Италіи. — Турецкій вопросъ.—Оптимизмъ папы. — Личныя воспоминанія. — Датскія пре-данія. — Мнѣніе Ціолека.—Рафаэль дворца Питти. — Политика папы. — Миръ на Сѣверѣ. — Польскія симпатіи. — Національная точка зрѣнія короля Сигизмунда. — Великій князь Василій, другъ турокъ, врагъ Польши.—Сторона положенія, неизвѣстная св. Престолу.—Крестовый походъ на Латеранскомъ соборѣ.—Дипломатическая война.—Сношенія съ Москвою поручаются кардиналу Эрдеду.—Опасенія польскаго короля.—Перемѣна курса.—Пизо назначается въ Москву.—Битва 8 сентября 1514 г.—Миссія Пизо отмѣняется.—Безплодная побѣда.—Благодарственная месса въ Ватиканѣ.—Ужасъ, внушаемый турками.—Память Льва X.—Провозглашеніе пятилѣтняго перемирія.—Миссія Николая Шенберга на Сѣверъ.—Сигизмундъ соглашается на пятилѣтнее перемиріе и на предстательство папы передъ Москвою.—О. Николай въ Кенигсбергѣ.—Альбертъ Бранденбургскій.—Дитрихъ Шенбергъ.—Его характеръ.—Его соображенія относительно Москвы.—Путешествіе 1517 г.—Отвѣтъ Василія.—Обѣщанія Льва X.—Второе путешествіе Дитриха въ 1518 г.—Льстивый отвѣтъ Василія.—Третье путешествіе въ 1519 г.—Послѣдній отвѣтъ въ Кенигсбергѣ.—Василій непоколебимъ въ «вѣрѣ Греческой».—Уступки.—Перемѣна настроенія въ Польшѣ.—Король противится отъѣзду Николая Шенберга въ Москву.—Истинныя причивы его сопротивленія.—Перемиріе 31 декабря 1517 г.—Надежды о. Николая.—Иллюзіи Дитриха.—Кремлевскіе греки.—Сигизмундъ проситъ отправить папскаго посла въ Москву.—Условія.—

Кардинальскій комитетъ.—Рѣчь Ціолека.—Рѣшенія Комитета.—Епископъ Кастелламаре отказывается отъ миссіи.—Захарія Феррери.—Джьованни Тедальди.—Ихъ пребываніе въ Венеціи.—Трогательная сцена въ Коллегіи.—Перемѣна настроенія въ Польшѣ.—Сигизмундъ противится отъѣзду Феррери въ Москву.—Миролюбивое поведеніе русскихъ.—Истинныя причины королевскаго сопротивленія.—Труды Феррери въ Польшѣ.—Перемиріе между Сигизмундомъ и Альбертомъ Бранденбургскихъ.—Левъ X остается вѣренъ своему оптимизму.

Имя Льва X, какъ имя Перикла или Августа, вызываетъ представленіе о блестящемъ и артистическомъ вѣкѣ. Медичи, увѣнчанный папской тіарой, не могъ не быть просвѣщеннымъ покровителемъ литературы, наукъ и искусствъ. Не даромъ былъ онъ сыномъ Лоренцо Великолѣпнаго и ученикомъ Халкондила, Марсиліо Фичино, Пико де-ла Мирандола и Полиціано. Рафаэль и Микель Анжело оживляютъ мраморъ и полотно; Садалетъ и Бембо состязаются въ классическомъ изяществѣ; весь Римъ предается утонченнымъ умственнымъ наслажденіямъ. А въ то же самое время иностранные государи съ жадностью смотрятъ на Италію, какъ на лакомую добычу; въ Германіи бушуетъ поднятая Лютеромъ буря; упоенный побѣдами, Великій Моголъ приближается къ апогею своей славы.

Реформація не коснулась Москвы. Сѣверная держава не приняла участія въ гигантской борьбѣ Карла V съ Францискомъ I. Вѣроятно, она ничего и не знала объ усиліяхъ Льва X, не желавшаго допустить, чтобы «голова и хвостъ» Италіи попали въ однѣ руки. Русь еще не была захвачена воинствующей европейской политикой. Она не могла вмѣшиваться въ событія западной жизни, и они мало отзывались на ней. Но одинъ вопросъ поставилъ русскихъ въ соприкосновеніе съ Европой.

Въ началѣ XVI вѣка имя турокъ еще внушало христіанамъ несказанный ужасъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ лѣтописи. Казалось, нѣтъ арміи достаточно сильной, чтобы противостоять столь страшному врагу. Всякаго союзника, кто бы онъ ни былъ, принимали съ одинаковой ра-

достью. Присоединеніе русскихъ къ антитурецкой лигѣ казалось очень желательнымъ. Въ Римѣ, можетъ быть, больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, расчитывали на ихъ поддержку. Во всякомъ случаѣ, проектъ антиоттоманской лиги сблизилъ Льва X и великаго князя Василія III.

Идея подобной коалиціи была отнюдь не нова. Уже давно папы старались объединить народы Европы и Азіи для борьбы съ турками. Въ данномъ случаѣ, было безразлично, принадлежали всѣ они къ римской церкви, или нѣтъ. Попытки въ этомъ направленіи относительно русскихъ уже дѣлались. Тѣмъ не менѣе, чрезвычайно интересно освѣтить совершенно особыя обстоятельства, которыя придали новымъ переговорамъ весьма своеобразный характеръ.

Левъ X не скрывалъ своего оптизма по отношенію къ Москвѣ. Онъ еще молодымъ кардиналомъ состоялъ при дворѣ Александра VI, когда одно событіе произвело на него неотразимое впечатлѣніе: русское посольство, вѣроятно, во главѣ съ Ралевымъ и Карачаровымъ, явилось въ Ватиканъ отъ имени великаго князя Ивана III. Левъ X былъ увѣренъ, что послы засвидѣтельствовали передъ папою покорность государя и его намѣренія принять римскую вѣру. Какъ подобное убѣжденіе могло возникнуть въ умѣ человѣка, отнюдь не лишеннаго такта и проницательности? Былъ ли онъ жертвою собственныхъ иллюзій? Или, можетъ быть, русскіе шли по слѣдамъ Вольпе и Джисларди и наобѣщали сами много лишняго? Во всякомъ случаѣ, уже много лѣтъ спустя Левъ X еще оставался вѣренъ своимъ первоначальнымъ впечатлѣніямъ. Подъ ихъ вліяніемъ онъ съ непостижимою легкостью увѣровалъ, что Василій раздѣляетъ мнимыя чувства своего отца Ивана III. Папа обольщалъ себя самыми несбыточными надеждами.

Были люди, которые поддерживали это заблужденіе. У королевскаго датскаго дома былъ характерный пріемъ:— сочинять самые неправдоподобные слухи относительно Москвы и распространять ихъ, когда нужно. Въ 1506 г. Ко-

роль Іоаннъ сообщаетъ своему племяннику Іакову IV, королю Шотландіи, что вступилъ въ союзъ съ великимъ княземъ—главнымъ образомъ, съ цѣлью способствовать соединенію Церквей. Слухъ этотъ распространился во Франціи и въ Германіи и проникъ въ Римъ. Спустя шесть лѣтъ, когда Юлій II созвалъ Латеранскій соборъ, датскій король пытался было склонить Василія послать туда своихъ представителей. Смерть помѣшала ему докончить начатое дѣло. Сынъ его, Христіанъ II, продолжалъ политику отца. Въ Москву былъ спѣшно отправленъ гонецъ въ 1513 г. Ему предстояло возобновить добрыя отношенія между Кремлемъ и Ватиканомъ. Христіанъ еще хранилъ преданность св. престолу. Онъ счелъ возможнымъ сообщить Льву X свѣдѣнія, которыя какъ нельзя лучше отвѣчали надеждамъ папы. Василій, однако, не подавалъ никакого повода такъ легкомысленно предрѣшать вопросъ будущаго. Приходится спросить себя: не было ли тутъ слишкомъ усердныхъ посредниковъ? Можетъ быть, они намѣренно умалчивали о препятствіяхъ и представляли дѣло такъ, какъ имъ хотѣлось?*)

Впрочемъ, не одни лишь датчане высказывали подобныя сужденія о Москвѣ. Здѣсь мы не станемъ касаться Альберта Бранденбургскаго: рѣчь о немъ будетъ ниже.

Но, напримѣръ, Ціолекъ, епископъ Плоцкій и посланникъ короля Сигизмунда также отличился въ этомъ смыслѣ. Какъ поляка, никто не могъ заподозрѣть его въ пристрастіи къ русскимъ. Между тѣмъ, слово его имѣло особый вѣсъ, такъ какъ, въ качествѣ духовнаго лица, онъ былъ пастыремъ душъ. Правда, многое говорило и противъ епископа: соотечественники его не поддерживали, а государь не признавалъ его авторитета. Подобное несоотвѣтствіе возбудило бы недовѣріе въ комъ угодно, но оно ничуть не повліяло на Льва X. Жить иллюзіями было по душѣ папѣ, увлеченному классическимъ идеаломъ. Онъ

*) Acta Tomic., V, 188.—Becker, 67.

предпочиталъ утѣхи мирнаго времени заботамъ воинственной политики. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ о немъ современники; такимъ же изобразила его и чудесная кисть Рафаэля въ великолѣпномъ портретѣ палаццо Питти: Левъ X только что разсматривалъ богатый и изящный требникъ. Его бѣлыя, пухлыя руки покоятся на столѣ. Рядомъ съ нимъ два близкихъ родственника—одинъ изъ нихъ—будущій папа Климентъ VII. Полное, довольное лицо Льва съ глазами на выкатѣ выражаетъ спокойное удовлетвореніе знатока, который въ кругу своихъ родныхъ любовался маленькимъ шедевромъ. Ничто въ этихъ округленныхъ чертахъ не указываетъ на энергію или силу. Это типъ мецената, которому дороже всего спокойствіе, и который видитъ счастіе въ созерцаніи красоты.

Благопріятныя извѣстія со стороны совпадали такимъ образомъ съ настроеніемъ самого папы. Но, кромѣ того, былъ одинъ политическій мотивъ, заставлявшій Льва X желать сближенія съ Россіей. Одно время главною заботою папы былъ крестовый походъ противъ турокъ. Вождемъ крестоносцевъ онъ хотѣлъ видѣть короля польскаго, Сигизмунда I. Но этотъ послѣдній не могъ предпринять дальняго похода раньше заключенія прочнаго мира съ сосѣдями. Поэтому папа постоянно стремился помирить Сигизмунда съ двумя врагами, угрожавшими его границамъ: великимъ магистромъ Тевтонскаго ордена и великимъ княземъ Московскимъ. Пруссія Фридриха II, Германія Бисмарка были еще въ зародышѣ. Страшнѣе казалась русская держава,—и вотъ всѣ усилія римской политики обращаются въ эту сторону. Идеаломъ будущаго было для нея возстановленіе мира на Сѣверѣ, поддержаніе добрыхъ отношеній между тремя примиренными противниками. Пока же всѣ симпатіи папы принадлежали полякамъ. Побѣды ихъ надъ русскими принимались, какъ торжество истинной вѣры надъ ересью: героевъ осыпали похвалами и поздравленіями.

Король польскій умѣло пользовался настроеніемъ римскаго двора. Слово, данное имъ папѣ относительно войны,

ничуть не мѣшало ему заключать перемирія съ турками. Сигизмундъ находилъ, что папская политика въ Россіи должна обслуживать польскіе интересы, и даже не старался скрыть этого мнѣнія. Каждый разъ, какъ его войска терпѣли пораженіе, онъ требовалъ посылки въ Москву папскаго уполномоченнаго. Но, лишь только счастье снова улыбалось полякамъ, король готовъ былъ чуть не съ полудороги вернуть легата назадъ. Сигизмундъ такъ и не смогъ возвыситься до идеи религіозной Уніи. Его точка зрѣнія оставалась узко національной.

Но какова же была политика Василія? Никакихъ чувствительныхъ перемѣнъ не произошло въ Россіи со времени кончины Ивана III. Расположеніе султана было такъ же дорого сыну, какъ и отцу, и по тѣмъ же причинамъ. Съ турками обмѣнивались любезными письмами и посольствами. Всю силу своей ненависти Василій обратилъ противъ Польши. Она была родственной, но враждебной державой. Она владѣла «землями русскими», которыя Иванъ III поклялся вернуть Россіи; «землями литовскими» отъ которыхъ онъ отказался, но которыя уже соблазняли его сына; наконецъ, «землями польскими»,—которымъ суждено было впослѣдствіи перейти въ чужія руки.

По отношенію къ своей соперницѣ Москва питала постоянную, неутолимую, кровожадную вражду. Тѣмъ не менѣе, и Василій, какъ и Сигизмундъ, не скупился передъ папою на всяческія обѣщанія. Онъ преслѣдовалъ утилитарную цѣль: его не останавливали ни враждебные замыслы противъ поляковъ, ни дружба съ турками. Въ данномъ случаѣ, оба государя дѣйствовали совершенно одинаково. Таково было положеніе. Повидимому, св. Престолъ не вникъ въ него. Мѣры, принятыя папою, оправдываютъ такое заключеніе. Онѣ относятся къ 1513 г.

Соборъ засѣдалъ въ то время въ Латеранскомъ дворцѣ. Отцы церкви были созваны еще Юліемъ II послѣ неурядицъ Пизанскаго собора. Теперь они продолжали свою работу при новомъ папѣ. Каковы бы ни были раз-

нотласія относительно прочихъ вопросовъ, всѣ подали свой голосъ за крестовый походъ противъ турокъ. Султанъ Селимъ I, прозванный Непреклоннымъ, началъ свое царствованіе избіеніемъ всего своего рода. Можно было по этой дикой расправѣ судить о томъ, какая участь ждетъ побѣжденныхъ христіанъ. Необходимо было организовать защиту противъ столь опаснаго врага. Но раньше, чѣмъ начать военныя дѣйствія, рѣшено было предпринять дипломатическую кампанію. Соборъ постановилъ— отправить папскихъ легатовъ ко всѣмъ европейскимъ дворамъ. Они должны были возбудить рвеніе монарховъ, помирить воюющихъ, условиться относительно плана дѣйствій, заручиться финансовыми рессурсами. Не забыта была и Московія. 15 іюля вмѣстѣ съ другими странами Сѣвера она поручена была кардиналу д'Эрдеду, архіепископу Гранскому. Онъ былъ примасомъ Венгріи, служившей христіанамъ оплотомъ противъ турокъ. Двѣ папскія грамоты отъ 29 ноября 1513 г. были составлены отцами собора. Одна предназначалась Василію, другая Сигизмунду: кардиналъ Эрдедъ взялся доставить обѣ по назначенію [1]).

Лишь только польскій король узналъ объ этомъ, онъ счелъ необходимымъ вмѣшаться и выразить свои опасенія. Незадолго передъ этимъ онъ получилъ отъ Льва X мечъ и шлемъ, которые были предназначены еще Юліемъ II «побѣдителю скиѳовъ». Пускай отправляютъ въ Кремль пословъ, говорилъ король, но только не письма: Василій способенъ передать ихъ султану... Сигизмунда преслѣдовалъ страхъ передъ измѣной; онъ желалъ бы совсѣмъ устранить великаго князя. Но скоро, благодаря неожиданной перемѣнѣ обстоятельствъ, король самъ предложилъ, какъ можно скорѣе, отправить гонца въ Москву.

Военное счастье сначала было на сторонѣ поляковъ; потомъ мало-по-малу оно склонилось на сторону русскихъ. Сигизмундъ все сильнѣе и сильнѣе тревожился за исходъ

[1]) Theiner, *Vet. Mon. Hung.*, II, 504.—*Acta Tomic.* II 280; III, 15.

кампаніи. 3 марта 1514 г. онъ объявилъ кардиналу Эрдеду о своемъ намѣреніи заключить миръ съ Василіемъ и всецѣло заняться войной съ турками. Король старался скрыть свое затруднительное положеніе и дѣлалъ видъ, что только стремится выполнить желанія папы. Онъ даже попросилъ легата присоединить своего уполномоченнаго къ польскимъ посламъ, ѣхавшимъ въ Москву. Эрдедъ былъ тогда въ Венгріи, гдѣ боролся со всяческими затрудненіями. Тѣмъ не менѣе, онъ поспѣшилъ удовлетворить короля и для предполагаемой миссіи указалъ на Якова Пизо. Пизо былъ родомъ венгерецъ, прекрасно зналъ латынь, пописывалъ стихи и былъ весьма уважаемъ римскими гуманистами. Этотъ протонотарій былъ веселаго нрава, владѣлъ многими языками и охотно занимался дипломатіей. Онъ уже добрался до Вильны и готовъ былъ выѣхать въ Москву, когда 29 іюля 1514 г. палъ Смоленскъ, стратегическій пунктъ величайшей важности. Сигизмундъ настойчиво сталъ торопить его отъѣздъ. Вдругъ военная удача поляковъ снова измѣнила положеніе вещей.

8 сентября кровавое сраженіе разыгралось на берегахъ. Днѣпра, въ окрестностяхъ Орши. Князь Константинъ Острожскій во главѣ поляковъ безпрепятственно переправился черезъ рѣку. Русскіе слишкомъ полагались на свою численность и спокойно ждали непріятеля. Но поляки стремительно напали на нихъ и нанесли имъ полное пораженіе. Трупы покрыли все поле битвы отъ Орши до Дубровны, и волны Днѣпра и Крапивны окрасились кровью. Русскіе воеводы и множество ратниковъ были взяты въ плѣнъ. Знамена, пушки, обозъ—все досталось побѣдителямъ. Еще никогда полякамъ не случалось одерживать столь блистательной побѣды.

Послѣ этого знаменательнаго дня Сигизмундъ счелъ себя господиномъ положенія. Тотчасъ же переговоры съ Москвою были прерваны, и посольство отозвано обратно. Это крайне обрадовало Пизо, поспѣшившаго увѣдомить о томъ одного изъ своихъ друзей въ Римѣ. Онъ былъ очевид-

цемъ битвы при Оршѣ, восторгался мужествомъ поляковъ и очень былъ радъ избѣжать труднаго путешествія. Огромныя разстоянія, неудобство передвиженія, неблагопріятные слухи, ходившіе о Василіи, сильно его пугали. Но страхъ Пизо перешелъ въ ужасъ, когда таинственно исчезъ одинъ гонецъ, будто бы брошенный въ воду русскими. Пизо не очень охотно утолялъ свою жажду рѣчной водою, и рѣшительно отказывался отъ мученическаго вѣнца. На сей разъ онъ отдѣлался однимъ страхомъ. Такихъ опасныхъ порученій ему больше не давали.

Побѣда подъ Оршею такъ ослѣпила Сигизмунда, что онъ не сумѣлъ извлечь изъ нея никакихъ выгодъ. День 8-го сентября не имѣлъ практическихъ послѣдствій. Онъ послужилъ только поводомъ для литературныхъ гиперболъ. Множество посланій наполнили всю Европу шумомъ этой побѣды. Король писалъ Льву X, что изъ восьмидесяти тысячъ русскихъ, бывшихъ подъ оружіемъ, тридцать тысячъ были убиты или потоплены въ этотъ день. Поляки же понесли только легкія потери. Въ то же время Сигизмундъ послалъ въ Римъ и въ другія мѣста московскихъ плѣнныхъ, которые должны повсюду возвѣстить о своемъ позорѣ. Ни папа такъ и не увидалъ ихъ въ Ватиканѣ: по приказанію императора они были задержаны въ дорогѣ.

Благодаря такимъ пріемамъ подвигъ князя Острожскаго прогремѣлъ повсюду. Левъ X высказалъ свое удовлетвореніе по этому поводу въ письмѣ къ Сигизмунду, горячо благословляя короля и жалуя индульгенціи его войску. Кардиналы, получившіе деньги отъ Польши, присоединились къ первосвященнику. Согласный хвалебный хоръ раздался въ Римѣ. 25 января 1515 г. была отслужена благодарственная месса кардиналомъ Грасси. При этомъ было произнесено подобающее слово. Такимъ образомъ первая попытка посредничества папы между Москвою и Польшей оказалась пока неудачной. Но обстоятельства, породившія эту попытку, не замедлили возникнуть вновь.

Такъ великъ былъ ужасъ передъ именемъ султана, что

турецкій вопросъ снова былъ поставленъ на очередь около 1517 г. на Латеранскомъ соборѣ. Египетъ уже призналъ надъ собою власть полумѣсяца. Казалось, что турки вотъ вотъ переправяться черезъ море и высадятся въ Италіи. Разсказывали, будто падишахъ поклялся, что настроитъ мечетей въ вѣчномъ городѣ, и что голоса муэдзиновъ станутъ раздаваться съ высоты минаретовъ. Отголосокъ этихъ страховъ чувствуется въ запискѣ самого Льва X. Папа предлагаетъ европейскимъ государямъ заключить перемиріе и проситъ восемь милліоновъ дукатовъ на войну съ Востокомъ. Лишь только папа получилъ болѣе или менѣе благопріятные отвѣты, онъ провозгласилъ 13 марта 1518 г. торжественное пятилѣтнее перемиріе. Затѣмъ во всѣ стороны были разосланы агенты, чтобы ускорить приготовленія къ лигѣ.

Въ числѣ этихъ лицъ былъ Николай Шенбергъ. Онъ происходилъ изъ благородной семьи, французская вѣтвь которой сохранила имя Шомберговъ. Николай еще въ дни своей ранней молодости былъ увлеченъ пламенными рѣчами Савонаролы и поступилъ въ монахи Доминиканскаго ордена. Шенбергъ былъ уменъ и дѣятеленъ; въ своей средѣ онъ занималъ самыя высокія должности; его знали монархи, и Томасъ Моръ считалъ его своимъ другомъ. Въ Римѣ онъ пользовался большимъ авторитетомъ, и папы поручали ему отвѣтственныя миссіи въ Германіи и Франціи, въ Англіи и Испаніи. Впослѣдствіи Климентъ VII назначилъ Шенберга архіепископомъ Капуи, а Павелъ III наградилъ его кардинальскимъ саномъ. Теперь, когда надо было поколебать оттоманское владычество, кто успѣшнѣе бывшаго провинціала Св. Земли могъ бы пробудить рвеніе крестоносцевъ? Въ миссію Шенберга входили Германія, Венгрія, Польша, Тевтонскій Орденъ, Москва и Татарія. Вѣрительныя грамоты, адресованныя Василію, были почти совершенно схожи съ тѣми, которыя предназначались татарскому хану. Главною задачею Шенберга было убѣдить государей нанести туркамъ рѣшительный ударъ, напавъ на нихъ одно-

временно съ разныхъ сторонъ. Въ частности, онъ долженъ былъ помирить короля Польши съ великимъ магистромъ Тевтонскаго ордена и съ великимъ княземъ московскимъ.

Шенбергъ присутствовалъ въ Венгріи на сеймѣ, созванномъ въ Офенѣ въ апрѣлѣ 1518 г. Въ собраніи принималъ участіе и Герберштейнъ, вернувшійся изъ своего перваго путешествія въ Москву. Затѣмъ Шенбергъ отправился прямо въ Польшу. Сигизмундъ выказалъ большую податливость относительно главнаго вопроса о перемиріи. Онъ обѣщалъ не нарушать его въ теченіе пяти лѣтъ и не отказалъ въ просимой денежной помощи. Впрочемъ, все это требовало одобренія сейма: король по избранію могъ давать только платоническія обѣщанія. Что же касается сейма, то самъ Сигизмундъ признавался, что едва ли это обраніе выкажетъ особое рвеніе въ виду плачевнаго состоянія финансовъ, плохой администраціи и неправильнаго поступленія налоговъ.

Вопросъ о мирѣ съ Москвою былъ рѣшенъ въ такомъ же духѣ. Въ сущности, поляковъ утомила война съ Василіемъ, болѣе дорогая, чѣмъ блестящая. Вскорѣ послѣ побѣды подъ Оршею князь Острожскій былъ разбитъ подъ Смоленскомъ, не смотря на то, что въ городѣ имѣлись преданные ему люди. Въ 1517 г. онъ опять потерпѣлъ неудачу передъ крѣпостью Опочкой и отступилъ, бросивъ пушки большого калибра. По этимъ неудачамъ можно было судить, какихъ жертвъ потребуетъ продолженіе войны.

Вмѣшательство императора никакого успѣха не имѣло. Онъ желалъ содѣйствовать заключенію предположеннаго еще въ 1515 г. брачнаго союза между Ягеллонами и Габсбургами, и въ то же время выручить Польшу. Съ этою цѣлью императоръ и отправилъ въ Москву того самаго Герберштейна, котораго мы видѣли въ Офенѣ. Но этому искусному дипломату, тонкому, умному и образованному наблюдателю, знавшему русскій языкъ, не удалось сломить упрямства заинтересованныхъ сторонъ. И русскіе, и

поляки съ одинаковымъ ожесточеніемъ требовали себѣ Смоленска. Чтобы подѣйствовать на Василія, Герберштейнъ рѣшился въ своей рѣчи упомянуть имя Пирра: но величіе души Эпирскаго царя не тронуло московскаго государя. Бояре находили, что было бы чистымъ безуміемъ даромъ уступить Смоленскъ, и классическіе примѣры имперскаго посла не заставили ихъ измѣнить свое мнѣніе. На томъ переговоры и остановились.

Дипломатическія неудачи вмѣстѣ съ военными затрудненіями заставляли Польшу желать мира съ Москвою сильнѣе, нежели раньше. Николай Шенбергъ являлся посредникомъ отъ имени Льва X. У него было письмо къ Василію, гдѣ на первомъ мѣстѣ стоялъ вопросъ о крестовомъ походѣ противъ турокъ. Это служило прекраснымъ поводомъ снова начать переговоры безъ ущерба для достоинства Польши, какъ бы въ угоду желаніямъ папы. И, дѣйствительно, на запросъ Шенберга Сигизмундъ обѣщалъ выдать пропускъ на Москву и намекнулъ, что перемиріе облегчило бы Польшу и послужило бы на пользу антиоттоманской лигѣ. Король не счелъ нужнымъ скрывать свои взгляды на Василія. По его мнѣнію, этотъ человѣкъ былъ чуждъ какихъ бы то ни было великодушныхъ стремленій и почти лишенъ здраваго смысла. Конечно, онъ предложитъ такія тягостныя условія, что согласиться на нихъ будетъ нельзя. Но римскаго посла не обезкуражили эти предупрежденія. Онъ отправился въ Кенигсбергъ, гдѣ не раздѣляли пессимизма Сигизмунда [1]).

Альбертъ Бранденбургскій, великій магистръ Тевтонскаго ордена, только что заключилъ съ Василіемъ союзъ 10 марта 1517 г. Договоръ этотъ былъ направленъ главнымъ образомъ противъ Польши. Альбергъ еще носилъ бѣлый плащъ священной милиціи и держалъ въ тайнѣ свое намѣреніе измѣнить католической вѣрѣ. Пока онъ поддерживалъ наилучшія отношенія съ Римомъ, гдѣ братья

[1]) Zinkeisen, *Drei Denkschriften. Пам. дип. снош.*, т. I, стр. 193—315.—*Сборн. русск. ист. об.*, т. XXXV, стр. 500—547.—*Acta Tomic.*, t. IV, p. 357.—Ватиканск. Арх., *Reg.* n° 1194; f. 225.

его наживались на доходныхъ бенефиціяхъ. Повидимому, между папскимъ посломъ и московскимъ государемъ не могло быть лучшаго посредника. Отецъ Николай могъ воспользоваться еще однимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ: его братъ Дитрихъ, совѣтникъ Альберта, имѣлъ на магистра большое вліяніе и вѣдалъ главнымъ образомъ московскія дѣла. Сначала Дитрихъ предназначалъ себя къ духовному званію, но затѣмъ избралъ дипломатическую карьеру. Участіе въ политическихъ дѣлахъ было его страстью. Ее питалъ неисправимый оптимизмъ. Дитрихъ былъ говорунъ, суетливъ и полонъ фантастическихъ плановъ; онъ вѣчно разъѣзжалъ со всякими порученіями. Благодаря всему этому, онъ смахивалъ на авантюриста высшаго полета. Ему казалось, что, если Россія заключитъ союзъ съ Римомъ, она окажетъ немалыя услуги Тевтонскому ордену. Память о бракѣ Ивана III съ Софіей Палеологъ и о миссіи Антоніо Бонумбре еще жила въ Германіи. Дитрихъ вообразилъ, что все это произошло во время папства Каликста III, и повсюду разыскивалъ буллу, касавшуюся этого дѣла. За неимѣніемъ достовѣрныхъ данныхъ, онъ самъ придумалъ одну комбинацію, которая кажется отголоскомъ проектовъ Вольпе. Тутъ и коронованіе великаго князя папою, и учрежденіе въ Москвѣ патріаршества, и великодушное предоставленіе Константинополя русскимъ...

Уже во время перваго своего путешествія Дитрихъ закинулъ въ Кремлѣ слово о союзѣ съ папою, причемъ довольно некстати приравнялъ вѣру москвичей къ вѣрѣ Св. Павла. Отвѣтъ былъ данъ однимъ изъ тѣхъ византійцевъ, которые состояли на русской службѣ и способствовали сношеніямъ Москвы съ Западомъ. Юрій Дмитріевичъ Малый, будто бы, отвѣтилъ Дитриху, что Василія плѣняетъ величіе идеи, и что русскіе считаютъ себя и теперь столь же достойными папскаго благословенія, какъ и раньше. Радостно изумленный такими словами, Дитрихъ повторилъ ихъ въ Кенигсбергѣ; Альбертъ написалъ о нихъ въ Римъ,

а епископъ ревельскій Бланкенфельдъ сообщилъ о томъ-же Ватикану. Велика была радость Льва X, когда онъ услышалъ столь желанную вѣсть. Онъ поклялся своимъ папскимъ словомъ, что обряды русскихъ останутся неприкосновенными, призвалъ во свидѣтели Пресвятую Троицу, что Унія послужитъ во славу Божію, и принялъ совѣтъ Альберта относительно посольства къ Василію.

Когда Дитрихъ въ 1518 г. попалъ снова въ Москву, онъ съ торжествомъ сообщилъ о своихъ успѣхахъ Юрію Малому. Смѣшивая дѣла земныя и небесныя, онъ перечислялъ всѣ выгоды союза—и славу Божію, и назиданіе вѣрныхъ, и удобство сношеній, и союзъ съ сосѣдями, и безопасность со стороны Польши и мирное пріобрѣтеніе Константинополя, и дарованіе русскимъ кардинальскаго сана и великій почетъ московской церкви,—не говоря о другихъ возможныхъ пріобрѣтеніяхъ. Можетъ быть, у Дитриха и были опредѣленныя намѣренія; но рѣчи его казались неосновательными. Очевидно, онъ не понялъ настроенія Кремля. Поэтому, отвѣтъ Юрія Малаго былъ неблагопріятенъ: великій князь отказывался отъ разсмотрѣнія этихъ вопросовъ. Пожалуй, еще папа воспользуется случаемъ помирить его съ Польшей или предложитъ ему участіе въ крестовомъ походѣ. А ни то, ни другое не входитъ въ планы Москвы, да, пожалуй,—прибавлялъ Юрій,—не понравится и великому магистру.

Дитрихъ не понялъ иронiи этихъ словъ. Въ слѣдующемъ же 1519 г. онъ снова принялся за свои планы. Онъ отправился въ Москву, чтобы испросить пропускъ для своего брата Николая объявить о пятилѣтнемъ перемиріи, провозглашенномъ Львомъ X, и о лигѣ противъ турокъ. Онъ окружалъ себя таинственностью и опять переносилъ центръ тяжести переговоровъ на религіозную почву. Онъ далъ понять, что папа готовъ даровать королевскую корону великому князю и титулъ патріарха московскому митрополиту. Отвѣты, данные Дитриху въ Москвѣ, были под-

тверждены и развиты въ 1519 г. спеціальнымъ посломъ Замыцкимъ, который нарочно для этого отправился въ Кенигсбергъ. Василія не соблазнялъ внѣшній блескъ: практическія, осязательныя выгоды были ему больше по душѣ. Возвращаясь къ своимъ прежнимъ рѣшеніямъ, онъ соглашался на крестовый походъ противъ турокъ и на перемиріе съ Польшею подъ тѣмъ условіемъ, чтобы ему вернули русскіе города. Дружба и союзъ съ папою были также ему не безразличны, но онъ заранѣе объявлялъ, что, по примѣру предковъ, пребудетъ твердъ въ «греческой вѣрѣ». Мысль о королевской коронѣ и патріаршествѣ была оставлена втунѣ и даже не обсуждалась. Наконецъ, Василій соглашался принять Николая Шенберга и предоставить свободный проѣздъ миссіонерамъ въ Персію. Въ сущности, серьезно было во всемъ этомъ лишь одно — желаніе получить перевѣсъ надъ Польшею [1]).

Пока великій магистръ Тевтонскаго ордена пролагалъ путь въ Москву брату-проповѣднику, въ Польшѣ произошла перемѣна, которая сдѣлала всѣ его усилія напрасными. Ссылаясь на побѣды надъ русскими, Сигизмундъ воспротивился миссіи Николая и не разрѣшалъ ему выѣхать въ Россію. «Мои войска,—говорилъ онъ послѣ жалобъ на коварство Василія,—побѣдили и оттѣснили русскихъ. Теперь наступилъ благопріятный моментъ для продолженія войны въ теченіе еще нѣкотораго времени». То былъ довольно приличный предлогъ; впрочемъ, онъ являлся скорѣе вымышленнымъ, нежели дѣйствительнымъ. Имѣлось нѣчто другое, о чемъ умалчивалъ Сигизмундъ. Уже давно Шенбергъ казался полякамъ подозрительнымъ. Его происхожденіе, родство и связи внушали мало довѣрія. Король былъ до такой степени съ нимъ сдержанъ, что о. Николай началъ свою рѣчь къ нему съ извиненій. Во время пе-

---

[1]) Ioachim, I, 95, 136, 239, 290—306; II, p. 10, 13, 50, 173—176, 208-222, 248. *Сборн. рус. ист. об.* LIII, passim.

реговоровъ подозрѣнія еще усилились. Открыто высказывалось, что о. Николай мирволитъ недругамъ Польши, что съ нимъ надо быть на-сторожѣ. Съ другой стороны, предстательство императора передъ Василіемъ дѣлало ненужнымъ посредничество папы. Дѣйствительно, Максимиліанъ I отправилъ Колло и Конти въ Москву, и 31 декабря 1518 г. они заключили перемиріе съ Польшею на одинъ годъ.

Отецъ Николай издали наблюдалъ за дѣятельностью Дитриха въ Москвѣ и о ходѣ ея своевременно увѣдомлялъ папу. 1 октября 1518 г. папа выразилъ ему полное свое удовлетвореніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обѣщалъ, что союзъ съ Россіей будетъ основанъ на началахъ Флорентійской Уніи, и что Василію III будетъ пожалованъ королевскій вѣнецъ. Этимъ письмомъ папы объясняется увѣренность, съ которой Дитрихъ въ 1519 г. толковалъ въ Москвѣ о почетныхъ титулахъ: онъ отлично зналъ, кто стоитъ за его спиною. Братъ его Николай былъ не такимъ энтузіастомъ, но въ упрямствѣ не уступалъ Дитриху. Даже послѣ отказа Сигизмунда онъ не терялъ надежды попасть въ Москву. Дитрихъ поддерживалъ въ немъ эти намѣренія и, вопреки всему, продолжалъ думать, что Василій мечтаетъ о папской милости и о королевской коронѣ. Любопытная подробность: Дитрихъ боялся оппозиціи со стороны кремлевскихъ грековъ. По его мнѣнію, они не желали, чтобы на Москвѣ былъ патріархъ. Однако, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, русскіе уже сами отъ себя выскажутъ эту идею [1]).

Но не суждено было о. Николаю покрасоваться въ Москвѣ своимъ бѣлымъ одѣяніемъ. Неожиданное событіе заставило Сигизмунда измѣнить свое мнѣніе, хотя и не въ пользу Шенберга. 13 января 1519 г. скончался императоръ. Заключенное черезъ него перемиріе теряло свою силу. Тогда, забывъ о своихъ воинственныхъ рѣчахъ передъ о. Николаемъ, Сигизмундъ поспѣшилъ попросить у Ри-

[1]) *Acta Tomic*, IV, 89, 363.—Collo, 49.—Theiner, Vet. Mon. Pol., II, 378.—Ioachim, II, 252.

ма мирнаго вмѣшательства и даже снаряженія посольства въ Москву. «Пусть папа пошлетъ какъ можно скорѣе человѣка осторожнаго, опытнаго, честнаго, который не былъ бы монахомъ, но дѣйствовалъ бы безпристрастно, и заботился бы единственно объ исполненіи приказаній своего владыки»—писалъ Сигизмундъ. О монашествѣ здѣсь упоминалось исключительно съ цѣлью избавиться отъ о. Николая. «Мы были бы ему очень рады»,—любезно прибавляетъ король,—«если бы онъ не носилъ рясы».

Левъ X пошелъ навстрѣчу желаніямъ Сигизмунда. Были забыты неудачи Пизо и Шенберга. Чтобы обсудить необходимыя мѣры, въ іюлѣ 1519 г. былъ созванъ кардинальскій комитетъ. Онъ состоялъ изъ кардиналовъ Санта-Кроче, Грасси, А. Скольти и еще одного неизвѣстнаго, которому мы обязаны сохраненіемъ протоколовъ. Польскій посланникъ также участвовалъ въ совѣщаніяхъ, и о любопытной его рѣчи стоитъ упомянуть. Избраніе Карла V снова выдвигало на очередь вопросъ о перемиріи 1518 г. Поэтому посолъ возвращается къ проектамъ союза и мира между королемъ польскимъ, великимъ княземъ московскимъ и великимъ магистромъ Тевтонскаго ордена. Потомъ они соединили бы свои арміи для борьбы съ турками. Но что всего неожиданнѣе—такъ это роль, которую, посолъ довольно смѣло приписываетъ своему государю, и чувства, которыя онъ ему навязываетъ. Легенда о католическихъ симпатіяхъ Ивана III переживала этого государя. Посолъ королевскій вѣрилъ въ нее, приписывалъ Василію тѣ же тенденціи, полагаясь вполнѣ на свидѣтельства датчанъ и нѣсколькихъ перебѣжчиковъ. Уже самый источникъ такого рода требовалъ провѣрки; но ораторъ дѣлалъ самые смѣлые выводы. «Польскій король,—говорилъ посланникъ,—отъ себя предложитъ Василію союзъ съ Римомъ. Тогда «земли» великаго князя будутъ обращены папою въ королевство, а Сигизмунду пріятно будетъ видѣть королевскую корону на челѣ государя римско-католическаго вѣроисповѣданія». Повидимому, рѣчь эта пришлась по душѣ

членамъ комитета. У нихъ не было основаній не вѣрить представителямъ короля. Они и не подозрѣвали, что самъ Сигизмундъ говорилъ бы совершенно иначе. Поэтому они одобрили назначеніе уполномоченнаго въ Польшу, Пруссію и въ Москву, дабы водворить на Сѣверѣ миръ передъ крестовымъ походомъ. Относительно религіозныхъ вопросовъ рѣшено было взять за основаніе иструкціи, данныя въ 1514 г. папскому нунцію.

Мы еще встрѣтимся съ этимъ лицомъ въ Москвѣ. Такимъ образомъ нашли возможнымъ примѣнить къ русскимъ условія, выработанныя для маронитовъ.

Постановленія эти были таковы, что польскій посолъ могъ только радоваться своему успѣху въ комитетѣ. Онъ ревниво оберегалъ честь своей родины и старался замаскировать мирныя тенденціи Польши. Для этого онъ распространилъ въ Венеціи и другихъ странахъ не вполнѣ вѣрныхъ слухъ, будто дѣло идетъ о канонизаціи Казиміра и о религіозномъ союзѣ съ Василіемъ. Переговоры, будто бы, были чужды всякой политики. Тѣмъ не менѣе, самые разнообразные толки о славянскихъ земляхъ начали ходить по Риму. Нѣкоторыя нескромныя разоблаченія внушили такой ужасъ епископу Кастелламаре, Петру Фіорису, что онъ отклонилъ отъ себя честь столь опасной миссіи. Вмѣсто него было назначено двое другихъ уполномоченныхъ: Захарія Феррери и Джьованни Тедальди. Феррери былъ родомъ изъ Виченцы и пользовался въ Италіи нѣкоторою извѣстностью, благодаря своему богатому и, отчасти, бурному прошлому. Сначала онъ былъ бенедектинцемъ св. Джустины въ Падуѣ, затѣмъ картезіанцемъ въ Венеціи. Но буйный нравъ и неспокойный умъ опять привели его въ міръ. Феррери былъ поочередно писателемъ, поэтомъ, профессоромъ. Онъ горячо поддерживалъ Констанцкій и Базельскій соборы, а затѣмъ, благодаря усердію не по разуму, попалъ въ печальные герои собора въ Пизѣ. Разразившаяся надъ мятежниками гроза заставила Феррери удалиться во Францію.

Тамъ, въ тиши уединенія, онъ живѣе почувствовалъ всю тяжесть возмездія за непокорство папской волѣ. Онъ внялъ голосу совѣсти и палъ къ ногамъ Льва X. 11 декабря 1513 г. папская грамота стерла всѣ слѣды этого временнаго заблужденія. Въ какихъ числахъ—мы не знаемъ, но Феррери получилъ епископство Себастіи, а 5 сентября 1519 г. промѣнялъ его на Гвардальфиру. 2-го же декабря онъ подалъ въ отставку, сохранивъ за собою половину епископскихъ доходовъ. Что касается коллеги его, Джьованни Тедальди, то онъ выросъ въ Польшѣ и зналъ польскій языкъ. Родство съ Медичи придавало ему особый вѣсъ. Онъ долженъ былъ первый отправиться въ Москву, чтобы добыть пропуски и позондировать почву. Выборъ этихъ двухъ лицъ показался польскому послу весьма удачнымъ, и онъ усердно рекомендовалъ ихъ своему государю.

Въ концѣ декабря 1519 г. оба посла куріи прибыли въ Венецію. Раньше, еще въ самый разгаръ итальянскихъ междоусобицъ, Феррери выпустилъ противъ Сеньеріи полную жалобъ элегію. Теперь этотъ инцидентъ былъ деликатно преданъ забвенію и ничуть не отозвался на пріемѣ папскихъ представителей. Они были представлены коллегіи 24 декабря, а на другой день, вмѣстѣ съ дожемъ, слушали проповѣдь въ соборѣ св. Марка, сопровождали его на вечернѣ въ церкви св. Георгія и кончили день трапезой во дворцѣ дожей.

Если вѣрить польскому послу, получавшему извѣстія черезъ друзей, Феррери пережилъ въ Римѣ минуту колебанія. Обезкураженный поляками, онъ готовъ былъ сложить съ себя полномочія и ѣхать обратно въ Римъ вмѣсто того, чтобы пускаться въ варварскія страны. Но вскорѣ мужество къ нему вернулось. Трогательная сцена, имѣвшая мѣсто 26 декабря, окончательно укрѣпила его рѣшеніе. Когда онъ объявилъ, что великій князь Василій желаетъ союза со св. Престоломъ, и что датскій король уже увѣдомилъ объ этомъ Льва X, дожъ Леонардо Лоре-

дано и нѣкоторые изъ его совѣтниковъ пролили слезы умиленія.

Надо отмѣтить, что въ оффиціальныхъ отчетахъ нѣтъ никакого упоминанія объ этомъ фактѣ. Во всякомъ случаѣ, подобное волненіе было преждевременно.

Серьезность миссіи не позволяла Феррери задерживаться въ пути. Подъ новый годъ онъ покинулъ Венецію. Но пока онъ спѣшилъ въ Краковъ, у Сигизмунда возникли уже новыя соображенія. 26 января король писалъ своему послу, что воспользуется папскими нунціями сообразно обстоятельствамъ. Вскорѣ затѣмъ онъ открыто объявилъ Льву X, что не пропуститъ ихъ въ Москву; это путешествіе и опасно, и неудобно.

Что же такое случилось? Чѣмъ была вызвана столь внезапная перемѣна? За помощью въ Римъ обратились въ трудную минуту. Но лишь только русскіе сами проявили мирныя намѣренія, тревога улеглась. Посредники стали ненужны Сигизмунду. Онъ предпочиталъ столковаться съ сосѣдями самъ. Но, въ сущности, временное затишье являлось для короля только формальнымъ предлогомъ. Истинные мотивы Сигизмунда обнаруживаются въ одномъ оффиціальномъ документѣ литовскаго происхожденія. Лишь только король и его совѣтники узнали, что наряду съ религіознымъ вопросомъ Феррери коснется въ Москвѣ предполагаемой коронаціи Василія—они рѣшили помѣшать легату свидѣться съ исконнымъ врагомъ Польши. Повидимому, ни Феррери, ни Тебальди не настаивали на своей московской миссіи. Письмо Льва X къ Василію, вѣроятно, такъ и осталось въ портфелѣ, и между Польшей и Москвою безъ всякаго посторонняго вмѣшательства было заключено перемиріе на годъ.

Итакъ, Феррери пришлось отказаться отъ далекаго путешествія. Но, благодаря широкимъ полномочіямъ легата и кардинала, ему все же удалось оказать большія услуги Пруссіи, Польшѣ и Литвѣ. Проѣзжая по этимъ странамъ, онъ не разъ имѣлъ случай убѣдиться здѣсь въ

глубокомъ искаженіи духа христіанства, въ распространеніи печальныхъ заблужденій и въ успѣхахъ лютеранства. Со своимъ обычнымъ рвеніемъ нунцій сталъ искать средствъ для уврачеванія этихъ золъ: онъ созывалъ синоды, писалъ энциклики, добился свиданія съ самимъ Лютеромъ. Обо всѣхъ своихъ трудахъ онъ сообщаетъ въ рѣчи, полной текстовъ и гиперболъ, которую онъ произнесъ въ присутствіи императора. Въ 1521 г., на второй день Пасхи, нунцій велѣлъ торжественно сжечь на кострѣ множество еретическихъ книгъ. По его настоянію, ввозъ ихъ и продажа были воспрещены. Собираніе данныхъ о Казимірѣ Ягеллонѣ, въ виду предстоящей канонизаціи этого князя, стоило Феррери также немалыхъ трудовъ и усилій. Онъ увлекся этимъ юнымъ героемъ, его мужественными добродѣтелями, его ангельскимъ благочестіемъ, воспроизвелъ въ общихъ чертахъ его жизнь и написалъ въ честь его нѣсколько пѣснопѣній. Но счастье покровительствовало нунцію больше, нежели Шенбергу. Опираясь на имперскихъ пословъ, онъ заставилъ Сигизмунда заключить одногоднее перемиріе съ Альбертомъ Бранденбургскимъ. Еще никто не предвидѣлъ опасности, которая угрожала Польшѣ съ этой стороны [1]).

Такимъ образомъ изъ трехъ уполномоченныхъ, послѣдовательно назначавшихся въ Москву, никто не достигъ конечной цѣли путешествія. Они не увидали Кремля; имъ не пришлось говорить съ Василіемъ; ни одинъ не могъ сообщить достовѣрныхъ свѣдѣній Льву X. Папа такъ и остался вѣренъ своимъ оптимистическимъ иллюзіямъ. Подъ ихъ вліяніемъ онъ уже въ концѣ своего папства одобряетъ и поддерживаетъ еще одно предпріятіе того же рода.

---

[1]) *Acta Tomic*, IV, 400; V, 71, 148, 149, 240.—Библіотека Барберини, LVI, n° 129, f. 59; XXXVI, n° 12, f. 94.—Ватик. Архивы, *Red.*, n° 1200, f. 263; n° 1201, f. 162.—Sanuto, *Diar.*, XXVIII, col. 134' 151.—*Акты зап. Росс.*, II, 172.

ГЛАВА II.

Чентуріоне и епископъ Скарскій.
1518-1528.

Эмансипація Паолетто Чентуріоне.—Таланты незаконнаго сына.—Его путешествія.—Досада на португальцевъ.—Новое изобрѣтеніе.—Зависть итальянскихъ городовъ.—Проектъ водной сѣти Чентуріоне.—Грамота Льва X къ Василію III.—Чентуріоне въ Кенигсбергѣ.—Прибытіе въ Кремль.—Отказъ Василія.—Путешествіе Аѳанасія Никитина.—Чентуріоне и датчане.—Религіозная полемика въ Москвѣ.—Идея Николая Луева.—Посольство Максима Грека.—Религіозныя тайны, сообщенныя Чентуріоне.—Возвращеніе въ Римъ при Адріанѣ VI.—«Спѣлая нива» Пигіуса.—Его записка о Москвѣ.—Грамота Климента VII Василію.—Второе путешествіе Чентуріоне.—Возвращеніе въ Римъ съ Герасимовымъ.—Посланіе Василія.—Совѣтъ Пигіуса. Епископа Скарскаго назначаютъ въ Москву.—Его предшественники.—Данныя ему инструкціи.—Его отъѣздъ съ Герасимовымъ.—Свиданіе съ Бона Сфорца.—Аудіенція у польскаго короля.—Желаніе заключить перемиріе.—Прибытіе въ Москву.—Ногароли и Герберштейнъ.—Польское посольство.—Переговоры ведутся сообща.—Пятилѣтнее перемиріе.—Милостивыя рѣчи Василія.—Отъѣздъ епископа съ Трусовымъ и Лодыгинымъ.—Откровенность Сигизмунда I.—Остановка въ Венеціи.—Прибытіе въ Орвіето.—Отвѣты папы.—Трагическая смерть епископа Скарскаго.—Силуэтъ Василія III.—Уничтоженіе послѣднихъ удѣловъ.—Внѣшняя политика.—Преданность «греческой вѣрѣ».—Разводъ съ Соломоніей.—Кощунственный бракъ съ Еленой Глинской.—Римскія иллюзіи.

---

30 августа 1503 г. въ обширный и мрачный герцогскій дворецъ Генуи, хранящій свой чисто-феодальный видъ, явился нѣкто Рафаэль Чентуріоне. Онъ долженъ былъ предстать передъ судьею, исправляющимъ обязанности подесты, докторомъ правъ, Августиномъ Тарсисскимъ, въ

присутствіи стряпчаго и трехъ свидѣтелей, вызванныхъ для этого случая. Дѣло шло, впрочемъ, не о нарушеніи обычнаго права: лигурійскій дворянинъ несъ послѣдствія одного юношескаго увлеченія. Его сопровождалъ незаконный сынъ, по имени Паолетто. Стоя передъ трибуналомъ, Рафаэль взялъ своего сына за правую руку и снова ее выпустилъ: такова была традиціонная форма эмансипаціи. Отнынѣ Паолетто становился лицомъ *sui juris*, могъ заключать контракты, составлять завѣщанія, продавать, покупать, мѣнять, располагать своимъ имуществомъ по усмотрѣнію, какъ всякій глава семьи старше двадцати пяти лѣтъ. Затѣмъ отецъ и сынъ поклялись на Евангеліи, что эмансипація совершится не во вредъ общинѣ или кредиторамъ. Паолетто обѣщалъ исправно платить налоги въ теченіе трехъ лѣтъ и никуда не отлучаться безъ разрѣшенія магистрата. Рафаэль въ обезпеченіе своего сына предоставилъ въ полную его собственность все, что онъ добровольно далъ ему до сихъ поръ и все, что Паолетто пріобрѣлъ самъ. Что же касается до фамильнаго состоянія, то оно переходило къ законнымъ дѣтямъ Линореты Ломеллини. Паолетто, дитя мимолетной любви, долженъ былъ помириться на суммѣ въ 50 флориновъ, переданной ему на руки, и на сотнѣ дукатовъ, которую ему предстояло получить по завѣщанію.

Къ счастію, этотъ обездоленный побочный сынъ былъ гораздо богаче отвагой и идеями, чѣмъ звонкою монетой. Мѣстные писатели, начиная съ Джьустиніани и Фоліетты единогласно превозносятъ глубину его космографическихъ познаній, его предпріимчивость, широту его взглядовъ и величіе души. Можетъ быть, обладатель столь одаренной натуры и не былъ рожденъ Христофоромъ Колумбомъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые. Но, конечно, Паолетто принадлежалъ къ поколѣнію тѣхъ смѣлыхъ піонеровъ Ренессанса, которые упорно стремились къ своему идеалу, избѣгая проторенныхъ путей. Часть его молодости въ цѣляхъ наживы была посвящена а отдаленнмхъ путешествіямъ. Генуэзцевъ съ неодолимою силой привлекалъ къ

себѣ океанъ. Онъ открывалъ пути для ихъ торговли, приближалъ ихъ къ колоніяхъ и заливалъ потоками золота «пышную» Геную. Одинъ родственникъ Паолетто, Анжело Чентуріоне, пользовался довѣріемъ Рафаэля и много плавалъ по восточнымъ морямъ. Между прочимъ, онъ побывалъ на островѣ Хіосѣ, столь славившемся въ древности своими фигами и виномъ. Теперь генуэзцы завели тамъ восковое производство и фабрики бархатныхъ и шелковыхъ матерій. Ободренный ли этимъ примѣромъ, или просто въ погонѣ за наживой, Паолетто занялся торговлей пряностями и объѣхалъ Египетъ, Сирію и берега Чернаго моря. Повсюду онъ могъ наблюдать, какой непоправимый вредъ нанесло его родинѣ нашествіе оттомановъ.

Но патріотизмъ и матеріальные интересы Чентуріоне еще сильнѣе страдали отъ португальской конкурренціи. Идя по слѣдамъ Діаца и Корвильяма, Васко де Гама не напрасно обогнулъ мысъ Доброй Надежды и торжественно высадился въ Калькуттѣ. Отнынѣ новая, удобная дорога пролегла въ восточную Индію. Португальцы расчитывали сдѣлать ее единственнымъ путемъ сообщенія между старымъ свѣтомъ и богатыми азіатскими странами. Они хотѣли такимъ образомъ создать себѣ монополію на необыкновенно выгодную торговлю. Вдоль береговъ былъ установленъ бдительный дозоръ. Драгоцѣнныя клади не шли больше вверхъ по Ефрату и внизъ по Нилу. Вмѣсто того, чтобы плыть Персидскимъ заливомъ или Краснымъ моремъ, онѣ черезъ океанъ направлялись прямо въ Лиссабонъ. Эта перемѣна пути сдѣлала португальцевъ единственными посредниками въ торговлѣ съ Индіей. Они захватили въ свои руки всѣ рынки Запада. Пользуясь такимъ преимуществомъ, они и диктовили покупателямъ какія угодно условія, ибо спросъ всегда превышалъ предложеніе. Поэтому они всегда оставались въ огромныхъ барышахъ. Имъ случалось нерѣдко продавать съ прибылью даже тѣ товары, которые попортились отъ морского путешествія или отъ слишкомъ долгаго пребыванія въ Лиссабонскихъ складахъ.

Можетъ быть, Паолетто подзадоривала и личная досада. Онъ изобрѣлъ новый механическій приборъ. Съ его помощью корабль могъ итти въ безвѣтренное время со скоростью двухъ или трехъ миль въ часъ. Увеличивать количество матросовъ для этого не требовалось. Въ 1512 году онъ предлагалъ свое изобрѣтеніе португальскому королю за двадцать пять тысячъ дукатовъ. Показалась ли велика эта сумма, или не было къ Чентуріоне довѣрія, но, повидимому, Лиссабонъ не пожелалъ воспользоваться изобрѣтеніемъ и обогатить его автора. Можетъ быть, это и было, отчасти, причиною нелюбви Палеотто къ португальцамъ[1]).

Торговые итальянскіе города съ такимъ же неудовольствіемъ, какъ и Паолетто, взирали на возрастающее могущество чужестранной державы. Имъ хотѣлось бы безраздѣльно царить на моряхъ или, по крайней мѣрѣ, отыскать новый путь на Востокъ, чтобы лишить португальцевъ коммерческой гегемоніи. Одинъ землякъ Чентуріоне, Бенедетто Скотто, придумалъ обогнуть Европу съ сѣверовостока, чтобы добраться до Индіи вдоль береговъ Китая. Его записка, составленная по-итальянски и по-французски, не имѣла ни малѣйшаго успѣха. Чентуріоне занимала та-же задача. Но ему помогли его географическія свѣдѣнія. По его плану, восточные товары должны были сосредоточиваться на берегахъ Инда, одной изъ четырехъ многоводныхъ рѣкъ Индіи. Легенда говоритъ, что всѣ онѣ низвергаются на равнину съ вершины священной горы, принимая форму четырехъ животныхъ: слона, оленя, коровы и тигра. Индъ представляется въ видѣ коровы. Поднявшись по этой рѣкѣ, путешественники должны будутъ перегрузить свои товары на рѣку Оксусъ. Для этого имъ придется слѣдовать по ущельямъ Гинду-Ку, раздѣляющаго бассейны этихъ двухъ рѣкъ. Въ наши дни каспійское устье Оксуса существуетъ лишь въ памяти географовъ. Истощенное каналами, оно давно затянуто пескомъ. Теперешняя АмуДарья, какъ и

---

[1]) Peragallo, 14.

въ давно прошедшія времена, впадаетъ въ Аральское море. Но мы не знаемъ достовѣрно, когда произошла эта перемѣна. Чентуріоне еще думалъ вмѣстѣ со Страбономъ, что Оксусъ впадаетъ въ Гирканское море древнихъ. Онъ расчитывалъ, что эта могучая рѣка понесетъ тяжелые караваны по направленію къ Астрабаду; потомъ они пересѣкутъ вдоль Каспійское море, войдутъ въ устье Волги и по ея притокамъ, Окѣ и Москвѣ-рѣкѣ достигнутъ, наконецъ, столицы. Отъ Москвы дорога къ сѣверу уже, сравнительно, проще. Скоро тюки и клади, съ трудомъ извлеченные изъ самого сердца Индіи, окажутся на берегахъ Балтійскаго моря, у города Риги. Тутъ онѣ уже на порогѣ европейскихъ рынковъ.

Гигантскій планъ былъ соблазнителенъ своею смѣлостью: громадная рѣчная сѣть вступитъ въ соперничество съ Атлантикой, и торговое движеніе вызоветъ къ жизни народы, слишкомъ долго дремавшіе въ безвѣстности и тишинѣ. Для Персіи и сосѣднихъ съ нею странъ вернутся золотые дни татарскихъ хановъ изъ рода Улагу, и Москва сразу обратится въ цвѣтущее государство. Но, если грандіозенъ былъ самый проэктъ, то и трудности его были не малыя. Не говоря о препятствіяхъ у подножія Гималаевъ, сама великая русская рѣка—Волга, была усѣяна мелями и подниматься по ней вверхъ было очень трудно. Противный вѣтеръ совершенно прекращалъ навигацію. Если же наступало затишье, гребцы должны были сходить на берегъ и, напрягши свои сильныя плечи и стальные мускулы, съ великимъ трудомъ тащитъ судно вверхъ по теченію. Къ природнымъ неудобствамъ присоединялась опасность отъ разбойниковъ. Изъ дремучихъ лѣсовъ праваго берега внезапно налетали они на путниковъ и грабили ихъ добро. Затѣмъ съ добычею они скрывались въ свои притоны, гдѣ никто не смѣлъ подступиться къ нимъ. «Кистенемъ махнемъ, говорится въ народной пѣснѣ,—караванъ собьемъ».

На неприступныхъ курганахъ *матушки Волги,* по-

явится впослѣдствіи Стенька Разинъ и наполнитъ ужасомъ своего имени окрестную область. Такъ велики были опасности рѣчного пути, что нерѣдко купцы предпочитали итти обозами изъ Астрахани въ Москву. Къ нимъ присоединялись татары, гнавшіе лошадей на продажу въ столицу. Понятно, Чентуріоне не могъ знать всѣхъ этихъ подробностей. Онъ жаждалъ увидѣть все своими глазами и на мѣстѣ провѣрить догадки, которыя онъ съ любовью лелѣялъ въ Генуѣ. Поэтому онъ рѣшился самъ пробраться въ Москву.

Съ цѣлью получить къ Василію болѣе свободный доступъ, Чентуріоне обратился къ папѣ. Насколько мы знаемъ, ни одинъ документъ прямо не указываетъ на пребываніе Паолетто въ Римѣ. Можно, все-таки, предположить, что онъ лично отправился туда въ концѣ 1518 или въ началѣ 1519 года. При блестящемъ дворѣ Льва X, среди поэтовъ и ученыхъ, музыкантовъ, ваятелей и живописцевъ, генуэзскій торговецъ пряностями могъ пройти совершенно незамѣченнымъ. Никакого пріема Ватиканъ ему не устраивалъ, и церемоніймейстеру, Париде де-Грасси, нечего было отмѣтить въ своемъ дневникѣ, Но, все-таки, какъ свидѣтельствуетъ Джьовіо и подтверждаетъ русская лѣтопись, Чентуріоне получилъ отъ Льва X письмо къ Василію, а, можетъ быть, и къ Альберту Бранденбургскому. Но это отнюдь не придавало путешествію генуэзца характера дипломатической миссіи. Конечно, лицо, везущее папское посланіе, могло пользоваться извѣстнымъ вниманіемъ и удобствами во время путешествія. Левъ X не имѣлъ никакой причины отказать въ этой милости Паолетто; дѣла же дипломатическія были предоставлены другимъ лицамъ.

Еще до прибытія Чентуріоне въ Россію, оффиціальныя сферы относились къ нему, какъ къ частному лицу. Когда онъ прибылъ въ Кенигсбергъ, о. Николай, уже знакомый читателю, готовился ѣхать по одной съ нимъ дорогѣ. По приказанію великаго магистра, Дитрихъ, находившійся

*) Canale, 233.—Giovio, Opera, 82—95.

тогда въ Москвѣ, выхлопоталъ пропуски для брата своего и для Чентуріоне. О первомъ съ нѣкоторою пышностью говорится, какъ о лицѣ, коему ввѣрены тайны Ватикана; второй же фигурируетъ подъ скромнымъ именемъ купца.

Какъ мы знаемъ, Николай Шенбергъ не воспользовался этимъ случаемъ и не побывалъ въ Москвѣ. Напротивъ, смѣлый генуэзецъ, вооружившись своею географическою картою, поспѣшно отправился въ путь. Русская лѣтопись лаконически сообщаетъ намъ о его прибытіи въ Кремль: «Въ томъ же году (1520), говорится тамъ, пришелъ къ великому князю на Москву отъ папы римскаго съ письмомъ его человѣкъ, по имени Павелъ». При своей краткости это сообщеніе и не вполнѣ точно: Чентуріоне не былъ ни слугою, ни «человѣкомъ» папы, и прибылъ вовсе не отъ него. Чтобы заполнить пробѣлы въ передачѣ лѣтописца, мы можемъ сослаться на разсказъ Джьовіо и на нѣкоторыя другія отрывочныя данныя.*)

Прежде всего, рушилась любимая мечта Чентуріоне. Великій князь Василій запретилъ ему доступъ въ глубь страны и отказался предоставить ему возможность изслѣдовать пути въ Индію. Это не значило, чтобы москвичи были равнодушны къ выгодамъ азіатской торговли. Государемъ руководили соображенія совсѣмъ иного свойства.

И у Россіи былъ свой Чентуріоне еще въ XV вѣкѣ Въ небольшомъ кругу болѣе или менѣе просвѣщенныхъ тогдашнихъ купцовъ Индонстанъ слылъ раемъ. Смѣлый тверской купецъ Аѳанасій Никитинъ, захотѣлъ убѣдиться въ этомъ своими глазами. По Волгѣ спустившись до Каспія, онъ добрался до Ормуза, проникъ въ Хорасанъ и вернулся обратно въ Тверь черезъ Тегеранъ, Трапезундъ и Каффу. Изъ этого путешествія Никитинъ вынесъ неблагопріятныя впечатлѣнія: никакого сбыта для русскихъ товаровъ онъ не нашелъ, подвергался разбойнымъ нападеніямъ, терпѣлъ разныя злоключенія и обиды. «Ино братіи»

*) Icachim, II, 54.—*Сборникъ русск. ист. об.* LIII, 101.—*Русск. лѣт.* VI, 227.

русьтіи христіане,—восклицаетъ Аоанасій по своемъ возвращеніи,—кто хощетъ пойти въ Индійскую землю, и ты остави вѣру своя на Руси, да воскликнувъ Махмета да поиди въ Гундустаньскую землю.»*) Но не такъ-то легко было испугать великаго князя Василія. Если онъ и зналъ о сочиненіи Никитина, то, конечно, не раздѣлялъ его взглядовъ. Онъ не прочь былъ развить русскую торговлю хотя бы въ сторону Индіи. Когда въ 1533 г. къ Василію обратился ханъ Бабуръ, онъ выказалъ полную готовность войти въ торговыя сношенія съ этимъ потомкомъ Тамерлана.

Услуги Чентуріоне были отклонены совершенно по другой причинѣ, въ угоду закоренѣлому предразсудку. Москва довольно охотно принимала у себя иностранцевъ и пользовалась ихъ талантами. Однако она зорко наблюдала за ними, и, въ случаѣ необходимости, запрещала имъ выѣздъ за границу.

Она не могла позволить иноземцу проникнуть въ недро народной жизни, не хотѣла допустить и мысли о томъ, что его суда будутъ свободно носиться по волжскимъ волнамъ, этому московскому Іордану. Это нарушило бы вѣковыя преданія и оскорбило бы національное чувство. Впрочемъ, уже по признанію своего сына, Василій заходилъ слишкомъ далеко. По поводу неудавшихся переговоровъ съ Климентомъ VII относительно свободнаго проѣзда въ Персію Иванъ VII говорилъ флорентинцу Тебальди, что онъ былъ бы сговорчивѣй батюшки.

Потерпѣвъ съ этой стороны неудачу, Чентуріоне сталъ искать иного выхода. Пользоваться великимъ азіатскимъ путемъ было нельзя. Такъ не попробовать ли оживить торговлю Сѣвера? И, дѣйствительно, Чентуріоне, повидимому, получилъ отъ Василія льготы, но для торговли не съ Востокомъ, а съ прибалтійскими землями. Мы узнаемъ объ этомъ изъ прошенія его къ королю Даніи, находящагося въ Копенгагенскомъ музеѣ. Смѣлый Паолетто не отступалъ передъ самыми широкими замыслами. Онъ

*) *Полн. Собр.*, VI, 330—358.

задумалъ основать могущественное торговое товарищество. Оно приносило бы большую прибыль и перешло бы по завѣщанію къ его наслѣдникамъ. Съ этою цѣлью онъ и просилъ Христіана дать ему нѣкоторыя льготы и извѣстную сумму денегъ для уплаты обычныхъ налоговъ и таможенныхъ пошлинъ. Будущее внушало Паолетто такія надежды, что онъ обѣщалъ королю, если только не произойдетъ какого-либо неожиданнаго бѣдствія, платить каждыя семь лѣтъ сумму, равную его первоначальному долгу. Сборнымъ пунктомъ для потребителей и производителей онъ сначала назначилъ Любекъ; потомъ остановился на Копенгагенѣ въ виду дружбѣ, существовавшей между Христіаномъ и Василіемъ.

Предпріятіе будетъ итальянскимъ, генуэзскимъ, если только городъ Генуя откажется отъ своего пагубнаго образа правленія. Если же нѣтъ—Чентуріоне, по его словамъ, готовъ былъ посвятить датчанъ въ свои тайны и предоставить имъ всѣ преимущества торговли съ Россіей. Христіанъ милостиво принялъ это предложеніе. На это указываетъ черновая его отвѣта. Правда, отъ денежныхъ субсидій онъ воздержался. Что касается всякихъ льготъ—то здѣсь великодушіе короля не знало границъ. Онъ разрѣшалъ Чентуріоне торговлю въ Даніи, Швеціи и Норвегіи и вывозъ товаровъ въ Россію. Онъ принималъ подъ свое покровительство съ отвѣтственностью лишь передъ королевскимъ судомъ самого Чентуріоне, его наслѣдниковъ, агентовъ, слугъ, и настойчиво поручалъ ихъ вниманію властей. Неизвѣстно, какая участь постигла въ дальнѣйшемъ этотъ документъ и имѣлъ ли онъ какое-либо практическое значеніе[1]).

Вернемся однако, къ пребыванію Паолетто въ Москвѣ. Дѣятельный итальянецъ не ограничивался одними торговыми дѣлами. Его умъ былъ гибокъ и познанія достаточно разносторонни для того, чтобы онъ могъ стать выше чисто-матеріальныхъ интересовъ и подняться въ болѣе

[1]) Копенгагенск. Архивъ, *Indkomne Breve.*

возвышенныя сферы. Оказывается, что онъ занимался и богословіемъ. Пріѣхавъ въ Москву по коммерческимъ дѣламъ—говоритъ намъ Джьовіо,—Чентуріоне возбудилъ тамъ вопросъ о единеніи церквей и обсуждалъ его съ приближенными Василія. Эта смѣлость объясняется умственнымъ движеніемъ, охватившимъ въ то время всю русскую жизнь: идея религіознаго мира со всѣхъ сторонъ проникала въ твердыню православія. Короли Даніи приглашали великаго князя къ участію въ Латеранскомъ соборѣ; Дитрихъ Шенбергъ предлагалъ предстательство передъ папою. Мало того: въ самомъ очагѣ фанатизма, вопреки всѣмъ помѣхамъ, разгоралась католическая пропаганда.

Душою этого движенія былъ нѣмецкій лекарь, Николай Люевъ или Булевъ—современники называютъ его то такъ, то иначе—во всякомъ случаѣ, человѣкъ большого таланта. Австрійскій дипломатъ да Колло лично зналъ его въ Москвѣ. Онъ говоритъ объ обширныхъ познаніяхъ Люева въ области медицины, астрологіи и всѣхъ вообще наукъ; даже враги не оспариваютъ его образованности и ума. Что касается до профессіональной сноровки его, то она цѣнилась весьма высоко: Люевъ всегда оставался любимымъ лекаремъ великаго князя, который былъ къ нему милостивъ до конца.

Итакъ, этотъ почтенный эскулапъ заботился о спасеніи душъ не меньше, чѣмъ объ исцѣленіи тѣлесъ, и отдавалъ свои досуги догматическимъ преніямъ. Люевъ увлекался идеей Уніи и мечталъ о возсоединеніи церквей. Изъ подъ его пера вышло не мало посланій въ этомъ духѣ. Онъ обращался съ ними и къ Вассіану, архіепископу Ростовскому, и къ Максиму Греку, и къ дьяку Мунехину, и ко многимъ другимъ. Всѣ его писанія, къ сожалѣнію, для насъ утрачены. Судя по отвѣтамъ на нихъ, Люевъ не скрывалъ своихъ взглядовъ. Опираясь на единство Бога, Церкви и святого Крещенія, онъ требовалъ единенія всѣхъ вѣрныхъ подъ властью одного пастыря. Повидимому самая форма его писемъ была очень обдуманна и вкрадчива: не даромъ противники обвиняютъ его въ томъ, что онъ смягчаетъ като-

горичность латинскихъ догматовъ и лицемѣрно восхваляетъ православіе, чтобы поймать въ свои сѣти простодушныхъ. Дѣйствительно, нѣкоторые и пошли за Люевымъ. Между прочимъ, въ числѣ его послѣдователей были боринъ Ѳедоръ Карповъ, и какой-то игуменъ, имя котораго намъ неизвѣстно: можетъ быть, кромѣ нихъ, имѣлись и другіе.

Скромные успѣхи доктора-богослова не могли остаться незамѣченными. На него ополчилась вся воинствующая православная церковь. Одинъ неизвѣстный авторъ, усердный, но малосвѣдующій, обрушился на него съ обличеніями, гдѣ вмѣсто доказательствъ осыпалъ противника бранными словами. Псковскій монахъ Филоѳей также потратилъ противъ латинянъ не мало жару. Наконецъ, на помощь русскимъ съ большимъ талантомъ и знаніемъ дѣла выступилъ одинъ византіецъ. Его звали Максимомъ: въ исторіи онъ извѣстенъ больше подъ именемъ Грека. Молодымъ человѣкомъ побывалъ онъ въ Италіи, познакомился съ гуманизмомъ, восхищался Полиціано и зналъ Альда Мануче. Краснорѣчіе Савонароллы потрясло и переродило его. Максимъ удалился въ монастырь Ватопедіонъ, гдѣ отшельники находили покой, а ученые—драгоцѣнныя рукописи. Въ 1518 г. онъ былъ призванъ въ Москву для перевода знаменитаго псалтыря. Тутъ аѳонскій монахъ проявилъ кипучую дѣятельность. Его келья стала сборнымъ мѣстомъ всѣхъ грамотеевъ. Тамъ обсуждались всѣ текущіе вопросы. Максимъ ломалъ копья съ евреями и армянами, вступался за свое несчастное отечество, опровергалъ астрологовъ и магометанъ. Извѣстіе о католической пропагандѣ глубоко его встревожило. Чтобы поддержать колеблющихся, онъ пишетъ и объ искаженіи догматовъ, и о единеніи церквей, и особенно нападаетъ на лекаря Николая. Такъ какъ этотъ послѣдній однажды сравнилъ св. Троицу съ треугольникомъ, онъ обвиняетъ его въ профанаціи священныхъ тайнъ посредствомъ геометріи.

До насъ дошли только отголоски этой страстной полемики. Имя Чентуріоне не упоминается въ ней ни разу. Мы не только не можемъ представить себѣ его роли въ

спорахъ; будетъ, пожалуй, слишкомъ смѣло утверждать, что онъ и, вообще, принималъ въ нихъ участіе. Уже одно незнаніе языка заставило бы его уклониться отъ этого. Тѣмъ не менѣе, и самъ Люевъ, и его сторонники должны были привѣтствовать его появленіе въ своей средѣ. Правда, Чентуріоне не былъ оффиціальнымъ агентомъ папы. Но, во всякомъ случаѣ, онъ прибылъ изъ Рима съ папскимъ письмомъ, у него были католическія убѣжденія коренного итальянца. Все это являлось почвой для сближенія. Благодаря переводчикамъ, между заинтересованными сторонами могли установиться живыя сношенія. Чентуріоне и самъ скромно даетъ понять, что онъ не остался чуждъ движенію. Ему были довѣрены нѣкоторыя религіозныя тайны. Онъ сообщилъ ихъ папѣ и предупредилъ о нихъ Христіана II. Онѣ казались ему столь важными, что онъ уже предвидѣлъ соединеніе Москвы съ Римомъ и предлагалъ папѣ прислать съ этою цѣлью пословъ къ великому князю, короля же датскаго онъ просилъ поддержать передъ Львомъ X его смѣлую просьбу. Теперь понятно, какъ Джьовіо могъ утверждать, что Чентуріоне разсуждалъ о единеніи церквей съ приближенными Василія. Если лично онъ и не принималъ участія въ борьбѣ, то, во всякомъ случаѣ, проповѣдники новыхъ идей познакомили его со своими планами. Онъ ухватился за нихъ со свойственною ему живостью. и этого вполнѣ достаточно, чтобы оправдать показанія Джьовіо [1]).

Пока обсуждались всѣ эти вопросы, Василій сохранялъ, повидимому, полное спокойствіе. Его преданность «греческой вѣрѣ» была неколебима. Съ другой стороны, великій князь ревниво охранялъ національную исключительность своей державы. Тѣмъ не менѣе, онъ вручилъ Чентуріоне письмо къ папѣ. По свидѣтельству Джьовіо, содержаніе этого посланія было весьма лестно для римскаго первосвященника. Къ сожалѣнію, документъ этотъ не дошелъ до насъ. Во всякомъ случаѣ, Паолетто, какъ мы знаемъ, былъ не слишкомъ требователенъ. Скитальческая жизнь, полная испытаній, пріучила его не только къ морскимъ про-

[1]) Collo, p. 52.—Максимъ Грекъ, I, 322, 341, 445.—Жмакинъ, *Памятникъ*.

сторамъ, но и къ терпѣнію... Онъ былъ вполнѣ доволенъ своимъ успѣхомъ, когда выѣхалъ изъ Москвы. Однако, въ Римъ онъ прибылъ уже послѣ смерти Льва X. Папа скончался въ цвѣтущемъ возрастѣ, въ апогеѣ своихъ военныхъ и политическихъ успѣховъ.

Папа умеръ въ тотъ самый моментъ, когда его войска завладѣвали Миланомъ и побѣдоносно вступали въ Парму и Пьяченцу. 1 декабря 1521 года какая-то загадочная и необыкновенно быстро развившаяся болѣзнь свела въ могилу этого безсмертнаго покровителя наукъ и искусствъ.

Между тѣмъ, Чентуріоне хотѣлось во что бы то ни стало еще разъ побывать въ Москвѣ. Съ этой цѣлью онъ обратился къ новому папѣ, избранному на мѣсто Льва X. На смѣну привѣтливому и щедрому Медичи, проникнутому благородными традиціями плѣнительной Флоренціи, явился суровый, неподкупный и мелочно бережливый фламандецъ. То былъ человѣкъ, одушевленный горячей и чистой религіозной вѣрой,—бывшій профессоръ и наставникъ Карла V, епископъ Тортозскій, затѣмъ кардиналъ и, наконецъ, великій инквизиторъ Аррагона и Наварры. Забыты были гуманисты и художники; изъ Ватикана изгнаны были концерты и театральныя представленія. Всѣ думы, всѣ заботы Адріана VI поглощены были Германіей и Востокомъ. Нужно было подавить движеніе, вызванное Лютеромъ. Новый папа настойчиво требовалъ выполненія Вормскаго эдикта и тщетно старался склонить въ свою пользу курфюрста Саксонскаго. Съ другой стороны, съ Востока приходили все болѣе и болѣе тревожныя вѣсти. Необходимо было опять подумать о крестовомъ походѣ. Героизмъ де-Круасси не могъ спасти Бѣлграда. 29 августа 1521 года, послѣ приступа, произведеннаго въ двадцатый разъ, турки овладѣли этимъ оплотомъ христіанства. Добившись побѣды на сушѣ, Сулейманъ началъ готовиться и къ морской кампаніи. Не за горами было время, когда рыцарямъ, укрѣпившимся на Родосѣ, придется покинуть насиженное мѣсто и перемѣнить самое свое имя. Пе-

редъ лицомъ общей опасности нѣкоторыя изъ европейскихъ государствъ заключили между собою оборонительный союзъ. При этомъ они всячески старались привлечь на свою сторону возможно больше державъ, чтобы такимъ образомъ увеличить свои силы. При такихъ условіяхъ одинъ изъ бывшихъ учениковъ папы въ Лувэнѣ, Альбертъ Пигіусъ, астрономъ и богословъ, столь же ученый, сколь и безобразный по внѣшности, началъ убѣждать своего маститаго наставника обратить вниманіе на Россію. Онъ выдвигалъ доводы преимущественно религіознаго характера. Въ рѣчахъ его постоянно изображалась великая сѣверная держава, какъ нива, уже созрѣвшая для жатвы и обѣщающая богатый урожай. Въ томъ же смыслѣ высказывался бывшій канцлеръ короля датскаго Іоанна, архіепископъ Дронтгеймскій, Эней. Естественно, напрашивалась мысль о снаряженіи въ Россію спеціальнаго посольства. Въ наихудшемъ случаѣ, такимъ путемъ можно было бы провѣрить все, что разсказывалось о русскихъ. Но едва Адріанъ VI согласился на новую поѣздку Ченгуріоне, какъ 24 сентября 1523 года преждевременная смерть прервала дѣятельность этого благочестиваго пастыря.

Тѣмъ не менѣе, генуэзскій коммерсантъ не палъ духомъ. Наслѣдникомъ обширныхъ замысловъ Адріана VI явился двоюродный братъ Льва X, Климентъ VII. На него-то и направилъ Паолетто всю свою энергію. Онъ разсказывалъ настоящія чудеса объ отношеніи Василія къ папѣ. По его словамъ, самъ онъ пользовался великимъ расположеніемъ кремлевскаго двора. Разумѣется, Ченгуріоне продолжалъ мечтать о новомъ пути въ Индію и о своихъ торговыхъ предпріятіяхъ. Такъ или иначе, онъ просилъ Климента VII снабдить его письмами къ московскому правительству.

Розсказни ловкаго генуэзца, какъ нарочно, нашли себѣ подтвержденіе въ любопытной докладной запискѣ, поданной новому папѣ тотчасъ по его избраніи. Быть можетъ, ободренный своимъ успѣхомъ у Адріана, Альбертъ Пигіусъ

взялся за перо, чтобы ввести Климента VII въ курсъ русскихъ дѣлъ. Упомянутый документъ является для насъ въ высшей степени цѣннымъ свидѣтельствомъ. Изъ него мы видимъ, какіе слухи циркулировали въ то время въ извѣстныхъ кругахъ общества. Передъ нами вскрываются источники всѣхъ этихъ толковъ. Мы понимаемъ, какія иллюзіи неизбѣжно должны были возникнуть. Ученый фламандецъ съ наивнымъ апломбомъ ссылался на посольства Ивана III. По его словамъ, только интриги злонамѣренныхъ людей помѣшали этому великому князю довести до конца дѣло церковной Уніи. Пигіусъ напоминалъ и о томъ, какъ Василій хотѣлъ послать своего представителя на Латеранскій соборъ. Въ доказательство этого, онъ приводилъ слова архіепископа Дронтгеймскаго. Не забывалъ онъ и о сношеніяхъ московскаго правительства съ императоромъ, въ которыхъ принималъ участіе Іеронимъ Бальби. Далѣе шла рѣчь о пятилѣтнемъ перемиріи съ Польшей, заключенномъ Москвою на глазахъ и при содѣйствіи нунція. Въ заключеніе, авторъ докладной записки распространялся о ненависти Василія къ туркамъ. Не трудно угадать, какой выводъ дѣлался изъ всѣхъ этихъ посылокъ. Разумѣется, Пигіусъ совѣтывалъ поддерживать дружественныя отношенія съ московскимъ великимъ княземъ. Такъ къ паствѣ Рима присоединится цѣлый народъ, и число противниковъ Ислама увеличится вдвое. По словамъ фламандца, Василій въ душѣ своей гораздо болѣе христіанинъ, чѣмъ многіе изъ христіаннѣйшихъ государей. По крайней мѣрѣ, онъ желаетъ мира, тогда какъ другіе ведутъ между собою братоубійственную борьбу вмѣсто того, чтобы объединиться подъ знаменемъ Христа [1]).

Климентъ VII введенъ былъ въ курсъ великихъ политическихъ вопросовъ своего времени еще при Львѣ X. Онъ отлично понималъ языкъ Ченгуріоне и Пигіуса и, вѣроятно, даже находилъ въ немъ извѣстную прелесть. Новый папа

[1]) Пигіусъ и Мартыновъ, passim.

вполнѣ раздѣлялъ взгляды своего покойнаго двоюроднаго брата относительно Москвы. Въ душѣ Климента VII жили тѣ же надежды, что и въ сердцѣ Льва X. Генуэзскій коммерсантъ сумѣлъ заинтересовать папу. Однако, на него не возложили никакой официальной миссіи. Курія разсматривала Чентуріоне, какъ посторонняго ей человѣка. Онъ былъ въ ея глазахъ гражданиномъ Генуи, а совсѣмъ не довѣреннымъ папы. Тѣмъ не менѣе, пользуясь случаемъ, Климентъ VII уже прямо обратился къ Василію. Папское посланіе къ великому князю датировано 25 мая 1524 года. Написано оно, очевидно, подъ двоякимъ воздѣйствіемъ. Съ одной стороны, папа вспоминалъ самые отрадные моменты прошлаго; съ другой, на него вліяли утѣшительныя сообщенія Паолетто. Въ самой общей формѣ высказываясь за желательность сближенія и мира, папа обѣщалъ великому князю славу и почетъ. Затѣмъ онъ предлагалъ ему прислать въ Римъ своего уполномоченнаго. Подробнѣе договориться обо всемъ папа сулилъ при посредствѣ Чентуріоне или кого-либо другого. Во всякомъ случаѣ, онъ просилъ о радушномъ пріемѣ его довѣреннаго въ Москвѣ. Отнюдь не слѣдуетъ думать, что заключительныя слова папскаго посланія свидѣтельствуютъ объ официозномъ характерѣ миссіи генуэзца. Скоро мы услышимъ отъ Климента VII самое категорическое заявленіе на этотъ счетъ. Вообще, Курія неизмѣнно старалась не создавать для Чентуріоне роли дипломатическаго агента.

Второе путешествіе генуэзскаго коммерсанта въ Россію было совершено имъ съ удивительной быстротой. Несмотря на свой преклонный возрастъ и жестокую болѣзнь, Чентуріоне съ юношеской бодростью пустился въ дорогу. Въ Римѣ думали, что онъ, въ лучшемъ случаѣ, только что успѣлъ добраться до Москвы. На самомъ дѣлѣ, неутомимый старикъ уже въѣзжалъ обратно въ Римъ. На этотъ разъ онъ возвращался изъ своей миссіи далеко не такимъ довольнымъ, какъ изъ перваго своего путешествія. Не заѣзжая въ Кенигсбергъ, Чентуріоне сокращеннымъ пу-

емъ проѣхалъ по Польшѣ. Въ Краковѣ онъ выдалъ себя за папскаго нунція. Удивительно, что Сигизмундъ I не только не чинилъ ему никакихъ препятствій, но еще снабдилъ его продовольствіемъ, лошадьми и фуражемъ вплоть до русской границы. Мнимый нунцій настолько пришелся по душѣ польскому королю, что, при возвращеніи Чентуріоне, особымъ письмомъ отъ 8 іюня 1525 года Сигизмундъ самымъ сердечнымъ образомъ рекомендовалъ его покровительству папы, указывая на преклонный возрастъ и матеріальную нужду, этого «честнаго человѣка». Кстати и Джьовіо отмѣчаетъ мимоходомъ, что, при своихъ постоянныхъ путешествіяхъ въ разные концы свѣта, Чентуріоне никогда не нажилъ большихъ денегъ. Вѣроятно, и на сей разъ нашъ генуэзецъ избралъ новый маршрутъ не столько изъ политическихъ соображеній, сколько изъ матеріальныхъ расчетовъ. Проведя два мѣсяца въ Москвѣ и запасясь здѣсь охранной грамотой, Чентуріоне поспѣшилъ обратно, въ Италію. Интересно знать—добился ли онъ какихъ-либо льготъ для себя самого или содѣйствія своимъ планамъ? Ничто не даетъ намъ права предположить это. Напротивъ, повидимому, преждевременный энтузіазмъ увлекающагося генуезца смѣнился окончательнымъ упадкомъ духа. Впрочемъ, съ этого момента слѣды Чентуріоне теряются. Отнынѣ о его дѣятельности мы имѣемъ самыя неопредѣленныя указанія. Ни одно изъ извѣстій не опирается на какое-либо положительное свидѣтельство. Кажется, что единственнымъ результатомъ второго путешествія Чентуріоне въ Москву явилось прибытіе въ Римъ гонца отъ великаго князя Василія. Пріѣхавъ въ резиденцію папы вмѣстѣ съ Паолетто, этотъ посолъ долженъ былъ передать его святѣйшеству грамоту отъ своего государя [1]).

Появленіе московскаго уполномоченнаго въ Римѣ въ сентябрѣ 1525 года было цѣлымъ событіемъ. Настоящее

---

[1]) Raynaldi, XXXI, 456.—*Сбор. Русск. Ист. Общ.*, XXXV, 692—698.—Theiner, Vet. Mon. Pol., II, 430.

имя великокняжескаго гонца было Димитрій Герасимовъ. Въ просторѣчьи его называли Митей Малымъ. За границей онъ величался Димитріемъ Эразміусомъ. То былъ довольно образованный человѣкъ. Онъ недурно оріентировался въ религіозныхъ вопросахъ и владѣлъ одинаково свободно латинскимъ и нѣмецкимъ языками. За Герасимовымъ имѣлось довольно почетное прошлое. При московскомъ дворѣ онъ служилъ толмачемъ. Въ сущности, то было чисто дипломатической обязанностью. Недаромъ Герасимова посылали съ разными порученіями и въ Швецію, и въ Данію, и въ Пруссію, и въ Австрію. Работая вмѣстѣ съ Максимомъ Грекомъ надъ переводомъ Псалтиря, Митя Малый рѣзко выдѣлялся изъ среды своихъ сотрудниковъ широтою взглядовъ. Дѣло, которымъ они занимались, представляло чрезвычайныя затрудненія. Въ Москвѣ не было никого, кто бы зналъ греческій языкъ. Очевидно, легче было заимствовать отъ Византіи предразсудки, нежели усвоить ея рѣчь. Волей-неволей нужно было искать какого-нибудь выхода. Рѣшено было такъ: Максимъ будетъ переводить съ греческаго на латинскій языкъ. Герасимовъ съ другими—съ латыни на русскій. Послѣ этого особые писцы должны были закрѣпить послѣднюю редакцію перевода на бумагѣ. Ученый аѳонскій монахъ очень скоро замѣтилъ, что тексты русскихъ богослужебныхъ книгъ пестрятъ множествомъ ошибокъ. Не долго думая, онъ принялся исправлять эти погрѣшности къ великому ужасу своихъ сотрудниковъ. Одинъ изъ нихъ сознается, что имъ овладѣвалъ великій страхъ, и что онъ дрожалъ отъ волненія всякій разъ, когда приходилось замѣнять одну букву другою или исправить невѣрное удареніе. Здѣсь—будущее русской Церкви. Рабская преданность буквѣ явится впослѣдствіи причиной глубокой религіозной смуты. Въ концѣ концовъ, дѣло завершится расколомъ. Тѣмъ болѣе замѣчательно, что, не въ примѣръ другимъ, Герасимовъ оставался спокойнымъ. Очевидно, его нисколько не смущали подобные пустяки.

По прибытіи Мити Малаго въ Римъ его помѣстили въ

самомъ Ватиканѣ. Русскому послу были отведены роскошные покои. Его окружили всяческимъ вниманіемъ. На первой аудіенціи у папы Герасимовъ предсталъ передъ римскимъ первосвященникомъ одѣтый въ свой блестящій національный нарядъ. По обычаю, онъ поднесъ въ даръ Клименту VII собольи шкуры. Грамота Василія, сохраненная для насъ благодаря Джьовіо, должна была произвести на читателей впечатлѣніе самаго рѣзкаго контраста рядомъ съ посланіемъ самого папы. Разумѣется, великій князь не скупился на изъявленія самыхъ любезныхъ и дружественныхъ чувствъ. Однако, сближеніе съ Куріей онъ понималъ не иначе, какъ только въ смыслѣ военнаго союза для общей борьбы съ невѣрными. Очевидно, въ Москвѣ намѣренно уклонялись отъ обсужденія религіознаго вопроса. Здѣсь предпочитали, по крайней мѣрѣ, въ письменныхъ сношеніяхъ не сходить съ чисто политической почвы. Между прочимъ, Василій предлагалъ Клименту VII поскорѣе отпустить Димитрія Герасимова въ обратный путь. Пусть при этомъ папа отправитъ въ Москву своего уполномоченнаго; съ нимъ можно будетъ и договориться подробнѣе, какъ дѣйствовать противъ турокъ... Впослѣдствіи мы увидимъ, что Василій нисколько не увлекался идеей крестоносной войны. Ему просто нужны были опытные мастера—иноземцы.

Въ то время, когда Герасимовъ уже собирался къ отъѣзду, онъ заболѣлъ изнурительной лихорадкой. Сильная натура московскаго посла помогла ему преодолѣть злой недугъ. Скоро на лицѣ Мити Малаго опять заигралъ румянецъ. Къ нему вернулась прежняя бодрость. Совершенно оправившись отъ болѣзни, великокняжескій гонецъ поспѣшилъ осмотрѣть храмы, памятники и развалины вѣчнаго города. Московскій гость нисколько не скрывалъ своего восхищенія передъ мастерскими созданіями древняго искусства и священными памятниками старины. 27 сентября, въ день свв. Косьмы и Даміана, Герасимовъ присутствовалъ на папскомъ богослуженіи. Здѣсь онъ востор-

гался итальянской музыкой, а затѣмъ побывалъ въ консисторіи, гдѣ кардиналъ Кампеджи давалъ отчетъ о своей миссіи въ Венгрію. Во всѣхъ экскурсіяхъ Герасимова по Риму его проводникомъ и ментором являлся Франческо Чіерикати, епископъ Абруццкій. Бывшій дипломатъ, онъ, послѣ неудачъ, испытанныхъ на Нюренбергскомъ сеймѣ, искалъ утѣшенія въ дружбѣ съ Эразмомъ и Изабеллой Гонзаго. Часто и притомъ подолгу бесѣдовалъ съ русскимъ посломъ и Паоло Джьовіо. Слушая Герасимова, онъ чинилъ перо, готовясь писать свой трудъ о Москвѣ.

Между тѣмъ, люди, мало посвященные въ дѣло, были убѣждены, что Герасимовъ долженъ былъ представить Куріи конфиденціальныя сообщенія въ высшей степени важнаго свойства. Въ дѣйствительности, повидимому, ничего подобнаго не было. Однако, вполнѣ вѣроятно, что московскій посолъ взвѣшивалъ всякое свое слово съ расчетомъ поддержать извѣстныя иллюзіи. Что касается самаго Климента VII, то изъ переговоровъ съ Герасимовымъ онъ вынесъ такое впечатлѣніе, будто бы Василій желаетъ мира съ Ватиканомъ. По крайней мѣрѣ, папа высказался въ этомъ смыслѣ передъ королемъ и королевой польскими. Тѣмъ не менѣе, не довѣряя столь важнаго вопроса бумагѣ, онъ предпочиталъ обсудить и рѣшить его путемъ непосредственныхъ сношеній съ заинтересованной стороной. Это было тѣмъ болѣе естественно, что прибытіе Герасимова въ Римъ ставило на очередь дѣло организаціи дипломатическихъ сношеній съ Москвою. Надо было предпринять что-нибудь въ этомъ направленіи. Въ принципѣ никто не рѣшался отрицать ни важности, ни пользы такихъ сношеній. Однако, какъ повести ихъ? Какихъ подводныхъ камней нужно опасаться? Насколько мы знаемъ, Пигіусъ былъ единственнымъ человѣкомъ, который обладалъ въ этой области извѣстнымъ чутьемъ дѣйствительности. Во всякомъ случаѣ, только онъ одинъ сумѣлъ оцѣнить должнымъ образомъ значеніе національнаго и политическаго моментовъ въ дѣлѣ соединенія церквей. Только

онъ одинъ настаивалъ, чтобы этотъ элементъ былъ рѣшительно устраненъ. По его словамъ, представитель папы не долженъ быть ни шведомъ, ни ливонцемъ, ни полякомъ. Онъ напоминалъ, что у Россіи существуетъ постоянное соперничество и идетъ давняя вражда съ этими сосѣдями. Слѣдствіемъ такихъ треній являются войны. Опираясь на свою принципіальную точку зрѣнія, Пигіусъ обращалъ особое вниманіе папы на отношенія Москвы къ Польшѣ. Онъ совершенно правильно подчеркивалъ, что побѣды русскихъ надъ поляками поселили непримиримую рознь между обоими народами. Вотъ почему, какимъ бы добрымъ христіаниномъ ни былъ польскій король, онъ никогда не будетъ радоваться ни процвѣтанію московской державы, ни дружественнымъ отношеніямъ ея съ Римомъ. Причина такой антипатіи ясна сама собой. До той поры, пока московскій государь не присоединится къ римско-католической Церкви, Западная Европа будетъ питать къ нему враждебныя чувства. Этого мало. Тотъ, кто подниметъ оружіе противъ сѣверной державы, будетъ, какъ принято, получать отпущеніе грѣховъ. Иное дѣло, если великій князь признаетъ примать папы. Это вызоветъ коренную перемѣну симпатій и создастъ совершенно новыя международныя группировки. Тогда, защищая свои интересы, король польскій уже не сможетъ ссылаться на превосходство своей вѣры передъ восточными схизматиками. Условія борьбы для обоихъ сосѣдей, болѣе или менѣе, станутъ равными, и вскроются истинные мотивы ихъ постоянной вражды. Словомъ, Пигіусъ настаивалъ, чтобы при сношеніяхъ Куріи съ Москвою, папа всячески избѣгалъ привлекать къ дѣлу Польшу. Онъ напоминалъ, что въ томъ же смыслѣ высказывался передъ Адріаномъ VI и Іеронимъ Бальби: а вѣдь этого человѣка никакъ нельзя было заподозрить въ отсутствіи политическаго опыта. Наконецъ, противъ участія Польши свидѣтельствуютъ и факты... Кто же не знаетъ, что всякій разъ, какъ папы отправляли въ Москву своихъ легатовъ, польскіе короли задерживали ихъ или преграждали имъ

дорогу? Ясное дѣло, ближайшіе сосѣди русскаго государства опасаются сближенія своего недруга съ Римомъ. Устами Пигіуса говорили логика и здравый смыслъ. Однако, голосу его не внялъ никто.

Климентъ VII имѣлъ самое смутное представленіе о томъ, что происходило въ нѣдрахъ далекаго и таинственнаго славянскаго міра. Отправляя въ Москву итальянца, онъ заранѣе зналъ, что его посланный будетъ орудіемъ въ рукахъ Польши. Но этой католической державѣ онъ намѣренъ былъ предоставить главную роль въ сношеніяхъ своихъ съ Россіей. Въ XVI вѣкѣ папы охотно прибѣгали къ помощи монашествующей братіи—frati,—когда имъ нужно было завязать дипломатическія сношенія съ отдаленными странами. Обладая лучшей подготовкой и болѣе твердымъ закаломъ, чѣмъ прелаты папскаго двора, эти иноки легче переносили труды и лишенія опаснаго путешествія послѣ суровой жизни въ своихъ обителяхъ. Въ данномъ случаѣ, выборъ римскаго первосвященника палъ на Джьанъ Франческо Цитуса изъ ордена миноритовъ.

Будучи родомъ изъ Потенцы, Джьанъ Франческо довольно рано пріобрѣлъ славу выдающагося ученаго среди членовъ своего ордена. Вотъ почему ему поручались нерѣдко самыя отвѣтственныя, хотя и почетныя, обязанности. Въ 1514 году его назначили коммиссаромъ францисканскаго ордена при римской Куріи. Въ томъ же году Левъ X командировалъ Джьанъ Франческо въ Ливанъ. Здѣсь нужно было положить конецъ вредному броженію умовъ, наблюдавшемуся среди маронитовъ. Джьанъ Франческо блестяще выполнилъ возложенное на него порученіе. Вернувшись въ Римъ, онъ представилъ Латеранскому собору трехъ делегатовъ, которые выразили покорность и раскаяніе отъ лица своихъ земляковъ. Нѣсколько позже энергичный францисканецъ былъ отправленъ въ Данію и Швецію, гдѣ трое епископовъ были казнены по повелѣнію Христіана II. 28 апрѣля 1523 года Джьанъ Франческо уже докладывалъ римской консисторіи о результатахъ слѣдствія,

произведеннаго имъ на мѣстѣ. При этомъ онъ не пощадилъ ни короля, ними нистровъ. Дѣло было представлено имъ во всей своей грубой и жестокой правдѣ. Неутомимая работоспособность францисканца заслуживала награды. Уже 15 мая, не взирая на сопротивленіе самого Джьанъ Франческо, Адріанъ VI назначилъ его епископомъ Скарскимъ въ Швецію. Скоро новому іерарху пришлось цѣлымъ рядомъ испытаній заплатить за оказанную ему честь. Король Густавъ I рѣшительно отказался предоставить епархію кому-либо изъ иноземцевъ, а, тѣмъ болѣе, Джьанъ Франческо. Этотъ государь ошибочно подозрѣвалъ нашего коммиссара въ пристрастномъ разслѣдованіи дѣла Христіана. Впрочемъ, даже независимо отъ противодѣйствія со стороны короля, положеніе новаго епископа оказывалось крайне затруднительнымъ. Въ Швеціи кипѣла жестокая борьба внутреннихъ партій. Ѣхать туда было не безопасно. Тѣмъ не менѣе, Джьанъ Франческо попытался пробраться въ свою епархію. Пока что, его прикомандировали къ германскому легату, кардиналу Кампеджи. Съ 1 апрѣля 1524 года этому лицу было поручено вѣдать всѣ сношенія Куріи съ Даніей, Швеціей и Норвегіей. Съ 25-го же октября ему были переданы и всѣ польскія дѣла. Джьанъ Франческо выполнялъ свои обязанности настолько успѣшно, что заслужилъ самыя лестныя одобренія своего кардинала. Въ 1525 году, однако, онъ опять остался безъ дѣла. Тогда, 3 августа, онъ обратился изъ Болоньи къ Клименту VII съ горькимъ письмомъ. Жалуясь на невозможность получить свою епархію, францисканецъ сѣтовалъ на недостатокъ средствъ, даже на нищету. Въ заключеніе, онъ умолялъ владыку смиловаться надъ его бѣдственнымъ положеніемъ. Можетъ быть, папа внялъ этимъ просьбамъ. Такъ или иначе, въ засѣданіи консисторіи отъ 13 октября 1525 года Джьанъ Франческо былъ назначенъ представителемъ папской миссіи въ Москву.

Грамоты, которыми былъ снабженъ отъ лица римскаго первосвященника московскій легатъ, даютъ намъ вполнѣ

опредѣленное понятіе о римской политикѣ. Прежде всего, какъ мы уже упоминали, Климентъ VII счелъ необходимымъ подчеркнуть, что Чентуріоне ѣздилъ въ Москву, какъ частное лицо, по своимъ торговымъ дѣламъ. Никакихъ оффиціальныхъ полномочій Курія ему не предоставляла. Такое заявленіе было равносильно запирательству. Очевидно, Курія не хотѣла идти по слѣдамъ увлекающагося генуэзца. Ей хотѣлось перевести свои сношенія съ Москвою на иную почву. Затѣмъ шли обычныя формулы традиціонной учтивости. Папа восхвалялъ тактъ Герасимова и, въ особенности, превозносилъ самого Василія. Онъ вмѣнялъ ему въ великую заслугу готовность принять участіе въ крестовомъ походѣ и почтеніе, выказываемое имъ къ римскому владыкѣ. Несомнѣнно, Климентъ VII напутствовалъ своего уполномоченнаго и кое-какими устными наставленіями. Однако, содержаніе ихъ осталось тайною для исторіи.

По отношенію къ польскому королю папа обнаружилъ гораздо больше предупредительности. Римскій посолъ долженъ былъ посвятить этого государя во всѣ подробности дѣла. Въ дальнѣйшей дѣятельности ему было предписано руководиться указаніями Сигизмунда и, вообще, имѣть постоянно въ виду интересы Польши. Между прочимъ, папа расчитывалъ на помощь короля въ дѣлѣ борьбы съ реформаціоннымъ движеніямъ, усиленно развивавшемся въ Швеціи. На всякій случай, Джьанъ Франческо заранѣе получилъ разрѣшеніе, если понадобится, сложить съ себя званіе епископа Скарскаго. Это развязало бы папѣ руки въ томъ случаѣ, когда бы ему пришлось подумать о новомъ составѣ іерархіи въ Швеціи [1]).

Снабженный папскими грамотами, епископъ Скарскій тронулся въ путь въ концѣ 1525 года. Съ нимъ вмѣстѣ

---

[1]) *Kon. Gustaf* I, 172, 226.—Ватик. Арх. *Germania*, LIII, 8 v°, 35, 37, 42, v°, 44, 60; *Principi*, III, 207, 289; *Clem VII br.*, X, n° 438; *Reg.*, n° 1280, 323 v°, 331.—Theiner, *Vet. Mon. Pol.*, II, 433.—*Balan*, 186

выѣхали Герасимовъ и капелланъ Никколо. По прибытіи въ Венецію, наши путешественники представились совѣту дожа 17 декабря. Джьанъ Франческо держалъ рѣчь, въ которой вскрылись тайные расчеты Рима. Онъ объяснилъ, что его шлетъ въ Москву папа для улаженія важныхъ дѣлъ и распространенія истинной вѣры. Герасимовъ явился на пріемъ, одѣтый въ красное и черное. На головѣ его красовалась шапка изъ бѣлаго сукна. Русскій посолъ объяснялся при помощи переводчика въ лицѣ одного священника. Послѣдній заявилъ, что великій князь питаетъ къ республикѣ самыя дружескія чувства. Затѣмъ Герасимовъ поднесъ въ даръ дожу роскошнѣйшій соболій мѣхъ, стоимостью не менѣе 50 дукатовъ. Всѣ эти подробности мы почерпаемъ у Сануто, который, между прочимъ, величаетъ Димитрія посломъ, явившимся къ Клименту VII отъ «великаго Василія, князя московскаго и императора всей Руси».

Джьанъ Франческо пробылъ въ Венеціи нѣкоторое время, дабы уладить одно изъ главнѣйшихъ затрудненій, съ которыми приходилось считаться путешественникамъ XVI вѣка. Другими словами, римскій посолъ старался заручиться указаніями свѣдущихъ людей, а также запастись деньгами, обращающимися за границей. Впослѣдствіи ему пришлось горько раскаиваться въ своей довѣрчивости. При размѣнѣ денегъ, Джьанъ Франческо потерялъ значительную сумму. Это мало. Задержавшись въ Венеціи, онъ вынужденъ былъ, вслѣдствіи этого, встрѣтить еще много помѣхъ въ дальнѣйшемъ своемъ пути.

Въ Краковъ наши послы прибыли только 28 февраля 1526 года. Послѣ труднаго и продолжительнаго путешествія по снѣгамъ Моравіи и Силезіи епископа Скарскаго ожидало въ столицѣ Польши новое разочарованіе. Король Сигизмундъ уже 11 дней тому назадъ выѣхалъ въ Пруссію. Что касается королевы, то она проживала въ загородномъ дворцѣ. Словомъ, послу папы не съ кѣмъ было обсудить свое дѣло. Джьанъ Франческо находился въ крайнемъ

затрудненіи, не зная, что предпринять. Слѣдуетъ ли сдѣлать огромный крюкъ, чтобы встрѣтиться съ Сигизмундомъ? Или, лучше, не тратя времени, ѣхать прямо въ Москву? Епископъ рѣшился отправить нарочнаго къ королевѣ. Вслѣдъ затѣмъ онъ самъ явился къ ней, дабы посовѣтоваться о своемъ дѣлѣ.

Дочь герцога Миланскаго и Изабеллы Аррагонской, Бона Сфорца была второю женою Сигизмунда. Королева пользовалась большимъ вліяніемъ при дворѣ. Не даромъ супругъ былъ увлеченъ и покоренъ ея красотой. Послы, которымъ когда-то было поручено вести переговоры объ этомъ бракѣ, доносили своему государю, что Бона походитъ скорѣе на нимфу или на богиню, нежели на простую смертную. Они сняли мѣрку съ ея ноги, съ ея фигуры; даже обувь невѣсты была отправлена ими въ Краковъ. Общее впечатлѣніе, переданное послами, еще усиливалось при перечисленіи отдѣльныхъ подробностей. Оказывалось, что Бона обладаетъ великолѣпными серебристыми волосами. Брови и рѣсницы ея черны, какъ смоль. Глаза ея болѣе напоминаютъ ангела, нежели человѣка. Лобъ красавицы открытъ и чистъ. Линія профиля отличается рѣдкой правильностью, причемъ носъ не имѣетъ ни крючковатой, ни орлиной формы. Щеки невѣсты нѣжны и покрыты тонкимъ румянцемъ; губы подобны коралламъ, за которыми открывается блестящій и ровный рядъ зубовъ. Шея прелестной итальянки пряма и округла, плечи—восхитительны, руки несравненной красоты... Такъ изливали свой восторгъ люди сѣвера, перенесенные подъ небо Италіи: право, имъ могъ бы позавидовать такой романистъ, какъ Бальзакъ... Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что, пользуясь своей властью надъ сердцемъ Сигизмунда, искушенная въ интригахъ итальянка сумѣла привлечь на свою сторону очень многихъ лицъ. Создалась цѣлая партія, опираясь на которую, королева могла оказывать весьма замѣтное личное вліяніе на государственныя дѣла. Впрочемъ, Бона Сфорца сравнительно мало интересовалась сношеніями

съ Москвою. Вотъ почему она объявила Джьанъ Франческо, что не считаетъ себя компетентной въ данномъ случаѣ и потому не рѣшается совѣтывать ему что бы то ни было. Впрочемъ, королева весьма энергично настаивала на свиданіи папскаго посла съ ея вѣнценоснымъ супругомъ,— хотя бы для этого и приходилось ѣхать въ самую Пруссію.

Перспектива такого путешествія не имѣла въ себѣ ничего привлекательнаго. По крайней мѣрѣ, мажордомъ королевы, съ которымъ Джьанъ Франческо познакомился еще въ Іерусалимѣ и съ тѣмъ большимъ удивленіемъ встрѣтился теперь въ Краковѣ, прямо предупреждалъ нашего легата: «будьте готовы совершить новый переходъ черезъ египетскія пустыни»... Дѣйствительно, въ такомъ предпріятіи путники могли разсчитывать только на себя. Порою имъ приходилось ѣхать по два и по три дня, не встрѣчая человѣческаго жилища, а слѣдовательно, и пропитанія. Джьанъ Франческо нѣсколько пріунылъ подъ впечатлѣніемъ подобныхъ разговоровъ. Съ какой грустью вспоминалъ онъ теперь чудесное солнце Неаполя, живительные лучи котораго такъ часто согрѣвали его когда-то! Съ какимъ удовольствіемъ вернулся бы онъ поскорѣе въ Италію, чтобы найти, наконецъ, болѣе или менѣе прочное пристанище! Обращаясь письменно къ папскому секретарю, епископу Садалето, нашъ легатъ меланхолически проситъ его не забывать о бѣдномъ Джьанъ Франческо. Пусть, по возвращеніи на родину найдетъ себѣ посолъ папы хоть какой-нибудь уголокъ, гдѣ можно было бы, наконецъ, приклонить свою усталую голову и доживать свой вѣкъ безъ вѣчной заботы о завтрашнемъ днѣ. Однако, пока что, Джьанъ Франческо волей-неволей приходилось смириться передъ силой обстоятельствъ. Онъ купилъ повозку, запасся провіантомъ и тронулся въ далекій путь за королемъ. Сначала Герасимовъ никакъ не хотѣлъ подчиниться такому рѣшенію; но, въ концѣ концовъ, покорился и онъ. Разумѣется, русскому послу непріятно было задерживаться въ дорогѣ и дѣлать огромный крюкъ. Однако, безъ этого

онъ рисковалъ не получить грамоты, необходимой для пропуска черезъ границу.

28 марта наши путники прибыли въ Маріенбургъ. Нѣкогда этотъ городъ служилъ резиденціей гроссмейстеровъ тевтонскаго ордена. Теперь имъ завладѣла Польша, отнявъ его у рыцарей, которымъ столь неосторожно позволили захватить прибалтійское побережье. Король Сигизмундъ уже нѣсколько дней находился въ Маріенбургѣ, стараясь уладить нѣкоторыя осложненія со стороны протестантовъ Данцига. По настоянію Джьанъ Франческо, на другой же день по прибытіи легата, т. е. въ великій четвергъ, ему дана была аудіенція. Здѣсь впервые римскій посолъ узналъ подробно, какова задача его миссіи въ Москву. Странная вещь! Король уже ни слова не говорилъ о туркахъ. Очевидно, ему не хотѣлось нарушать недавно заключеннаго съ ними перемирія. Не касался Сигизмундъ и вопроса о соединеніи русской Церкви съ римско-католической. Не затронуты были въ Маріенбургѣ и шведскія дѣла... Сигизмундъ думалъ лишь объ одномъ: ему нужно было либо заключить съ Россіей перемиріе, либо установить съ Москвою прочный и продолжительный миръ.

Таковы были намѣренія Польши. Явное дѣло—Сигизмунду не подъ силу было бороться съ такимъ противникомъ, какъ Россія. Въ лицѣ этого представителя династіи Ягеллоновъ не уцѣлѣло ни одной доблести его предковъ. Сигизмундъ былъ чуждъ воинственнаго духа, не обладалъ ни зоркимъ взглядомъ политика, ни необходимой энергіей. Къ тому же и положеніе его было довольно труднымъ. Финансы королевства были разстроены. Армія короля была недостаточно сильна. Буйная шляхта связывала ему руки. По натурѣ своей, супругъ Боны Сфорцы былъ слишкомъ мягкимъ человѣкомъ. Наконецъ, онъ не умѣлъ пользоваться въ качествѣ орудія великими идеями, которыя способны порою перевоспитать народъ и сообщить ему несокрушимую силу. Благодаря Сигизмунду, Габсбурги связали себя такими брачными узами, которыя лишили

ихъ Богеміи и Венгріи. Съ другой стороны, берега Балтійскаго моря перешли къ Браденбургскому дому. По отношенію къ Москвѣ польскій король держался политики пассивнаго наблюдателя. Въ 1522 году съ Москвою было заключено перемиріе. Условія его были весьма невыгодны для Польши, такъ какъ важный и населенный городъ Смоленскъ остался въ рукахъ у русскихъ. Разумѣется, Сигизмунду было непріятно видѣть московскій флагъ, развѣвающійся надъ грозной крѣпостью на берегахъ Днѣпра. Ему очень хотѣлось передать эту твердыню своему сыну. Однако, онъ желалъ достигнуть этого безъ кровопролитія, путемъ дипломатическихъ сношеній. Понятно, что король долженъ былъ весьма обрадоваться прибытію папскаго легата, который предоставлялъ себя въ полное распоряженіе Сигизмунда, чтобы начать и привести къ желанному концу мирные переговоры съ Москвою. Истинныя намѣренія короля ясно обнаруживаются въ инструкціяхъ, данныхъ имъ Джьанъ Франческо 10 апрѣля 1526 года.

Въ качествѣ обязательнаго условія Сигизмундъ требовалъ, чтобы посредническій починъ папы былъ оффиціально удостовѣренъ и такимъ образомъ поставленъ внѣ всякаго сомнѣнія. А что, если Василій вообразитъ, будто поляки сами запросили у него мира? Это было бы равносильно полному пораженію Рѣчи Посполитой. Впрочемъ, и при папскомъ вмѣшательствѣ, Сигизмундъ не ждалъ ничего добраго отъ московскаго великаго князя. По его словамъ, никакое соглашеніе, никакой договоръ съ такимъ невѣрнымъ человѣкомъ не могутъ гарантировать мира и внушить спокойствія. Тѣмъ не менѣе, Сигизмундъ готовъ былъ попытать счастья. Но при этомъ онъ ставилъ свои условія. Если рѣчь зайдетъ о продолжительномъ мирѣ съ Москвою, то пусть русскіе откажутся отъ Смоленска. Въ противномъ случаѣ, пусть они довольствуются перемиріемъ на пять или десять лѣтъ, при чемъ всѣ важнѣйшіе вопросы останутся открытыми. Выступая съ такими притязаніями, Сигизмундъ обнаруживалъ совершенное непониманіе какъ

характера самого Василія, такъ и руководящихъ началъ московской политики. При всей своей неосвѣдомленности, Джьанъ Франческо сразу сообразилъ, какъ ему трудно будетъ вести переговоры съ Москвою на такой почвѣ. Объ этомъ онъ предупредилъ Садолето. Любопытно, что францисканцу и въ голову не приходила мысль о возможности иной, болѣе независимой роли. Онъ довольствовался признаніемъ себя за простого посредника, который обязанъ выполнить всѣ желанія польскаго короля.

Въ Вильнѣ римская миссія едва не разлетѣлась прахомъ. Литовская знать вспомнила некстати, что когда-то ей удалось задержать посла Льва X, Захарія Феррери. У нея явилась мысль продѣлать то же самое и съ Джьанъ Франческо. Магнаты княжества не слишкомъ довѣряли иностранному посредничеству. Имъ казалось, что лучше всего оберегать свои границы и отнюдь не пропускать черезъ нихъ уполномоченныхъ римской Куріи. Пришлось самому королю пріѣхать въ Вильну, чтобы уладить возникшій инцидентъ. Въ концѣ концовъ, все устроилось къ общему удовольствію. Джьанъ Франческо оказался счастливѣе своихъ предшественниковъ: ему дано было разрѣшеніе ѣхать дальше, направляясь вглубь загадочной московской державы [1]).

Прибывъ въ русскую столицу 20 іюля 1526 года, Джьанъ Франческо нашелъ уже тамъ императорское посольство. За нѣсколько дней до пріѣзда нашего легата въ Краковъ, черезъ этотъ городъ проѣхали представители Карла V и эрцгерцога Фердинанда, Ногароли и Герберштейнъ. Подъ предлогомъ простого привѣтствія великому князю, они направлялись въ Москву съ тѣми же цѣлями, что и нашъ францисканецъ. Другими словами, они намѣревались привлечь Василія къ антимусульманской лигѣ и закрѣпить

---

[1]) Lanuto, *Diarium.*, t. L. Col 497, 502.—*Acta Tomic.*, IV, 239—242. Theiner, *vet. Mon. Pol.*, II 439—442.—Balan, 357.—*Акты Зап. Рос.*, II, 171.

мирныя отношенія Россіи съ Польшей. Сперва Сигизмундъ отнесся было къ императорскому посольству съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь онъ не просилъ ничьего вмѣшательства... Особенно косился король на Герберштейна, котораго онъ зналъ за человѣка рѣдкой наблюдательности. Однако, послѣ откровеннаго разговора съ мнительнымъ государемъ, возникшія было недоразумѣнія были устранены.

Вслѣдъ за обоими посольствами, 14 октября 1526 года, прибыли и уполномоченные Сигизмунда. Переговоры съ ними происходили внѣ Москвы, именно въ Можайскѣ. Такимъ образомъ Василій оказался окруженнымъ дипломатами иноземныхъ державъ. Разумѣется, это возвеличивало его въ собственныхъ глазахъ. Мы уже знаемъ, что московскіе князья придавали особенное значеніе визитамъ иноземныхъ гостей.

Стремясь поскорѣе кончить дѣло, послы приступили къ нему безъ проволочекъ. Какъ мы видѣли, у всѣхъ была одна и та же задача. Понятно, что приходилось и разбирать ее сообща. Но тутъ возникло нѣкоторое затрудненіе на почвѣ этикета. Императорскіе послы пожелали было сохранить за собою преимущество передъ Джьанъ Франческо. Они утверждали, что онъ является не легатомъ, а простымъ довѣреннымъ папы. Завязался горячій споръ: тутъ же присутствовали русскіе, которые, вѣроятно, учли по своему этотъ инцидентъ. Въ концѣ концовъ, повидимому, францисканецъ заставилъ своихъ коллегъ признать себя легатомъ и такимъ образомъ сохранилъ за собою первенствующее мѣсто.

Силою обстоятельствъ послы вынуждены были принять на себя роль посредниковъ между Польшей и Москвою. Этого мало: они сумѣли присвоить себѣ права третейскихъ судей. Симпатіи дипломатовъ явно склонялись въ сторону поляковъ. Такимъ образомъ, они оказывались, можно сказать, пособниками Рѣчи Посполитой. Напрасно стали бы мы искать въ дѣятельности этихъ представителей Европы

какихъ-либо широкихъ руководящихъ идей. Тщетно надѣялись бы мы найти въ ней стремленіе взглянуть на вопросъ съ какой-либо высшей точки зрѣнія. Все время переговоры ограничивались самыми узкими рамками. Рѣчь шла только о мирѣ или перемиріи. Задачи европейской политики, затрагивались лишь мимоходомъ, да и то въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ.

Какъ всегда бывало, до начала серьезнаго обсужденія вопросовъ, стороны выдвинули совершенно непріемлемыя требованія. То было своего рода пробнымъ шаромъ. Поляки заявили притязанія на Новгородъ и Псковъ. Русскіе захотѣли Кіева, Полоцка, Витебска и многихъ другихъ городовъ, которые они, не смущаясь, называли своимъ національнымъ достояніемъ... Пришлось вмѣшаться посламъ. Они самымъ рѣшительнымъ образомъ заявили, что подобные вопросы нужно устранить и, вообще, не думать о такого рода обмѣнѣ.

Ни та, ни другая сторона не протестовали. Но зато сейчасъ же возникъ вопросъ о Смоленскѣ. Всѣ чувствовали, что здѣсь—центральный пунктъ спора. Дѣйствительно, какъ русскіе, такъ и поляки оказались въ этомъ дѣлѣ одинаково неуступчивыми. Для очистки совѣсти, посредники предложили нѣкоторый компромиссъ. Между прочимъ, они попытались уравнять права обѣихъ сторонъ на Смоленскъ путемъ созданія тамъ смѣшаннаго управленія. Всѣ сборы и, вообще, доходы должны были дѣлиться между поляками и русскими пополамъ. Единственнымъ отвѣтомъ московскихъ дипломатовъ было презрительное молчаніе. Однако, изъ уваженія къ папѣ, Карлу V и Фердинанду, Василій согласился отказаться отъ городовъ, уже давнымъ-давно завоеванныхъ поляками.

«Вѣчный миръ» оказывался невозможнымъ. Сигизмундъ не хотѣлъ и говорить о немъ, если Смоленскъ останется за русскими. Что касается московскаго правительства, то оно, со своей стороны, не желало и слышать объ этомъ мирѣ, если придется отдать Смоленскъ Польшѣ. Во-

лей-неволей ограничились простымъ перемиріемъ. Но и тутъ возникало затрудненіе. Дѣло шло объ обмѣнѣ плѣнными. Этого потребовали русскіе; но поляки упорно отказывались принять такое условіе. Легко догадаться, чѣмъ было вызвано подобное разногласіе. Количество плѣнныхъ было неодинаково у той и другой стороны: такимъ образомъ, предполагавшійся обмѣнъ былъ слишкомъ невыгоденъ для Польши и, напротивъ, черезчуръ удобенъ для русскихъ. Разумѣется, послѣдніе тѣмъ крѣпче ухватились за свое преимущество. Они заявляли, что, если обмѣнъ не состоится, они согласны будутъ заключить перемиріе не болѣе, какъ на пять лѣтъ. Конечно, посредникамъ было бы пріятнѣе содѣйствовать болѣе продолжительному миру. Тѣмъ не менѣе, они предпочли пойти на уступки и въ этомъ вопросѣ. Дѣло въ томъ, что великій князь чувствовалъ себя настоящимъ господиномъ положенія. При такихъ условіяхъ, онъ упрямо велъ свою линію и соглашался лишь на то, что было ему угодно. Въ послѣдній разъ дипломаты могли убѣдиться въ этомъ тогда, когда они потребовали, чтобы ихъ имена всѣ были упомянуты въ офиціальномъ текстѣ договора. Въ отвѣтъ они услышали надменное заявленіе, что такой порядокъ противорѣчитъ обычаямъ старины. Лицомъ къ лицу съ такой непреклонностью приходилось, скрѣпя сердце, итти на всѣ уступки. Такъ или иначе, благодаря покладистости дипломатовъ, удалось заключить перемиріе на пять лѣтъ. Обѣ стороны подкрѣпили его торжественными клятвами. Оставалось лишь добиться у короля формальной санкціи выработанныхъ условій. Московскіе источники сообщаютъ, что въ заключеніе переговоровъ великій князь потчивалъ дипломатовъ виномъ въ золотыхъ чарахъ. Послѣ этого уполномоченные были допущены къ рукѣ государя и получили разрѣшеніе выѣхать обратно въ тотъ же самый день. Однако, повидимому, Джьанъ Франческо пробылъ въ Москвѣ еще нѣкоторое время. Цѣль, которую имѣли въ виду Климентъ VII, Карлъ V и Фердинандъ, была достигнута

лишь отчасти. Пусть миръ на сѣверѣ Европы и былъ возстановленъ; тѣмъ не менѣе, дѣло крестоваго похода на турокъ нисколько не двинулось впередъ. Василій упорно отдѣлывался банальными заявленіями... Онъ говорилъ все объ одномъ и томъ же—о ненависти своей къ невѣрнымъ, о святости крови христіанской... Повидимому, въ душѣ онъ твердо рѣшилъ не мѣнять своей тактики и сохранить дружественныя отношенія съ турками. Впрочемъ, во имя этой дружбы онъ отнюдь не хотѣлъ жертвовать и симпатіями Европы [1]).

Дѣйствительно, великій князь обнаружилъ исключительную благосклонность къ Джьанъ Франческо. Онъ бесѣдовалъ съ нимъ не только о Польшѣ, но и о шведскихъ дѣлахъ. Расточая самыя лестныя завѣренія, онъ объявилъ легату, что, заключая миръ съ обѣими державами, онъ хотѣлъ угодить папѣ. За это онъ просилъ Климента VII не отказать ему въ услугѣ. Всѣмъ извѣстно, насколько итальянцы содѣйствовали украшенію и обновленію Москвы. Василій мечталъ вернуть блестящіе дни Ивана III. Быть можетъ, подъ вліяніемъ Ченгуріоне, великій князь стремился также оживить торговлю своей страны, развивъ возможно шире вывозъ. Понятно, чтобы найти доступъ къ западнымъ рынкамъ и заручиться дѣятельными сотрудниками, Василію такъ или иначе необходимо было сблизиться съ Европой. Съ этой цѣлью московскій государь и обращался къ папѣ. Отпуская обратно Джьанъ Франческо, Василій прикомандировалъ къ нему двухъ уполномоченныхъ—Трусова и Ладыгина. Имъ было приказано набрать въ Италіи зодчихъ, мастеровъ и ремесленниковъ всякаго рода и привезти ихъ въ Москву. На ряду съ этими дипломатами, которые, по обычаю, занимались, между прочимъ, и коммерческими дѣлами, мы видимъ настоящаго купца. Рим-

---

[1]) *Сбор. Русск. Ист. О-ва*, XXXV, 710—731.—Herberstein, 149.—Millosich и Fidler, II, 63—93.—*Fontes rer. austr.*, I, 69—396.—Adelung; 147—214.—Замысловскій, 28—36.

скіе источники называютъ его Алексѣемъ Базей. Ему было поручено выяснить на мѣстѣ условія торговаго обмѣна. Любопытно отмѣтить, какъ еще въ XVI вѣкѣ, великій князь Василій пользуется пріемомъ международной политики, весьма популярнымъ въ наши дни. Предшественникомъ коммерческихъ агентовъ, входящихъ нынѣ въ составъ посольствъ, является московскій купецъ, старающійся организовать торговый обмѣнъ между сѣверомъ и югомъ Европы.

Покидая Москву, Джьанъ Франческо могъ гордиться тѣмъ, что добился хотя бы нѣкотораго успѣха при московскомъ дворѣ. Что касается личнаго дѣла, о которомъ онъ велъ переговоры со шведскимъ посланникомъ, то оно не подвинулось ни на шагъ. Епископъ Скарскій хотѣлъ стать во главѣ своей паствы. Предлагая свои услуги Флемингу, онъ просилъ его оказать ему содѣйствіе. Уполномоченный королевства отнесся весьма внимательно къ просьбѣ Джьанъ Франческо. Однако, онъ не могъ подать ему никакой надежды на успѣхъ. 16 февраля папскій посолъ прибылъ въ Краковъ. Король Сигизмундъ не скрывалъ своего удовольствія. Онъ не зналъ, какъ отблагодарить римскаго первосвященника и его легата. Если послѣднему и не удалось заключить болѣе или менѣе продолжительный миръ, то, во всякомъ случаѣ, новый договоръ съ Москвою связывалъ руки этому опасному сосѣду лѣтъ на пять, по крайней мѣрѣ. Такимъ образомъ королю можно было подумать и о другихъ своихъ планахъ... Впрочемъ, передъ глазами Сигизмунда, какъ зловѣщій призракъ, стояло все то же препятствіе. Оно парализовало всѣ его усилія. Оно убивало въ зародышѣ самыя лучшія намѣренія короля... Польша изнывала въ когтяхъ финансовой нужды. Какъ выйти изъ этого затрудненія? Къ кому обратиться за помощью? Конечно, къ папѣ. Вѣдь онъ самъ требуетъ военной силы противъ турокъ. Какъ же можетъ онъ не дать денегъ? Сигизмундъ довѣрилъ свои надежды Джьанъ Франческо. Онъ просилъ легата добыть необходимыя сред-

ства въ видѣ звонкой монеты; въ крайнемъ случаѣ, король готовъ былъ удовольствоваться разрѣшеніемъ папы удержать въ своихъ рукахъ ежегодныя подати въ пользу церкви и динарій Св. Петра. Конечно, подобными льготами король обѣщалъ воспользоваться для цѣлей крестоваго похода. Въ этомъ смыслѣ Сигизмундъ писалъ и Клименту VI, и кардиналу Пуччи, и другимъ членамъ Совѣта.

Если Джьанъ Франческо былъ, вообще, склоненъ къ философскимъ размышленіямъ, то теперь онъ могъ съ большимъ, чѣмъ когда-либо, успѣхомъ, предаться этому занятію. Мы помнимъ, какъ изъ Кракова онъ просилъ, чтобы Садолето оставилъ для него уголъ и кусокъ хлѣба на черный день. Теперь, на глазахъ епископа Скарскаго, государь одной изъ великихъ державъ униженно просилъ денежной помощи у папы. Король и служитель церкви были бѣдны каждый по своему. Конечно, нужду монарха удовлетворить было куда потруднѣе! Во всякомъ случаѣ, въ Римѣ Джьанъ Франческо предстояло ходатайствовать не только о своемъ дѣлѣ, но и о просьбахъ Сигизмунда. То было нелегкой задачей для дипломата. Папскій легатъ заранѣе старался вооружиться терпѣніемъ и покорностью судьбѣ. Между тѣмъ, до него стали доходить тревожные слухи, внушавшіе ему самыя зловѣщія предчувствія... Однако, только въ Венеціи Джьанъ Франческо узналъ, какой ударъ обрушился на римскую Курію. Дружба Климента VII съ Карломъ V привела Ватиканъ къ катастрофѣ. 5 мая 1527 года войска коннетабля бурбонскаго взяли Римъ приступомъ. Папа успѣлъ скрыться въ замкѣ св. Ангела. Отсюда онъ готовился бѣжать дальше. Городъ былъ преданъ грабежу. Дикія сцены убійствъ, насилій и кощунства воскрешали, казалось, мрачную пору варваровъ...

Волей-неволей Джьанъ Франческо пришлось надолго задержаться въ Венеціи. Здѣсь онъ выжидалъ, къ чему приведутъ событія. Только въ концѣ 1527 года папскій легатъ добрался до Анконы. По распоряженію Климента VII, къ Джьанъ Франческо присоединился бывшій чичероне

Герасимова, епископъ Терамскій, Чіерикати. Имъ обоимъ было поручено съ должнымъ почетомъ встрѣтить русскихъ пословъ и проводить ихъ до Орвьето, гдѣ временно находился тогда папскій дворъ. Послы прибыли сюда въ январѣ 1528 года. Папа выразилъ полное удовлетвореніе по поводу дѣйствій великаго князя. Онъ радъ былъ и заключенному перемирію, и пріему, оказанному легату, и посольству, явившемуся въ Италію съ богатыми дарами. Понятно, что мысль о торговомъ обмѣнѣ между Римомъ и Москвою встрѣтила въ Орвьето самую горячую поддержку. Климентъ заявилъ, что онъ готовъ выдать сколько угодно охранныхъ грамотъ русскимъ купцамъ. Что касается зодчихъ и мастеровъ, то папа предупреждалъ русскихъ пословъ, что такихъ людей онъ можетъ найти лишь весьма немного. Большинство изъ нихъ пострадало во время осады Рима и разсѣялось въ разныя стороны. Такимъ образомъ Трусову придется выбирать изъ самаго незначительнаго числа. Касаясь будущаго, папа не скупился на самыя соблазнительныя обѣщанія. Не смущаясь зрѣлищемъ раззоренной столицы, гонимый владыка по прежнему обращался къ мысли о крестовомъ походѣ на турокъ. Онъ все еще мечталъ о союзѣ христіанскихъ государей... Убѣждая Василія не оставлять своихъ благихъ намѣреній, онъ выражалъ ему особую признательность за то, что въ угоду римскому первосвященнику великій князь заключилъ перемиріе со Швеціей и Польшей. Самъ Василій завѣрялъ папу въ своей покорности его волѣ. Климентъ VII весьма благосклонно принималъ эти заявленія, не стараясь провѣрить ихъ искренность. Впрочемъ, среди смутъ того времени, московское посольство прошло почти незамѣченнымъ. Повидимому, Трусовъ даже не побывалъ въ Римѣ; по крайней мѣрѣ, представляясь дожу въ Венеціи, онъ заявилъ, что возвращается изъ Орвьето. Сеньерія приняла русскаго посла съ обычной своей любезностью. Между прочимъ, она помогла ему увезти съ собой пушечныхъ дѣлъ мастера, который еще раньше согласился было ѣхать въ Мо-

скву, но потомъ задержанъ былъ въ Равеннѣ. Вотъ и всѣ наши данныя объ этомъ посольствѣ. Единственное воспоминаніе о немъ дошло до насъ въ видѣ разсказа о церкви св. Дѣвы, слышаннаго Трусовымъ въ Италіи [1]).

Что касается Джьанъ Франческо, то вскорѣ онъ умеръ, какъ мученикъ долга, на своемъ посту. 4 апрѣля 1528 года онъ былъ назначенъ архіепископомъ Назаретскимъ, въ Неаполитанское королевство. Затѣмъ онъ сдѣлался правителемъ Асколи, въ Анконской области. Джьанъ Франческо не уклонился отъ возложенныхъ на него обязанностей и вскорѣ пріобрѣлъ всеобщее уваженіе. Однако, положеніе его было изъ самыхъ затруднительныхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ городъ опять подчинился власти папы, въ немъ постоянно происходила внутренняя борьба. Порою вспыхивали мятежи,—но затѣмъ амнистія опять открывала двери Асколи нарушителямъ порядка. Броженіе не прекращалось. Жители города каждую минуту готовы были возстать. 24 іюня 1528 года на площади Асколи произошла кровавая схватка. Вѣрный своему долгу, Джьанъ Франческо бросился разнимать дерущихся. Но, сраженный ударомъ алебарды въ голову, онъ упалъ и скоро испустилъ духъ. Въ могилу его провожали сожалѣнія всѣхъ честныхъ людей города [2]).

Такъ закончилась эта жизнь, вся посвященная дѣлу Церкви. Въ Россіи Джьанъ Франческо трудился надъ дѣломъ согласія и мира. Мы знаемъ уже о договорѣ съ Польшей, заключенномъ на пять лѣтъ съ благословенія папы. То былъ знаменательный прецедентъ, важность котораго не достаточно оцѣнивается русскими историками. По крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ совершенно обходятъ его молчаніемъ. Пусть посредничество папы и не имѣло силы тре-

---

[1]) *Русск. лѣт.* VI, 232.—Hjaenne, 116—119.—*Acta Tomic.*, IX 36, 99,—101, 184, 274.—Fidler *Ein versuch*, 76.—Венец. Арх., Sen. Sect., LII, 147.—Библ. св. Марка, Sanuto *Diar*, XLVI, 416, 417 XLVII, 3.—Ватик. Арх., *Clem. VII Br.*, XVII, 278, 377.

[2]) Ват. Арх. *Clem. VII Br.*, XIX n° 713, 728.

тейскаго суда, въ которомъ обѣ стороны стараются снискать расположеніе суперъ-арбитра. Во всякомъ случаѣ, въ прошломъ мы имѣемъ передъ собою фактъ вмѣшательства Куріи въ споръ двухъ славянскихъ державъ. Результаты этого вмѣшательства оказались весьма осязательными. Конечно, нельзя не признать, что этимъ папская власть была обязана скорѣе стеченію исключительныхъ обстоятельствъ, нежели своей собственной предусмотрительности. Политика папъ изъ дома Медичи, вообще, руководилась слишкомъ устарѣвшими принципами, принимавшимися по традиціи, на вѣру. Эти начала были слишкомъ далеки отъ нуждъ дѣйствительной жизни и совершенно чужды стремленіямъ московскаго правительства.

Въ самомъ дѣлѣ, великій князь былъ далеко не тѣмъ, чѣмъ представляли его себѣ въ Ватиканѣ. Конечно, русскія лѣтописи соблюдаютъ въ отзывахъ о немъ крайнюю осторожность. Но зато о Василіи повѣдали намъ двое иноземцевъ. Первый изъ нихъ—австріецъ, баронъ Герберштейнъ, побывавшій въ Москвѣ два раза. Другой—епископъ Ночерскій, Паоло Джьовіо, котораго еще Герасимовъ посвятилъ въ тайны московскаго двора. Показанія обоихъ этихъ свидѣтелей могутъ быть провѣрены при помощи русскихъ источниковъ. Такимъ образомъ, можно воскресить среду, гдѣ дѣйствовалъ Василій и разобраться болѣе или менѣе въ характерѣ этого государя [1]).

Въ лицѣ сына Ивана III и Софіи Палеологъ мы имѣемъ передъ собою результатъ смѣшенія двухъ расъ. Однако, отъ сліянія византійской крови съ русской рудою не родилось ни мощнаго генія, ни выдающагося характера. Василій III, былъ дюжиннымъ человѣкомъ. Быть можетъ, онъ болѣе казался такимъ, нежели былъ въ дѣйствительности: слишкомъ уже заслоняли его могучія фигуры отца его, Ивана III и сына, Ивана IV Грознаго. Тѣмъ не ме-

---

[1]) Herberstein, passim.—Giovio, *Vitae*. II, 313—315.—Жмакинъ, *Митр. Даніилъ*, 136.

нѣе, и этотъ великій князь обладалъ энергіей и выдержкой истиннаго потомка Калиты. Подобно своимъ предкамъ, онъ много потрудился надъ объединеніемъ русской земли. Его руками были уничтожены послѣдніе удѣлы, хранившіе еще остатки республиканскихъ учрежденій и завѣты политической вольности. Такова, между прочимъ, была судьба Пскова, младшаго брата Новгорода-Великаго. Какъ извѣстно, послѣдній палъ подъ ударами Ивана III. И во Псковѣ собиралось шумное вѣче; и у него были свои выборныя власти; и его торговля процвѣтала когда-то. Василій захватилъ этотъ городъ по праву сильнаго.

За Псковомъ наступила очередь Рязани и Новгорода Сѣверскаго. Оба князя, владѣвшіе этими землями, были вызваны въ Москву: здѣсь ихъ обвинили въ измѣнѣ и бросили въ тюрьму. Между тѣмъ, одинъ изъ нихъ, именно Василій Шемяка былъ истиннымъ щитомъ южной Руси въ борьбѣ съ татарами. Послѣ уничтоженія этихъ послѣднихъ княжествъ, дѣло территоріальнаго объединенія Россіи можно было считать законченнымъ.

Пока внутри государства происходило это поглощеніе Москвою нѣкогда самостоятельныхъ областей, правительству приходилось думать и о защитѣ своей державы отъ внѣшнихъ враговъ. Забывъ политику своихъ отцовъ и искушаемый польскимъ золотомъ, ханъ Гирей посылалъ на Русь орды своихъ татаръ, жадныхъ до крови и добычи. Съ крымскими татарами дѣйствовали заодно казанцы и ногайцы; порою къ нимъ присоединялись и днѣпровскіе казаки. Василій III не былъ Димитріемъ Донскимъ. Ему не доставало личнаго мужества. Не чувствовалъ онъ въ себѣ и талантовъ полководца. Въ 1521 году ханъ подступилъ къ самой Москвѣ. Бѣлокаменная столица едва не была взята приступомъ и предана разграбленію. Великій князь заботился только о собственной безопасности. Предоставивъ боярамъ оборону Кремля, онъ самъ спасся бѣгствомъ на сѣверъ.

Понятно, что государь, не умѣвшій выждать приближеніе непріятеля, никогда не рѣшился бы самъ напасть на

него. Расчитывать на помощь Василія въ крестовомъ походѣ противъ турокъ было невозможно. Помѣхой этому являлась уже его трусость. Правда, подобно своему отцу, великій князь громогласно заявлялъ о своей ненависти къ невѣрнымъ. Очевидно, однако, что это ему казалось самымъ легкимъ средствомъ засвидѣтельствовать свое рвеніе. Вѣдь куда удобнѣе дѣйствовать языкомъ, нежели мечемъ.

Итакъ, воинственные призывы такихъ папъ, какъ Левъ X или Климентъ VII, оставались въ Москвѣ гласомъ вопіющаго въ пустыни. Что касается предложеній заключить миръ или перемиріе съ Польшей, то они принимались или отвергались московскимъ правительствомъ въ зависимости отъ требованій политическаго момента. Можно ли думать, по крайней мѣрѣ, что Василій III былъ благосклонно настроенъ по отношенію къ римской Церкви и самому папѣ? Не разъ великому князю представлялся случай откровенно высказаться по этому поводу: вспомнимъ, какъ Дитрихъ Шенбергъ убѣждалъ его въ неисчислимыхъ выгодахъ будущаго соединенія Церквей. Въ подобныхъ случаяхъ московскій государь чаще всего отмалчивался или ограничивался уклончивыми отвѣтами. Когда же его припирали къ стѣнѣ, онъ всякій разъ рѣшительно заявлялъ о своей преданности греческой вѣрѣ и о непоколебимой рѣшимости блюсти завѣты предковъ. То былъ языкъ сердца: искренность его подтверждается фактами... Каковы же были личныя чувства Василія по отношенію къ папѣ? Конечно, Джьанъ Франческо былъ привѣтливо принятъ въ Москвѣ; правда, великій князь писалъ въ Римъ въ самомъ любезномъ тонѣ. И, однако, по свидѣтельству такого безпристрастнаго наблюдателя, какъ Герберштейнъ, московскій государь питалъ къ римскому первосвященнику какую-то исключительную ненависть. Онъ такъ мало былъ склоненъ признать за нимъ права всемірнаго судіи, что просто именовалъ его учителемъ римской Церкви.

Допустимъ даже, что Василій и не носилъ въ своемъ сердцѣ столь непримиримой вражды къ папству Было еще

иное препятствіе, постоянно мѣшавшее его сближенію съ Римомъ. Здѣсь мы касаемся болѣе или менѣе интимной жизни великаго князя. Уже давно Василій III былъ связанъ брачными узами съ Соломоніей Сабуровой. Но супружество это оказывалось безплоднымъ. Такое несчастіе могло быть чревато послѣдствіями для будущаго: тотъ, кто считалъ себя Мономаховичемъ, съ тревогой думалъ о прекращеніи великой династіи. Слыша постоянныя жалобы государя, бояре начали склонять его къ разводу. Разумѣется, то было радикальное средство; однако, подобная мѣра была неслыханной и грозила вызвать великое смущеніе въ народѣ. Василій долго колебался. Наконецъ, не видя другого исхода, онъ рѣшился на этотъ шагъ. Несмотря на свое сопротивленіе, Соломонія была заточена въ монастырь. Митрополитъ Даніилъ оказался достаточно покладистымъ: онъ благословилъ клятвопреступный союзъ Василія съ Еленой Глинской, молодой и прекрасной уроженкой Литвы. Все это происходило въ 1527 г.,—въ то самое время, когда Джьанъ Франческо хлопоталъ въ Кремлѣ о заключеніи мира съ Польшей и выслушивалъ отъ великаго князя льстивыя рѣчи.

Изъ всего сказаннаго приходится вывести то заключеніе, что въ Римѣ совершенно не представляли себѣ русской дѣйствительности. Едва ли въ томъ повинны были папы и ихъ совѣтники. Уже огромное разстояніе, отдѣлявшее Ватиканъ отъ Москвы, можетъ служить имъ оправданіемъ. Прибавимъ къ этому величайшую трудность тогдашнихъ сообщеній. Вспомнимъ далѣе, что добрыя вѣсти изъ Москвы шли разными путями и, какъ нарочно, поддерживали въ Римѣ самый крайній оптимизмъ. Что касается провѣрки этихъ данныхъ, то она была совершенно невозможна. Вотъ, что направляло традиціонную политику Куріи по отношенію къ Россіи. Очевидно, она руководилась чистыми химерами. Около половины XVI вѣка мы опять наблюдаемъ ту же самую картину. Вся Европа увлечена фантастическимъ проектомъ, который смѣло приписываетъ московскому царю новый развязный авантюристъ.

КНИГА IV.

Проекты папскихъ посольствъ въ Москву.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Дипломатическая мистификація.

1547-1553.

Коронованіе и бракъ Ивана IV.—Пожаръ Москвы.—Личность царя.—Перемѣна въ его характерѣ.—Посольство Ганса Шлитте въ Германію.—Сношенія его съ Карломъ V.—Наборъ свѣдущихъ людей для Москвы.—Злоключенія Шлитте въ Любекѣ.—Освобожденіе его и возвращеніе къ своему дѣлу.—Начало мистификаціи.—Штейнбергъ въ роли московскаго канцлера.—Порученное ему дѣло соединенія Церквей.—Любопытный документъ, связанный съ этимъ предпріятіемъ.—Послѣднія свѣдѣнія о Шлитте.—Его письмо датскому королю.—Барвертъ Бернеръ.—Отвѣтъ Христіана III.—Матеріальныя затрудненія Шлитте.—Его проектъ отвѣта Ивану IV отъ имени Карла V.—Образъ дѣйствій Штейнберга.—Графъ Филиппъ Эберштейнъ.—Письма Карла V и Бертано.—Штейнбергъ въ Римѣ.—Его мемуары.—Коммиссія кардиналовъ.—Сообщеніе Польшѣ о русскихъ дѣлахъ.—Адамъ Конарскій.—Смятеніе Сигизмунда II.—Національный и личный элементъ въ его политикѣ.—Тактика короля.—Совѣты Альберта Прусскаго.—Радзивиллъ Черный при дворѣ Фердинанда I.—Легкій успѣхъ.—Посланія Карла V и Юлія III.—Инструкціи Сигизмунда II къ Рыскому.—Дилемма, поставленная папѣ.—Заявленіе польскихъ сенаторовъ.—Кульминаціонный моментъ полемики.—Виды Куріи.—Отвѣтъ Юлія III Рыскому и польскимъ епископамъ.—Унынie Штейнберга.—Новая попытка.—Трата времени.—Окончательная неудача.—Исчезновеніе Штейнберга.—Кто виноватъ?—Православіе Ивана IV.—Дѣло Шлитте и Вейтъ Ценге.—Данныя, касающіяся Москвы.—Оптимистическія теченія.

Въ теченіе 1547 года Москва была свидѣтельницей великаго національнаго торжества и жертвой ужасныхъ бѣдствій. Никогда, быть можетъ, контрастъ между счастьемъ и горемъ не былъ болѣе разителенъ.

Однажды молодой государь, Иванъ IV, велъ долгую бесѣду съ митрополитомъ Макаріемъ. Когда глава русской церкви вышелъ изъ покоевъ царя, лицо его сіяло. Тотчасъ были созваны бояре. Имъ сообщили радостную вѣсть. Государь рѣшилъ вѣнчаться на царство и вступить въ супружество.

Едва достигнувъ семнадцатилѣтняго возраста, Иванъ уже мечталъ возложить на свою главу шапку Мономаха. Вѣрный завѣтамъ Византіи, уже давно принесеннымъ въ Москву, онъ придавалъ этому обряду величайшее значеніе. Торжество коронованія состоялось 16 января 1547 года. Оно было обставлено чрезвычайной пышностью и блескомъ. При огромномъ стеченіи народа, подъ радостный благовѣстъ колоколовъ, черное и бѣлое духовенство, собравшись передъ алтаремъ, возносило свои мольбы о дарованіи юному государю духа справедливости и истины, дабы онъ былъ отцомъ бѣдныхъ и защитникомъ Церкви. Послѣ коронованія, бояре трижды осыпали Ивана дождемъ золотыхъ монетъ. То было символомъ и предвѣстіемъ ожидающаго его благополучія. По словамъ лѣтописи, съ этого момента московскій государь сталъ именовать себя самодержавнымъ царемъ и великимъ княземъ всея Руси. [1]) Дѣйствительно, съ той поры титулъ царя, нерѣшительно и робко упоминавшійся изрѣдка въ исключительныхъ случаяхъ, неизмѣнно красуется во всѣхъ оффиціальныхъ грамотахъ московскаго правительства. Въ цѣляхъ придать ему большую торжественность и величіе, къ нему нерѣдко присоединяются упоминаніе о божественной благодати св. Троицы и перечисленіе земель, покоренныхъ Москвою. Особенно часто фигурируетъ здѣсь та фантастическая ге-

---

[1]) *Полн. Собр. Лѣт.* III, 250.—*Каптеревъ*, 26—33.

генеалогія, которая изображаетъ Ивана IV прямымъ потомкомъ императора Августа. Согласно этой легендѣ, римскій кесарь раздѣлилъ весь свѣтъ между своими ближайшими родственниками. На долю брата, Прусса, досталась область рѣкъ Вислы и Нѣмана. Отъ этого-то Прусса и произошелъ основатель московской династіи, Рюрикъ. Связь московскаго престола со священной властью античнаго міра становится излюбленной идеей молодого царя. При каждомъ удобномъ случаѣ онъ съ величайшимъ удовольствіемъ и съ невозмутимо серьезнымъ видомъ доказываетъ иноземцамъ свое родство съ римскимъ императорскимъ домомъ. Когда патріарху Константинопольскому, Іосифу, пришлось высказаться о притязаніяхъ московскаго государя, онъ торжественно призналъ его верховныя права. Въ 1561 году этотъ іерархъ далъ свою санкцію пышному титулу, присвоенному потомками царевны Анны, сестры императоровъ Василія и Константина и супруги великаго князя Владиміра. Самъ Иванъ всячески старался заявить о своемъ новомъ титулѣ и добиться его признанія. Его не смущало то, что на грамотѣ папріарха было всего-на-всего двѣ подлинныхъ подписи. Остальныя тридцать пять были подложны [2]).

Что касается бракосочетанія царя, то приготовленія къ нему напоминаютъ библейскія времена или обычаи византійскаго двора. Царскую невѣсту нужно было выбрать изъ тысячи дѣвицъ. Для этой цѣли, подъ страхомъ смерти, самыя родовитыя семьи должны были прислать невѣстъ въ главные города своихъ областей. Здѣсь уполномоченные царя производили первоначальный отборъ, руководясь самыми мелочными инструкціями. Послѣ этого красавицы отправлялись въ Москву. Здѣсь ихъ помѣщали въ обширныхъ палатахъ, куда приходилъ самъ царь въ сопровожденіи стараго боярина, дабы остановить на какой-либо изъ дѣвицъ свой благосклонный взоръ. Въ знакъ своего избранія невѣста получала платокъ и перстень. Слишкомъ

---

[2]) *Книга стен.* I, 78.—Regel, LI, 75.

часто то было зловѣщимъ предупрежденіемъ о слезахъ и горѣ, которыя являлись послѣдствіемъ столь блестящаго союза. Выборъ Ивана IV палъ на Анастасію Романовну. По словамъ лѣтописей, то было живое воплощеніе добродѣтелей и красоты. Бракосочетаніе царя было совершено съ чисто азіатской пышностью 13 февраля 1547 года. Весь Кремль гремѣлъ отъ ликующихъ кликовъ. Нѣсколько дней подрядъ столица предавалась радости.

Но, едва прошло два мѣсяца, какъ на смѣну шумнымъ торжествамъ нежданно-негаданно явилось несчастіе. Въ столицѣ произошелъ ужасный пожаръ. Раза три подрядъ Москва превращалась въ цѣлое море огня. Пламя скоро уничтожило деревянныя постройки, по большей части, тѣсно лѣпившіяся одна къ другой. Погибли и болѣе рѣдкія каменныя зданія. Жаръ былъ таковъ, что отъ него расплавлялся металлъ... Густой дымъ тучами валилъ къ небу; отъ времени до времени взрывались пороховые погреба, заваливая улицы обломками. Напрасно пытались бороться съ разбушевавшейся стихіей. Она торжествовала: противъ нея безсильны были самыя героическія мѣры. По словамъ лѣтописей, въ огнѣ погибло до тысячи семисотъ человѣкъ, не считая дѣтей. Что касается матеріальныхъ убытковъ, то они были неисчислимы. Пожаръ не пощадилъ ничего. Пламя пожрало царскую казну и сокровища Церкви, святыя иконы, чтимыя нашими предками, имущество частныхъ лицъ и всякіе запасы.

Эта катастрофа привела въ суевѣрный ужасъ блуждающее среди развалинъ, разоренное и умирающее отъ голода населеніе. Въ толпѣ распространялись зловѣщіе слухи. Начались толки о колдовствѣ. Называли уже имена виновниковъ пожара. Самыя тяжелыя обвиненіи высказывались противъ Глинскихъ, близкихъ родственниковъ царя съ материнской стороны. Не даромъ колдовала княгиня Анна, бабка Ивана,—говорили повсюду. Не она ли выкапывала изъ могилъ мертвецовъ, вырѣзала у нихъ сердца, мочила эти сердца въ водѣ и водой этой кропила улицы? Вотъ

истинная и единственная причина пожара... Нелѣпые вымыслы передавались изъ устъ въ уста. Толпа приходила въ возбужденіе; страсти разгорались, и среди еще дымящихся развалинъ сгорѣвшаго города поднимался призракъ мятежа. Наконецъ, бунтъ разразился. Сынъ княгини Анны, Юрій, былъ растерзанъ на части въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ онъ искалъ спасенія. Имущество Глинскихъ было разграблено. Слуги ихъ подверглись насиліямъ, и были перебиты. Послѣ этого толпа, опьянѣвшая отъ крови, бурно устремилась изъ Москвы къ Воробьеву. Здѣсь Иванъ IV въ трепетѣ ожидалъ исхода мятежа. Угрожающіе крики раздавались вокругъ его дворца. Народъ въ бѣшенствѣ требовалъ головы Анны, грозилъ висѣлицей Глинскимъ. Тогда была пущена въ ходъ вооруженная сила, и лишь при помощи кровавыхъ мѣръ удалось подавить мятежъ.

Эти событія были серьезны уже сами по себѣ. Но они пріобрѣли исключительное значеніе въ исторіи, такъ какъ создали въ жизни Ивана новую эру. Мы будемъ постоянно возвращаться къ дѣятельности этого царя. Иванъ IV является одной изъ наиболѣе поразительныхъ фигуръ русской исторіи. На колыбели его горѣло клеймо прелюбодѣянія. Отецъ его, Василій, какъ мы уже говорили, подъ вліяніемъ династической идеи заточилъ въ монастырь свою законную, но безплодную супругу. Затѣмъ онъ взялъ себѣ въ жены Елену Глинскую, блиставшую молодостью и красотой. Благословеніе на этотъ бракъ было силою исторгнуто у митрополита Даніила. Однако, по каноническимъ правиламъ сынъ Елены былъ незаконорожденнымъ... Василій не долго пользовался радостями счастливаго отца: онъ умеръ въ 1533 году,—т. е. три года спустя послѣ рожденія своего сына. Изъ рукъ матери, черезчуръ поглощенной своими любовными увлеченіями, сирота перешелъ во власть бояръ-правителей. Никто не заботился объ укрощеніи пылкаго характера Ивана, дававшаго основанія для самыхъ печальныхъ предчувствій. Внимательный наблюдатель съумѣлъ бы

заранѣе открыть въ этомъ ребенкѣ задатки Нерона; такъ много было въ Иванѣ темперамента и порочныхъ наклонностей. Люди, управлявшіе страной именемъ царя, то льстили Ивану, то обходились съ нимъ грубо и пренебрежительно. Но чаще всего Иванъ былъ предоставленъ самому себѣ. Склоненный къ разнаго рода излишествамъ, онъ рано предался разгулу. Среди оргій кровожадные вкусы его развились съ ужасающей быстротой. Послѣ безумной скачки по улицамъ Москвы, послѣ шумныхъ охотъ въ окрестностяхъ столицы, онъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на предсмертныя судороги умирающихъ въ мученіяхъ животныхъ. Скоро и человѣческая кровь перестала внушать ему отвращеніе. Тринадцати лѣтъ онъ затравилъ собаками князя Шуйскаго. Нѣсколько близкихъ ему лицъ были преданы смерти по самому ничтожному поводу. Бракъ съ Анастасіей не измѣнилъ Ивана. Дикія сцены продолжались. Между прочимъ, царь обрушилъ свой гнѣвъ на псковичей, пріѣхавшихъ жаловаться на мѣстныя власти. Несчастные жалобщики были раздѣты до нага. Ихъ уложили на землю, облили кипящимъ виномъ, и опалили волосы и бороды на медленнамъ огнѣ.*)

Московскій мятежъ—по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время смирилъ царя. Передъ Иваномъ стала грозная сила. Въ то же время выступилъ и попъ Сильвестръ. Съ смѣлостью пророка онъ раскрываетъ Ивану тайну его несчастій. Онъ коритъ его справедливыми упреками и убѣждаетъ его исправиться. Взволнованный, напуганный и ослѣпленный Иванъ отдается въ руки своего обличителя. Съ этого момента Сильвестръ становится господиномъ положенія. Кучка передовыхъ людей съ Александромъ Адашевымъ во главѣ приходитъ къ нему на помощь. Они рѣшительно берутся за дѣло. Въ Москву созываются представители областей на Земскій Соборъ. Иванъ даетъ имъ обѣты лучшаго будущаго. Предшествуемый крестомъ и святыми

*) Полн. собр., IV, 307.

иконами, окруженный боярами и духовенствомъ, онъ выходитъ къ своему народу. Онъ порицаетъ злоупотребленія бояръ-правителей, проситъ забыть прошлое, призываетъ къ согласію, обѣщаетъ принимать жалобы и немедля оказывать правосудіе. Въ подтвержденіе словъ слѣдуютъ дѣла. Начинается эпоха, прославившая молодого государя и увѣнчавшая его военными успѣхами.

Первыя сношенія съ Западомъ въ царствованіе Ивана IV относятся какъ разъ къ этой порѣ. Царь ничего не имѣлъ противъ того, чтобы его народъ, въ извѣстной мѣрѣ, воспользовался плодами цивилизаціи. И это не потому, что Грозный былъ свободенъ отъ предразсудковъ по отношенію къ Западу. Наоборотъ, Иванъ выказывалъ къ «нѣмцамъ» нескрываемое отвращеніе. Однако, съ проницательностью, присущей варвару, онъ понималъ, что русскіе нуждаются въ учителяхъ не только для того, чтобы сражаться со своими сосѣдями на Западѣ. Это необходимо было также и для борьбы противъ татаръ. Благодаря своей численности монголы не боялись самыхъ мужественныхъ враговъ. Ихъ могло раздавить лишь одно военное искусство. Поэтому еще до бесѣды съ Сильвестромъ царь рѣшилъ начать сношенія съ Западомъ.

Среди немногихъ иноземцевъ, забредшихъ въ Москву, былъ нѣмецъ Гансъ Шлитте или Слитте, какъ онъ самъ называлъ себя, уроженецъ Гослара. (Прежній свободный городъ Госларъ въ настоящее время находится въ Люнебургскомъ округѣ Ганноверской провинціи). Слитте былъ большимъ мечтателемъ. Онъ былъ уменъ, предпріимчивъ, но, въ то же время, человѣкъ сомнительной честности. Легко создавая грандіозные проекты, онъ не умѣлъ приспособять ихъ къ реальнымъ требованіямъ жизни. Потерпѣвъ неудачу на одной спекуляціи, Слитте въ поискахъ за счастьемъ покинулъ родину. Скитанія привели его въ Москву. Онъ усвоилъ русскій языкъ и былъ принятъ царемъ. Имѣя при себѣ письмо герцога Альберта Прусскаго, онъ предложилъ Ивану свои услуги. Иванъ рѣшилъ

извлечь пользу изъ этого предложенія. По примѣру своихъ предшественниковъ, Ивана III и Василія, и даже идя дальше ихъ, онъ отправилъ Шлитте въ Германію съ оффиціальнымъ порученіемъ—пригласить въ Москву мастеровъ и ученыхъ. Въ дѣйствительности же, Шлитте была поручена, главнымъ образомъ, вербовка оружейныхъ мастеровъ и ратныхъ людей. Поэтому случаю ему были выданы въ 1547 году грамоты, написанныя въ весьма миролюбивомъ тонѣ. Въ нихъ не было упоминанія ни о Церкви, ни о богословіи, ни тѣмъ болѣе о богословахъ. Это обстоятельство заслуживаетъ особаго вниманія. Правда, Шлитте говоритъ въ своемъ письмѣ къ королю Даніи, датированномъ 25-мъ января 1554-го года, что ему поручено пригласить нѣсколькихъ докторовъ и лицъ, свѣдущихъ въ священномъ писаніи. Какъ на доказательство своихъ полномочій, онъ ссылается на свои грамоты. Но эти грамоты передъ нашими глазами. Онѣ точно такъ же, какъ и остальные документы, формально опровергаютъ утвержденія Шлитте.*)

Снабженный грамотами Ивана, Шлитте представился Карлу V, который находился въ то время на Аугсбургскомъ сеймѣ. Это случилось въ январѣ 1548 года, вскорѣ послѣ знаменитой битвы при Мюльбергѣ. Императоръ, побѣдитель протестантовъ и повелитель всей Германіи, мечталъ о великой католической монархіи, въ которой никогда не заходило бы солнце. Шлитте съумѣлъ завладѣть вниманіемъ Карла и пріобрѣсти его благосклонность. Прежде всего, желая придать себѣ больше значительности, онъ самовольно присвоилъ себѣ имя Шлитте фонъ-Шлиттенбергъ, а также титулъ императорскаго совѣтника и генеральнаго комиссара. Иногда онъ именовалъ себя и посломъ.

Шлитте безспорно узурпировалъ послѣдній титулъ. Дипломатическіе обычаи Москвы были заимствованы изъ

*) Архивъ Кёнигсберга, VI Schrank, 28 Fach n° 1 f. 2. Faber, III, 6. **Щербачевъ**, 288. Вѣнск. Арх. *Russika*, Арх. Любека, *Misc. Ruth.* n° 1. **Karde, Herzog**, 454.

Византіи. Посолъ, представлявшій самаго царя, могъ явиться лишь окруженный многочисленной свитой и съ подобающей торжественностью. Чтобы избѣжать лишнихъ расходовъ, Москва отправляла пословъ только въ сосѣднія страны. Шлитте же былъ лишь второстепеннымъ агентомъ: онъ получилъ спеціальное порученіе въ Германію и не имѣлъ въ своемъ распоряженіи ни одного подчиненнаго. Однако, его заявленія произвели свое дѣйствіе. Онъ увѣрялъ, что Иванъ IV раздѣляетъ чувства своего покойнаго отца Василія. Онъ утверждалъ, что царь желаетъ подчиниться латинской Церкви. Это вполнѣ согласовалось съ грандіозными планами Карла Пятаго. Поэтому 30-го января 1546-го года Шлитте были даны полномочія вербовать ученыхъ и мастеровъ (*Doctores, und Maister in allerley kunsten*). Опредѣленнаго указанія на приглашеніе теологовъ мы въ этой грамотѣ не находимъ. Сверхъ того Шлитте было поручено, по возвращеніи въ Москву, вручить Ивану письмо отъ императора. Въ немъ Карлъ V пространно восхвалялъ цивилизаторскія стремленія царя. Однако, посланіе это ни однимъ словомъ не касалось церковнаго вопроса [1]).

Избиратели со своей стороны потребовали, чтобы московскій агентъ поклялся ничего не предпринимать противъ священной Имперіи и не помогать туркамъ и татарамъ. Имперскій совѣтъ присоединилъ къ этому спеціальное условіе — ничего не сообщать невѣрнымъ. Шлитте охотно пошелъ на всѣ уступки.

Очевидно, ему незнакомы были угрызенія совѣсти. Такъ или иначе, онъ немедленно приступилъ къ дѣлу.

Предпріятіе Шлитте начиналось при благопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Ему скоро удалось набрать компанію въ сто двадцать три человѣка. Во главѣ списка мы находимъ четырехъ теологовъ. Оффиціальные документы не упоминаютъ о нихъ, такъ какъ православный царь, ко-

---

[1]) Fiedler, *Ein Versuch*, 78,79.

нечно, ихъ и не проспалъ. Сначала путешествіе Шлитте шло безпрепятственно. Но въ Любекѣ счастіе жестоко измѣнило своему любимцу. Виноватъ былъ онъ самъ. Вмѣсто того, чтобы удовлетвориться разрѣшеніемъ императора и набрать лишь скромныхъ піонеровъ прогресса, Шлитте, желая угодить Ивану IV, навербовалъ, главнымъ образомъ, рубакъ и кондотьеровъ. Въ Любекѣ очень заволновались, когда увидѣли такое количество военныхъ наемниковъ, направляющихся въ Москву. Ганза и Ливонія всегда внимательно слѣдили за Россіей. Первый сигналъ тревоги былъ данъ рижскимъ агентомъ, Іеронимомъ Коммерштадтъ. Онъ утверждалъ, что Шлитте обманно присвоилъ себѣ титулъ посла, и что его предпріятіе можетъ создать для Ливоніи серьезныя осложненія.

Съ другой стороны, по его мнѣнію, самъ Иванъ—тиранъ и кровопійца. Онъ слишкомъ опасный сосѣдъ, чтобы можно было позволить ему увеличивать свои силы и совершенствоваться въ военномъ искусствѣ. Любечане прекрасно поняли это предостереженіе. Правда, ихъ область была не такъ открыта для нападенія Москвы, какъ Ливонія. Но къ Москвѣ они питали не меньшую вражду, чѣмъ ливонцы. Поэтому они начали переговоры съ моряками, желая воспрепятствовать отъѣзду Шлитте.

Шлитте попытался выиграть дѣло, апеллируя къ высшимъ сферамъ. Два раза онъ жаловался непосредственно императору. Обвиняя Коммерштадта въ незаконномъ вмѣшательствѣ, онъ предлагалъ представить списокъ своихъ спутниковъ съ точнымъ указаніемъ ихъ именъ, званій и профессій. На заявленіе Шлитте было обращено вниманіе. Оно было сообщено рижскому агенту съ требованіемъ немедленнаго отвѣта. Въ то время, какъ высшія сферы были заняты Шлитте, къ великому ужасу послѣдняго на сцену выступили новыя дѣйствующія лица. Для успѣшнаго окончанія своего дѣла онъ занялъ у маркграфа Іоакима Бранденбургскаго нѣсколько тысячъ флориновъ. За него поручились два лица: Гансъ Бланкенбургъ и Мандесло. До

сего времени поручители ждали терпѣливо. Но пришелъ срокъ, когда они—вѣроятно, по соглашенію съ любечанами и ливонцами,—не пожелали дальше довольствоваться обѣщаніями и настоятельно потребовали расплаты звонкою монетой. Шлитте ссылался на царя Ивана, на значительныя суммы, которыя должны прибыть изъ Москвы... Ничего не помогло: было рѣшено посадить его подъ стражу, какъ несостоятельнаго должника, лишеннаго поручительства. При видѣ этого, набранная имъ компанія, потерявъ предводителя, разсѣялась во всѣ стороны.

Изъ тюрьмы Шлитте два раза безуспѣшно пытался извѣстить Ивана о своемъ положеніи. Ни Іоаннъ Цекендеръ, ни Арнольдъ Пейнъ не добрались до Москвы. Хлопоты родственниковъ Шлитте, гражданъ Бреслава и герцога Силезскаго Георгія также оказались напрасными. Получилъ жалобу и Карлъ V. На императора было больше всего надеждъ. Однако, болѣе сильные голоса заглушили мольбу нашего узника.

Ливонія не выпускала изъ рукъ своей жертвы. Мейстеръ Іоаннъ фонъ-деръ Рекъ началъ слѣдствіе. Оно показало, что командировка Шлитте не носила дипломатическаго характера. Выяснилось, что онъ самовольно навербовалъ военныхъ людей, и что самъ онъ просто раззорившійся человѣкъ, желающій поправить свои дѣла на службѣ Ивана. Тотчасъ же мейстеръ берется за перо и отправляетъ императору любопытную записку. Въ ней онъ умоляетъ Карла отъ имени всѣхъ рыцарей положить конецъ дѣятельности Шлитте и отнять у него полномочія, коими онъ измѣнически злоупотребилъ. Ливонія,—пишетъ мейстеръ,—уже издавна является предметомъ вожделѣній со стороны русскихъ: они хотятъ завладѣть ею, чтобы имѣть выходъ къ Балтійскому морю и опорный пунктъ для дальнѣйшихъ завоеваній. Это затрагиваетъ не только бѣдную окраину священной имперіи, но и всю Сѣверную Европу. Невѣжество русскихъ въ военномъ искусствѣ до сего времени выручало ихъ враговъ, но теперь Шлитте сговорился съ

опытными людьми. Онъ предложилъ имъ вербовать для Москвы солдатъ. Такимъ образомъ, онъ намѣревался доставить Ивану цѣлый отрядъ хорошо вооруженныхъ и опытныхъ иноземцевъ. Если бы это удалось, Ливонія погибла бы. Чтобы усилить свои доводы, мейстеръ, не колеблясь, заявляетъ императору, что его довѣрчивостью злоупотребляли. Пресловутое желаніе Ивана возсоединиться съ римской Церковью есть не болѣе какъ лживый вымыселъ. Это только искусный маневръ, имѣющій въ виду использовать императорскую благосклонность и лучше скрыть истинную цѣль предпріятія. Въ концѣ концовъ, Шлитте не болѣе, какъ авантюристъ. Иванъ далъ ему чисто военное порученіе, которое лишь замаскировано церковными интересами. Удача этого предпріятія была бы непоправимымъ бѣдствіемъ для Ливоніи.

Заявленіе мейстера сыграло рѣшающую роль. 12-го октября 1549 года императоръ извѣстилъ фонъ-деръ Река, что онъ возвращается къ прежнимъ своимъ взглядамъ и требуетъ, чтобы, вообще, никто не пропускался въ Россію, а Гансъ Шлитте—въ особенности, несмотря на всѣ свои полномочія и охранныя грамоты. Такимъ образомъ, благодаря ливонскимъ разоблаченіямъ, Шлитте лишался всего.

Однако, если смѣлаго авантюриста оставили люди, то на помощь къ нему явился счастливый случай. Послѣ почти двухлѣтняго заключенія Шлитте удалось бѣжать. По его словамъ, это произошло чудеснымъ образомъ, благодаря помощи Провидѣнія. Но бѣглеца ждала новая опасность въ Рассбергѣ, куда онъ укрылся. Любечане, чрезвычайно раздосадованные его бѣгствомъ, потребовали его выдачи и если онъ остался на свободѣ, то только благодаря помощи Всевышняго и преданности своего друга [1]).

Неудачи не обезкуражили Шлитте и нисколько не поколебали его энергіи. Въ 1550-мъ году онъ вновь принялся за дѣло. Но съ этого времени обманъ обнаруживается съ полной

---

[1]) Faber, III, 7. *Script. rer. liv*, II, c. 214.—*Форстенъ*, т. I стр. 45.

очевидностью. Для насъ важно раскрыть самый его источникъ. Отправляя своего довѣреннаго въ Германію, царь, какъ мы видѣли, не задавался религіозными вопросами. Въ кремлевскихъ грамотахъ упоминаются только ученые и мастера. Карлъ V въ своихъ письмахъ къ Ивану говоритъ о томъ же; онъ рѣшается дѣлать религіозные намеки только въ грамотахъ, выданныхъ Шлитте. Что касается этого послѣдняго, то онъ не имѣлъ никакихъ сношеній съ Москвой во все время своего пребыванія за границей. Ничто такимъ образомъ не измѣнилось въ его первоначальныхъ полномочіяхъ. Если же неожиданно появились новые проекты, то это нужно приписать не иниціативѣ царя, а смѣлому воображенію его агента, который отважно брался за дѣла первостепенной важности. Повидимому, свои вдохновенія Шлитте почерпалъ, главнымъ образомъ, изъ работъ Паоло Джьовіо. Онъ совершенно не зналъ другихъ сочиненій о Россіи. Только итальянскаго автора Шлитте и цитируетъ: ясно, что онъ вполнѣ довѣряетъ его авторитету. Поэтому онъ и ссылается постоянно на пресловутое стремленіе Василія къ примиренію съ Римомъ и Ивану IV приписываетъ чувства отца. По его мнѣнію, царь обнаруживаетъ искреннее стремленіе возобновить переговоры объ Уніи. Во время своего пребыванія въ Москвѣ самъ Шлитте могъ замѣтить много общаго между русскими вѣрованіями и латинскими. Отсюда онъ и могъ заключить о легкости соединенія Церквей. Такую мысль онъ проводитъ въ упомянутомъ нами письмѣ къ Христіану III въ слѣдующей наивной формѣ: «За исключеніемъ всего нѣсколькихъ обрядовъ, царь совершенно согласенъ съ главными основами истинной вѣры. Поэтому ученые доктора могли бы привести его къ полному единенію съ католической апостольской Церковью». Несомнѣнно, благодаря наблюденіямъ и чтенію, у Шлитте созрѣлъ планъ примирить Ивана IV съ папою и ввести въ Москвѣ католицизмъ. Въ 1548-мъ году онъ говорилъ Карлу V только о благопріятномъ настроеніи царя. Но, два года спустя, это настроеніе уже

становится основаніемъ для грандіознаго плана. Однако, несостоятельный должникъ, только что вышедшій изъ тюрьмы, не могъ надѣяться довести дѣло единенія Церквей до конца. Поэтому онъ благоразумно возложилъ эту миссію на другого.

Составленный по этому поводу 1-го августа 1550 года въ городѣ Минденѣ документъ является двустороннимъ договоромъ. Одна сторона предоставляетъ другой почетное званіе, другая обязуется за это довести дѣло до конца. Весь этотъ договоръ основывается на утвержденіи Шлитте, будто царь Иванъ, отнюдь не смущенный неудачей своего покойнаго отца Василія III, окончательно рѣшилъ присоединиться къ римской Церкви. Слѣдствіемъ такого возсоединенія будетъ торжество въ Москвѣ католицизма. Все дѣло заключается лишь въ установленіи основъ Уніи. Ради осуществленія этого плана, набросавъ вкратцѣ исторію своихъ бѣдствій и приписавъ свое избавленіе вмѣшательству Промысла, Шлитте жалуетъ въ силу своихъ особыхъ полномочій нѣкоему австрійскому дворянину, Іоганну Штейнбергу, чинъ «латинскаго и нѣмецкаго канцлера» при царѣ. Онъ предоставляетъ ему широкія полномочія во всѣхъ русскихъ дѣлахъ, въ особенности же, въ переговорахъ съ папой и императоромъ относительно церковныхъ вопросовъ. Со своей стороны, Штейнбергъ обязуется въ самый краткій срокъ отправиться за свой счетъ въ Римъ и, если возможно, добиться отъ Куріи грамоты единенія: «sub annulo Piscatoris». Заручившись этой грамотой, посредникъ по возвращеніи получитъ въ Бреславлѣ охранную грамоту и съ ней отправится въ Москву. Тамъ онъ будетъ пожинать плоды своихъ успѣховъ и получитъ обратно потраченныя имъ деньги. Таково, приблизительно, содержаніе этой бумаги. Она во всѣхъ отношеніяхъ вызываетъ недовѣріе. Прежде всего, Иванъ никогда не думалъ сдѣлаться католикомъ. Ниже мы дадимъ этому доказательства, которыя, впрочемъ, сочтутся, можетъ быть, и излишними. Во-вторыхъ, право Шлитте производить

кто-либо въ канцлеры настолько же сомнительно, насколько призрачно его собственное званіе посла. Въ древней Руси никогда не было случаевъ такого рода. Московскіе дипломаты ни разу не облекались столь обширными полномочіями. Иванъ IV менѣе, чѣмъ кто-либо другой, склоненъ былъ довѣрить свои дѣла усмотрѣнію иностранца. Самая задача миссіи была химерична. По мысли Шлитте, грамота единенія должна была обѣщать, что русскіе будутъ приняты на лоно римской Церкви на справедливыхъ условіяхъ. Такое домогательство было совсѣмъ необычно; конечно, оно являлось крайне оскорбительнымъ для папы. Цѣлью Шлитте было предупредить неудачу вродѣ 1527 года, когда, по словамъ договора, общее благо было принесено въ жертву частнымъ интересамъ, и предложенія русскихъ пословъ были отвергнуты. Чтобы придать больше вѣсу заключаемому акту, напрасно пытались опереться на имперскихъ чиновниковъ Вейсберга и Лангенъ, подписавшихъ договоръ и приложившихъ къ нему свои печати. Два безвѣстныхъ имени не представляли сами по себѣ никакой гарантіи. Они свидѣтельствовали только о состоявшемся соглашеніи между Шлитте и Штейбергомъ. Благія намѣренія Ивана не стали отъ этого менѣе сомнительными, а права его посла болѣе безспорными. [1]).

Загадочная фигура уроженца Гослара не заслуживаетъ съ нашей стороны особаго вниманія. По мѣрѣ того, какъ развертываются событія, характеръ этого авантюриста обрисовывается все ярче и ярче. Переговоры съ Римомъ начались и прошли безъ его участія. Шумъ, поднятый этими переговорами въ дипломатическомъ мірѣ, тревога Польши, новыя мѣры Карла V и, наконецъ, рѣшеніе Юлія III, видимо, не ускользнули отъ вниманія Шлитте. Однако, они не вызвали съ его стороны никакихъ серьезныхъ шаговъ. Когда въ 1554 г. успокоилась буря, которую мы сейчасъ опишемъ, москов-

---

[1]) Eldier, *Ein Versuch*, 80. Латинскій переводъ съ ошибочнымъ заглавіемъ у Тургенева, I, 134, n° 130.

скій посолъ (Шлитте продолжалъ такъ именовать себя) началъ думать, какъ бы вернуться въ Россію. Путь черезъ Любекъ вызывалъ въ немъ слишкомъ тяжелыя воспоминанія. Поэтому онъ предпочиталъ ѣхать черезъ Копенгагенъ—въ особенности, если король захочетъ оказать содѣйствіе его дальнѣйшему путешествію.

Съ цѣлью позондировать почву Шлитте, слишкомъ утомленный, чтобы ѣхать самъ, отправилъ къ Христіану III своего довѣреннаго Барверта Бернера съ длиннымъ письмомъ, тщательно хранимымъ въ архивахъ Копенгагена. Этотъ документъ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ всѣ другіе, освѣщаетъ дѣятельность Шлитте, и выясняетъ его порой наивное, а порой и коварное поведеніе. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ? Тотъ самый человѣкъ, который съ такимъ жаромъ хлопоталъ передъ императоромъ Карломъ V о присоединеніи Москвы къ римской Церкви, шесть лѣтъ спустя уже говоритъ о возсоединеніи съ католицизмомъ Христіану III—одному изъ самыхъ горячихъ новаторовъ шестнадцатаго вѣка, покровителю реформаціи въ своемъ государствѣ и союзнику нѣмецкихъ протестантскихъ князей, платившему пожизненную пенсію Лютеру, Меланхтону и Бугенхагену? Въ письмѣ своемъ Шлитте пространно восхваляетъ доблести Христіана III. Онъ съ довѣріемъ обращается къ защитнику страдающихъ за правду. Онъ въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ жалуется на преслѣдованія, которыя претерпѣлъ въ Священной Имперіи, гдѣ никто за него не заступился. Шлитте волей-неволей приходилось упомянуть и о Россіи. Но какая разница въ языкѣ и оцѣнкахъ! Какъ далеки мы отъ рѣшительныхъ заявленій 1548 г.! Иванъ уже не изображается государемъ, окончательно рѣшившимся подчиниться Святому Престолу. Теперь онъ не болѣе, какъ человѣкъ, склонный къ обращенію въ католицизмъ. Для этого, разумѣется, необходимо содѣйствіе ученыхъ докторовъ. О неудачѣ въ Любекѣ Шлитте разсказываетъ откровенно. Но онъ не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на Штейнберга и на данныя ему по-

рученія къ Юлію III и Карлу Пятому. Разсказавъ о своихъ приключеніяхъ и, умолчавъ о многомъ, московскій посолъ переходитъ къ своей просьбѣ. Какъ дипломатъ, попавшій въ затруднительное положеніе, онъ проситъ у датскаго короля охранной грамоты, чтобы вернуться къ своему государю Ивану IV. Шлитте даетъ королю соблазнительныя обѣщанія. Христіанъ можетъ расчитывать на самую горячую признательность и дружбу царя. Онъ будетъ пользоваться въ Кремлѣ глубокимъ и неизмѣннымъ уваженіемъ. Такъ ему будутъ обязаны за простую охранную грамоту!

Разумѣется, просьбы Шлитте не могли имѣть никакого успѣха. Отношенія между Даніей и Москвой были порваны уже давно. Съ тѣхъ поръ не было никакой нужды возобновлять ихъ. Христіанъ не раздѣлялъ апостольскаго жара Шлитте. Обращеніе иноземной страны въ католичество мало трогало протестанскаго государя. Видимо, Барвертъ Бернеръ, если и не ждалъ навѣрное неудачи, то во всякомъ случаѣ опасался ея. Поэтому, сославшись на препятствія, не позволяющія ему отправиться въ путь лично, онъ передалъ свое порученіе другому лицу. Этотъ посланецъ и получилъ отъ короля отвѣтъ, датированный 12-мъ іюня 1554-го года. Въ немъ Христіанъ выражаетъ сочувствіе Шлитте въ понесенныхъ имъ испытаніяхъ. Однако, не получивъ никакого сообщенія отъ «своего дорогого сосѣда и близкаго друга Ивана и не зная намѣреній великаго князя Руси», въ столь важныхъ дѣлахъ, онъ не считаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ нихъ. Что касается охранной грамоты Карла V, не признанной любечанами, то Шлитте нужно только обратиться съ жалобой къ соотвѣтствующей власти, и ему, конечно, будетъ оказано правосудіе [1])

Такимъ образомъ съ этой стороны надѣяться было не на что.

---

[1]) **Щербачевъ**, 288, 295, Архивъ Копенгагена, *Auslaend. Registrannt* 1554 12 іюня. Христіанъ III къ Шлитте.

Однако, Шлитте испытывалъ желаніе во что бы то ни стало вернуться къ своей дѣятельности. Хотя онъ и называлъ себя посланникомъ, но жалованья не получалъ; поэтому денежныя его дѣла были далеко не въ блестящемъ состояніи. Проживая уже послѣднія свои деньги, онъ 5-го марта 1555-го года обратился къ Ивану въ надеждѣ добиться денежной помощи и новыхъ полномочій Онъ пытался было вновь приняться за прежніе планы, но обнаружилъ лишь низменность своего характера. Въ самомъ дѣлѣ, изъ боязни, какъ бы Штейнбергъ не явился въ въ Кремль, онъ постарался оклеветать его заранѣе, чтобы снять съ себя всякую отвѣтственность. Шлитте писалъ царю: «нѣкто по имени Штейнбергъ выдалъ себя у папы и императора за вашего канцлера. Къ великому вашему безчестію, онъ, конечно, не могъ оправдать своего титула. Если онъ, согласно своему намѣренію, явится въ Москву, то обнаружатся вся его лживость и лицемѣріе».

Въ томъ же году Шлитте много суетился, хотя и безъ пользы для своего дѣла, около Аугсбургскаго сейма. Послѣ того, какъ ему не удалось пробраться чрезъ московскую границу со стороны Германіи, изобрѣтательный умъ привелъ его къ идеѣ—проникнуть туда чрезъ Скандинавскія страны или даже чрезъ Турцію и татарскія владѣнія. Однако, вновь возникалъ досадный вопросъ о пропускѣ. Гдѣ получить его?

Послѣ того, какъ императоръ оттолкнулъ Шлитте, злополучному «послу» оставалось обратиться къ французскому королю.

Генрихъ II наивно повѣрилъ розсказнямъ авантюриста и далъ ему письма къ шведскому королю, султану и своему представителю въ Константинополѣ. Содержаніе этихъ трехъ документовъ тождественно; въ нихъ заключается просьба о покровительствѣ и о свободномъ пропускѣ для Ганса Шлитте—«московскаго посла», ѣдущаго къ своему государю. Любезность короля простерлась еще дальше. 15-го іюля 1555 года онъ написалъ Ивану посланіе. Въ

немъ король вкратцѣ повторяетъ то, что сообщалъ ему Шлитте, и предлагаетъ царю свою королевскую дружбу. Какова же была цѣна всѣхъ этихъ бумагъ? Ихъ оригиналы и копіи спокойно лежатъ въ Вѣнскомъ Архивѣ и тѣмъ самымъ свидѣтельствуютъ о полной безполезности этой попытки. Что касается Шлитте, то создалось убѣжденіе, будто онъ, дѣйствительно, въ 1557-мъ году отправился въ Москву. Но затѣмъ слѣды его теряются, и даже неизвѣстенъ годъ его смерти.

Среди бумагъ, касающихся Россіи, и хранящихся въ Кенигсбергѣ, чрезвычайно интересна одна. Это набросокъ отвѣта отъ имени Ивана IV на императорское письмо отъ 31-го января 1548 года. Еще никогда самый дерзкій авантюристъ не рѣшался приписывать свои произведенія перу царя. По волѣ своего самозваннаго секретаря, Иванъ готовъ предоставить Карлу V значительныя суммы для войны съ турками; онъ согласенъ аккредитовать своего посла при Священной Имперіи, организовать почту между Москвой и Аугсбургомъ, создать нѣмецкій полкъ и рыцарское сословіе, и, наконецъ, въ качествѣ заложниковъ, отправить императору двадцать пять молодыхъ людей изъ лучшихъ русскихъ фамилій. Въ письмѣ этомъ авторъ подходитъ съ наивной откровенностью къ религіозному вопросу. Шлитте влагаетъ въ уста царя пожеланіе и созвать вселенскій или національный соборъ, и выработать основы прочнаго сближенія при помощи богослововъ, созванныхъ въ Москву. Безполезно прибавлять, что содержаніе этого необычайнаго чернового письма не имѣло ничего общаго съ дѣйствительностью; совершенно невѣроятно даже, что оно было доложено Ивану [1]).

Однако, возвратимся къ Штейнбергу и прослѣдимъ его дѣятельность. Съ появленіемъ его на сценѣ положеніе мѣняется. Въ переговоры вливается струя западныхъ

---

[1]) Архивъ Кенигсберга, VI, 25, n° 1. f, 8 v°; 20—79 v° Faber, III, 13, 15.

идей, туманныя разглагольствованія уступаютъ мѣсто опредѣленнымъ и точнымъ выраженіямъ. Передъ нами—болѣе юридическій, лучше приспособленный для политики умъ. Выборъ посредника, дѣйствительно, оказался чрезвычайно удачнымъ. Штейнбергъ пользовался хорошей репутаціей при вѣнскомъ дворѣ, гдѣ у него были покровители; онъ былъ въ лучшихъ отношеніяхъ съ нунціемъ Петромъ Бертано; наконецъ, онъ серьезно относился къ своему титулу канцлера. Вотъ почему онъ съумѣлъ лучше использовать благопріятныя обстоятельства.

Какъ человѣкъ предусмотрительный, онъ прежде всего позаботился о матеріальныхъ рессурсахъ. Графъ Филиппъ д'Эберштейнъ открылъ ему свой кошелекъ и предложилъ свою помощь: пусть только Римъ вернетъ ему одно старинное аббатство въ Вюртембергѣ, надъ которымъ его предки имѣли когда-то право патроната. Два факта сохранились отъ забвенія, ставшаго удѣломъ д'Эберштейна: благодаря заботамъ графа благосостояніе его дома значительно возросло; но за нѣсколько лѣтъ до смерти умственныя способности этого вельможи такъ ослабѣли, что надъ нимъ пришлось назначить опеку. Не можемъ ли мы изъ этого сдѣлать тотъ выводъ, что несмотря на дарованія финансиста, графъ былъ не особенно твердъ умомъ; поэтому и нетрудно было соблазнить его обѣщаніемъ легкой наживы [1]).

Теперь оставалось только привести въ исполненіе планъ, выработанный совмѣстно съ Шлитте. Штейнбергъ рѣшилъ немедленно ѣхать въ Римъ, чтобы познакомить съ дѣломъ высшія духовныя власти. Успѣхъ отчасти долженъ былъ зависѣть отъ хорошихъ рекомендацій. Въ этомъ отношеніи, московскій канцлеръ находился въ особенно благопріятныхъ условіяхъ. По его просьбѣ, Карлъ V обратился 13 сентября 1551 г. съ убѣдительнымъ письмомъ къ папѣ. Будущій отшельникъ монастыря св. Юста былъ еще окруженъ великолѣпіемъ: грандіозныя идеи плѣняли

[1]) Fiedler, *Ein Versuch*, 51.

его по прежнему. Горячимъ желаніемъ императора было увидать своими глазами соединеніе Москвы съ Римомъ. Карлъ откровенно заявляетъ объ этомъ папѣ, суля ему безсмертную славу, если удастся это великое дѣло. Результаты Уніи были бы неисчислимы: увеличилось бы число христіанъ; облегчилась бы возможность религіозной пропаганды, создалась бы лига противъ турокъ, еще владѣвшихъ св. Землею,—и исполнилось бы пророчество о единомъ пастырѣ единаго стада. Уповая на все это, императоръ надѣется, что Юлій III милостиво встрѣтитъ царскаго канцлера и внимательно отнесется къ его словамъ. Императорскій посолъ въ Римѣ, Діего Хуртадо де Мендоза, получилъ непосредсвенно отъ своего государя соотвѣтствующія распоряженія.

Такія же благожелательныя чувства были выражены и въ депешахъ зѣнскаго нунція. Прежде, чѣмъ сдѣлаться епископомъ Фано, Петръ Бертано былъ простымъ доминиканцемъ. Онъ слылъ за человѣка образованнаго и благочестиваго. Дипломатическіе успѣхи снискали ему благоволеніе Куріи. Уже во времена Павла III онъ интересовался московскими дѣлами. При Юліи III въ Римѣ съ новымъ жаромъ принялись за проекты, которые было пришлось оставить. Бертано питалъ самыя наивныя надежды. Онъ слѣпо полагался на вновь испеченнаго канцлера: по его мнѣнію, Штейнбергъ отлично зналъ «короля и народъ московскіе». Кромѣ того, Бертано, какъ и Карла V, манилъ блестящій миражъ религіознаго мира.

Ему казалось, что дѣло Уніи не представляетъ никакихъ трудностей. Иванъ IV, будто бы, уже пробовалъ начать переговоры по этому поводу съ Сигизмундомъ-Августомъ; но лишь только онъ замѣтилъ нѣкоторыя различія въ области внѣшняго культа, какъ предпочелъ обратиться непосредственно къ Св. Престолу. Подъ перомъ епископа, слывшаго искуснымъ дипломатомъ, подобное смѣшеніе идей и фактовъ поистинѣ поразительно. На самомъ дѣлѣ, въ Польшѣ боролись два вѣроисповѣданія. Что касается право-

славныхъ, то, въ крайнемъ случаѣ, ихъ восточные обряды могли быть согласованы съ католическимъ ритуаломъ. Гораздо болѣе серьезнымъ препятствіемъ были національная рознь и вѣковые предразсудки, унаслѣдованные отъ Византіи. Но относительно всего этотъ Бертано находился въ глубокомъ невѣдѣніи. Онъ больше заботился объ интересахъ вѣры, нежели о политикѣ. Поэтому онъ и обратился къ кардиналу Александро Фарнезе, безъ всякихъ колебаній поручая дѣло Уніи признанному сторонніку Польши [1]).

Письма, которыя Штейнбергъ везъ съ собою, какъ будто сулили ему удачу. Пріемъ, оказанный «канцлеру» въ Римѣ, куда онъ прибылъ, вѣроятно, въ концѣ 1551 г., долженъ былъ еще больше ободрить его.

Католическая реакція была тогда въ полномъ разгарѣ. Тридентскій соборъ всколыхнулъ умы. Обновленіе Церкви проявлялось съ необычайною силою. Правда, папа Юлій III не питалъ большой склонности къ аскетизму. Тѣмъ не менѣе, онъ энергично способствовалъ пробужденію вѣры. Подъ его покровительствомъ, Игнатій Лойола развивалъ въ Римѣ свою плодотворную дѣятельность. Скоро результаты ея скажутся не только въ Испаніи и Португаліи, Франціи и Германіи, но и въ Новомъ Свѣтѣ и даже на дальнемъ Востокѣ. Франсуа Ксавье поразитъ старую Европу своими чудесными подвигами въ Индіи и Японіи, гдѣ голосъ его обратитъ къ свѣту истинной вѣры тысячи язычниковъ. Такимъ образомъ, мало-по-малу сложилось убѣжденіе, часто повторяемое и въ литературныхъ памятникахъ той эпохи, что Церковь должна въ другихъ странахъ вознаградить себя за потери, нанесенныя ей Реформаціей. Словомъ, почва была прекрасно подготовлена для предложеній въ духѣ Штейнберга. Въ данномъ случаѣ, они исходили отъ лица Карла V: то былъ еще одинъ шансъ успѣха. Въ то время императоръ пользовался еще значи-

---

[1]) Fiedler, *Ein Versuch* 85.—*Nuntiaturber.*, XII, XIX.

тельнымъ вліяніемъ на Св. Престолъ. Папская политика охотно согласовалась съ видами Карла. Въ довершеніе всего, Штейнбергъ встрѣтилъ въ Римѣ своего прежняго покровителя, Петра Бертано. Онъ уже былъ облеченъ кардинальскимъ пурпуромъ, но рвеніе его нисколько не остыло. Дѣятельность московскаго канцлера проявилась сначала въ обширныхъ запискахъ, которыя онъ то и дѣло подавалъ въ высшія сферы. Содержаніе ихъ было неизмѣнно одно и то же. Попытаемся формулировать его вкратцѣ.

Большею частью, Штейнбергъ начинаетъ съ проектовъ Василія III, касавшихся Уніи. Онъ увѣряетъ, будто бы только стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ помѣшало имъ осуществиться. Уже Карлъ V указывалъ на это въ полномочіяхъ Шлитте и въ письмѣ къ Юлію III. Это мнѣніе встрѣчается и у нѣкоторыхъ другихъ писателей той эпохи. Повидимому, оно пользовалось особеннымъ кредитомъ во время пребыванія на папскомъ престолѣ Климента VI. Гдѣ же искать его источникъ? Самъ Василій III относился къ папству враждебно. Герасимовъ и Трусовъ отправились въ Римъ какъ бы въ отвѣтъ на авансы со стороны Св. Престола, чтобы установить коммерческія сношенія съ Западомъ и добиться присылки итальянскихъ мастеровъ. Тѣмъ не менѣе, всякій разъ, какъ русскія посольства появлялись въ Римѣ, начинали циркулировать таинственные слухи. Говорилось о секретныхъ порученіяхъ чрезвычайной важности, и естественно возникала мысль о соединеніи Церквей. Не были ли виноваты въ томъ такіе оптимистически настроенные посредники, какъ Шенбергъ и Чентуріоне, не говоря уже о Вольпе, Джисларди и о византійцахъ? Не чувствуется ли ихъ духъ въ писаніяхъ Пигіуса и Джьовіо? Шлитте дѣйствовалъ приблизительно такъ же. Догадки обращались у него въ категорическія утвержденія, а его званіе посла придавало имъ еще большій вѣсъ. Карлъ V и Штейнбергъ поддались его краснорѣчію и, очевидно, безо всякой провѣрки воспроизводили его розсказни.

Мнимый царскій канцлеръ былъ плохо освѣдомленъ о прошломъ. Но, по крайней мѣрѣ, зналъ ли онъ лучше современность? Проекты Штейнберга свидѣтельствуютъ о странныхъ иллюзіяхъ. Канцлеръ проситъ у папы королевской короны для Ивана и учрежденія должности примаса въ новомъ королевствѣ. Заранѣе связанные клятвою, король и примасъ вмѣстѣ будутъ трудиться надъ соединеніемъ Церквей, и русскія посольства регулярно станутъ являться въ Римъ. А, въ это время, папа, водворивши миръ на Сѣверѣ, организуетъ крестовый походъ противъ турокъ и татаръ и положитъ основаніе новой системѣ политическаго равновѣсія въ Европѣ.

Къ соображеніямъ высшей политики примѣшивались и личные расчеты. Штейнбергъ полонъ былъ готовности на всякія услуги. Онъ настаивалъ на своей миссіи въ Москву, вмѣстѣ съ графомъ Эберштейномъ, чтобы привести начатое дѣло къ желанному концу. Съ дипломатической точки зрѣнія, это предложеніе прямо нелѣпо. Если вѣрить Шлитте, Штейнбергъ былъ канцлеромъ царя Ивана. Какъ-же могъ онъ домогаться своего назначенія папскимъ посломъ къ собственному государю? При этомъ онъ долженъ былъ добиться въ Москвѣ утвержденія условій, принятыхъ въ Римѣ... Если столь удивительныя домогательства не возбуждали недовѣрія, то, очевидно, лишь потому, что всѣхъ ослѣпляло величіе замысловъ Ивана IV, а также и рекомендаціи Карла V. Какъ бы то ни было, къ плану Штейнберга отнеслись, какъ къ серьезному государственному дѣлу. Первыми документами, гдѣ о немъ упоминается, являются двѣ записки самаго Штейнберга—одна къ папѣ, другая къ кардиналу Бертано. Особая комиссія, въ которую вошли кардиналы Сервини, Пачеко, дю-Пюи, Маффеи и Пигини, повидимому, была увлечена проектами канцлера. Дѣло, казалось, было совсѣмъ налажено, когда новое событіе испортило все [1]).

---

[1]) **Fiedler**, *Ein Versuch*, 87—102.

До сихъ поръ всѣ переговоры были окружены тайною Нѣкоторую медлительность приходилось объяснить традиціонными пріемами римской Куріи, а также и дѣйствительными трудностями дѣла. Напрасно ссылаются на иностранное вмѣшательство: только въ ноябрѣ 1551 г. московское дѣло стало оффиціально извѣстно полякамъ. По приказанію папы, за отсутствіемъ протектора Польши, Александра Фарнезе,—вице-протекторъ, кардиналъ Маффеи, секретно вручилъ Конарскому вмѣстѣ съ копіями письма Карла V и проектовъ Штейнберга, посланіе, адресованное непосредственно королю. Двойная цѣль папской политики сводилась къ слѣдующему: пріобрѣсти новаго членаримской Церкви и обезпечить Польшу мирнымъ сосѣдомъ. Впрочемъ, прибавляетъ кардиналъ, ничего не будетъ рѣшено безъ предварительнаго соглашенія съ королемъ.Пусть онъ обдумаетъ дѣло и выскажется откровенно. Адамъ Конарскій, оффиціальный представитель Сигизмунда II въ Римѣ, не симпатизировалъ Москвѣ. Однажды онъ былъ приглашенъ на обѣдъ къ кардиналу Медичи, и тамъ ему было предложено высказать свое мнѣніе о Россіи. Вмѣсто отвѣта, Конарскій просилъ прочесть вслухъ нѣсколько страницъ изъ Герберштейна. Тонкія и пикантныя наблюденія австрійскаго дипломата чрезвычайно заинтересовали присутствующихъ; но, вдругъ, всѣ услышали, что великій князь Василій III ненавидѣлъ папу больше, чѣмъ какого-либо человѣка на землѣ. Тотчасъ же скандализованный амфитріонъ велѣлъ прекратить чтеніе; однако,—стрѣла попала въ цѣль.

Сообщенія Маффеи показались Конарскому чрезвычайно важными, тѣмъ болѣе, что королевской короны въ Москвѣ ждали, будто бы, съ нетерпѣніемъ. Разоблачительные документы были отправлены съ величайшей поспѣшностью. Тѣмъ не менѣе, Сигизмундъ-Августъ получилъ ихъ довольно поздно—въ январѣ 1553 г. [1]).

Трудно себѣ представить, въ какое смущеніе повергли эти

---

[1]) *Script. rer. pol.*, I, 63—65.—Zakrzewski, *Stosunki*, 10 и слѣд.

данныя изнѣженнаго сына мужественной матери. Въ жилахъ Боны Сфорца текла кровь гордыхъ кондотьеровъ, добывшихъ оружіемъ миланскій тронъ. Гуманисты научили ее презирать мелкое честолюбіе, хотя она и мечтала о владычествѣ надъ людьми. Королева была одарена энергіей и любила интриги. Сигизмундъ ничѣмъ не походилъ на нее. Слишкомъ долго за его воспитаніемъ слѣдили женщины. Своему слабому и мягкому характеру онъ не сумѣлъ придать необходимаго закала. Король былъ чрезмѣрно впечатлителенъ, и до конца своихъ дней сохранилъ это женственное свойство. Да и сами обстоятельства какъ бы нарочно сложились такъ, чтобы возбуждать въ немъ подозрѣнія. Политика Ивана III возбудила вѣковое соперничество между двумя славянскими народами, стоявшими на грани двухъ разныхъ міровъ. Латинизированная Польша являлась яркимъ контрастомъ сравнительно съ Москвой, въ жизни которой отразилась Византія съ ея традиціями, вѣрованіями и нравами. Съ тѣхъ поръ, какъ Кремль положилъ этнографическій принципъ въ основу своихъ границъ, вооруженная борьба съ Польшей сдѣлалась неизбѣжной. Намъ уже извѣстно, что поляки частью уже владѣли прежними русскими удѣлами, частью пока стремились овладѣть ими.

Но, кромѣ условій общаго характера, положеніе осложнялось еще нѣкоторыми неблагопріятными моментами. Какъ мы знаемъ, Иванъ присвоилъ себѣ титулъ царя. Этотъ пунктъ наиболѣе горячо оспаривался Сигизмундомъ и служилъ неизсякаемымъ источникомъ конфликтовъ между обоими дворами. Малѣйшій пропускъ въ титулѣ Грознаго являлся поводомъ къ отклоненію посольства и прекращенію переговоровъ. Только при помощи какихъ нибудь уловокъ удавалось порой положить конецъ спорамъ, ибо московская гордость оставалась непреклонной. Напримѣръ, въ совѣтѣ тайно рѣшали не касаться письменно этого щекотливаго вопроса. Зато Иванъ вознаграждалъ себя въ устныхъ рѣчахъ: онъ ссылался на покореніе Казани, толковалъ о св. Владимірѣ и о Владимірѣ Мономахѣ, даже

иногда касался Цезаря-Августа. Сигизмундъ былъ глухъ къ этимъ доказательствамъ. Опираясь на традицію, онъ, наконецъ, объявилъ, что царскій титулъ предполагаетъ согласіе папы и императора. На это бояре съ торжествомъ отвѣтили, что уже давно оба выразили свое согласіе. Въ самый разгаръ этихъ споровъ, когда польскій король ссылался на авторитетъ Карла V и Юлія III, ему вдругъ оффиціально сообщили о хлопотахъ Штейнберга въ Римѣ: православный царь-де готовъ принять католичество; онъ проситъ у папы королевскаго вѣнца; его поддерживаетъ, будто бы, императоръ... Одна новость неправдоподобнѣе другой; все—совершенно необъяснимо... Не ловушка ли это со стороны Австрійскаго дома? Не утонченное ли коварство Ивана? Догадки тѣснятся въ головѣ Сигизмунда. Онъ не знаетъ, на что рѣшиться, и проситъ у кардинала Маффеи отсрочки, чтобы посовѣтоваться съ Сенатомъ и выяснить дѣло.

Радзивиллъ Черный и Альбертъ, герцогъ Прусскій, были раньше всѣхъ посвящены въ тайну. Король спросилъ ихъ, какой политики они совѣтуютъ держаться, и высказалъ имъ свое мнѣніе; религіозныя побужденія Ивана безпокоятъ его меньше, чѣмъ вмѣшательсто Карла V. Но, какъ непримиримый противникъ Москвы, король подвергалъ сомнѣнію искренность Ивана, а вмѣстѣ съ тѣмъ считалъ необходимымъ выяснить, насколько велико его лицемѣріе. Надо, чтобы папа предложилъ царю такія тяжелыя условія, которыхъ Грозный не могъ бы принять безъ ущерба для своего государства. Однако, если Москва и Римъ столкуются помимо Польши, придется прибѣгнуть къ силѣ. Тогда надо будетъ сговориться съ датчанами и ливонцами и задержать на границѣ посольство, которое повезетъ корону.

У насъ нѣтъ подъ руками отвѣта Радзивилла. Впрочемъ, скоро мы увидимъ, что онъ во всемъ согласенъ со своимъ государемъ. Что касается отвѣта Альберта, двою-

роднаго брата Сигизмунда II—го онъ интересенъ во многихъ отношеніяхъ.

Раньше, когда герцогъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Римомъ и съ царемъ, онъ говорилъ, что готовъ воевать противъ турокъ и ничего не имѣетъ противъ коронованія Василія III. Но событія измѣнили его взгляды. Послѣдній великій магистръ Тевтонскаго ордена и первый наслѣдственный прусскій герцогъ нарушилъ свои клятвы и отступилъ отъ своей вѣры. Альбертъ сталъ вассаломъ Польши, съ которой нѣкогда такъ яростно боролся. Теперь его слова дышутъ равнодушіемъ къ Москвѣ и ненавистью къ императору и папѣ; въ выборѣ же средствъ онъ отнюдь не щепетиленъ. Онъ ловко пользуется подозрѣніями противъ Австріи и «чудовищный» проектъ Габсбурговъ считаетъ крайне опаснымъ. Затѣмъ онъ даетъ практическій совѣтъ: одновременно отправить два посольства — одно къ папѣ, другое къ императору, — чтобы изо всѣхъ силъ бороться противъ провозглашенія въ Москвѣ королевства. Если, однако, изъ этого ничего не выйдетъ, по крайней мѣрѣ, надо постараться, до признанія титула, заставить Ивана вернуть полякамъ захваченныя области. Такимъ образомъ, можно обезпечить себя продолжительный миръ въ будущемъ. Но скоро политическій совѣтчикъ передаетъ перо вѣроотступнику. Альберту хотѣлось бы вырыть пропасть между папою и русскими. Съ этою цѣлью онъ предлагаетъ тайно послать въ Москву поляковъ или литовцевъ съ тѣмъ, чтобы они «оговорили Св. Престолъ», и «вселили отвращеніе къ папской власти», описывая ее самыми мрачными красками. За неимѣніемъ лучшаго, почему не пристращать русскихъ? Ибо, лишь только они принесутъ присягу въ вѣрности, папа потребуетъ тяжелой дани подъ страхомъ самыхъ строгихъ каръ. «Можно къ этому прибавить, — хладнокровно прибавляетъ герцогъ, — клеветы еще болѣе гнусныя», сообразуясь съ моментомъ и аудиторіей. Если искусно распустить такіе слухи, они отнимутъ у Ивана охоту вести переговоры съ Римомъ,

или, во всякомъ случаѣ, помѣшаютъ имъ. Чтобы воспрепятствовать проѣзду римскихъ пословъ черезъ Данію и Ливонію, Альбертъ совѣтуетъ также прибѣгнуть къ окольнымъ и тайнымъ средствамъ. Таково посланіе прежняго великаго магистра. Рыцари добраго стараго времени отреклись бы отъ него съ негодованіемъ*).

Тѣмъ не менѣе, король, очевидно, предугадывалъ совѣты Альберта. За исключеніемъ клеветы, къ которой рѣшили не прибѣгать, всѣ они были въ точности исполнены. Въ концѣ января 1553 г. польскій сеймъ собрался въ Краковѣ и ознакомился съ дѣломъ. Было постановлено—начать хлопоты при дворѣ императора и въ Римѣ.

Николай Радзивиллъ Черный, канцлеръ и великій маршалъ Литовскій, былъ уполномоченъ вести переговоры съ Австрійскимъ домомъ. Выборъ этотъ былъ сдѣланъ не безъ основанія. Радзивиллъ враждебно относился къ Москвѣ, но не расположенъ былъ и къ папѣ, такъ какъ питалъ склонность къ протестантскимъ идеямъ. Онъ покровительствовалъ реформаторамъ и только ждалъ удобнаго случая, чтобы открыто объявить себя кальвинистомъ. Имя, положеніе, талантъ и энергическій характеръ дѣлали Радзивилла однимъ изъ первыхъ людей воинственной Литвы. Онъ мечталъ о ея независимости; однако, послѣ смерти его, Люблинская унія крѣпко соединила великое княжество съ Польшею. Узы иного характера связывали Радзивилла лично съ королемъ. Сигизмундъ вдовѣлъ послѣ смерти первой своей жены и увлекся Варварой, двоюродной сестрой Николая. Судьба также обрекла ее на преждевременное вдовство послѣ смерти мужа, каштеляна Гастольда. Благородная фамилія Радзивилловъ встревожилась. Въ сопровожденіи брата молодой и прекрасной вдовы Николай явился къ королю и гордо объявилъ ему, что ихъ родственница никогда не будетъ ничьей любовницей—хотя бы дѣло шло

*) *Script. rer. pol.* I, 66, 67.—Ляховичъ, 35—37, 43.—Foigt. *Gesch. Preuss.* IX, 535—538.

о самомъ королѣ. Страстная любовь Сигизмунда уже не могла угаснуть. Онъ предпочелъ тайно обвѣнчаться съ любимой женщиной. Лишь только онъ вступилъ на престолъ, какъ раздѣлилъ съ нею корону, несмотря на неудовольствіе шляхты и духовенства. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, Николай сталъ лучшимъ другомъ и совѣтникомъ Сигизмунда. Онъ сумѣлъ сохранить свое первенствующее положеніе и вліяніе при дворѣ даже послѣ смерти своей царственной кузины.

Прежде, чѣмъ отправиться къ Карлу V, Радзивиллу слѣдовало обезпечить себѣ поддержку Фердинанда I. Тутъ его ожидали совершенно особыя условія. Умирая, Варвара Радзивиллъ взяла съ Сигизмунда слово, что онъ женится еще разъ. Наслѣдника у короля не было, а желательно было, чтобы польскій скипетръ оставался въ рукахъ Ягеллоновъ. Вѣрный своему обѣщанію, Сигизмундъ въ 1553 г. задумалъ вступить въ новый бракъ съ Екатериной, вдовою герцога Мантуанскаго и дочерью Фердинанда. Было заранѣе извѣстно, что такое предложеніе будетъ благосклонно встрѣченоАвстрійскими Габсбургами. Оставалось только воспользоваться ихъ расположеніемъ, чтобы добиться предстательства римскаго короля передъ братомъ его, императоромъ. Съ такимъ двойнымъ порученіемъ и явился Радзивиллъ ко двору Фердинанда 17 марта 1553 г.

Велико было удивленіе римскаго короля, когда онъ познакомился со всѣми притязаніями Сигизмунда. Они были изложены въ длинной дипломатической нотѣ. Польскій посланникъ смотрѣлъ на дѣло весьма серьезно: онъ считалъ, что, поддерживая Москву, Карлъ V идетъ наперекоръ взаимной дружбѣ Австріи съ Польшей. Онъ даже нарушаетъ мирные договоры, заключенные между королями Рѣчи Посполитой и Австрійскимъ домомъ. Радзивиллъ готовъ былъ допустить нѣкоторую разсѣянность со стороны императора. Тѣмъ не менѣе, онъ энергически опровергалъ тѣ доводы, которые особенно подкупали Карла V. «Союзъ съ Римомъ — писалъ онъ, — есть лишь предлогъ

для полученія королевскаго сана; этимъ лживымъ обѣщаніямъ не надо вѣрить; еще меньше надо расчитывать на помощь Москвы противъ турокъ; огромныя разстоянія, предубѣжденіе противъ Запада, ненависть къ латинянамъ— все это создастъ вынужденное или добровольное бездѣйствіе». Записка заключалась довольно высокомѣрною просьбою: надо добиться чтобы императоръ не только самъ отказался отъ покровительства русскимъ замысламъ но и выразилъ папѣ твердое желаніе, чтобы москвичи остались не при чемъ.

Все это оказало извѣстное впечатлѣніе на Фердинанда. Онъ такъ желалъ услужить государю, искавшему себѣ невѣсту! Въ исторіи Габсбурговъ матримоніальные союзы играли большую роль. Браки доставили Австріи больше земель, чѣмъ ея солдаты. Деверь Людовика II былъ проникнутъ духомъ своей семьи. Его больше интересовалъ бракъ дочери Екатерины, нежели докучныя московскія дѣла. Записка Радзивилла была вручена Карлу V. Къ ней приложено было дружественное письмо. Какъ легко догадаться, результаты такого обращенія должны были оказаться весьма благопріятными для Сигизмунда Августа.

Черезъ нѣсколько дней пришелъ и отвѣтъ. Онъ помѣченъ 11 апрѣля. Въ то время Карлъ V находился въ Брюсселѣ. Звѣзда великаго монарха уже начинала меркнуть. Въ Германіи, потрясенной голосомъ Лютера, раздавались глухіе раскаты грома. Пассауское перемиріе не умѣрило волненія и не успокоило умовъ. Императорское оружіе терпѣло постыдныя пораженія подъ неприступными стѣнами Метца. Карлъ V изнемогалъ подъ бременемъ власти. Онъ увлекался новымъ идеаломъ, мечтая уже только объ успокоеніи своихъ владѣній, и сохраненіи дружбы съ сосѣдними государями. Впрочемъ, въ московскомъ дѣлѣ интересы вѣры занимали императора больше, нежели политика. Лишь только Карлъ узналъ объ опасеніяхъ Польши, онъ обѣщалъ своему брату прекратить хлопоты и оказать поддержку посланцу Сигизмунда.

Благодаря такой предупредительности, Радзивиллу не зачѣмъ было самому ѣхать къ Карлу V. 27 мая 1553 г. въ отвѣтъ на послѣднія письма Фердинанда, Юлій II далъ знать римскому королю, что онъ счастливъ оказать услугу одновременно двумъ государямъ: по настоянію короля Польши русскія предложенія уже отклонены. Въ томъ же письмѣ сообщалось о выдачѣ разрѣшенія на бракъ эрцгерцогини Екатерины, сестры первой супруги Сигизмунда [1]).

Итакъ, успѣхъ Сигизмунда былъ полный. Чтобы достигнуть своихъ цѣлей при папскомъ дворѣ, король проявилъ энергію, достойную лучшей задачи. Его мысль цѣликомъ выражена въ инструкціяхъ Альберту Крыскому. Послѣдній отправленъ былъ въ Римъ по дѣлу объ аннатахъ: кстати на него были возложены и переговоры о Москвѣ. Этотъ документъ является безусловно важнѣйшимъ изъ всей переписки. Сигизмундъ обсуждаетъ вопросъ о Московскомъ королевствѣ съ трехъ точекъ зрѣнія: со стороны интересовъ Польши, пользы для христіанства и, наконецъ, достоинства Св. Престола.

Чтобы уловить главную мысль Сигизмунда, необходимо сдѣлать нѣкоторое географическое отступленіе. Отъ послѣднихъ отроговъ Карпатъ до Урала простирается огромная равнина. Какъ извѣстно, она была частью населена съ давнихъ временъ, а частью колонизована съ IX вѣка славянскими племенами. Исторія называетъ ихъ однимъ именемъ — русскихъ. Они селились, главнымъ образомъ, въ обширныхъ областяхъ Великой и Малой, Бѣлой и Червонной Руси. Никто не оспаривалъ Великой Руси или Московіи у потомковъ Владиміра и Рюрика. Имъ предоставили спокойно владѣть столицею, затерянною въ глуши лѣсовъ. Но прекрасныя и плодородныя области Малой, Бѣлой и Червонной Руси, бассейнъ Днѣпра съ древнимъ городомъ Кіевомъ, по праву должны были принадлежать полякамъ. Во время татарскаго нашествія эти

---

[1]) *Script. rer. pol.*, I., 75.—Fiedler, *Ein Versuch*, 105—108, 114—123.

владѣнія перешли въ чужія руки. Однако, если побѣдители Золотой Орды и захватили кое-что незаконно—судъ и расправа принадлежатъ Сигизмунду. Онъ въ этомъ обязался клятвою. Но война противъ короля московскаго получившаго корону отъ папы, можетъ быть не вполнѣ удобной. Ибо, несмотря на нѣкоторыя мелкія различія, русскіе или рутены принадлежатъ къ той же расѣ, что и московиты. Оба племени связываетъ, по признанію Сигизмунда, живѣйшая симпатія. Источника ея надо искать въ общности обрядовъ и вѣры. Въ тотъ день, когда Иванъ возложитъ на свое чело королевскій вѣнецъ, можетъ начаться отпаденіе славянскихъ племенъ отъ Польши, и надежда вернуть пограничныя области станетъ еще менѣе осуществима. Предположеніе это приводитъ Сигизмунда въ ужасъ. Онъ не можетъ допустить этого. Мало того—молдавы и валахи, эти желанные союзники противъ турокъ, находятся въ аналогичномъ съ русскими положеніи: ихъ можетъ ослѣпить блескъ московской короны, и они перейдутъ въ лагерь новаго короля.

Общіе интересы христіанства переплетаются въ королевскихъ инструкціяхъ съ нуждами Польши. Между католическими государями и Иваномъ,—говоритъ Сигизмундъ,—нѣтъ ни малѣйшей солидарности. Напротивъ, если когда-нибудь поляки объявятъ войну туркамъ, именно съ этой стороны и могутъ возникнуть самыя серьезныя затрудненія. Въ лучшемъ случаѣ, въ антиоттоманской войнѣ русскіе будутъ только помѣхой. Отъ врага отдѣляютъ ихъ огромныя пространства. Во время похода они совершаютъ столько грабежей и хищеній, что станутъ бичомъ своихъ союзниковъ, или же опоздаютъ къ сроку. Единственнымъ средствомъ избѣжать этихъ неудобствъ могло бы быть пользованіе водными путями. Но искусство мореплаванія невѣдомо Москвѣ. Къ тому же Сигизмундъ отнюдь не склоненъ воспитывать будущихъ пиратовъ и отдать Черное море во власть корсаровъ.

Наконецъ, выше всѣхъ матеріальныхъ интересовъ сто-

ятъ требованія чести. Не пострадаетъ ли достоинство св. престола, если поддаться великому князю Москвы и соблазниться его лживыми обѣщаніями? Относительно лицемѣрія Ивана Сигизмундъ не допускаетъ и тѣни сомнѣнія. Король увѣренъ, что о соединеніи церквей не будетъ и рѣчи, лишь только Грозному данъ будетъ королевскій титулъ. Такъ поступилъ съ папою Иннокентіемъ IV Даніилъ Галицкій. Василій чуть не умертвилъ кардинала Исидора за то, что онъ подписалъ Флорентійскій договоръ. Москвичи все такъ же коварны; ненависть ихъ къ латинству только возросла. Поэтому Александръ VI и Левъ X и отказали Василію III въ коронѣ, за которой его послы явились въ Римъ. Сигизмундъ надѣется, что папа не уклонится отъ этого пути. Чтобы окончательно убѣдить его, онъ заключаетъ эту часть своей инструкціи угрожающей дилеммой. Пусть Юлій II выбираетъ между двумя рѣшеніями. Онъ можетъ, съ одной стороны, дать удовлетвореніе «народу варварскому, жестокому, чуждому всякой культурѣ, непостоянному въ вѣрѣ, въ словѣ, въ нравахъ». Съ другой — оказать услугу полякамъ, «которые, разъ признавъ и принявъ ученіе Христа, всегда оставались вѣрными св. апостольскому престолу».

Но и эти доводы не исчерпывали еще всего вопроса. Польскій уполномоченный долженъ былъ указать папѣ, что не слѣдуетъ впускать въ овчарню новыхъ овецъ, если онѣ не останутся тамъ навсегда. Предложенія Штейнберга далеко не отвѣчаютъ цѣли. Чтобы убѣдиться въ постоянствѣ москвичей, необходимо предложить имъ другія, условія. Не безъ удовольствія король ихъ перечисляетъ: клятва въ вѣрности Церкви и папѣ со стороны великаго князя и бояръ; публичное совершеніе надъ ними таинства конфирмаціи епископомъ римской Церкви; созывъ собора русскихъ и католическихъ епископовъ; постройка костеловъ; дарованіе католикамъ епархій; предоставленіе имъ высшихъ должностей; недопущеніе греческихъ обрядовъ въ присутствіи короля и т. д. Всѣ эти условія должны быть освя-

лены присягою и приведены въ исполненіе до отправки короны. Да и титулъ, даруемый Ивану, пусть будетъ лишь — «Король Московскій». О Руси не должно и упоминаться, такъ какъ она войдетъ въ составъ Польши. Наконецъ — послѣдняя предосторожность: Крыскій долженъ добиться, чтобы королю была предоставлена полная свобода дѣйствій.

Содержанію королевскихъ инструкцій соотвѣтствуютъ оффиціальныя письма польскихъ сенаторовъ къ папѣ и коллегіи кардиналовъ. Не входя въ подробности, они содержатъ еще болѣе опредѣленно выраженную угрозу — если не отпаденія, то, по крайней мѣрѣ, глубочайшаго отчужденія Польши отъ Рима. Очевидно, страхъ короля сообщился и его совѣту [1]).

Такъ приводилась въ исполненіе задуманная программа. Сперва выражалось самое горячее рвеніе послужить дѣлу истинной вѣры; затѣмъ папу убѣждали предложить Ивану требованія, которыя Москва неминуемо должна отвергнуть. Успокоившись съ этой стороны, Сигизмундъ началъ терзаться новымъ сомнѣніемъ: будутъ ли въ Римѣ достаточно сговорчивы? Согласится ли глава Церкви на столь двусмысленную роль? Возможность неудачи казалась весьма вѣроятной; поэтому заранѣе было придумано, какъ помочь дѣлу. Разобранныя нами выше инструкціи были отправлены Крыскому 18 февраля съ гонцомъ. Онъ долженъ былъ немедленно вернуться въ Польшу, лишь только получится какой-нибудь отвѣтъ. Проходитъ три дня, — и приказанія эти отмѣняются: если переговоры кончатся неудачей, и корона будетъ послана Ивану, Крыскому нѣтъ нужды извѣщать объ этомъ короля; онъ уполномачивается немедленно заявить торжественный протестъ. Текстъ его сообщенъ былъ послу заранѣе. Сначала Сигизмундъ перечисляетъ заслуги свои и своихъ предковъ. Затѣмъ онъ распростра-

[1]) Инструкціи не датированы: 1-ая часть у Fiedler *Ein Versuch*, 108; 2-ая—въ *Script. rer. pol*, I, 69; другія—*ibidem*, 71—73. Нѣтъ никакихъ доказательствъ, что Василій III просилъ у папы королевскаго вѣнца.

няется въ горькихъ жалобахъ по адресу папы: даровать королевскій титулъ Ивану — это значитъ держать руку польскихъ враговъ, посягать на безопасность королевства. Онъ беретъ въ свидѣтели самого папу и кардиналовъ и объявляетъ, что уже больше не отвѣчаетъ за вѣрность поляковъ Св. Престолу. Да и самъ онъ не можетъ впередъ питать къ папѣ безграничной преданности своихъ отцовъ. Пусть Римъ потакаетъ честолюбивымъ замысламъ его врага; тогда король удвоитъ усилія, чтобы помѣшать ихъ осуществленію. Предки его поступили бы такъ же. Если его доведутъ до крайности, онъ заключитъ союзъ съ турками вмѣсто того, чтобы сражаться съ ними. Виноватъ будетъ не онъ, а другіе [1]).

Мы достигли кульминаціонной точки польской полемики. Рѣзкій протестъ Сигизмунда показываетъ, до какой степени ненавидѣлъ онъ Ивана; это же-самое объясняетъ намъ тайну его политики: польскій король грозитъ отдалиться отъ Рима и заключить союзъ съ турками, если московскій государь получитъ королевскую корону. Въ сущности, пріобрѣтеніе пограничныхъ областей и сведеніе давнихъ счетовъ являлись главной заботою Сигизмунда; тотъ престижъ, который Ивану доставила бы высокая папская милость, былъ бы первымъ крупнымъ пораженіемъ Польши. Этого надо было избѣжать во что бы то ни стало.

Въ глазахъ Рима національное соперничество и вопросъ о границахъ имѣли второстепенное значеніе. Задача папъ въ ихъ сношеніяхъ съ Москвою была иного, высшаго порядка. Прежде всего, слѣдовало притти къ соглашенію въ религіозномъ вопросѣ; возсоединеніе Церквей послужило бы основаніемъ для военныхъ союзовъ. Чтобы устранить всѣ препятствія, Ивана готовы были осыпать почестями и титулами, лишь бы добиться затѣмъ заключенія мира съ Польшею. А ей также приходилось итти навстрѣчу. Въ то время, которое насъ занимаетъ, эта страна пережи-

---

[1]) *Script. rer.*, I, 74.

вала чрезвычайно опасный кризисъ. Она служила пріютомъ новаторамъ и очагомъ ереси. У Лютера и Кальвина было тамъ множество послѣдователей. Гусситы, Богемскіе братья, ученики Цвингли и социніане проникали въ нее отовсюду. Большая опасность грозила единству вѣры. Болѣе, чѣмъ когда-нибудь, требовалось соблюдать осторожность. Поэтому и неудивительно, что настойчивыя требованія польскаго короля взяли перевѣсъ надъ заманчивыми предложеніями Штейнберга.

Современные документы не сохранили никакихъ слѣдовъ тѣхъ мѣръ которыя, вѣроятно, предпринималъ Крыскій согласно съ инструкціями своего государя. Предполагаемый протестъ противъ коронованія Ивана, навѣрное, не былъ заявленъ, ибо въ Москву короны такъ и не послали. Къ рѣшительнымъ мѣрамъ прибѣгатьне пришлось. Цѣль была достигнута скорѣе, чѣмъ думалъ Сигизмундъ. Удалившись въ свою роскошую виллу на Фламиніевой дорогѣ, Юлій III приближался къ концу своихъ дней и не увлекался уже грандіозными планами. А, можетъ быть, имъ овладѣло естественное недовѣріе къ Штейнбергу. Очень скоро Крыскій получилъ формальное увѣдомленіе, что всѣ предложенія московскаго посла отклонены, и что впредь подобныя дѣла будутъ рѣшаться съ вѣдома короля и епископовъ польскихъ. Тѣ же увѣренія были повторены 15 апрѣля 1553 г. въ письмѣ, адресованномъ непосредственно епископомъ. Эти обѣщанія были, конечно, вызваны опасеніями и жалобами Крыскаго. То было несравненно болѣе важнымъ актомъ, неужели отказъ Штейнбергу. Инцидентъ былъ исчерпанъ: поляки одержали блестящую побѣду по всей линіи[1]).

Но что въ это время дѣлалъ Штейнбергъ? Какъ велъ онъ себя въ теченіе кризиса? «Канцлеръ» не переставалъ сражаться съ кардиналомъ Маффеи и Альбертомъ Крыскимъ, не прекращалъ противъ нихъ своихъ жалобъ. По-

[1]) Wiersbowsky, *Uchansc.*, II, 33—Raynaldi, t. XXXIII, p. 448.

видимому, онъ ничего не зналъ о папскихъ грамотахъ или же невѣрно понималъ ихъ: въ противномъ случаѣ, онѣ должны были бы отнять у него всякую надежду. Правда, у него и такъ было ея немного. Нерѣдко онъ впадалъ въ полное отчаяніе. Такъ, напримѣръ, когда кардиналъ Бертоно покинулъ Римъ съ обѣщаніемъ, что черезъ три дня дѣло будетъ закончено, и роковой срокъ минулъ, не принеся рѣшенія,—Штейнбергъ собирался уже отправиться назадъ къ московскому двору. Пока онъ грустно готовился къ отъѣзду, два вліятельныхъ кардинала узнали о его намѣреніи и посовѣтовали ему сдѣлать еще попытку. Но и она не была счастливѣе другихъ, благодаря оппозиціи Маффеи. Когда скончался этотъ защитникъ Польши, на горизонтѣ Штейнберга блеснулъ было слабый лучъ надежды: ему удалось добиться свиданія съ духовникомъ папы, а тотъ свелъ его съ кардиналомъ Куписомъ, архіепископомъ Трани и старшиною священной Коллегіи. Это было, вѣроятно, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1553 г., — слѣдовательно, гораздо позднѣе оффиціальныхъ деклараций, оглашенныхъ въ Краковѣ и Вѣнѣ. Чтобы вернуться къ покончennому вопросу, папѣ пришлось бы отмѣнить свои рѣшенія, т. е. пойти противъ самого себя. Это соображеніе не остановило московскаго канцлера. Какъ всегда неистощимый на корреспонденцію, онъ направляетъ множество записокъ кардиналамъ, составляетъ проектъ инструкцій для папскихъ пословъ, набрасываетъ черновыя папскихъ писемъ Ивану IV, архіепископу Московскому (sic), Карлу V и Сигизмунду-Августу [1]).

Было бы большою ошибкой придавать этимъ документамъ какое-либо значеніе, или же считать ихъ выраженіемъ римской политики. Они всецѣло принадлежатъ перу Штейнберга и, слѣдовательно, характеризуютъ лишь его настроеніе. Въ нихъ опять излагаются условія союза, еще раньше намѣченныя канцлеромъ. Онъ опирается на тѣ же мотивы, даже формулируетъ ихъ попрежнему. Прибавились

*) Fiedler, *Ein Versuch*, 92, 93, 95—103.

только кое какіе странныя противорѣчія. Такъ, папа какъ-будто, не знаетъ, откуда стала полякамъ извѣстна тайна. А, между тѣмъ, онъ же самъ познакомилъ ихъ съ сущностью московскихъ переговоровъ. Карлъ V, уже ставшій противникомъ этой затѣи, оказывается въ числѣ сочувствующихъ. Въ оффиціальныхъ документахъ все это было бы недопустимо. Тѣмъ не менѣе, Штейнбергъ рѣшилъ презрѣть неудачи и уже снова собрался съ духомъ, когда смерть кардинала Куписа (10 декабря 1553 г.) лишила его покровителя и опоры. Съ того времени слѣды канплера пропадаютъ окончательно. Неизвѣстно даже, какіе отвѣты далъ ему Римъ. Можетъ быть, предпочли, чтобы дѣло прекратилось само-собою, во избѣжаніе безполезныхъ и тягостныхъ объясненій. Въ 1570 г. Пій V признается откровенно, что ему неизвѣстно, почему не удались переговоры съ Москвою при папѣ Юліи III.

Теперь передъ глазами читателя—вся мистификація, отъ самаго ея зарожденія и до развязки. Въ роляхъ дѣйствующихъ лицъ разобраться не трудно, и мы можемъ прямо указать истинныхъ виновниковъ всего этого дѣла.

Первыя комбинаціи исходятъ, несомнѣнно, отъ Ганса Шлитте. Онъ ведетъ себя, какъ авантюристъ, скорѣе смѣлый, нежели злонамѣренный; при всемъ томъ онъ и не слишкомъ честенъ. Обращеніе Москвы въ католичество становится въ его рукахъ политическою аферою и средствомъ наживы. Съ одними и тѣми же проектами онъ обращается и къ императору-католику, и къ королю-протестанту. Это указываетъ либо на необыкновенную гибкость характера, либо на то, что Шлитте сильно заблуждался. Графъ д'Эберштейнъ остается въ тѣни: онъ только готовъ былъ предоставить средства для предполагаемаго посольства въ Москву; однако, ему такъ и не пришлось потратиться. Самымъ интереснымъ изъ троихъ героевъ мы считаемъ Штейнберга. Его прежнія отношенія къ Шлитте покрыты неизвѣстностью. Можетъ быть, онъ услужилъ посланнику, когда тотъ нуждался въ

деньгахъ. Хотя Шлитте и наложилъ на него тягостныя обязательства, тѣмъ не менѣе, повидимому, онъ покровительствовалъ Штейнбергу, такъ какъ возвелъ его въ санъ канцлера и поручилъ отвѣтственную миссію. Правда, впослѣдствіи Шлитте безсовѣстно отрекается отъ своей креатуры. Но все поведеніе Штейнберга, его хлопоты въ Римѣ, его преданность дѣлу, его настойчивость — свидѣтельствуютъ о довѣрчивости, граничащей съ наивностью. Онъ, повидимому, совершенно искренне убѣжденъ, что въ рукахъ его судьбы Москвы, да, пожалуй, и Европы и всего міра—если только папа согласится пожаловать Ивану королевскій вѣнецъ.

И, дѣйствительно, московская афера, благодаря Штейнбергу, заинтересовываетъ европейскій міръ. Вліяніе нунція Петра Бертано могло быть довольно значительно, хотя оно и ускользаетъ отъ точнаго учета. Австрійскій домъ не придавалъ особаго значенія переговорамъ съ Москвою. Только чрезмѣрная подозрительность могла заставить Польшу усматривать съ этой стороны какую-то ловушку. Съ самаго начала Карлъ V становится на чисто религіозную точку зрѣнія; онъ остается вѣренъ себѣ до конца. Узнавъ о возможности нежелательныхъ послѣдствій, онъ отказывается безъ особаго сожалѣнія отъ своего покровительства Штейнбергу. Это свидѣльствуетъ, какъ нельзя лучше, объ отсутствіи у императора всякой задней мысли.

Въ Римѣ не было установившагося взгляда на Московскаго канцлера. Однако, энергичные протесты польскаго короля и отказъ въ покровительствѣ со стороны Карла V должны были нанести чувствительнюй ударъ престижу Штейнберга. Можетъ быть, чувство недовѣрія пробудилось у Куріи лишь тогда, когда миновало первое увлеченіе. Вотъ чѣмъ можно объяснить, что сперва канцлеру былъ оказанъ внимательный пріемъ, а при возникновеніи препятствій препятствій картина рѣзко измѣнилась.

Сигизмундъ-Августъ—вотъ главная жертва мистификаціи. Онъ ничуть не сомнѣвается въ московскихъ интригахъ.

Онъ глубоко убѣжденъ, что Иванъ съ помощью лживыхъ обѣщаній добивается королевской короны. Чтобы предупредить опасность, самыя суровыя пресѣчительныя мѣры кажутся королю необходимыми: онъ не отступаетъ передъ крайними средствами. Такимъ образомъ въ отношеніяхъ къ Риму выяснилась вся польско-московская политическая система. На этомъ разоблаченіи и сосредоточивается главный интересъ этого любопытнаго эпизода.

Но какую же роль игралъ Иванъ IV? Можно ли предположить, что онъ пытался заключить союзъ со св. Престоломъ, желая быть коронованнымъ? Документальныя данныя не говорятъ намъ ничего опредѣленнаго. Въ грамотахъ Шлитте нѣтъ объ этомъ ни слова. Грамота же Штейнберга была выдана безъ вѣдома Ивана, и ее нельзя считать выраже-ніемъ личныхъ взглядовъ царя. Можно скорѣе предположить, что московскій государь ничего не зналъ о грандіозныхъ проектахъ, которые отъ его имени представлялись папѣ. Дѣйствительно, въ своей перепискѣ 1581 — 1582 г.г. съ Григоріемъ XIII Иванъ говоритъ о сношеніяхъ своего отца, Василія, съ Римомъ; онъ толкуетъ и о Флорентійскомъ соборѣ, гдѣ засѣдали русскіе епископы. Царь не пропускаетъ ничего, что можно было-бы счесть нѣкоторымъ авансомъ въ пользу св. Престола,—но ни разу не упоминаетъ ни о Штейнбергѣ, ни о Шлитте. Можетъ быть, этому послѣднему даны были устные наказы, которыхъ не рѣшились довѣрить бумагѣ? Можетъ быть, государь забылъ о нихъ? Ничто не говоритъ въ пользу подобнаго предположенія. Оно совершенно не отвѣчаетъ ни духу Кремля, ни настроенію самого Ивана. Мы видимъ Грознаго въ блестящую эпоху его царствованія. Попъ Сильвестръ и Алексѣй Адашевъ пользуются при дворѣ исключительнымъ вліяніемъ. Ни того, ни другого нельзя заподозрить въ тяготѣніи къ св. Престолу. Во главѣ русской церкви стоитъ знаменитый митрополитъ Макарій, въ глазахъ котораго латиняне—вѣроотступники. Въ 1547 г. митрополичій столъ занятъ Іоною, непримиримымъ противни-

комъ кардинала Исидора. Соборъ 1551 г. выпускаетъ подъ именемъ Стоглава цѣлый сборникъ постановленій, санкціонированныхъ Иваномъ. Каждая страница, всякая строка этого памятника проникнуты исконнымъ московскимъ духомъ и враждою къ латинской ереси[1]). Самъ Иванъ, по поводу взятія Казани въ 1552 г. даетъ полный просторъ проявленію своихъ православныхъ чувствъ. Преданность вѣрѣ отцовъ характеризуетъ всю жизнь царя, несмотря на распущенность его нравовъ. За утвержденіемъ своего царскаго титула онъ обращается къ Византійскому патріарху. Военныя неудачи не могутъ заставить его поколебаться. Правда, встревоженный побѣдами польскаго короля, Стефана Баторія, Иванъ обращается къ посредничеству Григорія XIII для заключенія перемирія. Но, несмотря на двусмысленное письмо къ папѣ, въ религіозномъ вопросѣ царь остается непоколебимъ. Когда посланный папы упоминаетъ о дѣлахъ вѣры, обсужденіе ихъ откладывается до заключенія перемирія. Но лишь только условія подписаны сторонами—начинаются бурные, хотя и безплодные споры о вѣрѣ. Думать, что Иванъ былъ доступнѣе и сговорчивѣе въ моментъ славы, чѣмъ въ эпоху бѣдъ—значитъ совершенно не понимать его характера.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ неудачи Штейнберга, въ 1567 г., когда Римъ былъ занятъ уже иными интересами, въ Германіи снова попытались воскресить затѣю Шлитте. Дѣятельный авантюристъ увѣковѣчилъ свои воспоминанія о Москвѣ въ особой запискѣ. Постоянно борясь съ нуждою, онъ продалъ этотъ трудъ нѣкоему Фоглеру. Тотъ, въ свою очередь, уступилъ записку Вейтъ Зенге изъ Нюрнберга, а послѣдній, считая себя обладателемъ сокровища, пожелалъ пустить его въ оборотъ. Онъ не побоялся путевыхъ издержекъ и отправился въ Кенигсбергъ, гдѣ Шлитте пользовался покровительствомъ короля Прусскаго. Впрочемъ, всѣ дальнѣйшія перипетіи этой

[1]) *Стоглавъ*, стр. 124, 148.

исторіи, не представляютъ для насъ никакого интереса. Любопытенъ развѣ только докладъ Вейтъ Зенге о состояніи Москвы и личности Ивана. О царѣ Московскомъ шли не слишкомъ лестные толки: докладъ старался ихъ опровергнуть. При этомъ онъ ссылался на свидѣтельство какихъ-то нѣмецкихъ купцовъ, которые торговали съ Россіей. Опираясь на ихъ показанія, онъ стремился найти подтвержденіе рискованнымъ выдумкамъ Шлитте. Все это можетъ отчасти объяснить тѣ иллюзіи, которыя существовали на Западѣ относительно истиннаго положенія вещей въ великой славянской державѣ. [1])

---

[1]) Faber, III, 14.—Форстенъ, *Акты*, т. I, стр. 84.

ГЛАВА III

Канобіо, Джиральди, Бонифачіо, Портико. 1561-1572.

I. Дѣло Карафа.—Снова открывается соборъ въ Тридентѣ.—Приглашеніе государей католиковъ и диссидентовъ.—Канобіо назначается въ Москву.—Его инструкціи.—Сомнительные шансы успѣха въ Москвѣ.—Возможныя препятствія со стороны Польши.—Старанія Гозіуса.—Канобіо въ Краковѣ.—Совѣты нунція Бонджьованни.—Опасенія Гозіуса.—Канобіо въ Вильнѣ.—Милостивый пріемъ у Сигизмунда-Августа.—Роковое промедленіе.—Ошибка Канобіо.—Поведеніе Радзивилла.—Борьба съ Падніевскимъ.—Сообщенія Кромера.—Новая борьба между Радзивилломъ и Падніевскимъ.—Король не разрѣшаетъ Канобіо проѣзда на Москву.—Различныя объясненія.—Неудача Канобіо въ Кенигсбергѣ.—Послѣдній обмѣнъ мнѣній.

II. Посланникъ да Мула производится въ кардиналы.—Немилость въ Венеціи, вліяніе въ Римѣ.—Джиральди дается секретное порученіе въ Москву.—Его инструкціи.—Исторія миссіи въ изложеніи Поссевино.—Джиральди задерживаютъ въ Польшѣ.—Депеши Комендоне.—Джиральди задерживаютъ въ Венеціи.—Подробности личнаго свойства.—Бонифачіо, епископу Станьо, поручается отвезти въ Москву постановленія Тридентскаго Собора.—Мнѣніе Пія IV о царѣ Иванѣ.

III. Пій V, типъ папы-монаха.—Селимъ III объявляетъ войну Венеціи.—Лига противъ турокъ.—Письма Венеціи къ Ивану IV.—Мнѣніе Рима о русскихъ.—Винцентъ дель Портико, польскій нунцій, назначается въ Москву.—Его инструкціи.—Въ Римѣ ничего не знаютъ о кровавыхъ дѣяніяхъ Ивана, объ учрежденіи опричнины, о казняхъ, о разгромѣ Новгорода.—Портико открываетъ цѣль московской миссіи королю Польши.—Портретъ этого послѣдняго, его колебанія, письмо къ Гозіусу.—Два священника одинъ за другимъ посылаются въ Москву.—Дорожныя приготовленія Портико.—Онъ посылаетъ въ Римъ донесенія Шлихтинга и польскихъ посланниковъ.—Пій V отказывается отъ московскаго проекта.—Битва при Лепанто.—Девлетъ-Гирей подъ стѣнами Москвы.—Новыя письма Венеціи къ Ивану IV.

I.

Избраніе новаго папы, 25 декабря 1559 г., было предвѣстіемъ мрачнаго дѣла Карафа. Племянники Павла VI изумили міръ своимъ распутствомъ и вызвали къ себѣ непримиримую ненависть. Мѣра терпѣнія переполнилась; пришлось прибѣгнуть къ распрессіямъ. Въ засѣданіи 3 марта 1561 г. кардиналы склонялись уже къ милосердію; но ни одно слово не упало съ устъ папы. Въ тотъ же день Пій IV вручилъ губернатору Рима пакетъ съ приказаніемъ вскрыть его завтра. Онъ былъ подписанъ имъ заранѣе и снабженъ папской печатью. Роковой конвертъ хранилъ въ себѣ смертный приговоръ. 6 марта въ тюрьмѣ Тординоне палачъ отрубилъ голову герцогу Палліано. Кардиналъ Карло Карафа былъ задушенъ въ тотъ же день въ крѣпости Св. Ангела. Правда, нѣсколько лѣтъ спустя, дѣло это подверглось пересмотру: Пій V кассировалъ суровые приговоры, хотя и нѣсколько поздно. Весь Римъ слѣдилъ съ ужасомъ и любопытствомъ за ходомъ этого громкаго и драматическаго процесса. Но это не могло отвлечь Пія IV отъ главныхъ интересовъ Церкви. Важнѣйшею задачею момента былъ новый созывъ собора въ Тридентѣ. Весь католическій міръ требовалъ этой мѣры. Чувствовалась необходимость борьбы противъ протестантскаго засилья; нужно было завершить дѣло, которое могло имѣть самыя серьезныя и глубокія послѣдствія. У папы былъ племянникъ, кардиналъ Карло Барромео. Благодаря сіянію своихъ добродѣтелей, онъ впослѣдствіи былъ причисленъ къ сонму праведныхъ. По направленію ума, чистотѣ стремленій и, строгости жизни онъ былъ истиннымъ представителемъ католической реакціи шестнадцатаго вѣка. Барромео пользовался исключительнымъ вліяніемъ при папскомъ дворѣ. Приготовленія къ собору находились въ его вѣдѣніи. Всю свою энергію онъ употребилъ на пользу этого дѣла.

Согласно обычаямъ эпохи, на вселенскій соборъ созывались не только епископы, но и государи, будь они католики или иновѣрцы. Въ этомъ смыслѣ были предприняты шаги при различныхъ дворахъ. Рѣшено было отправить особаго посла и къ «герцогу Московскому». Это было въ мартѣ 1561 г., наканунѣ роковой развязки дѣла Карафа, которое волновало весь Римъ. Барромео искренно былъ убѣжденъ, что слѣдуетъ поступить именно такимъ образомъ. Теперь, три вѣка спустя, приглашеніе кардиналомъ православнаго Московскаго царя къ участію въ Тридентскомъ соборѣ кажется довольно пикантнымъ. Однако, современниковъ оно не удивляло нисколько. Во всякомъ случаѣ, императоръ Фердинандъ I явно былъ на сторонѣ этой миссіи. Комендоне, искусный папскій дипломатъ, былъ увѣренъ, что она увѣнчается полнѣйшимъ успѣхомъ. Онъ думалъ, что, во всякомъ случаѣ, царь ей окажетъ самый милостивый пріемъ [1]). Оставалось только выбрать посла и притти къ соглашенію съ императоромъ. Фердинандъ также интересовался предпріятіемъ и вмѣстѣ съ королемъ Польши ревниво слѣдилъ за московскими дѣлами.

Въ виду имѣлось два кандидата: Захарія Дельфино и Джьованни Франческо Мацца де-Канобіо. Дельфино былъ епископомъ въ Фаросѣ, нынѣшней Лезинѣ и уже имѣлъ полномочія къ германскимъ государямъ, чтобы склонить ихъ въ пользу собора. Были составлены папскія грамоты на ихъ имя въ двухъ экземплярахъ. Окончательный выборъ, до утвержденія императора, былъ предоставленъ кардиналу Гозіусу. Онъ былъ представителемъ папы въ Вѣнѣ, пользовался полнымъ его довѣріемъ, и московское дѣло находилось подъ его наблюденіемъ. Гозіусъ склонился въ пользу Канобіо. Онъ былъ родомъ изъ Болоньи, получилъ степень доктора въ Падуѣ и уже съ успѣхомъ исполнялъ отвѣтственныя порученія въ Венеціи и Пармѣ, въ

[1]) Ватик. Арх. *Litt. princ.*, 1555-1565, f. 113., *Lett. di segr.* n° 170 A, f. 23 v°.—Библ. Барберини, LLXII, n° 58, f. 59.

Португаліи и Испаніи [1]). Онъ только что вернулся изъ Вѣны, гдѣ торжественно вручилъ императору благословенный папою мечъ и снискалъ самое искреннее расположеніе Гозіуса. 16 апрѣля 1561 г. Канобіо снова покинулъ Римъ. Онъ, какъ будто, везъ золотую розу королевѣ Богеміи; на самомъ же дѣлѣ, съ нимъ были тайныя депеши, касающіяся собора. Въ концѣ мѣсяца Канобіо былъ уже въ столицѣ Австріи, тогда какъ Дельфино еще объѣзжалъ Германію. При такихъ условіяхъ ѣхать въ Москву слѣдовало Канобіо по мнѣнію самого Борромео. Гозіусъ обратился къ императору, а тотъ вполнѣ положился на выборъ кардинала. Итакъ, назначеніе состоялось. Канобіо долженъ былъ вручить царю Ивану IV пригласительную буллу и грамоту отъ 8 апрѣля 1561 г. съ предложеніемъ принять участіе во вселенскомъ соборѣ въ Тридентѣ. Главная цѣль этого собора—искоренить ереси и расколъ и возвратить христіанскіе народы въ лоно Церкви. Съ разрѣшенія Пія IV Гозіусъ поручилъ послу коснуться еще одного вопроса [2]).

Дѣло въ томъ, что вражда между Польшею и Москвою грозила пагубной войной. Канобіо долженъ былъ предложить свои услуги для примиренія обоихъ государей. Но, согласно желанію папы, онъ долженъ былъ сообразоваться съ совѣтами и намѣреніями императора Фердинанда. Для покрытія путевыхъ издержекъ Канобіо, Гозіусъ потребовалъ сумму въ 2000 дукатовъ. Въ Римѣ на это согласились, хотя и находили, что и половины было бы достаточно.

Какіе-же шансы на успѣхъ имѣла миссія Канобіо? Идея папскаго посредничества между королемъ Польши и царемъ Иваномъ IV была хотя и серьезна, но преждевременна. Къ третейскому суду прибѣгнуть только черезъ двад-

---

[1]) Епископъ Форли въ 1580 г., подалъ въ отставку въ 1586 г. въ слѣд. г.—нунцій въ Тосканѣ, умеръ во Флоренціи въ 1589 г.—Galeotti, 38.—*Not. litt.*, I, 281.

[2]) Ватик. арх., *zel. di. segr.*, n° 170 A, f. 23; *Pii IV Br.*, n° 56.

пать лѣтъ, когда прольются моря славянской крови, и обѣ стороны устанутъ воевать. Что касается переговоровъ Канобіо о соборѣ — то здѣсь мы наталкиваемся на странное заблужденіе, хотя намѣренія папы были и искренни, и доброжелательны. Мы помнимъ, какую страшную бурю подняла въ Москвѣ булла Евгенія IV. Противъ кардинала Исидора изрыгались анаѳемы, а римскіе догматы по этому поводу подверглись посрамленію. Кремлевское богословіе оставалось тѣмъ же, чѣмъ было раньше, и настроеніе москвичей ничуть не измѣнилось. Не помогли ни бракъ Ивана III съ Зоей Палеологъ, устроенный кардиналомъ Виссаріономъ, ни посольства, которыми обмѣнивались папы съ Василіемъ III. Вопреки оптимистической увѣренности и смѣлымъ предположеніямъ Рима, въ Москвѣ по прежнему царилъ византійскій духъ и жила ненависть къ католицизму. Это чувство одушевляло самого митрополита Макарія: и книги его, и дѣла ясно свидѣтельствуютъ о такомъ настроеніи. Во всякомъ случаѣ, Тридентскій соборъ натолкнулся бы въ Москвѣ на тѣ же препятствія, что и Флорентійскій.

Въ ту мрачную эпоху, къ которой мы теперь подошли, всякое подобное предложеніе было бы отвергнуто царемъ съ особымъ негодованіемъ. Дѣйствительно, Иванъ уже не выступаетъ передъ нами государемъ, ревнующимъ о благѣ своего народа, готовымъ искупить прошлые грѣхи блестящими дѣяніями. Царь страшно и глубоко измѣнился. Вслѣдствіе какого-то внутренняго кризиса, ускользающаго отъ анализа, преступные инстинкты юности съ новою силой пробудились въ царѣ. Онъ преждевременно потерялъ Анастасію, глубоко разочаровался въ вѣрности бояръ и вѣчно мучился опасеніями подпасть подъ чье-нибудь вліяніе. Въ силу своей недовѣрчивости, Грозный отдалилъ лучшихъ своихъ совѣтниковъ,—попа Сильвестра и Алексѣя Адашева. Мало-по-малу, всѣ ихъ сторонники подверглись опалѣ. Ихъ замѣнили низкіе клевреты и недостойные любимцы: Басмановъ, съ молодымъ сыномъ Ѳедоромъ, съ которымъ связаны самыя постыдныя подозрѣнія, Бѣльскій, Вяземскій,

Василій Грязной, Малюта Скуратовъ. Вотъ какіе люди окружили Ивана съ тѣхъ поръ, какъ онъ предался распутству, оргіямъ и казнямъ. Самый видъ Кремля измѣнился. Къ великому соблазну старыхъ, бояръ тамъ то и дѣло шумно пировали, устраивали игрища въ личинахъ, предавались срамнымъ пляскамъ. Въ то же время непонятная манія истребленія овладѣла мрачнымъ тираномъ. Долго сдерживаемая кровожадная страсть вырвалась на свободу: ничто не могло утолить ее. Порою Иванъ терзался угрызеніями совѣсти и начиналъ изступленно каяться. Но тотчасъ снова рука его тянулась къ топору и готова была разить жертвы. Отынѣ кровожадность, соединенная съ грубымъ мистицизмомъ, станетъ самой опредѣленною и выдающеюся чертою этого ужаснаго характера. Первыя казни, наполнившія ужасомъ Москву, относятся къ 1561 г. Какъ разъ въ это время Канобіо, ни о чемъ не подозрѣвая, стремился проникнуть въ несчастную страну.

Итакъ, нечего было надѣяться на успѣхъ у Ивана IV. Столь же смѣло было ожидать его и при польскомъ дворѣ. Правда, Фердинандъ I оказывалъ послу Куріи всяческое покровительство. Канобіо, очевидно, сумѣлъ внушить ему довѣріе и расположеніе къ себѣ. Еще по пути въ Вѣну папскій посолъ остановился въ Инспрукѣ, чтобы повидаться съ пятью дочерьми императора, которыя жили здѣсь не какъ принцессы, а скорѣе какъ монахини. Затѣмъ онъ былъ посвященъ въ интимныя дѣла царствующаго дома, касавшіяся и Польши, причемъ находился въ непосредственной перепискѣ съ Фердинандомъ. Но покровительствомъ императора слѣдовало пользоваться съ величайшей осторожностью. Иначе оно не только не устранило бы затрудненій, но скорѣе возбудило бы подозрѣнія недовѣрчиваго Сигизмунда. Отношенія между обоими дворами часто бывали натянуты. Въ данный же моментъ, это чувствовалось особенно: къ величайшему неудовольствію императора, одинъ изъ племянниковъ Сигизмунда добивался венгерской короны. Да и самъ король отношеніемъ своимъ къ болѣз-

ненной супругѣ жестоко оскорблялъ отеческія чувства Фердинанда. Одинъ только кардиналъ Гозіусъ могъ побѣдить сопротивленіе Польши. Онъ былъ полякъ и представитель папы, добрый патріотъ и вѣрный слуга св. престола. Роль посредника между папою и королемъ принадлежала ему по праву. Епископъ Вармійскій горячо желалъ осуществленія московскаго проекта и заранѣе принималъ для этого мѣры: между прочимъ, онъ познакомилъ Канобіо съ Мартиномъ Кромеромъ. Этотъ посланникъ Сигизмунда въ Вѣнѣ былъ близкимъ другомъ кардинала. Польскійкороль уже запрашивалъ его относительно дипломатическаго казуса, связаннаго, какъ думали, съ королевской короной Ивана. Кромеръ познакомился съ документами миссіи и далъ королю благопріятный отвѣтъ. Онъ также снабдилъ Канобіо лестнымъ рекомендательнымъ письмомъ, гдѣ съ похвалою отзывался объ осторожности и талантахъ легата[1]).

Въ концѣ мая мѣсяца Канобіо прибылъ въ Краковъ. Сигизмундъ въ это время усиленно готовился къ войнѣ и находился въ Вильнѣ. Возникало новое осложненіе. Когда король Польши имѣлъ пребываніе въ литовской столицѣ, иностранные дипломаты могли къ нему являться лишь по спеціальному разрѣшенію. Не нарушивъ этикета, легату нельзя было избѣжать задержки на нѣсколько дней. Берардо Бонджьованни, епископу Камерино и нунцію папы пришлось улаживать дѣло. Сначала онъ стоялъ за то, чтобы выждать необходимый срокъ: въ этомъ смыслѣ онъ и написалъ въ Вильну. Но свиданіе съ канцлеромъ Озецкимъ заставило его измѣнить тактику. Вскорѣ полученъ былъ отвѣтъ изъ Вильны, который и рѣшилъ вопросъ окончательно. Въ немъ сначала всячески поносилась Москва, а затѣмъ давалось обѣщаніе оказать посланцу Пія IV наилучшій пріемъ. Очевидно, брань по адресу русскихъ только маскировала удовлетвореніе короля. Нунцій совѣтовалъ послу умалчивать о поддержкѣ со стороны императора. Къ

[1]) Ватик. Арх. отд. Боргезе, III, n° 117. С.—Zakrzewski, *Stosunki*, 43.—Pegiani, II, 225, 258, 259.

сожалѣнію, депеши Кромера сдѣлали эту политику невозможной. Впрочемъ, Бонджьованни предвидѣлъ, откуда могутъ возникнуть главныя затрудненія. Поэтому онъ и снабдилъ Канобіо письмомъ къ самому непримиримому противнику Москвы, Радзивиллу Черному. Съ приближеніемъ войны вліяніе его все возрастало: понятно, какъ желательно было вернуть его къ вѣрѣ отцовъ. Снабженный этими инструкціями, римскій посолъ отбылъ въ Вильну 16 іюня 1561 Монахъ-доминиканецъ сопровождалъ Канобіо. Оба лелѣяли самыя смѣлыя надежды. Но Гозіусъ не раздѣлялъ этихъ иллюзій. Въ отвѣтъ на письмо кардинала, Сигизмундъ предупредилъ его, что армія занимаетъ всѣ дороги, и что война можетъ помѣшать путешествію римскаго легата. Это плохо согласовалось съ тѣмъ, что говорилъ Озецкій. Умышленная сдержанность короля и передвиженіе войскъ внушали Гозіусу опасенія, что Канобіо такъ и не увидать бѣлыхъ стѣнъ Кремля[1]).

Тѣмъ не менѣе, былъ такой моментъ, когда этотъ скептицизмъ могъ казаться и преувеличеннымъ. Такъ радушенъ, такъ милостивъ былъ королевскій пріемъ въ Вильнѣ, что Канобіо уже сомнѣвался въ своемъ скоромъ отъѣздѣ въ Москву[2]). Но раньше, чѣмъ высказаться окончательно, Сигизмундъ попросилъ обождать нѣсколько дней: онъ желалъ еще знать мнѣніе польскихъ и литовскихъ сенаторовъ. Это промедленіе сыграло роковую роль: оппозиція собралась съ новыми силами для борьбы съ нежелательнымъ для нея проектомъ. Дѣйствительно, поляки съ неудовольствіемъ смотрѣли на то, что Москва начинаетъ выходить изъ своего уединенія сближается съ Западомъ. Вмѣшательство Рима внушало опасенія литовскимъ протестантамъ. Король, какъ это видно изъ дѣла Штейнберга, также не сочувствовалъ подобнымъ замысламъ. Если вѣрить нунціи, и самъ Канобіо нѣсколько повиненъ былъ въ неблагопріятномъ исходѣ дѣла.

[1]) Ватик. Арх., Zitt. Princ. 1555—1565, f. 128.

[2]) Theiner, *Vet. mon. Pol.*, II, 668.

Папскій посолъ прибылъ въ Вильну въ первыхъ числахъ іюля. Вмѣсто того, чтобы проявить необходимую дипломатическую сдержанность, онъ сразу зачастилъ въ австрійское посольство, явно избѣгая Радзивилла. Помимо того, Канобіо не скрывалъ своихъ симпатій къ королевѣ Екатеринѣ. Такое поведеніе не могло не задѣть за живое Сигизмунда. Въ концѣ концовъ, Канобіо рисковалъ прослыть агентомъ императора. Радзивиллъ отлично съумѣлъ воспользоваться обстоятельствами. Его шпіоны сообщали ему о каждомъ шагѣ Канобіо. Самъ онъ докладывалъ все королю. Сигизмундъ волновался, колеблясь и не зная, что предпринять. Только одинъ человѣкъ успѣшно боролся противъ виленскаго воеводы: то былъ вице-канцлеръ Падніевскій. Онъ недавно былъ назначенъ краковскимъ епископомъ и открыто отстаивалъ римскіе интересы. Радзивиллъ понялъ, наконецъ, что необходимъ какой-нибудь театральный эффектъ, чтобы склонить короля на свою сторону. Поэтому онъ отправилъ гонца въ Вѣну, гдѣ у него было не мало услужливыхъ друзей. Оттуда ему привезли самыя тревожныя вѣсти: будто бы Канобіо долго совѣщался съ Фердинандомъ и получилъ отъ него тайныя инструкціи. Очевидно, со стороны императора можно ждать какой-нибудь ловушки: надо быть на сторожѣ. Падніевскому пришлось вынести бурную сцену. Сигизмундъ уже заподозрѣлъ Римъ и Вѣну въ особомъ соглашеніи и осыпалъ вице-канцлера упреками. Но тотъ не смутился. Онъ не слишкомъ довѣрялъ свѣдѣніямъ, почерпнутымъ противниками изъ подозрительныхъ источниковъ и притомъ съ предвзятою цѣлью. Падніевскій такъ успѣшно отстаивалъ свое мнѣніе, что въ Вѣну отправили новаго гонца, чтобы собрать нужныя данныя не черезъ протестантскихъ друзей Радзивилла, а у Мартина Кромера, оффиціальнаго представителя короля. Конечно, отвѣтъ былъ полученъ успокоительный.

Тогда въ Вильнѣ начались новыя пререканія. Радзивиллъ твердо стоялъ на своемъ. За него говорило очень

многое: и воспоминанія, связанныя съ Сигизмундомъ I, и прежнія дипломатическія затрудненія, и самое положеніе Литвы, открытой для нападеній со стороны Москвы. Падніевскій настаивалъ на томъ, что не слѣдуетъ ссориться съ Римомъ. Разрывъ съ Куріей могъ бы не только повліять на исходъ спора изъ-за Бари и Россано [1]): онъ отозвался бы и на судьбахъ католицизма въ Польшѣ, сильно угрожаемаго со стороны еретиковъ. Всѣ эти противорѣчивыя мнѣнія только увеличивали затрудненіе короля. Вмѣстѣ съ этимъ росла и его неувѣренность. Сигизмунду не хотѣлось способствовать планамъ Москвы или Австріи; но съ другой стороны, онъ боялся открыто порвать съ Римомъ.

Однако, придти къ какому-нибудь рѣшенію было необходимо. Канобіо усталъ ждать полтора мѣсяца при чужомъ дворѣ. Онъ тосковалъ отъ бездѣйствія и желалъ знать, чѣмъ же все это кончится? Наконецъ, послѣ новаго совѣщанія со своими приближенными, Сигизмундъ формально объявилъ Канобіо, что не можетъс огласиться на отъѣздъ его въ Москву. При этомъ онъ увѣрялъ въ своей преданности Св. Престолу. Дѣло въ томъ, что никогда во время войны иностранные послы не пропускаются черезъ Литву. Обычай пріобрѣлъ силу закона. Сенаторы на немъ настаиваютъ; королю не приходится нарушать его. Такой предлогъ былъ, болѣе или менѣе, благовиденъ. Напрасно Канобіо его оспаривалъ—Сигизмундъ остался непреклоненъ. Если пропуститъ папскаго посла,—говорилъ онъ, истощивъ всѣ доводы,—нельзя будетъ отказать въ томъ же и представителямъ протестантскихъ государей. Вѣдь и они могутъ пожелать вступить въ сношенія съ Москвою. Но такая уступчивость бу-

---

[1]) Эти два герцогства были завѣщаны Боною Сфорца королю Испаніи. Король Польскій требовалъ ихъ себѣ. Избранный третейскимъ судьею, императоръ Фердинандъ предоставилъ ихъ Филиппу II. Сигизмунду пришлось удовольствоваться извѣстною денежной компенсаціей.

детъ непріятна не только королю, но и папѣ. Этотъ отвѣтъ дѣлалъ дальнѣйшій споръ безполезнымъ.

Сигизмундъ желалъ разсѣять то впечатлѣніе, какое могъ произвести въ Римѣ его образъ дѣйствій. 10 сентября онъ написалъ кардиналу Фарнезе, протектору Польши, а черезъ два дня и самому папѣ. Король подробно излагалъ свои мотивы. Ссылаясь на обычаи своей страны, онъ, впрочемъ, не скрывалъ и личнаго своего убѣжденія, что отъ Ивана все равно—ничего бы не добились. Ему извѣстны,—говорилъ онъ,—грубость и варварство царя, а также его ненависть къ латинянамъ. Онъ ни за что не послалъ бы уполномоченныхъ въ Тридентъ... Итакъ, событія оправдали первоначальныя опасенія нунція. Такъ какъ ему было поручено освѣдомлять кардинала Мороне о дѣлахъ собора, онъ старался извинить короля и найти для него смягчающія обстоятельства [1]).

Но Канобіо не обнаружилъ такой снисходительности. Свою неудачу онъ приписывалъ двумъ причинамъ: съ одной стороны, пагубному вліянію протестантовъ, составлявшихъ большинство въ литовскомъ сенатѣ; съ другой—вялости самихъ защитниковъ папскаго посла. Не относится ли этотъ намекъ къ Бонджьованни? Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что нунцій и Гозіусъ не сходились во взглядахъ. Можетъ быть, второй покровительствовалъ Канобіо больше, нежели первый. Покорившись силѣ, но не примиряясь съ неудачей, уполномоченный Пія IV 19 августа отправился въ Кенигсбергъ. И это путешествіе чуть не разстроилось изъ-за опасеній, какъ бы Канобіо не попалъ въ Москву. Результаты, достигнутые легатомъ въ Пруссіи были не лучше, нежели въ Польшѣ. Правда, старый герцогъ Альбертъ принялъ его весьма любезно; но отъ участія въ соборѣ онъ отказался самымъ категорическимъ и даже рѣзкимъ образомъ.

Папа, какъ мы знаемъ, первый возымѣлъ мысль о мо-

---

[1]) Pallavicini, II, 648.—Theiner, *Vet. mon. Pol.* II, 641, 668, 670.

сковской миссіи. Но онъ видѣлъ въ ней лишь исполненіе долга и дѣйствовалъ, главнымъ образомъ, ради очищенія совѣсти. Приглашеніе на Тридентскій соборъ относилось ко всѣмъ. Если московскому государю и не давалось особыхъ преимуществъ, то не было причинъ и исключать его: Кардиналъ Борромео, который пишетъ отъ имени папы, часто ссылается на идею высшаго долга и моральной отвѣтственности. Эти слова, полныя искренности, нѣсколько странно звучатъ среди обычныхъ дипломатическихъ формулъ. Относительно Польши у Куріи не было рѣшительно никакихъ враждебныхъ намѣреній. Это совершенно ясно видно изъ того, что нунцій былъ уполномоченъ воспрепятствовать отъѣзду Канобіо, если король Сигизмундъ отнесется къ нему несочувственно.

Итакъ, въ сущности, инцидентъ былъ исчерпанъ. Все же стороны обмѣнялись дополнительными дипломатическими объясненіями. Римъ съ прискорбіемъ замѣчалъ, что король польскій слишкомъ склоненъ къ неосновательнымъ подозрѣніямъ. Въ первыхъ числахъ января 1562 г. по поводу одной аудіенціи въ Ломжѣ, нунцій счелъ первымъ долгомъ вернуться къ этому вопросу и уничтожить послѣдніе слѣды непріятнаго инцидента. Самъ папа подтвердилъ королю, что миссія Канобіо должна была ограничиться приглашеніемъ Ивана IV на Тридентскій соборъ. Она могла бы имѣть для Польши самыя благодѣтельныя послѣдствія. Но Сигизмундъ думалъ иначе. Онъ былъ очень доволенъ, что путешествіе Канобіо не состоялось. Впрочемъ, онъ заявлялъ, что никогда не питалъ противъ Рима подозрѣній и не сомнѣвался въ расположеніи папы. Быть можетъ, только австрійцы дали ему поводъ къ нѣкоторой тревогѣ. *)

---

*) Eichhorn, II, 53—Ватик. Арх. *Litt. princ.*, 1555—1565, f. 116—Theiner, *Vet. mon. Pol.*, II, 649,671,678,697.—Pogiani, II, 350.—Ватиканская библіотека, отд. Оттобони, № 2417, f. 114.

II.

Если польскій король оставался вѣренъ своей политикѣ, то и Римъ не забывалъ своихъ видовъ на Москву. Въ началѣ 1560 г. къ папѣ явился новый представитель Венеціи, Марко-Антоніо да Мула. Онъ состоялъ когда-то ученикомъ Падуанской школы, и посвященъ былъ въ тайны политики. Прежде своего назначенія посломъ въ Римъ, онъ блисталъ при дворахъ Карла V и Филиппа II. Ловкій дипломатъ вскорѣ сталъ предметомъ всеобщаго восхищенія; между прочимъ, это было засвидѣтельствовано рѣдкимъ и лестнымъ знакомъ отличія. Простой міряниНъ, уже достигшій пятидесятилѣтняго возраста, вдругъ, безъ вѣдома Сеньеріи, получилъ отъ папы назначеніе епископомъ въ Верону... Это было явнымъ нарушеніемъ закона. Венеція запрещала своимъ гражданамъ получать бенефиціи или дары отъ иностранныхъ государей. Исключеній никакихъ не допускалось. Послѣ долгихъ переговоровъ Пій IV согласился взять свое назначеніе обратно. Но онъ уступилъ только затѣмъ, чтобы поставить на своемъ: 16 февраля 1561 г. Мула былъ сдѣланъ кардиналомъ.

Это вызвало большое волненіе въ герцогскомъ дворцѣ. Гордая Сеньерія никому не позволяла распоряжаться своими подданными,—хотя бы даже съ цѣлью возвысить ихъ надъ толпою. На этотъ разъ переговоры съ папою оказались напрасными. Въ отместку, венеціанцамъ было запрещено чествовать новаго кардинала; званіе посла въ Римѣ передано было другому лицу съ запрещеніемъ посѣщать Мула. Тщетно старался папа успокоить Венецію, увѣряя Сеньерію, что онъ дѣйствовалъ по собственному побужденію: республика не могла простить измѣнника. «Онъ человѣкъ фальшивый и, какъ таковой, извѣстенъ Венеціи»,—дерзко говорилъ Джьакомо Соранцо Пію IV,—«да не измѣнитъ онъ Вашему Святѣйшеству, какъ измѣнилъ своей ро-

динѣ!» Загадочное пожеланіе! «Какая измѣна?—спросилъ папа: «вѣдь не захочетъ же онъ отравить меня?» Посланникъ ограничился неясными намеками на осторожность Сеньеріи и на ея особую преданность св. Престолу; ясно, что онъ хотѣлъ внушить Пію IV самыя серьезныя подозрѣнія относительно кардинала. Но эти дипломатическія уловки не поколебали положенія Мула. Папа постоянно съ нимъ совѣтовался и осыпалъ его почестями. Въ 1562 г. кардиналъ сталъ епископомъ Рити, черезъ три года ему былъ порученъ надзоръ за библіотекой Ватикана. Мула исключительно вѣдалъ дѣла, относящіяся къ Тридентскому собору и къ антиоттоманской лигѣ[1]). Какъ извѣстно, Москвѣ было предназначено особое мѣсто на соборѣ. Царскія войска могли бы оказать большую помощь противъ турокъ. Удивительно ли, что венеціанскій кардиналъ направилъ свое вниманіе въ эту сторону? По его настояніямъ, или, по крайней мѣрѣ, благодаря его заботамъ былъ изданъ декретъ о новой миссіи.

Это было приблизительно въ сентябрѣ 1561 г. Неудача Канобіо заставляла св. Престолъ считаться съ настроеніемъ Польши. Поэтому при организаціи миссіи соблюдалась величайшая тайна. Нельзя допустить, чтобы съ Сеньеріей былъ предварительно заключенъ договоръ: мы видѣли, что Мула впалъ у нея въ немилость. Да и его депеши не содержатъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго намека. Римскій дворъ начиналъ дѣло за свой рискъ и страхъ. Во главѣ миссіи стоялъ, правда, венеціанецъ; но онъ дѣйствовалъ отъ имени папы и подъ его покровительствомъ.

При этихъ условіяхъ папскимъ посланцемъ долженъ былъ явиться человѣкъ ловкій и находчивый. Выборъ кардинала палъ на одного изъ земляковъ, состоявшихъ у Мула на службѣ—именно на Джьованни Джиральди. Явленіе рѣдкое въ XVI вѣкѣ—этотъ итальянецъ зналъ по-польски и

[1]) Cigogna, VI, 611—629, 742, 743.—Arberi, XI, 156—160.—Намеки Соранцо относятся къ дѣлу Аквилейскаго патріарха, о чемъ будетъ рѣчь ниже.

по-нѣмецки. Его лингвистическія способности, повидимому, и были причиною его возвышенія. Главная цѣль миссіи была та же, что и въ предыдущій разъ. Джиральди долженъ былъ вручить Ивану пригласительную буллу на соборъ, а также грамоту Пія IV, которая до насъ не дошла. Но зато папскія инструкціи знакомятъ насъ съ любопытными подробностями. Императоръ Фердинандъ и король польскій на этотъ разъ остаются въ сторонѣ. Курія не ищетъ ни одобренія перваго, ни поддержки второго. Джиральди долженъ тайно пробраться въ Москву и выяснить передъ царемъ положеніе дѣлъ. Непреодолимыя препятствія преградили путь первому послу. Но папа счелъ своимъ долгомъ тайно отправить новое довѣренное лицо — хотя бы неоффиціально и безъ обычныхъ даровъ. Въ инструкціяхъ приводились многіе доводы въ пользу приглашенія Ивана на соборъ, Повидимому, ихъ авторъ нисколько не сомнѣвался въ успѣхѣ миссіи при московскомъ дворѣ. Его больше безпокоила Польша. Поэтому онъ совѣтуетъ русскимъ пуститься на хитрость,—моремъ добраться до Голландіи, а откуда недалеко и до Тридента. Если присутствіе Джиральди необходимо, онъ можетъ остаться въ Москвѣ. Предусматривалось и самое отдаленное будущее. Ловкій венеціанецъ захватитъ съ собою изъ Москвы нѣсколькихъ молодыхъ людей, которые отправятся въ Римъ для изученія латыни и церковныхъ обрядовъ. А затѣмъ папа отошлетъ ихъ обратно въ Москву, чтобы они своими талантами и знаніями служили родинѣ.

Особенностью этихъ инструкцій являлась формула обращенія къ Ивану: его титулуютъ королемъ, королевской свѣтлостью, величествомъ. Эта подробность не лишена значенія. Въ Римѣ королевскій титулъ считался наилучшимъ средствомъ сдѣлать великаго князя послушнымъ Св. Престолу. Конечно, довольно странно, что эта честь оказывалась Ивану вдругъ, безъ всякихъ основаній и безъ взаимныхъ уступокъ. Это тѣмъ болѣе удивительно, что прежній титулъ Грознаго появляется вновь въ позднѣйшихъ доку-

ментахъ. Съ этой стороны инструкціи Джиральди представляются чѣмъ-то совершенно исключительнымъ. Нельзя ли заподозрить ихъ подлинность? Оффиціальный характеръ московской миссіи, какъ будто, не допускаетъ подобной гипотезы. Во всякомъ случаѣ, мы не находимъ нигдѣ объясненія столь удивительной редакціи [1]).

Каковъ же былъ успѣхъ миссіи? Былъ ли Джиральди счастливѣе Канобіо, и удалось ли ему проникнуть въ Москву? Папскій посолъ самъ разсказалъ о своихъ приключеніяхъ Поссевино, когда тотъ по пути въ Москву, остановился на нѣсколько дней въ Венеціи, въ качествѣ легата Григорія VII къ Ивану IV. Предоставимъ же слово знаменитому іезуиту. «Нѣкій Джьованни Джеральди (sic) пишетъ онъ кардиналу Комо,—по прозвищу Маринелла, который, будучи венеціанцемъ, знаетъ языки нѣмецкій и польскій, явился ко мнѣ и разсказалъ, что, въ правленіе Пія IV, онъ былъ посланъ въ Москву кардиналомъ да Мула, по приказанію его святѣйшества; но ни поляки, ни король Сигизмундъ не захотѣли пропустить его черезъ свою границу—быть можетъ, изъ страха, что Св. апостольскій Престолъ подвергнетъ этимъ Польшу какому-нибудь стѣсненію. Тогда Джеральди вернулся обратно, чтобы направить свой путь черезъ Ливонію. Однако, не имѣя возможности продолжать свое путешествіе вслѣдствіе различныхъ препятствій, онъ былъ принужденъ вернуться въ Италію, что случилось и съ сьеромъ Алессандро (sic, вмѣсто Джьованни) Канобіо, который съ такими же цѣлями былъ нѣкогда отправленъ въ тѣ же края».

Такова краткая исторія миссіи Джиральди. Что касается подробностей, то въ дипломатической корреспонденціи того времени сохранились о ней одни лишь обрывки свѣдѣній. Хотя инструкціи Джиральди относятся къ 1561 г., его имя снова появляется въ 1564 г., подъ перомъ нунція

---

1) Тургеневъ, 181.—Ватик. Арх. *Polit.*, t. CXIX, f. 232.—О пропагандѣ, *Scritt. orig.* апп. 1705.—Нац. Библ., Итал. отд., n° 1345.

Польши, Коммендоне. Къ своему величайшему удивленію этотъ іерархъ узналъ, что перехваченъ пакетъи грамота папы къ Ивану IV. Джиральди, везшій эти документы, сначала былъ посаженъ въ тюрьму, а затѣмъ снова освобожденъ. Онъ увѣрялъ, что вся корресподенція находится въ рукахъ короля, и отказывался отъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій. Сигизмундъ, повидимому, былъ жестоко оскорбленъ. Сторонники новыхъ идей подняли голову... Самъ Коммендоне повергнутъ былъ въ недоумѣніе; въ депешѣ своей отъ 3 января 1564 г. онъ выражаетъ кардиналу Баромео желаніе быть посвященнымъ во все это дѣло. Отвѣтъ Куріи заключалъ, вѣроятно, драгоцѣнныя свѣдѣнія; къ сожалѣнію, онъ до насъ не дошелъ. Три мѣсяца спустя,—5 апрѣля, нунцій опять возвращается къ этому предмету, чтобы подтвердить прежнія заявленія Куріи. Король излилъ свои чувства передъ спискомъ Гнезенскимъ, Ушанскимъ. Коммендоне прибѣгаетъ къ посредничеству этого іерарха для новыхъ завѣреній въ искренности папы. Онъ прибавляетъ въ своей депешѣ: «Что касается меня, то, по моему, не будетъ большой бѣды, если король убѣдиться, что апостольскій престолъ можетъ войти въ сношенія съ Москвою; я думаю, что не надо бы окончательно отказываться отъ этого дѣла»[1]). Эти слова нунція имѣли серьезное основаніе: со стороны короля можно было опасаться скандальнаго развода; самыя опасныя секты размножались въ Польшѣ безнаказанно. Для противодѣйствія всему этому не мѣшало имѣть точку опоры внѣ Польши.

Однако, съ этого времени корресподенція Коммендоне больше ничего не говоритъ о проектѣ московской миссіи. Изъ этого можно заключить, что никакихъ осложненій это предпріятіе не создало. Къ тому же, съ распущеніемъ Тридентскаго собора въ 1563 г., сама собою устранялась главная цѣль переговоровъ. Что касается Джиральди, то его продолжаютъ преслѣдовать неудачи. Въ томъ же 1564 г.,

---

[1]) Тургенезъ I, 199, 202.

только что избѣжавъ польской тюрьмы, онъ опять терпитъ крушеніе въ Венеціи. Повидимому, между этими двумя приключеніями онъ успѣлъ побывать въ Римѣ, и получилъ отъ да Мула новыя инструкціи. Уже одно это дѣлало его подозрительнымъ въ глазахъ Сеньеріи. Подозрѣнія еще увеличились, когда у Джиральди нашли папскую грамоту и записку, составленную венеціанскимъ кардиналомъ. Сенаторы передали римскій документъ нунцію, заявляя, что они не желаютъ коснуться печати Куріи; зато записка обратилась въ ихъ рукахъ въ страшное орудіе. Было начато слѣдствіе. Пошли толки о ядѣ и кинжалахъ, будто бы угрожавшихъ жизни Аквилейскаго патріарха Джьованни Гримани, о заговорѣ, задуманномъ да Мула... Несмотря на столь компрометтирующіе слухи, Джиральди вышелъ изъ рукъ правосудія здравъ и невредимъ. Мы снова видимъ его въ Венеціи въ 1580 г. Онъ уже почтенъ довѣріемъ сената и переводитъ русскія письма [1]).

Итакъ, Пію IV не удалось пригласить царя на Тридентскій соборъ. Тѣмъ не менѣе, папа хотѣлъ познакомить Грознаго съ тѣми постановленіями, которыя были выработаны на этомъ совѣщаніи. Какъ разъ оказалось лицо, которое могло лучше всего выполнить такую задачу. Мы говоримъ о фра Бонифаціо, родомъ изъ Рагузы. То былъ знатокъ языковъ и бывшій слушатель Парижскаго Университета. Въ 1561 г. онъ выхлопоталъ себѣ необходимыя полномочія для совершенія богослуженій въ Венгріи, Трансильваніи, Польшѣ и Москвѣ. Въ 1564 г. фра Бонифаціо былъ назначенъ епископомъ Станьо въ Дамаціи; однако, это нисколько не уменьшило его апостольскаго рвенія. Бонифаціо присутствовалъ и на Тридентскомъ соборѣ. Ему-то и поручилъ Пій IV свезти постановленія отцовъ въ Москву и, кстати, позондировать Ивана относительно лиги. Грамота папы къ царю помѣчена 10 іюля 1565 г. Пій кратко упоминаетъ о томъ, что

[1]) Венеціанск. Арх., *Cons. X, Secr.*, t. VIII, f. 12.

война задержала Канобіо въ пути, а секретная миссія Джиральди не удалась. Затѣмъ онъ настойчиво рекомендуетъ царю епископа Станьо, не скупясь на обычныя формулы условной любезности. Каковы же были результаты всего этого предпріятія? Сумѣлъ ли уполномоченный папы выполнить данныя ему порученія? Въ дипломатической корреспонденціи того времени не осталось никакихъ слѣдовъ этой миссіи: такимъ образомъ можно предположить, что дальше благихъ пожеланій дѣло не пошло.Во всякомъ случаѣ, любопытно мнѣніе Пія IV о царѣ Иванѣ. Папа думалъ, что Грозный полонъ чистаго и пламеннаго религіознаго чувства, что онъ непримиримый врагъ еретиковъ [1]). Такое заблужденіе побудило Пія V предпринять новую попытку къ сближенію съ Москвою.

III.

Три предыдущія миссіи связаны были, главнымъ образомъ, съ Тридентскимъ соборомъ. Ради этого дѣла были на время отложены всѣ другіе вопросы. Въ 1570 г. снова возвращается, такъ сказать, традиціонное отношеніе къ Москвѣ. Проекты Льва X, Адріана VI, Климента VII, воскресаютъ передъ нами почти въ первоначальныхъ своихъ формахъ.

Пію V было предназначено судьбою первому поколебать могущество Османлидовъ. Впослѣдствіи этотъ папа былъ причисленъ къ лику святыхъ. А при жизни онъ былъ истымъ типомъ монаха, увѣнчаннаго папскаго тіарой. Юность Михаила Гисліери протекла въ монастырскомъ уединеніи. Суровая дисциплина и серьезныя научныя занятія сообщили его характеру мужественную твердость и наложили глубокій отпечатокъ аскетизма на его міросозерца-

[1]) Ватик. арх., XLII, t. XV, f. 388, t. XXIII, f. 23. Оба эти манускрипты такъ ветхи, что посѣтителямъ не выдаются.

ніе. Дальнѣйшая дѣятельность въ качествѣ доминиканскаго священника, а затѣмъ и кардинала, вводила Гисліери въ частое соприкосновеніе съ еретиками въ судилищѣ инквизиціи... Такія впечатлѣнія еще больше содѣйствовали развитію уже отмѣченныхъ чертъ этой замѣчательной личности. Тѣмъ же духомъ проникнута была и первосвященническая дѣятельность Пія IV. У подножія алтаря онъ былъ ангельски кротокъ и благочестивъ. Но для поддержанія дисциплины и охраненія вѣры онъ не отступалъ ни передъ какими мѣрами. Возрастающимъ успѣхамъ исламизма Пій противопоставляетъ чисто юношескій пылъ бойца. Этотъ жаръ по истинѣ былъ удивителенъ въ сѣдовласомъ старцѣ, удрученномъ мучительными недугами.

Пожаръ, истребившій арсеналъ Венеціи, только что успѣлъ погаснуть, и царица Адріатики медленно оправлялась отъ постигшаго ее бѣдствія. Въ Испаніи гренадскіе мавры еще не перестали кровью мстить своимъ побѣдителямъ. И, вдругъ, христіанскій міръ, еще дрожавшій передъ именемъ Сулеймана, былъ пораженъ вѣстью о новомъ нашествіи невѣрныхъ. Славный воитель Ислама раздвинулъ границы своей державы на востокъ—до твердынь Вана, на западъ — до Бѣлграда. На югѣ онъ присоединилъ къ Портѣ варварійскія государства. Военныя доблести Сулеймана пережили его въ лицѣ великаго визиря Магомета Соколли, уроженца Босніи, котораго онъ какъ бы завѣщалъ своему сыну. Да и самъ султанъ Селимъ II не былъ до такой степени разслабленъ наслажденіями гарема, чтобы не чувствовать порой прилива мужества и стремленія къ славѣ. Давнишнимъ предметомъ его желаній былъ островъ Кипръ. Султана плѣняли его лазурное небо, его пышная растительность, тонкія вина, масло и медъ, рудники, богатые квасцами, солью, мѣдью и драгоцѣнными камнями. Эти желанія разбудилъ въ Селимѣ, повидимому, одинъ португальскій еврей, Іосифъ Нази. Онъ уже добился титула Наксосскаго герцога, но его ненасытному честолюбію было мало такого отличія.

Онъ доставлялъ султану венеціанскіе дукаты и даже, вопреки корану, лучшія кипрскія вина. Свои подарки онъ приправлялъ льстивыми рѣчами и соблазнительными предложеніями, втайнѣ надѣясь выкроить себѣ королевство изъ новыхъ оттоманскихъ областей.

Селимъ поддался на приманку. Онъ уже усмирилъ Венгрію и подавилъ возстаніе въ Іеменѣ. Когда онъ узналъ, что пламя опустошаетъ Венецію, а въ Испаніи льется кровь, онъ счелъ моментъ благопріятнымъ для войны. Немедленно султанъ заявилъ свои требованія относительно Кипра. Республика Св. Марка владѣла островомъ съ 1489 г. Конечно, ей не трудно было бы доказать это. Но теперь было не до переговоровъ. За угрозами послѣдовали и дѣйствія: 13 января 1570 г. представитель Венеціи въ Константинополѣ, Маркъ-Антоніо Барбаро былъ арестованъ, а галеры республики, стоявшія въ турецкихъ гаваняхъ, подверглись захвату. Въ Средиземномъ морѣ появились знаменитые левантинскіе корсары; на границахъ Далмаціи начали свирѣпствовать разбойники. Сомнѣваться дольше было нельзя—турки объявляли войну Сеньеріи.

Это событіе возбудило повсюду ужасъ. Осада Мальты съ ея жестокою рѣзнею еще жива была въ памяти у всѣхъ, —и уже снова полумѣсяцъ появлялся на горизонтѣ. Опасность грозила всему Западу. Никто не могъ предвидѣть, какія послѣдствія можетъ имѣть несчастная война; никто не зналъ, до чего можетъ дойти врагъ, поклявшійся истребить христіанство. Приходилось готовиться къ защитѣ. Инициатива должна была исходить отъ главы христіанства, ибо дѣло теперь шло уже не о простой борьбѣ между двумя націями: полумѣсяцъ возставалъ на крестъ, Магометъ оспаривалъ у Іисуса Христа владычество надъ міромъ. Пій V оказался на высотѣ положенія. Уже давно былъ онъ озабоченъ мыслью о всенародной лигѣ противъ турокъ.

Съ первыхъ же дней вступленія на папскій престолъ эта идея стала исходною точкой политики Пія.

Съ приближеніемъ опасности энергія папы удвоилась: онъ искалъ союзниковъ, вооружалъ на свой счетъ галеры, взывалъ ко всѣмъ сочувствующимъ. Мы не станемъ излагать здѣсь исторіи сношеній Пія IV съ большинствомъ государей Запада и даже съ нѣкоторыми восточными монархами съ цѣлью соединить тѣхъ или другихъ подъ знаменемъ борьбы противъ Османлидовъ. Нашему изслѣдованію подлежатъ лишь переговоры Пія V съ Москвою. Ихъ вызвала все та же война противъ турокъ.

Сближеніе на этой почвѣ между папой и царемъ не представляетъ ничего удивительнаго. Опасность была такъ близка, а дѣло касалось интересовъ столь общихъ, что передъ лицомъ оттоманскаго нашествія у всѣхъ могли найтись точки соприкосновенія. Вотъ почему, одновременно съ Римомъ, и Венеція обратила свои взоры въ сторону Москвы. Полагаясь на слова греческаго эмигранта Малаксоса, Совѣтъ Десяти надѣялся поднять возстаніе въ Морѣ: Необходимо было увѣдомить объ этихъ тайныхъ замыслахъ константинопольскаго патріарха. Чтобы добраться до него, обратились къ польскому нунцію. Его просили на правахъ старой дружбы переслать патріарху венеціанскія депеши черезъ «короля московскаго». Ивана также приглашали поднять оружіе противъ турокъ. Но эта корреспонденція такъ и не дошла по назначенію. Все же въ Римѣ господствовало весьма благопріятное мнѣніе о русскихъ и ихъ государѣ. Переговоры 1550-1551 г. подавали поводъ къ самымъ радужнымъ надеждамъ. Послѣ этого папскіе уполномоченные дважды пытались проникнуть въ Кремль, но каждый разъ король польскій ставилъ имъ непреодолимыя преграды. Поэтому ничто еще не ослабило благопріятнаго впечатлѣнія отъ авансовъ Штейнберга. Правда, въ Римѣ хорошенько не знали, было ли то подлинно московское посольство, и насколько серьезными являлись русскія предложенія. Во всякомъ случаѣ, позднѣйшія оффиціальныя свѣдѣнія не нарушали иллюзій Куріи. Польскій нунцій, Джуліо Руджіери, по возвращеніи въ Римъ, въ

1568 г. писалъ въ своемъ докладѣ, что царь враждебно относится къ лютеранамъ; но, можетъ быть, онъ съ меньшимъ неудовольствіемъ согласится на союзъ съ Св. Престоломъ, если удастся выяснить ему основанія Уніи. Что касается политики — то Руджіери не скрывалъ отъ папы вражды, которая существовала между русскими и поляками. Миръ прочный и продолжительный казался ему невозможнымъ. Въ лучшемъ случаѣ, нунцій надѣялся на перемиріе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Всѣ эти обстоятельства глубоко интересовали Пія V. Передъ нимъ была опредѣленная цѣль; намѣчался и путь для ея достиженія. Поэтому новому нунцію, Винценту дель Портико, было поручено помирить Ивана IV съ Сигизмундомъ-Августомъ. Въ случаѣ нужды, папа готовъ былъ снарядить въ Москву особое посольство, чтобы содѣйствовать скорѣйшему соглашенію обѣихъ сторонъ для совмѣстной борьбы противъ турокъ. Кипрская война сообщала этому проекту характеръ самой жгучей современности. Папа имѣлъ теперь возможность не только высказывать платоническія пожеланія, но и прямо приступить къ дипломатическимъ переговорамъ. Нунцію польскому, какъ оффиціальному посреднику по московскимъ дѣламъ, были сообщены новыя инструкціи. Въ нихъ цѣликомъ отражается душа Пія V, во всей ея чистотѣ, энергіи и пылкости. Папа желаетъ, если то возможно, чтобы Портико самъ отправился въ Москву и откровенно изложилъ царю положеніе дѣла. Посольства Ивана къ папамъ Павлу III и Юлію III оставили по себѣ въ Римѣ наилучшія воспоминанія; но тогда переговоры внезапно были прерваны. Теперь папа желаетъ знать, имѣли ли эти посольства должныя полномочія, и питаетъ ли московскій государь прежнія чувства. Намѣстникъ св. Петра печется о спасеніи душъ. Онъ готовъ, со своей стороны, отправить въ Москву епископовъ и проповѣдниковъ. Ради предосторожности, нунцію рекомендуется о религіи говорить въ выраженіяхъ не слишкомъ опредѣленныхъ. Пусть онъ избѣгаетъ всякихъ преній,—конечно, если только самъ

царь не выскажетъ сомнѣнія относительно первенства римскаго папы, чистилища, исхожденія Св. Духа, лицезрѣнія Бога тотчасъ послѣ смерти и т. д. Ивана считали болѣе тонкимъ богословомъ, неужели онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Зато проектъ лиги противъ турокъ нунцій долженъ былъ изложить подробно. Надо воскресить надежду вырвать святую землю изъ рукъ «этого пса и жестокаго тирана»; нужно напомнить о союзѣ между Римомъ, Венеціей и Испаніей и предложить царю въ слѣдующемъ же году сообща съ императоромъ и польскимъ королемъ напасть на турокъ. Вниманіе Османлидовъ будетъ отвлечено въ сторону Венгріи, что облегчитъ дѣйствія христіанскаго флота на Средиземномъ морѣ. Въ постскриптумѣ зашифровано: «Какъ слышалъ Его Святѣйшество, Московитъ выражалъ желаніе получить слѣдующія милости и привиллегіи: королевскій титулъ, священниковъ для наставленія его подданныхъ въ римскихъ обрядахъ, художниковъ и еще многое другое. Если все это правда, пусть Его Свѣтлость объ этомъ вспомнитъ». Къ инструкціямъ прилагалось письмо къ Ивану. Въ иной формѣ и въ обратномъ порядкѣ тамъ высказывались тѣ же мысли. На первомъ мѣстѣ стояла война. [1]) Повидимому, неувѣренность папы являлась отдаленнымъ эхомъ сомнѣній, нѣкогда возбужденнымъ посольствомъ Штейнберга. Чтобы убѣдить Ивана, лучше было-бы напомнить ему о неутомимомъ Соколли. Правда, ему не удалось прорыть Суэцкій перешеекъ; но на слѣдующій годъ онъ задумывалъ соединить Волгу съ Дономъ. Это стратегическое предпріятіе являлось для Москвы чрезвычайно опаснымъ.

Папскія депеши должны были повергнуть нунція въ большое удивленіе, если не сказать недоумѣніе. Онъ лучше зналъ московскія дѣла, чѣмъ Курія. Вѣроятно, Портико не скрывалъ отъ себя, что между римскими предпо-

---

[1]) Ватикан. Арх. *Polit.*, t. XXXIII, f. 33. **Theiner**, *Vet. Mon. Pol.*, II. 748.

ложеніями и дѣйствительностью лежала цѣлая пропасть. И раньше царь не чувствовалъ большого желанія присоединиться къ римской церкви. А въ 1570 г. онъ былъ менѣе, чѣмъ когда-либо, расположенъ къ подобному акту. Кризисъ, пережитый Иваномъ въ 1561 году былъ далеко не преходящимъ явленіемъ: напротивъ, то былъ хроническій и упорный недугъ. Покоритель Казани и Астрахани забылъ, что онъ клялся быть отцомъ своего народа. Онъ сдѣлался подлиннымъ азіатскимъ тираномъ, который не боится крови и даетъ волю дикимъ инстинктамъ. Русскіе историки напрасно пытались изобразить это чудовище. О Грознаго притупился бы рѣзецъ самого Шекспира. Иванъ былъ одаренъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и безнаказанно предавался самымъ гнуснымъ излишествамъ. Угрызенія совѣсти онъ заглушалъ лицемѣрной набожностью. Это странное сочетаніе благочестія и пытокъ, проповѣдей и преступленій бросаетъ на всю эпоху Грознаго мрачный и зловѣщій отблескъ. Въ 1564 г. Иванъ прибѣгъ къ удивительной уловкѣ, чтобы облечь въ форму законности злоупотребленія власти. Въ началѣ зимы царь неожиданно покинулъ Москву. Онъ увезъ съ собою семью и часть своей казны Затѣмъ онъ велѣлъ всенародно объявить, что не въ силахъ больше править страною. Всѣ бояре измѣнники. Они грабятъ землю и торгуютъ своимъ отечествомъ. А когда имъ грозитъ наказаніе, за виновныхъ вступается духовенство. Что же остается Царю? Добровольный изгнанникъ, онъ идетъ «куда укажетъ Богъ». При этомъ неожиданномъ извѣстіи Москва опѣпенѣла отъ ужаса. Конечно, никто не сожалѣлъ о дикомъ деспотѣ. Но, въ разгаръ войны съ Польшей, приходилось опасаться олигархіи бояръ. Ужъ лучше покоряться одному тирану, чѣмъ нѣсколькимъ. Знатнѣйшіе люди столицы съ духовенствомъ во главѣ, отправились въ Александровскую Слободу [1]), куда удалился Иванъ. Стали умолять Царя снова принять въ

[1]) Нынѣ г. Александровъ, Владимірской губ.

свои руки бразды правленія. Грозный тронулся слезами и просьбами и взялъ назадъ свое отреченіе. Но онъ поставилъ условіемъ, что отнынѣ онъ, какъ пожелаетъ, такъ и наказуетъ виновныхъ: отбираетъ ли онъ у нихъ имущество, велитъ ли палачу рубить имъ головы—жаловаться никто не имѣетъ права. Эти лукавыя слова сулили кровавое будущее. Мрачный планъ созрѣлъ въ головѣ царя, и сердце его не дрогнуло передъ его выполненіемъ. Потомки удѣльныхъ князей еще хранили память о своей прежней независимости; бояре дерзко требовали возстановленія своихъ наслѣдственныхъ правъ. Все это стѣсняло верховную власть, расширять которую началъ уже Иванъ III. Внукъ его не хотѣлъ отступать назадъ. Его мучили подозрѣнія; онъ боялся крамолы; нѣкоторые вельможи ему измѣнили. Все это заставляло Грознаго топить въ крови всякую оппозицію, дѣйствительную или мнимую. Такъ создавался режимъ неограниченной власти. Впослѣдствіи Петръ I разовьетъ ее въ огромный и мощный аппаратъ, пережившій въ наше время опасный кризисъ. Вступивъ на путь покорности, бояре, духовенство и выборные люди народа порвали съ вѣковымъ прошлымъ. Скоро имъ придется горько пожалѣть объ этомъ.

Облеченный новою властью, Иванъ вернулся въ Москву 2 февраля 1565 г. Онъ тотчасъ же поспѣшилъ воспользоваться полученными въ Слободѣ уступками. Тогда-то и создалась пресловутая *опричнина*, заслужившая столь печальную славу. Страна была раздѣлена на двѣ неравныя части. Бо́льшая получила названіе *земщины* и была поручена управленію бояръ подъ высшимъ наблюденіемъ Ивана. Меньшую Царь оставлялъ за собою. Въ нее вошли нѣкоторыя части Москвы и нѣсколько второстепенныхъ городовъ: это и была *опричнина*. Всѣ подозрительные люди были оттуда изгнаны въ самую жестокую зимнюю стужу. Имъ обѣщали дать въ иномъ мѣстѣ такія же земли, какъ и тѣ, которыя они принуждены были оставить. Изъ среды опричниковъ было отобрано триста человѣкъ самыхъ

кровожадныхъ и порочныхъ, готовыхъ ко всевозможнымъ гнусностямъ: они составили какъ бы ближайшую свиту царя. Слуги достойны были своего господина: они стали участниками его разгула и исполнителями его приговоровъ.

Мрачный и печальный дворецъ Слободы, невдалекѣ отъ столицы, сдѣлался постояннымъ мѣстопребываніемъ главы опричнины и его клевретовъ. Тамъ глазамъ москвичей представлялось удивительное зрѣлище. Подъ эгидою высшей власти внѣшнія формы монастырскаго обихода скрывали невѣроятные ужасы. Иванъ со своими приспѣшниками образовалъ *братію* или религіозную общину. Самъ онъ былъ ея игуменомъ. Въ монашескомъ одѣяніи днемъ и ночью направлялись кромѣшники въ церковь и отстаивали тамъ длинныя службы. Царь самъ звонилъ въ колокола, управлялъ пѣвчими, билъ земные поклоны передъ иконами. Въ извѣстные часы вся братія собиралась за общей трапезой. За столомъ царило зловѣщее молчаніе. Только чтеніе житій святыхъ нарушало тишину. Мнимые монахи безропотно переносили такое стѣсненіе, зная, что возьмутъ свое: остальное время посвящалось отвратительнымъ оргіямъ, смѣнявшимся пытками; но, большею частью, несчастныхъ тутъ же и казнили съ самой утонченной и дикой жестокостью. Жажда крови палила Ивана. Доносчики не успѣвали указывать виновныхъ; палачи утомлялись казнить, и ничто уже не могло тронуть сердца страшнаго игумена. Онъ лишь приказывалъ молиться за невинно, убіенныхъ на его глазахъ, и снова принимался за пытки.

1570 г. остался особенно памятнымъ въ лѣтописяхъ опричнины. Къ этой эпохѣ относятся страшныя событія въ Новгородѣ. Нѣкогда цвѣтущій городъ былъ ложно обвиненъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Польшею. Тотчасъ же онъ былъ приговоренъ къ гибели и раззоренію. Иванъ выступаетъ въ походъ, и ужасъ предшествуетъ шайкѣ его опричниковъ. У луки ихъ сѣделъ болтаются песьи головы и метлы. Оно и понятно: царскіе слуги должны грызть крамольниковъ и выметать измѣну. Ихъ путь отмѣчается кро-

вавыми этапами. За ними лежитъ опустошенная страна. Особенно пострадалъ городъ Тверь. Новгородъ полонъ былъ несказаннаго ужаса; но онъ встрѣтилъ своего государя со всѣми знаками смиренія и покорности. Напрасныя старанія! Не избѣжать ему печальной участи. Устраивается нѣчто вродѣ судилища; тутъ рѣшаютъ дѣла безповоротно и быстро. Но и это кажется слишкомъ сложнымъ. Большею частью, смертные приговоры изрекаются съ возмутительнымъ произволомъ. Людей цѣлыми группами, иногда семьями, бросаютъ въ Волховъ. Насыщенныя кровью волны порою не принимаютъ своихъ жертвъ... Но и тутъ надежда на спасеніе отнимается у злополучныхъ новгородцевъ. Опричники разъѣзжаютъ на лодкахъ и добиваютъ выплывающихъ. Цѣлыхъ пять недѣль длилась эта бойня; затѣмъ городъ преданъ былъ разграбленію. Говорятъ, погибло больше десяти тысячъ человѣкъ. Что касается царя и его шайки, то, утоливъ свою ярость, они съ добычей вернулись въ Слободу.

Таковъ былъ человѣкъ, которому Портико долженъ былъ передать отъ папы слова религіознаго мира и предложеніе союза противъ турокъ. Неблагодарная миссія! Иванъ предпочиталъ не воевать съ турками, а вести съ ними мирныя сношенія. Стратегическіе замыслы Сокколли повели за собою турецкіе набѣги. Въ 1570 г. Новосильцовъ былъ посланъ въ Константинополь съ жалобой султану. Онъ долженъ былъ заявить, что царь вовсе не недругъ Исламу. Иванъ самъ писалъ Селиму, что мусульмане пользуются въ Москвѣ полною свободою, и предлагалъ сохранить добрыя отношенія, установленныя Баязетомъ.

Что же могъ, что долженъ былъ дѣлать нунцій въ виду такихъ затрудненій? Его инструкціи совершенно не соотвѣтствовали истинному положенію вещей. Какъ дипломатъ, онъ обязанъ былъ освѣдомить папу и освѣтить ему дѣло. Какъ преданный слуга, онъ могъ только проявить рвеніе и попытаться исполнить полученныя распоряженія. Нунцій сдѣлалъ и то, и другое. Онъ оставилъ намъ

обширное дознаніе объ Иванѣ, которое мы и разсмотримъ. Но сперва мы должны коснуться шаговъ, предпринятыхъ нунціемъ у Сигизмунда.

Приходилось выполнить одно предварительное условіе—получить санкцію короля. Чтобы попасть въ Москву, надо было проѣхать Польшу. Обычай требовалъ, чтобы поляки были освѣдомлены о всѣхъ переговорахъ, которые ведутся съ ихъ сосѣдями. А на этотъ разъ дѣло было вдвойнѣ щекотливое. Сигизмундъ уже давно вложилъ въ ножны Варнскій мечъ. Внучатный племянникъ Владислава былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ съ всемогущимъ босфорскимъ евреемъ, Іосифомъ Нази. Идея войны противъ турокъ не могла имѣть успѣха въ Польшѣ. Ея шансы еще уменьшались, разъ московскій царь получалъ приглашеніе присоединиться къ лигѣ. Время не разсѣяло опасеній Сигизмунда, хотя и наложило на него самого замѣтный отпечатокъ... Тщеславный государь когда-то любилъ щеголять въ богатыхъ національныхъ костюмахъ изъ пестрыхъ тканей, носить осыпанные драгоцѣнными камнями пояса. Теперь онъ уже одѣвался только въ темные цвѣта. Покои короля были затянуты чернымъ; они служили какъ бы рамкой его печали. Послѣ отъѣзда въ Австрію третьей жены Сигизмунда, которую онъ преслѣдовалъ смертельной ненавистью, король, большею частью, проводилъ время въ Кнышинѣ. Сигизмундъ состарился раньше времени. Его мучила подагра; утѣшенія онъ искалъ среди недостойныхъ людей. Но счастье бѣжало отъ него. Между тѣмъ, 1569 годъ былъ свидѣтелемъ достопамятнаго мирнаго тріумфа: на Люблинскомъ сеймѣ Литва присоединилась къ Польшѣ. Однако, Полоцкъ—эта значительная крѣпость—еще оставался въ рукахъ у Ивана. Сигизмундъ никакъ не могъ примириться съ этимъ. Если король и медлилъ объявленіемъ войны, тѣмъ не менѣе, онъ оставался непримиримымъ врагомъ Москвы. Лишь только въ 1570 г. Сигизмундъ узналъ, что венеціанцы направляются къ русской границѣ, онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы задержать ихъ: очевидно, король боялся, что

вмѣстѣ съ европейцами въ Москву проникнетъ просвѣщеніе. Несмотря на свои мрачныя привычки, въ средѣ распущеннаго и легкомысленнаго двора послѣдній Ягеллонъ сохранялъ величественную осанку и изящество манеръ. Король былъ сдержанъ въ рѣчахъ и нерѣшителенъ въ дѣйствіяхъ. Онъ не любилъ прямо итти къ цѣли и предпочиталъ недомолвки, особенно, по отношенію къ Риму. Узнавъ о намѣреніяхъ Пія V, Сигизмундъ не отказался исполнить желанія папы. Отвѣты его были крайне уклончивы; если даже они и казались благопріятными, то король обставлялъ ихъ такими оговорками, которыя сводили всѣ его уступки къ нулю.

Нунцій пользовался довѣріемъ короля. Повидимому, въ Варшавѣ онъ былъ даже на лучшемъ счету, нежели въ Римѣ. Тѣмъ не менѣе, Портико не получилъ кардинальской шляпы, которую испрашивала для него Польша. Когда онъ сдѣлалъ свои первыя представленія относительно Москвы, Сигизмундъ-Августъ отнесся къ нимъ благосклонно. Онъ объявилъ, что согласенъ на назначеніе папскаго нунція къ Ивану, если только этимъ уполномоченнымъ будетъ самъ Портико или другое лицо, столь же достойное довѣрія. Религіозный вопросъ долженъ быть единственнымъ предметомъ миссіи,—разумѣется, если только есть какая-нибудь надежда на обращеніе Ивана. Все должно происходить въ величайшей тайнѣ. Подобныя условія едва прикрывали собою прямой отказъ.

Запрошенный кардиналомъ Гозіусомъ, своимъ представителемъ въ Римѣ, Сигизмундъ не скрылъ отъ него своего отношенія къ дѣлу. Чтобы лучше выяснить положеніе, онъ даже воспользовался пикантнымъ сравненіемъ. 24 мая 1571 г. Сигизмундъ писалъ Гозіусу, что, согласно рѣшенію своего совѣта, онъ не можетъ выдать папскому нунцію пропуска на Москву, хотя бы и во время перемирія. Два соображенія заставляли его поступать такимъ образамъ: Иванъ, какъ настоящій варваръ, обнаружитъ еще большую гордость и несговорчивость, когда увидитъ

у себя въ Кремлѣ иностранцевъ. Не смотря на всѣ усилія, обращеніе русскихъ останется въ области мечтаній. Другими словами—папа ничего не выиграетъ, а король Польши останется въ накладѣ. Сигизмундъ прибавлялъ, что русскаго труднѣе обратить, чѣмъ еврея, хотя упрямство сыновъ Авраамовыхъ вошло въ пословицу. Да и можно ли надѣяться привлечь на лоно Церкви цѣлую націю? Въ концѣ-концовъ, король выражалъ опасеніе, какъ бы «кто-нибудь» не оказался въ положеніи Эзоповой собаки, которая выпускаетъ изъ зубовъ добычу, желая схватить ея отраженіе въ водѣ. Мораль басни угадать было не трудно: покровительствовать Москвѣ значило повздорить съ Польшей. Кардиналъ Гозіусъ прекрасно понялъ намекъ. Но онъ былъ слишкомъ остороженъ, чтобы разглашать подобныя заявленія. Вѣроятно, королевское письмо такъ и осталось въ его портфелѣ.

Тѣмъ не менѣе, съ обѣихъ сторонъ были предприняты новые шаги, о которыхъ свидѣтельствуетъ намъ одинъ только документъ. 25 мая 1571 г. была окончательно организована лига противъ турокъ при участіи Пія V, Филиппа II и венеціанскаго дожа.—То была тринадцатая по счету съ основанія оттоманской монархіи. Въ особомъ пунктѣ предусматривалось, что къ договору могутъ присоединиться всѣ христіанскіе государи. Въ силу этого условія, папа предложилъ королю польскому принять участіе въ новомъ Крестовомъ походѣ. Но, самъ не рѣшаясь поднять оружіе, Сигизмундъ и не желалъ, чтобы къ лигѣ примкнулъ его сѣверный противникъ. Однако, по нѣкоторомъ размышленіи, онъ написалъ папѣ 3 сентября 1571 г., что готовъ содѣйствовать отправленію нунція въ Москву, при соблюденіи первоначальныхъ его условій: т.-е. не война, а вопросы вѣры должны быть предметомъ миссіи: при этомъ должны быть представлены гарантіи относительно искренности намѣреній Ивана. Король помнилъ объ оговоркахъ, подсказанныхъ ему змѣиной мудростью. Но онъ

позабылъ, что самъ же выдалъ свою тайну въ письмѣ къ Гозіусу.

Эти двусмысленныя заявленія рождали увѣренность, что Портико предоставлена полная свобода дѣйствій. Поэтому нунцію приходилось предпринять хотя что-нибудь, тѣмъ болѣе, что его медлительность производила въ Римѣ неблагопріятное впечатлѣніе. Вице-канцлеръ Красинскій даже счелъ нужнымъ выступить въ защиту папскаго дипломата и во всеуслышаніе заявить о своей искренней вѣрѣ въ успѣхъ московской миссіи. Римскія инструкціи предоставляли нунцію нѣкоторый просторъ. Раньше, чѣмъ самому ѣхать къ царю, онъ былъ уполномоченъ отправить туда довѣренныхъ лицъ, чтобы позондировать почву. Конечно, то былъ единственно вѣрный путь. Уже 10 мая 1571 г. Портико отправилъ въ Москву одно духовное лицо, предварительно снесшись съ русскими послами въ Польшѣ. Вслѣдъ за первымъ агентомъ онъ послалъ и второго — въ концѣ іюля. Подробности этой миссіи намъ неизвѣстны. Мы не знаемъ даже именъ посланцевъ. Весьма вѣроятно, что они такъ и не достигли цѣли своего путешествія [1]). Но, какъ бы то ни было, нунцій продолжалъ готовиться къ отъѣзду въ Москву. Тогда много толковали о богословскомъ диспутѣ Ивана съ Рокитою; Рокита былъ главою Богемскихъ братьевъ и сопровождалъ въ 1570 г. въ Москву польское посольство. Какъ извѣстно, царь любилъ похвастать своей начитанностью въ писаніи. Онъ воспользовался случаемъ выступить на защиту православной вѣры: впрочемъ, притязанія его оказались значительно выше эрудиціи. Послѣ преній обѣ стороны обмѣнялись догматическими писаніями. По крайней мѣрѣ, Венгерскій увѣряетъ, что видѣлъ своими глазами изящно переплетенную книгу, которую царь вручилъ Рокитѣ. Молва сообщала подробности диспута, имѣвшаго мѣсто въ Кремлѣ. Нунцій рѣшилъ, что этимъ можно вос-

[1]) Theiner, *Vet. mon. Pol.* t. II, стр. 773.—Catena, 185.

пользоваться. Разсказъ о кремлевскихъ преніяхъ былъ переведенъ съ русскаго на польскій, а съ польскаго на латинскій языкъ. Въ то же время появилось въ Сандомірѣ опроверженіе протестантскаго исповѣданія вѣры. Недоброжелатели выдали его передъ Иваномъ за католическій символъ. Религіозныя заботы и литературные интересы не мѣшали нунцію заботиться и о матеріальныхъ предметахъ: онъ запасался дорожными экипажами, постелями и другими необходимыми вещами.

Всѣ эти мѣры свидѣтельствовали о полной готовности нунція повиноваться своему повелителю. Въ то же время Портико съ величайшей тщательностью сообщалъ римскому двору всякія свѣдѣнія. На помощь ему явился счастливый случай. Пока нунцій собиралъ различныя данныя объ Иванѣ, въ Польшу прибылъ нѣкто Альбертъ Шлихтингъ. То былъ солдатъ изъ Померанін, который пробылъ въ Москвѣ семь лѣтъ въ плѣну; наконецъ ему, удалось бѣжать. Свободой Шлихтингъ воспользовался, прежде всего, для того, чтобы занести на бумагу свои воспоминанія. Въ Москвѣ онъ состоялъ на службѣ у итальянскаго лекаря, Арнольдо, много видѣлъ, много слышалъ, и отнюдь не былъ склоненъ къ умолчаніямъ. Свои пространные мемуары въ 65 большихъ страницъ онъ посвятилъ Сигизмунду-Августу. Шлихтингъ даетъ крайне невыгодное представленіе о царѣ. Съ болѣе или менѣе точными подробностями онъ разсказываетъ объ учрежденіи опричнины, о разгромѣ Новгорода, о казняхъ въ Москвѣ. Мрачныя картины производятъ удручающее впечатлѣніе на читателя. Для Портико это свидѣтельство очевидца было находкой. Онъ немедленно препроводилъ его въ Римъ для свѣдѣнія папы и совѣта. Вѣроятно, тѣмъ же путемъ попали въ Ватиканъ и донесенія польскихъ пословъ, бывшихъ въ Москвѣ въ 1570 г. Вынесенныя ими въ пути оскорбленія, ледяной пріемъ царя—все это не могло поощрить желанія вступить съ Иваномъ въ дипломатическія сношенія. Чтобы не остаться съ пустыми руками, нунцій предусмотрительно со-

хранилъ при себѣ копіи отправленныхъ въ Римъ документовъ. Онъ познакомилъ съ ними Поссевино въ 1581 г. Это мы и называли выше дознаніемъ Портико.

Между тѣмъ, благодаря разоблаченіямъ Портико, истина стала мало-по-малу открываться Риму. Личность Грознаго внушала папѣ отвращеніе. Онъ рѣшился пожертвовать своими планами. «Мы совершенно отказываемся отъ московскаго дѣла»,—писалъ Пій польскому королю 31 ноября 1571 г.,—«благодаря свѣдѣніямъ, которыя получили о жизни царя». Нѣсколько раньше то же рѣшеніе было сообщено нунцію въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Мы приняли къ свѣдѣнію все, что вы намъ сообщаете. Не помышляйте болѣе о путешествіи въ эту страну, даже если король польскій дастъ свое согласіе и окажетъ вамъ содѣйствіе. Мы не хотимъ входить въ сношенія съ націей столь варварской и жестокой». Нунцій съ удовольствіемъ подчинился желанію своего повелителя. Предпріятіе было слишкомъ важнымъ и труднымъ въ глазахъ человѣка, знавшаго дѣло близко. Портико ставилъ себѣ въ заслугу, что сразу не отступилъ передъ нимъ. *In magnis voluisseat est,* повторялъ онъ за поэтомъ, какъ бы утѣшая себя въ своей неудачѣ [1]).

Не меньшее удовлетвореніе чувствовалъ и Пій V. — Для этого были у него весьма вѣскіяпричины. 7 октября 1571 г. было памятнымъ днемъ: христіанскій флотъ потопилъ въ водахъ Лепанто славу полумѣсяца. Эта великая морская побѣда такъ же отзовется впослѣдствіи на судьбахъ міра, какъ бой при Саламинѣ или Акціумѣ. Она явилась блистательнымъ доказательствомъ того, что потомки крестоносцевъ, соединившись, могутъ сломить силу мусульманъ. Папѣ выпала миссія поддержать этотъ союзъ и укрѣпить его. Этой

---

[1]) Ватик. Арх. *Polit.*, LXVIII; *Pii V Br.*, t. XIX,, f. 436.—Catena, 185.—Theiner, *Vet. mon.* Pol., II, 774.—*Сборникъ русск. ист. об.*, LXXI, 748—762.

трудной задачѣ Пій V посвятилъ послѣдніе дни своей догарающей жизни. Онъ былъ такъ поглощенъ этой ролью, что пересталъ думать о Московіи. Да она и сама не въ силахъ была въ это время служить общему дѣлу: ей нужно было оправиться отъ собственныхъ бѣдъ. 1571 г. былъ особенно несчастливъ для Россіи. Пока папа искалъ у Ивана поддержки противъ турокъ— сама Русь подверглась татарскому раззоренію. Крымскій ханъ Девлетъ-Гирей вопользовался теплыми весенними днями и подступилъ къ самымъ стѣнамъ Москвы. Пригороды столицы уже пылали. Царь удалился на сѣверъ. Онъ вернулся въ Москву лишь затѣмъ, чтобы подписать миръ еще болѣе постыдный, нежели его бѣгство. Какъ же можно было расчитывать на помощь такого государя?

Сигизмунду прекрасно были извѣстны эти обстоятельства. Но онъ и не подумалъ упомянуть о татарскомъ нашествіи въ своей перепискѣ съ папою. Депеши Портико объясняютъ намъ эту тактику. Въ концѣ 1571 г. уполномоченные Девлетъ-Гирея явились въ Варшаву, чтобы получить деньги за свои военные подвиги: Оказывалось, что татаръ подвинуло на Москву польское золото. Подобныя соглашенія были на руку корыстной Ордѣ, а христіанскіе государи прибѣгали къ нимъ безъ зазрѣнія совѣсти, хотя и тайно. Поэтому, когда папа отказывается отъ своихъ плановъ, онъ ссылается лишь на варварство и жестокость русскихъ. Его взглядъ обращенъ уже въ сторону Персіи, Аравіи, Эфіопіи. Тамъ онъ ищетъ новыхъ союзниковъ.

Венеція была не столь щепетильна. Побѣдители не согласились предать избіенію Лепантскихъ плѣнныхъ. Подосланному убійцѣ не удалось заколоть султана. Тогда въ 1572 г. Совѣтъ десяти возвращается къ мысли о возмущеніи эллиновъ и о соглашеніи съ царемъ. Но посланныя къ Ивану письма подверглись той же участи, что и корреспонденція 1570 г.: они не дошли по назначенію.

Скоро событія измѣнятъ отношенія Св. Престола къ

Москвѣ. Уже въ своемъ послѣднемъ донесеніи Портико настойчиво указывалъ на выгоды прочнаго мира со славянскими націями [1]). Григорій XIII снова вступитъ въ сношенія съ Иваномъ.

---

[1]) Theiner, *Vet. mon. Pol.*, II, 772.—*Ламанскій*, 83—90, 682, 683.—Ватик. *Арх.* Arm. LXIV, t. XXIX, *Polonia*, I, 85.

ГЛАВА III.

Рудольфъ Кленке и Яковъ Воронецкій.

1576—1580.

I. Григорій XIII единодушно выбирается въ папы.—Какъ его описываютъ венеціанскіе послы.—Кардиналъ Комо.—Слабая сторона папской администраціи.—Заботы объ образованіи.—Грегоріанскій университетъ. — Греческая коллегія. — Славянскіе кандидаты. — Восточный вопросъ.—Депеши нунція Лаурео.—Максимиліанъ II и Иванъ IV.—Эрцгерцогъ Эрнестъ и раздѣлъ Польши.—Посольство Кобенцля въ Москву.—Оптимизмъ его мемуаровъ.—Перемѣна политики Св. Престола.—Причины сближенія съ Москвою.—Инструкціи кардинала Мороне.—Его сношенія съ московскими послами въ Ратисбоннѣ.—Настойчивыя депеши кардинала Комо.—Біографическія подробности о Рудольфѣ Кленке.—Онъ берется за московскую миссію.—Инструкціи Мороне для Кленке.—Уклончивость императора.—Онъ противъ московской миссіи.—Настоящая причина его противодѣйствія.—Смерть Кленке.

II. Историческое заблужденіе.—Упадокъ турецкаго владычества.—Проэктъ Григорія XIII.—Ниспосланный Провидѣніемъ человѣкъ.—Стефанъ Баторій, его юность, его успѣхи.—Избранный воеводой Трансильваніи, онъ затѣмъ становится королемъ Польши.—Его права на тронъ.—Депеши Лаурео: простота Баторія, королевская кухня, медовый мѣсяцъ, разочарованіе.—Св. Престолъ признаетъ Баторія королемъ.—Антиоттоманская лига.—*Pacta conventa.*—Необходимость помирить Польшу съ Москвою.—Римская депеша къ Калигари.—Трудное положеніе.—Военные планы Баторія. — Москвѣ объявлена война.—Взятіе Полоцка и Сокола.—Первыя сообщенія нунція Баторію и Замойскому.—Уклончивые отвѣты.—Политика Св. Престола.—Шляпа и мечъ отсылаются Баторію.—Искреннія признанія.—Нунцій узнаетъ о проектѣ развода.—Ему внушаютъ оставить московскіе планы.—Послѣднія попытки.—Баторій остается вѣренъ традиціямъ Сигизмунда II.—Новый случай возобновить прежніе проекты.

I.

При Григоріи VII сношенія Рима съ Москвою достигли въ XVI вѣкѣ своего кульминаціоннаго пункта. Уго Бонкомпаньи былъ нѣкогда докторомъ каноническаго права въ Болоньѣ: здѣсь вокругъ его каѳедры собирались такіе люди, какъ Реджинальдъ Поле, Карло Борромео, Фарнезе и др. Въ Тридентѣ онъ поразилъ отцовъ собора своими юридическими познаніями и обширной ученостью. Пересмотръ знаменитаго процесса архіепископа Толедскаго, обвиненнаго въ ереси, еще увеличилъ его извѣстность. По смерти Пія V блестящая репутація истиннаго законника и неподкупнаго кардинала склонила на сторону Бонкомпаньи всѣ голоса конклава. Его избрали безъ баллотировки, или, по спеціальному выраженію, per adorationem. Новый папа принялъ имя Григорія XIII.

Венеціанскіе послы описывали этого іерарха много разъ. Новый папа имѣлъ наружность суровую, былъ высокаго роста, худъ и крѣпокъ. Его маленькіе глаза бросали проницательные взгляды, а орлиный носъ свидѣтельствовалъ, по словамъ Соріано, «о душѣ высокой и созданной для господства». Его лицо было румяно, хотя голову уже украшала сѣдина. Онъ былъ неутомимымъ ходокомъ, не боялся воздуха, ѣлъ немного, пилъ еще меньше, рано ложился и рано вставалъ. Вотъ какъ говоритъ Паоло Тьеполо о достоинствахъ и недостаткахъ Григорія XIII: «Онъ справедливъ, уменъ, искренній почитатель и защитникъ римской Церкви; однако, онъ мало вникаетъ въ политику и мало склоненъ къ ней». Сношенія Куріи съ государями Европы находились въ вѣдѣніи Птоломео Галли, болѣе извѣстнаго подъ именемъ кардинала Комо. Этотъ секретарь грамотъ *ad principes* обладалъ умомъ скорѣе ограниченнымъ, нежели сильнымъ. Зато характеръ его былъ мягокъ и пріятенъ; онъ умѣлъ держать слово и отличался испытанной честностью.

По мнѣнію тонкихъ венеціанскихъ дипломатовъ, эта часть папской администраціи оставляла желать многаго: въ планахъ Куріи не было глубины, а въ принципахъ—послѣдовательности. Щекотливые вопросы рѣшались слишкомъ медлительно, безъ должнаго вниманія ко власти имущимъ, съ излишней юридической щепетильностью [1]).

Но, если законникъ и бралъ иногда верхъ надъ государственнымъ человѣкомъ, то первосвященникъ былъ всегда вѣренъ себѣ. Интересы Церкви стояли для Григорія XIII выше всего. Распространеніе истинной вѣры и борьба противъ заблужденій шли при немъ весьма успѣшно. Такимъ образомъ реформы, начатыя Тридентскимъ соборомъ, пускали глубокіе корни: имъ принадлежало будущее. Преобладающею мыслью папы была всегда забота о воспитаніи юношества и подготовкѣ духовенства. Соборъ выработалъ новыя правила для учрежденія семинарій. Трудами папы въ разныхъ странахъ было основано не менѣе двадцати двухъ коллегій Чтобы увѣнчать дѣло возрожденія Церкви, въ Римѣ былъ созданъ особый научный центръ, управленіе которымъ ввѣрено было іезуитамъ. Изо всѣхъ странъ все, что было лучшаго въ ученомъ мірѣ, стекалось въ грегоріанскій университетъ. Тамъ слушатели укрѣплялись въ истинной вѣрѣ, и въ преданности Св. Престолу. Затѣмъ, возвращаясь домой, молодые ученые повсюду разносили римскія идеи.

Въ 1576 г. на берегахъ Тибра возникла греческая коллегія Св. Аѳанасія. Она спеціально предназначалась для эллиновъ, но не закрывала своихъ дверей и передъ славянами восточнаго вѣроисповѣданія. При самомъ ея основаніи, кардиналъ Комо поручилъ польскому нунціо, Винценту Лаурео, подобрать дюжину молодыхъ русскихъ, умныхъ, честныхъ, любознательныхъ, и преданныхъ своей родинѣ. Эти первые питомцы коллегіи изъ славянъ могли бы явиться затѣмъ апостолами Рима между своими соотечественниками.

[1]) Aeberl, X, 163—290. Донесенія Паоло Тіеполо, Соріано, Антоніо Тіеполо.

Расчитывали, что въ русскихъ областяхъ Польши не трудно будетъ найти хотя бы шестерыхъ кандидатовъ; остальные шестеро должны быть настоящими москвичами, которые сами соблазнятся на обѣщанія Куріи или же достанутся полякамъ, какъ плѣнники, во время войны. Но порученіе это исполнить было не легко. Вмѣсто двѣнадцати кандидатовъ нунцію съ трудомъ удалось найти едва лишь трехъ изъ нихъ русскій былъ всего одинъ. Тѣмъ не менѣе, греческая коллегія окажетъ значительныя услуги дѣлу Уніи и дастъ эллинамъ Аркудіо и Алакки, а славянамъ Рутскаго, Корсака и Коленду.

Поглощенный заботами о будущемъ, папа не могъ забывать и о задачахъ настоящаго, тѣмъ болѣе, что онѣ громко о себѣ заявляли. Когда венеціанецъ Барбаро явился къ Соколли на другой день послѣ побѣды при Лепанто, великій визирь сказалъ ему слѣдующее: «Ты, конечно, пришелъ узнать, что сталось съ нашимъ мужествомъ послѣ первой постигшей насъ неудачи. Но есть большая разница между нашей и вашей потерей. Отнявши у васъ государство, мы отрубили вамъ руку, а вы, побивши нашъ флотъ, только обрили намъ бороду. Отрубленная рука не отрастетъ, тогда какъ обритая борода пойдетъ послѣ этого еще лучше». Но это было вѣрно только наполовину. Стоитъ польскимъ орламъ, подъ предводительствомъ Собѣсскаго, налетѣть на оттомановъ подъ стѣнами Вѣны,—и Турція станетъ тѣмъ самымъ «больнымъ» человѣкомъ, жизнь котораго длится только благодаря тому, что наслѣдники его слишкомъ завидуютъ другъ другу. Послѣ побѣды христіанъ, престижъ турокъ погибнетъ навѣки. Однако, всѣхъ изумляла та неслыханная быстрота, съ которой Соколли пополнилъ свои потери, понесенныя при Лепанто. Въ 1572 г. оттоманская эскадра насчитывала не менѣе 250 судовъ. Полумѣсяцъ снова носился надъ морями. Уже назрѣвала опасность новаго нашествія Ислама, которую могла предотвратить только всемірная лига. Но Европа XVI вѣка не такъ-то легко воспламенялась священнымъ огнемъ. Тѣмъ не менѣе, Гри-

горій XIII рѣшился сдѣлать попытку. Вся будущность Запада зависѣла отъ судьбы Ислама. Тѣ же венеціанскіе дипломаты, которые такъ сурово критиковали внѣшнюю политику папы, признаютъ, что онъ съ рѣдкимъ жаромъ и постоянствомъ трудился надъ созданіемъ лиги. Ради нея онъ готовъ пожертвовать всѣми сокровищами Церкви. Но задача осложнялась еще тѣмъ, что на лепантскихъ союзниковъ нельзя уже было расчитывать. 7 марта 1573 г. Венеція заключила миръ съ турками. Испанія Филиппа II подпишетъ перемиріе съ Портой въ 1578 г. Между тѣмъ, зарождающаяся вражда между Персіей и Турціей предвѣщала моментъ, когда османлиды окажутся между двухъ огней, если христіанскіе государи нападутъ на нихъ съ запада. Съ этой точки зрѣнія военный союзъ съ Москвою являлся особенно цѣннымъ.

Депеши Лаурео отнюдь не разочаровывали Григорія XIII. Война съ Москвою сначала казалась варшавскому нунцію прекраснымъ отвлекающимъ средствомъ для воинственныхъ поляковъ. Но, когда поднялись шансы Ивана на тронъ Ягеллоновъ, Лаурео рѣшилъ, что это избраніе будетъ не такъ уже плохо, если, конечно, царь приметъ католичество. Грозный былъ хорошимъ полководцемъ; ему покровительствовало счастье; наконецъ, онъ былъ во всеоружіи матеріальныхъ средствъ и жестоко ненавидѣлъ турокъ и еретиковъ. По мнѣнію Лаурео, царь могъ лучше всякаго другого рѣшить восточный вопросъ [1]).

По странному стеченію обстоятельствъ, австрійскіе дипломаты еще усерднѣе расхваливали московскаго государя. Послѣ смерти послѣдняго Ягеллона (7 іюля 1572) г. два междуцарствія смѣнили одно другое на пространствѣ всего нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ это время общіе интересы сблизили Ивана IV съ императоромъ Максиміліаномъ. Генрихъ Валуа не успѣлъ вступить на поль-

[1]) Wierzbowski, *Vinc. zaureo*, 76: Нунцій думалъ, что, если послѣ взятія Константинополя Ивану IV пожалуютъ императорскій титулъ—это примиритъ его съ Римомъ.

скій престолъ, какъ уже покинулъ его, узнавъ, что можетъ стать королемъ Франціи. Онъ поднялся на Гизовъ и самъ палъ отъ руки Жака Клемана. Исконная страна свободы. — Рѣчь Посполитая находилась во власти сильнѣйшей агитаціи...

Нѣдра ея раздирала борьба политическихъ партій: республика готовилась къ новымъ выборамъ. Если не самъ императоръ, то эрцгерцогъ Эрнестъ былъ кандидатомъ Австріи. Турки выдвигали Стефана Баторія, своего вассала и воеводу Трансильваніи. Царь также выступилъ съ притязаніями—отъ собственнаго лица или въ пользу сына—на всю Польшу или только на Литву. Тѣмъ не менѣе, Максимиліанъ II попробовалъ заручиться поддержкой Москвы для Эрнеста. Императоръ былъ заинтересованъ въ проектахъ Ивана относительно Ливоніи. Баторій внушалъ страхъ и тому, и другому. Все это создавало благопріятную почву для взаимныхъ уступокъ и дипломатическихъ переговоровъ. Съ этою цѣлью, зимою 1575 г. былъ отправленъ въ Москву Іоаннъ Кобенцль. Его миссія касалась вопроса о раздѣлѣ Польши. Австрійскій домъ соглашался уступить непринадлежащія ему области, если эрцгерціогу достанется цѣлое королевство. Царь охотно предавалъ славянъ во власть нѣмцевъ, лишь бы это позволило ему расширить свои границы. Поэтому въ Польшу были отправлены лестныя для Эрнеста письма. Правда, они дошли туда лишь послѣ избранія Баторія. Однако, поспѣшимъ перейти къ тому, что насъ наиболѣе интересуетъ во всемъ этомъ дѣлѣ. Мы имѣемъ въ виду записку, составленную Кобенцлемъ о Московіи.

Повидимому, австрійскаго дипломата совершенно ослѣпилъ пріемъ, оказанный ему въ Кремлѣ. Уже одно появленіе царя поразило посла: на первой аудіенціи Иванъ предсталъ въ одѣяніи изъ драгоцѣнной ткани, усыпанномъ рубинами, изумрудами и брилліантами величиною съ орѣхъ,—съ восхищеніемъ восклицаетъ Кобенцль. Старшій сынъ царя одѣтъ съ такимъ же великолѣпіемъ: онъ только

не носитъ короны и скипетра. При видѣ роскоши, окружающей сѣвернаго властелина, нашъ посланникъ совсѣмъ теряетъ голову. Онъ съ презрѣніемъ отвертывается отъ всего, чѣмъ любовался раньше. Ничто не можетъ сравниться съ московскими чудесами, ни тіары и митры папы, ни драгоцѣнности Франціи и Испаніи, ни сокровища Тосканы, Богеміи и Венгріи. На пиру, послѣдовавшемъ за аудіенціей—новое изумленіе, новое очарованіе. Въ своихъ длинныхъ восточныхъ одѣяніяхъ царь и сынъ его кажутся какими-то лучезарными видѣніями въ ослѣпительномъ блескѣ камней, сверкающихъ на алой ткани. Множество слугъ въ блестящихъ кафтанахъ окружаетъ столы, украшенные кубками и золотою или серебряною посудой. Цѣлыхъ шесть часовъ проходятъ за питьемъ и ѣдою. Мужество нашихъ предковъ не отступало передъ такимъ подвигомъ, хотя нерѣдко онъ гибельно отзывался на ихъ здоровьѣ. Послѣднее возліяніе предлагаетъ своимъ сотрапезникамъ самъ царь. Затѣмъ при свѣтѣ факеловъ иностранныхъ гостей отводятъ домой: тамъ снова принимаются за ѣду и питье. Все это длится до самой зари. Но Кобенцль не ограничивался созерцаніемъ того, что было у него передъ глазами. Онъ нашелъ услужливыхъ друзей, которые сообщили ему множество подробностей о тайныхъ сокровищахъ Ивана и о его военныхъ силахъ. Собранныя въ Кремлѣ богатства почти баснословны. Тутъ и триста телѣгъ съ золотомъ и серебромъ, вывезенными изъ Новгорода еще Иваномъ III; тутъ и добро изъ пятнадцати княжествъ, покоренныхъ Василіемъ III, и добыча изъ Казани, Астрахани, Дерпта, Пернова и другихъ городовъ, отбитыхъ у непріятеля и преданныхъ разграбленію. Что касается военныхъ силъ, то онѣ исчисляются въ 300.000 конницы, 100.000 пѣхоты и столько же лучниковъ. Вся эта армія можетъ быть мобилизирована въ двѣ недѣли. Достаточно этого одного, чтобы по достоинству оцѣнить сообщенія Кобенцля. Ни для кого не тайна, съ какою медлительностью и съ какими затруд-

неніями собирали цари подъ свои знамена своихъ ратныхъ людей—пахарей. Двухнедѣльный срокъ кажется какой-то ироніей...

Оптимизмъ нашего посла не ограничивается чисто-матеріальными вопросами. Особенно ярко обнаруживается онъ въ нравственныхъ оцѣнкахъ. Между прочимъ, Кобенцль увѣренъ, что Иванъ горитъ желаніемъ заключить лигу противъ турокъ съ папой, императоромъ, королемъ испанскимъ и со всѣми христіанскими государями. Въ XVI в. къ политическому союзу всегда пристегивалась идея религіознаго единенія. Кобенцль находитъ, что русскіе превосходно подготовлены къ этому: нужна лишь осторожность и умѣренность въ обращеніи съ ними. Да и не трудно вернуться на лоно Церкви тѣмъ, кто, собственно, и не покидалъ его никогда: а вѣдь такъ и обстоитъ дѣло съ русскими. Они исповѣдуютъ, приблизительно, тѣ же догматы, что и римская Церковь, придерживаются тѣхъ же обрядовъ, до постовъ и почитанія святыхъ включительно, признаютъ тѣ же таинства и ничуть не питаютъ ненависти къ латинянамъ. Народное благочестіе выражается въ крестныхъ ходахъ и въ примѣрной жизни иноковъ и инокинь. Въ пылу своего увлеченія Кобенцль указываетъ и человѣка, который по его словамъ, наиболѣе способенъ содѣйствовать сближенію Рима съ Москвой: это о. Станиславъ Варжевицкій, ректоръ іезуитской коллегіи въ Вильнѣ.

Столь блестящія открытія, естественно, приводятъ Кобенцля къ мысли, что не кто-либо изъ Габсбурговъ, а Иванъ долженъ вступить на престолъ Польши и стать орудіемъ Провидѣнія въ борьбѣ съ турками. А, между тѣмъ, царь переживалъ пятую изъ всѣхъ шести эпохъ своихъ казней, отмѣченныхъ лѣтописями. [1]) Въ числѣ

[1]) Wichmann, I. 255.—Тургеневъ, I, 255.—*Пам. дипл. снош.*, I., 481—574.—Тургеневъ неправильно приписываетъ эту записку Перштейну. Вихманъ ошибается относительно времени. Обо всемъ этомъ періодѣ Zakrzewski. *Po ucieczce*, 60 сл.

жертвъ Грознаго были самые именитые бояре. Тверь и Новгородъ едва поднимались изъ-подъ развалинъ послѣ жестокаго разгрома. Ни монастыри, ни церкви не могли избѣгнуть разграбленія, и вся страна, охваченная ужасомъ, съ отчаяніемъ взирала на будущее. Невольно спросишь себя съ изумленіемъ: какъ же могъ человѣкъ, посвященный въ тайны политики и искушенный опытомъ, впасть такъ легко въ заблужденіе?

Какъ бы то ни было, мы видѣли уже, что утверждалъ Кобенцль. Вполнѣ возможно, что его розсказни заставили забыть о депешахъ Портико. Австрійскій дипломатъ пользовался въ Римѣ извѣстнымъ авторитетомъ. Его записка, адресованная, повидимому, нѣсколькимъ лицамъ сразу, была въ ходу въ самыхъ высшихъ сферахъ. Если судить по количеству существующихъ экземпляровъ, она была очень широко распространена.

Внѣшнія событія толкали св. Престолъ на тотъ же путь. Претенденты на польскій тронъ были столь многочисленны и разнородны, что на мирный исходъ выборовъ расчитывать было нельзя. На пространствѣ двухъ дней,—12-го и 14-го декабря 1575 г.—одинъ за другимъ были провозглашены два короля—Максимиліанъ II и Стефанъ Баторій. Трансильванскій воевода опередилъ своего соперника и быстро направился въ Польшу. Тамъ онъ породнился съ Ягеллонами, возложилъ на себя ихъ корону и свою рыцарскою манерой плѣнилъ и очаровалъ всѣ умы. Между тѣмъ, императоръ, окруженный своимъ совѣтомъ, все еще взвѣшивалъ шансы успѣха. Его страшили предстоящія опасности, и онъ ограничивался только составленіемъ трогательныхъ воззваній.

Нунцій Лаурео очутился въ ложномъ положеніи. Во время избирательной кампаніи онъ оффиціально поддерживалъ Габсбурговъ: кандидатура Ивана выдвигалась лишь въ случаѣ ихъ неудачи. О Баторіи же не было и рѣчи. Въ глазахъ св. Престола единственнымъ возможнымъ кандидатомъ былъ императоръ. Чтобы остаться вѣрнымъ себѣ,

Лаурео покинулъ Варшаву и основался въ Бреславлѣ. Вся эта путаница имѣла одну положительную сторону. Теперь Римъ могъ вести переговоры о московскихъ дѣлахъ съ королемъ Польши... безъ вѣдома поляковъ. Не будетъ ли Габсбургъ предупредительнѣе и сговорчивѣе Ягеллона? Для начала сношеній представлялся удобный случай: въ Германію ѣхалъ къ Максимиліану въ качествѣ легата кардиналъ Мороне.

Папскія инструкціи отъ 26 апрѣля 1576 г. подробно доказываютъ всѣ выгоды римской миссіи въ Москвѣ даже съ точки зрѣнія Священной Имперіи. Дѣло попало въ хорошія руки. Мороне былъ когда-то обвиненъ въ ереси и посаженъ Павломъ V въ темницу. Оттуда онъ вышелъ, чтобы стать предсѣдателемъ на Тридентскомъ Соборѣ. Онъ вызвалъ всеобщее восхищеніе: всякія подозрѣнія были забыты, противники умолкли, а римляне за его сдержанность прозвали Мороне колодцемъ св. Патрика.

Успѣху миссіи способствовали и внѣшнія обстоятельства. Въ первыхъ числахъ іюля двое русскихъ пословъ, князь Сугорскій и дьякъ Арцыбашевъ, прибыли на Ратисбонскій сеймъ. Они должны были довести до конца дѣло о союзѣ, столковаться съ Максимиліаномъ и начать борьбу противъ Баторія. Императоръ откровенно сообщилъ обо всемъ кардиналу. На замѣчаніе Мороне, что надо бы предварительно провѣрить искренность москвичей, Максимиліанъ прямо заявилъ, что въ Кремлъ будетъ отправленъ спеціальный посолъ. Этого только и нужно было Мороне. Онъ нерѣшительно замѣтилъ, что, можетъ быть, не мѣшаетъ и папѣ сдѣлать то же самое. Максимиліанъ почуялъ ловушку и поспѣшилъ перевести бесѣду на другіе предметы. Впрочемъ, очень скоро онъ одобрилъ папскій проектъ. Тогда Мороне немедленно снесся съ русскими, которыхъ злые языки обвиняли въ порядочной грубости. Первое свиданіе было весьма удачно и разсѣяло всякія опасенія. Оставалось приступить къ самому дѣлу. 28 августа отъ кардинала было вручено Сугорскому

письмо съ просьбою передать его Ивану. Каково же было всеобщее изумленіе, когда кремлевскіе дипломаты отвѣтили отказомъ. «Пускай папа отъ себя снарядитъ въ Москву посольство,—сказали они,—или отдастъ свои письма императорскимъ гонцамъ. А у насъ полномочія къ императору, а вовсе не къ папѣ.» Ничто не могло заставить ихъ измѣнить свое рѣшеніе: они слишкомъ хорошо знали, что головами своими отвѣчаютъ за вѣрность Грозному.

Мороне былъ внѣ себя отъ разочарованія, а, можетъ быть, и отъ досады, когда получилъ изъ Рима депеши, которыя знаменуютъ новую фазу въ этихъ переговорахъ. Уже не разъ кардиналъ Комо заклиналъ сеймъ поторопиться съ голосованіемъ субсидіи на войну, пока Мурадъ III не покорилъ еще Персіи. Св. Престолъ не терялъ надежды уговорить Испанію, Португалію и Италію съ Венеціей присоединиться къ лигѣ. Чтобы увеличить количество союзниковъ, Мороне было разрѣшено попытать счастія у Шаха Измаила и у Ивана IV. Но въ Персіи бряцаніе оружія заглушило бы голосъ дипломатовъ. На Москву было больше надежды. Поэтому легату вручена была грамота для Ивана IV, а съ нею депеша, помѣченная 25 августа. Она является любопытнымъ образцомъ превратныхъ сужденій о Москвѣ. Св. Престолъ считаетъ себя отлично освѣдомленнымъ о добрыхъ намѣреніяхъ царя и о его глубокомъ почтеніи о папѣ. До сихъ поръ, изъ уваженія къ Австріи, Куріи приходилось держаться въ сторонѣ. Теперь же, когда Габсурги находятся въ хорошихъ отношеніяхъ съ Иваномъ, почему бы интересамъ Церкви не итти объ руку съ интересами Имперіи? Мороне получилъ опредѣленное предписаніе—отправить посла въ Москву. Какъ всегда, цѣль миссіи была одновременно политической и религіозной. Въ поддержкѣ Максимиліана были такъ увѣрены, что ему заранѣе предлагалась канва для письма къ Ивану. Что касается исхода предпріятія, то Римъ почти не сомнѣвался въ успѣхѣ. Курія уже пред-

ставляла себѣ, что скоро изъ глубины Московіи явится къ ней торжественное посольство [1]).

Въ Ратисбоннѣ легатъ былъ освѣдомленъ ничуть не лучше, чѣмъ кардиналъ въ Ватиканѣ. Вѣдь и тотъ, и другой черпали свои данныя изъ австрійскаго источника. Однако, не дѣлая никакихъ представленій своему двору и не давая себя разочаровать Сугорскому, Мороне думалъ лишь объ исполненіи полученныхъ имъ предписаній. Императоръ высказалъ свое одобреніе устно. Подходящее для миссіи лицо было уже намѣчено: за дѣло брался охотно Рудольфъ Кленке. Этотъ выдающійся священникъ былъ солиднымъ ученымъ, обладалъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и велъ суровый, почти спартанскій образъ жизни. Онъ посвящалъ свои досуги наукамъ и изучалъ богословіе, гражданское право и восточные языки. Его веселый и даже нѣсколько задорный нравъ возбуждалъ восхищеніе въ однихъ, страхъ въ другихъ. И нерѣдко епископу приходилось журить Кленке за ядовитыя остроты.

До сихъ поръ жизнь Кленке шла довольно однообразно. Большая часть его молодости протекла въ протестантскихъ университетахъ Виттенберга, Мейссена, Ростока. Въ 1550 г. Кленке поступаетъ въ католическій университетъ Кракова. Къ этой эпохѣ и относится его путешествіе въ Москву вмѣстѣ съ Станиславомъ Жедровскимъ, котораго Станиславъ-Августъ отправилъ къ царю. Эта далекая и утомительная экспедиція оставила въ смѣломъ путешественникѣ неизгладимыя воспоминанія. Съ той поры онъ полюбилъ бродячую жизнь. Когда Кленке вернулся, онъ прожилъ нѣкоторое время при Гебгардѣ Вальдбургѣ, будущемъ кельнскомъ архіепископѣ, стяжавшемъ столь печальную славу. Вскорѣ мы опять видимъ его въ пути. Франція и Италія привлекаютъ Кленке, но не на долго. Въ 1557 г. онъ уже въ Ингольштадскомъ университетѣ. Вскорѣ затѣмъ онъ выдерживаетъ экзаменъ на лиценціата

[1]) Theiner *Annales;* II, 213.

права и отдается изученію теологіи. Лишь только онъ получилъ степень доктора, какъ его назначили ректоромъ вновь открытой Эйхштадской семинаріи, профессоромъ богословія, настоятелемъ собора и каноникомъ. Это быстрое движеніе впередъ, это совмѣщеніе должностей — свидѣтельствуютъ о выдающихся заслугахъ и и достоинствахъ Кленке.—Баварскій герцогъ, у котораго онъ состоялъ на жалованьи, сумѣлъ оцѣнить эти качества: пользуясь своими правами, онъ ввѣрилъ ему въ 1570 г. управленіе Георгіанумомъ въ Ингольштадѣ.

Въ августѣ 1576 г. Мороне познакомился съ Кленке въ Ратисбоннѣ. Онъ нашелъ его преисполненнымъ учености и энергіи, искушеннымъ въ спорахъ, и предложилъ ему московскую миссію. Предложеніе было принято съ радостью. Легатъ не предвидѣлъ никакихъ затрудненій: онъ составилъ для посла длиннѣйшую инструкцію, гдѣ ясно запечатлѣлись всѣ римскія иллюзіи. Цѣль миссіи— соединеніе Церквей и война противъ турокъ. Кленке поручено добиться отправленія русскаго посольства въ Римъ. Онъ можетъ дать обѣщаніе, что Курія пришлетъ богослововъ и священниковъ, если царь, этотъ новый Давидъ, готовый сразиться съ Исламомъ, пожелаетъ глубже вникнуть въ суть истиннаго вѣроученія. Письмо легата къ Ивану написано въ томъ же стилѣ 1). Никто не замѣчалъ вопіющаго противорѣчія: московскій деспотъ—въ наукѣ у латинскаго патера, а опричники — въ подчиненіи у папы. Развѣ все это были сбыточныя мечты?

Ни Григорій III, ни Мороне не считались со свойственною всѣмъ Габсбургамъ измѣнчивостью, когда организовали миссію съ расчетомъ на покровительство императора и помощь Австріи. Послѣ уклончиваго отвѣта, а затѣмъ полнаго согласія, Максимиліамъ опять готовилъ новое рѣшеніе. Князь Сугорскій уже собирался въ путь;

---

1) Mederer, II, 45—51.—Suttner, 27.—Theuweluis, Wynick, passim.—Григоровичъ, 27—5, n° 5, 6.

Кленке долженъ былъ ѣхать съ нимъ. Исполняя послѣднюю формальность, Мороне предупреждаетъ объ этомъ императора... И, вдругъ, наканунѣ самаго отъѣзда, 15 сентября, возникаетъ неожиданное затрудненіе: оно поразило всѣхъ заинтересованныхъ лицъ. Его Величество высказывался противъ отъѣзда Кленке или какого нибудь другого папскаго представителя. Почему? Очень просто. Переговоры начнутся въ Москвѣ только послѣ прибытія пословъ Имперіи, королей испанскаго и датскаго. Раньше, чѣмъ говорить съ царемъ, было бы желательно, чтобы послы пришли къ соглашенію между собою. Отдѣльная миссія не достигла бы цѣли. Конечно, мотивы эти были мало убѣдительны. Императорское рѣшеніе было внушено скорѣе тайной завистью. Подозрительные совѣтники Максимиліана боялись новыхъ успѣховъ св. Престола. Они и уговорили императора помѣшать папской миссіи. Такое объясненіе даетъ извѣстному Поссевино секретарь Мороне Мальвазія. Таково же было мнѣніе и самого Поссевино. Германскій легатъ повидимому, былъ не слишкомъ огорченъ неудачей. Его предупредительно извѣстили, что русскіе не имѣли никакого желанія везти съ собою римскаго священника. Онъ видѣлъ, что настаивать безполезно, и ничего больше не предпринималъ: на томъ дѣло и остановилось. Нельзя упрекать въ непостоянствѣ кардинала Комо. Въ тотъ день, когда императоръ сообщилъ о своемъ отказѣ, этотъ іерархъ выразилъ одобреніе Мороне по поводу его успѣховъ у Сугорскаго и отъ имени папы предлагалъ ему удвоить свою энергію [1]).

Больше всѣхъ разочарованъ былъ, пожалуй, Рудольфъ Кленке: его предпріимчивый духъ плѣняли предстоящее далекое путешествіе и его задачи. Пришлось отказаться отъ столь заманчивой мысли. Тогда Кленке посвятилъ

---

[1]) **Тургеневъ**, *Прил.*, 21.—Ватикан. Арх. Germania, XCVI л19, 212.

себя герцогству Брауншвейгскому и велъ тамъ отчаянную борьбу противъ протестантизма. Онъ умеръ 6 августа 1578 г., какъ жертва своего усердія и трудовъ. Останки Кленке покоятся въ скромной церкви женскаго монастыря въ Эльдагессенѣ.

Такъ сошелъ со сцены тотъ, кто долженъ былъ пріобщить Ивана Грознаго къ римской Церкви, сдѣлавъ его защитникомъ св. Престола и грозою оттомановъ. Я не рискну утверждать, что Кленке удалось бы выполнить свою миссію; но, все же, не подобало бы потомку Габсбурговъ ставить препятствія на его пути.

II.

До сихъ поръ думали, что до знаменитой миссіи Поссевино, Григорій XIII одинъ только разъ пытался завязать сношенія съ Москвою, и что онъ не повторялъ въ Польшѣ шаговъ, не удавшихся въ Австріи. Необходимо указать источникъ этого заблужденія. Инструкціи кардинала Комо нунцію Польши относительно московской миссіи хранились, никому неизвѣстныя, въ Ватиканскомъ Архивѣ.

Въ перепискѣ Калигари, изданной Тургеневымъ, мы не находимъ никакихъ слѣдовъ этихъ документовъ. Дѣло въ томъ, что въ упомянутомъ изданіи имѣются досадные пробѣлы. Между прочимъ, оно не воспроизводитъ шифрованныхъ депешъ. Мнѣ впервые удалось извлечь эти драгоцѣнныя данныя изъ глубины забвенія. Они бросаютъ яркій свѣтъ на одинъ любопытный и важный эпизодъ дипломатической исторіи. Я имѣю въ виду новый русскій проектъ, вызванный къ жизни политическими осложненіями на Востокѣ.

Послѣ смерти Сулеймана I великая мусульманская держава стала клониться къ упадку. Ореолъ непобѣдимости, окружавшій нѣкогда страну полумѣсяца, мало-по-малу разсѣивался; пораженіе при Лепанто нанесло смертельный

ударъ Портѣ, хотя и не сокрушило окончательно могущества Ислама. Мураду III пришлось вести продолжительную и жестокую борьбу съ Персіей. Война шла съ перемѣннымъ счастьемъ. Однако, извѣстія, неблагопріятныя для Турціи, встрѣчались на Западѣ съ наибольшимъ довѣріемъ. Къ тому же въ Лиссабонъ явилось персидское посольство, прося содѣйствія европейскихъ государей, дабы нанести послѣдній и рѣшительный ударъ пошатнувшейся Портѣ. Пользуясь удобнымъ моментомъ, Григорій XIII опять вернулся къ излюбленнымъ планамъ Куріи, съ которыми мы знакомы еще съ 1576 года. Папа былъ убѣжденъ, что турки, занятые персидской войной въ Азіи, не смогутъ оказать длительнаго сопротивленія христіанскимъ государямъ, которые двинутся на нихъ со всѣхъ концовъ Европы. Повидимому, весь вопросъ сводился къ тому, чтобы, не теряя времени, создать могущественную антимусульманскую лигу. Эта лига должна была начать свои дѣйствія на Балканскомъ полуостровѣ въ тотъ самый моментъ, когда персы произведутъ натискъ на турокъ съ востока. Римскій первосвященникъ надѣялся соединить подъ своимъ знаменемъ Испанію съ Венеціей. То были двѣ соперницы, одинаково могущественныя и гордыя. Для успѣха дѣла необходимо было участіе въ немъ той и другой. Предводительство въ крестоносной арміи предполагалось поручить польскому королю. Такой выборъ напрашивался самъ собою: на сцену уже выступилъ Баторій. Этотъ человѣкъ казался орудіемъ Промысла. Всѣ чувствовали, что судьба сулила ему великое будущее. Впрочемъ, не безславнобыло и его прошлое.

Баторіи принадлежали къ одному изъ самыхъ знатныхъ родовъ Трансильваніи. Они отличались воинственнымъ духомъ, неустрашимымъ мужествомъ, патріархальной простотою нравовъ и глубокой преданностью вѣрѣ отцовъ. Въ самый годъ появленія на свѣтъ будущаго монарха его родители соорудили церковь св. Дѣвы рядомъ со своимъ замкомъ. Въ этомъ храмѣ случилось какъ-то побывать Поссевину: папскій легатъ искренне восхищался богатымъ

убранствомъ костела. Между прочимъ, на этомъ основаніи Поссевинъ попытался впослѣдствіи составить гороскопъ Баторія; по его мнѣнію, ясно было, что новорожденный Стефанъ долженъ былъ построить не мало церквей и, вообще, ревновать объ истинной вѣрѣ. Отправленный своимъ отцомъ въ Гранъ, будущій польскій король получилъ прекрасное образованіе при дворѣ мѣстнаго архіепископа. Разумѣется, онъ воспитанъ былъ въ духѣ истиннаго благочестія. Когда, еще совсѣмъ юношей, Стефанъ поступилъ на службу къ Фердинанду, его характеръ уже сложился окончательно. Не даромъ какъ-то выразился о немъ правитель Венгріи съ такою похвалой въ разговорѣ съ римскимъ королемъ. «Вотъ мальчикъ»,—сказалъ онъ,—«который хочетъ, чтобы съ нимъ обращались, какъ съ мужемъ». Теперь передъ Батаріемъ открывалось болѣе обширное поприще: здѣсь таланты молодого человѣка могли проявиться въ настоящемъ своемъ блескѣ. Въ 1549 году мы уже видимъ Стефана Баторія на пути въ Аугсбургскій сеймъ. Походная жизнь создала ему славу доблестнаго воина. Наконецъ онъ же сопровождалъ въ Италію невѣсту герцога Мантуанскаго, эрцгерцогиню Екатерину.

Однако, скоро добрыя отношенія Баторія съ домомъ Габсбурговъ рѣзко измѣнились. Воевода трансильванскій, Янъ-Сигизмундъ Заполія съ оружіемъ въ рукахъ оспаривалъ у Фердинанда венгерскую королевскую корону. Вернувшись на родину и получивъ назначеніе комендантомъ Варадина, Баторій примкнулъ къ своему земляку и не разъ вступалъ въ бой съ австрійскими войсками. Вообще, война становилась все болѣе и болѣе излюбленнымъ дѣломъ молодого героя. Къ ней влекли его и природныя склонности и общественное положеніе, и обстоятельства этой бурной эпохи. Военныя дарованія Стефана Баторія проявлялись, рѣшительно, во всемъ. Онъ возбуждалъ всеобщее изумленіе вѣрностью своего глаза, желѣзной энергіей и поразительной находчивостью. На полѣ битвы онъ весь горѣлъ одушевленіемъ, которымъ заражалъ окружающихъ.

Отдыхая въ своей палаткѣ, онъ съ увлеченіемъ изучалъ труды по военному искусству или занимался изобрѣтеніемъ снарядовъ, вносившихъ ужасъ въ среду непріятеля. Впрочемъ, Стефанъ Баторій былъ не только блестящимъ полководцемъ, но и тонкимъ дипломатомъ. Вотъ почему не одинъ разъ ему приходилось отправляться посломъ въ Вѣну. Однако, сношенія съ Фердинандомъ не привели ни къ чему. Максиміліанъ II уже готовъ былъ въ 1565 г. дать свою санкцію весьма выгодному для венгерскаго короля договору. Но тутъ опять неожиданно выступилъ Баторій, который потребовалъ новыхъ уступокъ въ пользу своего государя. Подобная перемѣна фронта напоминала ловушку. Императоръ прервалъ переговоры и задержалъ посла Заполіи, какъ своего заложника. Около трехъ лѣтъ провелъ Стефанъ Баторій въ этомъ почетномъ плѣну, гдѣ ему не было отказа ни въ чемъ, за исключеніемъ одной свободы.

Когда, въ 1571 году, послѣдній Заполія сомкулъ свои глаза навѣки, взоры всѣхъ избирателей обратились на Баторія. Стефанъ безъ колебаній принялъ власть надъ Трансильваніей. Однако, чтобы сохранить ее въ своихъ рукахъ, ему пришлось дать кровавую битву коварному и сильному сопернику. Мало-по-малу внутри страны водворилось спокойствіе. Зато внѣшнія отношенія продолжали быть крайне запутанными. Будучи вассаломъ и данникомъ султана, воевода получалъ отъ него свою инвеституру; мало того, въ случаѣ войны, Стефанъ Баторій обязанъ былъ посылать на помощь туркамъ вооруженную силу. Съ другой стороны, Трансильванія была связана тайными узами съ Имперіей. А, между тѣмъ, Максиміліанъ II ненавидѣлъ султана. Что касается самого Баторія, то онъ не питалъ искренней преданности ни къ тому, ни къ другому. Онъ предпочелъ бы видѣть свою страну совершенно независимой и свободной. *)

*) Possevino, *La Transilvania*, 172.—Ватик. Арх. Отд. Боргезе, LXV, D, 244.

Быть можетъ, вся жизнь и энергія новаго воеводы были бы поглощены подпольной борьбой со внѣшними силами, если бы поляки не избрали его своимъ королемъ. Передъ Стефаномъ Баторіемъ открывалось блестящее будущее... Какія же данныя говорили въ его пользу въ глазахъ поляковъ? Трансильванскій воевода былъ выдающимся полководцемъ; онъ слылъ терпимымъ человѣкомъ; всѣ знали о его враждѣ къ Габсбургамъ; турецкій султанъ оказывалъ ему свое покровительство; наконецъ, онъ обѣщалъ жениться на послѣдней представительницѣ дома Ягеллоновъ. Для мелкаго польскаго дворянства, т. е. для шляхты, ничего большаго и не требовалось. Но, конечно, энтузіазмъ избирателей значительно охладился бы, если бы они постарались поближе узнать своего будущаго государя. Какъ мы видѣли, Стефанъ Баторій отличался желѣзной энергіей. Онъ былъ строгъ и справедливъ; дисциплину онъ ставилъ выше всего... Разумѣется, онъ ни за что не помирился бы съ ролью подставного короля.

Что касается мелочей, связанныхъ съ личностью Стефана Баторія, то, безспорно, никто не знаетъ ихъ лучше, нежели нунцій Лаурео. Болѣе всего дивился этотъ свидѣтель необыкновенной простотѣ, которая окружала трансильванскаго воеводу. Платье будущаго польскаго короля отличалось чрезвычайной скромностью, граничившей съ бѣдностью. Какъ-то разъ, когда Баторій снялъ свои кованныя поножи, подъ ними оказалась истертая обувь. Это вызвало у зрителей насмѣшливыя улыбки. Случалось, что, среди разговора, въ королевскій покой входилъ кто-либо изъ воеводъ. Взявъ короля за руку, онъ фамильярно тянулъ его за собою въ сторону, громогласно приказывая закрыть двери и не впускать никого. Королевская кухня напоминала собой походный столъ. Говядина, приправленная лукомъ или чеснокомъ, являлась излюбленнымъ кушаньемъ короля. Какой разительный контрастъ со сказочной роскошью, царившей на пирахъ у магнатовъ! Бракъ Стефана Баторія съ Анной Ягеллонъ былъ дѣломъ чисто

политическаго расчета; сердце не участвовало въ немъ совершенно. Медовый мѣсяцъ коронованныхъ супруговъ продолжался всего нѣсколько дней. Скоро королева, имѣвшая уже 54 года, была забыта мужемъ, который былъ моложе ея на десять лѣтъ и кипѣлъ энергіей. Впрочемъ, покои Стефана и Анны были почти смежны: ихъ отдѣляла всего-на-всего одна комната. Вмѣсто того, чтобы приглашать къ себѣ королеву или самому идти къ ней, Баторій предоставилъ ей являться къ нему во всякое время, когда ей угодно будетъ видѣть его. Въ первый разъ Анна прождала своего супруга цѣлыхъ пять часовъ. На другой вечеръ, она просидѣла у него совершенно напрасно: Стефанъ такъ и не пришелъ. Королева вернулась къ себѣ возмущенная. У нея начался жаръ; пришлось пустить кровь. То же самое разочарованіе постигло Анну и въ другой сферѣ. Король держалъ себя, какъ абсолютный монархъ. По своему усмотрѣнію жалуя и назначая должностныхъ лицъ, онъ отстранилъ свою супругу отъ всякаго участія въ государственныхъ дѣлахъ. Сторонники королевы были горько обмануты въ своихъ ожиданіяхъ и чувствовали себя оскорбленными. Повсюду въ столицѣ слышались ихъ жалобы. Многіе покидали дворъ, повторяя: «*Erravimus, erravimus*». Въ заключеніе своей шифрованной депеши, нунцій выражалъ надежду, что сообщаемыя имъ мелочи окажутся, быть можетъ, не лишними при рѣшеніи болѣе важныхъ вопросовъ*).

И, дѣйствительно, передъ Куріей стояла серьезная задача. Риму приходилось выбирать между Максимиліаномъ и Баторіемъ, ибо обоимъ была вручена королевская власть въ Польшѣ. На сторонѣ перваго были симпатіи Ватикана: волей-неволей нужно было порвать со вторымъ претендентомъ. Смерть Максимиліана II удачно разрѣшила деликатное положеніе: папа призналъ Баторія законнымъ государемъ Рѣчи Посполитой. Вновь избранный король не захо-

*) Wierzbowski, *Vinc. Laureo*, 424—427.

тѣлъ поминать зла, которое видѣлъ онъ, еще будучи воеводой Трансильванскимъ. Между Римомъ и Варшавой установились наилучшія отношенія. Оно и понятно. Въ Ватиканѣ очень скоро убѣдились къ рыцарскихъ свойствахъ Баторія, въ неизмѣнной преданности его Церкви и въ глубокой ненависти къ туркамъ. Теперь всякому было ясно, кто долженъ быть вождемъ крестоноснаго ополченія противъ невѣрныхъ. Стоя во главѣ блестящей и неотразимой польской кавалеріи, подкрѣпленной неустрашимой и незнающей устали венгерской пѣхотой, Баторій легче всякаго другого могъ проникнуть въ самое сердце вражеской страны черезъ Молдавію и Валахію, куда доступъ былъ для него открытъ.

Но сперва нужно было устранить одно препятствіе. Принимая корону, Баторій клятвенно подтвердилъ, такъ называемыя, *pacta conventa*, въ силу которыхъ новый король обязывался сохранять миръ съ турками и отвоевать у русскихъ захваченныя ими польскія владѣнія*). Римъ прекрасно понималъ, что одновременная борьба съ двумя опасными врагами едва ли можетъ сулить побѣду. Но ему хотѣлось перемѣны ролей. Пусть Баторій заключитъ союзъ съ Иваномъ IV и совмѣстно съ нимъ обрушится на Мурада. Только бы самъ король согласился на это; конечно, Сеймъ освободилъ бы его отъ данныхъ обѣщаній... Словомъ, Григорій XIII возвращался къ излюбленнымъ планамъ римской Куріи.

Кардиналъ де Комо немедленно принялся за дѣло. 10 іюня 1579 года къ преемнику Лаурео, нунцію варшавскому, Калигари, была отправлена длинная депеша. Пусть нунцій постарается убѣдить Баторія стать во главѣ крестоноснаго ополченія; пусть онъ разъяснитъ королю, что, уклоняясь отъ такой роли, онъ можетъ прослыть за друга невѣрныхъ; пусть папѣ будетъ представлено помирить Польшу съ Москвою,—такъ какъ, не взирая на только

*) *Volum leg.*, II, 898.

что заключенный договоръ, стороны опять возобновили свою борьбу въ Ливоніи... Таковы были инструкціи, данныя Калигари. Этого мало. Свои доводы нунцій долженъ былъ подкрѣпить, обѣщая королю субсидіи и маня его перспективою возможныхъ завоеваній. Въ самомъ дѣлѣ, почему бы Стефану Баторію не округлить своей Трансильваніи? Отчего бы ему не завладѣть Молдавіей и Валахіей? Въ первой — хозяйничаютъ какіе-то авантюристы; вторая истощена внутренними раздорами. Кто знаетъ—можетъ быть въ концѣ концовъ, смѣлый завоеватель доберется и до Константинополя! Конечно, папа не захочетъ ослабить впечатлѣніе бранныхъ успѣховъ Польши. Онъ будетъ дѣйствовать по собственному почину, какъ будто безъ вѣдома короля. Такимъ образомъ, русскимъ и въ голову не придетъ, что ихъ противникъ находится въ заговорѣ съ римскимъ первосвященникомъ. Калигари оставалось только облечь въ соотвѣтственную форму данныя ему инструкціи. Центральнымъ пунктомъ своихъ объясненій онъ сдѣлалъ миръ между Россіей и Польшей и соединеніе Церквей на началахъ, установленныхъ Флорентійскимъ соборомъ. Записка Калигари была передана племяннику архіепископа Гнѣзненскаго, Якову Збаратѣ Воронецкому. Съ соизволенія короля, послѣдній долженъ былъ отправиться попытать счастья при Кремлевскомъ дворѣ.

По правдѣ говоря, депеша кардинала ставила передъ Калигари почти невыполнимую задачу. Кровавыя дѣянія увлекали Грознаго все дальше и дальше отъ идеи примиренія Церквей. Что касается Баторія, то въ 1579 году и онъ едва ли былъ расположенъ къ миролюбивымъ актамъ. Въ головѣ польскаго короля носились широкіе завоевательные планы. Еще въ апрѣлѣ 1578 года онъ намѣчалъ ихъ въ разговорѣ съ нунціемъ. Баторій намѣревался двинуться на Полоцкъ и Смоленскъ. Разгромивъ орудійнымъ огнемъ обѣ эти крѣпости, онъ надѣялся обрушиться на Москву и завладѣть ею. Послѣ того онъ собирался потребовать отъ русскихъ уступки Ливоніи и, вообще, диктовать

имъ условія мира. То былъ грандіозный проэктъ. Три вѣка спустя, ему суждено будетъ увлечь геніальнѣйшаго завоевателя,—но лишь для того, чтобы весь этотъ замыселъ разрѣшился катастрофой. Сеймъ, собравшійся въ томъ же 1578 году, поддержалъ Баторія въ его стремленіяхъ: высокое собраніе съ небывалой щедростью предоставило королю взимать тяжелые налоги. Едва были закончены всѣ эти приготовленія, какъ 26 іюня 1579 года королевскій гонецъ, Лопацинскій, полетѣлъ въ Москву. Онъ везъ съ собою формальное объявленіе войны. Яблокомъ раздора являлась все та же Ливонія. Что касается цѣлей Баторія, то, очевидно, онъ мечталъ оттѣснить къ азіатскому рубежу опаснѣйшаго врага Польши*).

Съ самаго начала войны счастье улыбнулось Баторію. Ловкимъ и неожиданнымъ движеніемъ своихъ войскъ онъ завладѣлъ Бѣлой Русью въ то время, какъ Иванъ съ главными своими силами направлялся на Псковъ и Новгородъ, чтобы подойти ближе къ Ливоніи. 29 августа грозныя укрѣпленія Полоцка уже были въ огнѣ. На слѣдующій день поляки пошли на отчаянный и рѣшительный приступъ. Самъ Баторій, стоя на колѣняхъ въ своемъ шатрѣ, воздѣвалъ руки къ небу, давая обѣтъ устроить новую іезуитскую коллегію, если Богъ пошлетъ ему побѣду. Послѣ яростнаго боя, длившагося нѣсколько часовъ, Полоцкъ сдался королю. 11 сентября запылалъ Соколъ. Начался грабежъ, кровь полилась рѣкою... Воины, посѣдѣвшіе въ битвахъ, разсказывали потомъ, что имъ никогда не приходилось видѣть подобной рѣзни. Та же самая участь постигла и другія, менѣе значительныя, русскія крѣпости. Вся прилегающая область подверглась безпощадному опустошенію.

Итакъ, Баторій переживалъ настоящее опьяненіе своими успѣхами, когда, 8 сентября, слѣдуя приказу изъ Рима, нунцій Калигари обратился къ нему впервые со своими

*) Wierzbowski *Vinc. Laureo 694; Uchanscо, III*, 301.—Polkowski 62 nº 114.

мирными предложеніями. Не касаясь пока русскаго вопроса, онъ ограничивался общими разсужденіями о лигѣ христіанскихъ государей; на случай же, если кампанія затянется, нунцій выражалъ готовность лично прибыть въ Полоцкъ*). При королѣ находился въ то время канцлеръ Польши, Янъ Замойскій, по прозвищу Великій. Когда-то онъ былъ студентомъ Падуанскаго университета. Въ области классической литературы и римскаго права онъ чувствовалъ себя такъ же хорошо и свободно, какъ и на полѣ брани. Этотъ краснорѣчивый и мужественный человѣкъ былъ давнимъ и непримиримымъ врагомъ Москвы. При такихъ условіяхъ нунцій едва ли могъ расчитывать на полный успѣхъ. Впрочемъ, ни Баторій, ни Замойскій не были принципіальными противниками предлагаемой лиги. Оба частенько жаловались на турокъ. Дѣло въ томъ, что, по нѣкоторымъ даннымъ, паши старались сѣять раздоръ между поляками, ибо въ слабости Рѣчи Посполитой видѣли залогъ могущества Порты. Сначала Калигари не падалъ духомъ; онъ даже надѣялся, что, въ концѣ концовъ, съ благословенія папы, Польша согласится, быть можетъ, на почетный миръ. Король и канцлеръ отвѣтили нунцію въ одинъ и тотъ же день, притомъ оба—въ одинаковомъ смыслѣ. Они находили, что вопросы, возбуждаемые Калигари, слишкомъ важны, чтобы обсуждать ихъ среди суеты лагерной жизни. Пусть поэтому нунцій не безпокоится пріѣзжать. Замойскій обѣщалъ, что король въ скоромъ времени вернется въ Вильну. Что касается самого Стефана Баторія, то онъ былъ еще откровеннѣе своего канцлера и усиленно подчеркивалъ плохое состояніе дорогъ и продолжительность предстоящаго Калигари пути. Уже цѣлый годъ приходилось нунцію получать столь уклончивые отвѣты. Вѣдь не первый разъ касался онъ въ своихъ письмахъ этихъ де-

*) О дальнѣйшемъ ходѣ переговоровъ до 1 января 1580 года ст. Theiner, *Annales III*, 68—74, 661.—*Тургеневъ*, I, 274—289.—Heidenstein, De bello moscovit., 38 сл.—*Кн. Посольск.*, passim.—Ватик. арх. Polonia, XXVI, 283, 290, 307—386.

ликатныхъ темъ. Однако, въ данномъ случаѣ, онъ могъ надѣяться на большій успѣхъ. Для переговоровъ былъ болѣе серьезный поводъ. Въ рукахъ своихъ нунцій имѣлъ папское посланіе, предлагавшее ему принять на себя посредничество для заключенія мира между Москвой и Польшей и для организаціи крестоносной лиги. Въ XVI столѣтіи, да еще при католическомъ дворѣ, это могло быть крупнымъ козыремъ въ игрѣ ловкаго дипломата. Дѣйствуя такимъ оружіемъ, можно было, если и не устранить всѣ препятствія, то, по крайней мѣрѣ, добиться категорическаго отвѣта... Однако, судьба рѣшительно была противъ Калигари.

Блистательно окончивъ кампанію 1579 года, Баторій поспѣшилъ вернуться въ свое государство, гдѣ скоро долженъ былъ собраться Сеймъ. 5 октября въ Вильнѣ нунцій былъ принятъ королемъ въ первой аудіенціи. Наканунѣ Калигари имѣлъ продолжительную бесѣду съ Замойскимъ. Мысль о европейской лигѣ противъ турокъ улыбалась воинственному канцлеру. Его заботило лишь одно—чтобы все это дѣло было подготовлено какъ слѣдуетъ и, притомъ сохранялось въ тайнѣ. Что касается русскихъ дѣлъ, то по отношенію къ нимъ Замойскій обнаружилъ величайшую осторожность. Онъ находилъ весьма рискованнымъ предпріятіемъ вступать въ какія то ни было соглашенія съ царемъ, привыкшимъ постоянно нарушать свои клятвы. Къ такому сосѣду, по его мнѣнію, Польша должна была относиться съ чрезвычайной осмотрительностью.

По этимъ намекамъ можно было заранѣе судить о томъ, что скажетъ король при аудіенціи. Бесѣда нунція съ Баторіемъ была очень продолжительна. Бывали моменты, когда бывшій трансильванскій воевода давалъ себѣ волю: тогда рѣчь его текла рѣкою. Впрочемъ, на этотъ разъ король обнаружилъ столько же любезности, сколько и такта. Ему предлагали стать во главѣ крестоноснаго ополченія. Что же долженъ былъ отвѣтить государь католической страны на столь лестное обращеніе? Ему оставалось

только завѣрить папу въ своей беззавѣтной сыновней преданности. Возможно ли такое счастье, чтобы принести въ жертву Церкви свою собственную жизнь и благо своего государства? Къ тому же ему сулятъ освобожденіе дорогой родины отъ ига невѣрныхъ!.. Однако, прежде чѣмъ взяться за столь трудное предпріятіе, не нужно ли было еще удостовѣриться въ томъ, что успѣхъ его достаточно гарантированъ? Эту точку зрѣнія и развиваетъ Калигари въ своей депешѣ отъ 5 декабря. Слѣдуя, очевидно, давленію короля, онъ проситъ Курію снабдить его особой докладной запиской на латинскомъ языкѣ. Пусть тамъ будетъ выясненъ планъ наступательной войны противъ турокъ. Пусть поименованы будутъ государи, выразившіе согласіе принять участіе въ кампаніи. Пусть указаны будутъ размѣры ихъ вооруженныхъ силъ, число галеръ и транспортныхъ судовъ, предназначенныхъ для перевозки солдатъ, провіанта и всей аммуниціи. Этого мало. Нунцій просилъ подробно изложить всѣ условія будущей лиги. Онъ желалъ выяснить, какъ быть съ непостоянствомъ и *furia* французовъ—этого народа, способнаго погубить все дѣло. Онъ хотѣлъ знать, какими мѣрами водворено будетъ спокойствіе въ Соединенныхъ Провинціяхъ, война съ которыми грозитъ связать руки испанскому королю. Въ заключеніе, со словъ короля, Калигари спрашивалъ, на какія субсидіи можетъ расчитывать Баторій, и сколько людей и коней придется выставить Польшѣ. Самъ государь оставлялъ за собой право высказаться по поводу всѣхъ этихъ предположеній, чтобы подать со своей стороны совѣты, диктуемые собственнымъ его военнымъ опытомъ. Послѣ этого рѣшающее слово должно было принадлежать Сейму.

Король не отказывался и отъ посольства въ Москву. Однако, онъ не скрывалъ своего желанія повременить съ этимъ дѣломъ до закрытія Сейма. Къ тому же, со дня на день ожидалось прибытіе либо Лопацинскаго, либо русскаго посла. Во время аудіенціи у Баторія вырвалось нѣсколько угрожающихъ фразъ по адресу врага. Между прочимъ,

король замѣтилъ, что прежде, нежели итти на турокъ, онъ надѣется свести счеты съ Москвой. По словамъ побѣдителя Полоцка, силы Ивана далеко не такъ велики, какъ воображаютъ. Съ минуты на минуту въ столицѣ можетъ вспыхнуть мятежъ противъ царя. Лучшіе русскіе полководцы уже сошли со сцены. Осталось всего-на-всего трое, болѣе или менѣе, даровитыхъ людей. Но одинъ изъ нихъ не достаточно опытенъ; другой едва ли вполнѣ преданъ царю; наконецъ, третьяго упорно преслѣдуетъ несчастіе на войнѣ... Высказавъ всѣ эти соображенія. Баторій опять обратился къ вопросу о крестоносной лигѣ. Онъ долго говорилъ о томъ, какъ нужно воевать съ турками. По мнѣнію короля, прежде чѣмъ дать битву невѣрнымъ, необходимо утомить ихъ конницу самыми сложными движеніями. Упомянулъ король и о военныхъ хитростяхъ татаръ, которые вихремъ налетаютъ на непріятеля, а затѣмъ обращаются въ притворное бѣгство для того, чтобы внезапно обернуть своихъ коней назадъ и осыпать врага цѣлой тучею стрѣлъ. Взятіе Константинополя казалось неустрашимому Баторію не слишкомъ труднымъ дѣломъ. Чтобы довести это предпріятіе до желаннаго конца, надобно только подвергнуть городъ одновременной осадѣ съ моря и суши. Попутно король выражалъ глубокое сожалѣніе по поводу того, что послѣ битвы при Лепанто, союзники Пія V не продолжали своей кампаніи. Онъ увѣрялъ, что въ какихъ-нибудь два года они могли бы окончательно сокрушить могущество Ислама... Таковы были взгляды и сужденія польскаго монарха въ 1579 году. Разумѣется, нунцій не преминулъ воспроизвести ихъ въ своей депешѣ, отправленной въ Римъ, спустя два дня послѣ ауліенціи. При этомъ онъ умолялъ кардинала ничего не сообщать бывшему нунцію, Лаурео. По его словамъ, къ послѣднему относятся съ недовѣріемъ въ Варшавѣ. Онъ самъ хвалился тѣмъ, что написалъ исторію современной Польши. Это, будто бы, ужасно не нравилось Замойскому, который, не стѣсняясь, открыто выражалъ свое неудовольствіе. Мало

того: бывшій нунцій сносился съ врагами короля. Это вызывало всяческія подозрѣнія. Словомъ, малѣйшая неосторожность могла бы имѣть роковыя послѣдствія, по мнѣнію Калигари; онъ предупреждалъ, что турецкіе шпіоны кишатъ во всей Рѣчи Посполитой. Какъ ни озабоченъ былъ нунцій соблюденіемъ тайны, неудача его была слишкомъ очевидна. И на сей разъ онъ столкнулся съ явнымъ желаніемъ затянуть дѣло. Прежде всего отсрочивалась на неопредѣленное время война противъ турокъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же было тотчасъ составить требуемую королемъ докладную записку и сразу опредѣлить всѣ условія общеевропейской лиги. Откладывалось и посольство въ Москву, такъ какъ увѣнчанный побѣдами, но лишенный средствъ, король, по понятнымъ соображеніямъ, хотѣлъ предварительно сговориться съ Сеймомъ. Вѣдь вотировать новые сборы могли только представители націи; а кто же не знаетъ, что деньги—жизненный нервъ всякой войны? Засѣданія Сейма открылись въ Варшавѣ 23 ноября. Они были столь же бурны, какъ обыкновенно. Однако, на этотъ разъ практическіе результаты страстныхъ преній оказались болѣе осязательными. Волей-неволей, гордымъ магнатамъ пришлось капитулировать передъ военной славой Баторія. Краснорѣчіе Замойскаго также оказало свое вліяніе на шляхту. Соединенными усиліями королю и канцлеру удалось добиться отъ сейма желаемаго вотума. Воинственный духъ, заснувшій было среди поляковъ въ царствованіе Сигизмунда II, опять начиналъ пробуждаться въ странѣ. Покореніе Ливоніи, а затѣмъ, быть можетъ, и захватъ Москвы разжигали сердце самыхъ нерѣшительныхъ. Смѣлые замыслы Баторія привлекали къ себѣ все больше и больше сторонниковъ. Замойскій увѣрялъ, что съ покоренныхъ народовъ можно будетъ взять сколько угодно даней; конечно, самимъ побѣдителямъ некому и незачѣмъ будетъ платить... Словомъ, со всѣмъ авторитетомъ своего положенія и таланта, канцлеръ убѣждалъ соотечественниковъ не упускать случая, когда можно покрыть себя славой и по-

править матеріальныя свои дѣла. Поддаваясь столь горячимъ увѣреніямъ, Сеймъ постановилъ снабдить короля необходимыми суммами. Кое-что добавилъ къ этому самъ Баторій изъ своихъ скромныхъ личныхъ средствъ. За отсутствіемъ денегъ, братъ его, Христофоръ, прислалъ ему на подмогу отрядъ венгерской пѣхоты. Такимъ образомъ, послѣ Сейма положеніе польскаго короля значительно упрочилось. Является вопросъ: не располагало ли это еще къ меньшей податливости по отношенію къ мирнымъ замысламъ Куріи?

Не измѣняя своей программѣ, Ватиканъ, однако, неслишкомъ торопился съ ея осуществленіемъ въ данный моментъ. Какъ мы увидимъ впослѣдствіи, въ Римѣ не имѣли яснаго и точнаго представленія о причинахъ войны Россіи съ Польшей. Насколько серьезны мотивы этой борьбы? Изъ-за какихъ правъ происходитъ столкновеніе? Все это были чрезвычайно сложные вопросы. Между тѣмъ, Калигари отдѣлывался отъ нихъ нѣсколькими банальными фразами, или же, въ лучшемъ случаѣ, передавалъ то, что сообщали ему сами поляки. Баторій одерживалъ побѣды. Онъ строилъ церкви, основывалъ іезуитскія коллегіи... Во всемъ этомъ Григорій XIII видѣлъ лишь торжество истинной вѣры. Вотъ почему онъ горячо привѣтствовалъ польскаго короля въ своихъ отеческихъ посланіяхъ. Въ концѣ 1579 года папа отправилъ Баторію шлемъ и мечъ, освященные, по обычаю, въ ночь на Рождество Христово. Эти эмблемы славы Римъ жаловалъ только самымъ заслуженнымъ государямъ. Впрочемъ, ободряя Баторія на воинскіе подвиги, папа не забывалъ и своихъ миролюбивыхъ плановъ. Онъ надѣялся, что неизбѣжнымъ послѣдствіемъ побѣдъ короля явятся переговоры между враждующими сторонами. Чѣмъ рѣшительнѣе будетъ торжество Баторія, тѣмъ легче будетъ примирить соперниковъ и подготовить почву для общеевропейской лиги. Въ томъ же направленіи дѣйствовалъ и Калигари, стараясь умѣрить гордость побѣдителя доводами благоразумія. Съ одной стороны, онъ

понуждалъ епископовъ молиться за успѣхъ польскаго оружія, и самъ составилъ текстъ патріотической рѣчи, расточая восторженныя похвалы по адресу героя. Однако, съ другой стороны, при всякомъ удобномъ случаѣ, онъ возвращался къ своимъ мирнымъ предложеніямъ. Очевидно, его не смущали ни воинственныя резолюціи Сейма, ни голосъ общественнаго мнѣнія.

На аудіенціи, которую воспроизводитъ передъ нами депеша нунція отъ 1 января 1580 года, король заговорилъ уже совсѣмъ другимъ языкомъ. Разница между тономъ его рѣчей 5 октября и теперешнимъ сразу бросается въ глаза. Дѣло въ томъ, что Баторій уже не сомнѣвается въ поддержкѣ Сейма. Въ отвѣтъ на намеки Калигари относительно турецкой войны, онъ холодно замѣчаетъ, что подобному предпріятію мѣшаютъ, повидимому, непреодолимыя препятствія. Персы жалуются на свое истощеніе; король испанскій поглощенъ борьбою съ Соединенными провинціями; при такихъ условіяхъ, Польша рисковала бы принять на себя тяжесть войны на свои собственныя плечи. Такую же сдержанность проявилъ Баторій и по отношенію къ московскимъ дѣламъ. Избѣгая какихъ бы то ни было оффиціальныхъ сношеній, Баторій предложилъ нунцію вступить въ переговоры съ Ѳедоромъ Шереметевымъ Правда, то былъ одинъ изъ самыхъ знатныхъ русскихъ плѣнниковъ. Однако, въ Москвѣ выше всего ставили строжайшее соблюденіе формы. И, конечно, всѣмъ въ Польшѣ было извѣстно, что къ переговорамъ, начатымъ безъ соизволенія царя, русское правительство отнесется, какъ къ недѣйствительнымъ и незаконнымъ. Не трудно уловить ту основную мысль, которой, очевидно, руководился Баторій. Въ этомъ смыслѣ, самъ король сдѣлалъ весьма характерное признаніе. «Съ Иваномъ», заявилъ онъ, «настоящаго мира можно добиться только съ оружіемъ въ рукахъ». Разумѣется, тактика короля далеко не отвѣчала надеждамъ Рима. Тѣмъ не менѣе, нунцій не счелъ возможнымъ обнаруживать чрезмѣрную требовательность. Онъ

не сталъ перечить Баторію. Теперь главной его задачей было склонить московскаго царя къ согласію на посредничество Куріи. Война была въ полномъ разгарѣ. Никто не могъ предвидѣть, какой оборотъ приметъ дѣло. Что касается Баторія, то и онъ, вѣроятно, былъ весьма доволенъ тѣмъ, что Калигари предоставилъ событіямъ итти своимъ чередомъ и не слишкомъ настаивалъ на необходимости крестоносной борьбы противъ турокъ. Въ данный моментъ, королю приходилось весьма считаться съ султаномъ. Дружественныя отношенія съ Портой давали Баторію возможность дѣйствовать противъ Москвы съ помощью татаръ. Польскій посолъ уже велъ объ этомъ переговоры въ Константинополѣ. Конечно, Баторій старался ничѣмъ не выдать этой тайны. Какъ и раньше, онъ завѣрялъ нунція въ своей преданности интересамъ Церкви *).

Между тѣмъ, Калигари получилъ назначеніе на должность Бертинорскаго епископа. Предвидя близкій конецъ своей миссіи, онъ думалъ лишь о томъ, чтобы завершить ее возможно болѣе блестяще. Однако, событія, послѣдовавшія въ области чисто-личныхъ и даже интимныхъ отношеній польскаго короля, неожиданно осложнили дѣло и разбили честолюбивыя мечты нунція. Очень скоро послѣ брака съ Анной Ягеллонъ, Баторій убѣдился, что супружество съ пожилой принцессой менѣе всего походитъ на идеалъ семейнаго счастья. Это не значитъ, впрочемъ, чтобы король предался тѣмъ страстямъ, которыя губили его предшественниковъ. Напротивъ, при дворѣ и въ домѣ Баторія царила чрезвычайная строгость нравовъ. Будучи самъ безупреченъ въ частной жизни, Баторій не терпѣлъ вокругъ себя никакой распущенности. Единственной страстью его была охота. Могучая натура короля развертывалась во всю свою ширь, когда съ англійскими, тосканскими или венгерскими гончими онъ мчался по вѣковымъ

*) Ватик. Арх. *Polonia*, XVII, *Cifra di Caligari*, 1 января 1580 года.—Polcowsci 16, n° 113.

Гродненскимъ лѣсамъ, преслѣдуя кабана или козу. Отъ внутреннихъ смутъ королевства Баторій уходилъ въ шумъ битвъ или опьяненіе погони за звѣремъ. При такихъ условіяхъ ему легче было примириться съ отсутствіемъ семейнаго очага. Бывшій трансильванскій воевода отличался глубокой религіозностью; онъ высоко цѣнилъ науки и литературу. Наконецъ, его окружали друзья, дѣлившіе его вкусы и увлеченные тѣми же воинственными планами, что и онъ самъ.

Итакъ, любовныя страсти остались совершенно чужды Баторію. Однако, тѣмъ сильнѣе разгоралось въ немъ стремленіе къ славѣ. Этого мало. Повидимому, коронованнаго воителя чрезвычайно заботила мысль о созданіи своей династіи. Конечно, онъ самъ былъ выборнымъ государемъ Рѣчи Посполитой. Тѣмъ не менѣе, Баторій надѣялся воинскими подвигами закрѣпить за своимъ потомствомъ наслѣдственныя права на польскій престолъ. Правда, принцесса Анна соединяла его съ историческимъ домомъ Ягайло. Однако, ея возрастъ не позволялъ королю ожидать наслѣдника. Въ виду этого, въ кругу приближенныхъ Баторія стали поговаривать о необходимости развода. Пусть созовутъ помѣстный соборъ духовенства; пусть напомнятъ ему о бѣдствіяхъ двухъ послѣднихъ междуцарствій; пусть представятъ, что ожидаетъ Польшу, въ случаѣ новой борьбы за престолъ. При такихъ условіяхъ, самые горячіе сторонники Анны Ягеллонъ, быть можетъ, согласятся принести ее въ жертву во имя блага родины. Нунцій однимъ изъ первыхъ узналъ объ этихъ тайныхъ замыслахъ.

Въ качествѣ представителя св. Престола онъ не могъ забыть о своемъ долгѣ. Нужно было, во что бы то ни стало, предупредить посягательства на священныя узы брака. Въ случаѣ нужды, Калигари готовъ былъ открыто заявить, что Римъ не допуститъ подобнаго соблазна. Обнаруженная нунціемъ твердость вызывала крайне раздраженіе съ двухъ сторонъ: имъ недовольны были какъ

угодливые придворные, такъ и ярые патріоты. Положеніе Калигари сдѣлалось въ высшей степени труднымъ. Стараясь оправдать себя, нунцій изливается въ жалобахъ на истинныхъ виновниковъ происходящей смуты. Онъ осуждаетъ двухъ епископовъ въ слабостяхъ, недостойныхъ ихъ сана; онъ сѣтуетъ на самого короля, который слишкомъ озабоченъ мыслью о наслѣдникѣ престола; но больше всего винитъ онъ Замойскаго, котораго изображаетъ въ своей перепискѣ самыми мрачными красками. Любопытно, что всего три мѣсяца до того, канцлеръ характеризовался, какъ примѣрный супругъ, «совершенствующійся съ каждымъ днемъ въ истинномъ благочестіи и добродѣтели». Теперь онъ оказывается только честолюбивымъ политиканомъ, человѣкомъ нерѣшительнымъ и своекорыстнымъ... Онъ одинъ отвѣтственъ за тѣ несчастія, которыя вызваны будутъ его совѣтами... Въ заключеніе, Калигари дѣлаетъ признаніе, глубоко прискорбное для всякаго дипломата. По его словамъ, онъ — въ немилости у польскаго двора. Причиной этого является то, что онъ узналъ о намѣреніяхъ короля касательно развода и отказался содѣйствовать этому замыслу *).

Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что всѣ эти обстоятельства имѣли прямое вліяніе на сношенія съ Москвою. Очевидно, Баторій, вообще, не желалъ папской миссіи къ Ивану. Онъ не только не хотѣлъ мира, но, напротивъ, рѣшилъ продолжить войну, пока у него имѣются войска и денежныя средства. Тѣмъ не менѣе, личныя отношенія нунція, естественно, создавали ему всяческія помѣхи и проволочки. Правда, Сеймъ отвергъ предложеніе о разводѣ короля; съ тѣхъ поръ этотъ планъ окончательно канулъ въ воду. Однако, въ рукахъ короля, по прежнему, были крупныя субсидіи; нація была охвачена воинственнымъ воодушевленіемъ. Это позволяло Баторію

*) Ватик. Арх. *Polonia*, XXVII, 41, 43, 51. Theiner, *Annales*, III, 661 n° 5.

дѣйствовать рѣшительнѣе, не считаясь, какъ раньше, съ Калигари. Вотъ почему, между прочимъ, и не состоялось обѣщанное свиданіе папскаго нунція съ Шереметевымъ: московскій плѣнникъ такъ и уѣхалъ изъ Варшавы, ничего не зная о намѣреніяхъ папы. Впрочемъ, по слухамъ, Шереметевъ отличался величайшимъ упорствомъ въ области своихъ религіозныхъ взглядовъ и предразсудковъ; быть можетъ, переговоры съ нимъ не дали бы никакихъ положительныхъ результатовъ. Во всякомъ случаѣ кое-кто изъ преданныхъ друзей далъ понять нунцію, что дворъ относится крайне неодобрительно къ его стараніямъ примирить враждующія стороны въ то время, когда онѣ рѣшаютъ свой споръ оружіемъ. По мнѣнію этихъ доброжелателей, лучше всего было бы отказаться отъ этой мысли, по крайней мѣрѣ въ данный моментъ. Двѣ недѣли спустя, 18 февраля 1580 года, Калигари формально заявляетъ своему кардиналу, что онъ вынужденъ прекратить сношенія съ Москвою. Дѣло въ томъ, что король и канцлеръ относятся къ нимъ весьма подозрительно. Впрочемъ, Калигари обѣщаетъ, ограничиваясь пока ролью наблюдателя, опять приняться за дѣло, когда наступитъ благопріятный моментъ *).

Нунцій сдержалъ свое слово. Несмотря на щедрость Сейма, Баторію постоянно приходилось бороться съ финансовыми затрудненіями. Продолжительныя кампаніи въ зимнее время смущали самыхъ ревностныхъ воякъ. Люди, наблюдавшіе непосредственно всѣ перипетіи русско-польскаго конфликта, порою улавливали кое-какіе зловѣщіе симптомы. Уже въ маѣ нѣкоторые пессимисты предсказывали «безславный миръ съ Москвою»... Калигари уже ждалъ возмездія, которое должно было обрушиться на голову короля, столь часто отклонявшаго посредничество папы и ставившаго препятствія римской мис-

*) Ватик. Арх. *Polonia*, XXVII, 70; ср. 52, 215, 239, 457.—Heidenstein, *De bello moscovi tico*, 57.

сіи къ Ивану. Вотъ почему онъ поспѣшилъ написать королю и напомнить ему черезъ третьихъ лицъ, что, при участіи Куріи, можно будетъ добиться болѣе достойнаго и даже болѣе выгоднаго для Польши мира. Но, конечно, прежде всего, онъ совѣтовалъ государю не гнѣвить больше Бога и возложить на Него свои упованія.

Три мѣсяца спустя, передъ нунціемъ забрезжила новая надежда. Между Польшей и Швеціей произошло неожиданное сближеніе. Возникъ вопросъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ общаго врага, т. е. Ивана IV. Калигари былъ посвященъ въ тайну этихъ дипломатическихъ переговоровъ. Онъ выразилъ готовность содѣйствовать заключенію Польско-Шведскаго союза. Заявляя объ этомъ, онъ съ нарочитой небрежностью, какъ бы мимоходомъ, замѣчаетъ, что по окончаніи войны можно будетъ попробовать почву и съ другой стороны; если шведскій король окажется болѣе уступчивымъ, нежели Баторій, папская грамота будетъ отправлена въ Москву черезъ Стокгольмъ.

Однако, событія опередили нунція. Такимъ образомъ, планы его не получили осуществленія. Посредничество Рима неизмѣнно отклонялось подъ всевозможными предлогами. Грандіозный замыселъ Григорія XIII встрѣчалъ на своемъ пути всяческія помѣхи. Намѣченный Римомъ предводитель крестоноснаго ополченія увлеченъ былъ борьбою съ государемъ христіанской державы. При такихъ условіяхъ, объединеніе всѣхъ противниковъ Ислама подъ знаменемъ Креста оказывалось невозможнымъ. Отдавая должное благороднымъ стремленіямъ папы, мы, однако, не должны упрекать и Баторія въ нежеланіи отозваться на голосъ римскаго первосвященника. Проникнутый враждою къ русскимъ и вѣрою въ свою счастливую звѣзду, покрытый лаврами прежнихъ побѣдъ и стремясь выполнить данныя націи обѣты,—наконецъ, затронутый въ своей чести царемъ, именовавшимъ польскаго короля не братомъ своимъ, а сосѣдомъ,—завоеватель Полоцка не хотѣлъ поступаться

преимуществами, которыя добыты были его сокрушительнымъ мечомъ.

Ближайшее будущее доказало справедливость всѣхъ опасеній Баторія. Оно же открыло для Рима самое широкое поле дѣятельности. Пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ,—и уже не Григорій XIII будетъ убѣждать польскаго короля сложить оружіе. Самъ царь православной державы въ лицѣ своего посольства вынужденъ будетъ стучаться въ двери Ватикана. Въ тѣ дни уже Грозному понадобится посредничество Рима для заключенія мира съ Баторіемъ.